

ARCHAEOLOGICA VARIA

Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль

**БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ
АДЖИНА-ТЕПА
(ТАДЖИКИСТАН)**

РАСКОПКИ. АРХИТЕКТУРА. ИСКУССТВО

Санкт-Петербург
2010

Серия
«ARCHAEOLOGICA VARIA»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург), Л. Б. Вишняцкий (Санкт-Петербург), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург), Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург), Т. К. Мкртычев (Москва), В. П. Никоноров (Санкт-Петербург), Ю. Ю. Пиотровский (Санкт-Петербург), Э. В. Ртвеладзе (Ташкент), А. В. Симоненко (Киев), Ю. С. Худяков (Новосибирск)

Editorial Board:

Sergej I. Bogdanov (St. Petersburg), Vladimir A. Goroncharovsky (St. Petersburg), Boris V. Erokhin (St. Petersburg), Yulij S. Khudjakov (Novosibirsk), Tigran K. Mkrtichev (Moscow), Valery P. Nikonorov (St. Petersburg), Yuriy Yu. Piotrovsky (St. Petersburg), Edvard V. Rtveladze (Tashkent), Aleksandr V. Simonenko (Kiev), Yuriy A. Vinogradov (St. Petersburg), Leonid B. Vishnyatsky (St. Petersburg)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

STATE HERMITAGE

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF PHILOLOGY

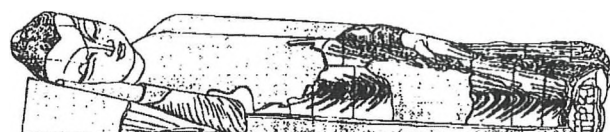
**THE BUDDHIST MONASTERY
OF AJINA-TERA (TAJIKISTAN)
Excavations. Architecture. Art**

by

Boris A. Litvinsky and Tamara I. Zeimal'

3rd, revised and supplemented, edition

Edited by Tigran K. Mkrtychev

Nestor-Historia
St. Petersburg
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

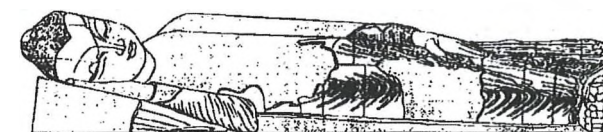
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль

**БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ
АДЖИНА-ТЕПА (ТАДЖИКИСТАН)
Раскопки. Архитектура. Искусство**

3-е издание,
исправленное и дополненное

Под редакцией Т. К. Мкртычева

Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(0)31
Л64

- Л64 Литвинский, Б. А., Зеймаль, Т. И.
Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан): Раскопки. Архитектура. Искусство / Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль; под ред. Т. К. Мкртычева. 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 320 с.: ил. — (Archaeologica Varia). ISBN 978-5-98187-690-5

Это третье издание (и второе на русском языке) материалов раскопок Аджина-тепа — буддийского монастыря VII — начала VIII в. н. э., развалины которого находятся на юге Таджикистана (древней Бактрии/Тохаристана). По сравнению с первым русским изданием (1971), в котором были учтены результаты работ на этом важном архитектурном памятнике в 1960–1966 гг., эта книга, как и ее второе, итальянское издание (на английском языке, 2004), включает в себя данные, полученные в ходе исследований в 1967–1975 гг. Специальная глава монографии посвящена истории буддизма в Средней Азии.

Книга рассчитана как на специалистов в области археологии Средней и Центральной Азии, так и на всех тех, кто интересуется материальной и духовной культурой древнего Среднего Востока.

ББК 63.3(0)31

- Litvinsky, B. A., Zeimal', T. I.
The Buddhist Monastery of Ajina-Tepa (Tajikistan): Excavations. Architecture. Art / B. A. Litvinsky, T. I. Zeimal'; ed. by Tigran K. Mkrtichev. 3rd ed., rev. and suppl. — St. Petersburg: Nestor-Historia, 2010. — 320 p.: ill. — (Archaeologica Varia). ISBN 978-5-98187-690-5

This is the third edition (and the second one in Russian) of the materials excavated at Ajina-Tepa, the Buddhist monastery that existed in the 7th — early 8th centuries A.D. in the south of Tajikistan (ancient Bactria/Tokharistan). In comparison with the first Russian edition (1971), which comprised the results of works at this important religious site in 1960–1966, the present book includes, like its second, Italian, edition (in English, 2004), the data obtained in the course of investigations there in 1967–1975. A special chapter is devoted to the history of Buddhism in western Central Asia.

The book is addressed both to experts in the field of Central Asian archaeology and to all those who are interested in material and spiritual culture of the ancient Middle East.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-161120)*

ISBN 978-5-98187-690-5

© Б. А. Литвинский, 2010
© Т. И. Зеймаль, 2010
© Т. К. Мкртычев (предисловие и научная редакция), 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010
© Издательство «Нестор-История», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Борис Анатольевич Литвинский и Тамара Ивановна Зеймаль хорошо известны в отечественной и зарубежной археологии. История их совместного научного творчества началась в 1959 г., когда во время археологического изучения Вахшской долины неподалеку от города Курган-Тюбе был открыт небольшой продолговатый холм, известный у местного населения под названием Аджина-тепа. В 1960 г. на памятнике был заложен шурф, а с 1961 г. археологи приступили к его планомерному изучению (руководитель раскопок Б. А. Литвинский, заместитель — Т. И. Зеймаль). В результате работ был открыт крупный буддийский монастырь, существовавший в VII–VIII вв. н. э.

В 1971 г. Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль выпустили книгу «Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура», в которую вошли материалы раскопок 1961–1966 гг. Между тем изучение памятника было продолжено, и в 1975 г. он был практически полностью раскопан. Некоторые материалы, которые были получены в период с 1966 по 1975 г. (в частности, общий план памятника), были опубликованы авторами в различных изданиях¹. Однако очевидно, что полностью раскопанные памятники такого класса, как Аджина-тепа, не столь частое явление в Средней Азии. Для введения в научный оборот всего полученного материала соавторы подготовили монографию, которая была написана в конце 1980-х гг. Тем не менее ни одно отечественное издательство не взяло на себя расходы по ее публикации. На помощь пришли наши итальянские коллеги. После долгих лет подготовки Итальянский институт Африки и Востока опубликовал на английском языке монографию Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль². К сожалению, итальянское издание было недостаточно доступно для отечественных исследователей. В этой связи авторы неоднократно выражали желание опубликовать свою книгу в России. И вот теперь обновленный вариант монографии «Аджина-тепа» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда выходит наконец на русском языке, выполняя таким образом волю ее авторов.

Я прекрасно понимаю, насколько трудно и ответственно предварять такие публикации, реализованные двумя классиками археологии³. Нет смысла пересказывать текст, — читатели сами смогут с ним ознакомиться. Вместе с тем в своем предисловии я хотел бы обратить внимание на некоторые аспекты исследования Бориса Анатольевича и Тамары Ивановны, которые, на мой взгляд, имеют принципиальное значение как для понимания положения буддизма в раннесредневековом Тохаристане, так и для изучения истории искусства Средней Азии. Как и большинство

¹ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики stūpa в Средней Азии и Индии // Древняя Индия: историко-культурные связи. М., 1982. С. 164–186.

² Litvinskij B. A., Zeimal' T. I. The Buddhist Monastery of Ajina Tepa, Tajikistan: History and Art of Buddhism in Central Asia. Rome, 2004.

³ Достаточно напомнить, что в итальянском издании имеются два предисловия — одно написано Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном, второе — президентом Итальянского института Африки и Востока Герардо Ньюли.

работ, в которых принимал участие Борис Анатольевич, в данной монографии рассматривается не только сам объект исследования, но и вся научная проблема, связанная с ним. То есть эта книга не только о буддийском памятнике раннесредневекового времени в Тохаристане, но и в целом об истории буддизма в Средней Азии. Однако надо заметить, что книга была написана более двадцати лет назад. За годы, прошедшие с того времени, появились новые материалы, были опубликованы новые работы по истории буддизма в Средней Азии. При подготовке к итальянскому изданию Б. А. Литвинский постарался это учесть и внес некоторые дополнения, в основном в библиографию по гл. IV. Однако авторам не суждено было принять участие в подготовке нынешнего русского издания. Поэтому в предисловии я считаю нужным внести некоторые дополнения в ту картину, которую реконструировал Борис Анатольевич относительно процесса распространения и существования буддизма в Средней Азии. Кроме того, по ряду вопросов у меня есть своя точка зрения и мне кажется уместным, не вторгаясь в авторский текст, вынести эти дискуссионные вопросы в предисловие.

Начну с общих положений, которые, кажется, уже известны всем. Буддизм как религиозное учение и как культурное явление сыграл важную роль в истории Средней Азии. Богатая письменная традиция учения; детально регламентированная монастырская организация, составной частью которой было хорошо поставленное обучение; культовая архитектура с установленными типами сооружений и институтом архитекторов; яркое конфессиональное искусство с канонической иконографией — все это делало буддизм значимым явлением в истории Средней Азии на протяжении почти тысячи лет с рубежа нашей эры по X в. н. э.

Одна из сторон специфики изучения истории буддизма в Средней Азии заключается в том, что основными источниками по данной проблеме являются памятники археологии. Уже во время первых археологических экспедиций в Среднюю Азию здесь были выявлены буддийские памятники. Так, А. С. Стрелков, участник Термезской экспедиции Государственного музея Востока, проводивший изучение городища Старый Термез в 1926–1928 гг., интерпретировал несколько холмов как остатки буддийских сооружений (ступа — «башня Зурмала», пещерный монастырь на холме Кара-тепа). Кроме того, на городище им была собрана коллекция фрагментов каменной буддийской скульптуры⁴.

На сегодняшний день в результате археологических работ и случайных находок на территории Средней Азии⁵ открыто около 30 объектов, которые в научной литературе принято относить к буддизму⁶. Раскопанные памятники представляют различные категории буддийских сооружений (ступы, монастыри, храмы) и датируются в широком хронологическом диапазоне — с I по X в. н. э. Кроме того, было сделано значительное количество одиночных находок, связанных с буддизмом, которые не имеют археологического контекста.

Существует обширная литература по различным вопросам среднеазиатского буддизма. Она включает в себя как публикации отдельных вещей или памятников, так и обобщающие работы, посвященные определенным категориям буддийских

⁴ Стрелков А. С. Зурмала или Катта-Тюпе около Термеза // Культура Востока: сборник Музея восточных культур. Вып. 1. М., 1927. С. 27–30; *он же*. Доисламские памятники древнего Термеза // *там же*. Вып. 2. М., 1928. С. 41–47.

⁵ Следует оговориться, что, как правило, речь идет о территории бывших советских республик Средней Азии — Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, отчасти Казахстана.

⁶ Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М., 1998. С. 13–22. Рис. 1. С моей точки зрения, некоторые из отмеченных памятников не имеют отношения к буддизму.

памятников, процессу распространения буддизма в Среднюю Азию⁷. Несмотря на сложности с финансированием археологических раскопок, изучение буддийских памятников Средней Азии продолжается⁸. Выходят новые публикации. Значительно увеличивающийся объем материала по истории буддизма в Средней Азии позволяет не только решать спорные вопросы, но и, что немаловажно для дальнейшего развития науки, ставить новые.

Многолетние археологические исследования показали, что наибольшая концентрация буддийских памятников в Средней Азии приходится на Бактрию-Тохаристан — историко-культурный регион, который в настоящее время занимает территорию юга Узбекистана, большей части Таджикистана и севера Афганистана.

Представляемая читателю монография посвящена раскопкам ключевого буддийского памятника раннего средневековья в этом регионе — монастырю Аджина-тепа.

По многочисленным монетным находкам удалось установить, что памятник был сооружен примерно в середине VII в. и окончательно покинут в середине VIII в. На основании стратиграфии исследователи выделили следующие периоды существования памятника: а) период сооружения; б) первый период (когда комплекс функционировал как буддийский монастырь); в) период запустения; г) второй период (вторичное обживание). В это время заброшенные помещения монастыря, которые еще сохраняли свои перекрытия, использовались ремесленниками для различных производственных целей.

В так называемый первый период — период функционирования в качестве буддийского монастыря — памятник довольно интенсивно обжился. В разных частях сооружения зафиксированы следы ремонтных работ (обмазки ганчем, покраски, закладки проходов и пр.), однако синхронизировать их между собой не представляется возможным.

Культовая специфика памятника объясняет незначительный объем находок, большая часть которых концентрировалась в монастырской части сооружения. Это касается и самого массового археологического материала среднеазиатских памятников — керамики.

К сожалению, в настоящем издании нет анализа керамического комплекса, полученного на памятнике. В описании кратко сказано, что к первому периоду существования памятника относятся в основном чирог (светильники) и небольшое количество столовой посуды хорошего качества (фрагменты тонкостенных чаш с красным ангобом, кувшинов с яйцевидным туловом). Керамика второго периода, времени вторичного обживания заброшенного монастыря, представлена фрагментами толстостенных горшков, крышек, жаровен, крупных чаш.

Авторы подробно рассматривают строительные материалы, конструкции и архитектурное решение памятника. К выводам их исследования можно добавить, что анализ планировки Аджина-тепа дает основание считать, что она представляет собой развитие типичной планировки наземных буддийских монастырей Бактрии кушанского времени. Это наглядно видно на примере планировки недавно открытого наземного монастыря на северной вершине Кара-тепа, где композиционным ядром является двор с обводным коридором и кельями по периметру. В планировке

⁷ Назовем только основные работы последних лет: Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии...; Rhie M. Early Buddhist Art of China and Central Asia. Vol. 1. Leiden; Boston; Köln, 1999 (HdO. Abt. IV. Bd. 12); Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.

⁸ Пидаяев Ш. Р., Като К. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 4 (2003). Ташкент, 2004. С. 147–158.

Аджина-тепа это композиционное ядро удваивается; проходы из обводного коридора внутрь дворов делаются симметричными — они расположены в центре каждой стороны. В результате этого дворы приобретают планировку четырехайванной композиции. Это дало Б. А. Литвинскому основание принять участие в многолетней дискуссии относительно генезиса планировки мусульманских медресе и высказать мнение, что именно буддийские монастыри Тохаристана послужили для них прототипом.

Что касается храмовой части, то здесь в центре двора размещается ступа с крестообразной планировкой, которая характерна для ступ раннего средневековья⁹.

Как большинство буддийских памятников Средней Азии, Аджина-тепа был украшен скульптурой и настенной живописью. Следует отметить, что до сих пор в Средней Азии не выявлено ни одного буддийского сооружения, в котором можно было бы реконструировать изобразительную программу. И в нашем случае, несмотря на то, что Аджина-тепа был полностью раскопан, настенная живопись и скульптура сохранились фрагментарно.

Большое внимание в монографии уделено технико-технологическим характеристикам аджинатепинской *глино-ганчевой скульптуры*. Традиция изготовления глино-ганчевой скульптуры Средней Азии в общих чертах сформировалась в греко-бактрийское время¹⁰ и сохранилась здесь вплоть до установления ислама (в VIII—IX вв.). Обычно при изготовлении глино-ганчевой скульптуры применялся каркас (дерево, камыш и пр.), на котором послойно создавалась глиняная основа. Поверх нее наносился ганчевый слой, и уже на ганчевом слое производились моделировка и раскраска.

По наблюдениям Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль, скульптура Аджина-тепа имеет свои характерные особенности. Так, на фрагментах торсов монументальных фигур каркас не зафиксирован. Авторы объясняют это расположением скульптуры — она была пристенной. Остовом для подобных фигур служила кладка из горизонтальных рядов кирпича, которая примыкала к стене помещения или ниши. Моделирование монументальной скульптуры, в том числе и лицевых частей, производилось вручную, за исключением завитков волос, которые формовались в штампах, а затем крепились на голове. Что касается скульптуры меньшего масштаба (в частности, в натуральную величину), то недостаток данных заставляет Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль говорить о ее технологии осторожно: имеется только один торс, остов которого также составляла кирпичная кладка, между тем как лица у подобных скульптур делались при помощи матриц и затем подправлялись деревянной стеклой. Наряду с пристенной трехчетвертной скульптурой в декоре Аджина-тепа существовали рельефные изображения. Как известно, скульптура того времени была вся раскрашена. На Аджина-тепа скульптуры Будды расписывались следующим образом: лицо, ступни ног окрашивались белым цветом; волосы — черным или синим; детали лица прописывались красной, синей и черной красками.

Очевидно, что первоначальное скульптурное оформление памятника было выполнено профессиональными скульпторами.

⁹ По наблюдениям Ш. Кувамы, перестройка ступы в Шах-джи-ки Дхери, в результате которой она приобрела крестообразную планировку, произошла между 560 и 630 гг. См.: Kuwayama S. The Main Stupa of Shah-ji-ki Dheri: A Chronological Outlook. Kyoto, 1997. P. 61.

¹⁰ Одна из последних публикаций, в которой подробно рассматривается технология изготовления глино-ганчевой скульптуры в греко-бактрийское время на примере материалов Тахти-Сангина, см.: Новикова Л. П. Техника и технология изготовления глиняной скульптуры в Средней Азии (на материалах Тахти-Сангина) // Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. М., 2010. С. 504—520.

На протяжении более чем столетнего существования монастыря скульптурный декор ремонтировался и подновлялся. Авторы отмечают, что ремонтные работы проводились менее профессиональными мастерами: расписные узоры на постаментах производились одноцветной краской; четвертькупольные ниши на постаментах закладывались и т. п. Кроме того, в изобразительную программу памятника вносились определенные коррективы. Самым значительным изменением в скульптурном декоре монастыря было сооружение в коридоре XXII/XXIII двенадцатиметровой статуи Будды в нирване. Скульптура была сделана на одном из последних этапов функционирования комплекса, но, судя по всему, еще не на последнем, так как она успела также подвергнуться ремонту. В этой связи можно предположить, что создание скульптуры Будды в нирване может быть датировано концом VII в. Вполне возможно, что с появлением Будды в нирване синхронизируется и новый скульптурный декор в святилище (пом. XXVI). По мнению авторов монографии, эта поздняя скульптура была не только хуже по качеству, но и отличалась стилистически.

Анализ иконографии скульптуры, полученной на памятнике, значительно затруднен из-за сильной фрагментированности дошедших до нас образов. Несмотря на это, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль в качестве аналогий обращаются к нескольким изобразительным традициям: по их мнению, в ряде случаев наблюдается интересное сочетание гандхарской и гуптской традиций. Конечно, нельзя не согласиться с тем, что значительная часть буддийской иконографии была заложена в кушанское время и, соответственно, тесным образом связана с искусством Гандхары. Однако периодизация последнего, которую предлагал Г. Ингхольт и на основании которой приводятся аналогии аджинатепинской скульптуре, давно подвергается справедливой критике¹¹. Учитывая, что среди материалов Аджина-тепа нет ни одной целой фигуры, акцентирование влияния гуптского искусства также представляется весьма проблематичным¹². Вместе с тем Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль совершенно справедливо ближайšie аналогии аджинатепинской скульптуре видят в скульптуре раннесредневекового Фундукистана, что особенно хорошо проявляется в торсах деватов с Аджина-тепа¹³.

Наиболее ярким примером, показывающим место аджинатепинской скульптуры в ряду раннесредневековых памятников буддизма, является гигантская статуя Будды в нирване. Вероятно, тенденция к увеличению размеров изображений Будды, которая начинает формироваться в буддийском искусстве в посткушанское время (IV—V вв.), получает свое воплощение в целом ряде буддийских памятников раннего средневековья. Авторы приводят множество аналогий подобным статуям, из которых, судя по двум примерам: Будда в нирване на Тепа-Сардаре (Газни, Афганистан)¹⁴ и Будда в нирване на Краснореченском храме (Семиречье)¹⁵, становится понятно, что данный образ являлся неким обязательным элементом

¹¹ Критика периодизации Г. Ингхольта была высказана еще А. Х. Дани, см.: Dani A. H. Gandharan Art in Pakistan. Peshawar, 1968. P. 19—20.

¹² Разница между гандхарскими образами Будды кушанского времени и образами Будды гуптского времени отчетливо проявляется в пропорциях тела, «индианизированности» лиц гуптского времени и характерном изображении складок одеяния.

¹³ Rowland B. The Art and Architecture of India: Buddhist, Hindu, Jain. Baltimore, 1967. P. 108—109.

¹⁴ Taddei M. The Bejewelled Buddha and Mahisasuramardini: Religion and Political Ideology in Pre-Muslim Afghanistan // South Asian Archaeology, 1989: Papers from the Tenth International Conference of South Asian Archaeologists in Western Europe. Madison, 1992. P. 58—59. Fig. 1.

¹⁵ Горячева В. Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек, 2010. С. 110—112. Стоит отметить, что краснореченская статуя Будды в нирване также подвергалась ремонту.

оформления буддийских памятников конца VII — начала VIII в. на обширной территории.

Стоит обратить внимание на торс светского персонажа — «тохаристанца», который входил в первоначальное оформление памятника и во время смены декора на одном из этапов был замурован в стену коридора XXVIII. Его костюм, в котором легко угадываются тохаристанские реалии раннего средневековья, наглядно указывает на местное происхождение скульпторов, оформлявших памятник.

Помимо скульптуры Аджина-тепа украшала *настенная живопись*. В некоторых местах она сохранилась на стенах *in situ*; в большинстве случаев была извлечена из завалов. Суммируя полученные данные, авторы реконструируют технико-технологические особенности настенной живописи Аджина-тепа и сравнивают их как с синхронными произведениями буддийской живописи региона (Калаи-Кафирниган), так и с более ранними образцами (Халчаян, Фаяз-тепа, Дильберджин). Среди приведенного сравнительного материала большой интерес представляют наблюдения Б. А. Литвинского о технологии живописи Какрака, сделанные им во время работы в Кабульском музее.

Одной из особенностей живописи Аджина-тепа было полное отсутствие попыток передать объем при помощи света и тени. Несколько упрощенно, но очень верно авторы определили настенную живопись монастыря как «раскрашенный рисунок». Рассмотрев весь объем росписей, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль полагают, что в живописном оформлении принимали участие несколько художников, придерживавшихся одних методов письма, но сохранявших свою индивидуальность.

Несмотря на фрагментарность живописных изображений, Б. А. Литвинскому и Т. Е. Зеймаль удалось интерпретировать несколько сцен, в частности фрагмент, на котором запечатлены ряды сидящих Будд, украшавших свод коридора. По мнению авторов, это изображение воспроизводит эпизод появления в небе тысячи Будд во время чтения Лотосовой сутры, что в целом отражает и распространенное тождество свода и неба. Подобное решение при оформлении сводов коридоров (изображение рядов Будд в несколько ярусов, заполняющее всю поверхность свода) становится одним из наиболее распространенных в декоре буддийских сооружений Восточного Туркестана, в частности Сенгима и Безеклика. Однако, в отличие от памятников Восточного Туркестана, которые были изучены в основном лишь визуально, Аджина-тепа был раскопан и имеет точную датировку.

Кроме того, авторы совершенно справедливо выделили фрагмент с изображением «дароносцев» как свидетельство обращения художников к окружающим историческим реалиям.

Наряду с сюжетной живописью в оформлении Аджина-тепа присутствует и орнаментальная живопись, которую авторы разделили на две группы. Первая включает виды орнамента, в основе которых лежало ритмичное повторение определенного изображения. Он мог быть и геометрическим, и растительным и комбинировать эти два вида. Как правило, такой орнамент служил для росписи больших площадей и отбивки бордюров. Вторая группа включает в себя изобразительный орнамент, входивший в сюжетную картину в виде фона или декоративных элементов. На мой взгляд, для подробного описания орнаментов Аджина-тепа не хватает небольшой таблицы, в которой они все были бы наглядно представлены.

Необходимо отметить один момент в орнаментальной живописи Аджина-тепа, который остался вне поля зрения исследователей. Речь идет о розетке (фр-т I/p-5), на фоне которой сидит донатор. Она воспроизводит половину типичной китайской розетки времени правления династии Тан. Таким образом, мы можем говорить

о художественных связях раннесредневекового Тохаристана не только с Центральным Афганистаном и Индией, но и с Китаем.

Очень важной для понимания специфики истории буддийской общины монастыря Аджина-тепа представляется следующая характеристика настенной живописи, на которую Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль обратили внимание. Речь идет о том, что с момента строительства, когда было выполнено живописное оформление памятника, проводившиеся ремонты, как правило, сопровождались поновлением настенной живописи. Практически все эти работы велись по пути упрощения — закрашивания живописных участков краской одного цвета и т. п.

Несмотря на то что на памятнике зафиксированы следы нескольких ремонтов, живописные работы, связанные с созданием новой настенной живописи, отмечены только в помещении I (святилище). Причем они характеризуются более низким профессиональным исполнением. Таким образом, очевидно, что на определенном этапе существования монастыря (когда потребовалось провести очередной ремонт) община не смогла найти средства для привлечения художников, которые профессионально выполнили бы поновление настенной живописи.

Такой подробный анализ аджинатепинской скульптуры и живописи в купе с большим количеством не менее значимых памятников искусства региона — Балалык-тепа, Калаи-Кафирниган и других в очередной раз подводит нас к необходимости написания обобщающей работы по искусству раннесредневекового Тохаристана. В ней следовало бы не только перечислить известные памятники, но и четко обозначить все влияния и тенденции развития художественной культуры этого региона.

Помимо материалов памятника монография включает в себя главу (IV), в которой содержится наиболее полный свод данных как об основных археологических буддийских памятниках Средней Азии, так и о письменных источниках, так или иначе касающихся среднеазиатского буддизма. Надо отметить, что Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль много сделали для освещения этой темы¹⁶.

Изучение истории буддизма в Средней Азии начинается с блока вопросов, связанных с датировкой начала распространения буддийского учения и особенностями этого процесса. Исследователи этой проблематики единодушны в том, что первым среднеазиатским регионом, куда проник буддизм, была Бактрия.

Исключая крайние мнения, согласно которым буддийские миссионеры могли достичь Бактрии еще во времена Ашоки¹⁷, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль приводят ряд свидетельств о присутствии буддизма в Восточном Иране уже в первые века до н. э. Однако самые ранние памятники буддизма в Бактрии, которыми мы пока располагаем, относятся к I в. н. э.¹⁸ Археологические данные свидетельствуют о том, что в кушанское время произошел расцвет буддизма в Бактрии. Буддийская

¹⁶ По существу Б. А. Литвинский был первым, кто собрал и сопоставил письменные источники по истории буддизма Средней Азии с археологическими данными этого региона. См.: Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968; *он же*. Распространение буддизма в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. С. 191–199; Литвинский Б. А. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия — диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 154–193; *он же*. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // Московское востоковедение. М., 1997. С. 55–77; Litvinski B. A. Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkestan. Wiesbaden, 1997. Подробный перечень работ автора по буддизму и буддийской культуре см.: Лейви Д. С., Мейтарчян М. Б. Библиография печатных работ Б. А. Литвинского // Древние цивилизации Евразии: история и культура. М., 2001. С. 8–44.

¹⁷ Bagchi Pr. Ch. India and Central Asia. Calcutta, 1955. P. 32.

¹⁸ Речь идет о находках монет «Сотера Мегаса» на ранних полах ряда буддийских сооружений Бактрии. См.: Мкртычев Т. К. Еще раз об особенностях буддизма в Бактрии // Transoxiana. Ташкент, 2004. С. 292.

оформления буддийских памятников конца VII — начала VIII в. на обширной территории.

Стоит обратить внимание на торс светского персонажа — «тохаристанца», который входил в первоначальное оформление памятника и во время смены декора на одном из этапов был замурован в стену коридора XXVIII. Его костюм, в котором легко угадываются тохаристанские реалии раннего средневековья, наглядно указывает на местное происхождение скульпторов, оформлявших памятник.

Помимо скульптуры Аджина-тепа украшала *настенная живопись*. В некоторых местах она сохранилась на стенах *in situ*; в большинстве случаев была извлечена из завалов. Суммируя полученные данные, авторы реконструируют технико-технологические особенности настенной живописи Аджина-тепа и сравнивают их как с синхронными произведениями буддийской живописи региона (Калаи-Кафирниган), так и с более ранними образцами (Халчаян, Фаяз-тепа, Дильберджин). Среди приведенного сравнительного материала большой интерес представляют наблюдения Б. А. Литвинского о технологии живописи Какрака, сделанные им во время работы в Кабульском музее.

Одной из особенностей живописи Аджина-тепа было полное отсутствие попыток передать объем при помощи света и тени. Несколько упрощенно, но очень верно авторы определили настенную живопись монастыря как «раскрашенный рисунок». Рассмотрев весь объем росписей, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль полагают, что в живописном оформлении принимали участие несколько художников, придерживавшихся одних методов письма, но сохранявших свою индивидуальность.

Несмотря на фрагментарность живописных изображений, Б. А. Литвинскому и Т. Е. Зеймаль удалось интерпретировать несколько сцен, в частности фрагмент, на котором запечатлены ряды сидящих Будд, украшавших свод коридора. По мнению авторов, это изображение воспроизводит эпизод появления в небе тысячи Будд во время чтения Лотосовой сутры, что в целом отражает и распространенное тождество свода и неба. Подобное решение при оформлении сводов коридоров (изображение рядов Будд в несколько ярусов, заполняющее всю поверхность свода) становится одним из наиболее распространенных в декоре буддийских сооружений Восточного Туркестана, в частности Сэнгима и Безеклика. Однако, в отличие от памятников Восточного Туркестана, которые были изучены в основном лишь визуально, Аджина-тепа был раскопан и имеет точную датировку.

Кроме того, авторы совершенно справедливо выделили фрагмент с изображением «дароносцев» как свидетельство обращения художников к окружающим историческим реалиям.

Наряду с сюжетной живописью в оформлении Аджина-тепа присутствует и орнаментальная живопись, которую авторы разделили на две группы. Первая включает виды орнамента, в основе которых лежало ритмичное повторение определенного изображения. Он мог быть и геометрическим, и растительным и комбинировать эти два вида. Как правило, такой орнамент служил для росписи больших площадей и отбивки бордюров. Вторая группа включает в себя изобразительный орнамент, входивший в сюжетную картину в виде фона или декоративных элементов. На мой взгляд, для подробного описания орнаментов Аджина-тепа недостает небольшой таблицы, в которой они все были бы наглядно представлены.

Необходимо отметить один момент в орнаментальной живописи Аджина-тепа, который остался вне поля зрения исследователей. Речь идет о розетке (фр-т I/p-5), на фоне которой сидит донатор. Она воспроизводит половину типичной китайской розетки времени правления династии Тан. Таким образом, мы можем говорить

о художественных связях раннесредневекового Тохаристана не только с Центральным Афганистаном и Индией, но и с Китаем.

Очень важной для понимания специфики истории буддийской общины монастыря Аджина-тепа представляется следующая характеристика настенной живописи, на которую Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль обратили внимание. Речь идет о том, что с момента строительства, когда было выполнено живописное оформление памятника, проводившиеся ремонты, как правило, сопровождались поновлением настенной живописи. Практически все эти работы велись по пути упрощения — закрашивания живописных участков краской одного цвета и т. п.

Несмотря на то что на памятнике зафиксированы следы нескольких ремонтов, живописные работы, связанные с созданием новой настенной живописи, отмечены только в помещении I (святылище). Причем они характеризуются более низким профессиональным исполнением. Таким образом, очевидно, что на определенном этапе существования монастыря (когда потребовалось провести очередной ремонт) община не смогла найти средства для привлечения художников, которые профессионально выполнили бы поновление настенной живописи.

Такой подробный анализ аджинатепинской скульптуры и живописи в купе с большим количеством не менее значимых памятников искусства региона — Балалык-тепа, Калаи-Кафирниган и других в очередной раз подводит нас к необходимости написания обобщающей работы по искусству раннесредневекового Тохаристана. В ней следовало бы не только перечислить известные памятники, но и четко обозначить все влияния и тенденции развития художественной культуры этого региона.

Помимо материалов памятника монография включает в себя главу (IV), в которой содержится наиболее полный свод данных как об основных археологических буддийских памятниках Средней Азии, так и о письменных источниках, так или иначе касающихся среднеазиатского буддизма. Надо отметить, что Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль много сделали для освещения этой темы¹⁶.

Изучение истории буддизма в Средней Азии начинается с блока вопросов, связанных с датировкой начала распространения буддийского учения и особенностями этого процесса. Исследователи этой проблематики единодушны в том, что первым среднеазиатским регионом, куда проник буддизм, была Бактрия.

Исключая крайние мнения, согласно которым буддийские миссионеры могли достичь Бактрии еще во времена Ашоки¹⁷, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль приводят ряд свидетельств о присутствии буддизма в Восточном Иране уже в первые века до н. э. Однако самые ранние памятники буддизма в Бактрии, которыми мы пока располагаем, относятся к I в. н. э.¹⁸ Археологические данные свидетельствуют о том, что в кушанское время произошел расцвет буддизма в Бактрии. Буддийская

¹⁶ По существу Б. А. Литвинский был первым, кто собрал и сопоставил письменные источники по истории буддизма Средней Азии с археологическими данными этого региона. См.: *Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia*. Moscow, 1968; *он же*. Распространение буддизма в Средней Азии // *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. II. М., 1975. С. 191–199; *Литвинский Б. А.* Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // *Азия — диалог цивилизаций*. СПб., 1996. С. 154–193; *он же*. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // *Московское востоковедение*. М., 1997. С. 55–77; *Litvinski B. A.* Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkestan. Wiesbaden, 1997. Подробный перечень работ автора по буддизму и буддийской культуре см.: *Лейви Д. С., Мейтарчиан М. Б.* Библиография печатных работ Б. А. Литвинского // *Древние цивилизации Евразии: история и культура*. М., 2001. С. 8–44.

¹⁷ *Bagchi Pr. Ch.* India and Central Asia. Calcutta, 1955. P. 32.

¹⁸ Речь идет о находках монет «Сотера Мегаса» на ранних полах ряда буддийских сооружений Бактрии. См.: *Мкртычев Т. К.* Еще раз об особенностях буддизма в Бактрии // *Transoxiana*. Ташкент, 2004. С. 292.

традиция считает приверженцем учения самого известного кушанского правителя Канишку. Между тем в рабатакской надписи среди богов, которым поклоняются кушанские цари, Будда не упомянут¹⁹. Авторы монографии предлагают не отвергать категорически принадлежность Канишки к буддизму, резонно говоря о том, что его обращение могло произойти уже после создания рабатакской надписи.

Пытаясь объяснить причину распространения буддизма в Средней Азии в первых веках н. э., Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль выражают сомнение в том, что привлекательные лозунги о социальном равенстве буддийской общины побуждали местное население обращаться к учению. Они совершенно справедливо указывают на специфику буддийской пропаганды этого времени, которая была в основном направлена на правящие круги. Следствием этого являлась поддержка буддийской общины со стороны местной элиты, что обеспечивало процветание буддизма в регионе в кушанское время. Это положение хорошо иллюстрируют данные эпиграфики, полученные на одном из буддийских памятников региона — Кара-тепа. Среди донаторов перечислены правитель, сын правителя, казначей, военачальник (?), некое должностное лицо²⁰.

Еще один вопрос, который имеет принципиальное значение при изучении особенностей буддизма в Бактрии-Тохаристане: представители каких этносов входили в состав местной монашеской общины? Не останавливаясь на этой теме подробно, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль приводят данные источников, где говорится о значительной роли местных жителей в распространении и разработке буддийского учения в регионе.

Выстраивая картину истории буддизма в Средней Азии, авторы дают краткий обзор основных буддийских памятников и их характеристики. Относительно этой части работы мне хотелось бы сделать несколько уточнений и высказать свою точку зрения на некоторые памятники.

На протяжении многих лет мне довелось участвовать в работах Совместной археологической экспедиции учреждений Министерства культуры СССР и Российской Федерации на Кара-тепа под руководством Б. Я. Ставиского²¹. После осени 1994 г.²² российская сторона более не участвовала в изучении этого памятника. В дальнейшем раскопки осуществлялись и продолжают осуществляться совместной узбекско-японской экспедицией (руководители Ш. Р. Пидаяев и К. Като)²³. Что касается датировки Кара-тепа, то на сегодняшний день мы располагаем данными, касающимися датировки Кара-тепа, то на сегодняшний день мы располагаем данными, согласно которым строительство здесь первых сооружений относится ко второй половине — концу I в. н. э. Расцвет Кара-тепа, который, несомненно, был крупным буддийским центром в Северной Бактрии, приходится на кушанское время II—III вв. Вместе с тем, несмотря на то что позднее большинство сооружений на Кара-тепа было заброшено и размеры центра значительно сократились, отдельные сооружения

¹⁹ Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. Vol. 4 [1995/96]. 1996. P. 107–109.

²⁰ Вертоградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1995. С. 44–48.

²¹ Одной из составных частей этой экспедиции был отряд Государственного Эрмитажа, возглавляемый Т. И. Зеймаль. Хотелось бы верить, что за время наших совместных полевых работ мне посчастливилось стать одним из ее друзей. Когда я приезжал в Эрмитаж, Тамара Ивановна всегда находила возможность помочь мне, и я был рад показать ей свое уважение и взаимную симпатию.

²² Библиографию по памятнику см.: Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии... С. 23. Примеч. 44. Основные итоги изучения Кара-тепе за 1961–1994 гг. содержатся в статье Б. Я. Ставиского и Т. К. Мкртычева: Staviskii B., Mkrtyshev T. Qara-Tepe in Old Termez: On the History of the Monument // BAI. NS. Vol. 10 [1996]. 1998. P. 219–232.

²³ Пидаяев Ш. Р., Като К. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе. С. 147–158.

продолжали выполнять роль буддийских культовых объектов еще и в IV–VI вв.²⁴ Однако для VII в.²⁵ имеется единственная посетительская надпись индийца-паломника на стене пещеры, в то время как весь памятник был уже в запустении²⁶.

Другой важнейший памятник буддизма Бактрии кушанского времени — монастырь Фаяз-тепа. Его раскопки осуществлял Л. И. Альбаум²⁷. Здесь получена интересная коллекция скульптуры и настенной живописи. Наряду со знаменитой скульптурой Будды с предстоящими монахами²⁸, не меньшую известность имеет фрагмент настенной живописи, содержащий изображение персонажа, над головой которого нанесена надпись бактрийским письмом имени Фарро. Обычно этот фрагмент рассматривается как пример поклонения местных богов (в частности, иранского бога Фарро) Будде. Вместе с тем осенью 2004 г. мне довелось общаться с Н. Симс-Уильямсом, который изучал эту надпись в Музее истории Узбекистана в Ташкенте. По его мнению, на фрагменте сохранилась только часть теоморфного имени. Следовательно, перед Буддой предстает не сам бактрийский бог, а бактриец-донатор. Хочется напомнить, что кушанская иконография Фарро достаточно хорошо известна, в частности по монетам²⁹, и, конечно же, она отличается от иконографии персонажа в живописи Фаяз-тепа.

Кроме того, недавно на памятнике были завершены большие реставрационные работы, которые сопровождалось его археологическим изучением: были дораскопаны некоторые участки, оставшиеся неисследованными после раскопок Л. И. Альбаума. В результате было выявлено много новых фактов в истории существования Фаяз-тепа. В частности, фаязтепинская ступа никогда не имела крестообразной (звездчатой) планировки, как это показано на всех опубликованных реконструкциях. Очень важно, что авторы исследования попытались выявить периоды в истории существования памятника. Однако целостной логической картины функционирования памятника в новом издании не получилось³⁰.

Большой интерес представляет буддийский храм Айртам. Свою известность он приобрел благодаря тому, что здесь был найден айртамский фриз, который стал отправной точкой для рассмотрения проблемы природы буддийского искусства Бактрии и его соотношения с искусством Гандхары³¹. Не останавливаясь на деталях полемики по этому вопросу, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль утверждают, что буддийская скульптура Бактрии была школой для буддийского искусства Гандхары.

Вместе с тем, несмотря на обобщающую публикацию Г. А. Пугаченковой по Айртаму³², многие вопросы, касающиеся этого памятника, остаются открытыми.

²⁴ Stavisky B., Mkrtyshev T. Qara-Tepe in Old Termez. P. 219–232.

²⁵ Б. А. Литвинский приводит датировку Кара-тепа I–III вв. (с. 246) и II–IV вв. (с. 265).

²⁶ Вертоградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе: проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995. С. 46, 39.

²⁷ Библиографию по Фаяз-тепе см.: Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма... С. 44–50. Примеч. 24. К сожалению, Л. И. Альбаум не закончил монографию, которую он готовил по материалам своих работ на Фаяз-тепе. Я видел неоконченную рукопись, когда бывал в гостях у Лазаря Израилевича. Однако после смерти она загадочным образом исчезла.

²⁸ Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе // Древняя Бактрия. Л., 1974. Рис. на с. 56.

²⁹ См. подборку иконографии Фарро на реверсе кушанских золотых монет: Tanabe K. King Huishka and the Emergence of Vaisravana Images in Gandhāran Art // SRAA. Vol. 6 [1999/2000]. 2000. P. 119–120.

³⁰ Консервация и реставрация руин Фаяз-тепе: обобщающий отчет. Ташкент, 2006. Безусловно, данное издание заслуживает отдельного разбора, но это тема специальной работы.

³¹ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. С. 149–158. Следует отметить, что С. Хантингтон, говоря о взаимовлиянии Бактрии и Гандхары, предлагает называть этот регион Бактрийско-Гандхарским (Huntington S. The Art of Ancient India: Buddhist, Hindu, Jain. New York; Tokyo, 1982. P. 109–110).

³² Pugachenkova G. A. The Buddhist Monuments of Airtam // SRAA. Vol. 2 [1991/92]. 1992.

Так, его планировка не совсем сопоставляется с планировкой известных буддийских храмов кушанского времени. Кроме того, благодаря бактрийской надписи, нанесенной на постамент статуи, найденной на Айртаме, нам известно, что это сооружение называлось «bagolago» — «дом богов»³³. Этот термин был употреблен для обозначения Сурх-Котала (династийного святилища) и упомянут в надписи из Рабатака, где также речь идет о династийном храме. В связи с этим встает основной вопрос: был ли Айртам буддийским храмом? Или, возможно, это было династийное сооружение?

Еще два буддийских памятника, которые дали великолепные коллекции глино-ганчевой скульптуры, были открыты на городище Дальверзин-тепа (Дт-1, Дт-25)³⁴. Если принадлежность памятников к буддизму бесспорна, то анализ планировки обоих сооружений вызывает критические замечания. Непонятно, на каком основании авторы раскопок первого буддийского храма (Дт-1) назвали платформой для ступы останец, вокруг части которого раскопаны помещения, содержавшие большое количество буддийской скульптуры³⁵. Планировка, полученная в результате раскопок второго буддийского храма (Дт-25)³⁶, также не дает представления ни о функционально-планировочных зонах, присущих буддийским памятникам кушанского времени, ни об этапах существования памятника почти за столетнюю историю³⁷.

Мне уже доводилось писать о своих сомнениях относительно буддийской принадлежности святилища на городище Зар-тепа³⁸. Очевидно, что раскопанное сооружение имело культовый характер. Однако я считаю, что фрагмент буддийской скульптуры (голова Будды), найденный на этом памятнике в слоях разрушения³⁹, был привнесен сюда случайно и не имеет никакого отношения к данному сооружению. Появление здесь этого скульптурного фрагмента объясняется наличием на городище буддийских памятников, существование которых никто не отрицает.

Помимо Бактрии-Тохаристана, буддизм получил распространение и в других среднеазиатских историко-культурных регионах — Маргиане, Согде, Фергане, Семиречье. Учитывая наличие региональных и хронологических различий, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль рассматривают положение буддийского учения в каждом конкретном историко-культурном регионе. Суммируя свидетельства письменных источников с археологическими данными, исследователи реконструируют в целом сложную картину распространения буддизма в Средней Азии.

Несмотря на многочисленные публикации, посвященные археологическим памятникам среднеазиатских регионов, приходится констатировать, что мы еще очень

³³ Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме // ОНУ. 1981. № 3.

³⁴ Когда Борис Анатольевич писал данную главу, работы на памятнике Дт-25 еще продолжались.

³⁵ Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Буддийское святилище в загородной зоне // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 90. Рис. 60. Позднее Г. А. Пугаченкова очень осторожно предположила, что данный останец мог не только служить основанием для ступы, но и играть роль «платформы статуй» по аналогии с Сурх-Коталом (Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 62).

³⁶ Тургунов Б. А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительные сообщения) // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.

³⁷ Мной совместно с Д. В. Русановым была предложена реконструкция этапов функционирования Дт-25, см.: Мкртычев Т. К., Русанов Д. В. Второй буддийский храм на Дальверзин-тепе (Дт-25): история функционирования // VI Чтения памяти профессора Д. В. Блаватского. М., 1999.

³⁸ Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии... С. 94–95.

³⁹ Пилюк В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 59–68.

далеки от окончательных решений по многим вопросам. Как правило, скудные письменные источники не сопоставляются с имеющимися археологическими материалами. Так, свидетельства текстов, согласно которым распространение буддизма в Маргиане относится к первым векам н. э., пока не находят подтверждения в реальных памятниках (т. н. монастырь Р-9 на Гяур-кале датируется IV–VI вв.; ступа у Гяур-калы — VI в.). Несмотря на многочисленные археологические исследования в Согде, здесь до сих пор не найдено ни одно буддийское сооружение. Практически вся история буддизма в этом регионе строится на письменных источниках и различных произведениях искусства — от «легендарного» храма в Санзаре с его спорными вещами⁴⁰ до новых буддийских терракот, недавно найденных в Южном Согде⁴¹.

В своем обзоре Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль приводят мнение С. П. Толстова о возможном влиянии буддизма на культуру Хорезма⁴². Очевидно, что сейчас необходимо заново проанализировать ту группу терракотовых статуэток, на основании которой С. П. Толстов выдвигал свое предположение. Как ни парадоксально, авторы довольно подробно пишут об Уструшане, где о существовании буддизма свидетельствуют пока только косвенные письменные источники, но даже не упоминают Чач, в то время как сейчас известна одна буддийская терракота с Минг-Урюка⁴³ и еще одна с Канки, которая имеет своим прототипом буддийскую иконографию⁴⁴. Говоря о буддизме в Фергане, Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль ссылаются на данные раскопок В. А. Левиной буддийского храма на городище Кува⁴⁵, а в перечне литературы по данному вопросу — в том числе и на предлагаемую мной интерпретацию памятника как ваджраянистского храма⁴⁶. Вместе с тем для окончательного решения этой проблемы требуется дополнительное изучение кувинской скульптуры, хранящейся в различных музеях Узбекистана.

За последние годы новые подтверждения получила гипотеза о китайском влиянии на буддизм в Семиречье. Речь идет прежде всего о серии каменных буддийских стел танского времени, найденных на городищах Ак-Бешим и Красная Речка⁴⁷. Это существенно дополняет картину истории буддизма в регионе, реконструированную авторами.

Несмотря на все эти дополнения, нельзя не отметить, что на сегодняшний день картина истории распространения и существования буддизма в различных регионах Средней Азии, которую предложили Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль, наиболее полная и включает анализ не только археологических памятников, но и многочисленных письменных источников.

Большой блок вопросов, который часто поднимается при анализе истории среднеазиатского буддизма, касается времени и процесса распространения буддизма

⁴⁰ С моей точки зрения, фигурка льва является навершием одной из четырех стамбх, которые располагались вокруг вотивной бронзовой ступы III–VI вв.: Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии... С. 160–161.

⁴¹ Двуреченская Н. Д. Терракотовая плитка с изображением бодхисаттвы из Восточной Кашкадарьи // РА. 2000. № 3.

⁴² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 160.

⁴³ Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М., 1991. С. 75.

⁴⁴ Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии... С. 197–198.

⁴⁵ Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.

⁴⁶ Мкртычев Т. К. Кувинский храм: проблема интерпретации // Верования и культы домусульманской Средней Азии. М., 1997. С. 39–41. Доклад на эту тему был прочитан на одноименной конференции. Председателем секции был Б. А. Литвинский, который поддержал высказанное мной предположение.

⁴⁷ Горячева В. Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). С. 231–233.

в Китае. Суммируя высказанные точки зрения, авторы монографии поддерживают предположения Э. Цюрхера и З. Цукамото о том, что процесс проникновения буддийского учения в Китай мог иметь место уже в середине I в. до н. э., в то время как документальные свидетельства о буддизме в Китае и появление некоторого количества его последователей относятся к середине I в. н. э. В этой связи Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль напоминают, что многие китайские источники в той или иной мере связывают появление в Китае буддизма с юэджами. По мнению исследователей, движение буддийских миссионеров на Восток отражает политические претензии Кушанского государства в Восточном Туркестане.

Китайские источники сообщают, что среди переводчиков буддийского учения на китайский язык было много выходцев из разных регионов Средней Азии, которые своей деятельностью внесли большой вклад в распространение учения. Среди них, несомненно, знаковой фигурой, споры о которой касаются не только распространения буддизма в Китае, но и судьбы буддизма в Маргиане, был парфянин Ань Шигао. К аргументам, которые приводят авторы, отвергая его принадлежность к правящей в Парфии Аршакидской династии, можно добавить и доводы А. Форте, относящего происхождение Ань Шигао к индо-парфянам⁴⁸.

Еще одна тема, тесно связанная с буддизмом, Средней Азией и Китаем, это распространение буддийской пещерной архитектуры. Б. А. Литвинский и Т. И. Зей-маль рассматривают возникновение традиции сооружения пещерной буддийской архитектуры, обращаясь к наиболее ранним из известных нам примеров — пещерным храмам Западной Индии маурийского времени (Судамы и Ламасы Риши в Барабарских горах Бихара). В последующем развитие пещерной архитектуры привело к возникновению сооружений, которые соединили в себе монастырскую (vihara) и храмовые (caitya) части⁴⁹. Очевидно, примерно в первые века н. э. пещерная архитектура получила распространение в Гандхаре и Бактрии. Отмечая существование множества аналогичных характеристик у буддийских пещерных памятников разных регионов, авторы точно выстраивают линию распространения этой архитектуры: Бактрия — Восточный Туркестан — Северный Китай.

Исследователи справедливо считают, что буддизм был не единственной религией, существовавшей в Средней Азии на протяжении I тыс. н. э. Они приводят многочисленные примеры взаимодействия буддизма с местной разновидностью зороастризма, манихейством, христианством. Кроме того, в процессе распространения в Средней Азии буддизму пришлось иметь дело с разными этносами и государствами. Так, если для греко-бактрийских царей буддизм скорее всего был далекой индийской мудростью, то для кушан он составлял часть религиозной картины империи, причем, судя по всему, очень влиятельную. Во время кушанского правления наблюдался очевидный расцвет буддизма в Бактрии. Падение кушанской империи значительно уменьшило число сановных последователей буддизма в Бактрии-Тохаристане, что негативно сказалось и на общине, и на памятниках. Однако, судя по последним данным, буддизм сохранил определенное влияние, которое, по всей видимости, произошло за счет расширения социальной базы учения. Я считаю, что свидетельством обращения буддистов к простому населению может служить появление в раннем средневековье буддийских терракотовых плакеток. В настоящее время достаточно кардинально пересмотрен вопрос об отрицательном отношении

⁴⁸ Forte A. The Hostage An Shigao and his Offspring : An Iranian Family in China. Kyoto, 1995. P. 69.

⁴⁹ Кроме литературы, указанной Б. А. Литвинским и Т. И. Зеймаль, о формировании пещерных буддийских монастырей см.: *Dhavalikar M. K. The Buddhist Rock-Cut Shrines of Western India* // *International Encyclopaedia of Buddhism*. Vol. 24. New Delhi, 1997. P. 1825–1833.

к буддизму эфталитов, которое базировалось на мнении Дж. Маршалла, соответственно интерпретировавшего свои находки на Таксиле и привлекавшего цитаты из сочинений китайского паломника Сэн Ю (520 г.)⁵⁰. Б. А. Литвинский также пересмотрел ранее высказанную им точку зрения по этому вопросу и дополнил ее своими наблюдениями⁵¹. Хотя благосклонное отношение тюркских правителей к буддизму достаточно полно освещено в письменных источниках, исследователь напоминает о необходимости критического подхода при сопоставлении письменных источников и археологических памятников.

Каждая из вышеназванных проблем, по существу, может стать темой самостоятельных исследований. Поэтому остается только восхищаться тем, как Б. А. Литвинскому и Т. И. Зеймаль удалось затронуть основные аспекты этих сложнейших вопросов и сделать из них выводы, характеризующие общие процессы, происходившие в истории буддизма в Средней Азии.

В значительной степени судьбу буддизма в этом регионе решило арабское завоевание. Но, как пишут авторы, появление ислама в конце VII в. не поставило здесь точку в истории буддизма. Целый ряд буддийских памятников продолжал функционировать. Кроме того, в Семиречье, находившемся вне контроля арабов, в VIII–IX вв. велось строительство новых буддийских сооружений. И несмотря на то что уже примерно к концу IX в. буддизм остался практически без социальной базы и финансовой поддержки со стороны правителей новых государств, он, как комплексный феномен культуры, продолжал оказывать влияние на культуру и искусство Средней Азии. Следы буддийского влияния прослеживаются в системе образования, архитектуре, изобразительном искусстве, в теологии раннеисламского времени. Именно этот буддийский вклад способствовал формированию суфизма как неортодоксального направления в исламе.

Подводя итог своего предисловия, с уверенностью могу сказать, что данная книга не просто полная публикация материалов одного из классических памятников среднеазиатского буддизма — монастыря Аджина-тепа, но и краткая энциклопедия по истории буддизма в Средней Азии.

Рабoтaя нaд пpeдислoвиeм и peдaктиpyя тeкcт дaннoгo издaния, я нeoднoкpaтнo вcпoминaл, чтo в cтyдeнчecкиe гoды книгa Б. A. Литвинcкoгo и Т. И. Зеймaль «Aджинa-Тeпa» 1971 г. былa oднoй из cамыx yвaжaeмыx мнoй книг пo apxeoлoгии. Aнaлиз apxeoлoгичecкoгo мaтepиaлa, иcтopичecкиe oбoбщeния, бoгaтaя библиoгpaфия c интepecнeйшими пpимeчaниями — вce дocтoинcтвa книги тoгo вpeмeни cчacтливo coхpaнилиcь дo ceгo дня и пpиcyтcтвyют в нacтoящeм издaнии. Тoгдa я eщe нe был знaкoм c Бopиcoм Aнaтoльeвичeм и Тaмapoй Ивaнoвнoй, хoтя мнoгo cлышaл o них и, кoнeчнo, дaжe нe мoг ceбe пpeдcтaвить, чтo кoгдa-нибyдь cтaнy нaчyднoм peдaктopoм cвoeй лyбимoй книги.

Это предисловие — дань уважения этим людям, которых я любил и которым многим обязан.

Т. К. Мкртычев.

*Т. К. Мкртычев,
доктор искусствоведения,
Государственный музей искусства
народов Востока, Москва*

⁵⁰ Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии... С. 23–24.

⁵¹ В частности, приводится мнение В. А. Лившица о связи надписей на эфталтских монетах с буддизмом. Судя по сноске, это было личное сообщение Владимира Ароновича.

- — современные города
 — месторасположение древних и средневековых буддийских памятников
 — месторасположение других памятников

Рис. 1. Буддийские памятники

на территории Средней Азии

ВВЕДЕНИЕ

Аджина-тепа — буддийский монастырь VII — начала VIII в., развалины которого находятся в Таджикистане, в 12,5 км к востоку от г. Курган-Тюбе. Это территория Вахшской долины, самый юг современного Таджикистана. Вахшская долина расположена в нижней части р. Вахш, одного из основных притоков р. Пяндж. С запада, севера и востока долину окружают невысокие хребты гор Арук-Тау и Терекли, с юга ее омывают воды Пянджа, по руслу которого в этом районе проходит государственная граница между Таджикистаном и Афганистаном. Вырвавшись из тесного ущелья в межгорную долину, Вахш течет 18 км с запада на восток. Затем за селением Кызыл-Кала он поворачивает на юго-запад и сохраняет это направление на всем протяжении до устья. Долина вытянута с севера на юг (более 100 км). В северной части Вахш принимает справа два притока — р. Явансу и р. Оби-Киик. Долины этих рек, как бы сливаясь в Вахшскую, составляют наиболее удобные для заселения массивы земель в правобережной части Вахшской долины. Ниже по течению реки заселено левобережье, у правого берега — бесплодные увалы.

За десятки тысячелетий своей истории Вахшская долина сильно изменила свой облик. Прежние уровни ее сохранились в виде террас, которых насчитывают пять. Первобытные люди жили на уровнях, которые соответствуют нынешним пятой и четвертой (самым верхним) террасам. Позже, в эпоху орошаемого земледелия, основная жизнь сосредоточивалась на третьей террасе. Максимальной ширины она достигает в районе г. Курган-Тюбе — до 18–20 км; именно на этой террасе стоит и Аджина-тепа.

Почвы орошаемых земель Вахшской долины (типа сероземов) очень плодородны. Долина лежит в сухой субтропической зоне, в климатическом отношении похожей на сухие орошаемые области Африки (Египет, Алжир, Марокко), Америки (юго-западные штаты США) и некоторые области Индии. Средняя годовая температура 15–16 °С. Лето очень жаркое: средняя температура июля 30–31 °С, средняя зимняя температура обычно также положительная (1–3 °С). За год выпадает в среднем около 260 мм осадков¹. В этих условиях в основной части долины земледелие могло быть только орошаемым. Головы древних (и современных) каналов были расположены на р. Вахш, там, где она выходит из горного ущелья. Сейчас в долине большие площади засеваются хлопчатником, причем здесь возделывается чрезвычайно ценный тонковолокнистый его сорт. Развиты, кроме того, садоводство, виноградарство и огородничество; здесь даже выращивают (траншейным способом) великолепные лимоны и другие субтропические фрукты. Из субтропических культур следует также отметить герань. У населения Вахшской долины много высокопродуктивного скота. Здесь расположено значительное количество энергетических и промышленных предприятий. Среди них немало

¹ Почвы Вахшской долины и их мелиорация / под ред. И. Н. Антипова-Каратаева, А. В. Жигачева. Душанбе, 1947. С. 9–65.

крупных, таких как Головная и Перепадная ГЭС, трансформаторный завод, азотно-туковый комбинат, и др. В этническом отношении основная часть местного населения Вахшской долины — таджики и узбеки, много русских и представителей других национальностей.

Путешественники конца XIX — начала XX в., описывая Вахшскую долину, сообщали о бесконечных тугаях (камышово-кустарниковых зарослях), о встречах с тиграми, о громадном количестве диких кабанов и другого зверья, о тысячах десятин пустующих засоленных земель, о маленьких селениях с полуголодными неграмотными жителями, о примитивных глинобитных домах — «кибитках». Сейчас ландшафт долины коренным образом изменился. Курган-Тюбе превратился в современный город, в долине десятки и сотни благоустроенных населенных пунктов. Там, где раньше пролегли узкие тропы, тянутся ленты асфальтовых дорог. И над зеленью полей — серые или черные громады мачт высоковольтных передач, трубы промышленных предприятий. События 1992 г., к сожалению, привели к значительным разрушениям, уничтожению больших групп населения и его миграции за пределы долины.

Дореволюционные путешественники с удивлением отмечали также заброшенные русла старых каналов и большое количество холмов искусственного происхождения (тепа), находки старинных жженных кирпичей и других предметов. Кто и когда прокладывал здесь каналы, возводил здания? Ответы на эти вопросы были получены в результате археологических исследований.

Вахшская долина, как и другие районы Южного Таджикистана, в XIX в. входила в состав Восточной Бухары, наиболее далекой и редко посещавшейся области Бухарского ханства. После присоединения Средней Азии к России в Вахшской долине побывали некоторые русские экспедиции и отдельные путешественники. Известный деятель дореволюционного Туркестана, редактор «Туркестанских ведомостей» Н. А. Маев в 1875–1879 гг. несколько раз посещал Южный Таджикистан, в том числе Вахшскую долину. Он подробно описал один из ее крупнейших археологических памятников — городище Лягман (близ населенного пункта Узун). Как выяснилось впоследствии, это был средневековый центр области Вахш — г. Хелаверд. Уже в 80-х гг. XIX в. участник экспедиции А. Э. Регеля топограф П. Е. Косяков отметил наряду с городищем Лягман также крепость в Курган-Тюбе и некоторые другие археологические объекты, в том числе остатки старых каналов. Позже о старых оросительных каналах в долине сообщал русский офицер Н. Февралев. В 1915 г. изучением Вахшской долины в экономико-географическом плане занимался П. И. Гаевский. Он довольно подробно описал древнюю ирригационную сеть долины. Ценные материалы по истории и исторической географии этого района были приведены в трудах выдающихся востоковедов В. В. Бартольда и И. Маркварта.

Подлинно научное исследование археологических памятников Таджикистана, как и других республик Средней Азии, началось сравнительно недавно. В 20-е и особенно в 30-е гг. проводилось рекогносцировочное обследование отдельных памятников². Детальное изучение Вахшской долины началось с 1947 г., когда А. М. Беленицкий тщательно обследовал целый ряд важнейших археологических памятников. Его отчет об этой поездке и труд по исторической географии Хутталя³,

² Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Сталинабад, 1954 (ТАНТаджССР. Т. 26). С. 23–24.

³ Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // МИА. № 15. 1950. С. 140–147; он же. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // Там же. С. 100–127.

в состав которого в Средние века входила область Вахш, заложили основы историко-археологического изучения Вахшской долины. В 1953 г. вновь основанный сектор археологии и нумизматики Академии наук Таджикской ССР развернул широкие и систематические археологические исследования в Вахшской долине, которыми руководил заведующий тогда сектором Б. А. Литвинский. С 1971 г. археологические работы в долине осуществляли отряды объединенной Южнотаджикской экспедиции, в которой участвовали сотрудники Института востоковедения АН СССР, АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа (начальник экспедиции — Б. А. Литвинский, заместитель — Т. И. Зеймаль). Остановимся вкратце на этих исследованиях.

В 1953–1954 гг. проводились большие раскопки (Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович) двух памятников античного времени — Кухна-Кала и Кум-тепа⁴. В последующие годы наряду с продолжением раскопок (Кафыр-Кала в Колхозабаде) было организовано сплошное археологическое обследование Вахшской долины и изучение ее древней ирригации (Т. И. Зеймаль)⁵. Среди вновь открытых при этих работах памятников в 1959 г. был и небольшой холм с необычной планировкой — Аджина-тепа. Два шурфа, заложенные на нем в 1960 г., показали, что здания, остатки которых образуют холм, существовали в VII–VIII вв. Небольшие фрагменты штукатурок со следами росписи, попавшими в шурфы, вызвали особый интерес к этому памятнику. При рассмотрении вопроса об организации стационарных раскопок в Вахшской долине предстоял выбор между Кафыр-Калой и Аджина-тепа. Предпочтение было отдано Аджина-тепа, и с 1961 по 1975 г., т. е. на протяжении 15 лет, этот объект являлся главным стационаром Южнотаджикского археологического отряда (начальник отряда — Б. А. Литвинский, заместитель — Т. И. Зеймаль)⁶. Стационарные раскопки производились и на Кафыр-Кале, причем в отдельные годы в очень большом объеме. Эти раскопки продолжают и в настоящее время (см. о Кафыр-Кале ниже). Все историко-археологические материалы по Вахшской долине были проанализированы и обобщены в диссертации Т. И. Зеймаль «Вахшская долина в древности и раннем средневековье» (1969 г.), в частности разработаны вопросы стратиграфии, хронологии, истории ирригации и материальной культуры, а также ряд общеисторических проблем⁷. Одновременно отряд проводил исследование других памятников — от эпохи бронзы до развитого средневековья

⁴ Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. // Докл. АН Тадж. ССР. 1954. № 11. С. 39–60; Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. // АРТ. Вып. 2. 1956 (ТАНТаджССР. Т. XXXVII). С. 77–88; он же. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе) // КСИИМК. Вып. 64. 1956. С. 68–74.

⁵ Гулямова Э., Зеймаль Т. И. Находки в районе Перепадной ГЭС // АРТ. Вып. 3. 1956 (ТАНТаджССР. Т. LXIII). С. 98–100; Зеймаль Т. И. Средневековая гончарная печь в Октябрьском районе // Там же. С. 95–98; Литвинский Б. А., Гулямова Э., Зеймаль Т. И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) // АРТ. Вып. 4. 1959 (ТАНТаджССР. Т. XCI). С. 131–133, 145–152; Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. // АРТ. Вып. 5. 1959 (ТАНТаджССР. Т. CII); он же. Античное поселение в урочище Халкаджар // АРТ. Вып. 6. 1961 (ТИИАНТаджССР. Т. XXVII). С. 159–166; он же. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. // АРТ. Вып. 7. 1961 (ТИИАНТаджССР. Т. XXXI). С. 143–152; он же. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. // АРТ. Вып. 8. 1962 (ТИИАНТаджССР. Т. XXXIV). С. 35–47.

⁶ О первых раскопках см.: Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. // АРТ. Вып. 9. 1964 (ТИИАНТаджССР. Т. XLII). С. 76–86.

⁷ Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: автореф. канд. дис. Л., 1969.

(работ этого отряда на других территориях, помимо Вахшской долины, мы здесь не касаемся). Параллельно с деятельностью Южнотаджикского отряда в Вахшской долине проводились работы отряда по изучению памятников каменного века (А. П. Окладников и В. А. Ранов⁸).

Сейчас Вахшская долина в археологическом отношении обследована весьма детально: достаточно сказать, что здесь зафиксировано свыше сотни археологических памятников. Чрезвычайно важные результаты дали систематическая регистрация монетных находок на территории Вахшской долины и изучение связанного с Южным Таджикистаном мусульманского монетного чекана, осуществлявшиеся Е. А. Давидович, и домусульманского, проводимые Е. В. Зеймалем⁹.

Заселение Вахшской долины человеком, как показали находки каменных орудий в обрыве берега Вахша у поселка Кызыл-Кала, сделанные А. П. Окладниковым, началось, по крайней мере, в конце нижнего палеолита¹⁰. Свидетельством мустьерского времени на территории Вахшской долины является такой первоклассный памятник, как Кара-Бура (близ Джиликуля). Открывший и исследовавший этот памятник В. А. Ранов считает, что материал с Кара-Буры позволяет установить южное и восточное направления культурных связей мустьерского населения юга Таджикистана (особенно с соанской культурой Индии)¹¹. В Вахшской долине известны и находки оружия верхнего палеолита¹².

В эпоху бронзы на территории долины существовало несколько групп населения. Одну из них составляли носители культуры, генетически связанной с земледельческим трудом. Расширение ареала расселения южнотуркменистанских племен эпохи бронзы на восток, на территорию Бактрии, привело к появлению здесь поселений первобытных земледельцев и протогородов. Дальнейшее продвижение их в регионы, мало приспособленные к первобытному земледелию, в специфических экологических условиях вызвало переход части этих племен к скотоводческому образу жизни, причем формирование их культуры, которую Б. А. Литвинский предложил называть «вахшской», происходило под влиянием степного образа жизни. Могильники

⁸ Окладников А. П. Исследование памятников каменного века Таджикистана // МИА. № 66. 1958. С. 41–48; Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душанбе, 1965.

⁹ Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. // Докл. АН Тадж. ССР. 1954. № 11. С. 70–76; он же. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. // АРТ. Вып. 2. 1956 (ТАНТаджССР. Т. XXXVI). С. 102; он же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. // АРТ. Вып. 4. 1959 (ТАНТаджССР. Т. XCI). С. 175–176; он же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. // АРТ. Вып. 5. 1959 (ТАНТаджССР. Т. CII). С. 153–154, 158; он же. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана в XV в. // Абдурахман Джами: Эпоха, жизнь и творчество. Душанбе, 1965. С. 31–50 сл.; он же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г. // АРТ. Вып. 10. М., 1973; он же. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979; он же. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX–XVI вв. (на примере Южного Таджикистана) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979; Зеймаль Е. В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР // ИООНАТаджССР. 1960. № 1. С. 115; он же. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978; он же. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

¹⁰ Окладников А. П. Исследование памятников каменного века Таджикистана // МИА. № 66. 1958. С. 46–48.

¹¹ Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. С. 50–80.

¹² Окладников А. П., Ранов В. А. Каменный век // История таджикского народа / под ред. Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского. Т. 1. М., 1963. С. 67.

жителей этой культуры расположены главным образом на правом берегу Вахша, в нижнем его течении, а также в среднем, а именно в северном устье Вахшской долины, кроме того, в среднем течении р. Кафирниган. Вполне вероятно, что возникновение племен вахшской культуры связано с движениями племен, населявших Южную Бактрию. Нам представляется вероятной связь населения этой культуры с переселениями арийцев, сыгравших столь важную роль в истории Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии. Именно они и составили субстрат всего последующего этнолингвистического развития. Племена вахшской культуры обитали на границах Вахшской долины и в прилегающих районах. Наряду с этим в Вахшской долине имеются памятники населения степной бронзы: на территории совхоза им. Кирова, в километре от Аджина-тепа, открыто двухслойное поселение эпохи бронзы с керамикой и литейными формами, относящимися к культуре андроновского типа¹³.

В примыкающем с юго-востока к Вахшской долине Пянджском районе, в местности Байтудашт, открыты постройки VI—IV вв. до н. э. (раскопки А. Абдуллаева, не опубликованы). В самой Вахшской долине к IV—III вв. до н. э. относятся нижние слои Болдай-тепа — одного из немногих поселений этого времени, выявленных в Таджикистане¹⁴.

На правом берегу р. Вахш, т. е. вне собственно Вахшской долины, в районе впадения этой реки в р. Пяндж (ниже этого места река получает название Амударья), расположен Тахти-Сангин — крупное укрепленное городище с цитаделью. Южно-таджикская археологическая экспедиция (начальник Б. А. Литвинский) с 1975 г. осуществляет на этом городище планомерные раскопки (начальник отряда И. Р. Пичикян). На цитадели практически вскрыт «Храм Окса», сооруженный в конце IV в. до н. э., вскоре после похода Александра Македонского. Ядром здания является четырехколонный зал, с трех сторон окруженный двумя рядами Г-образных коридоров. Главный вход в зал обращен на восток, где находится портик, имеющий два ряда колонн, с четырьмя колоннами в каждом ряду. Портик ограничен двумя боковыми выступами, в каждом по три помещения, одно из которых имеет алтарь огня. На восток от здания располагался храмовый двор, окруженный могучей стеной. Храм сооружен по схеме иранского храма огня. Это был храм огня и храм р. Окс (так греки огласовывали бактрийское название р. Вахш). В архитектуре храма наличествуют бактрийские и эллинистические элементы. То же самое следует сказать об огромном собрании предметов, обнаруженных в храмовых сокровищницах, в том числе о шедеврах искусства из слоновой кости, бронзы, глины, алебаstra. Где-то здесь в 1877 г. был обнаружен и знаменитый Амударьинский клад с золотыми и серебряными изделиями и монетами VI—III вв. до н. э.¹⁵

¹³ См.: Литвинский Б. А. Бронзовый век // История таджикского народа. Т. 1. М., 1963. С. 127—131; он же. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М., 1964. С. 157—158; он же. Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1967. № 4. С. 121—127; он же. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА. Вып. 1. 1972; Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка // СА. 1974. № 3; она же. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // ИБМАИКСА. М., 1981. Вып. 1; она же. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника Тигровая Балка). Душанбе, 1989.

¹⁴ Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-Тева // История материальной культуры Таджикистана. Душанбе, 1971. Вып. 2.

¹⁵ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Археологические открытия на юге Таджикистана // Вестн. АН СССР. 1980. № 7; Litvinskij B. A., Pichikjan I. R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane Septentrio-

К эпохе III—II вв. до н. э. относится основной комплекс Тамошо-тепа (Яванская долина)¹⁶. Вообще же поселения античного времени на территории Вахшской долины (она тогда входила в состав Бактрии) весьма многочисленны. Выше уже упоминались Кухна-Кала и Кум-тепа, представляющие исключительный интерес для истории градостроительства, архитектуры и фортификации. Производилось вскрытие слоев позднекушанского времени, перекрывающих слои IV—III вв. до н. э., на Болдай-тепа. Изучен ряд других античных памятников. На протяжении четырех лет велись большие раскопочные работы на Яванском городище близ селения Горав (второй стационар Южнотаджикского отряда). Обильный вещественный материал, полученный при этих раскопках, позволяет по-новому осветить историю материальной культуры Южного Таджикистана в I—IV вв. н. э. В Вахшской долине сделаны находки фрагментов каменной архитектуры кушанского времени¹⁷.

Из памятников эпохи раннего средневековья следует упомянуть столицу долины — огромное сильно укрепленное городище Кафыр-Кала, замок Урта-Боз¹⁸ и др. К этому времени также относится Аджина-тепа.

Городище Кафыр-Кала является одним из наиболее крупных археологических памятников Вахшской долины. Оно расположено на западной окраине нынешнего районного центра Колхозабад. Местное население связывало это городище с мифическим Золи-Зардом. Согласно преданиям, Кафыр-Кала была резиденцией его дочери, в цитадели же якобы располагалась подземная тюрьма — зиндон (записано Б. А. Литвинским в 1956 г.). Впервые памятник был обследован в 1947 г. Вахшским отрядом во главе с А. М. Беленицким во время рекогносцировки Вахшской долины¹⁹. В 1954 г. городище было осмотрено Б. А. Литвинским и Е. А. Давидович. Тогда же Б. А. Литвинский, перечисляя памятники Вахшской долины, представляющие значительный интерес, назвал и Кафыр-Калу²⁰. В 1956—1957 гг. Т. И. Зеймаль осуществила на территории Кафыр-Калы первые раскопки. В большом раскопе (150 кв. м) были вскрыты три культурных слоя, соответствующие трем периодам жизни на городище: Кафыр-Кала-I (КФ-I), Кафыр-Кала-II (КФ-II), Кафыр-Кала-III (КФ-III), причем в слое КФ-II был обнаружен большой парадный зал. Слои были датированы: КФ-I — второй половины VII — VIII в., КФ-II — VI — серединой VII в., КФ-III — II—III вв. н. э.²¹ Раскопки были возобновлены Б. А. Литвинским в несравненно более широких масштабах в 1968—1971 гг. Эти работы были

nale // Revue Archéologique. Paris, 1981. № 2; Litvinskij B. A., Pichikjan I. R. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. No. 2; Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин — каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981; они же. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3; Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4; Пичикян И. Р. Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.

¹⁶ Абдуллаев А. Раскопки городища Тамошо-тепа в 1974 г. // АРТ. Вып. 14. 1979 (со ссылками на другие публикации).

¹⁷ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Каменные базы колонн из Вахшской долины // ИООНАНТаджССР. 1960. Вып. 1. С. 73—79.

¹⁸ Зеймаль Т. И., Соловьев В. С. Работы Уртабозского отряда // АРТ. Вып. 17. 1983.

¹⁹ Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // МИА. № 15. 1950. С. 143. Табл. 71/2.

²⁰ Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Сталинабад, 1954. (ТАНТаджССР. Т. 26). С. 38.

²¹ Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хутталевского отряда в 1957 г. // АРТ. Вып. 5. 1959. С. 83—93; она же. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: автореф. канд. дис. Л., 1969. С. 10—11; она же. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971. С. 46—47; Литвинский Б. А., Гулямова Э. Г., Зеймаль Т. И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) // АРТ. Вып. 4. 1959. С. 133—134. Рис. 3.

продолжены В. С. Соловьевым (под общим руководством Б. А. Литвинского), который почти ежегодно проводил раскопки до 1990 г.²²

Городище Кафыр-Кала делится на три обособленные части: цитадель, город, пригород. Город с цитаделью образует правильный четырехугольник с гранями длиной 360 м, которые ориентированы по частям света. Со всех сторон он окружен мощным рвом шириной 50–60 м, глубиной 5 м и оборонительными стенами с башнями.

Цитадель располагается в северо-восточном углу города. Она квадратная в плане (70 × 70 м), над окружающей местностью возвышается на 12 м. До раскопок были видны валы оплывших стен и выступы угловых башен. В юго-западной части цитадели находилась впадина глубиной до 6 м. С западной и южной сторон (т. е. внутри города и к юго-востоку от него) цитадель отделена от города рвом.

Городские постройки, имеющие сейчас вид холмов и впадин различной величины, занимали основную часть городища — около 12 га. Они имеют отметки над уровнем окружающей местности порядка 6–8 м. С запада на восток через весь город, разделяя его на две равные части — северную и южную, тянется главная городская магистраль, которая упирается своими концами в ворота — восточные и западные. К главной магистрали со всех сторон подходят улочки, связывающие между собой отдельные постройки или целые строительные массивы.

Городская стена в виде широкого 5–10-метрового вала видна совершенно отчетливо. Через определенные интервалы вал резко расширяется и повышается — это башни. На восточном отрезке как будто было 6 башен, причем две из них, близ юго-восточного угла, располагались очень близко друг от друга, на расстоянии 20–25 м. Возможно, они прикрывали дополнительный проход в городской стене. На южном фасе было 7 башен с интервалом (между центрами) 55–60 м. То же можно сказать про западный фас. Угловые башни были, очевидно, значительно более крупными.

Постройки пригорода начинаются сразу за городским рвом. Они хорошо прослеживаются к северу, западу и югу от города. В 100 м к югу от юго-восточного угла города располагается почти полностью сохранившаяся загородная усадьба. Некрополь находился к востоку от городища.

Раскопки на Кафыр-Кале велись одновременно на территории собственно города и цитадели. В городе, в частности, было раскопано сооружение периода КФ-II, состоящее из упомянутого выше зала и окружающих его вспомогательных сооружений. Прямоугольный зал (17 × 7 м) вытянут с запада на восток. Вдоль длинных сторон и западной узкой — суфы, в западной стене — глубокая ниша, фланкированная трехчетвертными глиняными колоннами. Сохранились следы живописи. Вход был перекрыт аркой, за ним располагалось вестибюльное помещение. В. С. Соловьев раскопал в городе большой жилой массив, начал раскопки общественного здания (храма?).

Раскопано примерно 2/3 площади цитадели. Выяснилось, что внизу находится естественная лёссовая платформа высотой 2 м. На ней во II–III вв. были возведены постройки, которые затем были разрушены и включены в новую платформу высотой до 6 м. На этой платформе в период КФ-II появилась целая система построек, в том числе стены и башни цитадели. Тогда же был построен дворец,

центром которого являлся зал площадью около 200 кв. м. В состав дворца входило круглое помещение диаметром 7,95–7,98 м, перекрытое ложным куполом. Кроме того, тогда же была возведена буддийская часовня (ее описание см. в гл. IV).

Период КФ-I характеризуется кардинальной перестройкой дворца. Часть сооружений предыдущего периода сносится почти до основания. На их месте возводятся новые постройки, планировка которых совсем непохожа на планировку предшествующих. Другая часть — неразрушенные помещения — перестраивается. На протяжении периода КФ-I постройки нового дворца также пережили свою историю, некоторые меняли функции, ремонтировались и т. д., а накануне арабского завоевания часть помещений стала разрушаться; само завоевание и сопутствовавший ему пожар лишь довершили разрушение дворца. Некоторое время его вновь использовали под жилье, затем новый пожар окончательно оборвал его существование.

Дворец периода КФ-I изучен наиболее полно. Для его строений использовалась вся территория, обнесенная крепостными стенами. Композиционно дворцовые постройки условно можно разделить на две группы — северную (главную) и южную, которая включала в себя продолжавшие функционировать буддийскую часовню и двор. Вдоль трех стен цитадели вскрыты помещения, образованные парными приставными пилонами. Некоторыми из них были перегорожены устроенные в предыдущий период коридоры, расположенные вдоль фортификационных стен.

В северной группе помещений важнейшим являлось тройное помещение 3, прямоугольное (19 × 10 м), вытянутое с севера на юг. Стены его, сложенные из пахсы, сохранились на высоту до 1,5 м. Вход находится в юго-восточном углу. Вдоль всех стен зала лентой тянутся суфы, обрываясь только у прохода. В середине каждой из длинных стен зала внутрь его выступают, выходя далеко за плоскость суф, две трапециевидные в плане площадки. Первая, примыкающая к восточной стене, — ниже прилегающих суф. В центре ее стоит большой пристенный очаг-алтарь. Рядом с очагом найден глиняный рельефный валик дугообразной формы. Он, видимо, входил в декоративное оформление очага. Вторая площадка, расположенная напротив, имеет длину 6,20 м, ширину 3,95 м. На нее из помещения вел двухступенчатый подъем.

При раскопках зала было найдено большое количество сгоревших деталей деревянного перекрытия. В проходе обнаружены фрагменты бересты со следами надписи на брахми. Здесь же раскопан черепок с арабской надписью.

Тронный зал огибался с юга и запада коридором. Из него можно было попасть в два других зала — 11 и 13. Помещение 11 было почти квадратным (7,3 × 8,1 м). Вдоль всех стен шла лента суф, которые у одной стены образовывали «эстраду» — выступающую площадку, более высокую, чем суфы. Помещение 13 — прямоугольное (15,2 × 6,3 м), вытянутое с севера на юг. Вдоль всех стен — суфы. Суфа у южной стены имеет двухчастную «эстраду». В стене, к которой она примыкает, — неглубокая ниша, фланкированная двумя глиняными полуколоннами.

В южной группе имеются большие комнаты, например зал 5—11,2 × 14,5 м, как и частично раскопанное помещение 35. Однако наибольший интерес здесь представляет уже упоминавшаяся буддийская часовня, где найдены и некоторые памятники буддийского искусства.

Раскопки значительно обогатили представления о строительном деле и архитектуре Северного Тохаристана и дали некоторые, хотя и далеко не полные, сведения

²² Детальный отчет об этих раскопках (до нач. 80-х гг.) опубликован: Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985 (с перечнем предварительных публикаций Е. П. Денисова, Т. И. Зеймаль, Б. А. Литвинского и наиболее многочисленных — В. С. Соловьева).

о раннесредневековом городе этого региона. Кроме того, получен обильный комплекс предметов материальной культуры, искусства, а также монет²³.

Чтобы понять значение Кафыр-Калы, надо обратиться к истории Вахшской долины, находившейся в те времена на территории Тохаристана — обширной страны, включавшей в себя часть Северного Афганистана, Южный Узбекистан и Южный Таджикистан.

Самое раннее сообщение, касающееся непосредственно владения Вахш, принадлежит паломнику-буддисту Сюань-цзану (около 633–645 гг.), согласно которому государство Хоша (Вахш) являлось одним из 27 владений Тохаристана и располагалось к западу от владения Хо-то-ло (Хутталь). «Эта страна, — пишет про Хошо Сюань-цзан, — простирается примерно на 300 ли (120 км) с востока на запад и примерно на 500 ли (200 км) с севера на юг. Столица имеет 16 или 17 ли (25 км) в окружности». Следовательно, если верить этим цифрам, владение Вахш по длине, т. е. с севера на юг, занимало всю Вахшскую долину, а по ширине, т. е. с запада на восток, выходило за ее пределы (максимальная ширина долины — 25 км). Размеры столицы владения Хоша и столицы владения Тами (Термез) одинаковые — 16–17 ли в окружности (что составляет около 6,4–6,8 км)²⁴.

Хроника «Синь-Тан-шу» также сообщает о владении Хоша, занимавшем территорию шириной в 300 ли и длиной в 500 ли. В хронике упоминается и город Воша, что является другой транскрипцией того же топонима²⁵.

Бывший в 726 г. в Средней Азии другой буддийский паломник, Хуэй-чао, описывая Тохаристан, не говорит о Вахше, но рассказывает о Хуттале, в состав которого нередко входил и Вахш. Поэтому приведем эти сведения. Тохаристаном овладели арабы. Царь бежал от них и находится в Бадахшане. В стране живет много тюрок. Царь Хуттала является потомком тюрок. В Хуттале они составляют половину населения, вторая половина — жители местного происхождения. Как царь Тохаристана, так и хуттальский царь, знать и народ почитают учение Будды хиньянистского толка. Во всем Тохаристане и, в частности, в Хуттале имеется много буддийских монастырей и монахов. Существует полиандрия. Выращиваются хлопок, виноград. Есть верблюды, мулы, лошади, ослы, крупный рогатый скот. В Хуттале изготавливаются хлопчатобумажные ткани и шерстяные ковры. Излюбленная еда — высушенные изделия из теста. Жители носят одежды из хлопчатобумажных тканей и меховые шубы²⁶.

Археологические и нумизматические материалы с территорий, входивших в Тохаристан, позволили во многом конкретизировать представление об их истории и культуре. Примерно в VII в. был прорыт канал Кафыр, с помощью которого специально подвели воду к городищу Кафыр-Кала. Этот город стал центром долины. Т. И. Зеймаль отождествила его с упоминаемой Сюань-цзаном столицей области Хоша (Вахш). Цифры, приведенные паломником относительно размеров столицы,

²³ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана... С. 8–118.

²⁴ Beal S. Buddhist records of the Western world. Vol. 1. London, 1906. P. 38–41. Ли, мера длины, значительно варьировала в разные эпохи. В VI в., согласно расчетам Р. Стейна, размер ли составлял 0,4 км. См.: Accounts of Western nations in the history of the Northern Chou Dynasty / transl. by R. A. Miller. Berkeley; Los Angeles, 1959. P. 4.

²⁵ Chavannes E. Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. 6). P. 276–277; Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 84; С. 273–274. Примеч. 664.

²⁶ Fuchs W. Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726 // SPAW. Jg. 1938. XXX. Berlin, 1938. S. 449, 452–453; The Hye-Ch'o Diary. Memoir of the Pilgrimage to the Five Regions of India / transl. by H. Yang et al. Berkeley; Seoul, 1985 (Religions of Asia Series. No. 2). P. 52, 54–55.

кажутся преувеличенными. Однако следует учесть, что, во-первых, Сюань-цзан не видел города, пользуясь сообщением информатора, во-вторых, не исключено, что размеры города давались по внешнему обводу пригорода.

Идентификация Кафыр-Калы со столицей владения Вахш основывается на том, что первое по своим размерам значительно превосходило другие городища VII–VIII вв., находившиеся в долине. Кроме того, городище расположено в самом центре долины, что облегчало осуществление административного управления владением. Это, наконец, подтвердили и раскопки цитадели, где находился большой дворец, в котором жил правитель владения Вахш.

В. А. Лившиц при расчистке остатков рукописи на бересте, раскопанных в тронном зале, нашел черепок с арабской надписью, на котором он прочел слово «хелаверд». В связи с этим представляется вероятным, что раннесредневековая столица Вахша, известная сейчас как городище Кафыр-Кала, называлась Хелавердом. После арабского завоевания столица владения была перенесена на 12 км к северо-западу от Кафыр-Калы, на берег р. Вахш, где сейчас располагается крупное городище Лягман.

Доарабская столица владения Вахш являлась скорее средним, чем крупным городом, она значительно уступала не только таким городам, как Мерв, Балх, Самарканд, но и столицам ряда других областей Тохаристана (Термез, Бударч и др.). Она была сопоставима со средними нестоличными городами. Приведем в качестве примера городище Кафыр-тепа близ селения Бешкапа (Вахшская долина). Это квадратное, обнесенное валом место (305 × 305 м) площадью более 9 га. Посредине западного края поселения — бугор-цитадель. Имелось двое ворот. Вокруг городища был ров. В 1961 г. Т. И. Зеймаль заложила здесь стратиграфический шурф, который вскрыл остатки сооружения. Его стены сложены из пахсовых блоков и сырцового кирпича. Здание и городище относятся к VII–VIII вв.²⁷

Значительно больше было в Тохаристане мелких городов («городков»). Одним из них являлось расположенное в соседней долине р. Кафирниган городище Кафирниган-кала (3,5 га), раскопки которого осуществлялись отрядом под руководством Б. А. Литвинского в 1974–1980 гг.²⁸

В VII–VIII вв. в Вахшской долине ирригационная сеть достигла, как установила Т. И. Зеймаль, максимального развития. Окрестности монастыря Аджина-тепа, а также столицы получали воду из канала Кафыр, пересекавшего всю долину²⁹.

Раннее средневековье для Вахшской долины, как и Тохаристана в целом, — эпоха зрелой урбанизации, высокоразвитого ремесленного производства, интенсивных культурных и экономических связей.

Как повествуют письменные источники и как следует из изученных нами археологических памятников, в Средние века, особенно в домонгольское время, Вахшская

²⁷ Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. С. 142–143. Табл. 71/1; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. // АРТ. Вып. 9. 1964. С. 87–88; Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы... С. 45; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана... С. 120–121.

²⁸ Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган // Археологические открытия 1977 г. М., 1978; он же. Калаи-Кафирниган (раскопки 1974 г.). // АРТ. Вып. 14. 1979; он же. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981; он же. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983; Litvinskij B. A. Kalai-Kafirnigan. Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan // EW. Vol. 31. No. 1–4. 1981. P. 35–65.

²⁹ Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы... С. 37–47.

долина продолжала жить полноценной и кипучей жизнью. Столица располагалась на месте современного городища Лягман, находящегося на берегу Вахша и частично смытого им. Размеры сохранившейся части городища 900 × 640 м, площадь собственно города — около 60 га. Его с трех сторон опоясывают оборонительные стены с башнями и рвами. Имелась ли стена со стороны реки, установить сейчас невозможно. Раскопки и сборы дали обильный вещественный материал, клады бронзовых изделий и монет.

Е. А. Давидович удалось установить, что в конце XI в. и в конце XII — начале XIII в. функционировал монетный двор «Вахш», где чеканилась золотая и серебряная монета³⁰. После монгольского погрома жизнь в Вахшской долине постепенно возобновилась. Во всяком случае, XV в. характеризуется интенсивной работой монетных дворов Южного Таджикистана, выпускавших новые монеты или надчеканивавших старые. Среди этих дворов фигурирует и монетный двор «Вахш»³¹. В это время и позже функционируют и подвергаются ремонту отдельные оросительные системы.

Но вернемся к Аджина-тепа. Он находится в сфере действия древнего канала Кафыр. Ниже Аджина-тепа по течению канала, километром южнее, сохранились остатки небольшого раннесредневекового городища Чоргуль-тепа и прилегающей к нему сельскохозяйственной округи. Чоргуль-тепа — квадратное в плане городище (230 × 230 м), ориентировано почти правильно по сторонам света. В юго-западном углу находится цитадель. Площадь ее внутреннего двора слегка всхолмлена, вход находился в северной стене, ближе к северо-восточному углу. Максимальная высота стен цитадели 7 м. У городища высота сохранившихся стен около 5 м, четко видны два въезда. Городище, видимо, было окружено рвом. Шурфы показали, что оно существовало в VI—VIII вв.; какая-то его часть, скорее всего цитадель, была вторично обжита, впрочем непродолжительно, в XI—XII вв. Между Чоргуль-тепа и Аджина-тепа и особенно к югу и юго-западу от Чоргуль-тепа много небольших селений, частью — типа усадеб. Подъемный материал и шурфы позволили датировать некоторые из них VII—VIII вв. и XI—XII вв. Такова археологическая ситуация, характеризующая ближайшие окрестности Аджина-тепа.

Раскопки Аджина-тепа проводились большим коллективом археологов сектора археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикистана под руководством Б. А. Литвинского, заместителем которого была Т. И. Зеймаль. Раскопки отдельных участков осуществляли археологи Т. Атаханов, Е. В. Антонов, А. Бабаев, М. А. Бубнова, Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль, И. Н. Медведская, Х. Мухитдинов, А. Юсупов, а также лаборанты-археологи, в частности В. С. Соколов, и другие. Особые условия Аджина-тепа (высокий уровень стояния грунтовых вод и их большая засоленность, плотность завалов и обилие в них памятников искусства) порождали большие сложности. Съёмка топографических и археологических планов и разрезов, обмеры производились Б. А. Литвинским при участии Т. И. Зеймаль; архитектурные рисунки и аксонометрии — архитектором экспедиции С. Б. Неумывакиным; графическая и живописная фиксация осуществлялась художниками Н. А. Винниченко, Ю. П. Гремячской, А. К. Лиминим, С. Б. Неумывакиным и Г. Ф. Ушаковым; фотофиксация — А. Набиуллиным и Н. Ясаковым.

³⁰ Давидович Е. А. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. // НЭ. Т. 5. 1965. С. 232–233.

³¹ Там же; она же. Новые нумизматические материалы... С. 44–45.

В процессе раскопок было найдено большое количество произведений скульптуры и живописи. Их консервация и извлечение были с большим искусством проведены группой реставраторов Государственного Эрмитажа под руководством П. И. Кострова. В его отсутствие реставрационные работы возглавляла реставратор М. П. Винокурова. В составе реставрационной группы состояли реставраторы Н. Ростовцева, В. М. Соколовский, Г. И. Тер-Оганьян, Р. М. Цыпина и реставраторы-практиканты Института истории им. А. Дониша Л. П. Новикова и М. П. Страдомская. В последние годы раскопок реставрационные работы самостоятельно проводились вышеупомянутыми душанбинскими реставраторами. Некоторая часть произведений искусства была первично закреплена и успешно извлечена самими археологами. Длительная и сложная окончательная обработка предметов скульптуры и настенной живописи из Аджина-тепа проводилась в реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа под руководством П. И. Кострова, которому принадлежит методика полевой и камеральной обработки этих материалов. Впоследствии она была воспринята, модифицирована и развита реставрационно-технологической лабораторией Института истории им. А. Дониша (под руководством Л. П. Новиковой).

Археологические раскопки на Аджина-тепа осуществлялись в два сезона, весенне-летний и осенне-зимний, и протекали в чрезвычайно сложных климатических условиях. В конце весенне-летнего сезона ртутный столбик достигал 45°С в тени; осенне-зимний сезон начинался вместе с постоянными дождями или выпадением снега, продолжаясь иногда до второй половины декабря. В этих трудных условиях участники экспедиции проявляли подлинную самоотверженность, работая порой на пределе человеческих возможностей. Успеху их деятельности способствовали большие, практически нелимитированные ассигнования, ежегодно отпускавшиеся на эти исследования.

Ход раскопок освещался нами в археологических отчетах; отдельным объектам и проблемам были посвящены специальные публикации³². В 1968 г. Б. А. Литвинский выпустил книгу «Outline History of Buddhism in Central Asia», в которой дал краткое описание Аджина-тепа в свете истории буддизма в Средней Азии³³. В 1971 г. увидела свет книга Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль, содержащая публикацию и анализ раскопанной в 1960–1966 гг. части памятника. Книга встретила весьма благоприятный прием³⁴.

³² Зеймаль Т. И. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г.; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г.; они же. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Аджина-Тепе) // СЭ. 1968. № 3; они же. Раскопки на Аджина-Тепе и Кафыркале в 1970 г. // АРТ. Вып. 10. 1973; они же. Раскопочные работы на Аджина-Тепе // АРТ. Вып. 11. 1975; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // АРТ. Вып. 13. 1977; Зеймаль Т. И., Литвинский Б. А. Первые глиняные модели ступы из Средней Азии (Аджина-Тепе) // Санскрит и древнеиндийская культура. Т. 1. М., 1979; Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджина-Тепе в 1975 г. // АРТ. Вып. 15. 1980; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики ступы в Средней Азии и Индии (а также многочисленные статьи в душанбинских и московских газетах).

³³ Litvinskij B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Dushanbe, 1968; репринты: *id.* Outline History of Buddhism in Central Asia // Kushan Studies in USSR. Calcutta, 1970. P. 53–132; *id.* [Buddhism in] Central Asia // Encyclopaedia of Buddhism / ed. by J. Dhiraekera. Vol. IV. Fasc. I. Sri Lanka, 1979. P. 21–52.

³⁴ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971 (рецензии: B. Brentjes // Bibliotheca Orientalis. 1973. Jg. 30. No. 1–2; G. Fussman // Arts Asiatique. 1973. Vol. 28; G. Glaeser // East and West. 1975. Vol. 25/1.2; частичный перевод: Litvinsky B. A., Zeimal T. I. Buddhist monastery VII–VIII c. A. D. in South Tadjikistan // Kushan culture and history. Kabul, 1971).

Однако раскопки, произведенные в 1967 г. и последующие годы, не были отражены в первой публикации, лишь в настоящее издание впервые включены материалы последних восьми лет раскопок. Изменена также структура книги, в нее добавлены новые разделы. Таким образом, это не второе, а новое, полное издание и исследование Аджина-тепа.

Наш труд является попыткой рассказать о раскопках памятника и более подробно осветить характер его интереснейшей архитектуры и замечательных артефактов скульптуры и живописи. Мы концентрируем свое внимание на историко-культурной интерпретации издаваемых памятников. Именно поэтому результаты исследований Аджина-тепа рассматриваются в широком историческом и историко-культурном контексте, с привлечением для сопоставления, помимо среднеазиатского, также индийского, афганистанского и восточнотуркестанского материала. Наша цель при этом состояла в том, чтобы, с одной стороны, выявить то общее, что их связывало, с другой стороны, обнаружить, сколь много специфически местного, самобытного было в искусстве и архитектуре Аджина-тепа, что и дало возможность постулировать существование особой тохаристанско-буддийской школы искусства.

Глава I

АДЖИНА-ТЕПА: ХРОНОЛОГИЯ РАСКОПОК

Среди возделанных полей Вахшской долины возвышается небольшой продолговатый холм. Еще лет 50–60 назад на этом холме стояли глинобитные лачуги небольшого кишлака. Следы его видны на поверхности и сегодня, но жители давно оставили это место. У здешних стариков оно пользуется дурной славой. Отсюда и название холма — Аджина-тепа («Чертов холм»).

Археологи впервые побывали на Аджина-тепа, как указывалось выше, только в 1959 г., да и раньше, видимо, случайные посетители не часто заглядывали сюда, хотя расположен этот холм в довольно людном месте — на самой окраине центральной усадьбы совхоза им. Кирова, у автомобильной дороги, по которой ежедневно проезжают десятки машин. Причина этого, конечно, не только в суевериях, но и в том, что холм с трех сторон окружен сбросовыми арыками и выглядит с дороги местом малопривлекательным: бесформенные бугры, какие-то ямы, густо заросшие колючкой. Только поднявшись на поверхность холма, можно понять, что Аджина-тепа — это остатки сложного комплекса построек. То, что с дороги выглядит как бесформенное нагромождение земли, при взгляде сверху приобретает довольно правильные очертания прямоугольника (50 × 100 м), состоящего из двух равных по величине квадратов, разделенных перемышкой-валом. В центре более высокого юго-восточного квадрата — большое чашевидное углубление. В центре северо-западной половины — холм с крутыми склонами (высота около 3 м, диаметр около 20 м), подножие которого окаймлено узкой полосой впадины.

В 1959 г. памятник был только осмотрен, в 1960 г. здесь были заложены два пробных шурфа, а с 1961 по 1975 г. на Аджина-тепа велись основные раскопочные работы Южнотаджикистанского отряда Таджикской археологической экспедиции. До 1963 г. раскапывалась в основном юго-восточная половина, затем работы были перенесены главным образом на северо-западную часть памятника. К 1966 г. было расчищено примерно две трети помещений, скрытых под оплывами холма (рис. 2).

В ходе последующих раскопок были вскрыты помещения северо-восточного и северо-западного фасов юго-восточной половины, большого отрезка северо-восточного фаса северо-западной части памятника (рис. 3–4). Очень трудоемким, но плодотворным оказалось вскрытие дворов обеих половин памятника. В процессе этих работ в северо-западном дворе была раскопана огромная главная ступа и находившиеся в углах двора миниатюрные ступы. Кроме того, были обнаружены участки внешнего фаса памятника. В результате памятник был *раскопан полностью*.

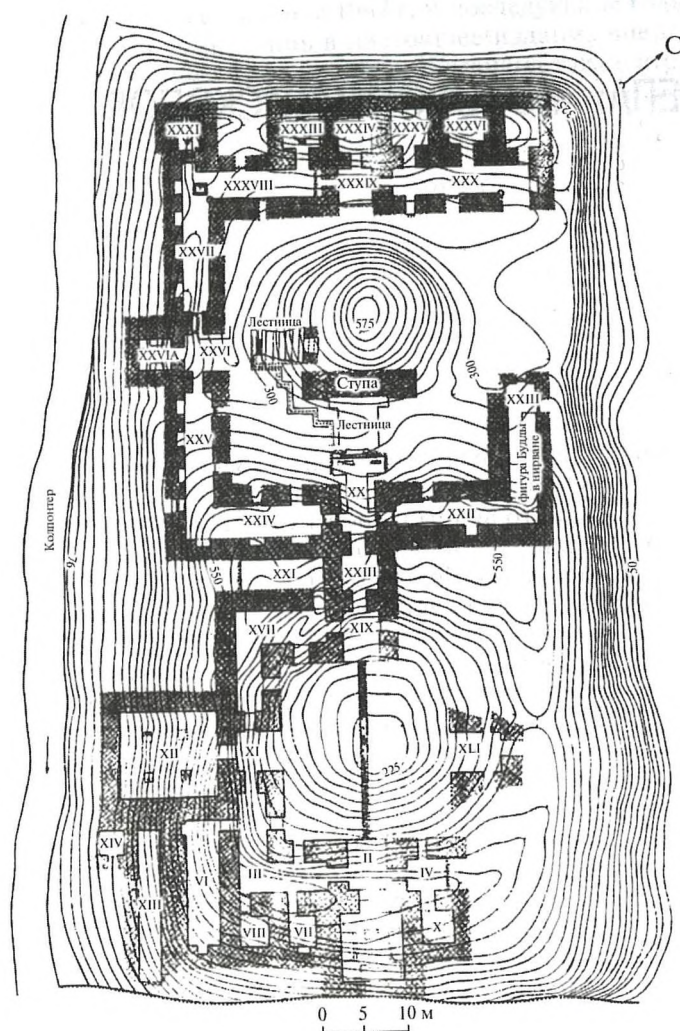

Рис. 2. Топографический план холма и здания Аджина-тепа (1966 г.)

Выявленные раскопками архитектурно-планировочные особенности и найденные в разных частях здания остатки живописи и скульптуры показывают, что развалины Аджина-тепа — это остатки единого ансамбля жилых и культовых помещений буддийского монастыря. Юго-восточная половина памятника и есть собственно монастырская часть, состоявшая из построек в форме каре вокруг квадратного двора (19 × 19 м), который выглядел до раскопок как чашевидное понижение. В центре двора северо-западной половины была сооружена ступа, а окружавшие ее помещения имели преимущественно культовое назначение. В пределах каждой половины здание было построено по единому плану. Интервал во времени между возведением построек монастырской части и помещений вокруг ступы, если и существовал, вряд ли был продолжительным. Об этом свидетельствует, в частности, одинаковый уровень полов в помещениях обеих половин комплекса.

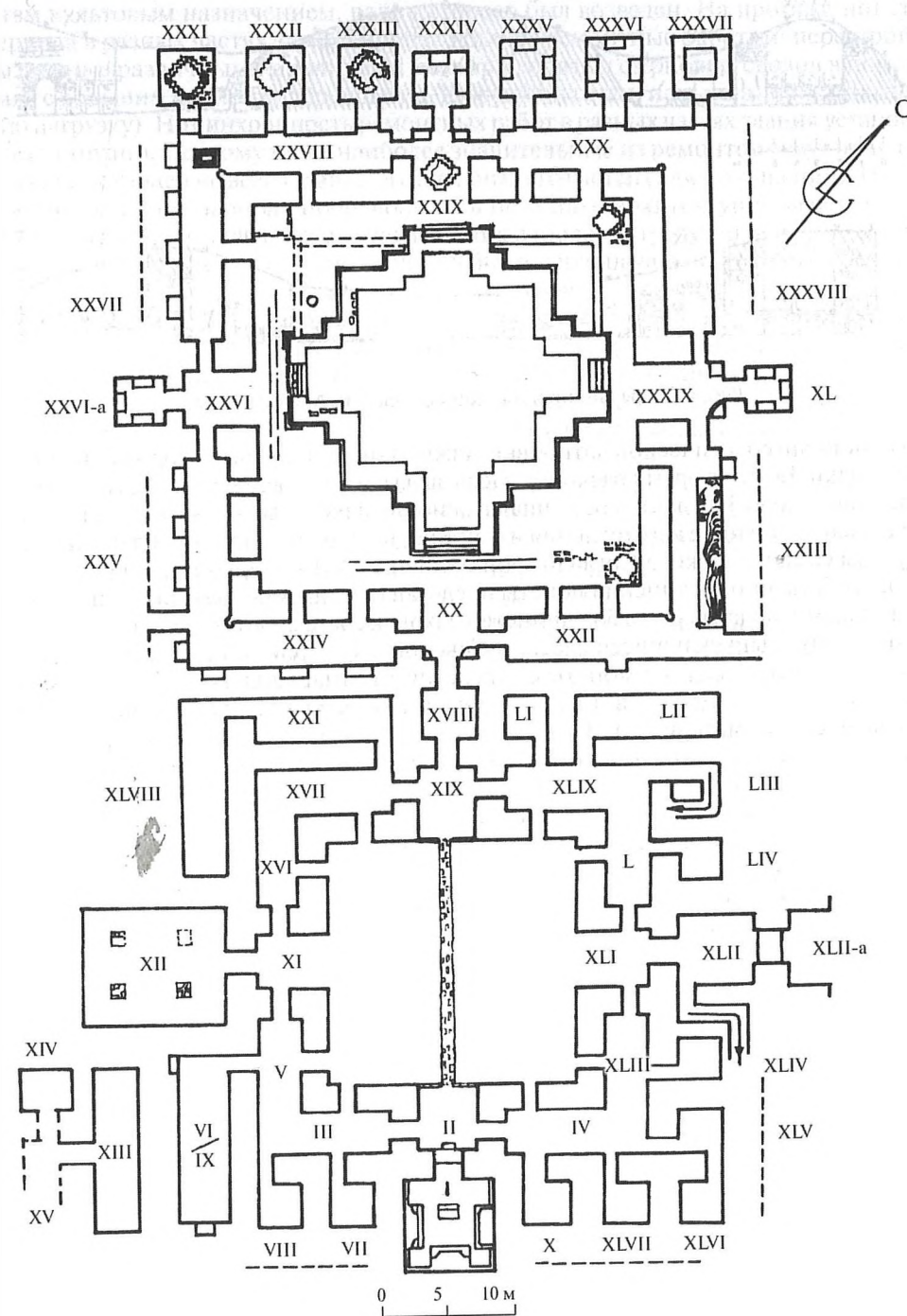

Рис. 3. План здания Аджина-тепа (1975 г.)

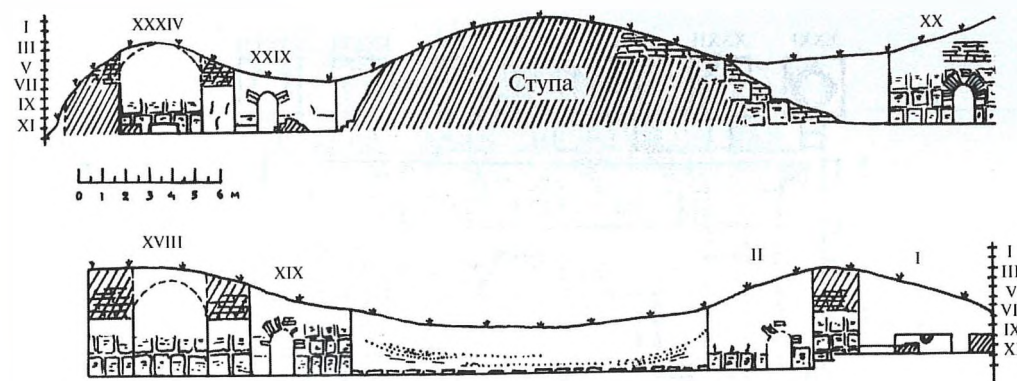

Рис. 4. Разрез по продольной оси здания Аджина-тепа

В основу археологической датировки Аджина-тепа могут быть положены монетные находки. Всего за время раскопок здесь была собрана большая нумизматическая коллекция (около 300 экз.)¹, состоящая в основном из литых медных монет, весьма близких как по технике изготовления и фактуре, так и по почерку легенд к монетным выпускам самаркандского Согда второй половины VII — первой половины VIII в. Однако собственно согдийские монеты представлены на Аджина-тепа единичными экземплярами: подавляющее большинство находок составляют монеты новых типов, по-видимому, выпускавшиеся здесь, в Северном Тохаристане, примерно в то же время, что и литые медные монеты с отверстиями самаркандского Согда — с середины VII до середины VIII в. (эта датировка подкрепляется всей совокупностью археологического материала). В этих же хронологических рамках может быть датировано и функционирование комплекса построек Аджина-тепа как монастыря. После более детального изучения и определения монет, видимо, возможно будет уточнить и датировку разных этапов истории здания, так как часть монет была обнаружена в выгодных для этого стратиграфических условиях (в штукатурке, в кладке стен, в обмазках полов и т. п.).

Уже по результатам первых раскопочных работ на Аджина-тепа наметилась наиболее общая схема истории здания: период возведения, первый период жизни («монастырский»), период запустения, второй период жизни (период обживания развалин).

Последующие раскопки не только подтвердили правильность этой схемы, но и позволили детализировать ее. Хуже других периодов улавливается пока археологический период первоначального возведения здания; предположительно — в пределах VII в.; нет пока никаких определенных данных, которые позволили бы судить и о его продолжительности.

Первый, или «монастырский», период жизни здания — наиболее продолжительный. Он длился, видимо, около ста лет, т. е. все то время, когда комплекс построек Аджина-тепа был населен буддийскими монахами и использовался в соответствии

с тем культовым назначением, ради которого был возведен. На протяжении этого периода в разных частях здания производились ремонтные работы и перестройки, вызванные различными причинами (пожары, обвалы сырцовых сводов в помещениях с большим пролетом перекрытия, разрушение стен, испытывавших повышенную нагрузку). Но синхронность ремонтных работ в разных частях здания установить иногда трудно. Поэтому ниже наиболее значительные из ремонтов будут отмечены в связи с историей не всего здания, а отдельных его частей (или помещений). На протяжении первого периода производились не только архитектурно-строительные ремонты, но и косметические — помещения заново оштукатуривались и окрашивались. При этом если стены помещения были первоначально покрыты сюжетными или орнаментальными росписями, то после ремонта росписи не возобновлялись. Не восстанавливались, как правило, и разрушившиеся скульптурные изображения; иногда обломки статуй вмуровывались в заложенные проемы или ремонтные стены. В целом все ремонтно-перестроечные работы в течение «монастырского» периода выполнялись на значительно более низком техническом и художественном уровне по сравнению с периодом первоначального возведения здания и его декоративного оформления.

Период запустения наступил не одновременно для всего здания. Часть помещений, в частности, в результате разрушений сводчатых перекрытий, была заброшена, когда монастырь в целом продолжал существовать и функционировать. Прослойка периода запустения, перекрывающая полы первого периода, неодинакова в разных помещениях, и толщина ее составляет от 50 до 75 см.

Окончательное запустение с прекращением функционирования комплекса как буддийского культового сооружения — *сангхарамы* явилось, возможно, последствием арабского завоевания этой территории. Как известно из письменных источников, уже с рубежа VII и VIII вв. начинаются набеги арабов на территорию Хутталя, а затем попытки захватить его. Неоднократно арабские войска изгонялись из страны. Но силы были неравны. В 737 г. арабам удалось захватить Хутталь; по словам Табари, арабский предводитель «рассеял свои конные отряды по дорогам Хутталя». Однако окончательно Хутталь был покорен арабами лишь в середине VIII в., когда, по сообщению того же Табари, один арабский военачальник прошел из области Вахш, то есть из Вахшской долины, в Хутталь (в данном случае, видимо, в район современного Куляба). Этот поход, имевший место в 750 г., знаменовал завершение покорения Хутталя арабами².

Над верхней границей прослойки периода запустения лежат полы второго периода жизни здания (в тех помещениях, где она продолжалась). Слои второго периода насыщены золой, углем, обгорелыми комьями глины, фрагментами керамики и плохо сохранившихся железных изделий, мелкими обломками стеклянных сосудов. Со вторым периодом не связано сколько-нибудь значительных перестроек. Планировка здания оставалась прежней. Показательно, что слой второго периода присутствует только в тех помещениях, где перекрытия и стены после периода запустения не разрушились. Но этим и ограничивается «преемственность» обитателей второго периода по отношению к тем, кто возводил здание и населял его на протяжении «монастырского» периода. Заброшенный монастырь использовался какими-то ремесленниками главным образом для производственных целей без учета первоначального назначения помещений. Разного вида тануры и печи (одиночные, двойные,

¹ Над изданием этих монет работали В. А. Лившиц и Е. В. Зеймаль, см.: Лившиц В. А. Клад медных анэпиграфных монет последней четверти VIII в. // Давидович Е. А. Клады древних и раннесредневековых монет Таджикистана. М., 1979. С. 79—80; Давидович Е. А., Зеймаль Е. В. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма) // Ближний и Средний Восток: товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 73—74.

² История ат-Табари / пер. В. И. Беляева; доп. к пер. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент, 1987. С. 241—250, 339, 347. См. также: Белецкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // МИА. № 15. 1950. С. 114—118.

двойные, тройные, в один и два яруса, небольших размеров и крупные), шлаки, мощные горелые слои остались от второго периода жизни здания и в коленчатых коридорах монастырской половины, и в святилищах храмовой части, и во дворе. Без малейшего почтения две вотивные ступы были прорезаны такими танурами, а отвалы золы и шлака заполнили вестибюльное помещение основного храма монастырской половины и перекрыли скульптурный завал в святилище.

Со слоем второго периода (этапа обживания развалин) связаны находки арабских дирхемов (741/2 гг., 751/2 гг., 779/80 гг., — определение Е. А. Давидович), что позволяет датировать его вплоть до конца VIII в. Таким образом, комплекс построек Аджина-тепа, сооруженный примерно в середине VI в., просуществовал как буддийский монастырь около ста лет, к середине VII в. пришел в запустение, и во второй половине VIII в. (или только в последней его четверти) полуразвалившееся здание время от времени использовалось для производственных целей. Раскопками установлено, что деление здания на две части определялось разными функциями каждой из них. Такое соединение в одном ансамбле монастыря (вихары) и святилища (сангхарамы), как будет показано ниже, закономерно для буддийского памятника VII — начала VIII в. Несмотря на одинаковую для каждой половины четырех-айванно-дворовую планировочную схему, различие в назначении монастырской и храмовой частей здания было заложено уже согласно архитектурному замыслу строителей Аджина-тепа.

Монастырская половина

Как уже отмечалось выше, юго-восточная часть здания состоит из помещений, окружающих оставшийся незастроенным квадратный (19 × 19 м) двор. В середине каждой стороны этого квадрата — айван (помещение с тремя стенами, обращенное открытой стороной во двор), соединенный проходом в задней стене с квадратной (или подквадратной) целлой (соотношение между айваном и целлой в Аджина-тепа примерно такое же, как между пронаосом и наосом). Эти парные помещения являются осью симметрии каждой из сторон квадрата и симметрично расположены по отношению друг к другу. Совпадают и ширина осевых айвановых помещений (см. на плане помещения II, XI, XIX и XLI) и расположенных в боковых стенах всех четырех айванов монастырской половины арочных проемов, ведущих в коленчатые коридоры (см. на плане помещения III/V, XIV/XVII, IV/ XIII, XIX). Однако полной симметрии сторон здания не было: осевые помещения, расположенные непосредственно за айванами, различаются и размерами, и устройством, и назначением (см. на плане помещения I, XII, XVIII, XLII).

Помещение I, квадратное в плане (7 × 7 м), — осевое для юго-восточного фасада монастырской половины. Выступы-пилоны, фланкирующие проход в айван — помещение II, поставлены совершенно симметрично в отношении длинной оси помещения (рис. 5). Между пилонами расположен ступенчатый подъем, так как пол в помещении I на 0,6 м выше пола в айване; перекрытие проема — сводчатое.

Внутреннее устройство помещения I и, в особенности, его художественное убранство были сложными и полностью реконструированы быть не могут. Вдоль боковых и задней стен были устроены двухступенчатые фигурные постаменты, нижнюю ступень которых составлял невысокий выступающий плинт, а верхняя (основная) ступень имела вид параллелепипеда с врезанными четвертькуполками на внешних углах. Первоначальную высоту постаментов определить точно невозможно, так как

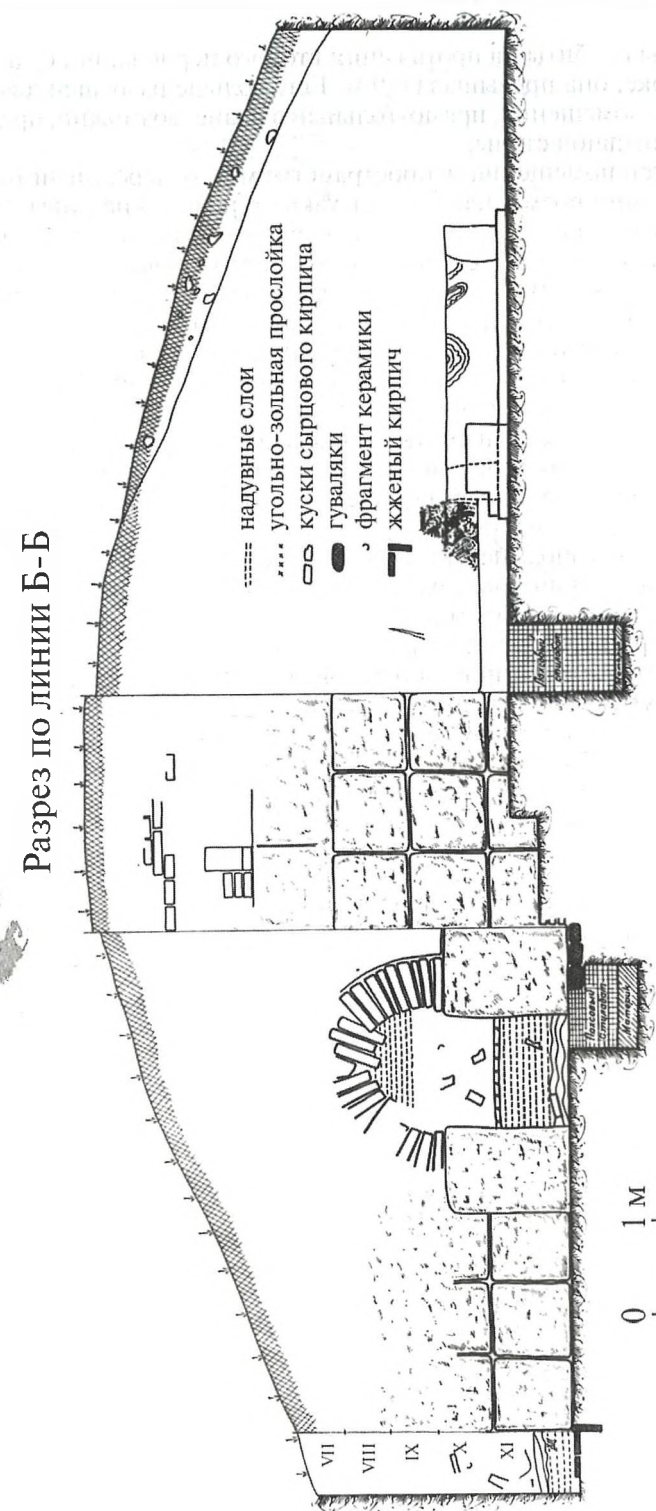

Рис. 5. Разрез через помещения I и II

верхние части были сбиты на протяжении второго периода, но, судя по сохранившейся штукатурке, она превышала 0,9 м. Еще больше разрушен двухчастный постамент в центре помещения, прямоугольный в плане, возможно, представляющий собой остатки вотивной ступы.

У боковых стен помещения, в пространстве между передними торцами постаментов и пилонами проема, находились узкие и невысокие суфы. Нижние части стен, а также поверхности суф и постаментов сохранили остатки росписей, в том числе сюжетных. Фасадные стенки боковых постаментов были украшены рельефными налестками — это нижние части складчатых одеяний крупных скульптур, располагавшихся на постаментах. Остатки горельефных орнаментов, встреченные в завале южного и восточного углов помещения, скорее всего помещались в пространстве стен между постаментами. О скульптурах, занимавших постаменты, можно судить только по фрагментам, составлявшим завал над полом первого периода. Наиболее крупные фрагменты принадлежат статуе высотой около 4 м, сидящей на постаменте напротив входа (диаметр головы — около 95 см). Головы и другие фрагменты фигур, располагавшихся на боковых постаментах, выполнены в натуральную величину и в половину ее.

Остатки второго периода перекрывают в помещении I скульптурный завал в виде выклинивающихся зольников, заходящих сюда из помещения II и переслоенных натеchnо-надувными прослойками.

Помещение I, расположенное по длинной оси всего здания, судя по обнаруженным в нем остаткам, служило единственным святилищем в монастырской половине.

Помещение XII, расположенное за айваном юго-западного фаса двора, представляет собой большой прямоугольный четырехколонный зал (10,25 × 9,5 м). Его стены, сложенные из блоков пахсы, сохранились на высоту до 6 м. Уцелели и «утопленные» в пол основания колонн из жженого кирпича. Стволы колонн были, видимо, как и перекрытие помещения XII, деревянными и погибли в результате пожара. Стены зала обожжены бушевавшим здесь огнем настолько, что даже сейчас, через 20 веков, имеют красновато-коричневый цвет. Однако после пожара жизнь в помещении XII не прекратилась: остатки рухнувшей кровли и колонн были убраны, стены, прилегающие к айвану, утолщены своеобразными пилонами — мощными отрезками кирпичных стен небрежной кладки. Большое количество сырцового кирпича в заполнении помещения XII, видимо, связано с обрушением верхних частей стен, надстроенных после пожара. Но все эти ремонтные работы не остановили разрушение зала: вход в него был закрыт окончательно глухой стеной, возведенной со стороны айвана (рис. 6). Тогда же приставной стеной был заложен и другой выход — из айвана XI в коленчатый коридор XVI/XVII.

Пожар и сравнительно быстрое — еще на протяжении первого периода — разрушение помещения XII привели к тому, что оно было все же заброшено обитателями монастыря. Поэтому о первоначальном облике и художественном убранстве этого зала судить трудно. Неясно, например, принадлежат ли помещению XII скульптурные фигуры, остатки которых (фрагменты ног и прически крупной головы) найдены в зале. Размеры помещения и его первоначальная планировка (четыреколонный зал) позволяют с уверенностью считать, что именно здесь был обычный для буддийских вихар зал для собраний общины.

Помещение XVIII (за айваном XIX), осевое для северо-западного фаса двора, расположенное, как и святилище I, на длинной оси всего здания, небольшое по размерам — 3,8 × 4,1 м. Задняя (по отношению к двору) стена, которая в двух других cellах является глухой, в описываемой имеет высокий арочный проем, ведущий в айван XX, относящийся уже ко второй, северо-западной половине комплекса.

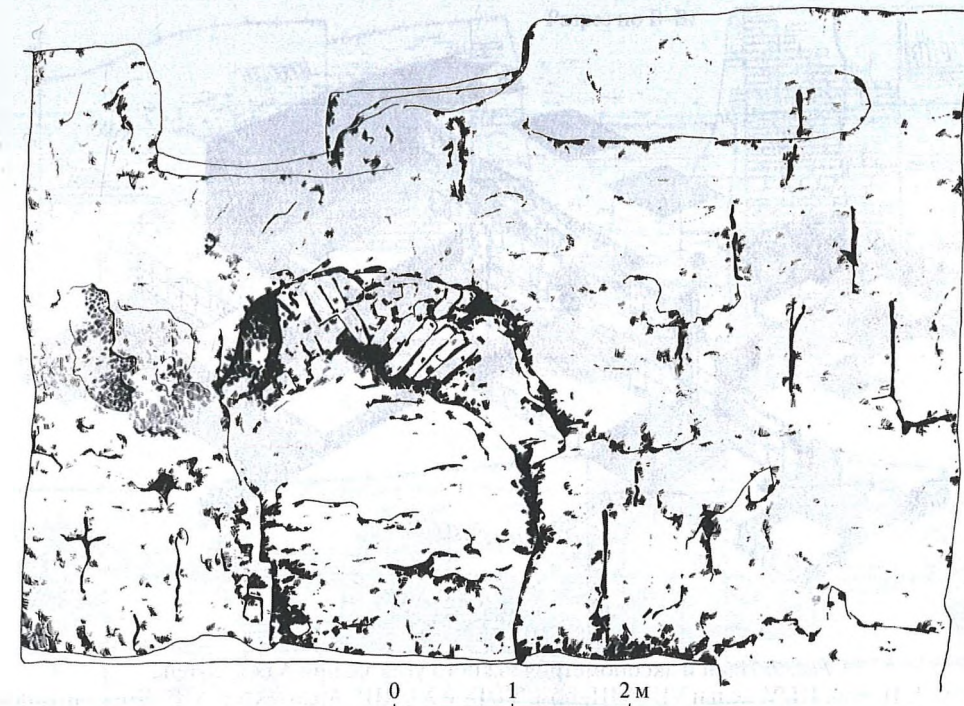

Рис. 6. Арочное перекрытие проема из зала XII в айван XI

Функционально эта трехчастная анфилада являлась своеобразными пропилеями, связывающими две половины памятника. Следует добавить, что посетитель, пройдя эти «пропилеи», вступал в квадратный двор, и если он направлялся к помещениям I—II, то мог идти по пересекающей двор дорожке, тщательно выложенной из жженого кирпича. По сторонам дорожку ограничивали две ленты вертикально врытых (широкой стороной) кирпичных плиток, внутри которых один кирпич клался ложком, другой тычком; общая ширина дорожки — 0,75–0,8 м. Постепенно дорожка пришла в ветхость, многие кирпичи поломались или рассыпались. На каком-то этапе первого периода ее присыпали гравием. Траншея (ширина 1,75 м), первоначально проложенная нами по оси двора, вдоль дорожки, дала представление о заполнении культурными накоплениями двора: вблизи помещений имеются заплывшие куски строительного развала, образовавшиеся при обрушении зданий, над ними — натеchnо-надувные слои, уровень которых понижается к центру двора.

Подквадратное в плане помещение XVIII было, очевидно, перекрыто куполом. В айване XIX найдены фрагменты лепных рельефов, украшавших его стены первоначально. В обоих помещениях четко прослеживаются остатки второго периода обживания здания.

Внутренний обвод двора образуют совершенно одинаковые коленчатые коридоры, в торцовых стенах которых имелись проходы в прилегающие айванские помещения в центре каждого фаса (рис. 7). Коридор III/V (южный угол двора) соединяет айваны II и XI, коридор XVI/XVII (западный угол) — айваны XI и XIX, коридор IV/XLIII (восточный угол) — айваны II и XLI, а коридор XLIX (в северном углу двора) — айваны XIX и XI.

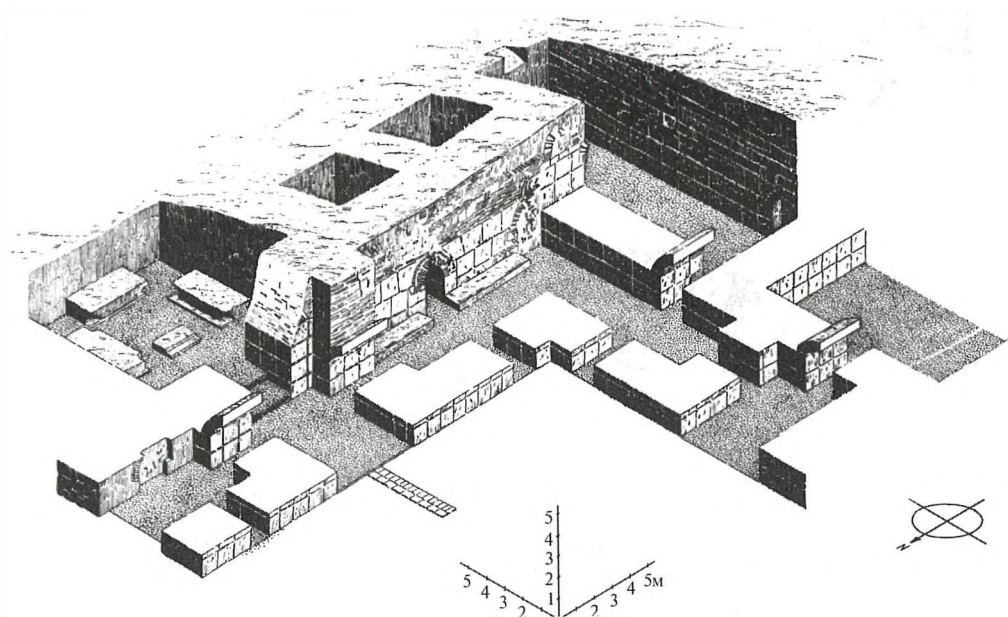

Рис. 7. План и аксонометрия южного угла здания Аджина-тепа (пом. I, II, кор. III/V, кельи VII–VIII, пом. VI/IX и XI/XII). Архитектор А. С. Константинов

В помещении III/V (как и в других коридорах монастырской половины) длина каждого колена составляет около 11 м, ширина — 3,25 м. В наружной стене каждого из колен — арочный проход во двор. Во внутренней стене помещения III — два проема (в том числе один в углу), во внутренней стене помещения V — один проем. В торцовых стенах — уже упоминавшиеся выше проходы в айваны II (из помещения III) и XI (из помещения V).

Стены коридоров (рис. 8–9) сложены из трех рядов пахсы, выше идет кирпичная полочка (5–6 рядов кирпича), над полочкой — свод наклонными отрезками. Нижние части стен сохранили следы ремонта: в разрушенные участки вмазаны сырцовые кирпичи, поставленные на ребро. Первоначально стены были украшены рельефной орнаментацией и полихромной росписью, сохранившимися на небольших участках. У внутренней стены помещения III была устроена суфа, делившаяся проемом на две части. На протяжении первого периода коленчатый коридор III/V ремонтировался: вдоль внутренней стены колена V была поставлена подпорная пахсовая стенка (закрывшая арочный проем в помещении VI, прекратившем после этого ремонта функционировать); еще раньше был переложен торец колена V; на каком-то этапе первого периода был заложен и проход из помещения III в айван II.

Не связаны с первоначальным назначением коридора III и обнаруженные в нем остатки производственной деятельности обитателей. Здесь было сооружено возвышение, в которое были вмазаны крупные хумы, напоминающие современные тануры. Для них использовались специально изготовленные сосуды без дна (высота около 70 см), стенки которых равномерно расширяются книзу от венчика-закрайны. «Сосуды» были заключены в коиху из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Верхняя площадка коиху облицована обломками жженого кирпича. У основания «сосудов» имелись квадратные отверстия (15 × 15 мм) — поддувала.

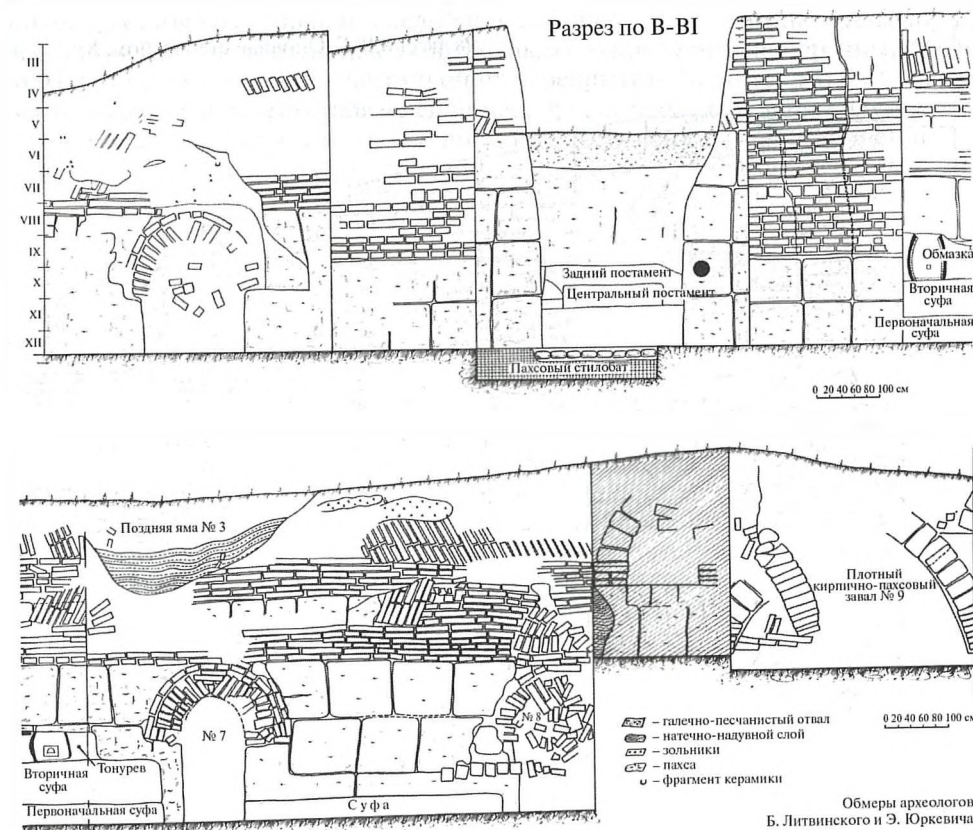

Рис. 8. Разрез через юго-восточную часть строения (пом. IV, II, III, VI/IX)

В коиху напротив отверстия положен кирпич с вырезанным в нем квадратным отверстием. В одном случае в тануре был найден почти целый кувшин.

Коленчатый коридор XVI/XVII отличается от помещения III/V числом проемов в стенах, а также деталями выкладки арок, устройством стен и полочки, кладкой сводчатого перекрытия. Подпорная стена в помещении XVI сооружена одновременно с ремонтной стеной в помещении V; на последнем этапе первого периода угол, в котором соединялись оба колена коридора, был заложен, и проходное помещение превратилось в две обособленные удлиненные комнаты с самостоятельными входами во двор.

Симметрично расположенные и соединенные айванами (II, XI, XIX и XLI), коленчатые коридоры III/V, XVI/XVII, XLIX/L и IV/XLIII выполняют организующую роль в планировочном решении монастырской половины. В наружной стене каждого из колен — арочный проход во двор, в торцовых стенах — проходы в айваны. Но единообразие и симметрия характерны только для помещений, составляющих внутренний обвод двора. Внешние ряды помещений, хотя они и образованы из повторяющихся планировочных элементов (кельи с купольным перекрытием VII, VIII, X, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, LI, LIV; одноколенчатые коридоры VI/IX, LII и т. д.), дают для каждого из четырех фасов свой, оригинальный вариант. Это своеобразие обусловлено различающимися и функционально и планировочно осевыми

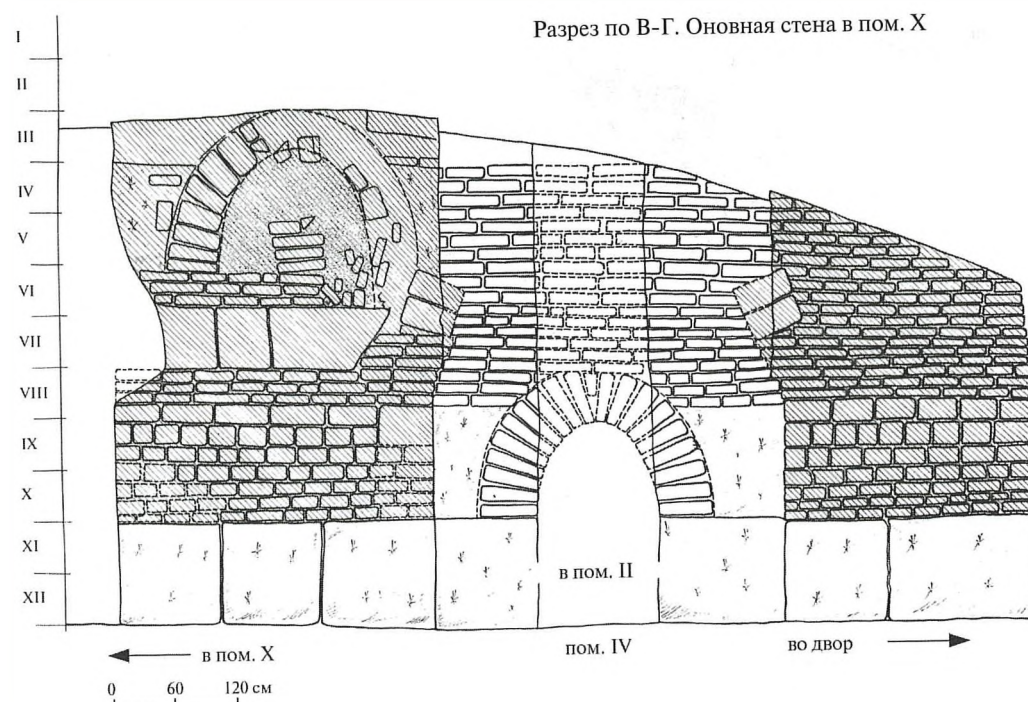

Рис. 9. Разрез через коридор IV

помещениями, расположенными в центральной части внешнего ряда помещений каждого фаса (I — святилище, XII — зал для собраний общины, XVIII — купольные «пропилеи», ведущие в храмовую половину, XLII — купольные «пропилеи» входа в монастырскую половину). Но центральными помещениями эти различия в планировке не ограничиваются; каждый из углов монастырской половины (по второму ряду помещений) — это новый вариант композиционно-планировочного решения.

К коленчатому коридору III/V примыкают две кельи (пом. VII и VIII) и длинный сводчатый коридор VI/IX (южный угол монастырской половины). Второй ряд помещений в западном углу монастырского каре составляют коридоры XXI и XLVIII, соединявшиеся проемами с коленчатым коридором XVI/XVII. В восточном углу монастырской половины к коридору IV/XLIII снаружи примыкало пять келий (X, XLIV–XLVII), соединенных с ним проемами. Внешний ряд помещений в северном углу (коленчатый коридор XLIX/L) составляли две кельи (LI и LIV), коридор (LII) и пандусное устройство (LIII), которое вело на второй этаж монастырской половины (или на крышу).

Эти планировочные и конструктивные различия в значительной степени определяют и различия в судьбе разных участков монастырской половины в процессе их функционирования и последующего разрушения. Дело в том, что оползание стен под тяжестью массивных сырцовых перекрытий (купольных или сводчатых) не редкость на Аджина-тепа. Как правило, такие случаи засвидетельствованы только в монастырской половине комплекса (а в храмовой — в тех помещениях, которые граничили с монастырской половиной) и лишь тогда, когда два длинных коридора шли параллельно. Если же второй ряд помещений (параллельный коленчатому

коридору) состоял из купольных келий или святилища (т. е. длинная стена коридора имела как бы дополнительные «контрфорсы» — массивные поперечные перегородки), стены справлялись с нагрузкой от перекрытий. Видимо, это было результатом серьезного просчета строителей монастыря, не соразмеривших силу давления тяжелых сводов с протяженностью и шириной помещений и толщиной стен.

В южном углу монастырской половины в результате такого просчета обрушился свод большого одноколенчатого коридора VI/IX, в котором первоначально, видимо, находились мастерские монастыря. Вход в мастерские со стороны коленчатого коридора III/V заложили пахсовыми блоками, а стену дополнительно укрепили приставной кирпичной стеной. Чтобы компенсировать потери в площади, пришлось пристраивать к внешнему фасаду здания, уже по другую сторону от засыпанного коридора VI (IX), несколько дополнительных комнат (XIII, XIV, XV).

В западном углу монастырского каре аналогичные ремонты, усиливавшие первоначальные стены, а также частичные или сплошные закладки помещений пришлось делать в помещениях XVI и XLVIII и в параллельно расположенных трех сводчатых помещениях XVII, XXI и XXIV (т. е. в обходном коридоре храмовой половины).

В северном углу, в помещении III, обрушился не только свод, но и стены почти на полную их высоту (внутри помещения реальные поверхности стен зачищались лишь на отдельных участках — у самого пола). Просели и частично были переложены свод соседнего коленчатого коридора XLIX/L (в месте его поворота), а также арка свода пандусного марша (пом. LIII). Со стороны храмовой половины комплекса, в том месте, где к ней примыкал северный угол монастырской половины (т. е. в пом. XXII), по всей длине стыка с разрушавшимися помещениями вначале была поставлена подпорная стена, а позднее часть этого коридора заложили сплошной кирпичной кладкой.

Следов усиления стен и ремонта свода в коленчатом коридоре не обнаружено в восточном углу монастырской половины, где к коленчатому коридору IV/XLIII снаружи примыкали четыре купольные кельи (XLIV–XLVII). Свод здесь сохранился и после того, как монастырь был заброшен. Именно поэтому в восточном углу монастырской половины всюду прослеживаются слои активного вторичного обживания: их мощность в коленчатом коридоре IV/XLIII составляет 0,5–0,6 м. Со слоем второго периода здесь связано несколько разрушенных печей производственного назначения одинаковой конструкции — хумов, обложенных поставленными вокруг них на ребро сырцовыми кирпичами, с отверстием-поддувалом в передней стенке. Ко второму периоду относится и кирпичная вымостка вдоль внутренней стены коридора XLIII (слева от входа в келью XLIV) — правильных очертаний, скругленная по внешнему краю так, чтобы не закрывать доступ в келью XLIV и айван XLI, и вымощенная аккуратно положенными (плашмя и вплотную друг к другу) плитками жженого кирпича. Эту вымостку подстилал мощный слой обгорелой глины, золы и органических остатков, сильно попортивший поверхности стен коридора и проемов в нем. Он четко прослеживается по всей площади коридора IV/XLIII, «языками» заходит в кельи, айванные вестибюли (пом. LII и XLI), перекрывает завал из обломков скульптуры в помещении святилища I и толстым слоем лежит в восточном углу двора. Только на этом участке монастырской половины с такой определенностью прослеживаются два этапа вторичного обживания заброшенного монастыря: основная толща наслоений второго периода уже покрывала коридор IV/XLIII, когда сооружалась упоминавшаяся выше вымостка. Одновременно с существованием этой вымостки кельи XLIV и XLVII (т. е. на втором этапе второго периода) были использованы в качестве хлева. Расположенные рядом

сдвоенные кельи XLV и XLVI, видимо, на протяжении всего второго периода использовались временными обитателями развалин монастыря под жилье. Следует отметить, что в планировке Аджина-тепа — это единственный случай сдвоения такого рода помещений (все кельи одинаковы по размеру — со сторонами 3,20–3,40 м). В келье XLV археологи смогли расчистить сохранившийся большой участок купольного перекрытия. В одном случае удалось зафиксировать остатки поперечного разгрузочного свода, выложенного над стеной между купольной кельей и соседним с ней коридорообразным помещением LII. Образовавшееся полое пространство было заполнено рыхлой землей, комьями керамического шлака и фрагментами лепного сосуда.

Определенная часть помещений монастырской половины — в результате отмеченных выше разрушений — прекратила функционировать уже на протяжении первого («монастырского») периода жизни здания. Это не могло не увеличить значение второго этажа. Оба пандусных хода на второй этаж монастырской половины (пом. XLII и LIII) сохранились хорошо: ими постоянно пользовались и поддерживали в рабочем состоянии. Один из них вел вверх из центрального помещения второго ряда северо-восточного фаса — проходного помещения анфилады главного входа в монастырь (пом. XLII), другой начинался в углу коленчатого коридора XLIX/L широким (1,3 м) арочным проемом, и на его клинчатую арку, как на исходный торец опиралась кладка свода, положенного наклонными отрезками. Свод опирался на полочку из одного ряда кирпича, положенного параллельно наклонному уровню кладку стены, высота которой увеличивалась параллельно наклонному уровню поверхности пандуса. На повороте (в 4,5 м от входа) кладка свода заканчивалась, а второе колено — марш пандуса — было, видимо, перекрыто самостоятельным сводом, выведенным выше свода первого марша. Второй марш пандуса короче (1,75 м) и имеет более крутой угол подъема (около 30°); делая плавный поворот, пандус далее переходит в третье колено (его длина 2,45 м) и выходит на современную дневную поверхность. Четвертое колено (от него сохранился только угол поворота), вероятнее всего, уже не имело подъема, будучи просто проходом по стене здания к помещениям верхнего этажа. В помещении LIII мы имеем, таким образом, типичный и широко распространенный в раннесредневековой архитектуре Средней Азии вариант пандусного бесступенчатого подъемного устройства, идущего по спирали вокруг прямоугольного столба.

Менее типичен коленчатый пандус, начинавшийся в южном углу помещения XLII, центрального проходного зала в трехчастной анфиладе главного входа в монастырь, сводчатым проемом шириной в 1,25 м. Пандус имел три марша: нижний (самый короткий) начинался с пола помещения XLII до первого поворота, его длина 2 м, длина второго колена 405 см, сохранившаяся длина третьего 240 см.

Поверхность пола нижнего колена сильно пострадала от зольника второго периода и танура, но, судя по остаткам его первоначальной поверхности возле стен, угол подъема на этом участке был незначительным. Зато во втором и третьем коленах угол наклона плоскости пола был 35–40°. Стены сложены из блоков пахсы (размер блоков 70 × 78 × 80 см), пол в основе также пахсовый, сложен ступенями, которые сглажены слоем обмазки из глины, смешанной с рубленой соломой.

Пандус перекрыт сводом, кирпичи которого положены по принципу кладки «наклонными отрезками». В своем исходе в нижнем колене сводчатое перекрытие опиралось на клинчатую арку, перекинутую над проемом в южном углу помещения XLII. В обресе стены, отделяющей помещение XLII от помещения XLI, четко видна кладка кирпичей этой арки: 5 горизонтально лежащих рядов составляют пятую арку. Начиная с 6-го ряда кирпичи разворачиваются на арку. Глубина арки — 130 см.

Примыкание кирпичей свода к торцу-арке осуществлено обычным для Аджина-тепа способом — путем наращивания отрезков дуги. На повороте кладка свода становилась веерной. Выходящий угол имел трюп из вписанных друг в друга трех арок, на который «наползала» кирпичная горизонтальная кладка из 5 рядов кирпича, скругляя угол и создавая опору для дуг веерной кладки поворота. В отличие от сводов, перекрывающих коридоры на Аджина-тепа, свод в пандусе опирался не на полочку из кирпичей, а непосредственно на пахсовые блоки.

Кладка свода первого и второго колен идет горизонтально, тогда как пол прохода поднимается, и тем самым высота самого прохода по мере подъема сокращается. Поэтому на повороте третьего колена кладка свода обрывается, достигнув минимальной предельно допустимой высоты. О том, каким было перекрытие третьего колена, можно говорить только предположительно. Скорее всего его тоже перекрывал свод, но он был выведен выше и проходил на уровне разгрузочных сводов здания.

В обоих случаях пандусные клетки не совсем четко вписываются в планировочную схему всего здания, несколько нарушая ее стройность. В частности, следует отметить некоторое отступление от стандартной для Аджина-тепа толщины стен: там, где стены примыкают к пандусной клетке, они тоньше на 70–80 см. Вероятно, пандусные устройства не были предусмотрены строителями в первоначальном плане, и их сооружение — результат корректирования плана в процессе строительства (пандус из вестибюля XLII) и эксплуатации здания (пандус LIII). Отсюда и некоторые сбои в размерах и четко разработанных строительных приемах.

Остатки второго этажа на Аджина-тепа не сохранились. Можно лишь предполагать, что это были, по сравнению с первым этажом, менее монументальные сооружения.

И безусловно, активное использование для жилья верхней части монастырской половины было вызвано тем, что часть помещений первого этажа разрушалась и обитателям монастыря приходилось осваивать завалившиеся помещения сверху (так было, например, с пом. VI/IX и LII) или пристраивать новые (пом. XIII, XIV, XV). В последнем случае помещения были пристроены к внешней покатой стене монастырской половины здания во время одного из капитальных ремонтов первого периода. Строители удачно использовали ломаную линию внешнего фасада здания, пристроив новые помещения к апсидальному выступу зала XII. Для того чтобы перекрыть сводом коридорообразное помещение XIII, пришлось врубать в толщу прежней внешней стены здания полочку из одного-двух рядов кирпича (а не из 5–7, как обычно); в результате пята свода оказалась почти на ярус ниже, чем в соседних помещениях.

В помещении XIII расчищены остатки двойной печи типа танура: два хума (горлом вниз) были поставлены в отсеки, образованные тремя узкими (в один кирпич) стенками, приставленными перпендикулярно к стене. Культурные остатки над полом перекрыты рухнувшим сводом, над завалом которого вплоть до дернового слоя лежали обильные гумусно-зольные слои, содержавшие керамические фрагменты, кости животных и обломки кирпича. Видимо, пристроенный к внешней стене монастырской половины комплекс функционировал недолго: построенный спустя значительное время после сооружения монастыря, он оказался заброшенным уже к концу первого периода жизни здания. Кратковременность его существования можно объяснить прежде всего тем, что вся пристройка была выполнена небрежно (по сравнению с остальным зданием) и оказалась непрочной. В этом отношении работы по возведению помещений с внешней стороны южного угла здания прямо сопоставимы с качеством ремонтно-строительных работ внутри остального здания, выполнявшихся на протяжении первого периода его жизни.

стены-контрфорсы, которые затем были повернуты под прямым углом и заходили на фасадную сторону.

Айванные помещения как бы членили на четыре прогона квадрат обходного коридора. Образовавшиеся коленчатые помещения можно без преувеличения называть гигантскими: длина каждого колена равна 16–16,5 м при ширине 3,2–3,4 м. По своей длине эти помещения намного превосходят вышеописанные коленчатые коридоры юго-восточной половины.

Коридор XXIV/XXV на входящем углу имеет трехчетвертную глиняную колонну с сохранившейся колоколовидной капителью. В каждом колене имелось по два арочных проема во двор, к ступе. Противоположная же стена коридора XXIV была глухой арочной аркадой. Здесь первоначально располагались три несимметричные глубокие ниши, внутри которых находились статуи: от них сохранились лишь налепленные на шпильчатую стенку круглые, украшенные штампованными налестками и полихромной росписью нимбы и примыкающие к ним снизу овальные мандорлы. Помещение XXIV, как и все коридоры этой половины Аджина-тепа, по характеру устройства стен резко отличается от монастырской части. Здесь основанием стен служат 5–7 рядов горизонтальной кирпичной кладки, выше следуют три блока пахсы, над которыми начиналась горизонтальная полочка. История помещения XXIV довольно сложная. На каком-то этапе его существования стена с нишами, не выдержав давления сводчатого перекрытия, дала просадку. В ремонтных целях была пристроена подпорная стенка, ниши оказались заложенными, а находившаяся в них скульптура убрана. Поперечные разрезы показали, что подпорная стена сложена не очень аккуратно, но с попыткой перевязать новую кирпичную кладку и кладку первоначальной стены. Ремонтная приставная стена сооружена после длительного периода нормального функционирования помещения: об этом свидетельствуют многочисленные слои штукатурки, покрывавшие первоначальные стены помещения. Оно, по крайней мере, четыре, может быть, пять раз подвергалось ремонту. Однако подпорная стена, достаточно небрежно построенная, сама впоследствии деформировалась и оползла. В связи с невозможностью использовать помещение XXIV при церемониях обхода ступы дверной проем в вестибюльное помещение XX был заложен, хотя проходы, ведущие к ступе, все еще оставались открытыми. Наконец, последний этап жизни помещения завершился его полной закладкой до линии входящего угла коридора.

Непосредственным продолжением помещения XXIV, вторым коленом, входящим в состав юго-западного фасада ограды, является помещение XXV. Оно очень хорошей сохранности, прямоугольное в плане, своим единственным торцом граничит с вестибюлем XXVI, в который через торец ведет сводчатый проем. На стене, обращенной во двор, как обычно, два проема. Плоскость наружной стены рассечена пятью часто поставленными арками, четыре из которых являются нишами (глубина их 1–1,1 м, ширина 1,5–1,7 м), а одна — проемом. Полностью сохранилась арка центральной ниши. Следующая за ней арка перекрывает узкий (1,1 м) проем (калитку), ведущий наружу, за пределы комплекса. В нише № 1 (счет ниш ведется от южного угла стены) найдена скульптура сидящего на прямоугольном блоковом постаменте (в дхьяна-мудре) Будды (в полторы натур), лишь ноги которого сохранились *in situ* (рис. 10). В этой же нише находилась сопровождающая фигура бодхисатвы в половину натуральной величины. Здесь также обнаружены части нимбы с лепниной, многочисленные горельефы, украшавшие нишу. Фрагменты скульптуры и горельефов оказались также и около других ниш.

Это помещение, в отличие от XXIV, не подвергалось перестройке. Как явствует из характера заполняющего помещение культурного слоя, после периода основно-

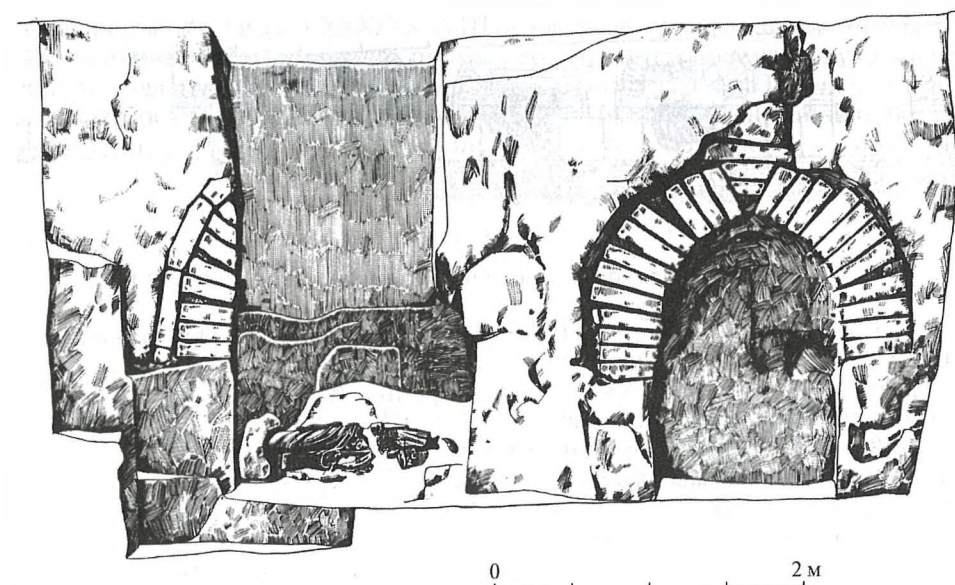

Рис. 10. Коридор XXV, ниша № 1 с остатками фигуры спящего Будды и проем наружу здания

го функционирования оно уже не ремонтировалось и постепенно заполнялось натеками и материалами частичных обрушений. Такого рода рыхлый завал прослеживается на высоту 1,0–1,25 м над уровнем пола. Затем произошло обрушение свода, отчетливо видимое в разрезе (IX и X ярусы от единого репера).

Центральное место на юго-западном фасаде ограды занимают айван и лежащая за ним целла. Помещение XXVI — почти квадратная (3,65 × 3,80 м) купольная целла. Внутренняя поверхность купола была покрыта полихромной росписью, многочисленные фрагменты которой встречены в завале. Стены плохой сохранности, особенно та, которая расположена напротив входа: она размыта почти до основания. В помещении было три прямоугольных постаментов, на которых первоначально находились скульптуры, зафиксированные лишь в виде фрагмента. Среди фигур были и крупные, судя по размеру найденных ступней ног, рук и голов (не менее натуральной величины). Интересны фрагменты скульптурных украшений, нимбов и т. д.

Помещение XXVI — айван, расположенный на 25 см ниже, чем несколько приподнятая целла. Он обычного типа: по длинным сторонам располагались приставные (ремонтные) стены; особенно хорошо прослеживается такая стенка на стороне, обращенной к помещению XXVII, она частично закрывает ведущий туда проход. Над полом помещения XXVII находился слой второго периода, насыщенный золой, углем, гумусными образованиями. Ниже его лежали куски упавшей со стен живописи. Айван XXVI открывается на лестницу ступы, ось которой не совпадает с осью помещения. Во дворе, между торцами стен помещения XXVI и ступой, обнаружены остатки какого-то крупного пожара на высоте около 1 м над уровнем пола помещения. Под ним видны натежные слои, что свидетельствует о хронологическом разрыве между временем функционирования помещения и этих зольников, очевидно относящихся ко второму периоду.

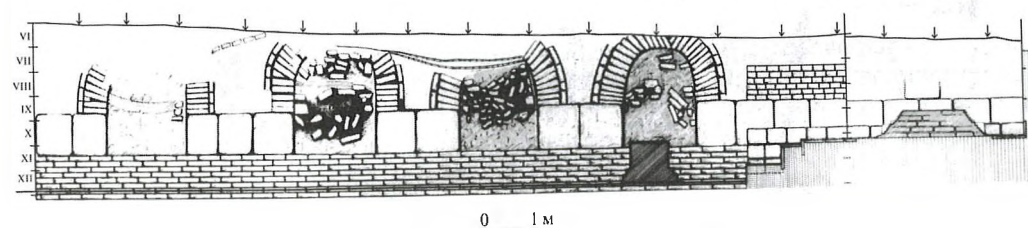

Рис. 11. Разрез вдоль коридора (с нишами) и через святилище XXXI

Как указывалось, один из проходов ведет из этого айвана в коленчатый коридор XXVII/XXVIII, симметричный помещениям XXIV/XXV, расположенный в западном углу ограды. В помещении XXVII тоже четыре ниши. Основание стен образуют 6 рядов кирпичной кладки (общей высотой 0,9 м). Входящий угол на повороте в помещении XXVII (рис. 11) оформлен трехчетвертной колонной. На повороте обнаружено основание постамента. Оно сделано из сырцового кирпича, прямоугольное в плане, трехступенчатое (1,3 × 0,9 м в основании, при сохранившейся высоте 1,1 м). Две нижние ступеньки-плинты, очень узкие, соединены выкружками. Поверхность оштукатурена и покрыта белым алебастром. Стороны этого постамента параллельны стенам помещения, но он сам смещен к трехчетвертной колонке. На стене помещения XXVIII, в том месте, где она примыкает к стене с аркатурой помещения XXVII, имеется проход, ведущий в угловую квадратную клетку внешнего обвода. В этом проходе (ширина его 1,5 м) найден большой фрагмент живописи с фигурами дароносцев. Стены помещений XXVII/XXVIII сохранили следы живописи, которой целиком была покрыта и внутренняя поверхность свода. Отсюда извлечено большое количество крупных фрагментов росписи с сидящими Буддами.

Ниши коридора XXVII были предназначены для крупных скульптур. Однако сами скульптуры *in situ* в нишах не сохранились. Лишь в нише № 1 найдены скрещенные ступни ног крупной скульптуры, остатки мандорлы и рельеф с изображением Будды. Для истории функционирования этих помещений существенны данные наблюдений над стратиграфией. Так, в помещении XXVII, у ниши № 2, самый нижний слой завала кусков живописи лежал лицевой стороной вверх на высоте 15 см над полом. Над ними располагались двух-трехсантиметровый слой натека, а затем выброшенные (или выпавшие из ниши) части крупной скульптуры Будды. Выше на 0,5 м — новый слой завала из крупных кусков потолковой росписи.

Иным является заполнение коридора XXVIII, который продолжал использоваться для жилых (или хозяйственных) целей и после того, как здание перестало функционировать в качестве монастыря. Сначала над полом идут рыхлый завал и натеки. Затем, на высоте 0,4–0,45 м, начинаются угольно-золистые прослойки, которые становятся все более интенсивными. На высоте 0,8 м идут почти сплошные черные углистые линзы толщиной 15–25 см. На высоту около 1 м над полом у стены, обращенной во двор, глиняный танур. Свод над западной частью помещения XXVIII держался очень долго (что не способствовало сохранению живописи на нем), и впоследствии, в связи с тем что внутренность помещения в значительной части оказалась заполненной, свод довольно аккуратно сполз. Коридор XXVIII в течение первого периода подвергался неоднократным ремонтам, во время которых пришедшую в негодное состояние скульптуру убирали в обмазку пола или стен, а для крупных кусков делали специальные подбои в толще стены или в щеках проема.

Коленчатый коридор XXX/XXXVIII огибает северный угол двора ступы. Колено (XXX, длина 16,2 м) имело два прохода во двор и три проема, ведущих в целлы внешнего ряда помещений по северо-западному фасу здания. Помещение активно использовалось во втором периоде: танур в углу, большая печь в простенке между входами в целлы XXXV и XXXVI, слои угля и золы с обломками стенок хумов и комьями обгорелой глины толстым слоем лежали по всей площади помещения. Поверхность стен сильно повреждена зольниками. Такая же картина наблюдалась и в колене XXXVIII, где сохранность стен еще хуже. Тем не менее удалось получить убедительные доказательства того, что входящий угол коридора был также оформлен выступающей трехчетвертной колонкой, основание которой сохранилось ниже уровня пола второго периода.

Коридор XXII/XXIII занимает восточный угол храмовой половины. Колено XXII имело два выхода во двор и один — в айван XX. Примерно посередине юго-восточной продольной стены находилась глубокая ниша, в которой были обнаружены остатки скульптуры Будды, сидящего в дхармачакра-мудре на консольном постаменте (длина 1,15 м, ширина 0,45 м). На противоположной от ниши стене сохранились остатки росписи (фр-т XXII/p-I). Помещение неоднократно ремонтировалось. Сначала вдоль его основной стены соорудили кирпичную подпорную стенку, которая сократила до 2,60 м ширину коридора и углубила до 1,75 м нишу. Позже значительную часть помещения заложили кирпичом. Закладка была начата на расстоянии 2,5 м от проема (рис. 12), ведущего в айван XX, и доведена до поворота в помещение XXIII. Таким образом, вместо длинного коридора осталось небольшое помещение (2,5 × 2,6 м) с одним выходом во двор (проем в айван XX был заложен раньше).

Коридор XXIII (рис. 13) составляет другую часть коленчатого коридора. Угол поворота также оформлен трехчетвертной колонкой. Особенностью помещения XXIII является наличие очень крупного постамента, который тянется вдоль внешней стены. На постаменте располагался скульптурный колосс, лежащая фигура Будды в нирване, длиной около 12 м. В 1966 г. скульптура была снята с постамента. Расчистка завала вокруг постамента и его разборка позволили сделать заключение, что первоначальное назначение коридора и его скульптурное оформление были иными и что фигура Будды в нирване сооружена на одном из последних этапов «монастырского» периода. Так, головная часть постамента заслоняла собой нишу шириной 140 см и глубиной 110 см, которую аккуратно заложили кирпичом, когда воздвигали постамент. В свою очередь, и ниша не была изначальной, а была сделана из прохода, который был здесь задуман по первоначальному плану и функционировал, о чем наглядно свидетельствовал

Рис. 12. Арка в торце коридора XXII

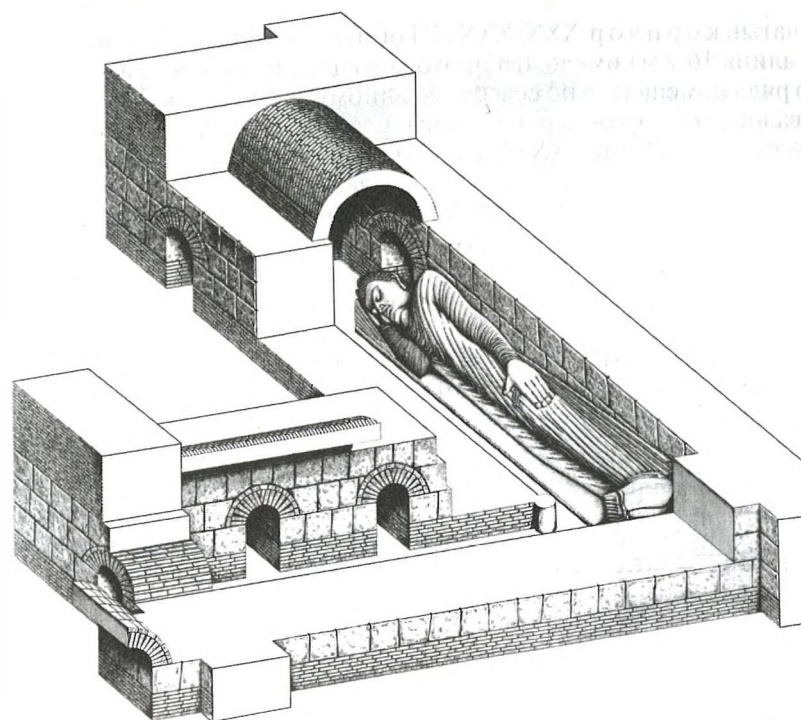

Рис. 13. Аксонометрическая реконструкция коридоров XXII–XXIII

зольник толщиной 15–18 см (с керамикой, костями животных и монетами), подстилавший кирпичную закладку прохода и заходивший в него с наружной стороны. Удалось установить толщину наружной стены этой половины здания: она равнялась 3,5 м.

При сооружении постамента для Будды в его кладку заложили обломки глиняной скульптуры от прежнего убранства помещения. Вполне вероятно, что сооружение подпорной продольной стены в коридоре XXII и постамента произошло одновременно. А когда позже пришлось закладывать колено XXII почти на всю его длину, в результате чего проходной коридор становился тупиковым, то в толще наружной стены за постаментом пробили проход наружу. Какое-то время им пользовались, но потом (в самом конце «монастырского» периода) его небрежно заложили с двух сторон кирпичом, спрятав внутрь обломки скульптуры и строительный мусор. История помещения заканчивается обрушением свода, прикрывшего фигуру Будды на 3/4 ее длины. Изголовье постамента и голова Будды значительно пострадали, и их обломки образовали завал в торцевой части помещения, перекрытый мощным зольником второго периода, который проник в коридор через проем со двора.

В середине северо-восточного фасада ограды расположена пара помещений — XXXIX и XL, симметричные им XXVI и XXVI-а — на противоположной стороне, близкие по размеру и, по-видимому, по назначению.

Помещение XL являлось небольшой квадратной целлой-святилищем размером 3,30 × 3,35 м. Судя по завалу, помещение было перекрыто куполом, который обрушился, видимо, во втором периоде. Кирпичи купола с остатками росписи по штукатурке лежали в верхней части завала.

В отличие от помещения XXVI-а, целла XL не имела приподнятого пола, не обнаружены и пристенные постаменты (может быть, они были позже срублены?). Четко фиксируются два уровня пола, разделенные прослойкой серого песка (толщиной 5 см). При зачистке нижнего пола и завала над верхним полом найдены мелкие обломки глиняной скульптуры, а вблизи стен — куски штукатурки с орнаментом, выполненным в глубоком рельефе. Широкий (150 см) проем соединяет целлу с айваном XXXIX, обращенным к северо-восточному фасаду главной ступы. Айван имеет ширину 4,40 и глубину 5,60 м. Боковые стороны его прорезаны сводчатыми проемами, которые ведут в прилегающие коридоры ограды. В помещении четко фиксируются уровни двух периодов. На протяжении первого периода проводились неоднократные ремонты, которые особенно очевидны по переделкам угловых постаментов со скульптурой.

Так, в левом от входа углу первоначально соорудили прямоугольный постамент, выступающий угол которого был срезан вогнутой плоскостью. В основание постамента положены плитки из обожженной глины, его вертикальные поверхности покрыты толстым слоем белого ганча. В более позднем варианте постамент имел прямоугольную цокольную часть (95 × 76 см при высоте 25 см), на которую опиралась вторая ступень высотой 30–31 см, которая заполняла собой угол и по внешней стороне была украшена шестью округло-вогнутыми ячейками. На верхней плоскости этой ступени стояла какая-то скульптурная фигура, от которой сохранились складки одежды, переходящие на стену, и ступня левой ноги.

Постамент в правом углу айвана был иной формы. От его первоначального варианта сохранилась *in situ* небольшая часть (около 70 см) в виде толстого витого жгута белого цвета с красной подкраской в углубленных местах. Судя по фрагменту, постамент был округлых очертаний. При более позднем ремонте этот постамент обстроили большим по диаметру и так, что он закрывал проход в коридор с Буддой в нирване. Внутри постамента была замурована разрушенная скульптура (голова Будды, фрагмент XXXIX/с-I).

В помещении четко прослеживается слой второго периода. Ему соответствуют зольник на высоте 60–70 см от первоначального пола, обломки обожженных облицовочных плиток, остатки танура на левом постаменте.

Северо-западный внешний фас ограды составлял ряд одинаковых по площади квадратных святилищ, из которых шесть имели самостоятельные выходы в коридор XXVIII, а центральное седьмое святилище, помещение XXXIX, через айван XXIX открывалось в сторону главной ступы. Размеры помещения 4,35 × 4,25 м. Плотный кирпичный завал сверху чрезвычайно затруднял расчистку поверхности стен, расположение же кирпичей в завале убеждало в том, что перекрытие помещения было купольным.

Вдоль трех стен святилищ расположены небольшие прямоугольные одноступенчатые постаменты. Их размеры почти одинаковы: длина по фронтальной стороне 1,5 м, ширина 0,85 м (средний) и 1,1 м (боковые), сохранившаяся высота от пола 0,5–0,6 м. Пол и стенки постаментов покрыты слоем зеленой глины, смешанной с песком. Все пространство между постаментами буквально забито сброшенной с постаментов скульптурой и осыпавшимися на пол рельефными украшениями. Именно отсюда извлечена значительная часть аджинатепинской коллекции скульптуры.

Айван XXIX, размером 4,30 × 5,70 м, имел по обе стороны прохода в святилище XXXIV угловые постаменты — суфы, неоднократно ремонтировавшиеся и переобшивавшиеся.

Расположенный слева от прохода небольшой постамент (80 × 75 см, высота 30 см), прямоугольный в плане, в раннем своем варианте был основанием для стоящей

скульптуры, от которой сохранились ступня левой ноги и часть правой, а также складки красной одежды в углу у стены помещения. Поверхность постамента и ноги фигуры (судя по ступням, ее размеры близки к натуральной величине) покрыты толстым слоем ганчевой обмазки, а углубления между пальцами ног и ногтевые лунки подкрашены красной краской. После разрушения стоящей фигуры постамент с остатками ног был включен внутрь чуть большей по размеру суфы, также обмазанной белым ганчем.

Справа от входа в помещение XXXIV, от линии щеки проема и до угла айвана, находилась суфа той же высоты (около 30 см), но большая по размерам (190 × 90 см). По всей вероятности, на ранних этапах она тоже служила постаментом для какой-то скульптуры или сооружения, которые не сохранились. Об этом говорит слой белой ганчевой обмазки, который лежит горизонтально на краях суфы и делает выкружку вверх ближе к ее середине.

В центре помещения были обнаружены и расчищены остатки небольшой вотивной ступы, точнее двух, расположенных одна внутри другой. Сооружение ступы меняло назначение этого помещения как вестибюльного, поскольку загромождало свободный выход к главной ступе. Вместе с тем, сооружение ступы перед святилищем не мешало его сакральному назначению и даже, наоборот, усиливало его: во время церемониального обхода главной ступы верующие могли видеть центральное святилище на фоне вотивной ступы. Скорее всего идея соорудить вотивную ступу в айване возникла на одном из поздних этапов первого периода, возможно во время ремонта юго-западной стены помещения, когда ее пришлось укреплять подпорной стеной.

От внутренней ступы сохранился участок северного и частично западного фасада, примерно 1/4—1/5 ее бывшего объема. Особенно пострадал от разрушения фасад, обращенный к главной ступе. Тем не менее расчистка остатков ступы позволила сделать ряд интересных наблюдений и замеров.

Первоначально ступа была сооружена на вымостке из обломков плит жженого кирпича, положенного на поверхность нижнего пола помещения. Корпус ступы был сделан из сырцового кирпича, промазанного слоем мраморовидной глины. Для большей прочности внутрь кладки были впущены обломки жженого кирпича. Ступа была крестообразной в плане (реконструируемый диаметр ее основания 230—240 см) с двумя террасами-ступенями разной высоты. Нижняя терраса имела высоту 18—20 см, верхняя 30—32 см. Третьим ярусом ступы был круглый в плане барабан, от которого сохранился значительный участок (чуть меньше четверти его плана) на высоту до начала карниза (15 см). Диаметр барабана 100—110 см.

Все три яруса имели ступенчатый плинтус. Он слабо выражен в основании ступы в виде двух массивных валиков, проходит вдоль второй террасы (его высота от 4 до 7 см) и опоясывает барабан. Вторая терраса и барабан имели карнизы.

Посередине каждого фасада ступы шел лестничный подъем на ступени-террасы. Лестничные марши сохранились фрагментарно. Нижний марш был сделан внутри осевого прямоугольного выступа (шириной 58 см). От него сохранились три верхние ступени высотой 3—6,5 см, шириной 3—3,2 см и часть большого пилон шириной 14 см.

Второй марш лестницы (его ширина 29,5 см) имел перильца. Ступени длиной 19,5—20 см при одинаковой ширине (4,5 см) имели разную высоту — от 4,5 до 7 см. Разделяющей широкой площадки между двумя маршами не было, и лестница была как бы единой.

Особый интерес представляют остатки третьего яруса ступы — барабана-основания полусферы. Это единственный случай на Аджина-тепа, когда барабан ступы

сохранился *in situ*. Появилась возможность с большей, чем раньше, уверенностью говорить о пропорциях ступ и делать их реконструкцию.

Как показывают подсчет абсолютных высот двух террас (18—20 и 30—32 см), барабана (15+3 см), высота карниза и полусферы (половина диаметра барабана, т. е. 50 см), общая высота ступы равна половине ее диаметра по основанию (т. е. соотношение размеров 1 : 2).

Осталось неясным, был ли третий лестничный марш к основанию полусферы. На сохранившейся части барабана по северо-восточному фасаду на оси лестничных маршей имеются остатки выступа шириной 26 см. По обе стороны от него прямоугольные пилоны с чуть намеченными колонками на выступающем углу. (Такой же слабовыраженной колонкой был оформлен угол больших выступов второй террасы.) Остатки осевых выступов на барабане могут быть приняты за лестничные марши, хотя возможно и иное толкование: это остатки арочной ниши с изображением сидящего Будды.

Кирпичная основа ступы была покрыта слоем штукатурки из глины, смешанной с рубленой соломой и древесным углем. Из этой массы выполнены все мелкие детали ступы (ступеньки лестниц, пилоны, плинтусы, карнизы). Снаружи ступу покрывал толстый слой белой ганчевой обмазки.

При сооружении внешней ступы меньшую использовали в качестве ядра-основы, сместив центр новой ступы к юго-западу. Новая ступа была не только больше размером (диаметр ее основания около 3 м), но и значительно отличалась от ранней. У нее было три ступени-террасы, одинаковые по высоте (32—34 см). Широкий четырехступенчатый плинтус высотой от 7 до 11 см огибал основание ступы.

Заполнение помещения XXIX вблизи пола состояло из обломков рухнувшего перекрытия, верхних частей стен и разрушенной ступы. На полу проходной части помещения и на большой угловой суфе найдены куски штукатурки с остатками многоцветной росписи, изображающей ряды сидящих Будд, разделенных волнистыми растительными побегами и цветами (фр-т XXIX/p-I). Поверх завала на высоте 60—80 см от пола помещения четко фиксируется уровень обживания развала помещения во втором периоде (зольник и горелый слой толщиной около 20 см, остатки основания печи танура и скопление обгорелой мелкой гальки у юго-западной стены, очажное пятно в центре помещения).

Целла XXXI — квадратное (4,05—4,10 м) купольное помещение. Это угловая целла северо-западного фасада. В нее ведет широкий проход (1,5 м), одна сторона которого — продолжение стенки коридора XXVII. Особенностью прохода является ступенчатый подъем (пол целлы лежит на 0,85 м выше пола коридора), который состоял из трех ступеней, облицованных жженым кирпичом. Пол целлы и основания стен облицованы примазанными плашмя кирпичными плитками, сверху покрытыми слоем обычной саманной штукатурки. Стены благодаря кирпичной кладке по низу сохранились очень хорошо. Выше их сохранность хуже. Здесь кое-где они подвергались ремонту кусками вмазанного жженого кирпича. Центральную часть целлы занимает миниатюрная кирпично-глиняная ступа (рис. 14—15), крестообразно-звездчатая в плане, многоярусная, с тремя сохранившимися фасадами (размер ее 2,37 м при высоте 0,55 м). Верхняя часть ее разрушена слоем второго периода. Все три фасада ступы оформлены совершенно одинаково — как двухъярусное основание. Центральную часть каждой стороны занимает двухмаршевая массивная лестница. Лестничные подъемы выносные, нижний марш лестницы заключен между двумя массивными пилонами, высота которых соответствует общей высоте нижнего яруса. В верхней части стенок пилонов (боковых и фасадных) находился трех- или двухваликовый карниз (при ремонте валики были замазаны). Пилоны

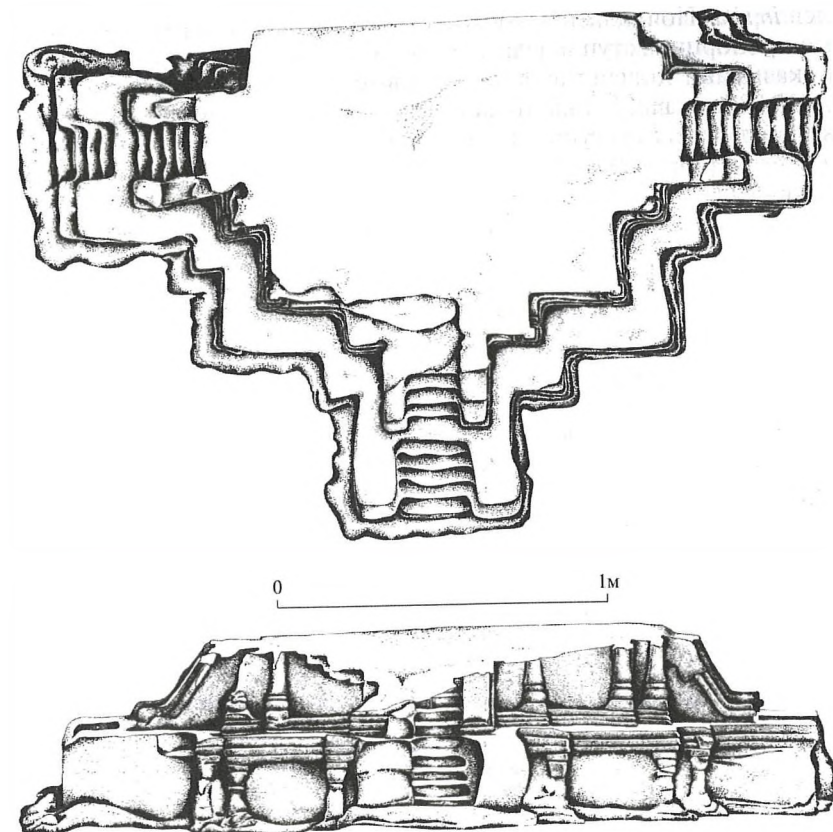

Рис. 14. Ступа в помещении XXXI. План и северо-восточный фасад

боковой стороны не параллельные, как на других сторонах, а расходящиеся, в результате чего ступени вверх уже (нижняя ступень 24 см, верхняя 16 см). Лестничная площадка имеет глубину 8,6–7,9 см. В середине ее начинаются перила верхнего марша, по наружному их фасу тянется параллельно краю рельефный округлый жгут. На одном фасаде лестница второго яруса кверху сужается, на других, напротив, расширяется. Высота ступенек 4–5 см, ширина 3,5–5 см. Каждая сторона (фасад) ступы как в первом, так и во втором ярусе имеет по пять вертикальных членений. Центральное — это лестница, по сторонам от нее, в глубине, — небольшие уступообразные части, еще глубже — плоские стенки. На углах уступов первого и второго ярусов, а также на углах сторон имеются трехчетвертные колонки. Если считать нижний ярус цокольным, то он состоит из трех горизонтальных членений: плинтуса, «стула» и карниза. Плинтус имел вид округленного вала неаккуратной формы шириной 3–4 см, высотой 3–6 см, в некоторых местах он как будто двухчастный. Плоскость стены, «стул», совершенно гладкая, ее высота 17,2–18 см. Над ней тянется лента трехчастного сложнопрофилированного карниза общей высотой 8,4 см, из которых 3,8 см приходится на средний жгут; верхний и нижний уже. Верхняя часть карниза имеет вид обратной выкружки, средняя и нижняя части представляют собой валики. Максимальное нависание карниза — 2 см. Карниз опирается на трехчетвертные колонки первого яруса.

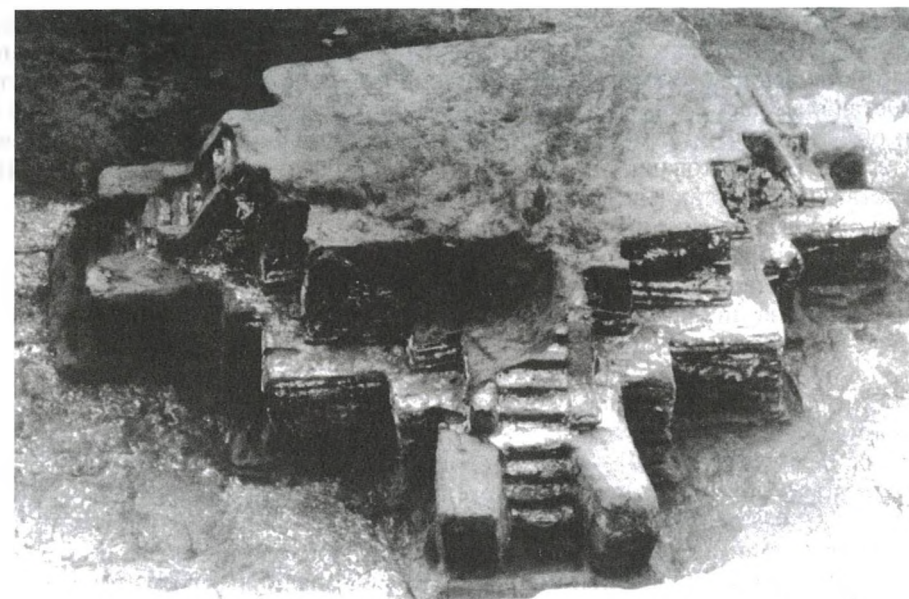

Рис. 15. Ступа в помещении XXXI (фото после расчистки)

Второй ярус был устроен аналогичным образом. Отличие его состоит в том, что плинт здесь трехчастный. Общая высота плинта 5,5–6 см, ширина 3,7–4 см. Стена над ними гладкая. В углах — трехчетвертные колонки. Над стеной и в этом ярусе был карниз, но лишь на одном участке высота стены достаточна, чтобы переход к карнизу сохранился. Судя по этому участку, высота нижнего яруса (с цоколем) до основания карниза — 22,2 см, верхнего — 24,8 см. Если это не случайное колебание, верхний ярус был выше первого. Вопрос не может быть решен однозначно, но это предположение кажется весьма вероятным, тем более если учесть, что и колонки верхнего яруса были несколько крупнее.

В завале был найден фрагмент верхней части колонки, судя по всему, относящийся ко второму ярусу. Над абакой — трехчастный карниз с сохранившимся участком верхней плоскости. Поверхность ступы была покрыта белой алебастровой штукатуркой, верхние членения карнизов, перильца и вал капителей колонок были окрашены в красный цвет. Судя по вышеупомянутому фрагменту, так выглядели оба вала капителей второго яруса и нижняя тяга венчающего его карниза. Кое-где имеются следы красной краски на ступеньках, вероятно, первоначально они были целиком окрашены в красный цвет.

Пол вокруг ступы поверх саманной штукатурки неоднократно покрывался слоем белого ганча. Последний по времени обмазочный слой был расписан крупными красными цветами, разбросанными по белому фону пола без определенного порядка.

Ступа была закреплена, разрезана на несколько частей и снята для дальнейшей обработки в лабораторных условиях. При этом удалось установить, что она сооружена после значительной перестройки помещения, во время которой это помещение, первоначально вытянутое (возможно, служившее проходом ограды), было превращено в квадратное купольное. Для этого пришлось подрубить изнутри паховую кладку юго-западной наружной стены, соорудить заднюю стену, перекрыть

помещение куполом, приподнять прежний пол на 30 см. Под ступу был подведен основательный фундамент из крупной гальки больших кусков керамического шлака, обломков сырцового кирпича и жженных плит на всю толщину приподнятого пола. Остальные части помещения забили плотно утрамбованной землей, пол выстлали обожженными плитками и соорудили ступу. Она сложена из сырцового кирпича, внутри забутована комьями глины, обломками хумов и жженных плиток. В ответственных местах (на углах ступы, внутри перилец и ступенек) строители часто использовали обломки жженных плиток. По крайней мере, дважды ступа основательно ремонтировалась.

В завале помещения найдены небольшие куски штукатурки с остатками двух слоев росписи: на нижнем слое по темно-синему фону нанесены маленькие многолучевые золотые звездочки, верхний слой (более поздний) был темно-красного цвета.

Слой второго периода фиксируется на высоте около 60 см от поверхности пола помещения.

Целла XXXII (размер $4,3 \times 4,2$ м) сводчатый проем с невысоким порогом соединяется с коридором XXVIII. Помещение активно обжилось во второй («монастырский») период. Гумусно-зольные слои этого периода толстым пластом (до 45 см) заходили из коридора на всю глубину прохода и более тонким слоем располагались по всей площади помещения. В завале над зольником второго периода встречались куски штукатурки с отпечатками желтой и синей краски очень плохой сохранности, что позволило предполагать позднее обрушение купольного перекрытия. Лучшие по сохранности куски штукатурки с живописью были найдены в завале восточного угла помещения ниже уровня второго периода. Два из них (фр-ты XXXII/п-1, 2) — с остатками сюжетной росписи, один — с изображением крупного лотоса с розовыми лепестками и желтым пестиком и тычинками.

В центре помещения расчищены остатки крестообразной террасовидной ступы. От нее сохранилась (не на всю высоту) нижняя ступень-терраса, в плане передающая очертания многоугольного креста (максимальные размеры 270×282 см), все углы которого украшены чуть выступающими за плоскость стен колонками, с массивными прямоугольными базами, гранеными фустами, чуть сужающимися кверху. Колонки выступают за линию стены примерно на 1 см. Базы опираются на прямоугольный в сечении плинтус шириной 2,5 см и высотой 2–2,5 см, который сохранился по всему контуру ступы.

Ступа сооружена на вымостке из плит жженого кирпича, которая является как бы подиумом под ступу, тоже крестообразной в плане, но менее дробных очертаний и больших размеров ($3 \times 3,2$ м). Подиум сооружен из одного ряда плашмя лежащих кирпичей, обмазанных сверху слоем ганча.

Сама ступа сложена из сырцовых кирпичей. Кладку сверху покрывал слой саманной штукатурки и обмазки скульптурной глиной коричневого цвета толщиной около 1 см. В этой глиняной массе вылеплены колонки, базы и плинтус. Сверху ступа была покрыта тонким слоем ганчевой обмазки.

В завале около ступы попадались куски несохранившихся верхних ярусов-ступеней. Среди них есть обломки карниза (возможно, от верха первой террасы), перильца от лестниц второй ступени (шириной 10 см). Незадолго до того, как ступа была разрушена, ее ремонтировали: почти по всей сохранившейся поверхности видны следы шпаклевочных работ, выполненных зеленой глиной, однако побелку после этого ремонта не сделали.

Целла XXXIII открывается арочным проемом в коридор XXVIII. Кирпичный завал в верхней части помещения имел тот характер, который бывает при обруше-

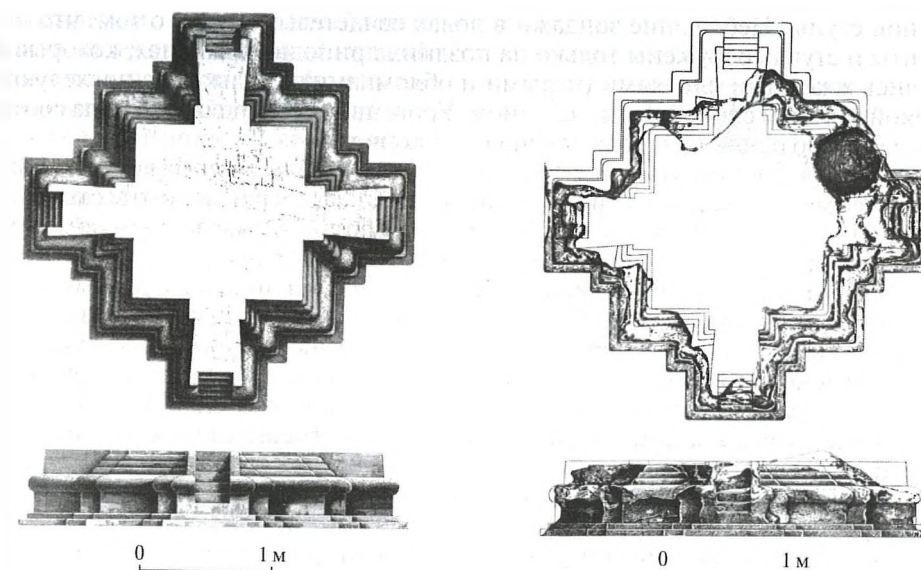

Рис. 16. Ступа в пом. XXXIII после расчистки и ее рисунок-реконструкция

нии купола, и содержал куски штукатурки с цветной покраской (красный, синий, зеленовато-желтый). Под зольником второго периода (на границе девятого и десятого ярусов) расчищена миниатюрная ступа, занимавшая центральную часть целлы. Ступа — звездчатая в плане, террасовидная, сложнопрофилированная в сечении. Сохранились все четыре фасада. Размеры ступы $2,9 \times 2,9$ м, при высоте сохранившейся части 0,5–0,6 м (верх срезан зольником). Поверхность ступы (рис. 16) покрыта ганчевой обмазкой, поверх которой кое-где сохранились следы красной окраски. В один из углов ступы с уровня зольника был впущен танур. После обмеров и описания ступа была разрезана пополам по оси помещения, проходящей через проем. Это позволило судить о внутренней ее структуре. Оказалось, что она выложена, притом довольно небрежно, из обычного сырцового кирпича. Основание ступы составлял ряд кирпичей, положенных ложком. Над ними — пять рядов кладки тычком с перевязкой швов. Профилировка образована выступанием кирпича, покрытого снаружи толстым слоем штукатурки.

Нижняя терраса ступы (высота ее около 35 см) в основании украшена двухступенчатым плинтусом, а сверху ее окаймляет широкий вал-карниз. В толщу широких прямоугольных осевых выступов врезаны ступеньки лестничных маршей.

От второй террасы сохранились только ступенчатый плинтус и начало вертикали стены (общей высотой 15 см).

В помещении были заложены два шурфа. Оказалось, что здесь два пола, разделенных промежутком в 10 см. Ступа возведена с уровня верхнего пола. Из находок на верхнем полу следует особо отметить крупные куски (до 60×40 см) штукатурки с многоцветной росписью (в одном случае, по-видимому, нимб).

Целлы XXXV–XXXVII расположены по другую сторону от осевого святилища XXXIV, все имеют ступенчатые выходы в коридор XXX. Поскольку эта часть здания усиленно обжилось во второй период, то о былом убранстве святилищ можно сказать очень немного. Так, в святилищах XXV и XXXVI вдоль стен обнаружены остатки постаментов под скульптуру, а в угловой целле XXXVII — цокольная часть

вотивной ступы. Небольшие зондажи в полах свидетельствовали о том, что и постаменты и ступа сооружены только на поздних приподнятых полах, которые выстилались жжеными плитками (целыми и обломками) и галькой, с последующей обмазкой толстым слоем глины с саманом. Уровень первоначального пола соответствовал уровню основного пола коленчатого коридора.

Пристенные постаменты (142–152 × 98–106 см) сохранились на высоту до 35 см. Они сложены из сырцового кирпича, оштукатурены и сверху покрыты слоем зеленой глины и песком. В завалах на полу между постаментами в углах помещений найдены остатки сильно разрушенной глиняной скульптуры.

От вотивной ступы в помещении XXXVII сохранился лишь квадратный в плане цоколь (размером 260 × 276 см), сложенный из двух рядов сырцового кирпича с использованием в кладке угловых частей плиток жженого кирпича. Кладку сверху покрывали толстый слой саманной штукатурки и ганчевая обмазка. Цоколь был частично раскрашен: средняя треть каждого из четырех фасадов была окрашена в красный цвет. Очевидно, такая раскраска цоколя подчеркивала центральное расположение лестничных маршей верхних несохранившихся ступеней-террас. О том, что ступа в помещении XXXVII была крестовидной с лестничными маршами на каждом фасе, свидетельствуют остатки ганчевой обмазки на поверхности цоколя, сохранившие крестовидный контур разрушенной второй ступени, а также обломки ступеней, перилец, лежавшие в завале вокруг цоколя ступы.

Судя по фрагментам, эта ступа тоже ремонтировалась и тоже, как в помещении XXXII, починочную шпаклевку не успели закрыть новым слоем ганчевой обмазки.

Главная ступа и ее двор

Центральную часть двора храмовой половины занимает главная ступа — монолитное сооружение из пахсы и сырцового кирпича. Максимальный диаметр ее по основанию составляет 26–28 м, сохранившаяся высота несколько больше 6 м. Ступа террасовидная, крестообразная в плане, ориентирована углами по сторонам света.

Каждый из четырех ее фасадов посередине имел лестничные марши. Полностью сохранились две террасы-ступени и частично кирпичная кладка барабана полусферы. Наилучшую сохранность имеет нижняя терраса, поскольку ее прикрывал развал верхней части ступы, и ее обмер дал наиболее полные данные. Хуже сохранилась вторая терраса, а кладка барабана выглядит оплывшей массой, составляющей верх холма. Наглядную картину разрушения верха ступы дал обрез завала — заполнение в восточной стороне двора: огромный массив кирпичной кладки сполз вниз, прикрыв собой угол ступы.

Работы на главной ступе начались в первый же год раскопок на Аджина-тепа. Еще в 1960 г. один из пробных шурфов пришелся на тело ступы, тогда же был расчищен участок вертикальной поверхности второй террасы с юго-восточной стороны, оконтурена грабительская яма, вырытая на южном склоне макушки холма.

Работы возле главной ступы возобновлялись неоднократно и в последующие годы, по мере того как разворачивались раскопочные работы в храмовой половине (рис. 3, 17).

Завершение работ на ступе и вокруг нее дало возможность сделать полный архитектурный обмер и получить данные для частичной реконструкции. Существенную роль в этом процессе сыграли обмеры малых вотивных ступ, особенно расположенной в северном углу двора и внутренней ступы из айвана XXIX.

Прежде всего обращает на себя внимание факт несовпадения осей главной ступы с осями северо-западной половины монастыря. Ступа оказывается несколько смещенной к северо-северо-востоку, что особенно бросается в глаза при сопоставлении широких айванных проемов с расположенными напротив них лестничными подъемами ступы.

Асимметричное относительно центра двора расположение ступы заставило ее строителей значительно укоротить (почти на 2 м) северо-западный осевой прямоугольный выступ нижней ступени-террасы, чтобы оставить необходимое для обхода ступы пространство между ней и помещениями северо-западного фаса оград.

Смещение центра ступы на северо-запад представляется намеренным, чтобы сделать большим пространство перед ее главным фасадом, обращенным к монастырской половине. У этого фаса ступы могло скапливаться наибольшее количество верующих, так как здесь находились проход в монастырскую половину и выходы-калитки за пределы здания. Отсюда начиналась церемония обхода вокруг ступы.

Что же касается несовпадения оси ступы с продольной осью здания в целом, то его можно объяснить следующим. С одной стороны, возможен некоторый просчет строителей, начинавших возведение ступы с постройки ее пахсового ядра с примыкающими к нему основными лестничными маршами. Отклонение стало заметным, когда основной массив ступы обвели кладкой нижней ступени. С другой стороны, ступу на протяжении ее существования многократно чинили. Во время ремонтов не только подновлялись обмазки, но и перекладывались лестничные ступени, пристраивались небольшие пилоны. Особенно часто приходилось подправлять основание нижней террасы, в результате чего ступа со временем несколько изменила свои первоначальные размеры, а каждый фас ее приобрел индивидуальное «лицо». Вот так могло получиться, что юго-восточный лестничный подъем на ступу оказался смещенным вправо от оси проходных помещений XIX–XVIII–XX.

Нижняя терраса ступы представляет собой в плане почти правильный квадрат с длиной стороны 16,5–17 м, высотой 125–132 см. К середине каждого фаса примыкает лестничный марш шириной от 6 до 7,5 м, выступающий за фасад нижней террасы на расстояние 3,3 м с северо-западной стороны, на 4,15–4,20 м — с юго-западной и северо-восточной и на 4,7–5,1 м с юго-восточной стороны. Каждый

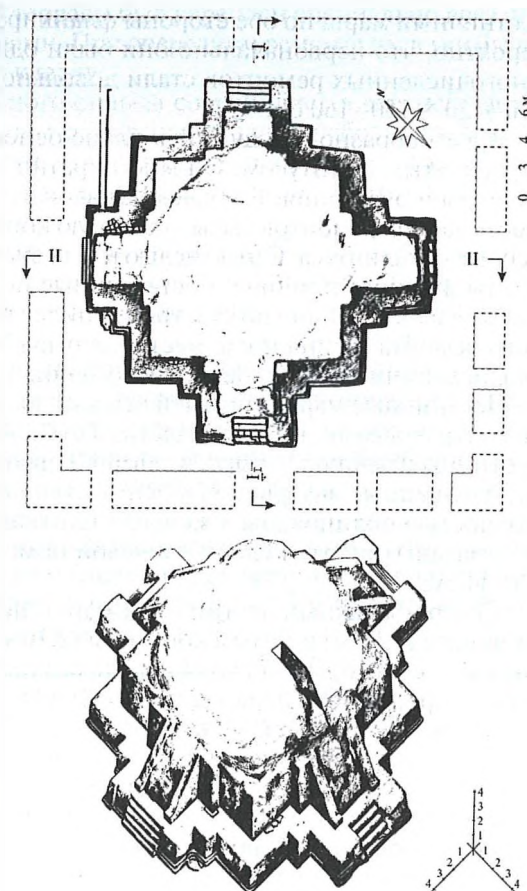

Рис. 17. Главная ступа: план и аксонометрический рисунок

лестничный марш по обе стороны фланкировали прямоугольные пилоны. Вполне вероятно, что первоначально они были одинаковы по величине, но в результате многочисленных ремонтов стали довольно значительно различаться размерами: 110—120 × 150—160 см.

Крестообразно-звездчатое в плане основание ступы со всех сторон огибається ступенчатым плинтусом. Он многократно ремонтировался, меняя при этом свои размеры и очертания. В последнем варианте он имел две-три ступени. Необходимость частых ремонтов вызвала такую конструктивную особенность, как жесткая основа для плинтуса. С этой целью в тело ступы у ее основания местами вмазывались плиты жженого кирпича, поставленные под прямым углом друг к другу, а в слое покрывавшей кирпич штукатурки лепился профилированный плинтус. После каждого ремонта починенные места покрывали слоем белого ганча. (На южном углу удалось насчитать 11 слоев ганчевого покрытия плинтуса!)

Лестничные марши нижней ступени каждого из фасадов ступы различались не только размерами, но и количеством ступеней. Так, юго-западная и юго-восточная лестницы имели по четыре, а северо-западная и северо-восточная — по три ступени, впущенные внутрь, и выносные ступеньки-приступки. Ступени некогда были полностью облицованы жжеными плитками, тщательно подогнаны друг к другу и обмазаны толстым слоем ганчевой обмазки. Высота и ширина таких ступеней 30—34 см.

Северо-западный лестничный марш, по сравнению с остальными, был самым широким (7,50 м) и самым коротким (2,10 м). В свое время его прикрывал деревянный навес, который проходил вдоль внутреннего фасада двора. Когда после пожара в конце первого периода навес рухнул, то его развал прикрыв ступу на высоту чуть ниже уровня первой террасы.

Хорошо сохранились обгорелые поверхности двух нижних выносных ступеней лестницы. Их длина 2,30 м, ширина 28 и 32 см. Две верхние ступени (сохранилась одна) были той же длины и впущены в корпус террасы. С двух сторон к выносным ступеням подходил широкий плинтус, упирившийся другим своим концом в пилястры, которыми были украшены углы этого лестничного марша. Пилястры (их длина по основанию 82 и 85 см) выступали за вертикальную плоскость террасы на 10 см, имели двухступенчатую базу-основание. По-видимому, первоначально так были оформлены все лестничные марши нижней террасы. Во всяком случае, намеки на угловые пилоны были замечены на юго-западном и юго-восточном фасадах ступы.

Горизонтальная поверхность нижней террасы ступы была выстлана обломками жженных плит, вплотную подогнанных друг к другу, и сверху обмазана толстым слоем (до 10 см) ганча. И выкладка, и обмазка сохранились *in situ* на нескольких участках террасы.

От второй террасы сохранился общий объем ее пахсового монолита размером 14 × 14 м при высоте около 4 м. Он имеет чуть наклонную поверхность всех своих четырех граней. Основу выносного лестничного марша составляют пахсовые блоки, приложенные ступенькой к середине фаса. Удалось расчистить лишь боковые щеки лестничных маршей, ширина которых составила 407—420 см. По обе стороны лестничного марша имелись прямоугольные кирпичные пилоны размером 100—110 × 106—125 см. Хорошо сохранившийся ступенчатый плинтус на восточном фасаде ступы позволяет предполагать, что он огибал основание второй террасы со всех сторон ее основного тела и выносных лестничных маршей. На этом же фасаде *in situ* сохранился значительный участок поверхностной обмазки тела ступы саманной штукатуркой и ганчем.

Верхний слой пахсового куба второй террасы был укреплен специально врезанными в толщу ступы сырцовыми кирпичами. При очередном ремонте их легко было заменять новыми, не тревожа пахсовую кладку.

Остатки барабана в виде бесформенного оплыва сохранились в верхней части холма ступы на высоту восьми рядов кирпича. Барабан клался с небольшим отступом (около 70 см) от края пахсовой кладки второй террасы и вокруг своего основания имел двухступенчатый кирпичный плинтус. (Зафиксирован на юго-восточном фасаде.)

Реконструированный диаметр барабана составляет около 12 м. Для реконструкции верхней не сохранившейся части ступы можно воспользоваться (с оговорками и в порядке предположения) примерами и общими наблюдениями, которые были сделаны на малых вотивных ступах. Наибольший интерес в этом отношении представляет внутренняя меньшая ступа из помещения XXIX. Она единственная из всех ступ Аджина-тепа сохранила подлинную высоту барабана *in situ*, которая оказалась равной высоте нижней первой террасы. Второе важное наблюдение, которое удалось сделать, состоит в том, что общая высота вотивной ступы (от основания до реконструируемой верхушки полусферы) равнялась половине ее максимального диаметра по основанию.

Если перенести эти два наблюдения на главную ступу и допустить, что высота барабана была 1,3 м, а высота полусферы 6 м (половина диаметра барабана), то общая реконструируемая высота ступы будет складываться из 1,3 м (высота нижней террасы), 4 м (высота второй террасы), 1,3 м (барабана) и 6 м (полусфера) и составит 12,6 м, т. е. половину меньшего диаметра ступы по основанию (26 м).

Таким образом, можно с большой долей уверенности говорить об определенных и устойчивых пропорциях, соблюдавшихся строителями при сооружении главной ступы и малых вотивных, расположенных в святилище и во дворе. Что касается соотношения размеров малых ступ и главной, то, несмотря на некоторую разницу в величине малых ступ между собой, они все примерно в 10 раз меньше главной.

Квадратный (32 × 32 м) двор храмовой половины монастыря имел по внутреннему периметру деревянные навесы, обгорелые остатки которых в виде рухнувших деревянных столбов-опор, продольных балок и маленьких круглых поперечных балочек были обнаружены в западном, северном и восточном углах двора. В завале над уровнем «пола» двора, особенно в северо-западной его половине, в большом количестве попадались комья обгорелой глиняной обмазки крыши навесов.

В северном углу двора деревянные стойки навесов опирались на специально сооруженную стенку-барьер высотой 45—50 см, шириной 70 см, которая шла вдоль стен двора на расстоянии 2,5—2,65 м от них. Одним концом стенка-барьер упиралась в северо-западный лестничный марш ступы, другим — в лестницу северо-восточного фаса ступы.

Навес и стенка-барьер были сооружены для прикрытия небольшой вотивной ступы в северном углу двора, возведенной на одном из поздних этапов жизни монастыря.

О том, что навес сооружен позднее, говорит то, что обмазка пола под навесом содержит обломки штукатурки с росписью, а при строительстве барьера пришлось тщательно заделать находившееся ранее в этой части двора дренажное устройство для стока воды в виде углубления овальной формы, облицованного жжеными плитками. Чтобы не было просадки пола, в этом месте поверх дренажной ямки положили кусок большого мельничного жернова размером 50 × 65 см и сверху покрыли слоем глины, смешанной с рубленой соломой. Тогда же в углу двора соорудили специальную вымостку размером 350 × 310 см из жженных плит, положенных

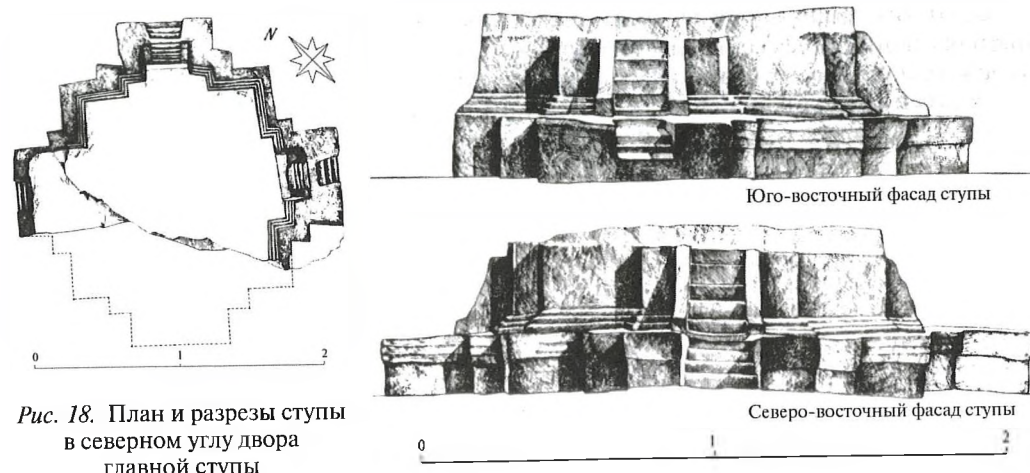

Рис. 18. План и разрезы ступы в северном углу двора главной ступы

под обмазку пола, а на этом месте построили вотивную ступу на расстоянии 65 см от стен помещений двора (рис. 18–19).

Ступа была террасовидная, крестообразная в плане с лестничными маршами по каждому фасу. Полностью сохранились два ее фасада и частично третий на высоту двух террас. От воздействия пожара глиняная поверхность ступы местами сильно прокалилась и приобрела твердость черепка.

Максимальный диаметр ступы по основанию 2,45 м. Первая терраса (высотой 21 см) не имела опоясывающего основание плинтуса (во всяком случае, в конце своей истории). Широкий нависающий карниз (общая ширина 9 см) имеет три ступени, причем на одних участках последние нависают друг над другом, а на других обозначаются продольными желобками. Лестничный марш врезан в лопасть «креста» нижней террасы и имеет четыре ступени разной высоты и ширины. Общая ширина лестницы у каждого фаса своя — 19, 20 и 22 см. Большие выступающие углы имеют прямоугольные очертания, малые углы из-за небрежности исполнения весьма отличаются друг от друга.

Вторая терраса сохранилась почти на полную высоту (29 см), отсутствует лишь карниз. Если он был таким же, как у нижней террасы, то реконструируемая высота второй ступени составляла 35–38 см.

В последнем варианте своего оформления вторая терраса имела широкий трехступенчатый плинтус шириной 5–9 см и высотой от 5 до 8,5 см. Он шел не по всему периметру яруса ступы, а только вдоль больших и малых выступающих углов, упираясь в выносные лестничные марши. Наиболее сохранившийся фасад — северо-восточный. Его выносная лестница имеет 6 ступеней, она заметно расширяется книзу (27 см вверху и 33 см внизу). Широкие (6–6,5 см) перильца обрамляют лесенку и имеют перегиб на уровне второй снизу ступени. Ступени второй террасы выглядят как бы продолжением лестницы нижней террасы, но сама лестница круче.

Выступающие углы (большие и малые) в целом прямоугольных очертаний с небольшими отклонениями в ту или иную сторону.

Как показал маленький зондаж возле лестничного марша на северо-восточном фасаде, ступа основательно ремонтировалась: под слоем поздней штукатурки оказалась более ранняя поверхность ступы, покрытая толстым слоем белого ганча со следами красной подкраски. Во время последнего ремонта ступа была только побелена.

Остатки большого деревянного навеса были обнаружены при расчистке западного угла двора главной ступы. Крупные обломки круглых столбов-опор, плоских деревянных плах, коротких поперечных круглых в сечении балочек лежали на «полу» двора. Пожар опалил поверхность стен помещений ограды двора и основание северо-западного фаса ступы. В углу двора под защитой навеса некогда находилась вотивная ступа, которая оказалась почти полностью разрушенной *in situ*. От нее сохранился галечно-песочный фундамент, занимавший западный угол двора, размером 350 × 310 см. На него опиралась прямоугольная в плане цокольная часть ступы, размеры которой были те же, что у фундамента, а высота, судя по сохранившемуся участку, примыкающему к наружной стене коридора XXVIII, — около 40 см. В кладке цоколя использовались крупная галька, а также обломки жженого кирпича, с помощью которого выкладывались края и выступающий угол. В связующей массе ганча содержится большой процент примеси крупного песка. Галечно-кирпичная кладка на ганчевом растворе образует как бы кожух ступы (толщиной 35–45 см), заполненный внутри обломками сырцового кирпича, галькой и речным песком серого цвета.

При расчистке завала в западном углу двора найдено большое количество алебастровых обломков этой ступы, анализ которых позволяет в какой-то мере реконструировать былой облик и размеры этого сооружения. Так, крупный кусок от выступающего восточного угла цоколя ступы дал его точную высоту — 40 см, а фрагмент от барабана — высоту верхнего яруса ступы, равную 22 см.

Судя по встреченным в завале обломкам, наружная поверхность ступы была украшена карнизами (рис. 20–21) и ступенчатыми плинтусами; гладкие поверхности были рассечены пилястрами, а выступающие углы оформлены трехчетвертными колонками. Ассортимент этих украшений говорит о том, что ступа имела не менее двух террас-ступеней (кроме цоколя и барабана). Выступающие углы одной из них были украшены трехчетвертными колонками с граненым сужающимся кверху фустом (подробнее описание колонок и пилястров этой ступы см. в гл. II).

Реконструируемая высота террасы, украшенной на выступающих углах такими колонками, составляла около 40 см (30–32 см колонка и 8–10 см карниз и плинтус).

Другая ступень-терраса имела на выступающих углах колонки меньшего размера и более простого очертания. Их граненый фуст опирался на двухступенчатую базу. Капители этих колонок не сохранились, что затрудняет реконструкцию высоты ступени. Но эти колонки очень близки по форме и размерам пилястрам барабана этой ступы. Пилястры тоже имеют двухступенчатую базу, высотой 2,3 см и шириной 6,5 см по основанию. Слегка зауженный в середине граненый фуст высотой 8 см заканчивается двухступенчатой капителью (зеркально повторяющей очертания

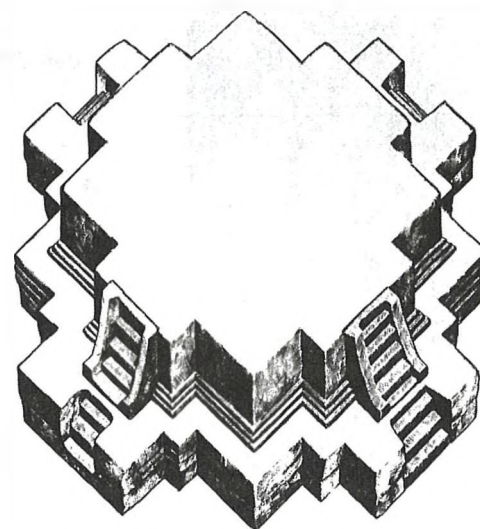

Рис. 19. Аксонометрический рисунок-реконструкция ступы в северном углу двора главной ступы

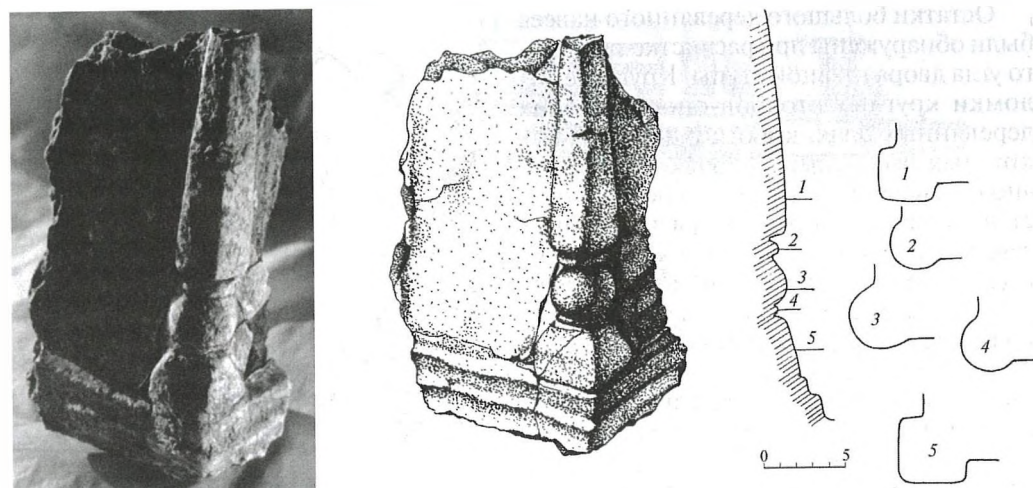

Рис. 20. Фрагмент угловой колонки от ганчевой ступы в западном углу двора (декор второго яруса)

и размеры базы), на которую опирается трехступенчатый карниз (шириной 4 см). Видимо, примерно такую же высоту (т. е. около 22 см) имела терраса-ступень с описанными выше колонками.

Представляется наиболее вероятным следующее чередование ступеней-террас: цоколь (высота 40 см), ступень с простыми гранеными колонками (высота около 20 см), ступень-терраса с колонками на «яблоках» (высота около 40 см), барабан с пилястрами (высота 22 см). Если исходить из пропорций меньшей ступы из помещения XXIX, то предполагаемая высота полусферического завершения этой ступы должна быть около 50 см, т. е. общая высота сооружения примерно должна быть равна половине диаметра его основания.

План ступы не вызывает сомнения: он был крестовидным, доказательством чего являются фрагменты выступающих углов с колонками.

В четырех случаях удалось сделать точные промеры выступания углов — 13,5–14 см для ступени с колонками на «яблоках» и 13,7 см для нижней террасы.

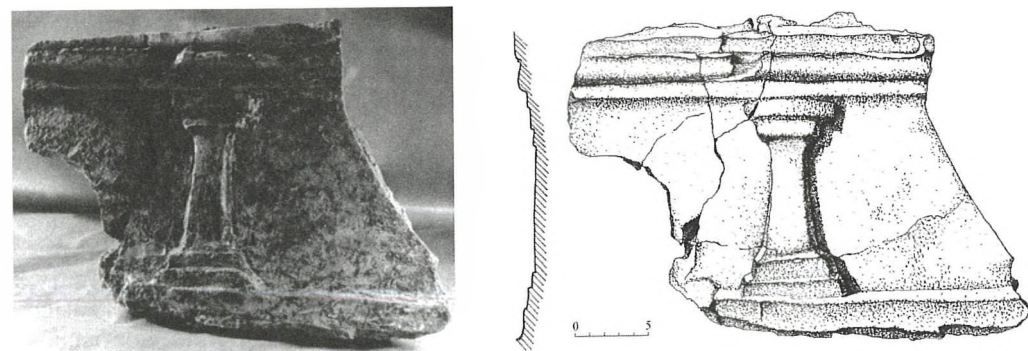

Рис. 21. Фрагмент барабана от ганчевой ступы в западном углу двора (декор третьего яруса)

Остается неясным до конца вопрос о лестничных маршах. Их ступеньки и отдельно перильца (фрагменты) сохранились, но они дают мало промеров. Ширина и высота ступеней около 4 см, ширина перилец 4,5 см. Перильца с внешней стороны имели продольные желобки. Была ли лестница единой для обеих террас, или каждая имела свой марш? Имелся ли лестничный подъем в цоколе, или его назначением было только служить основанием под собственно ступу?

Как показывают обломки фрагментов от облицовки, лепка плитусов, карнизов, колонок, пилястров производилась из качественно иной ганчевой массы, без грубых включений крупнозернистого песка. Отдельные детали ступы подкрашивались красной краской (желобки перилец, углубления ступеней, карнизы и плитусы, возможно, колонки). На некоторых фрагментах видны следы ремонта и повторного покрытия ганчем.

Еще в первые годы работ на Аджина-тепа было высказано вполне обоснованное предположение о существовании навеса по обе стороны от проходного айвана XX, который был сооружен для защиты росписи на стене, обращенной к ступе. Позже, когда была закончена расчистка восточного угла двора ступы, это предположение получило подтверждение: в юго-восточном углу двора находилась еще одна небольшая в плане ступа (рис. 22), крестообразная, стоящая на вымостке из двух положенных плашмя жженных кирпичей. Она в плане прямоугольная, лишь в северо-западном углу — прямоугольный врез. Размер вымостки около 291 см (восток-запад) × 380 см (север-юг), вырезанный угол — 75 × 120 см.

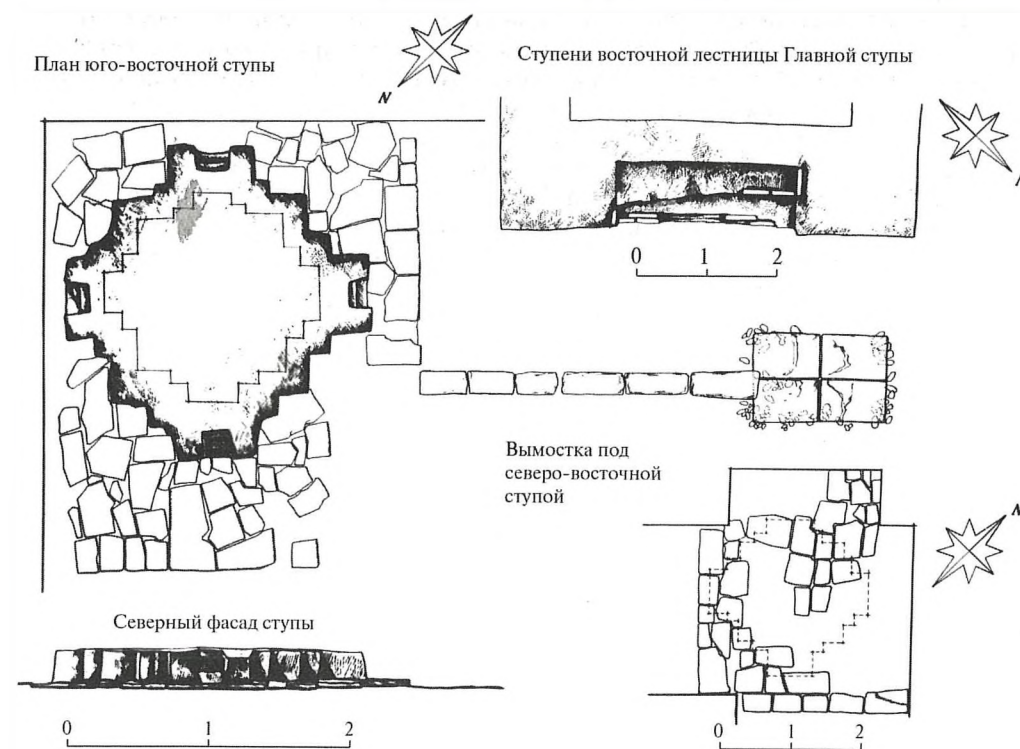

Рис. 22. План и разрезы ступы в северном углу двора главной ступы

Плитки положены на глиняном растворе. Высота двух рядов 10–11 см, толщина плитки 3–3,5 см. Размер плиток (все они ломаные) на неповрежденной стороне 32 см. Один кирпич предположительно 32×40 см. Из таких половинок плиток, целой стороной наружу, выложен край. Внутри же — разнокалиберные куски и кусочки плиток. Вымостка была покрыта слоем обмазки толщиной 5 см. Над ней, высотой 12–13 см, — основание ступы, сохранившееся на уровне одной (неполной) ступеньки. В плане ступа крестовидная, причем выступы «креста» — это пилоны (длина 19–27 см, ширина 18–19 см). Между каждым из четырех пилонов, в углах — трехчастная раскреповка, причем средний выступ самый крупный. Внутри пилонов — лестница со ступеньками высотой 4–5,5 см, шириной 5–10 см. На поверхности ступы и частично сбоку — следы угля, горения. Так как боковой венчающий карниз отсутствует, можно предположить, что нижняя ступенька сохранилась не на всю высоту и что ступеньки были частично (или полностью?) разрушены при горении айвана. Кругом — следы горевшего дерева. Размеры ступы 219×220 см. Она сильно несимметрична, по форме похожа на северо-восточную ступу.

От вымостки в сторону айвана XX на расстоянии 1,8 м от внешней стены коридора XXII, параллельно ему шла выложенная из обломков жженных плиток дорожка шириной 32 см. Ее удалось проследить на протяжении около двух метров. Далее ее продолжением являлись полоса насыпанной гальки и четыре кирпича размером 30×47 см. По всей вероятности, это остатки опоры для столбов навеса, который шел вдоль юго-восточной стены двора.

Что касается вотивной ступы в углу двора, то от нее сохранилась лишь часть нижней ступени-террасы на уровне 12–13 см, а остальное было разрушено пожаром и рухнувшим навесом. Судя по сохранившимся остаткам, ступа была чуть меньше остальных, ее фасады были не совсем симметричны друг другу, но в целом она весьма похожа на ту, что находилась в северном углу, и, вероятно, одновременна ей.

Логично было бы ожидать найти ступу и в четвертом, южном углу двора, однако там ее не оказалось, так же как не было и деревянного навеса.

Поскольку значительная часть двора оставалась открытой, в дождливую пору зимой здесь могла скапливаться вода. Для ее отвода была сделана дренажная система, состоявшая из керамических желобов, положенных вдоль юго-восточного и юго-западного фасадов на галечную подсыпку и ям-стоков, выстланных керамической плиткой. Возможно, для сбора скапливавшейся во дворе влаги служили вкопанные по верхний край венчика три хума в западном секторе двора возле ступы.

Культурные напластования на территории двора составляли толщу до 40 см. Особенно мощными они были в юго-восточной половине и вблизи ступы. При их вскрытии обнаружены обломки различной скульптуры.

Глава II

АРХИТЕКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ. КОНСТРУКЦИИ. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ

Общая композиционная схема сооружения предельно четкая. Каждая из двух частей комплекса выполнена по схеме четырехайванно-дворовой композиции. Разумеется, между этими частями есть различие, причем весьма существенное: в храмовой части в центре двора возвышалась ступа, в монастырской ее не было. Все членения строго симметричны. Для сооружения характерна и геометрическая правильность многих помещений, где не только стороны, но и углы разбиты абсолютно точно. Особенно показательно в этом отношении квадратное (7×7 м) помещение I, где обе диагонали не отличаются друг от друга. По-видимому, при разбивке на местности использовались соответствующие приемы и мерительные инструменты.

Итак, обе части комплекса Аджина-тепа построены по одинаковой планировочной схеме, но с учетом назначения каждой. Остановимся на описании этой схемы подробнее, суммируя материал предыдущей главы, а также добавляя новый.

Монастырская часть имела в середине двор (19×19 м), куда выходили четыре глубоких айванных помещения одинакового размера, расположенных в центре каждого фаса двора. Все айваны связаны между собой длинными коленчатыми коридорами, из которых имеются самостоятельные выходы во двор. Айваны ведут в помещения внутреннего ряда, отличающиеся одно от другого размером, устройством и назначением. В одном случае это было квадратное святилище (пом. I), стены которого были покрыты росписью, а на пристенных постаментах располагались различные по величине и характеру фигуры из глины — буддийские скульптурные композиции. В другом случае айван вел в огромный зал (пом. XII) размером $10,25 \times 9,5$ м, плоскую крышу которого поддерживали четыре колонны. Габариты зала и его расположение позволяют считать его местом для собраний буддийской общины обитателей монастыря.

Два других айвана являются частью анфилады проходных помещений. Одно из них (третье) вело в небольшое проходное купольное помещение, через которое попадали в айван второй, храмовой половины здания, обращенной к ступе. Из четвертого айвана через большое помещение — вестибюль и расположенный за ним айван, обращенный наружу, — можно было выйти за пределы монастыря.

Коленчатые коридоры связывают все помещения монастырской части. Сводчатые проемы ведут из них в различные комнаты, расположенные в глубине здания: кельи для монахов и хозяйственные помещения. Хозяйственным целям также

служило несколько помещений, пристроенных к наружному фасаду. Монастырская часть была, по-видимому, двухэтажной.

Вторая (храмовая, или культовая) часть комплекса построена по той же четырехайванной планировочной схеме. Центр двора занимала главная ступа, в его углах находились малые вотивные ступы.

Ограда вокруг главной ступы состоит из одного или двух рядов помещений. В центре каждого фаса, как и в монастырской части, — айван, открытый в сторону двора и обращенный к главной ступе, к одному из ее четырех лестничных маршей. В задней стене каждого айвана имеется арочный проем, ведущий в небольшое купольное святилище. Только в одном случае за айваном расположено не святилище, а купольное проходное помещение в пропилях, ведущих в монастырскую половину здания.

Айваны храмовой половины соединены длинными коленчатыми коридорами, в стенах которых устроены ниши, обращенные к ступе (в нишах располагались крупные скульптурные фигуры Будды в различных мудрах), или — по северо-западному фасаду — сводчатые проемы, ведущие в семь маленьких святилищ — целл. Внутри последних находились постаменты со скульптурой или малые вотивные ступы. Особенно обильно была украшена скульптурой центральная (расположенная на продольной оси) целла, а в ее вестибюле находилась малая вотивная ступа, трижды перестраивавшаяся. Каждое колено коридора имело выходы во двор, служившие одновременно и для освещения полутемных помещений. Стены и своды коридоров были украшены настенной живописью буддийского содержания, здесь же было много скульптур, в том числе 12-метровая скульптура Будды в нирване. Такова краткая структура комплекса.

Значительную роль в ней играли ступы¹.

Центральную часть двора храмовой половины Аджина-тепа, как указывалось, занимала главная ступа, представлявшая собой монолитное сооружение из пахсы и сырцового кирпича. Ступа террасовидная, крестообразно-звездчатая в плане, ориентированная углами по сторонам света. Каждый из четырех фасадов имел лестничные марши. В толщу нижней террасы были врезаны три ступени, а четвертая (нижняя) была выносной. Ступени некогда были облицованы обожженными керамическими плитками, обмазанными сверху толстым слоем ганча. Основание главной ступы украшал уступчатый плинт, многократно реконструировавшийся.

От второй террасы главной ступы сохранился общий объем пахсового монолита. Он имеет чуть наклонную поверхность всех четырех граней. Основу лестничного марша составляют пахсовые блоки, приложенные ступеньками к середине фаса. Вдоль щеки лестничного марша шел ступенчатый плинт, упирившийся в угловые пилоны по обеим сторонам. Сами пилоны были сложены из сырцового кирпича и оштукатурены.

Выявлены и остатки барабана, состоящие из восьми рядов горизонтальной кладки кирпича. Барабан имел вокруг основания ступенчатый плинт.

В углах двора, под навесом, находились малые вотивные ступы (обнаружены три: две — кирпично-глиняные, одна — с облицовкой из ганча). В трех целлах, связанных с обходным коридором, центральную часть занимали такие же ступы. Наконец, в вестибюльном помещении XXIX, обращенном к северо-восточной лестнице главной ступы, находилась малая вотивная ступа, при исследовании которой выяснилось, что внутри нее замурована меньшая по размеру ступа.

¹ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики stūpa в Средней Азии и Индии. С. 164—173.

Все малые вотивные ступы примерно одной величины (2,5—3,5 м в основании), крестообразно-звездчатого плана, подобно главной ступе, но отличаются большим разнообразием внешнего декора, а также количеством ступеней-террас (две или три) и, следовательно, варьируют по высоте. Тело ступы выкладывалось из сырцового кирпича с забутовкой внутри крупных галек и обломков жженных плит. Снаружи такое ядро покрывалось слоем саманной штукатурки и тонкой ганчевой обмазкой. В некоторых местах, главным образом для придания большей выразительности отдельным деталям внешнего убранства ступы, наносилась красная (реже синяя) краска. Так, краской прорабатывались ступени лестничных подъемов, перилы, карнизы и плинтусы; подкрашивались также базы и капители маленьких колонок на выступающих углах ступ².

Ганчевая ступа имела высокий цоколь, под которым был насыпан слой мелкого щебня и гальки; само тело ступы состояло из крупного галечника и сырцового кирпича, сцементированных грубым ганчевым раствором. Ступа была обмазана двумя-тремя слоями более тонкого ганча, в верхнем слое которого был вылеплен декор ступы: плинты, карнизы, колонки первого и второго ярусов и пилястры барабана. Возможно, этой ганчевой ступе принадлежат найденные ранее в южной части двора кусочки аркады и отштампованные в ганче медальоны с изображениями Будды, сидящего в позе медитации. Эта малая ступа (размеры по основанию — 3,1 × 3,5 м) обнаружена во фрагментах.

Неподалеку от главной ступы, в обмазке пола, был найден овальный комочек необожженной глины, на котором были отгиснуты пять строчек надписи на брахми (рис. 23). Надпись прочтена М. И. Воробьевой-Десятовской, и ею же сделано заключение, что по своим палеографическим особенностям печать, которой сделан оттиск, может быть датирована VII—VIII вв. Перевод надписи следующий: «Ради этих дхарм, ради места рождения тех Татхагата ска...» Подобный текст неоднократно встречался на так называемых глиняных таблечках при раскопках в Северной Индии и Афганистане. Наиболее близкой аналогией, по авторитетному мнению М. И. Воробьевой-Десятовской, является оттиск печати на таблечке типа 9, найденной в Афганистане при раскопках близ Газни и опубликованной М. Таддеем³.

Кроме того, при раскопках на Аджина-тепа были обнаружены три глиняные модели ступ⁴.

Первая модель (рис. 24, б) частично фрагментирована (отсутствуют два фаса корпуса и основная часть купола), но может быть почти полностью реставрирована. Над небрежно изготовленной

Рис. 23. Таблетка-булла с оттиском начальных слов молитвы и комоч глины с отпечатком. Двор главной ступы

² Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. С. 33.

³ Taddei M. Inscribed Clay Tablets and Miniature Stūpas from Gazni // EW. NS. Vol. 20. No. 1—2. 1970. P. 74—77. Fig. 24—25.

⁴ О двух из них см.: Зеймаль Т. И., Литвинский Б. А. Первые глиняные модели стūpa из Средней Азии (Аджина-Тепе) // Санскрит и древнеиндийская культура. Т. 1. М., 1979.

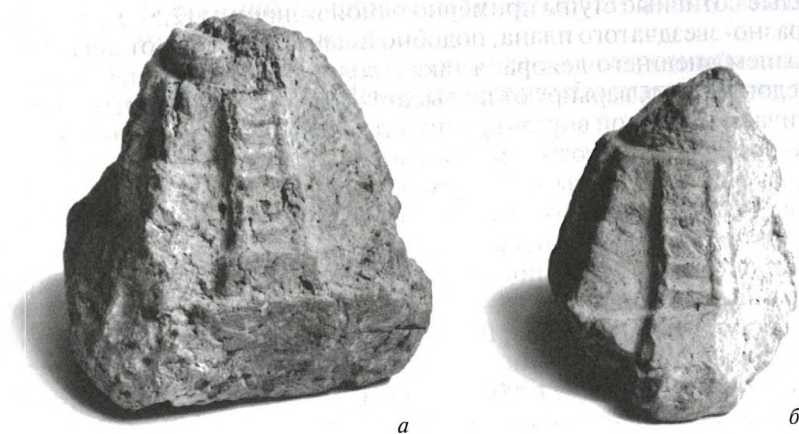

Рис. 24. Миниатюрные модели ступ. Монастырский двор возле айвана XI

подставкой, нижняя плоскость которой незначительно вогнута (высота ее 1,0 см), — трехъярусный пирамидальный корпус. Высота ярусов (снизу вверх) 0,7–1,0 см, т. е. средняя часть наиболее крупная. Пирамида корпуса ступенчатая: ярусы отделены небольшими (по 0,2 см) горизонтальными уступами.

В середине каждого из двух сохранившихся фасов — вертикальная лестница с перильцами: на нижнем ярусе — в виде гладкой пластинки (имитация пандуса?), на двух верхних — со ступеньками. Пролет лестницы значительно сужается кверху. Лестница не врезанная, а рельефная. Верхняя ступенька выводит на квадратную (собственно, крестообразную за счет верхних ступенек лестниц) площадку корпуса, на которой имеется круглый барабан, малозаметным уступчиком переходивший в отсутствующий сейчас купол.

Модель изготовлена из серой необожженной глины, работа нетщательная. По-видимому, модель делалась лепкой с последующим подрезанием; лестницы сделаны вдавливанием. Размеры: сторона основания — 6,0–6,3 см, высота корпуса с подставкой — 4,0 см, общая высота сохранившейся части — 5,0 см.

Вторая ступа (рис. 24, б) такой же формы, но крупнее. Здесь основание с разных фасов неодинаковой высоты (2,0 и 2,6 см), его периметр образует подобие валика, середина нижней поверхности резко вогнута. Размеры ярусов собственно корпуса — 1,0–1,5–1,2 см, т. е. и здесь доминирует средний ярус. Лестница резко сужается кверху. Материал — красновато-коричневая необожженная глина, работа значительно более небрежная, чем у первой модели. Размеры: сторона основания — 6,5 см, высота до начала барабана — 5,7 см, общая высота сохранившейся части — 6,6 см.

Третья, также фрагментированная модель (найдена в пом. XXXIII) имеет определенные отличия. Ее основание — округлое в плане и снизу выпуклое. В верхней части подставки, по кругу, — крупные вытянутые рельефные «горошины» (13–17 мм) над ними — низкий (2–3 мм) плоский постамент из восьми сомкнутых сегментов.

Пирамидальный корпус ступы двухчастный. Нижняя терраса — трехступенчатый плинт (высота 16 см) с низкими нижней и верхней ступенями и более высокой средней. Верхняя терраса — гладкий пирамидальный блок (высота — 199 мм), завершающийся лентой рельефного горизонтального карниза.

В середине каждой стороны корпуса ступы — выносная лестница, нижняя ее часть пятиступенчатая, причем ступени сужаются кверху (ширина по фасаду нижней 21 мм, верхней — 8 мм). Верхний марш на одной из сохранившихся сторон — гладкое, сужающееся кверху рельефное панно с боковыми перильцами, на другой — с лесенкой.

Над верхней квадратной плоскостью корпуса начинается барабан купола, горизонтально-рифленый в основании (сохранившаяся высота барабана — 14 мм).

Общая высота сохранившейся части модели — 91 мм, в том числе высота корпуса — 32 мм, размер корпуса (по основанию) — 63 × 63 мм.

Внутри корпуса модели, на высоте 14 мм от основания, при изготовлении была вмазана круглая линзовидная таблетка диаметром 41 мм и толщиной около 11 мм, располагавшаяся горизонтально, но не по центру модели, а несколько сбоку (рис. 25). На таблетке оказалась надпись на брахми, которая, согласно чтению М. И. Воробьевой-Десятовской, содержит текст той же молитвенной формулы (*ye dharma*), что и на упоминавшейся выше таблетке⁵.

Через 20 лет после обнаружения глиняной модели ступ на Аджина-тепа была сделана новая находка таких ступ на территории Таджикистана. При раскопках буддийского монастыря Хишт-тепа (о нем см. ниже) была обнаружена целая серия глиняных моделей (одних целых экземпляров — более шести десятков). Все они с крестообразно-звездчатым в плане основанием, но значительно различаются другими характеристиками, например подставками. Выделяются два варианта. Первый вариант — с выпуклой и округлой подставкой-цоколем. Корпус двухчастный, состоящий из трехступенчатого плинта, иногда из пирамидального блока. На верхней площадке — цилиндрический барабан, переходящий в полусферу, на поверхности — вертикальные канелюры. На вершине помещался штырь с зонтиками. В середине каждого из четырех фасов — лестница с перильцами. Ступеньки сужаются снизу вверх. Основание имеет размеры 7,8 × 8,6 см. Вторым вариантом — с плоской квадратной подставкой-цоколем. Корпус пирамидальный, двухчастный, части разделены горизонтальным уступом; иногда же корпус одночастный, в виде пирамидального блока. На каждом из четырех фасов — лестница с перильцами. Более четко выражена хармика, в центре верхней плоскости которой крепится штырь с зонтиками. Размер основания 5,0 × 6,5 см.

В нижнюю часть моделей ступ были вмазаны глиняные таблетки с молитвами. Надписи на них были прочитаны В. В. Вертоградовой, которая выявила три варианта текста. Они отличаются от текстов, найденных в моделях из Аджина-тепа. По заключению В. В. Вертоградовой, таблетки из Хишт-тепа, несмотря на различия, «воспроизводят один и тот же ритуальный текст *dharma-paṇḍa* — провозглашение буддийского учения, написанный письмом брахми»⁶.

Рис. 25. Таблетка-булла

⁵ Воробьева-Десятовская М. И. Находки санскритских рукописей письмом брахми на территории советской Средней Азии // Санскрит и древнеиндийская культура. Т. 1. М., 1979.

⁶ Муллоканов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепа в Ховалингском районе Таджикистана // ИБМАИКЦА. Вып. 17. 1990; Вертоградова В. В. Глиняные таблетки с буддийскими надписями из Хишт-тепа // Там же.

Выше уже говорилось о различии размеров ступ на Аджина-тепа и об их трех-частной иерархии по величине. Но является ли эта иерархия лишь количественной? Представляется, что можно говорить и об архитектурно-композиционной иерархии, особенно в отношении главной и малых ступ. Роль главной ступы в архитектурно-композиционном построении Аджина-тепа была исключительно велика. Симметрия в целом гармонирует с симметрией отдельных частей, особенно ступ. Каждая ступа имеет горизонтальную симметрию вокруг центральной точки и вертикальную — вокруг вертикальной оси (А. Снодграсс). Кроме того, можно считать, что Аджина-тепа была создана на основе единой пропорциональной системы с последовательной гармонизацией всех частей⁷. Для этого ансамбля характерна четкая ритмометрическая композиционная структура (повторяемость калий, коридоров, их пересечение с выполненными в другом ритме айванными помещениями вместе с целлами, являющимися доминантными элементами композиции, и др.). Четко выявлена масштабная соподчиненность отдельных элементов композиции. Статическим центром храмовой части является главная ступа с концентрическим расположением вокруг нее других сооружений. Контрастное решение наблюдается в замкнутом и незаполненном пространстве двора монастырской части.

Сложное сочетание горизонтальных и вертикальных членений, контраст между прямыми линиями основания и криволинейными поверхностями полусферы и зонтиков, крупные членения ярусов и мелкий ритм ступенек — все это создавало чрезвычайно усложненный, хотя и вполне рациональный архитектурный силуэт. Дробность членений его нижней части была усилена контрастом с гладью крупных поверхностей и рельефным выступом трехчетвертных колонн и сложнопрофилированных горизонтальных плит, а также полихромией цветных штукатурок.

Архитектурный анализ показывает наличие в композиции комплекса зеркальной симметрии. Продольная ось соответствует зеркальной проекции оси симметрии. Она зримо закреплена при помощи кирпичной дорожки, пересекающей двор монастырской части. Зеркальная симметрия сочетается с конгруэнтной, которой следует каждая из частей комплекса (с элементарным углом поворота в 90° и четырехкратным порядком оси).

В этом построении особое место занимает главная ступа, вокруг которой концентрически располагаются другие сооружения. В целом это центрическая объемно-пространственная композиция. Расположенная (хотя не абсолютно точно) на оси симметрии, эта ступа поставлена так, что ее центр совмещен с точкой на оси, отстоящей от ее концов соответственно на 1/4 и 3/4 ее длины. Это неслучайно, ибо центр ступы соответствует центру конгруэнтной симметрии храмовой части, что сопоставляется с бесконечно повторяющейся церемонией ритуального кругового обхода — *pradakshana*.

Иной была композиционная роль малых вотивных ступ. Одна из них, ступа «матрешка» (пом. XXIX), как бы закрепляла ось зеркальной симметрии. Ступы, расположенные в углах двора, фиксировали точки конгруэнтной симметрии двора также с элементарным углом поворота в 90°, но с иным направлением осей, и эти два рисунка конгруэнтной симметрии накладывались один на другой, обогащая гармонию комплекса. Каждая из малых ступ в углах двора имеет, таким образом,

⁷ М. С. Булатов детально изучил проблему геометрической гармонизации в архитектуре Средней Азии IX–XV вв., сделав при этом много важных открытий (Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М., 1978). Однако он не вскрыл генетические истоки средневековой геометрической гармонизации. Как показывают материалы Аджина-тепа и других памятников, в средневековые получили развитие принципы, многие из которых восходят к домусульманской эпохе. См. также: Snodgrass A. The Symbolism of the Stupa. Ithaca, 1985. P. 12.

важное, хотя и частное значение, причем они обретали это значение, лишь выступая в совокупности. Малые же ступы внутри помещений в миниатюре выполняли ту же роль, каждая для соответствующего помещения, как и главная ступа для храмовой части комплекса в целом.

Модели ступ не были архитектурно-планировочно фиксированными деталями и не закреплялись за какой-либо одной частью Аджина-тепа или другого архитектурного комплекса. Верующий, имея такую переносную модель, обретал тем самым возможность представлять себя как бы перенесенным в любую из кардинальных точек буддийского монастыря — сангхарамы. Следовательно, модели ступ в этом смысле обладали определенным универсализмом.

Таким образом, три вида ступ Аджина-тепа в композиционно-планировочном отношении оказались подчиненными определенной иерархии, что отражает их иерархию в сакральном пространстве.

Различные виды ступ имеются и в огромном количестве буддийских комплексов Индии и Афганистана. Так, в Шах-джи-ки Дхери вокруг главной ступы (там, где был найден знаменитый реликварий Канишки) имеется множество малых ступ. Главная ступа крестообразная в плане; среди малых, круглых и квадратных в плане находятся и крестообразные, ступенчатые⁸. Эти малые вотивные ступы часто помещаются в специальные небольшие целлы. В монастыре в Джамал-Гархи (область Гандхары), например, А. Каннингхэм насчитал 10 целл, в которых помещались миниатюрные ступы⁹. В монастыре в Бодх-Гаи, в двух соединенных целлах, располагалось по миниатюрной ступе: одна из них (В.29) — квадратная в основании со стороной 2 м, другая (В.30) — круглая, диаметром 2,35 м. Малые ступы в этом комплексе помещались также в центральной целле вихары (В.51 и В.55), причем их размер был еще меньше (В.55 — со стороной 1,46 м)¹⁰. В Ратнагири в комплексе VIII–X вв. кроме крупных ступ было много малых вотивных (*in situ* сохранилось около 125)¹¹. В Гуммадидуру к северу от главной ступы расположены две малые (датировка — около II–III вв. н. э.)¹². В центральной части комплекса Тепаи-Калан не только главная ступа окружена множеством миниатюрных¹³, но и миниатюрная ступа имеется почти в каждой из многочисленных целл, составляющих ограду этой ступы. Аналогичное положение и в оградах двух других ступ. То же самое можно наблюдать и в других комплексах Хадды.

Композиционно-планировочная роль ступ и их иерархия в буддийских сооружениях Индии еще недостаточно изучены. Тем не менее можно полагать, что наблюдения относительно Аджина-тепа (с теми или иными коррективами) могут быть распространены и на индийский материал начиная со ступы в Санчи.

Еще более сложен вопрос об иерархии культово-семантических представлений, связанных с этими видами ступ. На наш взгляд, при всей универсальности этих представлений определенные акценты были и здесь. Так как представления, которыми наделялась ступа, детально и глубоко изучены многими исследователя-

⁸ Hargreaves H. Excavations at Shah-ji-ki Dheri // ARASI: 1910–1911. 1914. Pl. XIV/b.

⁹ Cunningham A. Report for the year 1872–1873. Calcutta, 1875 (Archaeological Survey of India. Vol. 5). P. 49. Pl. XIV.

¹⁰ Barthoux J. Les fouilles de Hadda. I: Stupas et sites. Texte et dessins. Paris, 1933 (MDAFA. T. 4). P. 156–197.

¹¹ Indian Archaeology 1960–1961: a Review / ed. by A. Ghosh. New Delhi, 1961. P. 29–30. Pl. XXXVIII.

¹² Kuraishi M. N. Trial excavations at Alluru, Gummadiduru and Nagarjunikonda // ARASI: 1926–1927. 1930. P. 153.

¹³ Faccenna D. Saidu Sharif I (Swat, Pakistan). 2. The Buddhist Sacred Area. The Stupa Terrace // Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche in Asia. Reports and Memoirs. Series Maior. Vol. 23/2. Roma, 1995. P. 407–408.

ми¹⁴, мы не будем их излагать, сосредоточив в дальнейшем свое внимание на некоторых специфических вопросах, связанных с миниатюрными ступами и ступами, «вставленными» одна в другую.

Модели ступ из Аджина-тепа — это первые в Средней Азии скульптурные изображения буддийских культовых сооружений, выполненные в виде глиняных образцов¹⁵. Они воспроизводят крестовидно-звездчатый ступенчатый прототип, развитие которого можно проследить уже с гандхарского времени¹⁶.

Известны многочисленные находки моделей ступ в других областях и странах, где буддизм был некогда распространен или продолжает существовать до сих пор, особенно в Индии, Афганистане, Тибете, Восточном Туркестане.

Во время работ Итальянской археологической миссии в Афганистане на Гудал-и Ахангаран, вблизи цитадели Газни, были найдены глиняные миниатюрные модели ступ. М. Таддей, опубликовавший находки вместе с прекрасным исследованием, разделил эти модели на 7 типов. Характерным для всех является сильно развитое основание в виде обращенного вниз усеченного конуса, по высоте превышающего собственно ступу, причем сделаны они при помощи штампа. Размер собственно корпуса ступы — 3,3–9,2 см, корпус двух-, четырехъярусный, причем нижняя ступень может состоять из лотосов. Над наклонным корпусом ступы, на барабане, — купол, окруженный в отдельных случаях колоннами или вспомогательными куполами. М. Таддей отмечает, что конусообразное основание — специфическая черта газнийских моделей — прослеживается также на тибетских,

¹⁴ См., в частности: *Foucher A.* L'art gréco-bouddhique du Gandhâra. I. Paris, 1905; *Govinda A. B.* Some Aspects of Stupa Symbolism. Sarnath; etc., 1935 (Bulletin of the International Buddhist University Association. No. 2); *Przyłuski J.* The Harmikā and the origin of the Buddhist stupa // *INQ.* Vol. 11. 1935; *Coomaraswamy A.* Symbolism of the dome // *INQ.* Vol. 14. 1938; *Bureau A.* La construction et le culte des stupa d'après les Vinayapitaka // *BEFEO.* T. 50. Fasc. 2. 1952; *Coomaraswamy A.* La sculpture de Bharhut. Paris, 1956 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'art. NS. VI). P. 11–19; *Benisti M.* Étude sur le stupa de l'Inde ancienne // *BEFEO.* T. 50. Fasc. 1. 1960; *Hirakawa A.* The rise of Mahayana Buddhism and its relationship to the worship of stupas // *MDTB.* No. 22. 1963; *Irwin J.* The stupa and cosmic axis: the archaeological evidence // *South Asian Archaeology*, 1977. Vol. 2. Naples, 1979; *The Stūpa: Its Religious, Historical and Architectural Significance* / ed. by A. L. Dallapiccola in collaboration with S. Zingel-Avé Lallemand. Wiesbaden, 1980 (Beiträge zur Südasiensforschung. Bd. 55); *Snodgrass A.* The Symbolism of the Stupa. Ithaca, 1985.

¹⁵ Глиняные модели ступ появляются в Средней Азии в кушанское время. На Зар-тепа найдены четыре экземпляра таких моделей. Наиболее целый экземпляр имеет одноступенчатый квадратный плинт (11 × 11 × 2 см), непосредственно над которым поднимался торовидный элемент (купол), в вершине его венчает круглый в плане выступ (фрагментирован) — чатра. Общая высота — 9 см. Изнутри модель полая. Другие модели имели двух- и трехступенчатый плинт. В это время существовали и каменные модели ступ. Они известны в Айртаме, Кара-тепа, Уштур-мулло. Каменные модели (их иногда называют реликвариями) значительно крупнее. Они обычно воспроизводят квадратную в плане ступу со всеми ее членениями. Таким образом, существовали два варианта миниатюрной модели: условно обобщенная и реалистическая. Именно последняя послужила отправной точкой для раннесредневековой традиции миниатюрных моделей, но они стали изготавливаться не из камня, а из глины. *Пуганченко Г. А.* Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана // Тр. Термезской археологической комплексной экспедиции. Ташкент, 1945. Т. II. С. 76. Рис. 5; *Тургунов Б. А.* К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 56–57. Рис. 46; *Ставиский Б. Я.* Итоги раскопок Кара-тепе в 1965–1969 гг. // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972. С. 41–42. Табл. XIV; *Зеймаль Т. И.* Буддийская ступа у Верблюжьей горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана) // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 74–75. Рис. 1; *Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (по материалам Зар-тепе) // ВДИ. 1985. № 4. С. 114–116.

¹⁶ Так по классификации Г. Франца (подробнее см. ниже).

но обычно (за отдельными исключениями) отсутствует на индийских и центральноазиатских моделях¹⁷.

Довольно близки аджинатепинские миниатюрные ступы к глиняной модели ступы из Шринагара, хранящейся в Музее Шри Пратап Сингха¹⁸. Отличия все же есть и здесь. Шринагарская ступа — на выпуклом основании, над которым располагается круглый плоский диск. Корпус ступы — двухъярусный, основание каждого яруса — в виде трех плитов. Лестницы не врезаны, а имеют значительный «вынос». В местах сочленения лестниц с корпусом углы раскрепованы в нижнем ярусе двумя пилястрами, в верхнем — одним.

Сказанное выше о различиях аджинапетинской и шринагарской моделей в значительной мере относится и к глиняной (кстати, из красной глины) модели ступы из Восточного Туркестана, найденной на правом берегу р. Муртук. Размеры основания корпуса — 5,5 см, высота корпуса — 2,2 см. Барабан переходит в высокий купол¹⁹. Укажем также, что в некоторых моделях ступы, найденных на Гудал-и Ахангаран, имелись глиняные таблечки с буддийскими формулами, помещенные с целью освятить эти миниатюрные модели²⁰.

А. Стейн нашел в Хадалыке, в одном из помещений, скопление одинаковых по форме миниатюрных глиняных ступ, и среди них — ступа из мягкой белой глины с круглым в плане основанием диаметром около 8 см, высотой около 7 см; вокруг барабана располагаются 8 пилястров, имеющих, в свою очередь, форму ступы²¹. На поселении вблизи Чио-цу А. Стейн раскопал крошечное помещение, собственно камеру, где обнаружил две маленькие ступы, и, как он пишет, «in the case of two stupas this was found to have been filled with hundreds of miniature clay stupas» (в двух ступах были найдены сотни маленьких глиняных ступ). Миниатюрные модели очень похожи, хотя и сделаны в нескольких формах. Все они стоят на округло-выпуклом основании. Двухъярусный корпус резко сужается кверху, имеются лестницы, над корпусом — барабан и затем — низкий купол. На некоторых присутствуют надписи. По мнению А. Стейна, это votivные подношения²².

В Джамал-Гархи пространство между центральной ступой и кольцом окружающих целл (ок. 3–4 м) было заполнено, как пишет А. Каннингхэм, бесчисленными фрагментами маленьких votivных ступ и каменными зонтиками, варьирующими в размере от 75 см до фактически «игрушек» величиной 10–12,5 см²³. Маленькие votivные ступы были найдены также при раскопках в Сарнатхе²⁴.

В Раджагрихе вблизи от ступ при раскопках обнаружены миниатюрные глиняные votivные ступы около 5 см высотой и 2,5 см в диаметре. По определению Д. Маршалла, эти миниатюрные ступы входили в состав внутреннего заполнения ныне разрушенной главной ступы. Внутри миниатюрных ступ имелись тонкие таблечки с буддийской формулой. Надписи по палеографическим признакам датируются VIII или IX в.²⁵

¹⁷ *Taddei M.* Inscribed clay tablets...

¹⁸ *Franz H. G.* Die Ausgrabungen in Nālandā und die Kunst des späten Buddhismus in Indien // *Indologentagung*: 1959. Göttingen, 1959. S. 92–93. Abb. 20.

¹⁹ *Le Coq A., von.* Chotscho. Facsimile-Wiedergaben der wichtigeren Funde der ersten K. Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkestan. Berlin, 1913 (Ergebnisse der Kgl. Preussischen Turfan-Expeditionen). S. 59. Taf. 59/b.

²⁰ *Taddei M.* Inscribed clay tablets... P. 80.

²¹ *Stein A.* Serindia. Oxford, 1921. Vol. I. P. 161, 194; Vol. IV. Pl. IX / Kha. VII. 0010.

²² *Ibid.* Vol. IV. So. A. 006-008-009.

²³ *Cunningham A.* Report for the year 1872–1873. P. 48.

²⁴ *Marshall J. H., Konov S.* Sarnāth // *ARASI*: 1906–1907. 1909. P. 72, 94. Pl. XIX/9.

²⁵ *Marshall J. H.* Rājagriha and Its Remains // *ARASI*: 1905–1906. 1909. P. 96–97.

Миниатюрные глиняные ступы разного типа (размер по основанию — 3,3–10,3 см), в том числе с усеченным округло-коническим основанием и вложенными внутрь таблечками с надписями, были найдены в Шравастии²⁶, а также в Муртуке, Кичик Асса-Шехри²⁷, Тибете²⁸ и др. Глиняные модели иногда раскрашивались; так, на ступе из Кичик Асса-Шехри сохранились остатки белой краски²⁹.

Но модели изготавливались не только из глины. В публикациях раскопок упоминаются миниатюрные терракотовые модели³⁰, более крупные каменные, например ступа высотой 28 см, найденная в Сарнатхе³¹; большое число каменных моделей хранится в европейских музеях³². Известны также бронзовые модели ступы³³. Можно упомянуть и о золотых. Так, в Амаравати в керамическом сосуде был найден золотой реликварий в виде миниатюрной (высота — ок. 8,8 см) дагобы с зонтиком³⁴.

Большой интерес представляют глиняные вотивные таблечки с оттиснутыми на них рельефными изображениями ступ. Такого рода таблечки найдены, в частности, при раскопках буддийского комплекса в Харване (Кашмир, район Шринагара). Размеры ступы: длина основания — 3,7 см, высота основания — около 2,7 см, высота с куполом — 5,1–5,3 см, высота с зонтиками — 12,3–12,7 см. Основание трехъярусное, резко сужающееся кверху, со значительно уменьшающимися кверху лестничными проемами, по краям ограниченными широкими полосками — перилами. Высокий барабан декорирован. Над куполом — длинный семичастный зонтик, размер которого приближается к половине общей высоты ступы. Датировка — около V в. н. э.³⁵

В коллекции Музея изящных искусств в Бостоне хранится плакетка (ладанка) из обожженной глины. На ней оттиснуто изображение четырехъярусной ступы со сферой и двенадцатью зонтиками, помещенной на лотосовидный трон; есть надпись. Размер плакетки — 10,3 × 9,3 × 3,4 см. Согласно А. К. Кумарасвами, это изделие из Непала, датируемое XV в. (?)³⁶.

В Мирпур Хаш (Синд) найдены маленькие овальные глиняные таблечки (их длина — от 3,7 до 16,5 см) с вытянутыми изображениями ступ, похожих на ступы бирманского типа. Раскопки в Хавзе (Бирма) также выявили много терракотовых таблечек с изображением ступы аналогичного типа. В Индии и Бирме они часто встречаются в слоях VI–IX вв.³⁷

²⁶ Cunningham A. Report of tours in the Gangetic provinces from Badaon to Bihar in 1875–1876 and 1877–1878. Calcutta, 1880 (Archaeological Survey of India. Vol. 11). P. 89–90. Pl. XXVIII/4–5.

²⁷ Le Coq A., von. Chotscho. S. 59. Taf. 59/g, r. См. также: Central Asian Objects brought back by the Otani Mission, Tokyo, 1971 (Illustrated Catalogues of Tokyo National Museum). P. 56. Fig. 154.

²⁸ Tucci G. Indo-Tibetica. I. Roma, 1932 (Reale Accademia d'Italia. Studi e documenti. 1). P. 106–108. Taf. XLI, XLII/a.

²⁹ Le Coq A., von. Chotscho. S. 59.

³⁰ Rea A. A Buddhist monastery of the Sankaram Hills, Vizagapatam dist // ARASI: 1907–1908. 1911. P. 170; Vogel J. Ph. Excavations at Kasiā // ARASI: 1906–1907. 1909. P. 57.

³¹ Marshall J. H., Konow S. Excavations at Sarnath. 1908 // ARASI: 1907–1908. 1911. P. 72.

³² Franz H. G. Der Stupa mit Kultnische // ArAs. Vol. 23/3–4. 1955. S. 251. Abb. 12.

³³ Franz H. G. Die Ausgrabungen in Nālandā und die Baukunst des späten Buddhismus in Indien // ArsOr. Vol. 4. 1961. Abb. 7.

³⁴ Rea A. Excavations at Amarāvati // ARASI: 1908–1909. 1912. P. 88. Pl. XXVII/b, d.

³⁵ Kak R. Ch. Ancient monuments of Kashmir. London, 1933. P. 107–108. Pl. XVII.

³⁶ Coomaraswamy A. K. Catalogue of the Indian collections in the Museum of Fine Arts, Boston. Vol. 1–2. Boston, 1932. P. 134. Pl. XXXIX/21.

³⁷ Das S. R. Discovery of a unique terracotta mould // Yearbook of the Asiatic Society for 1970. Vol. 13. Calcutta, 1971. P. 123–124.

Согласно некоторым исследованиям, глиняные вотивные таблечки с надписями изготавливались в Бихаре и Бенгалии в постгуптское время в большом количестве и с пилигримами проникали на Цейлон и в Бирму. Так же было и с миниатюрной скульптурой; например, оттуда же на Цейлон попала каменная таблечка (высота 9 см) с изображением сцен «Великого чуда»³⁸.

По-видимому, именно объекты такого рода (найденные им самим в Лехе) А. Г. Франке называет «cremation tablets of the “miniature stupa” type»³⁹. Действительно, тибетцы делают такие изображения и в связи с кремацией. В тот день, когда тело покойника сжигается, изготавливается его изображение: на кусок дерева надевается его одежда, на место лица помещается лист бумаги, где печатным способом оттиснут рисунок — «дух умершего». К истукану ставят еду и питье, производятся различные обряды на протяжении 49 дней. Этот обычай несет в себе следы религии бон и имеет много общего со среднеазиатскими обычаями типа *тул* (что, кстати, не было отмечено исследователями бона). После 49 дней обряд завершается церемониальным сжиганием упомянутого листа бумаги с изображением. Зола тщательно собирается, смешивается с глиной, и отформовывается одно или более миниатюрных изображений чайтхи. Одно из них остается на домашнем алтаре, другое относится на ближайший холм, где прячется под каким-либо камнем (скалой)⁴⁰.

Таблечки с изображением ступ найдены также в Касии⁴¹, Шравастии⁴², Сарнатхе⁴³, во многих других местах Индии, а также за ее пределами, в частности в Тибете⁴⁴ и Восточном Туркестане, например в Хочо⁴⁵. Найдены они и в Средней Азии — на Аджины-тепа и Памире.

На одной аджинатепинской таблечке с сидящим Буддой рядом с ним расположено фронтальное условное изображение одной из сторон ступы. Ее основание — ступенчатое (4 ступени). Нижняя, самая высокая, это нечетко отформованная ступень, выше имеются две более низких ступени и четвертая — самая высокая. Над ступенчатой частью изображен корпус в виде квадрата, заметно сужающегося кверху и увенчанного карнизом. В центре — резко сужающаяся кверху лестница. Она начинается над второй ступенью и доходит до карниза корпуса. Над карнизом — тонкое кольцо (барабан), затем массивное кольцо (купол). Еще выше, непосредственно над куполом, — зонтик; нижний — более толстый, следующие — меньшего диаметра и более тонкие. В целом же эта часть имеет пирамидальные основания. Общая высота ступы — 88, ширина по основанию — около 27 мм.

Согласно тибетским источникам, как выяснил Д. Туччи, миниатюрные ступы-модельки и буддийские глиняные таблечки входят в класс *ts'a ts'a*. Этот термин он производит от праkritского *sachhaya* или *saccaha*, санскритского *sat-chaya* —

³⁸ Primatilleke I. A miniature sculpture from Ceylon depicting the Eight Great Miracles of the Buddha // ArAs. Vol. 34/2–3. 1972. P. 162. См. также: Luce Q. Old Burma — Early Pagan. Vol. 111. Ascona, 1970 (ArAs. Suppl. 25). Pl. 400–405.

³⁹ Francke A. H. Antiquities of Indian Tibet. P. 1. Calcutta, 1914 (Archaeological Survey of India. New Imperial Series. Vol. 37). P. 82.

⁴⁰ Waddell L. A. The Buddhism of Tibet or Lamaism 2nd ed. Cambridge, 1958. P. 329–330, 495–498.

⁴¹ Vogel J. Ph. Excavations at Kasiā // ARASI: 1905–1906. 1909. P. 81; Vogel J. Ph. Excavations at Kasiā // ARASI: 1906–1907. 1909. P. 66.

⁴² Cunningham A. Report of tours in the Gangetic provinces... P. 90.

⁴³ Marshall J. H., Konow S. Excavations... P. 72–73.

⁴⁴ Tucci G. Indo-Tibetica. I. Tab. VII–XIV.

⁴⁵ Le Coq A., von. Chotscho. S. 59. Taf. 59/h.

первоначально «изображать», «воспроизводить»⁴⁶, причем эти предметы, в частности в виде *mc'od rten* (т. е. ступ), часто клались на большие ступы или стены. Судя по письменным источникам, изготовление *ts'a ts'a* включало в себя несколько практических операций и несколько действий по освящению. Из описанных в текстах операций непосредственно к миниатюрным моделям ступ относились следующие: 1) *mrtikagrahana* — приготовление глины; 2) *bimbabalana* — придание формы; 3) возможно, *tailamraksama* — смазывание маслом; 4) *mudraksepapa* — помещение в форму; 5) *akotana* — сильное нажатие штамповочной формой на ком глины⁴⁷.

Мы можем присоединиться к мнению М. Таддея, что даже в тех случаях, когда миниатюрные модели ступ не были снабжены религиозными формулами — на поверхности или внутри, они тем не менее воспринимались как сакральные объекты, как «дар Закону»⁴⁸. Очень вероятным представляется и другой вывод этого исследователя, что обычно эти модели употреблялись в той местности, где они производились, но в некоторых случаях могли путешествовать вместе с паломниками⁴⁹.

По мнению Г. Франца, миниатюрные модели из глины служили в качестве «памятных сувениров» пилигримов или вотивных даров, и находят их как в Индии, так и в Центральной Азии. Он полагает, что нельзя установить, какие конкретные памятники они воспроизводили. Вместе с тем он проводит мысль, что терракотовые и глиняные таблечки с изображением ступы, равно как и глиняные модели миниатюрных ступ, находимые более всего в Тибете и Центральной Азии, по-видимому, доставлялись из Индии буддийскими пилигримами⁵⁰.

Современный индийский ученый С. Дас пишет, что для буддистов было обычным делом жертвовать глиняные модели ступы буддийским святыням. Богатые буддисты имели обычай приносить в дар каменные или металлические модели, а бедные должны были довольствоваться в этих целях более доступными дешевыми глиняными моделями. Назначение этих подношений двоякое: во-первых, получить религиозные «заслуги» и, во-вторых, способствовать мирскому процветанию. И соответственно в каждом буддийском религиозном центре был большой спрос на глиняные вотивные ступы-модели⁵¹.

«Богоугодность» изготовления моделей ступ именно из столь дешевого и распространенного материала, как глина, получила и богословское обоснование. Известна история о ступе Будды Кашьяпы. Во время путешествия по стране Касала Будда встретил Брахмана, который приветствовал его, а Кашьяпа изрек: «Не сравнить сто тысяч мер золота, принесенного как дар, с одним комком грязи, использованным с благочестивыми мыслями для постройки ступы для Будды»⁵². В наиболее древнем рассказе о Будде Кашьяпе, в «Винае» махасангхиков (чье учение было распространено и в Средней Азии), содержатся следующие слова: «Сто тысяч мер чистого золота не стоят одного комка глины, употребленного для постройки ступы»⁵³. Эти представления сохранялись и в позднем буддизме. Так, в тибетском трактате Цонкапы Цзонхавы «Ясное восприятие тридцати пяти Будд»

⁴⁶ *Tucci G. Indo-Tibetica. I. P. 53–57.*

⁴⁷ *Taddei M. Inscribed clay tablets... P. 79–80; Tucci G. Indo-Tibetica. I. P. 57–60.*

⁴⁸ *Taddei M. Inscribed clay tablets... P. 82.*

⁴⁹ *Ibid. P. 85.*

⁵⁰ *Franz H. G. Die Ausgrabungen in Nālandā... S. 197.*

⁵¹ *Das S. R. Discovery... P. 124.*

⁵² *Bureau A. La construction... P. 257–258.*

⁵³ *Ibid. P. 232.*

(начало XV в.) говорится, что те, кто построит ступу из любого материала, в том числе из земли, кирпича, кучки пыли, станут просветленными⁵⁴.

Археологические наблюдения подкрепляются сведениями письменных источников, согласно которым модели культовых построек, в частности монастыря в Наланде, вывозились далеко за пределы Индии⁵⁵.

При раскопках ступы в Ратнагири была открыта выстроенная из жженого кирпича квадратная в плане (14,3 × 14,3 м) ступа, каждая сторона которой была снабжена шестью выступами — пилястрами. Вокруг главной ступы располагалось много малых ступ, одни из которых, судя по уровню, предшествуют, другие одновременно, третьи позже главной. На одной из последних — надпись, палеографически относящаяся к концу VIII — IX в., так что главная ступа должна быть более ранней. На большом участке к юго-западу от главной ступы было раскопано огромное количество (несколько сотен) беспорядочно лежащих миниатюрных (монолитных) моделей ступы. Авторами раскопок были высказаны два предположения: первое — это участок, специально выделенный для помещения вотивных миниатюрных ступ, и второе — это мастерская (лавочка) для изготовления таких миниатюрных ступ⁵⁶.

В Раджабиданга (Западная Бенгалия), где в VII в. находилась знаменитая Рактамрит Тика-вихара, найдена терракотовая форма для производства глиняных моделей ступ (размер — 7 × 13,4 см). Она бесспорно подтверждает, что производство миниатюрных ступ действительно осуществлялось в монастырских центрах⁵⁷.

Что же касается вопроса о назначении этих моделей, то решающее значение здесь имеют письменные источники. Д. Фогель, Д. Маршалл и М. Таддей уже приводили сведения И цина и Сюань-цзана об этих предметах. И цзин писал: «[Буддийские] монахи и миряне в Индии делают чайтя или изображения из глины или же оттискивают изображение Будды на шелке и бумаге, почитая их, когда путешествуют». Иногда эти изображения были очень маленькими, как ячменное зерно⁵⁸, о чем свидетельствует, например, сообщение Сюань-цзана: «Индийский обычай — делать маленькие ступы из пахучего пастообразного вещества; их высота — около 6 или 7 дюймов; внутри их помещают какие-либо отрывки из сутр; они называют их *dharmasarira* (fa-shi-li). Когда таких миниатюрных ступ становится много, они строят главную ступу, помещают все другие внутри нее и приносят длительное время религиозные дары. Некий Джаясена (*Ching-kian*) все то время, когда он своим ртом проповедовал [буддийский] закон, занимался и вдохновлял своих последователей, руками изготовлял эти ступы».

В результате за 30 лет он сделал семь *koti* (т. е. бесчисленное множество) этих *dharmasarira stupas*, и каждый *koti* он поместил в одну из семи выстроенных им больших ступ⁵⁹. Разумеется, *koti* — плод литературного преувеличения, но А. Стейн,

⁵⁴ Авторы благодарны Е. Д. Огневой за любезно предоставленный перевод этого трактата, выполненный ею.

⁵⁵ *Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 265.* Известны каменные модели буддийских храмов башенного типа с культовыми нишами из Наланды (VI–VII вв.): *Franz H. G. Der indische Turmtempel und seine Vorstufen // Forschungen und Fortschritte. Jg. 32. Ht. 8. Berlin, 1958. S. 245. Abb. 11.*

⁵⁶ *Indian Archaeology 1957–1958: a Review / ed. by A. Ghosh. New Delhi, 1958. P. 39–40. Pl. LI.*

⁵⁷ *Das S. R. Discovery... P. 122–125.*

⁵⁸ *I-Tsing. A record of the Buddhist religion as practised in India and Malay Archipelago (A. D. 671–695) / transl. by J. Takakusu. Oxford, 1896. P. 150–151.*

⁵⁹ *Hsuen Tsiang. Si-yu-ki. Buddhist records of the Western world / transl. by S. Beal. London. Vol. 2. P. 146–147.*

как указывалось, лично видел сотни миниатюрных моделей ступ внутри или вблизи большой ступы.

Как сообщает Д. Маршалл, в Индии во многих местах миниатюрные ступы встречаются внутри больших⁶⁰. Так, в Сарнатхе в 1908 г. маленькая вотивная ступа была найдена внутри одной из крупных 60 ступ, у ее вершины⁶¹. Этот обычай является отражением почтительного отношения к буддийским сакральным сооружениям и более общего представления об увеличении сакрального могущества таких сооружений путем помещения одного над другим или внутри него. История индийской архитектуры знает несколько вариантов такой конструкции. Среди них — использование ранней ступы в качестве платформы для более поздней, например в Шравастии⁶². Нередко ступа буддийского сооружения в разрезе представляет собой нечто вроде вложенных одна в другую «матрешек», причем внутри — самая ранняя.

Приведем несколько примеров. В 1822 г. было установлено, что главная ступа в Санчи имеет внутри большое кирпичное ядро⁶³. Позже, в 40-е гг. XIX в., А. Каннингхэм в результате своего обследования высказал мнение, что возведение ступы было единовременным актом, но сначала выкладывалось кирпичное ядро, которое служило, вероятно, основанием купола, затем оно было обведено каменной оболочкой, а пазуха (это обозначено на составленном им разрезе) была засыпана щебнем. Судя по разрезу, кирпичное ядро занимает примерно половину нижнего диаметра ступы. Вслед за тем А. Каннингхэм, проведя раскопки, присоединился к мнению своих предшественников о том, что ядро и внешняя оболочка одновременны. Однако научное исследование, осуществленное перед Первой мировой войной Д. Маршаллом, привело совсем к другим заключениям. Д. Маршалл задался вопросом: если оболочка и ядро одновременны, то почему они сделаны из разных материалов, а не целиком из камня, который должен был служить, по крайней мере, так же хорошо, как кирпич, и был в этой местности легкодоступен, к тому же другие ранние ступы в этой местности сделаны из камня, без кирпичного ядра. В памятниках же эпохи Маурья, напротив, широко применялся кирпич, и кирпич ядра ступы в Санчи примерно того же размера (41 × 25,5 × 7,6 см). Если признать, что первоначальная ступа — это кирпичное ядро, то становится объяснимым местоположение колонны Ашоки. Позже первоначальная ступа («кирпичное ядро») была обведена толстой каменной стеной, как бы заключена в значительно большую по размерам кожух, а пространство между кожухом и первоначальной ступой было забутовано щебнем⁶⁴.

Укажем также на ступу Джагата Сингха в Сарнатхе, где первоначальный объем — кирпичный монолит, возможно восходящий ко времени Ашоки, — обстраивался, увеличиваясь в размере, по крайней мере, в четыре раза (вообще-то перестроек было больше), так что высота ступы стала вдвое больше исходной⁶⁵.

Еще более сложна история ступы № 3 в монастыре № I Наланды. Первоначальная ступа была очень небольшой: квадрат основания имел размер около 1,7 м. Это

⁶⁰ Marshall J. H. *Rājagriha*... P. 97.

⁶¹ Marshall J. H., Konow S. *Excavations*... P. 68. Можно также привести слова А. Ри: «Ступы, внутри которых находятся ступы, были обнаружены во многих местах» («Stupas within stupas have been found in other well known sites...») (*Rea A. A Buddhist monastery*... P. 157).

⁶² Cunningham A. *Report of tours in the Gangetic provinces*... P. 88. Pl. XXVII.

⁶³ Spilsbury B. *Note regarding the Bhilsa monument* // JASB. Vol. 4. 1835. P. 712.

⁶⁴ Marshall J. H. *The monuments of Sanchi. Their exploration and conservation* // ARASI: 1913–1914. 1917. P. 4–5.

⁶⁵ Marshall J. H., Konow S. *Excavations*... P. 65. Pl. XVIII/b.

своего рода ядро всех последующих ступ. Вторая, включившая в себя первую, имеет размер стороны основания около 3 м, причем уровень основания на 0,3 м выше, чем у первой. Третья, приподнятая на 1,2 м над уровнем второй, уже достигает размера 3,5 × 3,5 м. Четвертая, с размером сторон 3,8 × 3,8 м, включает в себя предыдущие, будучи приподнятой над третьей (на уровне оснований) на 0,3 м. Все эти четыре «вложенные» одна в другую малые ступы были, в свою очередь, включены в состав главной ступы № 3⁶⁶.

Перечисление других примеров из Индии⁶⁷ потребовало бы слишком много места, да в этом и нет необходимости. Отметим лишь, что подобная практика применялась и в Средней Азии. При расчистке остатков вотивной ступы в помещении XXVI Аджина-тепа удалось установить, что и здесь как бы вставлены одна в другую маленькие ступы. Другой пример дает Фаяз-тепа в Термезе. Здесь первоначальная ступа монолитная, круглая в плане (диаметр ок. 3 м). По словам Л. И. Альбаума, «цилиндрическое тулово покоится на слегка выступающем профилированном поколе, имеющем контур типа аттической базы. Примерно такова и профилировка карниза. Его верхняя выступающая полочка сложена из жженого кирпича. Одновременно она является основанием для колоколообразного купола. На куполе сохранились следы квадратного реликвария. В центре купола — круглое отверстие диаметром 10 см, в которое вставлялся стержень от зонтика». Эта ступа была замурована в более позднюю, которая «как бы футляром закрыла раннее архитектурное сооружение»⁶⁸. Такая же картина наблюдается в Мерве (см. гл. IV) и др.

В письменных источниках содержатся исторические, полуполюгендарные и легендарные сведения об увеличении размеров ступ. По-видимому, наиболее раннее бесспорное сообщение — в тексте эдикта Ашоки на колонне в Нигали Сагар. На четырнадцатом году своего правления (т. е. ок. 250 г. до н. э.) ступу, воздвигнутую в честь Будды Конакамана, Ашока «увеличил вдвое (по сравнению с ее первоначальной величиной)»⁶⁹. К сожалению, ступа эта пока еще не найдена⁷⁰. Другие источники сообщают, что царь Касалы, узнав, что Будда построил ступу, явился к нему с 700 колесницами, наполненными кирпичом, и попросил разрешения увеличить эту ступу. Будда дал свое согласие⁷¹.

В «Винае» (версия *dharma-guptaka*) есть такой рассказ. Жил некогда сын короля, Гопали (*Gopali*), пожелавший идти походом на Запад, дабы покарать мятежников. Он захотел получить несколько волос из бороды Блаженного. Получив их, Гопали не знал, куда их поместить. И тогда Будда повелел хранить их в ступе из золота или серебра. Это принесло Гопали победу. Отсюда явствует, что существовали ступы-реликварии, которые были маленьких размеров и являлись талисманами, охранявшими владельцев. Продолжение рассказа из «Винаи» показывает связь между ступой-реликварием и ступой-монументом. Гопали, вернувшись из похода, воздвиг ступу для волос Блаженного.

⁶⁶ Page J. A. *Nalanda* // ARASI: 1926–1927. 1930. P. 130.

⁶⁷ Irvin J. *The stupa*... P. 817–818, 836–838. Fig. 12, 26; Stein M. A. *Ancient Khotan*. Vol. 1. Oxford, 1907. P. 77.

⁶⁸ Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968–1972 гг.) // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 55. Такая практика была распространена и в Восточном Туркестане; см., например, ступу Курган-тим близ Кашгара (*Stein M. A. Ancient Khotan*. Vol. 1. P. 76–77. Fig. 14).

⁶⁹ Текст и перевод: Hultzsch E. *Inscriptions of Asoka*. New ed. Oxford, 1925 (*Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. 1). P. 165. Об этой надписи см.: Бонгард-Левин Г. М. *Индия эпохи Маурьев*. М., 1973. С. 14; Thapar R. *Asoka and the Decline of Mauryas*. Oxford, 1961. P. 233.

⁷⁰ Thapar R. *Asoka*... P. 233.

⁷¹ Bureau A. *La construction*... P. 258.

Этот и другие тексты показывают, что маленькая первоначальная ступа была помещена в главную ступу-монумент, которая служила защитной оболочкой для ступы-реликвария, предохраняя заключенное в ней сокровище с его магическим свойством от злонамеренных посягательств⁷².

Но не все ступы включались в новые и множественные оболочки: очевидно, лишь наиболее священные из них заслуживали такой участи. Она определялась наличием у этих ступ особой сакральной силы, связанной с заключенными в них подлинными или мнимыми реликтами, или же с их местоположением и ролью в сакральном пространстве⁷³. Так, в частности, неоднократно обстраивались и увеличивались главные ступы. Не случайны и многократные обстраивания ступы в помещении XXVI Аджина-тепа: она находилась на главной продольной оси, в вестибюле одного из двух святилищ монастыря.

Ритуальная практика помещения одной ступы внутри другой и соответствующие верования восходят к более общим представлениям. В. В. Иванов и В. Н. Топоров открыли общеиндоевропейское представление о вложении одного в другой ритуальных символов, связанных с мировым (или священным) древом, причем в начале цепочки находится мировое дерево, в конце — смерть⁷⁴. Как уже выше отмечалось, вставление в более позднюю оболочку более ранней святыни, несомненно, имело целью способствовать умножению ее сакрального могущества. Таково же назначение и неоднократно отмеченного на Аджина-тепа «захоронения» остатков развалившейся религиозной скульптуры внутри замкнутых пределов религиозного сооружения или даже вмазывания их в массивы его стен.

Итак, сакральный характер модели ступы проистекал из нескольких религиозно-мифологических структур, лежавших на разных иерархических уровнях, и соответственно имел несколько аспектов, которые можно коротко охарактеризовать следующим образом.

1. Миниатюрная модель ступы — иконический знак главной ступы, воплощающий в себе все присущие ей сакральные свойства. Поэтому она может выступать в качестве объекта жертвоприношения (субституция сооружения ступы) и в качестве сопутствующей верующему перемещаемой в пространстве личной святыни.

2. Модель ступы особенно благоприятна для странника (пилигрима) благодаря заключенному в ней магическо-охранительному комплексу — проявлению ее святости, а также связанному со ступой якши — духу-охранителю⁷⁵.

3. Специфическое значение модели ступы состоит в том, что она указывает путнику линию движения, руководит им в дороге. Это качество определяется ее пространственно-космологической концептуальной символикой.

4. Модель ступы в религиозном сознании воспроизводит модель мирового дерева, вместе с тем человеческое тело также символизирует мировое дерево. Ношение с собой модели ступы отражает гомогенность и изофункциональность двух рядов, связанных соответственно с микро- и макрокосмом.

⁷² Bareau A. La construction... P. 231. Согласно трактату Цзонхавы «Ясное восприятие тридцати пяти Будд», среди самых больших религиозных заслуг — восстановление и ремонт разрушенных ступ.

⁷³ Д. Ирвин написал, что ни один ученый еще «не пытался объяснить религиозные основания практики увеличения (размеров) ступ», и обещал (1979 г.) обсудить в будущем этот вопрос в специальной статье — см.: Irvin J. The stupa... P. 837, n. 38.

⁷⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 35.

⁷⁵ Показательно в этом отношении положение трактата Цзонхавы, что создание ступы величиной хотя бы со сливовую косточку — великая религиозная заслуга. О святости ступы и ее духах-охранителях см.: Bareau A. La construction... P. 253, 255.

Такова религиозно-семантическая и композиционно-архитектурная роль ступ Аджина-тепа. Следует сказать также несколько слов и об их типологической принадлежности, тем более, что аналогичные (или близкие по своему облику) ступы были достаточно обычны в Северном Тохаристане. Так, на втором этапе своего существования (не ранее VI в. н. э.) ступа у Верблюжьей горки была перестроена: на первом этапе она имела один лестничный подъем, на втором этапе лестничные марши, фланкированные пилонами на нижней ступени, были устроены и у трех других сторон. Такой же, как аджинатепинские, была и миниатюрная ступа монастыря Хишт-тепа. Эти ступы, согласно типологии, разработанной австрийским ученым Г. Францем, относятся к типу звездчатых террасовидных («der sternformige Terrassenstupa»). К ним близки террасовидные крестовидные типы ступы, найденные у Верблюжьей горки (прототипом таких ступ в Северном Тохаристане является поздняя ступа Фаяз-тепа). Звездчатые террасовидные ступы возникают в области Гандхара в позднекушанское время. Таковы гандхарские ступы Бахмала в Таксиле, Шах-джи-ки Дхери в Пешаваре и др. В Афганистане этот тип представлен вотивными ступами в Тепа-Сардаре в Газни. Яркий пример для Восточного Туркестана — ступа Равак в Хотане. Остановимся на ней подробнее.

Ее размеры в основании — 23,8 × 23,8 м. Нижняя ступень основания состоит из четырех сомкнутых полуовальных в сечении валов, затем следует вертикальная плоскость, увенчанная карнизом сложного профиля (высота этой части 2,3 м). В основании второго яруса — невысокий горизонтальный вал. Высота второго яруса 2,74 м. На верхней площадке этого яруса (13,9 × 13,9 м) покоится круглый в плане двухчастный барабан. Его основание (высота 0,9 м) сужается кверху, переходя в цилиндрическую часть (диаметр 9,75 м), сохранившуюся на высоту 2,3 м. Общая сохранившаяся часть — 9,45 м, но с учетом отсутствующего завершения барабана и купола она должна была быть значительно больше. Каждая из четырех сторон сооружения была снабжена лестницей, основание которой образовывало выступ нижней ступени. Ступа была покрыта штукатуркой.

Равакская ступа находится в центре прямоугольного двора (43 × 50 м), стены которого снаружи и внутри украшены скульптурами и живописью. Сейчас склоняются к датировке памятника в Раваке VI в. н. э. В Восточном Туркестане были и другие ступы этого типа, например миниатюрная модель в Фархад-бек-айлаки.

Миниатюрные ступы вотивного характера совершенно обычны в буддийской архитектуре, причем они часто воспроизводят форму монументальных сооружений. Не является особенностью Аджина-тепа и то, что эти ступы расположены внутри помещений. Так, вокруг главной ступы в Шах-джи-ки Дхери (именно здесь был найден знаменитый реликварий Канишки) имеется множество миниатюрных ступ. Главная ступа звездчатая в плане. Среди миниатюрных ступ, круглых и квадратных в плане, есть и одна крестообразная модель главной ступы. Длина ее 2 м, она ступенчатая. При вскрытии пяти из этих ступ ничего не было найдено (предполагается, что первоначально там имелись какие-то реликвии). Эти миниатюрные вотивные ступы часто помещались в специальные маленькие целлы. Так, в монастыре в Джемал-Гархи (область Гандхары) А. Каннингхэм насчитал 10 целл, в каждой из которых была миниатюрная ступа.

В центральной части комплекса Тепаи-Калон не только главная ступа окружена множеством миниатюрных, но по миниатюрной ступе имеется и почти в каждой из многочисленных целл, составляющих ограду этой ступы. Аналогичное положение и в оградах двух других ступ, также состоящих из камер. Размер сторон миниатюрных ступ здесь 1,2–1,4 м. То же самое можно наблюдать и в других комплексах

по-видимому, существовала в древней и средневековой Средней Азии, во всяком случае, в одном из согдийских документов с горы Муг говорится, что некоему лицу было уплачено 100 драхм «за [возведение] крыши»⁸². Кроме того, в среднеперсидских документах фигурирует еще и *piḡaūgaū* — «живописец», тот, кто «благодаря своему искусству делает картину из различных красок»⁸³. Плотник (*durgau*, поздняя форма *drudgar*) «делает дерево гладким и прямым». Одна из его специфических обязанностей — «изготовление тахтов и дверей (*dar*) из дерева». Со строительством связана также профессия *saḡuga* — «работающий со строительным раствором»⁸⁴. Разумеется, на практике были случаи, когда одно лицо владело несколькими профессиями. В надписи на здании в Хатре сообщается о некоем *Bag-papaī*, сыне *Yahbush*, который был и архитектором, и каменщиком, и скульптором⁸⁵. О высоком статусе архитектора, о понимании его определяющей роли в строительстве свидетельствуют слова среднеперсидского источника: «Созидание без созидателя, решение без решающего столь же невозможны, сколь и написание без пишущего или же сооружение дома без архитектора и строителя»⁸⁶. Именно таким, судя по всему, было отношение к архитектору и в Тохаристане и в Средней Азии в целом.

Мы уже высказывали предположение, что раннесредневековый зодчий вначале создавал проект монументального сооружения (хотя бы эскизный), затем уже производилась разбивка на местности⁸⁷; причем делать это должен был специалист, аналогичный индийскому сутраграхин. Индийские источники сообщают подробные правила, которые следовало соблюдать при выборе места для строительства, в частности процедуру подготовки и освящения строительной площадки. По «Манасаре», перед строительством в центре площадки укреплялся вертикальный шест — гномон (заики), затем сутраграхин измерял его длину и с помощью шнура, который был в два раза длиннее, чем гномон, из точки, куда он вставлялся, описывал круг. Главный архитектор, наблюдая за тенью, отбрасываемой гномоном, дважды — до полудня и после полудня — отмечал точки пересечения тени с окружностью. Отрезок, соединяющий эти точки, давал направление В-З. С концов этого отрезка проводились две дуги, которые пересекались. Линия, проведенная через эти точки, давала направление С-Ю (Манасара, VI, 19–28; 40–47)⁸⁸. Существовали правила ориентировки различных сооружений.

Разбивка самой постройки осуществлялась очень тщательно — с помощью измерительного шнура и стержня. Измерительный шнур делался из хлопка или джута (впрочем, иногда встречаются указания и на другие материалы). Упоминается и измерительный стержень, но предпочтение отдается шнуру (Манасара, VI, 95). Колышки должны были быть деревянными (например, из дерева акации); длина колышков примерно 21–25 *angula* (т. е. 40–48 см), причем «основание колышка должно быть сделано подобно веретену, а от основания к вершине колышек должен утолщаться». Колышки загоняются в грунт восемью ударами молотка (Манасара, VI, 114–116)⁸⁹.

⁸² Согдийские документы с горы Муг: юридические документы и письма / чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. Вып. 2. М., 1962. С. 182–183.

⁸³ Tafazzoli A. A List of Trades... P. 195.

⁸⁴ Ibid. P. 193–196.

⁸⁵ Safar F. Inscriptions of Hatra // Sumer. Vol. 9. No. 1. Baghdad, 1953. P. 8.

⁸⁶ Geiger B. Aus mittelpersischen Materialien // Archiv Orientalní. Vol. 10. No. 1–2. Praha, 1938. S. 210.

⁸⁷ Ливинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. С. 55.

⁸⁸ Architecture of Mānasāra. P. 24–26. В других текстах описываются подобные им, несколько отличные способы работы с гномоном, см.: Shukla D. N. Vastusāśira. P. 180–182.

⁸⁹ Mānasāra on Architecture... P. 31.

Перед началом строительства архитектор намечал и закреплял с помощью двух колышков центральную линию, с помощью четырех колышков отмечались четыре угла, колышки соединялись шнуром. «Это должно быть сделано, ибо от этого — большая польза» (Манасара, VI, 105–108). Применение деревянных колышков для разбивки плана будущего здания в Средней Азии засвидетельствовано находками, сделанными в Пенджикенте⁹⁰ и на других памятниках.

Учитывая, что в Средней Азии XIX — начала XX в. в строительстве соблюдались строгие установления, связанные с ориентацией, можно предположить, что так было и в древности и в раннем средневековье.

М. С. Булатову удалось показать, что в IX–XII вв. среднеазиатский зодчий при разбивке здания на строительной площадке оперировал шнуром и колышком. Математические закономерности выражаются в это время производными квадрата. Разбивку плана построек на местности с помощью колышков и бичевы делали строители Ферганы в XIX — начале XX в.⁹¹ Очевидно, с момента разбивки площадки велись и нивелировочные работы, которые продолжались на протяжении всего строительства. Характер и устройство разного рода нивелировочных приспособлений хорошо известны для Средней Азии и Переднего Востока IX–XII вв. — это отвесы, сосуды с жидкостью, прямоугольная пластина с ушками на короткой стороне и нитью-отвесом, подвешенным вдоль продольной оси, таким же образом устроенная пластина в виде равнобедренного треугольника с нитью-отвесом, закрепленным в середине основания, снабженного крючками для подвешивания, и др.⁹² В XIX — начале XX в. народные строители применяли для нивелировки несколько видов приспособлений, часть из которых была аналогична средневековым⁹³.

Математические трактаты домусульманской Средней Азии не сохранились. Об уровне математических знаний в этом регионе того времени могут в какой-то мере дать представления математические сочинения древних индусов, а также «Шульба-сутры» («Sulbasutras») — трактаты о правилах измерений и построений жертвенных алтарей. Слово «sulba» (или «sulva») переводится как «веревка», «шнур» или «тетива», а его корень — «sulb» означает «измеряющий» или «измерять», поэтому буквальный перевод названия — «Правила веревки (шнура)».

Действительно, шнур применялся при всех измерениях. Он должен был быть тонким, одинаковой толщины, без узлов (см., в частности: Манасара, II, 69–74). Имелись специальные термины для «диагонального шнура», «шнура для измерения длинной стороны» и др. Применялись два способа измерения: одним или двумя шнурами. При измерении использовались центральный круглый колышек и колышек в виде конического штыря для нанесения линий на местности. Производились различные операции со сторонами квадрата и его диагональю, деление отрезков прямой и т. д.

⁹⁰ Доклад Б. И. Маршака на заседании Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 31 марта 1984 г.

⁹¹ Булатов М. С. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии // ИООНАТ ТаджССР. Вып. 3. 1953; Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М., 1978. С. 62 сл.; Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1954 (Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 21). С. 251.

⁹² Wiedemann E. Zur Technik bei den Arabern // Sitzungsberichte der Physikalisch-Medizinischen Sozietät zu Erlangen. Bd. 38. Erlangen, 1906. S. 310; Рожанская М. М. Механика на средневековом Востоке. М., 1976. С. 133–136.

⁹³ Писарчик А. К. Строительные материалы... С. 252.

В индийских трактатах приводятся и многочисленные предписания по построению геометрических фигур, в частности говорится, как построить квадрат с помощью одного шнура, проводя линии и окружности⁹⁴. Все эти операции легко можно было осуществить и на местности.

Архитектурно-строительные приемы и решения, использованные строителями Аджина-тепа, неразрывно связаны со среднеазиатским зодчеством VI–VIII вв. Однако их нельзя отождествить с применявшимися в согдийско-уструшанской, ферганской, хорезмской или северо-хорасанской архитектурных школах. Своеобразие прослеживается как в отношении планировочно-композиционных решений, так и в части конкретных архитектурно-строительных приемов. Рассмотрим сначала отдельные архитектурно-строительные приемы, характеризующие уровень и специфику строительного искусства Тохаристана, как они отражены в Аджина-тепа. Речь пойдет именно об Аджина-тепа, дабы показать то, что дает именно этот памятник для истории тохаристанской архитектуры. Не меньший, а, может быть, даже более обильный материал дали раскопки на Кафыр-Кале и Калаи-Кафирнигане, но мы его используем, даже для сопоставлений, предельно скупое, отсылая к соответствующим публикациям одного из авторов этой книги⁹⁵.

Основания выступают в очень неразвитом виде. В большинстве случаев под стенами ниже уровня пола лежит слой пахсы толщиной 15–20 см. В помещениях I–II, с их разными уровнями, основания были более солидными. На материковую глину положена прослойка глины красноватого цвета, затем прослойка пахсы, причем в целле пахсовый стилобат на 55 см выше, чем в вестибюле. Под порогом, ведущим из вестибюля в целлу, над пахсой — слой гуваяков.

Все помещения построены из пахсы и сырцового кирпича. Массивные стены (толщина внутренних 2,2 м, наружных 2,4 м) в монастырской части⁹⁶ имеют пахсовые основания — три ряда блоков с четкой вертикальной перевязкой швов. Высота блока — 0,85–0,9 м, ширина — 0,75–0,95 м. Общая высота этих стен — 2,5–2,6 м. Иначе устроены коридоры храмовой части. Здесь в основание было положено 5–8 рядов кирпича, выше же шли три слоя блоков пахсы (высота стены до кирпичной полочки — 3,4 м; на западном фасае храмовой половины, где стены коридоров изнутри рассечены глубокими нишами, толщина внешней стены достигает 3,8 м). В нише № 2 помещения XXV в пахсовой (со стороны помещения) стене в глубине прослеживается комбинированная пахсово-кирпичная кладка.

Некоторые из этих строительных особенностей необычны не только для Аджина-тепа, но и для всей раннесредневековой архитектуры Средней Азии. Кирпич в основании стен? Но в это время сюда клалась пахса даже в тех случаях, когда применялась комбинированная, пахсово-кирпичная, кладка⁹⁷. Единственное до

⁹⁴ Bag A. K. The Knowledge of Geometrical Figures, Instruments and Units in the Sulbasutras // EW. Vol. 21. No. 1–2. 1971; Bose D. M., Sen S. N., Subbarayappa B. Y. A Concise History of Science in India. New Delhi, 1971. P. 138–147; Володарский А. И. Очерки истории средневековой индийской математики. М., 1977. С. 16, 136–139.

⁹⁵ Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей: проблема генезиса // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979; он же. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблема истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983; Litvinskij B. A. Kalai-Kafirnigan. Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan // EW. Vol. 31. No. 1–4. 1981; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана...

⁹⁶ В нефортификационных постройках этого времени стены были, как правило, тоньше. См.: Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент, 1966. С. 231.

⁹⁷ См.: Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966 (Материальная культура Уструшаны. Вып. 1). С. 118–119. Рис. 25.

сих пор известное исключение — замок в Шахристане, в основании стен которого находятся 12 рядов комбинированной «пунктирной» кладки, на которые поставлены два ряда блоков пахсы. Однако касательно Шахристана речь идет все же о кирпично-пахсовом монолите. Строители Аджина-тепа рискнули сделать еще более смелый шаг — они водрузили пахсовые блоки на кирпичное основание. Разумеется, они меньше всего думали об экспериментах и поисках, а руководствовались весьма практическими побуждениями: им нужно было соорудить стены с аркатами, и употребление при этом пахсовых блоков обедняло возможности зодчего. Размеры же арок и постаментов не всегда совпадали с обычными модулями пахсовых блоков. Поэтому рискнули обратиться к кирпичу, но не исключительно. Было принято половинчатое решение: в основании — кирпич, выше — пахса (хотя в это время отдельные постройки целиком возводились из кирпича).

Иногда пишут, что «в древней архитектуре Средней Азии пахса, как более тяжелый материал, обычно употреблялась в качестве основания для сырца». Однако все обстояло не так просто. В Средней Азии, во всяком случае в Бактрии — Тохаристане, существовала и иная, хотя и не жесткая традиция. Например, при постройке Карабаг-тепа и «западного дома» Ханак-тепа именно на кирпичное основание клались пахсовые или пахсово-кирпичные стены⁹⁸. Отрывать Аджина-тепа и замок в Шахристане от этой традиции нельзя, а кирпичные основания Аджина-тепа есть одно из проявлений этой традиции. Исследуя же это в плане общих линий развития раннесредневекового и средневекового строительства монументальных сооружений, нельзя отвлекаться от мысли, что опыт построек Аджина-тепа и других сооружений V–VIII вв., в которых порой в одном и том же помещении сочетались стены из пахсы, кирпича и комбинированной кладки⁹⁹, — своего рода разведка, предшествовавшая (через ряд промежуточных звеньев) победоносной реконструкции кирпича в качестве универсального стенового материала, уже, однако, в ином виде — в виде жженого кирпича.

На Аджина-тепа жженный кирпич еще не употреблялся для кладки стен. Его массовое изготовление было в то время еще делом отдаленного будущего. Производилось сравнительно небольшое количество прямоугольных плиток жженого кирпича, причем не было даже твердо установившегося стандартного размера (от 26 × 40 до 31 × 54,5 см, при толщине 3,5–6 см). Но ценные качества этого строительного материала были уже хорошо известны, и его применяли в следующих случаях: 1) для устройства оснований колонн или столбов (пом. XII); 2) для выстилки полов (пом. XXXI, XXXV); 3) для выстилки ступеней и дорожек; 4) для облицовки нижних частей стен небольших помещений, а также проходов; 5) как основание подступа; 6) для починочных целей и для придания большей прочности. На Аджина-тепа, в дорожке из кирпичных плиток, пересекающей двор монастырской части, представлен едва ли не наиболее ранний в Средней Азии образец фигурной кладки из жженого кирпича, сыгравший столь важную роль в истории архитектурно-декоративного искусства Средней Азии.

Стены помещений здесь, как правило, вертикальные, в некоторых случаях — незначительно наклоненные внутрь. Например, в помещении XVII на внутренней стене блоки нависают друг над другом, образуя наклон стены. Такой прием встречается в это время в памятниках Средней Азии (и сасанидского Ирана) нередко. Основное назначение его — сузить пролет свода и противостоять силам распора.

⁹⁸ См.: Пугайченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966. С. 89. Рис. 58; С. 102. Рис. 68–69; С. 128.

⁹⁹ См.: Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры... С. 224–225.

В купольных помещениях стены несколько отклоняются от вертикали наружу. Впрочем, так было не всегда — в центральном помещении буддийского монастыря Калаи-Кафирниган стены центрального помещения, квадратного в плане, имели наклон внутрь.

Стены Аджина-тепа были оштукатурены саманной штукатуркой иногда многократно, в результате чего общая толщина штукатурки достигала 10–15, порой 20 см (пом. XVIII). Над пахсовыми (или кирпично-пахсовыми) стенами в коридорообразных помещениях было положено несколько рядов горизонтальной кирпичной кладки (сырцовый кирпич размером $50 \times 25 \times 10/12$ см). На эту ленту горизонтальной кладки, состоящую из 5–7 рядов кирпича, положенного в перевязку, поставлен свод. Иногда здесь можно наблюдать расклинку кирпичей полочки (например, в пом. XVIII), в результате чего облегчается переход к своду — пяточный кирпич его уже не горизонтальный, а наклонный. Для того чтобы сократить пролет, каждый вышележащий слой кирпичной кладки выступает над предыдущим. Общее нависание достигает 9–12 см с каждой стороны (такой способ сокращения пролета свода чрезвычайно распространен в среднеазиатском зодчестве VI–VII вв.)¹⁰⁰.

Выше начинается свод, выложенный способом наклонных отрезков. Сам свод лучше всего сохранился в помещениях VI и XXI. Свод помещения VI (рис. 26) выложен из трапециевидного кирпича. Продольная сторона этого кирпича — 50 см, торцовые стороны — длинная 28–29 см, короткая 21–22 см. Свод опирается на северо-западную шипцовую стену. Примыкание осуществлено постепенным наращиванием отрезков дуги. Первый отрезок состоит из двух, второй — из трех, третий — из пяти кирпичей. Полный отрезок был пятым или шестым. Устройство самого свода хорошо прослеживается в юго-восточной трети помещения. Трапециевидные кирпичи положены в своде так, что они обращены внутрь помещения то широкой, то узкой торцовой стороной. Кладка велась таким образом, что каждая пара смежных трапециевидных кирпичей образовывала прямоугольный блок. На этом участке свод обмазан двойным слоем глиняной штукатурки общей толщиной 3,5–4 см (внутренний слой — коричневый, внешний — зеленоватый, снаружи — закопченный).

О примыкании свода к противоположному, юго-восточному, шипцу можно отметить следующее. Шипцовая стенка здесь сохранилась на незначительную высоту, ненамного превышающую основание свода, поэтому можно судить лишь о нижней части этого сопряжения. Не доходя около 2 м до торца, полочка резко, уступами, опускается (почти на полметра), вместе с тем ее вынос внутрь помещения значительно увеличивается, так что пролет сокращается. На расстоянии около 1,5 м от шипцовой стены наклон отрезков начинает резко уменьшаться, причем у самой торцовой стенки он становится минимальным, приближаясь к вертикали. Нижняя часть последнего отрезка «впущена» в плоскость шипцовой стенки. При минимальном наклоне вершина этого отрезка должна была отклоняться от вертикальной плоскости сравнительно незначительно. Однако щель должна была образовываться. Верхняя часть торца, как показывает помещение XVII, выкладывалась с таким нависанием, чтобы закрыть эту щель: такой прием обычно применялся в среднеазиатских памятниках VI–VIII вв. Не исключено, однако, что в некоторых случаях вводили дополнительные (неполные) дуги отрезков (так было, например, на Кафыр-Кале).

Свод в помещении XXI (рис. 27) устроен иначе. Он сложен почти исключительно из обычного прямоугольного кирпича, изредка пускался в дело и трапециевидный ($50 \times 20 \times 5$ см) или треугольный. В замковой части, где был применен прямо-

угольный кирпич, для расклинки верхних частей в очень широкие швы были вставлены крупные куски кирпича. По-видимому, с деформацией, а не с первоначальной формой связан вертикальный изгиб отрезков свода. Само по себе перекрытие коридорообразных помещений являлось, при их относительно больших пролетах (до 3,4 м), довольно непростым делом, требовавшим от строителя большого мастерства и умения. Еще более сложные проблемы возникали перед ним при устройстве перекрытия над Г-образными помещениями.

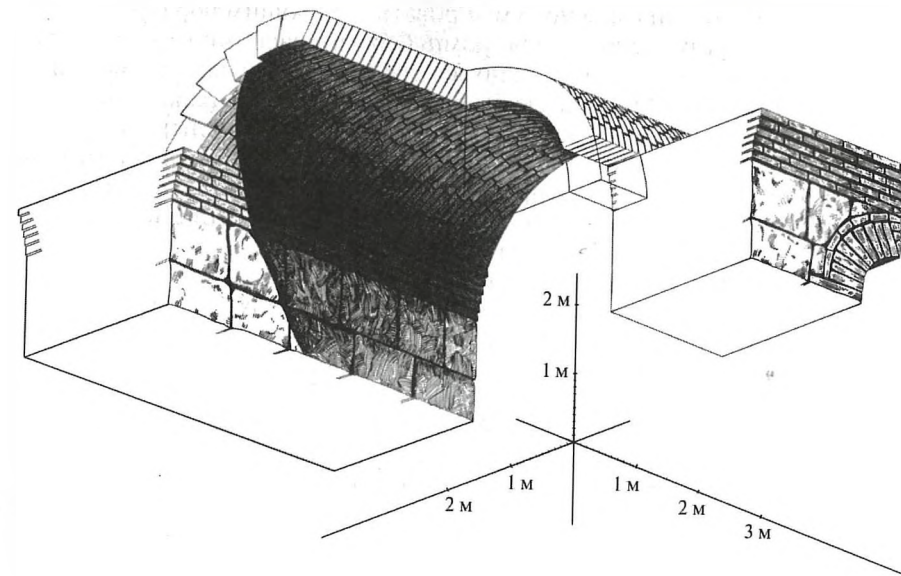

Рис. 26. Реконструкция свода в помещении VI

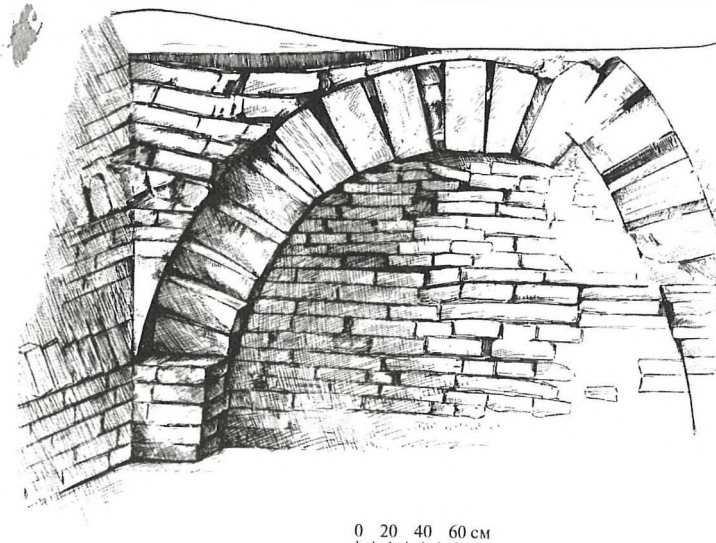

Рис. 27. Свод в помещении XXI

¹⁰⁰ См.: Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 92; Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры... С. 248.

В Средней Азии, по данным В. Л. Ворониной, в постройках рассматриваемой эпохи применялось несколько вариантов поворотов. Более примитивное решение применено в Ак-тепа, где «поворот галереи срезан, ширина ее значительно уменьшена и углы закруглены»¹⁰¹. Одновременно использовались и другие приемы: устройство тропы на выходящем углу, пересечение оболочек свода «в елочку» и др.

Как же был осуществлен этот поворот на Аджине-тепа? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нами была тщательно расчищена кирпичная кладка полочек и сводов не только со стороны помещений III и V, но и сверху, так сказать, в плане. Наши наблюдения и соображения можно суммировать следующим образом:

1. На выходящем углу располагался троп. Сохранилась лишь та его часть, которая находится на юго-восточной стене помещения III, точно над проемом, ведущим в комнату VIII. Над аркой проема здесь обнаруживаются два ряда горизонтальной кирпичной кладки. На них 5–7 вписанных друг в друга концентрических арок. Внутренняя арочка состоит из трех кирпичей, начиная от нее наружу крылья арок становятся все более пологими. Кирпичи, образующие арки, положены тычком, что давало возможность большого выступления за плоскость стены. Длина тропы около 1,25–1,3 м, высота — 0,75–0,9 м.

2. На хорошо сохранившейся стене помещения III основание свода на расстоянии 1,1 м от тропы исчезает. Пространство между сводом и тропой заполнено несколькими рядами горизонтальной кладки, положенной с нависанием, причем, судя по сохранившимся остаткам, свод здесь имел ступенчатый характер, поднимаясь на троп.

3. При расчистке кирпичей свода сбоку и в плане выяснилось, что последние отрезки свода близ тропы, там, где начинается горизонтальная кладка, положены не по нормали к стене, а под некоторым углом. Еще более убедительно это удалось проследить при параллельной расчистке сверху и сбоку сводов, покоящихся на входящем углу. С начала основания отрезков выложены там по нормали к стенкам, по мере же приближения к углу кладка приобретает веерообразный характер.

Сопоставляя все эти наблюдения, можно предложить следующий вариант реконструкции свода. Соседние с тропой кирпичи горизонтальной кладки по мере приближения к тропе все больше выступали за плоскость стены, так что они были заподлицо с тропой, а сверху заходили на него. Получалось округление на очень близком пространстве. Вместе с тем пролет сужался и становился не намного более широким, чем пролет основной части помещений. Недалеко от входящего угла отрезки переставали класться по нормали. Тут они становились все более перекошенными по отношению к длинной оси, что достигалось, очевидно, путем расшивки швов. Таким путем заполнялась часть «мертвого» пространства, в результате чего оно приобретало вид неправильной трапеции. На выходящем углу отрезки опирались на описанное выше скругление, идущее к тропе и на самый троп. Их пята должна была быть выше пята других частей свода. Близ же самого входящего, противоположного тропе, угла отрезки должны были выклиниваться. Получалась своеобразная веерная кладка.

Следует отметить большую смелость в решении свода на этом участке. По-видимому, у строителей был значительный опыт и большая традиция в сооружении сводов в Г-образных помещениях. Лишь поэтому они рискнули возвести именно здесь высокий арочный проем, а над ним посадить на большей высоте, чем это было бы необходимо, троп, что вызвало дополнительные сложности. Своды помещений

¹⁰¹ Воронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии // АрхНасл. Вып. 3. 1953. С. 20–21.

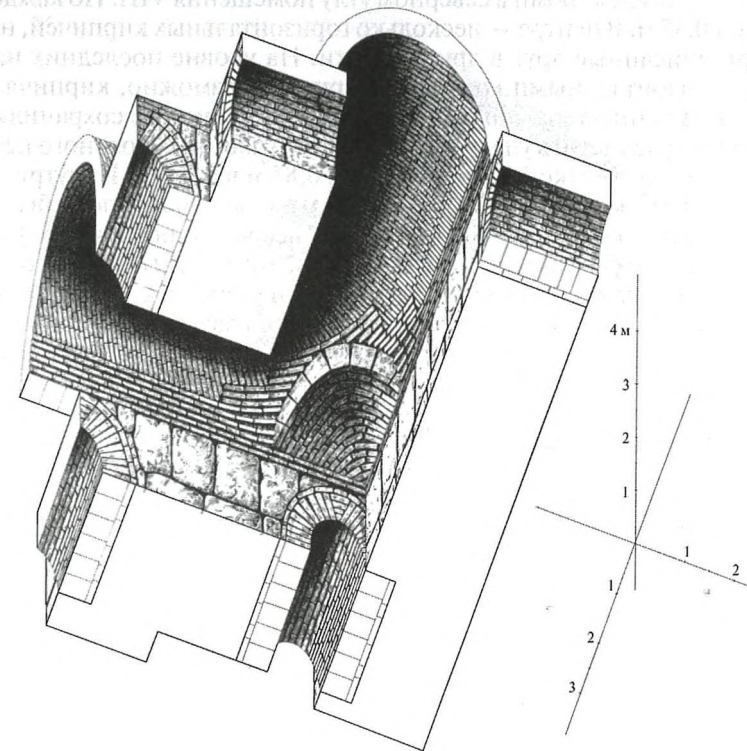

Рис. 28. Реконструкция поворота свода в коридоре III/V

III и V имели наклон в одну и ту же сторону, по существу, это был как бы единый свод, изломанный под прямым углом (рис. 28).

Можно считать, что таким же образом был осуществлен поворот свода на углу коридоров XXVII–XXVIII. Незначительная высота сохранившихся стен не позволяет применить здесь ту же методику реконструкции. Однако именно здесь участок свода в помещении XXVIII на расстоянии метра от угловой колонки оказался просевшим. Зачистка кирпичей просевшего свода показала, что их плоскости не перпендикулярны стенам коридора, а отклоняются под углом 30–40° в сторону выходящего угла помещений XXVII–XXVIII. Кроме того, именно в коридоре XXVII отмечено сокращение ширины коридора и соответственно пролета от торца к углу на 10–15 см.

Иначе был осуществлен поворот свода в помещении XVI/XVII, где кладка свода осуществлялась одновременно от двух щипцовых стен коленчатого помещения. Оба отрезка свода имели наклон в противоположные стороны, и близ поворота (еще в пом. XVI) должен был осуществляться их стык.

Высота стен сводчатых помещений (вместе с полочкой) — 3–3,1 м, высота до шельги свода — около 5 м. Многие небольшие квадратные помещения, в том числе кельи монастырской части и целлы храмовой половины, имевшие сторону от 3 до 4,5 м, были перекрыты куполами. Так, в помещениях VII и VIII стена состояла из трех рядов паховых блоков. Над ними идет полочка из трех-четырех рядов горизонтально положенного кирпича. В углах были небольшие кирпичные тропы.

Лучше других сохранился троп в северном углу помещения VIII. По каждой из стен троп занимает 0,85 м. В центре — несколько горизонтальных кирпичей, на которые опирались три вписанные друг в друга арочки. На уровне последних начинается кладка свода горизонтальными кольцами кирпича (возможно, кирпича и пахсы). Сами купола на Аджина-тепа сколько-либо в полном виде не сохранились. Лишь в келье XV удалось расчистить уцелевший большой участок купольного перекрытия. Основание купола на участке 1,7 м в ширину и 0,85 м в высоту. Изнутри купол был покрыт саманной штукатуркой (толщина 0,02 м). Оболочка купола была сложена из одного ряда кирпича, положенного тычком, веером, с небольшим наклоном к горизонтали. В нижних венцах кирпичная кладка, видимо, была целиком запущена в толщу стены и опиралась на полочку-карниз из двух рядов кирпича; выше кладка каждого яруса выступала над нижним с увеличивающимся наклоном по отношению к горизонтали. Полностью сохранившийся купол над квадратным помещением такого же размера, как келья Аджина-тепа, имеется в угловой башне (3,6 × 3,5 м) Кафыр-Калы в Колхозабаде (рис. 29). Эта башня почти синхронна Аджина-тепа и расположена сравнительно недалеко; ее конструкция и облик важны для восстановления куполов Аджина-тепа. На Кафыр-Кале известно и круглое в плане купольное помещение, в конструкциях которого сочетаются принципы ложного купола (в основании) и истинного купола (в верхней части).

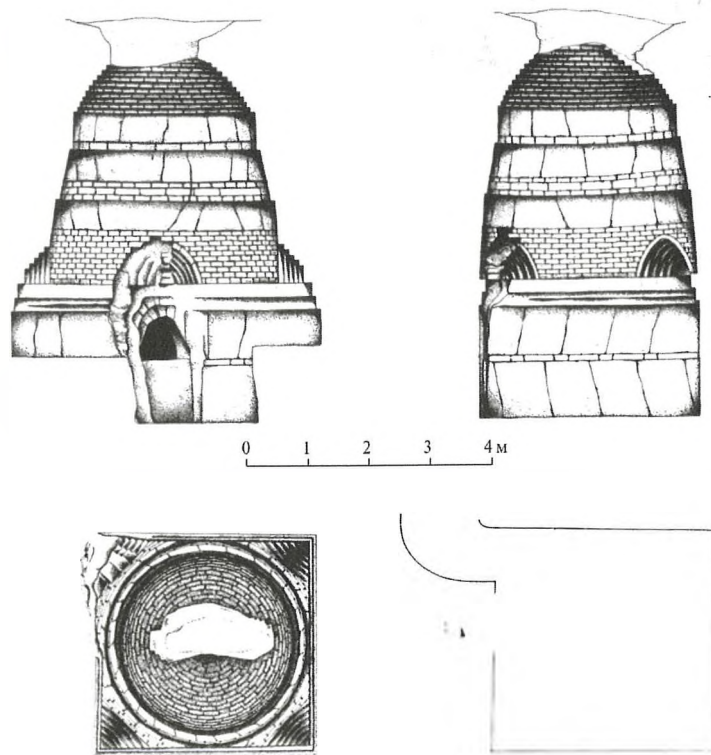

Рис. 29. Купольное перекрытие угловой башни Кафыр-Калы

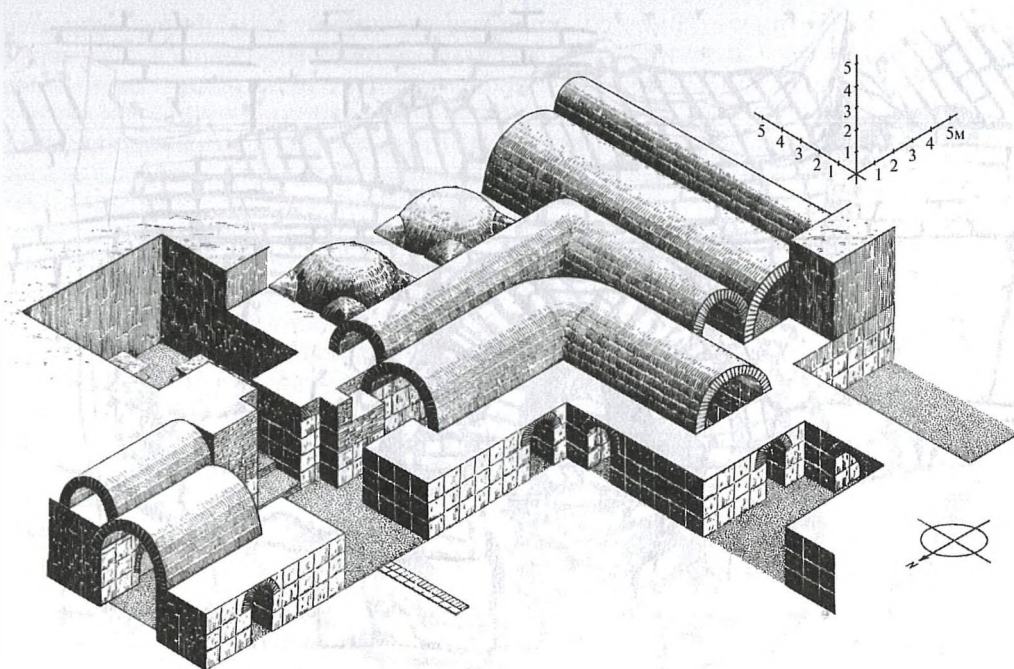

Рис. 30. Реконструкция системы сводов и куполов южного угла здания Аджина-тепа (до заполнения пазух). Архитектор А. С. Константинов

Калаи-Кафирниган позволил выяснить конструктивные особенности нескольких вариантов куполов, часть из которых явно однотипны аджинатепинским (рис. 30).

Между сводами параллельных коридоров, между сводом коридора и куполами келий располагались сводчатые карликовые коридорообразные галереи, образовавшие как бы второй, верхний ярус. Эти галереи располагались также вдоль внешнего края сводов наружных помещений. Пяты сводов галерей около метра, пролет — 1,20—1,40 м. Кладка велась из трапецевидного, реже — обычного кирпича.

Образовавшиеся между внешним обводом основных сводов и сводиков галерей пазухи заполнялись рыхлой землей, кирпичами, иногда — кирпичной кладкой. Выше делалась обычно двухслойная глиняная промазка, над которой шел ряд сырцового кирпича, а над ним толстый выравнивающий слой глины.

Что касается пространства между соседними куполами, то оно иногда закладывалось рядами сырцового кирпича или комьями пахсы, положенными так, чтобы между ними были пустоты — для уменьшения статической нагрузки на купола и стены. Вместе с тем в ряде случаев между двумя соседними купольными помещениями сооружались небольшие поперечные разгрузочные сводики, перпендикулярные идущим вдоль стен коридоров вышеописанным продольным разгрузочным сводам. Поперечные разгрузочные сводики и продольные сооружались на разных уровнях и взаимно не пересекались. Дело в том, что кладка купольных перекрытий в кельях начиналась значительно ниже свода в обводных коленчатых коридорах. В кладке свода поперечных коридорчиков были свои особенности. Так, в одном случае ширина поперечного коридорчика у стены коленчатого коридора составляет 1 м, в замыкающей части он сужается до 0,72 м, высота же сохраняется

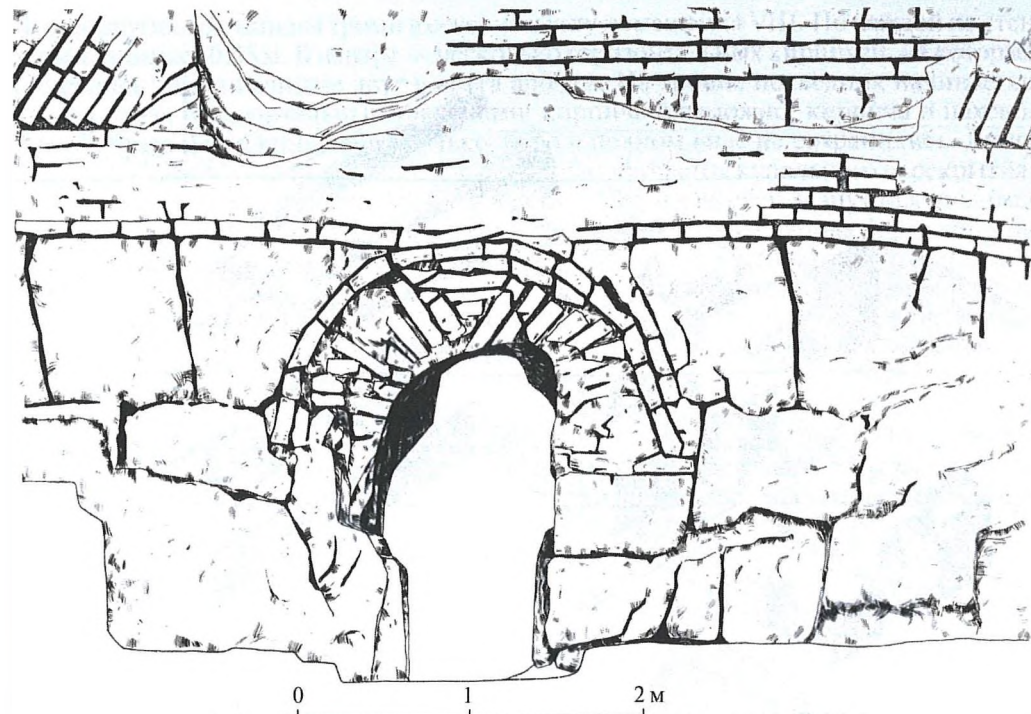

Рис. 31. Арочный проем из коридора III в келью VII

одинаковой — 1 м. Сам сводик сложен в широкой части с помощью наклонных отрезков, в суженной же части эта кладка заменяется комбинированной: дугу свода составляли положенные с обеих сторон горизонтально кирпичи с напуском (по три кирпича с каждой стороны), а замковая часть выкладывалась из кирпичей, положенных плашмя в два ряда с перевязкой между собой.

Помещения связывались друг с другом арочными проходами, арочными же являлись проемы, открывавшиеся во двор (рис. 31). Как правило, проем располагался посередине стены, реже — в углу. В этом случае одна ветвь арки впускалась во врубленное внутри стены пространство. У арок, расположенных внутри помещения, пяты, как правило, находятся на одинаковом уровне. На пахсовый блок кладется нижний, пяточный, кирпич, который является горизонтальным. Кирпичи лежат ложком по радиусам кривизны. Кривая образуется за счет треугольных швов, очень часто между первыми кирпичами помещается кирпичный клин. Замок обычно выполнен «в елочку», иногда в центре помещается клинчатый кирпич. Есть еще несколько вариантов: 1) треугольник замкового клина, образованный касающимися крайними верхними кирпичами ветвей арки, заполнен уменьшающимися (тремя или четырьмя) кусками кирпича, положенными параллельно одному из крайних кирпичей; 2) этот треугольник заполнен горизонтальными кусками кирпича (двумя или тремя).

Снаружи архивольт обведен одним-двумя рядами плашмя (ложком, очень редко — тычком) положенных кирпичей, иногда около замка — в три ряда. Впрочем, встречаются и арки, где этого обвода нет или же он существует лишь частично в верхней половине архивольта, а в нижней вплотную к архивольту подходит косо

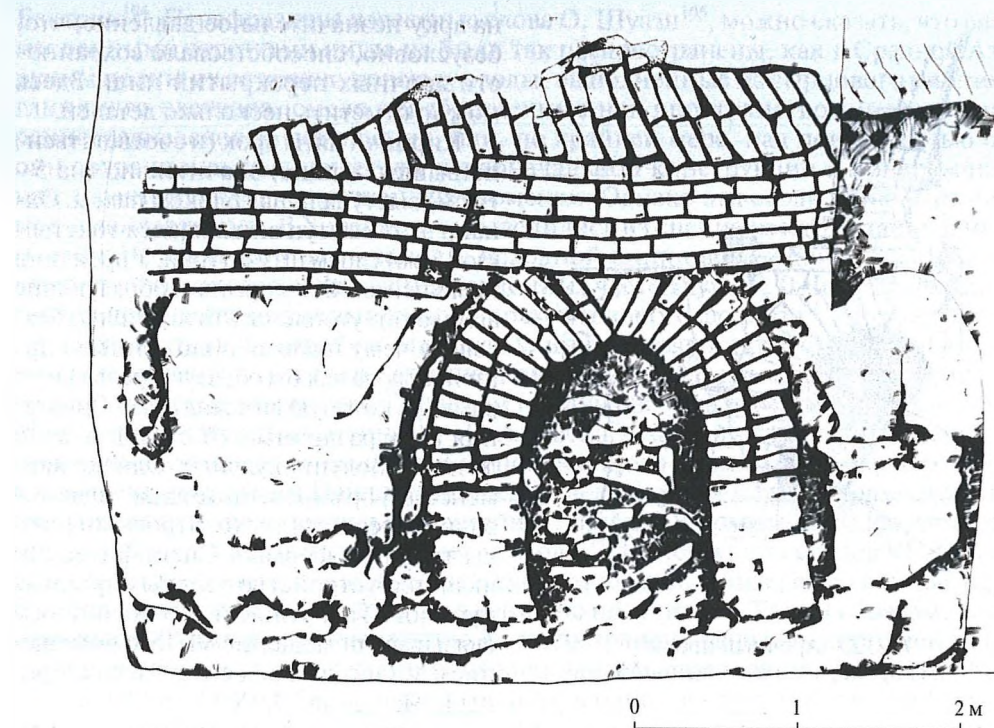

Рис. 32. Арка из коридора XVII во двор

или фигурно срезанный блок пахсы. Пролет этих арочных проемов чаще всего 1,1–1,2 м, иногда достигает 1,5 м.

Особый случай — арки проходов двухчастных помещений, ведущие из вестибюля в целлу. Это наиболее крупные арки из числа примененных в комплексе. При их возведении строитель сталкивался с наибольшими трудностями, ибо пролеты их были весьма значительны. Лучше, хотя и не полностью, сохранились арки, ведущие из помещения XLI в XLII и из помещения XI в XII. Пролет первой из них равен 1,85 м, высота пяты от пола 2,2 м. Арка клинчатая, замок выполнен из кирпичей, положенных «в елочку», имеет обвод из плашмя положенных кирпичей. Замок находится на уровне 3,4 м от пола. Самой большой была арка, перекрывавшая проход из помещения II в помещение I, от нее сохранились лишь несколько кирпичей у пят. Пролет был равен 2,2 м, высота пяты над полом 3,35 м, реконструируемая высота замка арки — около 4,5 м; она имела двойной обвод из плашмя положенных кирпичей.

Арками были также перекрыты ниши в коридорах храмовой части. Так, аркатура в помещении XXVII (рис. 32) была устроена следующим образом. Нижняя часть стен состояла из восьми рядов кирпичей (высота кладки — 0,9 м). Основанием для арок служили поставленные на определенных расстояниях друг от друга спаренные или строенные по фронту блоки пахсы (высота блока — 0,8–0,9 м, длина 0,85–1,05 м). Интервал между блоками — это и есть ниша (ширина ниш 1,7–1,8, но иногда до 2,35 м). На блоки положены пяты арок, на них же опирается внешний обвод. Простенки между внешними контурами арок заполнены блоком пахсы фигурных очертаний: узким внизу, расширяющимся кверху и следующим контурам арок. Благодаря монолитности пахсы кронштейны-выступы этих блоков оказывали

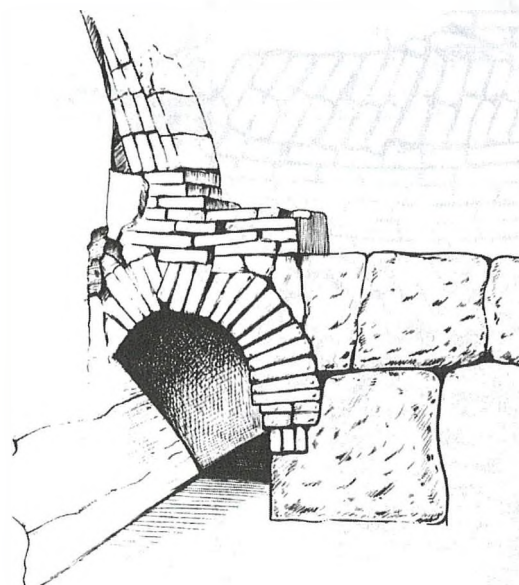

Рис. 33. Аро́чный прое́м из коридора V в помеще́ние VI

Ширина проема — 1,2 м, высота — 1,82 м, стрелка — 0,84 м. Арка «ползучая», резко несимметричная: пята расположена внутри помещения на 30 см ниже, чем врезанная в щипец, замок арки резко сдвинут к щипцу (рис. 33). Блок пахсы, на который внутри помещения опирается правая пята, имеет двухступенчатый вырез, нижний заполнен положенными тычком на ребро двумя кирпичами, на верхнем начинается кладка с расшивными швами. Над третьим кирпичом — клинчатый кирпич, благодаря которому смежные кирпичи сразу разводятся на 11 см. Замок образуют два кирпича, положенные «в елочку», пространство между которыми заполнено треугольным замковым кирпичом (основание треугольника 10 см, высота — 13 см). Левый устой арки также вначале горизонтален, затем кирпичи разворачиваются по кривой. К правой ветви арки примыкает фигурно вырезанный блок пахсы.

Что касается освещения, то в двухчастных помещениях оно осуществлялось через вестибюльный айван. В коридорообразные помещения свет частично попадал через многочисленные дверные проемы. Кроме того, в торцовых стенках внешних коридоров (пом. VI/IX) устраивались специальные оконные проемы в виде высоко посаженной сквозной ниши с резко наклонным основанием, совершенно аналогичные тем, что имеются на Чиль-Худжре (Уструшана).

В Аджина-тепа вытянутые прямоугольные помещения перекрыты сводами, выложенными наклонными отрезками¹⁰³, — прием, известный уже в античной

¹⁰² Как известно, в преарабское время стрельчатые арки появляются и в других областях Средней Азии — от Ча́ча до Северного Хорасана. См.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958 (ТЮТАКЭ. Т. 6). С. 184. О стрельчатых арках в сасанидском строительстве см.: Reuther O. Sāsānian Architecture: A History // SPA. Vol. 1. 1938. P. 512–513.

¹⁰³ О процессе выкладки таких сводов в Средней Азии см.: Засыпкин Б. Н. Своды в архитектуре Узбекистана // АрхНасл. Вып. 13. 1961. С. 147–148. Рис. 4.

на арку незначительное давление, что, безусловно, способствовало сохранности арочных перекрытий ниш. Здесь можно отметить несколько деталей.

Кирпичи пята арок (и соответственно вышележащие) значительно (на 5–10 см) выступали над блоком пахсы. Однако этот выступ сглаживался толстым (до 15 см) слоем штукатурки. У арок ниш помещения XXV кирпичи, образующие архивольт, утоплены в глубь стены, благодаря чему плашмя положенные кирпичи обвода как бы образуют рельефную рамку, в которую вписана арка. Очертания арок различные: от стрельчатых¹⁰² до почти полуциркульных. Однако наименее деформированные арки являются эллиптическими трехцентровыми (своды такой же формы). Специфическим является устройство угловых арочных проемов. Так, угловой арочный проем связывает помещение VI/IX с помещением V. Опишем вид его арки со стороны помещения VI/IX.

Бактрии¹⁰⁴. Перефразируя известные слова О. Шуази¹⁰⁵, можно сказать, что своды наклонными отрезками нигде не были так распространены, как в Средней Азии: руины полны их остатков; повсюду своды, выполненные из сырцового кирпича и глиняного раствора, смело переброшенные над пространством, перекрывают раннесредневековые помещения, или, по крайней мере, над поверхностью стен они сохранились как свидетели первоначальной конструкции и обнаруживают нам характер сводов, разрушенных временем. Однако эти своды отнюдь не являются стандартными. В Хорезме они выводились из специального трапецевидного кирпича, причем примыкание к исходной щипцовой стене осуществлялось путем постепенного наращивания наклонных частей дуги¹⁰⁶. В Ча́че для выкладки сводов применялся обычный кирпич прямоугольного формата¹⁰⁷, но в некоторых случаях у вершины кривой он отесан до клинчатых очертаний¹⁰⁸. На Мунчак-тепа своды выложены из такого же кирпича, что и стены¹⁰⁹, аналогичную картину дают и шахристанские памятники¹¹⁰, причем на Мунчак-тепа отрезки у щипцовой стены наращиваются постепенно¹¹¹. На Афрасиабе зарегистрировано перекрытие помещения сводами, сложенными из подтесанного кирпича¹¹², имевшего слегка клиновидную форму. В Пенджикенте же «у щелыги вперемежку с прямоугольным шел в кладку и трапецевидный кирпич», причем к исходной щипцовой стене здесь примыкает сразу полный отрезок свода¹¹³. Конструкция сводов VI–VIII вв., используемых в памятниках Южного Туркменистана, в интересующем нас отношении в литературе детального отражения не получила¹¹⁴. Таким образом, встречающиеся в Аджина-тепа сочетания в сводах трапецевидных кирпичей и примыкания свода к щипцовой стене наращиванием отрезков до сих пор не были отмечены не только в Тохаристане, но и ни в одной из других областей Средней Азии, кроме Хорезма.

Еще более существенная особенность Аджина-тепа — наличие сводчатых карликовых галерей, до сих пор не известных ни для одного из среднеазиатских памятников

¹⁰⁴ См.: Пугаченкова Г. А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана (По раскопкам в Халча́йе) // СА. 1963. № 4. С. 77, 81–83.

¹⁰⁵ Шуази О. Строительное искусство древних римлян. М., 1938. С. 28.

¹⁰⁶ См.: Воронина В. Л. Строительная техника Древнего Хорезма // ТХАЭЭ. Т. 1. 1952. С. 94 сл.; она же. Древняя строительная техника... С. 18–19.

¹⁰⁷ См.: Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры... С. 250.

¹⁰⁸ См.: Воронина В. Л. Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. // ТИИА АНУзССР. Т. 1. 1948. С. 148.

¹⁰⁹ См.: Воронина В. Л. Древняя строительная техника... С. 19.

¹¹⁰ См.: Негматов Н. Н. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1957 г. // АРТ. Вып. 5. 1959 (ТАНТаджССР. Т. 103). С. 104.

¹¹¹ См.: Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента // МИА. № 37. 1953. С. 121–122.

¹¹² См.: Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе (Раскопки В. Д. Вяткина в мае–июле 1925 г.) // ИУзФАН. № 12. 1940. С. 66. Рис. 4.

¹¹³ Воронина В. Л. Древняя строительная техника... С. 19. Рис. 18. См. также: она же. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. С. 121. «Трапецевидный кирпич в небольших количествах наряду с обычным прямоугольным кирпичом применен в кладке согдийского здания под Кафыр-Калой» (Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры... С. 250).

¹¹⁴ См.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 125; она же. Своды в архитектуре Южного Туркменистана // ТЮТАКЭ. Т. 8. 1958. С. 224–225. В памятниках сасанидского Ирана очень близкие среднеазиатским своды наклонными отрезками, по крайней мере в некоторых случаях, выкладывались путем постепенного наращивания отрезков у щипцовой стены. См.: Reuther O. Sāsānian Architecture... P. 499–500. Fig. 129.

VI–VIII вв.¹¹⁵ Назначение их абсолютно ясно — это пазушно-разгрузочные своды. Дело в том, что пространство между смежными сводами и куполами должно было обязательно заполняться, иначе в эти пазухи попадала бы и застаивалась вода. Прием заполнения пазух комьями глины, кирпичом или пахсой, как это широко практиковалось в раннесредневековом строительстве Средней Азии, был в общем целесообразен. При его помощи, помимо прочего, достигалась большая жесткость конструкции¹¹⁶. Но нельзя не учитывать и другой стороны дела — давления забутовки на свод и его разрушительного эффекта. Как известно, это давление в нижних частях свода приближается к весу нависающей части забутованного объема, причем оно могло быть довольно значительным. Такое давление должно было приводить к деформации свода. Поэтому строители Аджина-тепа стремились облегчить «работу» сводов, сделав большую часть пазушного пространства полым (оставшиеся при этом с двух сторон небольшие пазушные пространства заполнялись кирпичом или пахсой). Последствия устройства разгрузочных галерей для устойчивости сводчатых конструкций Аджина-тепа, вопреки замыслам строителей, нередко оказывались отрицательными. Ветви сводов, на которые опирались пять сводов разгрузочных галерей, иногда не выдерживали их давления. Однако это объясняется лишь отсутствием у строителей соответствующего опыта¹¹⁷. Открытие арочных пазушно-разгрузочных галерей существенно в том отношении, что дает дополнительные

¹¹⁵ Такого рода галереи отсутствуют в других, кроме Аджина-тепа, памятниках Таджикистана. Как нам любезно сообщили Г. А. Пугаченкова и В. А. Нильсен, нет их и в памятниках Узбекистана и Туркменистана. Г. А. Пугаченкова обратила в этой связи наше внимание на раннесасанидский дворец в Фирузабаде (см. его реконструкцию в кн.: Шуази О. История архитектуры. Т. 1. М., 1935. С. 129–130. Рис. 97). В 1966 г. Д. Хуфф детально исследовал верхний этаж Фирузабадского дворца. Основание этого этажа находится на высоте более метра над основанием купола. Купол центрального помещения с четырех сторон, боковых — с трех сторон охватывали сводчатые коридорообразные помещения. В центре стен, разделяющих смежные помещения, были маленькие купольные комнаты, членившие коридоры на отрезки и связанные с ними проходами. Кроме того, с ними были связаны и угловые сводчатые камеры. В стенах этих помещений второго этажа находились недекорированные, явно утилитарные ниши. Эта система жилых помещений — частная резиденция царской семьи. Однако все это не было спецификой Фирузабадского дворца. Д. Хуфф пишет, что в тех случаях, когда сохранность это позволяет, можно в сооружениях сасанидской дворцовой архитектуры выявить наличие мелких групп помещений в зоне свода (купола) зала. Он указывает в этой связи помимо Фирузабадского дворца также на Калаи-Духтар у Фирузабада и Таки-Кисра в Ктешфоне. Кроме этих помещений, имелись примерно одинаковые по высоте сводчатые коридоры рядом с куполом — в большом дворце в Фирузабаде, а также в раннесредневековом Охейдире, которые служили для облегчения конструкции и для улучшения теплоизоляции, по мнению других исследователей, — для вентиляции (*Huff D. Qal'a-ye Dukhtar bei Firuzabad: ein Beitrag zur sasanidischen Palastarchitektur // AMI. Neue Folge. Bd. 4. 1971; id. Survey and excavation in Qal'eh Dextar-Firuzabad: archaeological research and preparation before restoration // Proceedings of the 4th Annual symposium on archaeological research in Iran. Tehran, 1976*).

Нам представляется, что большие группы сводчатых помещений и ходов вместо аморфной очень тяжелой конструкции создавали целую систему более легких сводов, упруго гасивших часть распорного усилия. Позже, в Аджина-тепа, связанные с куполами и сводами сводчатые коридоры полностью исчерпали свое жилое назначение, сохранилась лишь та их часть, которая имела конструктивное назначение.

¹¹⁶ Известно, что в римских сводах по каркасу из кирпичей, уложенных плашмя, боковые части свода-каркаса надо было забутовать, иначе из-за недостаточной жесткости получался изгиб свода, и он разрушался под влиянием собственного веса (см.: Шуази О. Строительное искусство древних римлян. М., 1963. С. 52. Рис. 28–29). Хотя и в значительно меньшей степени, однако этот фактор действовал и в сводах типа возведенных на Аджина-тепа.

¹¹⁷ Как указывалось выше, разгрузочные галереи устраивались не только между сводами смежных помещений, но и между сводами и куполами, а также вдоль внешнего фаса, где одна ветвь сводика галереи опиралась на свод помещения, другая — на стену помещения VI/IX. В последнем случае не потребовалось никаких стен-контрфорсов; соответствующие стены помещения и его свод полностью сохранились.

данные для решения вопроса о генезисе карликовых галерей некоторых средневековых памятников Средней Азии и Ирана. В трудах архитекторов сейчас обычно излагается теория, согласно которой эти карликовые галереи выводятся из обходных галерей доисламских культовых сооружений Средней Азии¹¹⁸. Слабое место этой гипотезы состоит в том, что она предусматривает и вместе с тем не объясняет «вознесение» галереи наверх здания.

Другие исследователи убеждены, что верхние обходные галереи следует выводить из расположенных в верхней части жилых укрепленных замков боевых обходных галерей, трансформировавшихся в открытую аркаду в архитектуре крупных дворцовых зданий, у которых оборонные функции исчезли. В качестве основного довода используется изображение на Аниковском блюде. Эта гипотеза послужила даже основанием для архитектурных реконструкций¹¹⁹. Следует отметить, что отнесение Аниковского блюда к периоду раннего средневековья уже вызывало сомнения в литературе, сейчас предложено датировать его X–XI вв. н. э.¹²⁰ Мы считаем, что в выявлении генезиса рассматриваемой формы наличие верхних обходных галерей (боевых или разгрузочных, как на Аджина-тепа), безусловно, имеет определенное значение. Однако нетрудно увидеть принципиальную грань между замкнутым объемом глухой сводчатой галереи, даже рассеченной узкими щелями бойниц, и открытой наружу аркадой средневековых зданий. О какой «трансформации» может идти речь? Ведь это совсем различные формы, единственное сходство между которыми состоит в том, что они проходят по периметру верхнего яруса здания. Боевые и разгрузочные галереи лишь документируют появление верхних обходных систем. Нам представляется, что решение этой проблемы следует искать в другом направлении. В трудах по истории среднеазиатской архитектуры не замечается или не принимается во внимание гипотеза Э. Дица¹²¹, предположительно выводившего средневековые галереи из аркад некоторых ступ. С. Г. Хмельницкий назвал эту гипотезу «формалистической»¹²², но, собственно, почему? Рассмотрим эту проблему так, как ее понимаем мы.

Аркады ступ Хадды и других областей чрезвычайно ясно показывают на возможный источник карликовых галерей средневековья — в этом Э. Дец, как нам кажется, совершенно прав. Такие галереи появляются в X в. в мавзолее Саманидов, а затем в X–XII вв. мы видим их в мавзолеях Мерва, Серахса, Мехне, Туса, т. е. вначале они обнаруживаются на территории Средней Азии и Хорасана. По-видимому, возникновение этой формы нельзя отрывать от генезиса типа среднеазиатского мавзолея и механически присоединять к нему формы, свойственные совсем другим типам архитектурных сооружений.

¹¹⁸ См.: Ремпель Л. И. Мавзолей Исмаила Саманида // Академия архитектуры. № 5. М., 1936. С. 31–32; Воронина В. Л. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов // ТАНТаджССР. Т. 27. 1954. С. 45; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 320–322; она же. Мавзолей Араб-ата (из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.). Ташкент, 1963 (Искусство зодчих Узбекистана. Т. II). С. 68–74. Эта теория повторяется без дополнительной аргументации в других работах. Интересная «астрономическая» гипотеза М. С. Булатова не представляется нам убедительной. См.: Булатов М. С. К вопросу о генезисе архитектуры мавзолея Саманидов // ОНУ. 1964. № 2. С. 39–45.

¹¹⁹ См.: Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан... С. 134–139. Табл. 11, а также: Нильсен В. А. Сельские постройки эпохи раннего феодализма в Узбекистане // АрхНасл. Вып. 17. 1964. С. 181–184.

¹²⁰ См.: Маршак Б. И. Аниковское блюдо // Секция археологии Средней Азии (тез. докл.). М., 1966. С. 23–24.

¹²¹ Dicz E. Islamic Architecture: The Principles and Types // SPA. Vol. 2. 1939. P. 924.

¹²² Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан... С. 136.

Проблема происхождения мавзолея оживленно дискутируется историками архитектуры, и в ней еще далеко не сказано последнее слово. Мы считаем, что существенное влияние на формирование среднеазиатско-хорасанского «мусульманского» мавзолея оказала афганистанско-среднеазиатская ступа. Семантика ступы и мавзолея хотя и не идентичны, но близкородственны. Остановимся на этом подробнее. В каноническо-буддийском представлении ступа рассматривалась как памятник особого, наиболее благородного характера, посвящаемый особой группе смертных, которые заслуживали такого почитания. Это необязательно было связано с религией, такие ступы могли посвящаться и «праведным» царям. Позже, особенно в народном представлении, произошла эволюция. Ступа, в которую помещаются мощи Будды (dhatu), стала рассматриваться как религиозный памятник, как символ присутствия Будды, осеменяющего свои мощи, в священном холме¹²³.

С другой стороны, в буддизме был исключительно сильно распространен культ ступы. Первоначально он ограничивался ритуальным пожертвованием гирлянд цветов и курильниц — это называлось cittarasada. Позже культ ступы все больше приобретает самостоятельное значение; совершающий обход и поклонение ступе делает столь благочестивое дело, что последствия его будут сказываться вплоть до достижения нирваны. В это время почитание ступы включает в себя не только перечисленные выше жертвования, но и церемонию обхода — pradaksina, почитание складыванием рук, жертвованием цветов, гирлянд, курильниц, одежд, одеял, шелковых и хлопчатобумажных материй, зажженных светильников, игрой на музыкальных инструментах, разбрызгиванием благовоний и особенно жертвованием chatra — зонтиков, служащих для увенчания ступы¹²⁴. Pradaksina объясняется так: «совершать обход вокруг почитаемого объекта таким образом, чтобы он оставался справа»¹²⁵. Многие элементы вышеописанного церемониала сохранились в Средней Азии до современности и вошли как органическая часть в столь распространенный до недавнего времени культ мусульманских мазаров¹²⁶.

В свете всего вышесказанного перенос и включение (в видоизмененном виде) аркад «ступы» в архитектуру средневекового среднеазиатского мавзолея можно рассматривать как вполне закономерное явление. При этом следует предполагать, что галереи мавзолея Саманидов (как и архитектура этого сооружения в целом) — конечный результат сложного и длительного процесса¹²⁷.

¹²³ Разбор соответствующих гипотез о назначении и эволюции ступы см.: *Foucher A.* L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. I. P. 47–62; *Marshall J.* Taxila. Vol. 1. Cambridge, 1951. P. 232–233. Культ ступы начинается со времен Ашоки и необычайно возрастает к рубежу нашей эры. См. также: *Hirakawa A.* The Rise of Mahāyāna Buddhism and its relationship to the worship of stupas // MDTB. No. 22. 1963. P. 103; *Dutt S.* Buddhist monks and monasteries of India. Their history and their contribution to Indian culture. London, 1962. P. 108–109, 184–195 (указанием на последнюю книгу мы обязаны любезности Б. Я. Ставиского).

¹²⁴ *Dutt S.* Op. cit. P. 184–186; *Hirakawa A.* Op. cit. P. 93.

¹²⁵ *Dutt S.* Op. cit. P. 187.

¹²⁶ *Сухарева О. И.* Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960; *Foucher A.* L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. I. P. 58.

¹²⁷ Эти аркады могли быть использованы в Средней Азии и в функционально иных сооружениях, например в храмах солнца, о которых мы располагаем прямыми упоминаниями в источниках. В зороастрийских представлениях о солнце, как они отразились в пехлевийском «Риваяте», на востоке и западе эти постройки имели по 180 окон, из которых день за днем выглядывает солнце. Следует напомнить также, что в Центральной Азии были найдены среднеперсидские манихейские рукописи с фрагментами из «Книги Еноха» (вообще известной манихеям). В ней говорится: «И я увидел шесть «порталов», в которых солнце поднималось, и шесть, в которых оно садится». Далее сообщается, что с этими «порталами» связано и движение луны и звезд, причем справа и слева от этих порталов находится несколько окон (*Bailey H. W.*

Центрический характер одного из типов раннего среднеазиатско-хорасанского мавзолея также в значительной мере объясняется распространением в Афганистане и Средней Азии одинаково с четырех сторон оформленной ступы. К сожалению, мы не знаем, какой была верхняя часть аджинатепинских ступ, но представления об аркадах имеем — по изображениям на оссуариях, а теперь по аркадам в коридорах храмовой части Аджина-тепа¹²⁸.

Дополнительные аргументы принесли раскопки буддийских храмов на Калаи-Кафирнигане и Кафыр-Кале. В одном из помещений калаикафирниганского храма представлена в абсолютно развитом виде система перехода от четвертика стен к куполу, состоящая из тропов на углах и ниш между ними. Этим устанавливается домусульманское происхождение данной системы¹²⁹, блестящее воплощение которой известно по мавзолею Саманидов. Колонны на углах калаикафирниганского храма огня (?) подтверждают генезис угловых колонн мавзолея Саманидов от таких угловых столбов, обнаруженных и на других домусульманских памятниках — Аджина-тепа и Пенджикенте (см. ниже).

Сооружения Калаи-Кафирнигана, как и буддийская кумирня на Кафыр-Кале, демонстрируют строго центрическую композицию, что развеивает сомнения¹³⁰ о наличии такого рода композиции в домусульманских культовых сооружениях.

Итак, материалы показывают, что все основные структурные элементы средневекового центрического мавзолея, как в части архитектурной композиции, так и в части конструкции и декорации, восходят к домусульманскому времени¹³¹.

Остановимся на одной важной архитектурно-конструктивной форме — на глиняных колоннах. В углах коридоров храмовой части комплекса имелись трехчетвертные колонны. Общая высота угловой колонны аджинатепинского помещения XXIV/XXV — 3,60 м. Первоначально она была, очевидно, несколько больше, так как капитель сверху срезана современной дневной поверхностью. Диаметр колонны у основания — 0,52 м, вверху — 0,25 м, т. е. она сужается очень резко, в два раза. Фуст имеет ярко выраженный энтазис. Переход к капители оформлен в виде глубокого желобка. Сама капитель (в сохранившейся части) — гранено-ромбическая; каждая сторона ее имеет вид расширяющегося кверху неправильного ромба

Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. Oxford, 1943. P. 138–139). Но вопреки М. С. Булатову, мы не считаем вероятным (реконструируемое на основании письменных источников) использование аркад в среднеазиатских храмах, связанных с культом звезд или небесных светил, исходным для применения аркад в мавзолеях. Здесь речь могла бы идти скорее о параллелизме.

¹²⁸ Следует, разумеется, иметь в виду и то, что средневековые карликовые галереи имели, как и аджинатепинские, разгрузочное, а также некоторое конструктивное значение, частично погашая распор купольной конструкции здания (*Засылкин Б. Н.* Архитектура Средней Азии. М., 1948. С. 40; *Прибыткова А. М.* Памятники архитектуры XI века в Туркмении. М., 1955. С. 36; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 322).

При рассмотрении вопроса о галереях, следует иметь в виду и особые случаи, например, аркаду второго яруса в Кухи-Ходжа второго коридора (по Э. Херцфельду — III в. н. э.: *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. London; New York, 1941. P. 293. Pl. XCVI, XCVIII).

¹²⁹ В литературе высказывалось мнение, что сначала возникают отдельно стоящие купольно-центрические сооружения, «арочные проемы на осях превращаются затем частью в ниши» (*Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965. С. 175). Фактическое формирование шло параллельно. Оказалось ошибочным широко распространенное представление (*Rosenthal J., Schröder E.* Squinches, Pendants and Stalactites // SPA. Vol. 3. 1967. P. 125), что ниши между тропами были введены в послесаманидское время.

¹³⁰ *Пугаченкова Г. А.* Мавзолей Араб-ата. С. 69.

¹³¹ Детальнее см.: *Литвинский Б. А.* Среднеазиатский центрический мавзолей: проблема генезиса // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 65–70.

с подрезанным основанием. Высота ромба 0,42 м, ширина внизу — 0,13, сверху — 0,25 м. Не исключено, что это лишь нижняя половина капители. Угловые колонны в этом и других Г-образных помещениях Аджина-тепа являются в полном смысле слова декоративными. Ствол и капитель этих колонн врезаны в угол пахсовой стены¹³², их боковые границы подчеркнуты глубокими и широкими желобками. Округлость фуста и капители достигнута накладыванием толстого слоя штукатурки, особенно у основания, в результате чего образовалось значительное выступление колонки за плоскость стены. Баз не было, основание фуста поставлено прямо на пол. Напомним в этой связи, что в Пенджикенте отмечено крепление входящего угла стен деревянным столбом круглого или квадратного сечения, иногда оформлявшимся в виде колонны. Пенджикентские угловые столбы, как считает В. Л. Воронина, — это «генетический прототип характерной детали монументального зодчества Средней Азии — оформленных в виде колонн-башенок гулдаста, которыми украшаются выступающие углы здания»¹³³. Следующий шаг в развитии идеи гулдаста делают аджинатепинские колонны: они лишены баз и выполнены из того же материала, что и стены, — из пахсы.

Совершенно иной характер имеют трехчетвертные колонки от сохранившейся лишь в миниатюре ступе с алебастровой облицовкой в северо-западном углу храмового двора.

Судя по фрагментам (наиболее крупный из них имеет высоту 22,8 см), колонки первого яруса имели в основании четырехгранно-усеченную базу, значительно сужавшуюся кверху. Над ней был посажен шаровидный элемент («яблоко»), отделенный снизу от базы, сверху от ствола поясками, причем верхний был крупнее. Обособленно сформированный фуст (он ограничен от пояска сквозной прорезью) был четырехгранно-вытянуто-пирамидальной формы. На некоторых фрагментах боковые щеки расположены не перпендикулярно фасадной плоскости, а под углом 110–120°. Имеется фрагмент граненой вытянуто-колоколовидной капители. Поверхность колонки была окрашена, а затем подновлялась и ремонтировалась.

Второй ярус также был снабжен колонками. Здесь основание составляет двухступенчатый плинт (нижняя ступенька выше, чем верхняя). Над базой, без промежуточного «яблока», располагался граненый ствол — колонка или пилястр.

Третий ярус снабжен пилястрами. Основания пилястр имеют вид двухступенчатого плинта (нижняя ступенька выше, чем верхняя) с незначительно скошенными (наклонными внутрь) боковыми гранями. Сужающийся кверху ствол образован двумя вогнутыми кривыми. Капитель — перевернутое вверх основание со скошенными боковыми гранями. Скошенность особенно сильна у нижней ступени, боковые стороны которой имеют также некоторую вогнутость.

Трехчетвертные колонки миниатюрной ступы помещения XXXI суммарно могут быть описаны следующим образом. Основание-база у них двухчастная. Нижняя часть блоковидная, сужающаяся кверху. При этом одна боковая грань (находящаяся на самом углу) почти вертикальная, другая (на внутренней стороне) имеет резкий скос с прогибом. Очевидно, не в модели, а в натуре обе грани были скошены совершенно симметрично. Вертикальность одной грани в данном случае была продиктована необходимостью избежать нависания (напомним, что колонки поставлены

¹³² В нижней части, где стена кирпичная, ствол колонны вылеплен из пахсы. Кладка же стены велась таким образом, что и здесь ствол отделен от плоскости стены вертикальным желобом.

¹³³ Воронина В. Л. Архитектура древнего Пянджикента (итоги работ 1952–1953 гг.) // МИА. № 66. 1958. С. 213.

в углах выступов). Над этим блоковидным основанием расположен отделенный от него скоцией широкий вал, затем вновь скоция. После этого в двух случаях — узкий валик-шейка, затем выкружка и переход к стволу (валик-шейка присутствует не во всех случаях). Ствол четырехгранный, резко сужающийся сверху, с вогнутыми гранями. Он увенчан валиком, на котором покоится собственно капитель. Нижняя часть ее шаровидно- или грушевидно-сегментированная либо колоколо-видноокруглая (узкой частью обращена вниз). Верхняя часть капители имеет вид плоской квадратной или прямоугольной плиты абак. С одной стороны она сильно нависает над шаровидной частью (по-видимому, в натуре должно было иметь место нависание со всех сторон).

В завале был найден фрагмент верхней части колонки второго яруса. Капитель здесь состоит из двух разделенных скоцией валов: нижнего маленького и верхнего более крупного как по высоте, так и по диаметру. Над капителью — абак, несколько выступающая за ее плоскость. Здесь же, в завале, были обнаружены уже упоминавшиеся выше три антропоморфные капители. Они небольшие, скругленной формы, окрашены в ярко-красный цвет, причем краска лежит на ганчевой основе. Ганчевый грунт довольно толстый и несколько сгладил первоначальный рельеф капители. На одной из них отчетливо прослеживается человеческое лицо с выступающим округлым подбородком, толстыми губами, обобщенно переданным ухом, глазной впадиной (левый глаз). Нос и правый глаз сбиты. Лицо окрашено в красный цвет; в западинах, окаймляющих голову, — синяя краска. На двух других капителях, несомненно того же типа, отдельные части прослеживаются хуже.

Являются ли вышеописанные колонки ступы продуктом фантазии скульптора, или же они воспроизводят какие-то реальные прототипы? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к реальным колоннам раннесредневековых построек Средней Азии. На колхозабадской Кафыр-Кале, т. е. в полусотне километров от Аджина-тепа, углы ниши раскопанного помещения, датируемого VI–VII вв., были фланкированы трехчетвертными глиняными колонками со слегка утончающимся стволом (диаметр средней части — 26 см), опирающимся на шар (диаметром 32–25 см), который, в свою очередь, лежал на пирамидальной базе. Кафыр-Кала дала и другие образцы глиняных колонн, известные и на Калаи-Кафирнигане¹³⁴. Таким образом, основание кафыркалинских колонн (капители у них не сохранились) однотипно или даже идентично аджинатепинским. На пенджикентских колонках точно такое же двухчастное основание (с высокой пирамидальной частью) и колоколовидная капитель, отделенная от стены валиком¹³⁵. Можно привести и другие аналогии¹³⁶.

Важнейшей является реально найденная деревянная колонна из Калаи-Кафирнигана со сложной блоковидной капителью, «яблоком» и круглым декорированным стволом¹³⁷.

Итак, бесспорно перед нами тип реально существовавшей в Тохаристане колонны. Разумеется, по ней нельзя судить о пропорциях былых колонн: скульптор изобразил

¹³⁴ См.: Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хутталевского отряда в 1957 г. С. 89. Рис. 4; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана... С. 79–81.

¹³⁵ См.: Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. С. 125–126. Рис. 20; она же. Городище древнего Пянджикента как источник для истории зодчества // АрхНасл. Вып. 8. 1957. С. 135. Рис. 4, 21.

¹³⁶ См.: Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // ТИИА АНУзССР. Т. 2. 1950. С. 23–33; Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Ташкент, 1966. С. 261–276.

¹³⁷ Litvinskij B. A. Kalai-Kafirnigan. Problema in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan // EW. Vol. 31. No. 1–4. 1981. P. 41–42. Fig. 5.

капитель и базу в более крупном масштабе, чем ствол. Именно это позволило нам получить ясное представление об этих важнейших элементах одного из типов раннесредневековой колонны Тохаристана. И еще. Колонки подкупольной конструкции мавзолея Саманидов¹³⁸ являются непосредственным развитием формы, отраженной в аджинатепинских колоннах.

На Аджина-тепа обнаружены два вида пандусных подъемов (описание см. выше). Один из них того же типа, который обычен для согдийской архитектуры, второй представляет собой своеобразный тип. Эти пандусы — первые ласточки в тохаристанской архитектуре. До сих пор был известен лишь лестничный подъем на второй этаж в замке Джумалак-тепа¹³⁹. Судя по всему, в Тохаристане пандусные подъемы использовались не часто: так, на Кафыр-Кале они не были обнаружены ни разу. Поэтому нет оснований останавливаться на их типологии.

Как уже упоминалось, планировка обеих частей Аджина-тепа осуществлена по классической четырехайванно-дворовой схеме. Это неожиданно, более того, полностью противоречит утвердившимся в истории архитектуры Средней Азии (и Ирана) взглядам.

Известно, что в средневековых общественных постройках, особенно таких, как медресе, а также караван-сарай, мечети и др., четырехайванно-дворовая композиция была чрезвычайно широко распространена. Поэтому оправдан большой интерес исследователей к ее генезису. Вопрос о генезисе медресе, одного из важнейших типов монументального средневекового зодчества Востока, давно привлекает внимание историков архитектуры. Он рассматривался ими в планировочном аспекте: как появилась и сложилась четырехайванная (по терминологии некоторых исследователей, менее удачной, — крестовидная) схема планировки этого типа сооружений. Вопрос возник в связи с изучением египетской архитектуры; каирские медресе имели именно такой план. Уже в 1886 г. С. Лайн Пул выдвинул предположение, что крестовидная планировка каирских медресе происходит из Сирии¹⁴⁰. Несколько позже Макс ван Берхем, детально проанализировав историю медресе, пришел к заключению, что происхождение этой планировки следует искать в Сирии, в Месопотамии или в Халдее, т. е. на территории сельджукского государства. В более поздней работе он высказал мнение, что сложение четырехайванной планировки происходило именно в Сирии, и выводил ее из некоторых византийских и сирийских христианских церквей. Он писал, что в этой планировке априори должны были быть сплавлены сирийские и персидские элементы, в качестве последних он признавал сводчатое перекрытие айванов¹⁴¹.

Затем историк архитектуры К. Кресуэл в 1919 г. изучил в этом направлении сирийские медресе и не нашел подтверждения ранее высказанным точкам зрения о сирийском происхождении крестовидной планировки. Отсюда он сделал парадоксальный вывод, что «крестовидный план — египетского происхождения и практически неизвестен вне Египта», и даже сумел, как он сам сообщает, убедить в своей правоте Берхема¹⁴².

¹³⁸ См.: Воронина В. Л. Каменная колонна // Труды Среднеазиатского индустриального института (строительный ф-т). Вып. 4. Ташкент, 1939. С. 61. Рис. 10; Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата. С. 67. Рис. 36.

¹³⁹ Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры... С. 143. Рис. 52.

¹⁴⁰ См.: Creswell K. A. C. The origin of the cruciform plan of Cairene madrasas // Bulletin de l'Institut Français d'archéologie orientale. T. 21. Le Caire, 1923. P. 4.

¹⁴¹ Berchem M., van. Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Pt. I. Egypte. Le Caire, 1896 (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire. T. 19). P. 264–265. См. также его статью: Berchem M., van. Architecture // EI. T. 1. 1913. P. 423.

¹⁴² Creswell K. A. C. The origin... P. 43, 45; 45. N. 2.

Импульс к правильному решению вопроса был дан трудами востоковеда В. В. Бартольда. В своих исследованиях он неоднократно указывал на значение буддизма в истории культуры Средней Азии, на контакты между буддизмом и мусульманством, на то, что первые медресе появились в Средней Азии и что на их формирование оказали влияние буддийские монастыри¹⁴³. Рассматривая эту проблему, Э. Дип указал на роль, которую сыграли в медресе, с одной стороны, хорасанский айван, с другой — буддийский монастырь, но не дал развернутого изложения своей концепции¹⁴⁴. К сожалению, эта мысль, содержащая рациональное зерно, не была замечена специалистами по истории архитектуры.

В 1943 г., публикуя вторую часть своих исследований по архитектуре и эпиграфике Дамаска, замечательный историк и археолог Э. Херцфельд посвятил специальный экскурс происхождению четырехайванной композиции¹⁴⁵. Приведя большой, полученный во время его экспедиций в Иране материал, он четко показал, что не может быть и речи о сирийском или египетском происхождении медресе: оно сложилось на востоке мусульманского мира. Э. Херцфельд считал, что создание медресе происходило во времена Низам аль-мульк, т. е. в XI в. Четырехайванная композиция, как показал Э. Херцфельд, встречается в Иране в караван-сараях (в частности, он описал караван-сарай сельджукского времени Зафарани между Нишапуром и Сабзаваром)¹⁴⁶, жилых домах и других постройках. Исследователь обратил внимание на некоторые случаи домусульманских построек с айванами и в итоге сделал заключение: «Фактически в Иране мало типов зданий, у которых не было бы двора с четырьмя айванами. Этот план имел прообразы уже в аршакидский и сасанидский периоды и полностью развился в омейядское время. Короче, это — иранский план»¹⁴⁷. Согласно Херцфельду, когда Низам аль-мульк приказал персидским архитекторам, которые уже строили айванные дома, караван-сарай и другие постройки, соорудить медресе, они возводили его, используя уже имевшиеся планировочные решения, а именно четырехайванную композицию. Потом медресе распространилось на запад; и в Сирии, по мнению Херцфельда, четвертый айван превратился в молитвенный зал¹⁴⁸.

Французский ученый А. Годар, которому наука обязана многочисленными исследованиями в области архитектуры, искусства и археологии Ирана и Афганистана, во многом принял и повторил концепцию Э. Херцфельда, вместе с тем несколько видоизменив ее и приблизив к позициям, которые утвердил в свое время В. В. Бартольд. Заслугой А. Годара следует считать историко-архитектурное обоснование идеи не просто об иранском, а именно о восточноиранском происхождении типа архитектуры четырехайванного медресе. Известно, что наиболее старые медресе

¹⁴³ Barthold W. Die persische Su'ubja und die moderne Wissenschaft // ZA. Bd. 26. Ht. 1–3. 1912. S. 249–266; Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. 1963. С. 225–227; Barthold W. Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islam // Orient Studies in honour of Cursetji Erachji Pavry. London, 1933. S. 29–31.

¹⁴⁴ Diez E. Architecture des mosquées (masjid, III) // EI. T. 4. 1936. P. 431. Впрочем, задолго до него А. Грюнведель писал о Восточном Туркестане: «Относительно зданий, которые расположены во всем крае, мы сможем заметить, что в них применено распланирование по образцу сасанидских или даже парфянских дворцов, но примененное к богослужению или, точнее сказать, к легенде буддизма» (Грюнведель А. Краткие заметки о буддийском искусстве в Туркестане // ЗВООА. Т. 18. 1908. С. 2 [отд. оттиск]).

¹⁴⁵ Herzfeld E. Damascus: Studies in Architecture. II // AIsI. Vol. 10. 1943. P. 13–30.

¹⁴⁶ Ibid. P. 22, 23. Fig. 2.

¹⁴⁷ Ibid. P. 28.

¹⁴⁸ Ibid. P. 29–30.

в Египте датируются лишь концом XII в., тогда как на Востоке Ирана сохранились медресе, по крайней мере, на одно-два столетия более древние¹⁴⁹. В Бамиане были обследованы жилые дома с квадратным двором и четырьмя айванами. А. Годар высказал предположение, что такие дома были широко распространены во всем Хорасане. Он считает вероятным, что в X—XI вв. именно в таких домах хорасанские теологи-юристы вели преподавание. Когда же стали возводиться специальные медресе, то они стали воспроизводить план уже существовавших домов¹⁵⁰. Что же касается собственно айвана, то, вновь возвращаясь к проблеме формирования типа медресе, А. Годар писал, что вообще айван как архитектурная форма сложился в Хорасане, а затем распространился за его пределы. Вместе с парфянами в аршакидскую эпоху идея айвана была перенесена на запад Ирана и в Месопотамию, затем она воплотилась и в сасанидском строительстве¹⁵¹. Четырехайванная композиция, по его мнению, также происходит из Восточного Ирана. Годар упоминает в этой связи дворец Лашкари-Базар. Действительно, в этом афганистанском памятнике в центре дворца, построенного в XI (или даже X) в.¹⁵², был четырехайванный двор. Медресе Низамийе в селении Харджирд, датированное 1087 г. н. э., имело квадратный двор, в который входили четыре глубоких одночастных айвана (полностью сохранился лишь один)¹⁵³. Для XII в. известны и караван-сарай четырехайванной композиции, например Рабати-Карим с одночастными айванами и Рабати-Шараф (по дороге из Нишапура в Мерв) с четырьмя двухчастными айванами (открытый вестибюль и внутреннее купольное помещение)¹⁵⁴.

Свое заключение относительно возникновения и развития четырехайванной композиции А. Годар наглядно сформулировал в виде «генеалогической» схемы¹⁵⁵.

Г. А. Пугаченкова полностью согласилась с мнением А. Годара, что генезис этой композиции следует связывать с традициями местной жилой архитектуры. Вместе с тем она справедливо предполагает, как в свое время уже сделал Э. Херцфельд, что схема таких построек уходит «в глубину античной поры», и утверждает, что формирование типов медресе, караван-сарая и мечети происходило, вопреки мнению Годара, одновременно¹⁵⁶.

Конечно, в построении А. Годара, в свете имеющихся сейчас данных, видны уязвимые места и прямые ошибки. Например, Хорасан отнюдь не был родиной айвана. После раскопок Аджина-тепа существовавшие ранее домыслы о времени сложения четырехайванно-дворовой композиции потребовали пересмотра: во вполне развитом виде это композиционно-планировочное решение существовало на юге Средней Азии, во всяком случае, в VI—VII вв. н. э., причем в культовой буддийской постройке. Параллельно с четырехайванно-дворовой композицией в Вахшской долине существовал и «камерный» вариант: он зафиксирован в здании, раскопанном одним из авторов на колхозабадской Кафыр-Кале¹⁵⁷. Говоря о композиции памятника, следует иметь в виду, что вся система помещений северо-западной части Аджина-тепа бесспорно является «оградой» ступы, хотя она и мало напоминает

¹⁴⁹ Godard A. L'origine de la madrasa, de la mosquée et du caravan-sarail a quatre iwans // AIsI. Vol. 15—16. 1951. P. 2. Список древнейших египетских медресе, см.: Creswell K. A. The origin... P. 32.

¹⁵⁰ Godard A. L'origine de la madrasa... P. 5—6. Fig. 5.

¹⁵¹ Godard A. L'art de l'Iran. Paris, 1962. P. 345—346.

¹⁵² См.: Schlumberger D. Le palais ghaznevide de Lashkari Bazar // Syria. T. 29. 1952.

¹⁵³ Godard A. L'art de l'Iran. P. 354—355. Fig. 223.

¹⁵⁴ Ibid. P. 362. Fig. 119—230.

¹⁵⁵ Godard A. L'origine de la madrasa... P. 9.

¹⁵⁶ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 341.

¹⁵⁷ См.: Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. С. 69—90. Рис. 4.

классические ограды (vedika) ранних буддийских памятников Индии¹⁵⁸. В буддийском санскрите встречается термин рагауана, т. е. «часть построек вихары»; в санскритско-китайском лексиконе он расшифровывается как «двор, окруженный стенами». Термин этот попал в «тохарские» и тюркские буддийские тексты. Лингвисты подозревают, что он иранского происхождения и первоначально означал «ограда»¹⁵⁹.

Упомянутые выше ранние ограды вместе с тем заслуживают самого пристального внимания: мы полагаем, что они представляют один из исходных пунктов генезиса четырехайванной дворовой композиции. Наиболее ранние из сохранившихся в Индии ступ имеют столбчатую ограду с четырьмя воротами, расположенными по диаметрам. Эти ворота доминируют над оградой, являясь осевыми точками, выделяясь высотой и украшениями. Как известно, в кушанское время вокруг ступы вместо столбчатых оград появляются ограды в виде сплошной стены, возникают процессиональные обходные коридоры — pradaksina-patha. Одним из ранних образцов является Джат Сингх в Сарнатхе (Sarnath), где круглая в плане ступа была окружена круглым же коридором, имевшим, подобно оградкам ступы в Санчи и Бхархуте, четыре прохода по взаимно перпендикулярным осям¹⁶⁰.

Идея айванного помещения уже задолго до этого разрабатывалась в архитектуре Ирана и Средней Азии¹⁶¹. Тип двухкамерного святилища с квадратной внутренней целлой-наосом и открытым во двор айванным вестибюлем-пронаосом имел на Востоке длительную историю и во вполне развитом виде представлен в парфянском культовом строительстве, в том числе и на территории Гандхары (храма в Джандиале). В этом плане можно, в частности, также указать на Кухи-Ходжа первого периода (по Херцфельду — I в. н. э.) — интересный пример уже двухайванно-дворовой композиции, а хорезмийский Калалы-Гыр демонстрирует пример четырехайванной композиции уже в ахеменидское время¹⁶².

Устройство такого рода помещений распространено и в Индии. Это нашло отражение в «Винае». Там говорится, что святилища устраиваются с четырех сторон от ступы и что они украшаются изображениями¹⁶³. Представляется, что постепенно проходы обходного коридора, которым с самого начала еще в древнейших оградах придавалось особо важное значение, на севере, т. е. в Афганистане и Средней Азии, стали закрепляться не воротами торана, а айванными помещениями.

¹⁵⁸ Govinda A. B. Some aspects of stupa symbolism. P. 4, 7. Впрочем, этот термин иногда трактуют как «террасы ступы». См.: Harakawa A. The rise of Mahāyāna Buddhism and its relationship to the worship of stūpa // MDTB. No. 2. 1963. P. 92.

¹⁵⁹ Bailey H. W. Buddhist sanskrit // JRAS. 1955. P. 20.

¹⁶⁰ См.: Marshall J. R., Konow S. Excavations at Sarnath 1908 // ARASI: 1907—1908. 1911. P. 64—65. Pl. XI, XVIII. В этом отношении интересна и Dharmarajikā stūpa в Таксиле, см.: Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 234—241; vol. 3. Pl. 45.

Как пишет А. Г. Лонгхурст, в помещении главной ступы Nagājunikonda тропа для процессий, обходящих ступу, была оформлена стеной, окружающей ступу, которая заняла место прежней столбчатой ограды, см.: Longhurst A. H. Excavations at Nagājunikonda // Annual bibliography of Indian archaeology for the year 1930. Leiden, 1932. P. 1.

¹⁶¹ Материал по этому вопросу собран в указанных выше работах В. Л. Ворониной, В. А. Нильсена, Г. А. Пугаченковой и др. См. также: Ghirshman R. Iran: Parthians and Sassanians. London, 1962. P. 36, 125, 139—140, 181; Reuther O. Sāsānian Architecture... P. 534—536.

¹⁶² Hopkins G. The Parthian Temple // Berytus. Vol. 7. Fasc. 1. Copenhagen, 1942. Pl. 2—4; Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 222—224; Vol. 3. Pl. 44/a; Herzfeld E. Iran in the Ancient East. P. 292. Pl. XCVIII.

¹⁶³ Уже в гандхарское время появляются ступы, украшенные рядами Будд, а также ступа с нишами для скульптурных изображений Будд. См.: Franz H. G. Der Stūpa mit Kultsische // ArAs. Vol. 23/3—4. 1960. S. 239—253.

Так переплетение двух традиций — индийской и среднеазиатско-хорасанской — привело к созданию четырехайванно-дворовой композиции.

В качестве составной части в аджинатепинскую ограду входят небольшие целлы — вместилища скульптур и миниатюрных ступ.

Появление рядом друг с другом камер-святилищ, одни из которых содержат миниатюрную ступу, другие — скульптуры, отражает победу компромиссного решения вопроса о том, что должно олицетворять Будду. Как известно, в истории буддизма существовало течение, сторонники которого верили, что чайтья (caitya) Будды может быть лишь что-либо символическое, например ступа, и монастырское святилище со ступой называлось caitya-ghara. Другие же считали, что памятником может быть изображение. Prathima святилище с изображением Будды называлось Buddha-ghara. В монастырях Нагарджунаконды уже в III в. имелись расположенные рядом святилища типа caitya-ghara и Buddha-ghara. Многочисленными изображениями украшались сами ступы. Монахи Аджина-тепа, как явствует из наших раскопок, отнюдь не относились к лагерю «консерваторов». Следует отметить, что со II—III вв. н. э. в северо-западной Индии появились квадратные или полигональные ограды, состоявшие из целл со скульптурами. Этот прием, но уже не самостоятельно, а в качестве дополняющего коридорно-айванную систему применен и на Аджина-тепа.

В самой Индии развитие этой схемы шло отличным путем, но в некоторых отношениях не без сильного параллелизма (может быть, влияния?) со среднеазиатской архитектурной школой (мы имеем в виду индуистскую и буддийскую религиозную архитектуру)¹⁶⁴. Она напоминает нашу систему, причем в некоторых случаях имеет айваны. Очень любопытны в этом плане святилища некоторых буддийских сооружений в Индии¹⁶⁵. Они имеют вид квадратных целл с очень коротким вестибюлем, отделенным от целлы пилонами, т. е. айванные помещения того же типа, что и аджинатепинские. Вполне выработанное двухкамерное айванное святилище в буддийской архитектуре встречается в Хадде, в комплексе Багх-Гаи. Здесь центральную часть вихары В.56 занимает двухчастное помещение. Квадратная целла (3,2 × 3,2 м) двумя пилонами отделяется от глубокого (2,8 м) и узкого (1,8 м) айванного помещения, открытого наружу. В центре целлы — ступа. Стены святилища снаружи и внутри украшены пилястрами, арками, скульптурой и живописью¹⁶⁶.

Перейдем к вопросу о двухчастной схеме Аджина-тепа — характерной особенности его архитектурно-планировочного облика. Двухчастная схема может восходить к типу монастырского святилища, чрезвычайно ярко выраженному в Тахти-Бахи (или Бахти-Бахаи) в области Гандхары, примерно в 45 км к северо-востоку от Пешавара¹⁶⁷ (около II в. н. э.). Ядро сооружения состоит из расположенных на одной оси двух прямоугольников, но не соприкасающихся, а разделенных промежутком. На юге, в центре прямоугольного двора, располагается ступа. По трем сторонам двора чередуются ниши и маленькие открытые во двор камеры, где помещались вотивные ступы и ниши со скульптурами Будды. Северная стена гладкая, в ней

¹⁶⁴ Coomaraswamy A. K. History of Indian and Indonesian art. London; New York, 1927. P. 78–80; Brown P. Indian architecture (Buddhist and Hindu periods). 4th ed. Bombay, 1959. P. 47–48, 62–63; Kramrish S. Indische Kunst. Traditionen in Sculptur, Malerei und Architektur. Köln, 1956. S.16–17; Rowland B. The Art and Architecture of India... P. 123–124. Fig. 16.

¹⁶⁵ Daya Ram Sahni. Sahôth // ARASI: 1907–1908. Pl. XXXIV, XXXVI.

¹⁶⁶ Barthoux J. Les fouilles de Hadqda. I. P. 160–167. Fig. 140.

¹⁶⁷ О местоположении и вариантах названия см.: Cunningham A. Report for the year 1872–1873. Calcutta, 1875 (Archaeological Survey of India. Vol. 5). P. 24, 35.

имеется проход в промежуточную часть, где также были святилища. Севернее — второй прямоугольник (собственно, квадрат со стороной 19 м), двор, с трех сторон окруженный кельями (это собственно монастырь). А. Каннингхэм на основании сообщения Сюань-цзана предположил, что они были двухэтажными и что в монастыре проживало 34–38 монахов. Стены гладкие и неукрашенные. За пределами этого двора находились зал для собраний и служебные помещения¹⁶⁸.

Разумеется, это лишь исходная точка для развития несравненно более компактной и во многом иной композиции, известной по Аджина-тепа. Следующий шаг в эволюции этой схемы представлен, как мы считаем, монастырем Багх-Гаи в Хадде. Он расположен ближе к Бактрии-Тохаристану; хронологически он также является промежуточным между Тахти-Бахаи и Аджина-тепа. Как известно, памятники Хадды суммарно датируются многими последователями III–V вв. н. э. (попытки более узкого определения возраста монастыря Багх-Гаи нам не известны).

В Багх-Гаи обе части монастыря вплотную сомкнуты. Он прямоугольный по внешнему контуру (82 × 40 м), незначительно меньше Аджина-тепа. Характерно также точное совпадение ориентации этих двух сооружений. Внешние углы охвачены круглыми башнями. Вход в северную (монастырскую) половину — в северо-западном углу, с одной стороны он фланкирован дополнительной башней. По периметру почти квадратного двора имеются кельи (средний размер 2,60 × 3 м).

В середине юго-восточной стороны располагался вход в южную половину, в центре которой находилась главная ступа, подъем на нее осуществлялся с юга. Вдоль стен подквадратного двора этой части сооружения располагались ниши, в которых помещались статуи, а также две целлы с миниатюрными ступами: они образовывали ограду главной ступы. Вокруг главной ступы находилось множество миниатюрных. В середине юго-юго-восточной стены комплекса, напротив подъема на ступу, был еще один вход снаружи (кроме указанного выше входа в северо-западном углу)¹⁶⁹. Следует напомнить, что в Аджина-тепа монастырская часть является южной, тогда как в Тахти-Бахаи и Багх-Гаи — северной.

Чрезвычайно близка монастырю в Багх-Гаи сангхарама в Санхао (Sanghao), состоящая из двора с кельями и непосредственно примыкающего к нему меньшего по размерам двора, в центре которого — ступа. Подъем на ступу находится со стороны прохода, соединяющего дворы. Размеры около 77 × 35 м¹⁷⁰. Такие памятники существовали и в левобережном Тохаристане. Следует указать на буддийский монастырь, обнаруженный в 1936 г. при ирригационных работах в окрестностях Кундуза и вскоре обследованный Акэном. Судя по рельефу, здесь было два квадратных двора. Один из них имел 50 м в стороне, к нему с юго-востока примыкал второй, меньший по размерам, имевший длину сторон 30 м — это, по мнению Акэна, маленькая sangharama. По периметру дворов шли помещения. В северном дворе, в середине, — большой холм, явно скрывающий ступу. Памятник раскопан очень незначительно — всего три помещения. Одно из них квадратное (3 × 3 м) с tromпами в углах и рельефной полочкой, над которой начинается купол. В помещениях были ниши, частично покрытые алебастровой штукатуркой и разноцветной живописью, которая присутствовала и на стенах. Здесь была собрана

¹⁶⁸ Cunningham A. Report for the year 1872–1873. P. 23–36. Pl. VI–X; Spooner D. S. Excavations at Takht-i-Bāhi // ARASI: 1907–1908. P. 132–148; Hargreaves H. Excavations at Takht-i-Bāhi // ARASI: 1910–1911. 1914. P. 33–39. Pl. XVII–XXII; Brown P. Indian architecture. P. 33. Pl. XXXIII.

¹⁶⁹ Barthoux J. Les fouilles de Hadqda. I. P. 13–14, 144–146 et plan.

¹⁷⁰ Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. I. P. 159–160. Fig. 62 (данные о датировке не приводятся).

великолепная коллекция скульптуры. Датировка все еще неясна, но наиболее вероятны III–IV вв. н. э.¹⁷¹

Таким образом, к III–V вв.¹⁷² здесь уже существовал комплекс с вихарой и сангхарамой¹⁷³. Другими словами, стены и ниши сохранили тот тип буддийского сооружения, который представлен в изученной нами Аджина-тепа. В хотано-сакской легенде о Канишке (Kaniska) (текст VIII–X вв.) содержится пророчество Будды, согласно которому царь должен выстроить целую сангхараму вместе с огромной ступой¹⁷⁴. По-видимому, такой комплекс в то время был вполне обычным.

Итак, Аджина-тепа являлась буддийским сооружением, объединявшим в себе функции ступы и вихары, т. е. монастырем. Помещение XII скорее всего было залом для религиозных собраний монахов (upasthana-sala), который рассматривался как символ сангхи (буддийской монашеской конгрегации)¹⁷⁵. Несколько келий было обнаружено на юго-восточном фасае. При полном раскрытии памятника можно ожидать, что их число достигнет полутора десятков. Количество это очень незначительно. Однако оно не должно нас смущать. В Китае в период 317–420 гг. в среднем монастыре было по 13 монахов, в столичных монастырях в начале IV в. — по 20 монахов¹⁷⁶. Разумеется, существовали и более крупные монастыри (в Индии

¹⁷¹ Hackin J. Fouilles du Kunduz // MDAFA. T. 8. 1959. P. 19–21. Fig. 48–62; Stern Ph. Avanpropos // Ibid. P. 11. См. также: Barger E., Wright Ph. Excavations in Swat and explorations of the Oxus territories of Afghanistan. A detailed report of the 1938 expedition // MASI. No. 64. 1941. P. 44–45.

¹⁷² Уже в переводах, выполненных Дхармапракшей (работал с 266 по 309 г. н. э.), а затем Кумарадживой и Фа-Сянем, на санскрите термин «ступа» иногда передается его китайским эквивалентом; в других случаях эти переводчики понимали «ступу» как комплекс, включающий в себя собственно ступу, а также место обитания монахов, залы-святые и др. См.: Hirakawa A. Op. cit. P. 89–91. Впрочем, такое сочетание, быть может, появилось и раньше, как явствует из одного выражения в надписи на кхароштинском «Львиной капители» из Матхуры, кстати, говорящей о памятниках, связанных с учением сарвастивадов — школы, которая господствовала и в среднеазиатском буддизме («Ступа и сангхарам» — см.: Konow S. Kharoshthi Inscriptions with the Exceptions of Those of Asoka. Calcutta, 1929 (Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. 2/1). P. 49), и из надписи на реликварии из Shāh-jī-ki Dheri, датированной первым годом Канишки, также «в согласии с учением сарвастивадов» (см.: Konow S. Op. cit. P. 137). О первоначальном значении терминов «вихара» (vihara) и «сангхарам» (sanghrama) и последующей эволюции вкладываемого в них содержания см.: Dutt S. Buddhist monks... P. 58–60, 64, 93–97; Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 232–233.

¹⁷³ Общие вопросы истории ступы и вихары, возникновение их комбинации, объединение их в сангхараме и развитие того типа, что описан выше, были рассмотрены А. Фуше, который назвал это единство sangharama dea collinea, т. е. «склеенная (составная. — Б. Л., Т. 3.) сангхарам». Те сооружения, где обе части сомкнуты, он называет «простым типом», описывает и осложненные варианты (Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. I. P. 158–177). См. также: Govinda A. B. Some aspects...; Przyluski J. The harmika and the origin of the Buddhist stupa // IHQ. Vol. 11. 1935; Coomaraswamy A. Symbolism of the dome // IHQ. Vol. 14. 1938; Bareau A. La construction et le culte de la stupa d'après les Vinayapitaka // BEFEO. T. 50. Fasc. 2. 1952; Benisti M. Étude sur la stupa de l'Inde ancienne // BEFEO. T. 50. Fasc. 1. 1960; Hirakawa A. Op. cit.; Irwin J. The stupa and cosmic axis: the archaeological evidence // South Asian Archaeology, 1977. Vol. 2. Naples, 1979; The Stupa: Its Religious, Historical and Architectural Significance / ed. by A. L. Dallapiccola in collaboration with S. Zingel-Avé Lallemant. Wiesbaden, 1980 (Beiträge zur Südasiensforschung. Bd. 55).

О терминах для обозначения буддийских святынь и их реальном значении см.: Dutt S. Buddhist monks and monasteries of India. London, 1962. P. 58–65, 95–96, 203. В одной из надписей на кхароштинском сообщается о «сангхараме Махасены в вихаре Канишки» (Annual bibliography of Indian archaeology. Vol. XI for the year 1936. Leiden, 1938. P. 7–8). Материалы последующих археологических работ позволяют уточнить и конкретизировать пути развития этого буддийского сооружения.

¹⁷⁴ Bailey H. W. Viśa Samgrāma // AM. NS. Vol. 11. Pt. 2. 1965. P. 108.

¹⁷⁵ О характере этого помещения и его функциях, основных и дополнительных, см.: Foucher A. Op. cit. P. 163; Dutt S. Op. cit. P. 60, 92; Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 233.

¹⁷⁶ Zürcher E. The Buddhist conquest of China. The spread and adaptation of Buddhism in early medieval China. Vol. 1. Leiden, 1959. P. 255.

в начале VIII в. известны монастыри с 500–600 монахами)¹⁷⁷. В Тохаристане же, если исходить из данных Сюань-цзана¹⁷⁸, монастыри насчитывали от 30 до 100 монахов. По-видимому, Аджина-тепа являлась монастырем с небольшим числом монахов.

Чрезвычайно существенно, что двухчастная четырехайванно-дворовая композиция пережила среднеазиатский буддизм, утратила свою культовую принадлежность, лишившись вместе с тем, естественно, и ступы, и воплотилась уже в караван-сараях XI–XII вв., остатки которых сохранились на пути из Мерва в Амударью: это Акча-Кала и другой, расположенный у средневековой «станции» Мансаф. Г. А. Пугаченкова отмечает, что подобной планировки нет ни в Мавераннахре, ни на Ближнем Востоке, и предполагает, что здесь произошло «удвоение» дворов¹⁷⁹. Как теперь ясно, эти расположенные на пути из Тохаристана в Мерв караван-сарай на самом деле донесли до нас позднюю и трансформированную реплику планировочной схемы, существовавшей в Тохаристане уже за полтысячелетия до того. Что же касается одинарной четырехайванно-дворовой композиции, то она выступает в памятниках X–XII вв. в Северном Хорасане и получает дальнейшее развитие и распространение в последующие века. Один из ранних ее примеров в Мавераннахре¹⁸⁰ — здание (мечеть?) X в. на цитадели Варахши, другой — комплекс XI в. в селении Саят в Шаартузском районе (Южный Таджикистан). О. Грабар высказал глубокое суждение о том, что вообще характерной чертой «мусульманского» искусства является «гибкость». Под этим он имеет в виду, что Рабат и караван-сарай имеют одинаковый план, однако идентичные декоративные элементы и техника применяются для совершенно различных целей. «В этих случаях различия в употреблении и назначении определяются не сооружениями, но деятельностью, имевшей место в каждом из них. Это доминирование человеческой жизни и социальных нужд также объясняет, почему едва ли не все типы исламских памятников были легко приспособлены для использования по различному назначению»¹⁸¹. Эта «гибкость», безусловно, была характерной чертой и в процессе формирования «мусульманской» архитектуры, в том числе и в Средней Азии.

Одним из древнейших сохранившихся образцов средневекового воплощения четырехайванно-дворовой композиции является медресе Низамийе в Харджирде (конец XI в.). Случайность ли, что в числе первых культово-мусульманских зданий четырехайванной композиции есть медресе? По-видимому, нет. В. В. Бартольд уже давно высказал мысль о возможной связи между буддийским монастырем и мусульманским медресе. Он писал: «Высшие мусульманские духовные училища — медресе появились на восточной окраине халифата раньше, чем в его центральных и западных областях; очень вероятно, что ислам в этом отношении находился под влиянием буддизма и что родиной медресе были местности по обе стороны Амударьи, примыкавшие к Балху, где буддизм сохранял господство до мусульманского завоевания»¹⁸².

¹⁷⁷ Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 440.

¹⁷⁸ Beal S. Buddhist records of the Western world. London, 1906. Vol. 1. P. 39–40, 44–46.

¹⁷⁹ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 225–230. Э. Херцфельд, к сожалению, не сообщает данных о датировке караван-сарая в области Бурджан, в районе селения Дастгирд. Он лишь приводит план этого двухчастного четырехайванного сооружения. См.: Herzfeld E. Damascus: Studies in Architecture. P. 228. Fig. 7.

¹⁸⁰ Нильсен В. А. Варахшская цитадель // ТИИААНУЗССР. Вып. 7. 1956. С. 66. Рис. 18.

¹⁸¹ Grabar O. The formation of Islamic art. New Haven; London, 1973. P. 209.

¹⁸² Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 30. В настоящее время мнение о восточном происхождении медресе является общепризнанным. См.: Frye R. N. The His-

Несмотря на прямое свидетельство Наршахи (под 937 г.) о наличии медресе в Бухаре, Р. Фрай полагает, что в X в. в Бухаре медресе еще не существовало, а сообщение источника рассматривает как анахронизм¹⁸³. Он думает, что если медресе и появилось к самому концу саманидской династии, то являлось нововведением¹⁸⁴. Вместе с тем этот ученый считает, что в Бухаре были одни из наиболее древних, если не самые древние высшие духовные учебные заведения и что именно Бухара, скорее чем Балх, являлась родиной медресе. По мнению Р. Фрая, когда Низам аль-мульк устраивал знаменитое Низамийе в Багдаде, он просто копировал бухарские образцы¹⁸⁵. Не все предположения Р. Фрая кажутся нам убедительными, но они заслуживают рассмотрения. Мы полагаем, что сопоставление данных Наршахи с сообщениями авторов конца X — начала XI в. ясно показывает, что медресе в Бухаре могло существовать уже в X в.

Недостаточно обоснованным вместе с тем является предположение, что именно Бухара была родиной медресе. Накопленный археологический материал, историко-архитектурные соображения и, наконец, ставшие теперь известными сообщения Хой Чао позволяют считать правильным мнение, высказанное в свое время В. В. Бартольд, о том, что родиной медресе является Тохаристан, тохаристанские владения Саманидов.

В. В. Бартольд указывал, что в источниках термин «медресе» не встречается ранее X в., «притом в это время он, по-видимому, употреблялся только в восточных областях и только во второй половине XI в. был перенесен на запад». В. В. Бартольд подчеркивает, что первое упоминание о медресе связано с Бухарой (937 г. — медресе Фарджек), затем уже во второй половине X в. упоминаются «изящные» медресе Нишапура, медресе Мерва и т. д. Абу-ль-Фазл Бейхаки в связи с событиями 1026 г. сообщает, что в области Хутталъ было более чем 20 медресе. Именно на этом сообщении В. В. Бартольд особенно акцентирует внимание, видя в нем одно из доказательств возможной связи буддийского монастыря и медресе, так как область Хутталъ тяготела к Балху с его буддийскими монастырями¹⁸⁶. Опубликованный уже после смерти В. В. Бартольда текст Хой Чао прямо свидетельствует, что еще в VIII в. (726 г.) на территории самого Хутталъ было «много буддийских монастырей», на это указывают и некоторые топонимические данные.

Таким образом, Аджина-тепа с ее четырехайванно-дворовой композицией может рассматриваться не только как исходный пункт развития этой важнейшей (для последующего более чем тысячелетнего периода) архитектурно-планировочной схемы, но и, что не менее, а может быть, более важно, как существенный аргумент в пользу генетической связи мусульманской высшей богословской школы — ме-

tory of Bukhara. Cambridge (Mass.). 1954. P. 120. N. 102. О ранней истории медресе см.: Pedersen J. Some aspects of the history of the madrasa // Islamic Culture. Vol. 3. No. 4. Hyderabad, 1929. P. 525–537; Tritton A. S. Materials on Muslim education in the Middle Ages. London, 1957; Makdisi G. The rise of colleges: institution of learning in Islam and the West. Edinburgh, 1981. P. 102 sq.; Makdisi G. Muslim institution of learning in the eleventh-century Baghdad // BSOAS. Vol. 24. Pt. 1. 1961. P. 156; Tibawi A. B. Origin and character of al-madrasah // BSOAS. Vol. 25. Pt. 2. 1962. P. 225–238.

¹⁸³ Frye R. N. Bukhara: The Medieval Achievement. Norman, 1965. P. 131.

¹⁸⁴ Ibid. P. 132.

¹⁸⁵ Ibid. P. 189.

¹⁸⁶ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. 1963. С. 227. О хутталъянских медресе см.: Абу-л-фазли Бейхаки. История Масуда. 1030–1041 / пер. А. К. Арндса. Ташкент, 1962. С. 207.

дресе с буддийским монастырем и вероятного возникновения медресе на территории Тохаристана¹⁸⁷.

Конечно, можно выдвинуть возражение против наших тезисов: они базируются лишь на анализе нескольких десятков сохранившихся построек. В связи с этим нам хочется привести слова Э. Херцфельда: «(Археологические) исследования есть вопрос случая. Какие памятники сохранились — также вопрос случая. Здесь должно было быть много сотен медресе. Предположим, сотни дошли до нас, но и тогда было бы возможно, что те несколько сооружений, которые были необходимы, чтобы ответить на наши вопросы, как раз уничтожены. Никогда нельзя решить исторические проблемы (напомним, что Херцфельд говорит о проблемах истории архитектуры, которые рассматриваются, как правило, на единичных сохранившихся объектах. — Б. Л., Т. 3.) статистическим методом. Здесь нет другого пути, кроме выбора из материала, который сохранился, нескольких образцов, имеющих значение. Чтобы избежать ошибок в выборе, необходимо четко очертить границы проблемы»¹⁸⁸.

Арсенал архитектурных средств и приемов, которыми владел (и владел мастерски) зодчий — строитель Аджина-тепа, был очень велик и разнообразен. Выше мы охарактеризовали некоторые из них. Следует добавить, что в построении плана комплекса чувствуется строгая соразмерность, ритмика чередования квадратных и прямоугольных помещений. Бесспорно, в основе замысла плана лежал квадрат, ибо весь комплекс состоит из двух замкнутых квадратных сооружений, соединенных друг с другом. Квадратными были и осевые помещения (за исключением одного), игравшие особо важную роль в ритуальной жизни монастыря. Разбивка этих помещений произведена с особой точностью. Несомненно, здесь мы видим раннее проявление тех принципов, которые, как доказал М. С. Булатов, нашли полное развитие в средневековом зодчестве Средней Азии (см. об этом выше)¹⁸⁹. Зеркальная симметричность и удивительная точность построения плана наводят на мысль, что зодчий вначале создал проект (хотя бы эскизный) этого сооружения, лишь затем была произведена разбивка на местности.

В специальной историко-архитектурной литературе оживленно дебатировался вопрос о модуле, применявшемся в памятниках среднеазиатского зодчества в различные периоды, о строительном гязе и их соотношениях. В. Л. Воронина считает, что в доарабское время мера длины колебалась в пределах 100–110 см¹⁹⁰. По мнению некоторых исследователей, в IX–XVII вв. строительный гяз и модуль были увязаны между собой: модуль является кратным гязу или равен ему¹⁹¹.

¹⁸⁷ Следовательно, медресе в архитектурном плане представляло собой не просто комбинацию «индубуддийского монастыря, с одной стороны, и хорасанского айвана — с другой» (см.: Diez R. Architecture des mosques... P. 431). Генезис этого типа архитектурного сооружения в действительности был много сложнее.

¹⁸⁸ Herzfeld E. Damascus: Studies in Architecture. P. 15.

¹⁸⁹ Булатов М. С. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии // ИООН АНТаджССР. Вып. 3. 1953. С. 1–20; он же. Построение архитектурной формы мавзолея Саманидов // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1962. С. 45–47; он же. Мавзолей султана Санджара // АрхНасл. Вып. 17. 1964. С. 175; он же. Мавзолей Саманидов и основы теории зодчества Средней Азии IX–X вв.: автореф. дис. Ташкент, 1965. С. 10–19; он же. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XII вв. М., 1978. С. 62 сл.

¹⁹⁰ Воронина В. Л. К вопросу о древней метрологии Средней Азии // КСИИМК. Вып. 39. 1951. С. 66.

¹⁹¹ См.: Крюков К. С. Модуль в памятниках среднеазиатского зодчества // АрхНасл. Вып. 17. 1964. С. 159.

Анализ размеров сырцовых строений, в том числе и Аджина-тепа, менее продуктивен в этом отношении, чем анализ построек из жженого кирпича. Дело в том, что многие размеры из-за плохой сохранности стен являются примерными и в этих условиях любые заключения не должны быть категорическими. Рассмотрение объемных материалов Аджина-тепа также не дает оснований для бесспорных выводов. Можно высказать предположение, что находил применение (но не универсальное) модуль, равный 1,1 м. Именно в этот модуль укладываются размеры многих квадратных и прямоугольных помещений, проемов, стен. Габариты модуля складываются из величины двух кирпичей, положенных в длину, со швом между ними. Слова же знаменитого среднеазиатского ученого XV в. Джемшида Гиясэддина ал-Каши о том, что здания, колонны и своды в постройках измеряли с помощью сырцового и жженого кирпича¹⁹², могут отражать практику не только современного ему, но и раннесредневекового строительства.

В построении интерьеров большое значение имели арки проемов и ниш. Дело не только в их функциональном назначении. Будучи соразмерны человеческому росту, они создавали своеобразную масштабную мерку, подчеркивая высоту и величественность Г-образных коридоров и крупных квадратных помещений и, напротив, «человеческие» масштабы келий и целл. Вместе с тем они разбивали монотонную гладь стеной поверхности интерьеров, вписывая в нее светлые отверстия дверных проемов и темные пятна глубоких ниш. Контраст вытянутого в горизонтальном направлении прямоугольника (или квадрата) стены и вертикальных очертаний арочных ниш (и целых аркад) усиливался, таким образом, световым контрастом. Архитектурный образ этого комплекса нельзя понять, не представив себе ярко освещенный двор, открытые в него и постепенно уходящие в полумрак осевые двухчастные помещения. Со двора монастырской половины были видны залитые солнцем стены, рассеченные темными провалами арочных входов, а по осям — громадные полукружия сводов, перекрытия восточных вестибюлей¹⁹³. Во дворе другой поло-

¹⁹² Джемшид Гиясэддин ал-Каши: ключ арифметики / пер. Б. А. Розенфельда // Историко-математические исследования. Вып. 7. М., 1954. С. 135.

¹⁹³ Твердых оснований для решения вопроса о характере перекрытия вестибюлей мы не имеем; предположение, что оно было сводчатым — одно из вероятных решений. В Восточном Туркестане известны такие крупные своды. Так, в храме Т Идикутшари зал размером 20,4 × 8,2 м был перекрыт сводом (Grünwedel A. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutshari und Umgebung im Winter 1902–1903. München, 1905 (Abhandlungen der K. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Kl. I. Bd. 24. Abt. 1). S. 38; Литвинский Б. А. Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии) // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 207).

Не менее сложен вопрос о перекрытиях крупных квадратных и прямоугольных помещений, лежащих за вестибюлями. Одно из них, помещение XII (10,25 × 9,5 м), имело четыре колонны. Можно высказать предположение, что они поддерживали деревянную конструкцию кровли типа памирских «рузан» как это, несомненно, было в Пенджикенте, где наличие такой конструкции засвидетельствовано при раскопках. См.: Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. С. 78–87. В пользу этого предположения (представляющегося нам наиболее вероятным) свидетельствует исключительно сильная обожженность стен помещения. Нельзя вместе с тем не указать и на другую возможность. Археологические разрезы показывают исключительное обилие сырцового кирпича в завале, что можно объяснить обрушением не только стен, но и конструкции. Напомним в этой связи о юго-восточном зале Кырк-Кыза — памятника VIII–IX вв. (или XIV–XV вв.). Его размеры примерно 21 × 10,8 м; по длинной оси — три массивных столба. Подпружные арки между ними, между стенами и столбами «делили» перекрытие на восемь частей. Конструкции перекрытий остаются неизвестными, — считает А. М. Прибыткова (Прибыткова А. М. Здание Кырк-Кыз как образец строительной техники IX в. // АрхНасл. Вып. 13. 1961. С. 179). Однако Б. Н. Засыпкин, видевший этот памятник в конце 1920-х гг., когда он был в гораздо лучшей сохранности, писал, что здесь было «перекрытие сомкнутыми сводами» (Засыпкин Б. Н. Памятники

вины памятника доминировала ступа, занимавшая почти все его пространство. Наружные стены помещений выглядели здесь таким же образом, как и на монастырской половине.

Мы уже говорили о горизонтальной ритмике сооружения, упоминали о ритмике ниш и целых аркад. Следует также сказать, что некоторые из наиболее важных внутренних помещений, например помещения I, XXXI, XXXIII, XXXV, были приподняты, причем значительно, над уровнем тех помещений, из которых в них вели проходы. Так как именно в этих частях здания находились многочисленные культовые скульптуры или миниатюрные ступы, это вполне гармонировало с их функциональным назначением. Причем центральное помещение I приподнято по сравнению со своим вестибюлем и со всеми помещениями соответствующего фаса. Совершенно аналогичное по устройству помещение XXXIV, находящееся на противоположной стороне комплекса на одной оси с помещением I, напротив, располагается на одном уровне со своим вестибюлем и отходящими от него коридорами. Но здесь примыкающие к центральному помещению боковые целлы имеют более высокие отметки полов. Зодчий использовал этот прием не только в интерьерах. Следует думать, что отдельные части сооружения, даже помимо ступы, были разной высоты. Общий силуэт определяли, по-видимому, более высокие осевые помещения. С бесспорностью об этом можно говорить для помещения XII, стены которого сохранились на высоту 6 м, т. е. выше шельг сводов, прилегающих сводчатых помещений, и в древности продолжались еще выше; очень вероятно, что так обстояло дело и с помещением I. Чередование горизонтальных и вертикальных объемов, очевидно, также подчинялось какому-то ритму. Тем самым в архитектурном облике Аджина-тепа строгая симметричность сочеталась с отсутствием унификации и однообразия.

При рассмотрении архитектуры Аджина-тепа мы неоднократно обращались к индийским параллелям и образцам. Естественно, что культовое буддийское сооружение, каким является Аджина-тепа, предлагает некоторые архитектурные идеи и схемы, существовавшие на родине буддизма в Индии. В «Винае», в разделе «Cul-lavagga», содержались определенные предписания, которые следовало соблюдать при сооружении монастырей; монах, следящий за этим, назывался Navakammika. Из писемных источников известно, что далеко за пределы Индии вывозились модели культовых построек, в частности монастыря в Наланде¹⁹⁴. Быть может, были они и в Средней Азии.

Некоторые из идей индобуддийского зодчества оказались продуктивными и привились в видоизмененном виде на новой почве. Следует вместе с тем со всей

архитектуры Термезского района // Культура Востока: сборник Музея восточных культур. Вып. 2. М., 1928. С. 32). На Аджина-тепа могла быть какая-то аналогичная конструкция из пересекающихся сводов (или же на первом этапе деревянная конструкция, а после пожара — сводчатая?). Что касается квадратного помещения I (7 × 7 м), то здесь можно предположить деревянную конструкцию типа «рузан», но с опорой на стены, как это было в «Красном зале» Варахши (Нильсен В. А. Варахшская цитадель. С. 51–55, 242). Но и здесь отнюдь не исключено купольное перекрытие. Мавзолей Шир-Кабир (IX–X вв.) имел сырцово-купольное перекрытие диаметром свыше 8 м (Прибыткова А. М. Материалы по зодчеству Туркмении // АрхНасл. Вып. 8. 1957. С. 150; Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Туркменистана // ТЮТАКЭ. Т. 8. 1968. С. 234). В Восточном Туркестане также известны крупные сырцово-купольные перекрытия. Так, в ступе О Идикутшари был купол диаметром 7,6, высотой около 6 м. Там же, в монастыре К, имели купольное перекрытие два помещения размером 15,65 × 15,65 м (Grünwedel A. Bericht... S. 29–31, 85. Fig. 22, 74–76; Литвинский Б. А. Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело. С. 206). Следовательно, семиметровое квадратное помещение вполне могло быть перекрыто куполом соответствующего размера.

¹⁹⁴ См.: Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand. P. 265.

определенностью сказать, что архитектура Аджина-тепа, кроме некоторых общих планировочных схем, к тому же радикально переработанных, и культовых аксессуаров, не имеет ничего общего с индийской архитектурой. Как известно, в Индии, особенно в ее равнинно-аллювиальных областях, велось строительство и из сырцового кирпича. Однако сохранившиеся от интересующего нас времени индийские постройки из сырцового кирпича немногочисленны и в целом во многом зависят от каменной архитектуры¹⁹⁵. Тохаристан же, как и вся равнинная Средняя Азия, в эпоху раннего средневековья был страной исключительного господства сырцовой архитектуры. Помещения Аджина-тепа полностью выдержаны в традициях среднеазиатской сырцовой архитектуры. Строительные материалы, архитектурные формы и конструкции — все, начиная от размера кирпича и заканчивая формой и конструкцией арок, сводов, помещений, — продукт творчества тохаристанской архитектурной школы.

В изученном нами памятнике воплотились и тесно переплелись достижения и поиски среднеазиатских зодчих с достижениями архитектурных школ соседних областей и стран. Айванные святилища и четырехайванно-дворовая планировка, двухчастная схема, сочетание камер и коридоров, свойственные кирпично-пахсовой архитектуре конструкция стен и перекрытий, строительные материалы и многое другое — все это глубоко органически слито в едином архитектурном организме. Удивительная стройность и соразмерность симметричной композиции, свободное и смелое владение архитектурными формами и элементами, которые в свете нашего анализа должны восходить к различным источникам, говорят о творческом, а не механическом усвоении разных традиций. Вместе с тем это свидетельствует о синтезе, который не мог быть проявлением гения отдельного зодчего или даже результатом деятельности целого поколения зодчих. Архитектура Аджина-тепа — результат процесса, древность которого следует исчислять веками. Анализ архитектуры этого комплекса показывает также, сколь многим обязаны зодчие эпохи развитого средневековья своим предшественникам — творцам монументальных сооружений из сырцового кирпича.

Австрийский ученый Г. Франц проследил роль архитектурно-планировочных идей Аджина-тепа (VII в.) в последующей истории буддийской архитектуры. Особенно его заинтересовал коридор для процессий (*der Prozession korridor*). Он задался вопросом, являлась ли эта система, которую он считает несомненным результатом местного развития, исключительно тохаристанским решением или следованием ведущим идеям, распространенным в остальном буддийском мире. Его концепция сводится к следующему. «Коридоры Аджина-тепа, несомненно, должны подражать культовым пещерам, которые имеются в буддийских монастырях, устраивавшихся в горных странах. Здесь эта идея была перенесена в кирпично-сводчатое строительство и воплощена в наземных постройках иного, более крупного масштаба. При устройстве этих процессиональных коридоров, несомненно, имел значение мистический элемент, который к этому времени при образовании тантрического буддизма играл большую роль».

Такие процессы в развитии буддизма отмечают, в частности, в северо-восточной Индии. Это отразилось и на архитектурных сооружениях. В огромном храме Пахарпур (Paharpur) в современном Бангладеш имеются расположенные ярусами сводчатые обходы. «В этом сооружении, — пишет Г. Франц, — начало возведения которого, несомненно, относится к концу VIII в., уже прослеживается тесная связь (собственно «сплав») между процессиональными коридорами и сердцевинной по-

¹⁹⁵ Brown P. Indian architecture. P. 39–46.

стройки — ступой в виде многих повышающихся террас. Эти коридоры служили для почитания культовых изображений Будды, расположенных по ходу движения процессии». По образцу бенгальских храмов затем сооружались террасовидные ступы и храмы в виде террасовидной башни в Бирме. В этой связи Р. Франц указывает на постройки VIII–IX вв. древней столицы в Шрикшерта. Таков, например, кирпичный обходной коридор вокруг средней части башневидной ступы — эта схема известна во многих случаях. Особенно типичны в этом отношении храмы Бебе и Лемеютха. В последнем случае обходы снабжены фигурами Будд и имеют отчетливо выраженные функции процессионального обхода, следующего от одного культового изображения к другому.

Заключение Г. Франца состоит в следующем: «Это ясно указывает, что импульс и прототип для своеобразных сводчатых процессиональных коридоров происходит из Аджина-тепа VII в. В то время как в Бенгалии и в инспирированных оттуда террасовидных сооружениях Бирмы эти коридоры связаны в одно целое со ступой, на Аджина-тепа они отделены и обводят двор со ступой. Идея, однако, одна и та же»¹⁹⁶.

Учитывая, что эта тема проникла и в китайскую буддийскую архитектуру, можно утверждать, что Аджина-тепа сыграл очень важную роль в развитии всего буддийского зодчества.

¹⁹⁶ Franz H. G. Buddhistische Kultstätten in Sowjetisch-Zentralasien: Bemerkungen zu neueren Ausgrabungen der Sowjetischen Archäologie // *Afghanistan Journal*. Jg. 4. Ht. 2. Graz, 1977. S. 69–71. См. также: *id.* Pagode, Turmtempel, Stupa. Graz, 1978; *id.* Von Gandhara bis Pagan: Kultbauten des Buddhismus und Hinduismus in Süd- und Zentralasien. Graz, 1979 (рецензии Б. А. Литвинского на эти книги см.: Народы Азии и Африки. 1981. № 1. С. 227–231).

Глава III

ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА

В процессе раскопок Аджина-тепа из земли было извлечено большое количество памятников искусства: скульптур, рельефов, настенной живописи и их фрагментов. Степень сохранности их весьма различна: среди них имеются совершенно целые или с небольшими утратами памятники и мелкие фрагменты, историко-художественная ценность которых сравнительно невелика.

В первую очередь проводилась камеральная реставрационно-консервационная обработка малофрагментированных объектов; остальная часть материала еще ждет окончательной обработки. При этом удалось полнее осуществить обработку скульптуры; камеральная обработка настенной живописи осуществлена в меньшей степени. Все это предопределило характер нашего изложения. Мы были вынуждены отказаться от издания полного каталога найденных при раскопках памятников искусства и дать описание лишь избранных, наиболее характерных памятников. Описание их дается по помещениям.

Живопись

Описание

Помещение I (святилище)

По-видимому, первоначально росписи покрывали стены помещения I на всю их высоту, а также вертикальные плоскости постаментов для скульптуры. Однако в завале над полом встречено сравнительно небольшое количество упавших фрагментов росписей. При этом почти все они лежали в нижней части скульптурного завала, непосредственно на полу. *In situ* на стенах живопись сохранилась лишь на нескольких небольших участках (в частности, в северном углу помещения), и по высоте эти непотревоженные участки стен не выходят за верхнюю границу скульптурного завала.

Судя по небольшому количеству фрагментов живописи, найденных в завале и сохранившихся *in situ* на участках стен, погребенных завалом, к концу «монастырского» периода жизни здания на стенах святилища сохранилась лишь незначительная часть первоначальной живописи. В этом повинны и время, и конкретная история данного монастыря (в частности, те ремонтные работы, которые велись на последних этапах «монастырского» периода). Вероятно, когда первичные изобра-

жения стали портиться, у монастыря не было художников, которые могли бы переписать рисунки на стенах на том же художественном уровне, на каком они были выполнены изначально. В результате до нас дошли совершенно разные по качеству куски, явно принадлежавшие мастерам с неодинаковым профессиональным уровнем.

Бесспорным доказательством «подновления» живописи на последующих этапах является самый большой из сохранившихся на стене участков росписи (1/р-1). Он расположен в северном углу помещения I

Рис. 34. Фрагмент росписи 1/р-1. Помещение I

узкой суфой и примыкает к левому от входа постаменту (рис. 34). Несмотря на плохую сохранность, контур первоначальной росписи можно проследить. Ее можно реконструировать как бордюр из кругов диаметром 22 см, оконтуренных цепочкой белых перлов на черном фоне, которые ограничены с каждой стороны двумя тонкими черными линиями. К сожалению, рассмотреть, чем было заполнено пространство внутри круга, невозможно, так как оно замазано слоем белого ганча, по которому нанесен рисунок второго слоя росписи. Последний отличается от более раннего рисунка своей небрежностью, отсутствием четкости линий, худшим качеством краски и исполнения. Хотя участок верхнего слоя росписи сохранился на довольно большой площади (50 × 50 см), установить, что на этом фрагменте изображено, невозможно. Можно только различить отдельные детали. Возможно, мастер, производивший ремонт, пытался повторить какие-то мотивы росписей нижнего слоя: здесь тоже есть цепочки перлов, ограниченные линиями, но выполненные на более низком художественном уровне. Перлами окаймлен небольшой участок, заполненный стилизованным растительным узором. Какой-то цветок (или пучок листьев?) виден в левом нижнем углу фрагмента. В нижней части рисунка явно различима левая рука, протягивающая вперед неясный предмет (возможно, чашу). Сохранились кисть, запястье руки и манжет рукава. Значительно хуже видна линия профиля лица этой же фигуры — от лба до верхней губы. Таким образом, фигура этого рисунка (точнее, ее верхняя половина) на верхнем слое живописи занимала угол над маленькой суфой.

В верхней части фрагмента видны 3–4 горизонтальные полосы, каждая из которых разделена поперек короткими перемычками в форме катушек. В рядах эти «катушки» расположены в шахматном порядке.

Остатки росписей были расчищены на отдельных небольших участках также в восточном и западном углах помещения. Но сохранность этих росписей такова, что рисунок неразличим и можно констатировать только присутствие отдельных цветных пятен (голубая и красная краска). Выступившие на поверхности при подсыхании кристаллики соли довершили разрушение этих росписей.

Значительно менее засоленными оказались фрагменты штукатурки с росписью, лежавшие в завале над полом. Судя по технике письма, большая часть из них относится к живописи нижнего слоя и, несомненно, представляет собой часть

Рис. 35. Женская голова
(фрагмент росписи I/p-2).
Помещение I

сюжетной композиции. На одном из крупных фрагментов (21 × 19 см; рис. 35; табл. 1, 2) — изображение изящной женской головы (в 1/2 натуральной величины), повернутой на три четверти (I/p-2). Черты лица тонкие, правильные. Слева волосы локонами спускаются на ухо, по правому плечу змейкой вьется коса. От сложного украшения в волосах сохранилась только часть его над левым ухом. В ушах — крупные свернутые спиралью серьги. Головное украшение и серьги окрашены в желтый цвет и, видимо, должны были восприниматься как золотые. От одеяния сохранилась только часть ворота. Возможно, оно имело глубокий круглый вырез. Край ворота оторочен рядом перлов, на ткани платья были изображены цветы.

В восточном углу, у нишки левого (от входа) постамента в завале был найден еще один фрагмент штукатурки с росписью (I/p-3). На нем было изображено в такой же графической манере другое женское лицо, выполненное в 1/4 натуральной величины (размеры фрагмента — 18 × 12 см; табл. 1, 1). Голову окружал двуцветный (розово-голубой) нимб.

Худший по сохранности, но более крупный фрагмент (I/p-4) стеной росписи (48 × 33 см) был обнаружен в завале на полу в центре святилища. На нем можно различить нижнюю часть лица в натуральную величину, расположенного почти строго анфас. По-женски округлый подбородок опирается на короткую полную шею, пересеченную поперек глубокими складками. Одевание с глубоким вырезом; поле ткани украшено крупными цветами сложного рисунка. На шее — ожерелье из крупных круглых бусин. Правая рука прижата к груди, пальцы касаются бусин ожерелья. В ушах — спиралевидные серьги.

На всех остальных фрагментах росписей, которые были встречены в завале над полом помещения I, сохранились лишь отдельные детали фигур (части нимбов, костюма и т. п.).

Росписью были покрыты и плоскости пристенных постаментов. Торцовые стенки последних (как можно судить по правому от входа постаменту) покрывались орнаментальной росписью, а фасадные стенки украшались живописью сюжетного характера. К сожалению, плохая сохранность не позволяет полностью установить их содержание. На фасадной стенке правого постамента отчетливо различима сидящая с поджатыми ногами мужская фигура (фр-т I/p-5; рис. 36). Голова не сохранилась, но хорошо видны ворот одеяния и согнутые в локте правая и частично левая руки. Кисти слегка приподняты в каком-то жесте, белая одежда на запястьях собралась складками. На талии — пояс, с которого вниз спускается несколько

Рис. 36. Фрагмент мужской фигуры (I/p-5)

коротких ремешков сероватого цвета. Возможно, один из «ремешков» спереди — это ножны короткого кинжала. Одежда на ногах собрана в густые складки между бедрами и на голени. Ноги босые. На шее заметны остатки ожерелья из бусин желтого цвета. Остальные детали в изображении фигуры различимы плохо. Рисунок выполнен четкой линией и контрастно выступает на цветном фоне фасадной плоскости постамента: фигура показана на фоне половины семилепестковой розетки (лотоса?), внутреннее пространство которой заполнено еще двумя вписанными одна в другую розетками меньшего диаметра, а также цветами и листьями. Цветы и побеги распознаются и непосредственно позади фигуры. Контур рисунка исполнен тонкой черной линией по белому фону и небрежно заполнен ярко-синей и черной краской.

Несомненные следы ремонта в «святилище» обнаруживаются на самом постаменте: первоначальная поверхность ступени вдоль его фасада была заново оштукатурена.

На юго-восточном торце правого постамента — орнаментальная роспись из сетки белых «горошин» на ярко-красном фоне (I/p-6). В точке пересечения вертикальных и горизонтальных рядов — по четыре дополнительных «горошины», образующих (вместе с «горошинами» рядов) восьмилепестковый цветок.

Похожие цветы, но только состоящие из шести «горошин»-лепестков и рассыпанные на ярко-синем фоне, были расчищены на внутренней поверхности четвертькупольной нишки постамента. Штукатурка этой нишки оказалась двуслойной. Орнаментальная роспись с шестилепестковыми цветами на синем фоне была определена как вторичная (I/p-7), нанесенная во время ремонта помещения. Первоначальную роспись удалось зафиксировать лишь на нескольких небольших участках ниши, где под ганчевой обмазкой верхнего слоя проглядывали остатки красновато-коричневой краски. Невозможно решить, была ли первоначальная роспись торца также орнаментальной или сюжетной.

Торец правого постамента, обращенный ко входу в помещение (северо-западный), тоже сохранил остатки росписи времени ремонта. В основе рисунка — геометрическое переплетение синих и красных лент, оконоуренных тонкой черной линией.

Роспись на левом (от входа) постаменте сохранилась значительно хуже. Как позволяют судить ее остатки, и этот постамент подвергся ремонту.

Белая ганчевая штукатурка, нанесенная поверх нее розовая и красная краска покрывали поверхность нижних ступеней постаментов, центральный постамент, узкие угловые суфы и, наконец, поверхность пола помещений. Для защиты пола от повреждений он был устлан, по-видимому, какими-то циновками. Их перегнившие остатки тонким коричневым слоем покрывали пол помещения, плоскости нижних ступеней крупных постаментов, а также поверхности низких угловых суф в дальних от входа углах «святилища».

Помещение XXII

Остатки живописи были расчищены на стене коридора, примыкающей ко двору (XXII/p-1; рис. 37). Поскольку сохранность ее плохая, была сделана прорисовка отдельных ее участков и снят наиболее сохранившийся фрагмент. Фон росписи — синий.

В центре композиции различима часть лица большой (несколько больше натуральной величины) фигуры Будды. Нимб, окружающий ее голову, трехцветный: желтый, голубой, розовый (последовательность полос от головы к наружному краю). Голова чуть повернута влево, миндалевидные глаза скошены вбок. На голове — ушниша, волосы черные. Вокруг фигуры видны остатки мандорлы и красного плаща. Другие детали не различимы.

С описанным изображением непосредственно связана маленькая фигурка (в 1/2 натуральной величины), расположенная в левом верхнем углу от большого Будды. От нее сохранились голова, плечо, левая согнутая в локте рука, кисть которой опущена в сторону большой фигуры. Лицо на 3/4 повернуто в сторону главной фигуры, и взгляд направлен на нее. Разрез глаз и их рисунок несколько иной: они более округлые, кажутся выпуклыми. Верх прически этой фигурки не сохранился: видны только прядь, опускающаяся двумя локонами над правым виском, и длинная черная прядь, лежащая на левом плече. В ухе было какое-то украшение, нижняя часть которого опускается до плеча. Брови вразлет, переданы тонкой черной линией каждая. Одежда видна только на левом плече. Она белого цвета, складки подчеркнуты красными линиями. Голову окружает золотисто-желтый нимб.

Рядом с этой фигурой была изображена еще одна, но от нее сохранились только трехцветный нимб (розовый фон, ограниченный синим и желтым кольцами) и остатки черных волос. Судя по расположению волос, лицо этой фигуры было также обращено к большому Будде этой росписи. Различимы остатки одеяния этой фигуры: оно имело треугольный вырез, было красного цвета, а складки изображены тонкими черными линиями.

Коридор XXVII

Вся внутренняя поверхность свода над этим коридором некогда была расписана. Остатки росписей встречались во время раскопок по всей длине коридора, в обоих коленах его, на разной высоте от уровня пола. Последнее обстоятельство показывает, что кровля коридора рушилась постепенно и не сразу после того, как монастырь был оставлен его обитателями.

Самые крупные по площади участки росписей были найдены довольно высоко над полом. Главным элементом росписи потолка было изображение сидящего Будды, рукам которого приданы различные положения (мудра). В каждом крыле свода было не менее пяти горизонтальных рядов таких изображений, разделенных горизонталь-

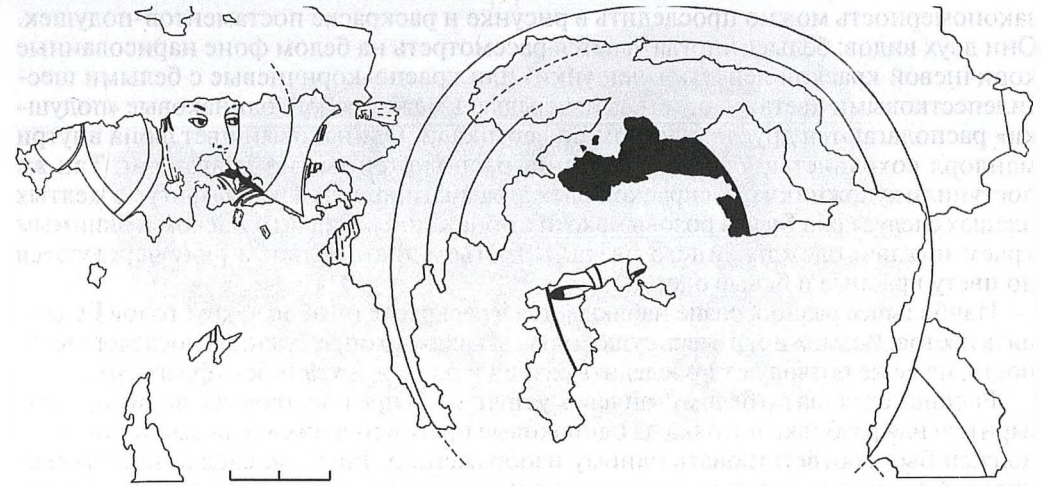

Рис. 37. Фрагмент росписи свода XXII/p-1 (прорисовка).
Коридор XXVII

ными полосами. Фигуры каждого ряда были расположены вплотную одна к другой и одна под другой по отношению к фигурам выше- и нижележащих рядов. В шельге свода они «стыковались» головами или были разделены орнаментальной полосой. Фон всей росписи свода ярко-синий. В раскраске одежды фигур, нимбов и оснований, на которых фигуры сидят, соблюдается определенное чередование цветов.

Фрагмент. Найден в средней части коридора, в верхнем слое завала, «лицом» вниз. Состоит из двух крупных фрагментов (размерами 192 × 27 и 178 × 98 см; табл. 2), которые в процессе реставрации удалось состыковать по длинной оси и получить большой по площади участок потолковой росписи.

Сохранились остатки пяти рядов сидящих Будд (три полных по высоте ряда из 4–5 изображений и два ряда из частично сохранившихся фигур), разделенные горизонтальными желтыми полосами шириной 1,5–2 см. Высота каждого ряда — 43 см. Внутри ряда фигуры плотно примыкают друг к другу, соприкасаясь овалами двухцветных желто-белых мандорл, а по отношению к выше и ниже находящимся изображениям располагаются друг под другом. От горизонтальных разделительных полос в промежутке между двумя соседними фигурами (максимальная ширина каждой на уровне плеч вместе с мандорлой 31–34 см) отходят вверх стебли-веточки, которые заканчиваются белым пятилепестковым цветком лотоса на прямой или свернутой в спираль ножке.

Все фигуры представлены на постаментах-подушках с одинаково поджатыми ногами, так что подошвы остаются не покрытыми одеждой. Жесты рук (мудра) и поворот головы у каждой фигуры индивидуальны, во всяком случае в пределах этого фрагмента. Отличают их друг от друга покрой и цвет одежды (белый, желтый, розовый и темно-красный), окраска нимбов вокруг головы (белый, желтый, желто-зеленый, розовый и синий), а также цвет фона для фигур внутри мандорл (ярко-синий или желтый с чуть зеленоватым оттенком).

Большие размеры фрагмента позволили заметить определенный ритм в чередовании фасонов одежды, ее цветов, а также раскраски постаментов и фона внутри мандорлы. Так, если сравнивать между собой Будд, сидящих в одном ярусе рядом, то станет видно чередование фигур, одетых в дхоти и плащ. Определенную

закономерность можно проследить в рисунке и раскраске постаментов-подушек. Они двух видов: белые (иногда удается рассмотреть на белом фоне нарисованные коричневой краской лепестки-чешуйки) или красно-коричневые с белыми шестилепестковыми цветами-розетками; чередуясь между собой, одинаковые «подушки» располагаются друг под другом по вертикали. Одинаковый цвет фона внутри мандорл сохраняется для изображений, расположенных по диагонали. Так же поступили художники с раскраской одежды: за диагональным рядом фигур в желтых плащах следует ряд Будд в розовых дхоти с обнаженным правым плечом и видимым краем нижней одежды синего цвета. В третьем диагональном ряду чередуются по цвету красные и белые одежды.

Наибольшее разнообразие наблюдается в раскраске нимбов вокруг голов Будд — пять цветов. Возможно, и здесь существовала какая-то определенная последовательность, но ее не позволяют проследить размер и плохая сохранность фрагмента.

Роспись сделана по белому ганчевому грунту. Ей предшествовала, видимо, предварительная разбивка потолка на одинаковые прямоугольники, каждый из которых должен был соответствовать одному изображению. Рисунок сделан коричневой краской с последующим красочным заполнением. Черты лица, веки, брови, зрачок, повторены черной линией, красной или коричневой линией (в зависимости от цвета одежды) переданы ее складки. Цветы на постаментах-подушках выполнены белой краской, положенной поверх красно-коричневого фона постамента.

Фрагмент росписи свода XXVII/p-1, (размер 35 × 27 см). Найден около трехчетвертной колонки входящего угла коридора, «лицом» вверх, в хорошей сохранности. Это часть многоярусной композиции, покрывавшей сводчатый потолок коридора. На фрагменте сохранились остатки двух ярусов изображений на синем фоне, разделенных желтой полосой не только на горизонтальные ряды, но и по вертикали.

В верхнем ярусе фрагмента обнаруживаются нижние части двух фигур. Левая, одетая в желтый плащ, сидит на постаменте-основании коричневого цвета, украшенном трех-, семилепестковыми цветами. Постамент очертаниями и раскраской напоминает коврик. Правая фигура — в красном плаще и на белом постаменте. На одеянии желтой фигуры художник пытался красными линиями показать складчатость плаща.

От нижнего яруса фрагмента сохранилась только часть головы одной фигуры. Рисунок, как и в других случаях, нанесен тонкой коричневой линией. Только на отдельных участках (брови, линия верхнего века, зрачок) он был подправлен сверху (т. е. по коричневому) черной краской, что придало лицу большую живость, выразительность. Тем же приемом изображена и прическа: поверх коричневой краски, положенной вначале, нанесена черная. Красно-коричневый тон проглядывает только узкой полосой надо лбом и на ушнице. Вокруг головы — нимб голубого цвета, а всю фигуру в целом окружает двухцветная (бело-желтая) мандорла.

В правом углу фрагмента, в треугольном тимпане изображен белый цветок лотоса (вертикальная желтая полоса, разделяющая фигуры одного ряда, — это, вероятно, стебель цветка).

Фрагмент росписи свода XXVII/p-2 (размер 24 × 11 см; рис. 38). Найден в завале на полу напротив ниши № 3, у стены, смежной с двором. Сохранилась голова с ушницей и черными волосами. Вокруг головы был показан нимб белого цвета, лицо немного повернуто влево. У левого уха была вытянутая мочка, у правого она изображалась условно, в виде завитка.

Фрагмент росписи свода XXVII/p-3 (размер 22 × 17 см; рис. 39). Найден в завале коленчатого коридора XXVII/XXVIII, недалеко от поворота, на высоте

Рис. 38. Фрагмент росписи свода XXVII/p-2 (прорисовка). Коридор XXVII

10–15 см от пола. Представляет собой часть многоярусной композиции. На фрагменте — голова фигуры с синим нимбом и ее плечи. Изображение выполнено на серовато-черном фоне и окружено мандорлой, остатки которой в виде яркого желтого пятна сохранились у края фрагмента. Рисунок сделан четкой красно-коричневой линией. На некоторых участках контур дублирован тонкой белой линией (например, у подбородка), не совпадающей с красно-коричневой. Для придания лицу большей выразительности брови, зрачок и линия верхнего века подведены черной краской.

Голова фигуры повернута на 3/4 влево. Полностью видно левое ухо с длинной оттянутой мочкой. Мочка другого уха выглядывает из-за правой щеки в виде завитка. На голове — ушница. Волосы красно-коричневого цвета. На Будде белый плащ, верхний край которого образует правильный круглый вырез вокруг шеи.

Специфическая особенность этого фрагмента — отсутствие ганчевого грунта: краска нанесена прямо на тонкий слой коричнево-зеленой глины, которым выравнивалась поверхность саманной штукатурки.

Фрагмент росписи свода XXVII/p-4 (размер 16 × 23 см). Найден в углу коленчатого коридора в завале, на глубине 15 см над уровнем пола. На фрагменте изображена фигура в розовом плаще на зеленоватом

Рис. 39. Фрагмент росписи свода XXVII/p-3 (прорисовка). Коридор XXVII

Рис. 40. Фрагмент росписи свода XXVII/p-5 (прорисовка). Коридор XXVII

четырёх ярусов сидящих фигур. Общий фон синий. Ярусы разделены охристо-желтыми горизонтальными полосами шириной 1,5–2 см. На всю высоту сохранились только два средних яруса, верхний и нижний — лишь частично.

Высота каждого яруса — 43 см. В самом широком месте уцелели две фигуры полностью и части еще двух фигур, сохранившихся небольшими участками. Всего на фрагменте уместилось 11 фигур (полностью или частично). Мандорла вокруг каждой фигуры имеет вид сдвоенной желто-белой полосы и отделяет одну фигуру от другой, как бы заключая их в рамку. Под каждой сидящей фигурой изображен красно-коричневый постамент — основание. Треугольное пространство между фигурами в верхней части заполнено стилизованными изображениями лотоса.

Насколько позволяет судить сохранность фрагмента, ноги всех фигур показаны в одинаковой позе (падмасана). Стандартны также нимб вокруг головы, прическа (красно-коричневого цвета), ушниша, форма основания-постамента. Этим, пожалуй, повторяющиеся элементы и ограничиваются. Индивидуальны (в пределах описываемого фрагмента) наклон и поворот головы, положения рук. Различаются также расположение плаща на верхней части фигуры и его окраска (белая и желтая).

фоне, окруженная двуцветной (розово-желтой) мандорлой. Вокруг головы — ярко-синий нимб.

Черты лица изображены контурной линией коричневого цвета, местами (верхнее веко, зрачок, бровь) проработанной сверху черной краской. Ухо с длинной оттянутой вниз мочкой передано очень обобщенно. Плащ оставляет открытыми шею и часть груди. Его складки переданы, как и весь рисунок, коричневыми линиями, четко выделяющимися на светлом фоне плаща. Правая рука фигуры согнута в локте и приподнята. Положение руки установить невозможно, так как кисть не сохранилась.

Фрагменты росписи свода XXVII/p-5, 6, 7. Небольшие фрагменты (рис. 40–42) были найдены в завале непосредственно над полом коридора (т. н. VI слой), в средней его части, перед нишей № 3 и выходом во двор. Фрагменты, ни один из которых не сохранил фигуры полностью, все же позволяют судить о разнообразии лиц, поз и расцветок одежды и нимбов. Для всех фрагментов характерны четкий, уверенный рисунок и одинаковая манера передачи деталей, что еще раз подтверждает заключение о едином характере росписи свода всего коридора XXVII.

Коридор XXVIII

Фрагмент росписи свода XXVIII/p-1 (размер 165 × 75 см). Это один из наиболее крупных участков росписи свода, обнаруженный в завале колена коридора (рис. 43). Лежал «лицом» вверх, упав вместе с монолитом кладки наружной ветви свода и сохранив первоначальную кривизну поверхности. На фрагменте видны остатки

Рис. 41. Фрагмент росписи свода XXVII/p-6 (прорисовка). Коридор XXVII

Рис. 42. Фрагмент росписи свода XXVII/p-7 (прорисовка). Коридор XXVII

Как и в других случаях, рисунок выполнен коричнево-красным контуром, четко и уверенно. Некоторые детали (ступни ног, пальцы рук, цветы между фигурами) изображены схематично, но степень схематизации одной и той же детали в каждом конкретном случае различна и, видимо, полностью определялась художником в процессе рисования.

Фрагмент был найден высоко над уровнем пола. Можно думать, что сводчатое перекрытие коридора обрушилось только во второй («немонастырский») период жизни Аджина-тепа, когда (или после того как) помещения этого фаса монастыря были временно обжиты ремесленниками. Этим, видимо, объясняется и плохая сохранность росписи, подвергавшейся разрушению еще до падения свода.

Фрагмент росписи свода XXVIII/p-2 (табл. 3, 2). Является продолжением крупного фрагмента XXVIII/p-1, был найден в завале, на уровне восьмого яруса, «лицом» вверх.

Сохранилось изображение фигуры, сидящей в позе «подмасана». Видны только пальцы ступней, остальные части ног и основание-постамент отсутствуют. Фигура изображена на синем фоне и окружена двухцветной (бело-желтой) мандорлой,

Рис. 43. Четырехъярусная роспись свода (схема-прорисовка фрагмента). Коридор XXVIII

вокруг головы — розовый диск нимба. На голове показана ушниша; раскраска волос — коричневато-рыжая. Удлиненная мочка левого уха передана художником так, что напоминает украшение. Вся фигура слегка повернута вправо (от зрителя). На ней светлый плащ, оставляющий открытой шею. Руки лежат на коленях, вытянуты вперед. Кисти рук на фрагменте отсутствуют. Рисунок выполнен красной линией, черты лица не имеют следов дополнительной подправки черной краской. В верхней части фрагмента сохранились остатки вышележащего яруса изображений: видны участок постамента-основания, окрашенного в красный цвет, и нижний край белой одежды фигуры, сидящей на нем.

Рис. 44. Фрагмент росписи (схема-прорисовка). Помещение XXIX

Фрагмент росписи свода XXVIII/p-3 (размер 45 × 42 см; табл. 3, л). Судя по расположению в завале, непосредственно примыкал к предыдущему фрагменту (XXVIII/p-2).

Сохранились верхняя половина одной фигуры и часть примыкающей к ней справа другой фигуры. Обе фигуры (подобно той, что на фрагменте XXVIII/p-2) изображены на синем фоне, окружены двухцветной (бело-желтой) мандорлой. Цвет нимба вокруг головы левой фигуры серовато-голубой. Прическа не сохранилась, лишь узкая светло-коричневая полоса надо лбом позволяет предполагать, что цвет волос этой фигуры был таким же, как на фрагменте XXVIII/p-2. Вся фигура несколько повернута влево, поэтому хорошо видна нижняя часть левого уха с сильно вытянутой мочкой. Проглядывает также окончание переданной завитком мочки правого уха. Ярко-красного цвета дхоти не закрывает шею; под ним синим цветом обозначен край нижней одежды.

Правая фигура сидит на белом постаменте. Из складок ее желтого плаща выступает правая рука ладонью вверх. Пальцы сложены так, что средний и большой сомкнуты, а указательный несколько отставлен и вытянут вперед. В нижней части фрагмента видна ступня левой ноги, изображенная очень обобщенно. Верхняя часть фигуры не сохранилась. Рисунок сделан красной линией, черты лица не имеют дополнительной подправки черным цветом, складчатость одежды не показана.

Помещение XXIX

Фрагмент росписи (рис. 44), улавшей «лицом» вниз со стены или потолка небольшого айванного помещения. Представляет собой часть многоярусной композиции, аналогичной той, которая покрывала сводчатый потолок коленчатого коридора XXVII/XXVIII.

Изображения сидящих Будд выполнены на ярко-синем фоне. Горизонтальные ряды фигур отделены один от другого извилистым растительным побегом желтого цвета. Между соседними в ряду фигурами были помещены розовые цветы лотоса: один цветок между коленями двух соседних фигур, другой — на уровне голов и нимбов.

На этом фрагменте сохранились два ряда изображения с нимбами и мандорлами, причем от трех фигур верхнего ряда видны только поджатые ноги и части одежды,

Рис. 45. «Дароносцы». Фрагмент росписи. Стена прохода в помещение XXXI

ниспадающие на коврики-постаменты; в нижнем ряду — головы и нимбы двух других фигур. Рисунок выполнен красно-коричневым контуром, по которому черным проработаны (усилены) брови, верхнее веко, зрачок, линия нижней губы.

Насколько позволяют судить части фигур, сохранившиеся на описываемом фрагменте, все персонажи отличались один от другого позой, а также раскраской одежды, нимба, коврика и расположением складок. На ковриках-постаментах контурным рисунком (красным) нанесены многолепестковые цветы. Их раскраска отличается от цвета самого коврика: на красном — цветы белые, на желтом — красные. Форма ушниц у фигур на этом фрагменте несколько необычна по сравнению с остальной живописью Аджина-тепа: ушници крупнее, но плоские.

Фрагмент росписи «Дароносцы» XXXI/p-1 (размер 75 × 50 см; рис. 45; табл. 4). Найден в завале над полом, в проходе, который вел из коленчатого коридора XXVII/XXVIII в помещение XXXI (рис. 46; табл. 5). Поверхность росписи пересекают трещины, образовавшиеся при ее падении со стены, и глубокие вмятины от упавших сверху обломков сводчатого перекрытия.

На фрагменте изображены две мужские фигуры в белых одеждах, сидящие на поджатых под себя ступнях с вытянутыми носками. В руках, согнутых в локтях, они держат дары. Фон фрагмента — красно-коричневый. По полю фона разбросано несколько лепестков (лотоса?). Слева композицию ограничивает изображение пучка цветов и нераспустившихся бутонов лотоса.

По-видимому, фрагмент входил ранее в один из ярусов живописи на стене прохода. Верхнее поле композиции ограничено широким черным бордюром (3,4 см), который сверху и снизу обрамлен белыми узкими полосами; черное поле бордюра заполнено рядом близко расположенных овальных «перлов» белого цвета. Нижний

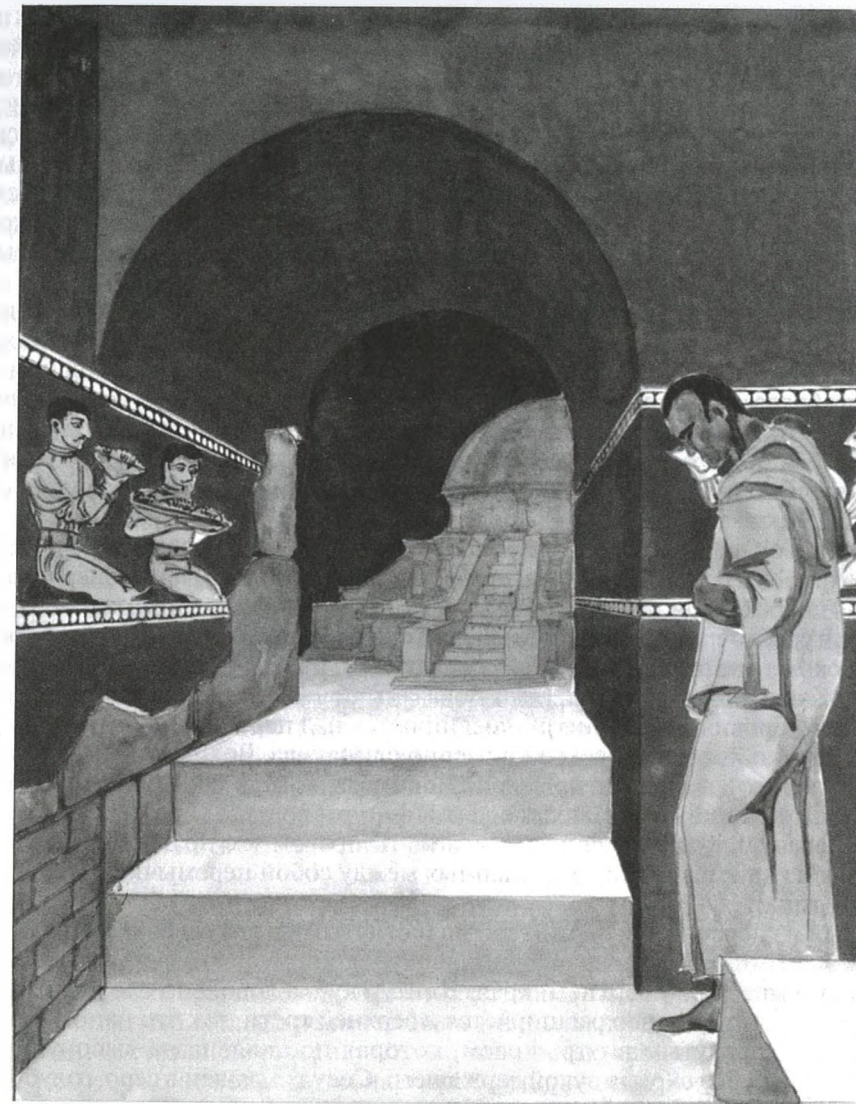

Рис. 46. Святилище XXXI. Вид из коридора XXVII. Реконструкция (выполнена В. С. Терениным)

край композиции не сохранился, но, судя по расположению и величине фигур, общая высота яруса изображений составляла примерно 55–60 см (т. е. была чуть больше сохранившегося участка).

Обе фигуры на описываемом фрагменте примерно одинаковы по размеру (высота около 45 см), сидят (или стоят на коленях?) друг за другом и обращены вправо (в сторону помещения XXXI). Левая фигура почти полностью профильная; торс и голова правой фигуры несколько развернуты на зрителя. Поджатые ноги обеих фигур показаны в профиль, но немного сверху, так что видна частично и левая нога. Одевание свободное, покрывающее все тело. Высокий ворот собран тремя

горизонтальными полосами-складками. Ткань на груди, на руках и на бедрах лежит складками, подчеркивающими позу и положение частей тела. В талии кафтан перетянут поясом, что также подчеркивается вертикальными складками на животе. Сам пояс — довольно широкий, наборный — состоит из чередующихся черных и желтых пластин. Справа (почти спереди) к нему прикреплен кинжал в ножнах, подвешенный почти горизонтально с помощью двух колец (у правой фигуры) или двух пластин (ременных петель?). Кинжалы левой и правой фигур одинаковы по форме и размеру: слегка расширяющаяся у вершины «позолоченная» (желтая) рукоять имеет чуть скругленный переход к прямому перекрестью; ножны, как и пояс, наборные, украшенные «золотом» (пластины желтого цвета).

Обувь видна только у правой фигуры, это черные облегающие сапоги — ичиги.

С левой стороны на поясе у обеих фигур подвешен меч. Система его подвески не видна; о нем можно судить только по рукояти меча, расположенной примерно посередине бедра. На росписи перекрестье изображено под углом к гладкой рукояти, но, видимо, это попытка передать прямое перекрестье в перспективе. Вдоль правого (т. е. обращенного к зрителю) бедра правой фигуры виден узкий и длинный предмет черного цвета. Изображает он рукоять камчи или что-либо другое, судить трудно, так как далее фрагмент росписи обрывается.

Голова левой фигуры сохранилась более полно. Крупный, с небольшой горбинкой нос, широко раскрытые глаза, тонкие губы, над которыми прочерчена узкая изогнутая полоска усов, выступающий вперед подбородок. Участок росписи с лицом второй фигуры поврежден, но в какой-то степени может дополнить представление о физическом типе этих персонажей, так как лицо правой фигуры развернуто в три четверти. Как и у левой фигуры, глаза показаны почти правильным овалом со зрачком-точкой. Брови правой фигуры соединяются над переносицей.

Прическа у обоих персонажей примерно одинакова. Волосы низко опускаются на лоб, а их нижняя граница примерно повторяет контур бровей; височная прядь заострена клинышком. На макушке левой фигуры волосы образуют заостренный выступ. Левая фигура украшений не имела. В правом ухе правой фигуры серьга, состоящая из двух шариков, соединенных между собой перемычкой (серьги «салтовского» типа).

Каждый из персонажей держит двумя (согнутыми в локте) руками перед собой посуду с «дарами». В руках левой фигуры кубок конической формы с двумя треугольными вырезами у верхнего края. Контур кубка довольно сложный: узкий в придонной части, он резко расширяется в верхней трети, так что напоминает широкую чашу с загнутым внутрь краем, которая поставлена на высокую ножку. Нижняя часть кубка скрыта рукой держащего. Сосуд окрашен в серо-голубой цвет, которым могли передавать цвет серебра.

Правая фигура держит, прижав к груди, более крупную емкость, по-видимому, это золотое (судя по желтой окраске) желобчатое блюдо овальных очертаний, верхний край которого ограничен горизонтальным узким валиком.

«Дары», которыми заполнены кубок и блюдо, переданы весьма обобщенно — крупными белыми пальметками с фестончатым (или волнистым) краем, на плоскости которых показаны «прожилки». Скорее всего это цветы.

Фрагмент XXXII/р-1 (размер 37 × 25 см) найден в массиве под полом первого периода в восточном углу помещения «лицом» вниз. Фрагмент представляет собой часть сцены, изображающей Будду с предстоящим справа светским персонажем. Будда одет в желтое сангхати в окружении желто-сине-красной мандорлы, фон внутри которой — зеленоватый. Будда сидит на постаменте-подушке красно-коричневого цвета с белыми цветами.

От светского персонажа сохранились голова и часть фигуры, облаченной в одежду палевого цвета. Фигура изображена на синем фоне, обращена лицом в четверть оборота в сторону Будды. Сохранность изображения плохая, но удается рассмотреть выпуклый глаз, линию прямого носа, рот, ухо с длинным украшением желтого цвета, черные локоны прически на голове и у правой щеки. Рисунок сделан красной линией, после заполнения его контура цветом черной линией снова подтверждены овал лица, брови, зрачок, веки, глаз.

Фрагмент XXXII/р-2 (размер 32 × 24 см) найден в завале выше зольника второго периода возле северо-восточной стены помещения. Фрагмент представляет собой часть сцены, изображающей Будду сидящим на красно-коричневом постаменте, украшенном белыми цветами, и окруженным трехцветной мандорлой.

Справа от Будды показана маленькая женская фигурка, коленопреклоненная, с распущенными кудрявыми волосами. Округлое лицо повернуто в четверть оборота в сторону Будды. Фигурка стоит на коленях, руки согнуты в локтях. Лицо и туловище окрашены в зеленовато-серый цвет, волосы черные. Между Буддой и фигуркой — полоса синего фона, на котором изображены розовые стебли цветов.

От фигуры Будды сохранились правое колено, прикрытое желтым плащом, часть центральных складок, спускающихся полукругом на постамент. В колено упирается дуга трехцветной мандорлы.

Фрагмент росписи DC/р-1 (размер 65 × 30 см; табл. 6, 2). Обнаружен в северном углу двора ступы в завале возле внешней стены коридора XXXVIII. Фрагмент лежал на верхнем полу «лицом» вниз, он, видимо, украшал стену двора, вдоль которой шел деревянный навес. Сохранился небольшой кусок от нижней части росписи, на котором видны босые ступни ног персонажа (Будды или бодхисатвы), стоящего на лотосовидном постаменте и обращенного в левую сторону от зрителя. Персонаж одет в длинную красную складчатую одежду, возле правой ступни его — многолепестковый цветок (?). В левой части фрагмента просматриваются остатки как будто бы еще одной фигуры в красной одежде. Широкая светлая полоса внизу позволяет предполагать, что это близкий к полу участок росписи.

Техника живописи

Как мы видим, количество сохранившихся фрагментов и особенно целых сцен настенной росписи сравнительно невелико. Однако с полной уверенностью можно говорить о том, что в свое время ею были покрыты стены и потолки почти всех помещений, составлявших ограду ступы, полностью или частично стены двора, а также некоторые помещения монастырской половины. Роспись была нанесена вскоре (или сразу же) после сооружения всего здания. На последующих затем ремонтно-строительных этапах первого («монастырского») периода живопись, как правило, не подновлялась. Исключение составляет помещение I («святилище»), где, как мы уже указывали, есть несомненные следы вторичного покрытия сюжетной росписью отдельных участков стен и плоскостей постаментов, выполненных на несравненно более низком профессиональном уровне.

В других помещениях починочные работы, связанные с живописью, сводились к тому, что вся поверхность стены или потолка заново штукатурилась и окрашивалась в однотонный цвет (вестибюльные помещения II и XI, потолок святилища XXXI). В строительный раствор для ремонта часто замешивали осыпавшуюся штукатурку нижнего слоя с остатками росписи (стены помещения XX, переложная торцовая стена коридора I и др.). По-видимому, более всего нуждались в ремонте и подновлении айванные помещения, как подвергавшиеся прямому воздействию

непогоды. Лучше всего, как мы видим, сохранились потолковые росписи коленчатых коридоров вокруг двора ступы. Залегание в завале некоторых из них показывает, что они обрушились вместе со сводом уже в конце второго периода (периода обживания развалин монастыря), просуществовав около двух столетий.

Под воздействием постоянного притока почвенных солей те фрагменты, которые сохранились *in situ* на стене, оказались сильно попорченными. Фрагменты росписей, лежавшие в завале, пострадали значительно меньше, так как процесс высадки солей из их поверхности протекал в силу ряда причин менее интенсивно.

Нанесению живописи на поверхность стены или потолка предшествовало предварительное выравнивание ее с помощью глино-саманной обмазки толщиной от 2—3 до 20 см. Сверху она была покрыта тонким (около 3 мм) слоем коричнево-зеленой обмазки, в которую добавлялось значительное количество мелкого песка. Своим составом этот поверхностный слой очень близок глиняному тесту, из которого изготовлена часть скульптуры. Поверх твердой корочки, обмазки, наносился тонкий слой белого ганча, который служил грунтом под краску. Его толщина была неодинакова на разных участках, а на некоторых фрагментах он вовсе отсутствовал. По мнению И. И. Кострова, возможно, здесь мы имеем случай, когда слой ганча был настолько тонким, что со временем под воздействием почвенных солей он растворился.

Проведенное Л. П. Новиковой в лаборатории Института истории им. А. Дониша микроскопическое изучение показало, что слой коричнево-зеленой обмазки приготавливался из тщательно перетертой смеси песка и пластичной глины, причем размеры зерен песка достигали сотых долей миллиметра. Тонкая белая подгрунтовка оказалась смесью растертого в порошок песка и столь же измельченного карбоната кальция.

Стены помещений Калаи-Кафирнигана, предназначенные для нанесения живописи, покрывались толстой штукатуркой, иногда и специальным слоем штукатурки-подгрунтовки. Алебастровый грунт живописи наносился на штукатурку, по-видимому, с помощью кисти, которой водили сверху вниз. При этом образовывались редкие глубокие и частые мелкие бороздки, сплошь покрывающие поле. В этой связи вспоминаются слова, сказанные в комментарии к «Samyutta Nikaya» (ок. V в. н. э.): «Искусный художник, принимаясь за живопись, имеет дело со стеной, которая еще не готова (arāṭikamma-kata), и он должен подготовить ее с помощью глины и алебастра для нанесения живописи»¹.

В Индии в раннее средневековье в некоторых случаях на каменные стены скальных храмов накладывался всего один слой штукатурки-грунта (толщина его в Бадами 0,4—0,6 мм, в других памятниках значительно толще), поверх него наносилась живопись. В других случаях (храмы Кайласанатха и Вайкунтха Перумал) наносилась грубая штукатурка-подгрунтовка и затем слой тонкой грунтовки. Грубая штукатурка (слой толщиной 1,5—4,1 мм) состояла из алебастра и песка с примесью растительных волокон и глины. Примерно таким же был состав тонкой штукатурки.

В Бамиане стены пещер покрывались вначале слоем (12,5—37,5 мм) глиняной, с примесью растительных волокон, штукатурки. На него наносился тонкий гипсовый слой, который служил грунтом для живописи.

В Тепа-Сардар поверхность стен перед нанесением живописи покрывалась четырех-шестисантиметровым слоем глины, смешанной с соломой. Затем отделку завершали тонким (2—3 мм) слоем облицовочной глины, смешанной с волокнами

¹ Coomaraswamy A. K. Further references to painting in India // ArAs. Vol. 4/2—3. 1930. P. 128.

соцветий тростника. В Дунхуане вместо растительных волокон использовали каолин. В Тепа-Сардар, в отличие от Аджина-тепа, нет следов печати².

Стены сооружений в Восточном Туркестане сначала покрывались слоем грубой обмазки-штукатурки, толщина которого была различна и зависела от ровности стеной поверхности: при гладкой поверхности толщина была порядка полусантиметра или даже вообще отсутствовала. Этот слой состоял из глины с саманом. Поверх наносился тонкий слой красноватой глины с примесью растительных волокон. И, наконец, — грунт, тонкий слой белой или зеленоватой глины либо алебастра³.

Добавим, что в Средней Азии такой способ подготовки стены к нанесению росписи, какой описан для Аджина-тепа и Калаи-Кафирнигана, применялся уже в древности, например на Фаяз-тепа.

В Аджина-тепа основными цветами росписи, нанесенной по белому ганчевому фону, были красный (с оттенками от розового до коричневого), желтый (от лимонного до охристого), синий, черный, белый. Очень редко встречается зеленый. В качестве фоновой обычно использовался синий цвет, реже — красный или светло-зеленый.

Результаты спектрального анализа и специального изучения под микроскопом синей краски показали, что это пылевидно измельченный лазурит, а красная и желтая краски приготовлены из природных высококачественных охр.

По белому ганчевому грунту художник наносил тонкой линией красновато-коричневого цвета рисунок, проработанный во всех деталях. С одной стороны, этот рисунок служил как бы контуром для дальнейшего заполнения краской его внутреннего пространства, с другой стороны, оставаясь видимым сквозь краски, он передавал контуры фигуры и некоторые детали. Для придания большей выразительности чертам лица художник местами дублировал контурный рисунок черной, коричневой или (реже) белой линией, причем черной обычно «подводились» брови, веки, глаза, губы.

После раскраски контурного рисунка художник дорисовывал отдельные детали, линиями передавал складки одежды. Если одежда была желтого, белого или розового цвета, то вторичный рисунок делался красной линией, если красного — складки рисовались коричневыми штрихами.

В других случаях («Дароносцы») красно-коричневая линия рисунка выглядит как предварительный набросок-разметка, который затем был повторен уверенной черной линией. При этом в одних случаях черный обвод прорабатывал и уточнял детали первичного рисунка, а в других, наоборот, обобщал. Получался, таким образом, как бы двойной рисунок, наложенный один на другой, контуры которых не всегда и не во всем совпадали. Однако это нисколько не мешает восприятию его в целом, а, наоборот, создает до некоторой степени впечатление объемности.

² Paramasivan S. The Pallava paintings at Conjeevaram: An Investigation into the Methods // Proceedings of the Indian Academy of Sciences. Vol. 10. No. 2. Bangalore, 1939. P. 79—83; *id.* Technique of the Painting Process in the Rock-Cut Temples at Badami // Proceedings of the Indian Academy of Sciences. Vol. 10. No. 3. Bangalore, 1939. P. 146; *Gettens R.* The Materials in the Wall Paintings of Bamiyan, Afghanistan // Technical Studies in the Field of the Fine Arts. Vol. 6. Cambridge, 1938. P. 186—193; *Klimburg-Salter D.* The Kingdom of Bamiyan: Buddhist Art and Culture of the Hindu Kush. Naples; Rome, 1989. P. 79. По-видимому, последние исследования Археологической службы Индии еще не опубликованы. См. также: *Gray B.* Buddhist Cave Paintings at Dunhuang. London, 1959. P. 53; *Silvi Antonini C., Taddei M.* Wall Paintings from Tapa Sardar, Ghazni // South Asian Archaeology, 1979. Berlin, 1981. P. 429—438.

³ Дудин С. М. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. 5. Петроград, 1928. С. 36—38.

На Калаи-Кафирнигане общим фоном верхнего фриза служил голубой цвет, нижнего — темно-красный (охра красная, натуральная). Тот и другой наносились сверху вниз без полутонов на миллиметровый слой ганча, положенный на нижнюю штукатурку. Объединял верхнюю и нижнюю композицию единый для обоих фризов тон изображаемых фигур, их одежды и тела переданы сочными пятнами желтой охры.

Роспись накладывалась в определенной последовательности, с незначительными отступлениями. Первоначально на ганч коричневой краской наносилась контурная линия (от 1 до 2 мм толщиной). Затем фигуры закрашивались общим тоном желтой охры. Основной контур алой краской (до 3 мм толщиной) обозначал окончательные линии изображения. После этого покрывался фон каждого фриза. Заключительный контур черной краской (наиболее толстая и рельефная линия иногда до 4–5 мм шириной) подчеркивал отдельные детали, создавая выразительность контрастного цветового сочетания (черный по алому). Несколько иначе трактовал художник детали одежды Будды на верхнем фризе росписи. Моделировка складок и орнаментальные узоры обозначены темно-коричневой краской с алым заполнением⁴.

В настенной живописи Средней Азии нанесение линейного рисунка всегда предшествовало последующей закрашке его внутреннего пространства⁵. Осуществлялось это, однако, по-разному. В халчаянской живописи «лица очерчивались черным контуром, черты нанесены также черным и красным»⁶. На Фаяз-тепа художник вначале коричнево-красной краской делал контурный рисунок всей композиции. Затем оконченные поверхности закрашивались определенным цветом в слабой тональности, причем не строго следуя натуре. Далее тонкими красными штрихами живописец уточнял рисунок и прорисовывал детали, наносил дополнительные цветовые мазки, пытаясь передать объем⁷. Черный предварительный контур имеется и на дальверзинской живописи⁸. В Топрак-кале наряду с нанесением рисунка контуром применялось и процарапывание его. Так, в помещении 19 изображение юноши с луком и колчаном было сделано красной линией, плоскость была закрашена и местами была обведена черным по контуру. В других случаях контур наносился черным, свидетельствуя о попытках передать светотень⁹. В ри-

сунках Хадды наружный обвод фигур и некоторые детали делались черной краской (живопись на пилястре и куполе в «Малой капелле»)¹⁰.

На изображениях Балалык-тепа, по наблюдениям Л. И. Альбаума, прорисованы преимущественно руки и головы персонажей, некоторые орнаменты и, как исключение, отдельные части одежды¹¹. В Пенджикенте контуры первоначально наносились красным, затем черным¹². Красным был первоначальный контур в Шахристане, тепло-красным — окончательный¹³. На Афрасиабе первичный рисунок, очень тщательный, с прорисовкой всех деталей, сделан красной линией¹⁴. На Варахше, напротив, первичный контур был черным, а окончательный — черным и красным¹⁵.

Рассмотрим имеющиеся данные по некоторым памятникам раннесредневековой живописи зарубежного Востока.

В Дильберджине (пом. 16) в росписях южной и западной стен по грунту наносился линейный рисунок малиново-красной, а кое-где черной краской. При наложении цвета красным подробно прорисовывались руки и ноги. Завершалась работа нанесением черного контура. В верхнем ярусе северной стены по грунту был сделан подготовительный эскиз черной краской¹⁶. После нанесения цветового заполнения делался подробный рисунок красным, завершавшийся черными контурными линиями.

В Бамиане контуры обведены черным цветом (так, во всяком случае, в гроте G. Музей Гиме, шифр М-17947), иногда красным¹⁷.

Б. А. Литвинскому удалось в Кабульском музее детально изучить живопись Какрака. В сцене большого сидящего Будды коричневые контуры фигуры очень толстые, в некоторых местах двойные. В нижней части фигуры контур одинарный, коричневый, выше, ближе к голове, с ее черной прической, внутри коричневый, а снаружи черный, так, например, на правой (обнаженной) руке. Двойным является и контур подбородка. Очертания (например, на внутренней части локтя левой руки) не всегда сплошные, иногда с большими разрывами. Линии плеча и предплечья состоят из отдельных несомкнутых штрихов (мазков). Нос, губы, уши рисовались коричневым, брови черным, на месте глаз посажены сначала, при разметке, коричневые овалы, в которые затем вписаны черные глаза. На сцене с «Царем-охотником» у левой фигуры контур сделан желто-оранжевой линией. На одной из фресок тепло-коричневый контур очень уверенный, тонкий. Затем, после (или во время) раскраски, по линии этого контура лицо и плечи подчеркнуты черными контурными штрихами. После нанесения абриса производилась закрашка плоскостей, причем цветное

⁴ Литвинский Б. А. Настенная живопись... С. 127.

⁵ Там же. С. 127–128; *Le Coq A., von. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*. Т. III: Die Wandmalereien. Graz, 1974. S. 7–8; см. также: *Grünwedel A. Alt-Kutscha*. Berlin, 1929. S. 31–32. Индийские письменные источники, связанные с живописью см.: *Gunasingha S. La Technique de la peinture indienne d'après les textes du Śilpa*. Paris, 1957 (*Annales du Musée Guimet: Bibliothèque d'études*. Т. 62). Здесь же поставлен вопрос о вероятности применения в отдельных случаях припорохов (узор, трафаретов) — аналогично тому, что известно для Восточного Туркестана, где даже найдены сами припорохи. Называли их по-немецки die Pausen и описывали следующим образом: «Трафареты состоят из тонкой бумаги в случае с маленькими картинками и из плотной, картоноподобной — с большими. На бумаге художник-автор рисовал картину для ее тиражирования в утонченных или грубых контурах, выполненных черной тушью. Затем контуры пробивались многочисленными протыканиями иголкой или шилом. Выполненная таким образом копия твердо прижималась на окрашиваемую поверхность; после этого над узором терли уголь или же били мешочком, наполненным мелким древесным углем, по этим пробитым линиям так долго, пока на поверхности стены не появлялась картина в слабых контурах» (*Le Coq A., von. Die buddhistische Spätantike... III*. S. 7).

⁶ Пугаченкова Г. А. Халчаян... С. 145.

⁷ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 91–92; *он же*. Живопись святилища Фаяз-тепе // *Культура Среднего Востока: изобразительное и прикладное искусство*. Ташкент, 1990. С. 25.

⁸ Ртвеладзе Э. В. Настенная монументальная живопись из раскопа ДТ-7 на Дальверзин-тепе // *Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей*. Вып. 1. М., 1976.

⁹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 177; *Воробьева М. Г.* К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала // *ТХАЭЭ*. Т. 1. 1952. С. 68;

Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А. Живопись Хорезма позднеантичной эпохи // *СВЦНИЛКР*. Вып. 28. М., 1973. С. 196; *Рапопорт Ю. А.* Топрак-кала. Дворец. М., 1984. С. 94–95, 98–100.

¹⁰ Музей Гиме. Шифры М-2180 и М-21810 (наблюдения Б. А. Литвинского).

¹¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960. С. 100; *Шишкин В. А.* Варахша. С. 200.

¹² Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973. С. 40; *Костров П. И.* Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента // *Живопись древнего Пенджикента*. М., 1954. С. 163 сл.

¹³ Негматов Н. Н., Соколовский В. М. Два фрагмента стеной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. Л., 1973. С. 442.

¹⁴ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. С. 98–100.

¹⁵ Шишкин В. А. Варахша. С. 151–152.

¹⁶ Бурый В. П. Техника росписей помещения 16 // *Древняя Бактрия*. Вып. 2. М., 1979. С. 148–151.

¹⁷ Цветные воспроизведения живописи Бамиана и Какрака см.: *Bāmiyān: Art and Archaeological Researches on the Buddhist Cave Temples in Afghanistan 1970–1978* / ed. by T. Higuchi. Vol. 1: Plates (Murals). Kyoto, 1983.

пятно иногда выходило за линию контура. Так, на левой руке первой из описанных фигур цветное заполнение вышло за первоначальный рисунок на 4–6 мм.

В Аджанте первоначальные контуры фигур наносились черной или, чаще, красной краской, затем, после раскраски фигур, силуэт окончательно обозначался вторично. На многих фигурах виден первоначальный красно-коричневый контур, затем по нему, иногда со значительным отступлением от края, повторный (см., например, левую руку бодхисатвы Падмапани в пещере I). В других случаях вторичный контур не наносился — так изображены другие фигуры в этой пещере¹⁸.

На Цейлоне также обычным было нанесение фигур вначале красными и черными линиями, с последующей раскраской и подтверждением первоначального контура. При этом не всегда точно следовали первоначальному рисунку¹⁹.

Наконец, в Восточном Туркестане на росписях Безеклика, как сообщает С. М. Дудин, в рисунках кистей рук, ступней ног, животных, где воплощены фигуры в движении, художник нередко подправлял первоначальный контурный рисунок. Помимо этого исправленного рисунка, исполненного черной «тушью», после нанесения краски, если контур его «забивался», его прочерчивали заново, на этот раз коричневым, стараясь, чтобы повторенный контур совпадал с первоначальным, но иногда сознательно проводя его рядом для создания более мягких цветовых переходов²⁰.

Эта практика нашла отражение и в древних письменных источниках. Так, в палийско-буддийском сочинении «Atthasalini» указывается, что процесс живописи состоит из ряда последовательных операций: первой называется искусное рисование кистью предварительного контура (*lekha gahana*), затем следует нанесение красочного слоя (*ganjana*), далее проработка светотени и др.²¹

Но вернемся к Аджина-тепа. В аджинатепинской живописи (в отличие от калайкафирниганской) красочное заполнение внутри контурного рисунка сделано равномерным слоем, без малейшей попытки с помощью оттенков передать объем. Правильней назвать эту живопись раскрашенным рисунком, ибо мастерства в ней требует только рисунок. Он должен быть точен, выразителен, лаконичен, раскраска же сводится к аккуратному заполнению определенным цветом пространства, ограниченного контурами. Однако на художнике (или его помощнике) лежала ответственность за гармоничность в цветосочетании, оно должно было соответствовать определенным эстетическим нормам и канонам. Особенно это видно при сравнении между собой кусков потолковой росписи коленчатых коридоров ограды ступы: на ярко-синем фоне вплотную друг к другу рядами помещены изображения многочисленных Будд с полихромными нимбами вокруг головы и двуцветными мандорлами вокруг тела. Фигуры отличаются одна от другой не только поворотом головы и корпуса, жестами рук, но и цветом одежды и окраской поста-мента, на котором они сидят.

¹⁸ См.: *Yazdani G.* Ajanta. Vol. 4. London; New York; Bombay, 1955. [Text:] P. XXXI–XXXII; [Plates:] Pl. XXV–XXVI/1a; *Smith V. A.* A History of Fine Art in India and Ceylon. 3rd ed. Bombay, n. d. P. 90; *Gupte P. Sh., Mahajan B. D.* Ajanta, Ellora and Aurangabad Caves. Bombay, 1962. P. 43; *Короцкая А. А.* Сокровища индийского искусства. М., 1966. С. 113.

¹⁹ *Smith V. A.* A History of Fine Art... P. 100. Подробнее см.: *De Silva R.* The Technique of Ancient Sinhalese Painting Sigiri // *Paranavitana Felicitation Volume on Art and Architecture and Oriental Studies...* Colombo, 1965.

²⁰ *Дудин С. М.* Техника стенописи... С. 45–47. Подробнее о технике восточнотуркестанской живописи см.: *Riederer J.* Technik und Farbstoffe der frühmittelalterlichen Wandmalereien // *Beiträge zur Indienforschung.* Berlin, 1977.

²¹ *Coomaraswamy A. K.* One Hundred references to Indian painting // *ArAs.* Vol. 4/1. 1930. P. 45; *id.* Further references... P. 126.

Удается заметить некоторую закономерность, своего рода ритм в раскраске изображений: фигуры, запечатленные на одинаковых постаментах, сидят друг под другом, а изображенные на одноцветном фоне и в одинаковой одежде — по диагонали.

Сравнивая между собой фрагменты потолковой росписи из разных помещений ограды, следует отметить, что при безусловном их близком сходстве, единстве сюжета и стиля в целом для живописи каждого помещения характерны определенные особенности. Они касаются не только разницы в прорисовке некоторых второстепенных деталей (например, разделительных побегов, цветов): наблюдаются различия в передаче одежды, формы ушники и раскраске постаментов-«ковриков». Наконец, не всегда лица изображений имеют вторичную подправку отдельных черт. Все это позволяет предполагать участие нескольких мастеров в работе по росписи потолков, которые, в целом придерживаясь единых приемов изображения, сохраняли при этом свой индивидуальный почерк.

Также, сравнивая фрагменты потолковой росписи из разных помещений ограды, нетрудно заметить, что художник (художники) придерживался единых приемов изображения, допуская лишь незначительные отклонения (например, в форме побегов, отделяющих друг от друга горизонтальные ряды изображений, веточек с цветами, вертикально отходящих от них). Однако при кажущемся однообразии каждое изображение индивидуально и среди извлеченных нами фрагментов не было ни одного повторяющегося. Можно с полной уверенностью говорить, что художник не пользовался шаблоном.

Сюжетный репертуар живописи Аджина-тепа был определен культовым характером этого памятника. Плохая сохранность и фрагментарность рисунков часто затрудняют интерпретацию найденных кусков. Тем не менее удается наметить уже три линии в росписи: 1) культовая, 2) светская и 3) орнаментальная.

Первая линия, самая многочисленная, связана с буддийской мифологией. Однако она и самая сложная при определении: слишком ничтожны фрагменты, чтобы по ним можно было судить об изображенной сцене, тем более, что мы имеем дело с остатками отдельных персонажей, вырванных из контекста сюжета. Только в порядке осторожного предположения можно говорить о присутствии такого широко распространенного в буддийской иконографии сюжета, как «Будда среди верующих» (пом. XXII (западная стена), пом. XXXII). С большей уверенностью можно реконструировать роспись потолков в коленчатом коридоре XXVII/XXVIII: изображения Будд, очевидно, покрывали всю внутреннюю плоскость сводчатого потолка, располагаясь в 5 (?) рядов на каждом крыле свода. Исходя из размеров каждого изображения (43 × 34 см), на потолке одного колена коридора должно было умещаться около 500 изображений Будды. Цифра эта довольно приблизительная, так как нет уверенности в том, что на повороте коридора порядок размещения фигур сохранялся таким же. При реконструкции внешнего вида всей композиции следует учитывать, что здесь, как и в Кумтуре (Восточный Туркестан)²², вдоль шельги свода могла проходить свободная от живописи полоса, а в обе стороны от нее — ряды Будд (в Кумтуре — по 12 рядов с каждой стороны).

С чем было связано заполнение плафонов целыми рядами сидящих Будд?

Существует следующее объяснение залам 1000 (или 10 000) Будд. Как-то Будда Шакьямуни, окруженный бесчисленной толпой учеников, бодхисатв, духов и божеств, излагал содержание Сутры Лотоса. В это время послышался голос, подтверждающий справедливость сказанного Буддой. Он объяснил присутствующим, что

²² *Waldschmidt E.* Gandhara, Kutscha, Turfan: eine Einführung in die frühmittelalterliche Kunst Zentralasiens. Leipzig, 1925. Taf. 46.

древнейший Будда в давно прошедшие века покаялся появляться всегда и везде, где будет проповедываться Сутра Лотоса. Собрание попросило сделать этого Будду видимым, но он, оказывается, мог появиться лишь в сопровождении всех Будд, которые возникали после него. И тогда Шакьямуни вызвал появление 1000 Будд, над которыми была ступа с сидящим Первым Буддой. Затем Будда Шакьямуни сел рядом с Первым Буддой и весь сонм Будд поднялся в воздух. Так повествуется в гл. 11 Сутры Лотоса.

По мнению некоторых исследователей, изображение этого сюжета в монастырях должно пояснять и подчеркивать положение, что буддизм охватывает все мироздание. И монахи, и посетители монастыря оказываются окруженными мириадами Будд²³.

Своды и купола, расписанные подобным образом, воспроизводят символ неба, чудесным образом заполненного бесчисленными фигурами Будды, просвечивающими и прозрачными. Изображения такого типа имеются уже на куполах Бамиана и Какрака (V–VI вв. н. э.). Здесь они помещены в соприкасающиеся круги или шестиугольники, в свою очередь заключенные в концентрические круги²⁴.

Залы с множеством таких изображений Будд имелись в восточно-туркестанских буддийских монастырях²⁵. М. Буссалли отмечает, что в Центральной Азии композиции этого типа «часто обогащены цветочными арабесками, окружающими фигуры, что отражает любовь к растительной орнаментике, свойственную живописи Центральной Азии, но в Бамиане такая декорация встречается редко»²⁶. На аджинатепинских росписях мы видим один из начальных этапов развития этой традиции: между фигурками Будд помещены цветочные побеги.

Вторая сюжетная линия связана с изображением мирских персонажей и, в отличие от первой, может быть условно названа «светской», хотя тематикой своей она непосредственно примыкает к культовой живописи.

Эта линия представлена двумя фрагментами росписи — I/p-5 и XXXI/p-1. Расшифровка изображенных сцен не вызывает особых трудностей: на фрагментах изображены сцены поклонения и подношения даров святыням. Объекты поклонения различны. В одном случае (XXXI/p-1) расположение фрагментов в завале (возле стены и «лицом» вверх) позволяет с уверенностью реконструировать их первоначальное положение на стене прохода. При этом получается, что дарители обращены лицом в сторону помещения XXXI, внутри которого находилась маленькая террасовидная ступа.

Обычай подношений святыням очень широко распространен в буддийском ритуале. Их могли делать богатые и бедные, знатные и простые люди, монахи и бодхисатвы. В качестве даров допускались цветы, светильники, пища, украшения, одежда, земельные участки. Размеры подношений не ограничивались. Так, Сюаньцзан сообщает, что правитель Бамиана регулярно жертвует монастырю все ему принадлежащее: от своей жены и детей до государственных сокровищ, наконец, отдает храму самого себя, после чего министры и приближенные «выкупают» своего правителя²⁷.

²³ Prip-Miller J. Chinese Buddhist Monasteries. Copenhagen, 1937. P. 64–65.

²⁴ Bussagli M. Central Asian Painting. Geneva, 1963. P. 36–39; Bamiyān... Pl. 64–65.

²⁵ Prip-Miller J. Chinese Buddhist Monasteries. P. 65. Там эти изображения выполнены или живописью, или в виде рельефов.

²⁶ Bussagli M. Central Asian Painting. P. 39.

²⁷ Beal S. Buddhist Records... Vol. I. P. 51–52. См. также данные Хой Чао (Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 445–446).

В Восточном Туркестане миряне жертвовали монастырям значительные деньги (в частности, для переписки священных книг), продукты питания, лошадей, ткани и изделия из них и др.²⁸

Согласно буддийской традиции, Будда и сам принимал подношения. Первым крупным даром был сад царя Бимбисары, после чего было установлено правило, позволяющее монахам принимать такие дары²⁹.

Поэтому сцены подношений стали широко распространенным сюжетом в буддийском изобразительном искусстве. По всей вероятности, они имели и «агитационное» значение: будучи изображенными в культовых местах, они как бы напоминали верующему о необходимости сделать вклад в пользу храма или монастырской общины.

Однако, судя по легендам, по некоторым из дошедших до нас историческим источникам и сохранившимся памятникам искусства, а также по ритуальной практике, существующей и сейчас в странах, исповедующих буддизм, наиболее распространенным даром были и есть цветы. В цейлонской хронике «Mahāvamsa» (VI в. н. э.) рассказывается о царе Бхатикабхайа (по В. Гейгеру и В. Рахуле — 38–66 гг. н. э.), который однажды принес в жертву ступе столько цветов, что она до самого верха оказалась ими покрытой³⁰.

В индийских преданиях рассказывается о Будде Дипанкаре (Dipankara) — наиболее раннем из 24 предшественников Будды. Когда Дипанкара объявил о своем намерении посетить один город, его правитель собрал все цветы для торжественной встречи гостя. Юный аскет Сумедха (Sumedha), хотевший также поднести цветы, нигде не мог их найти. Наконец, он встретил девушку, у которой было несколько лотосов. Она отдала аскету 5 цветов, но с условием, что во всех будущих воплощениях она будет его женой. С цветами аскет Сумедха приблизился к Будде Дипанкаре и бросил цветы к его ногам, но цветы не упали на землю, а образовали венок вокруг головы Дипанкары. Будда предсказал аскету, что в одном из своих будущих рождений тот станет Буддой Гаутамай³¹.

Как сообщается в одном хотано-сакском документе VIII–X вв., царю Канишке было передано пророчество Будды, что если он выстроит сангхараму вместе со ступой, то каждый, кто бросит к этой ступе хотя бы один цветок, в будущем возродится среди богов³².

Последние два примера наглядно свидетельствуют о том, что буддисты рассматривали подношения как благочестивое деяние, которое со временем вознаграждалось.

Таковы легенды. Обратимся теперь к историческим фактам.

²⁸ Восточный Туркестан в древнем и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии / ред. Б. А. Литвинский. М., 1992. С. 483, 488.

²⁹ Chattopadhyaya J. Lokayata Darshan. History of Indian Materialism. M., 1961. P. 502.

³⁰ The Mahāvamsa, or the Great Chronicle of Ceylon / transl. by W. Geiger. Colombo, 1950. P. 241. См. также: Минаев И. Н. Очерки Цейлона и Индии: из путевых заметок русского. Ч. I. СПб., 1978. С. 104; Rahula W. History of Buddhism in Ceylon. Colombo, 1956. P. 247–275.

³¹ Так по санскритской версии. См.: Majumdar N. C. A Guide to the Sculptures in the Indian Museum. Pt. 2. Delhi, 1937. P. 30–33; Hargreaves H. The Buddha Story of Stone. 3rd ed. Calcutta, 1924. P. 4–6. См. также: Foucher A. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde. T. I. Paris, 1900. P. 77. Тексты: Rhys Davids T. W. Buddhist Birth-Stories (Jataka Tales). New and rev. ed. London, 1925. P. 83–114. По палийской версии, Сумедха преподнес 8 пригородней цветов, а 400 тыс. архантов поднесли благовония и гирлянды, то же самое сделали дэвы и люди (ibid. P. 97). В этой связи интересно изображение фигур деваты в восточнотуркестанской скульптуре — с ладонями, полными цветов. См.: Le Coq A., von. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. T. I: Die Plastik. Berlin, 1922. S. 26. Taf. 31/a, b, 36.

³² Bailey H. M. Viśa Saṃgrāma...

По свидетельству Фа Сяня, правитель Хотана сам участвовал в буддийской церемонии, зажигая курильницы перед священными буддийскими изображениями и возлагая к ним цветы³³. Этот же паломник сообщает, что в области Таксилы царь, министры и народ соперничают друг с другом в разбрасывании цветов и возжигании светильников перед ступами³⁴. Сходные данные он приводит и о других местах Индии.

В биографии Сюань-цзана содержится такое любопытное для нас описание. Когда он посетил Кучу, буддийские монахи приветствовали его, а один из них вручил Сюань-цзану поднос, полный свежих цветов, а тот, в свою очередь, принес их в жертву изображениям Будды³⁵. Сцена подношения³⁶ верующим цветов Будде нашла отражение уже в гандхарском искусстве и была популярной и значительно позже³⁷.

Практика принятия в дар цветов была узаконена. В «Винае» (Cullavagga, V, 18, 1) содержится специальное разрешение бхикшу принимать в дар цветы, складывая их в определенном месте³⁸.

Об одном из храмов в Индии Фа Сянь сообщает чрезвычайно существенную подробность. Перед воротами этого храма каждое утро сидели продавцы цветов и курильниц, а тот, кто хотел сделать приношение, покупал их. «Правители многих областей также часто посылают посольства для того, чтобы принести жертвы»³⁹.

Что же подносят в качестве дара персонажи, изображенные на фреске Аджина-тепа? Выше мы говорили, что художник передал «дары» весьма обобщенно — в виде крупных фестончатых лепестков с тонкими прожилками. Скорее всего это цветы. Обратимся к фрескам аналогичного содержания, найденным в Восточном Туркестане и на Цейлоне.

В Турфане, например, по словам А. Грюнведеля, «в узких ходах, которые окружают средние кельи храмов и пещер, по бокам и на оборотной стороне, стены украшались всегда изображениями легенд, которые рассказывают о приношениях какого-нибудь бодхисатвы какому-то Будде древних веков. Этот Будда, может быть Кашьяпа или Динанкара, принимает милостиво подарки — цветы или светильники, платье или украшение — и в то же время отвечает предсказанием бодхисатве, когда он станет буддой»⁴⁰. Эти сцены называются «пранидха», «пранидхи» или «пранидхана». В Восточном Туркестане это сложные многочастные композиции, одним из элементов которых часто являлось изображение подношений коленопреклоненными персонажами, держащими сосуды с дарами (в том числе и с цветами)⁴¹.

В этой связи необходимо сказать еще об одной буддийской церемонии, тесно связанной и переплетающейся с вышеописанной. Мы имеем в виду церемонию

Uposadha, подробно переданную буддийским паломником И цзином (последняя четверть VII в. н. э.). Эта церемония связана с торжественной трапезой, сопровождаемой жертвоприношениями. Участники этой церемонии садятся близ основания священного изображения, простирают к нему сложенные руки, и каждый молится, иногда вслух. При этом они сидят на двух коленях таким образом, что «оба бедра поддерживают тело» (в переводе сказано, что этот способ коленопреклоненного сидения называется «монгольским», может быть, следовало «тюркским»? — Б. Л., Т. 3.). Приносятся в жертву светильники, разбрасываются цветы, зажигаются жертвенники, играет музыка, поются песни. Перед изображением Будды скапливается огромное количество цветов и светильников.

По одному из вариантов этой церемонии, на третий день перед изображением Будды становятся 5 или 10 девушек и несколько юношей. «Каждый из них несет жертвенник или держит золотой сосуд для воды, лампу, или некоторое количество прекрасных цветов, или белую куропатку (или утку). Народ приносит и жертвует все виды туалетных принадлежностей — зеркала, футляры зеркал и т. п., все подносится изображению Будды». В Тухара (Тохаристан) и Сули (Кашгар) эта церемония имеет свои особенности, о которых сообщается лишь то, что глава церемонии вначале жертвует балдахин из 42 живых цветов⁴².

Чрезвычайно характерно подчеркивание источником особого положения коленопреклоненных ног — именно такое мы видим на изображении в Аджина-тепа. Все это заставляет думать, что художник, автор росписи, воссоздал один из моментов этой или аналогичной буддийской церемонии.

Довольно близка аджинатепинской, хотя и не идентична, сцена из калаикафирниганской живописи⁴³. Последняя, как в известной степени и аджинатепинская, может быть сближена с восточно-туркестанскими stifterbild — изображениями церемонии, во время которой устроители монастыря (храма) подносят дары святыне. Эта сцена чрезвычайно распространена на буддийских памятниках Восточного Туркестана⁴⁴. Обычно основателей религиозного учреждения изображали в половину или целиком в натуральную величину, составляя полосу стеной росписи. Они шествуют один за другим, предводительствуемые монахами⁴⁵, которые держат лампы, или стоят на месте. В разных вариантах этой сцены изображались три знатных персонажа, среди которых одна дама и слуга, несущий блюдо с жертвенными дарами.

В пещере объекта 2 у Кизыла по одной стороне от двери нарисован, очевидно, царь Кучи с двумя сопровождающими, несущими цветы, по другой — возглавляемая монахами процессия, в составе правителя со своей женой (царь и его жена — в ореолах). Сопровождающая изображение надпись сообщает, что устроителем был

³³ Fa-Hsien. A Record of the Buddhist Countries. Peking, 1957. P. 19. О пожертвовании принцем «в пользу Будд» наряду с прочими богатствами также разнообразных цветов сообщается в одном хотано-сакском тексте. См.: Bailey H. W. The Profession of Prince Tei-m-tet-hi // Indological Studies in Honour of W. Norman Brown. New Haven, 1962. P. 19–20.

³⁴ Fa-Hsien. A Record... P. 27.

³⁵ The Life of Hsüan-Tsang compiled by Monk Hui-li. Peking, 1959. P. 38. О приношении верующими цветов к буддийским святыням см.: Минаев И. Н. Очерки Цейлона... Ч. I. С. 73–96.

³⁶ Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. I. Fig. 139; Ingholt H. Gandharan Art in Pakistan. New York, 1957. Fig. 101.

³⁷ Foucher A. Étude... I. P. 77 f.; The Way of the Buddha. Delhi; Bombay. Fig. 55, 57, 66.

³⁸ Vinaya Texts / transl. from Pāli by T. W. Rhys Davids and H. Oldenberg. Pt. 3 // The Sacred Books of the East. Vol. 20. Oxford, 1885.

³⁹ Fa-Hsien. A Record... P. 30–31.

⁴⁰ Грюнведель А. Краткие заметки... С. 5.

⁴¹ Grünwedel A. Bericht über... Fig. 144. Taf. 11/1, XVII; id. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan. Berlin, 1912. S. 43, 184, 193, 209–210, 227, 239, 241 u. a. Abb. 265–266, 544–567 u. a.; Waldschmidt E. Gandhara... S. 37. Taf. 16.

⁴² I-Tsing. A Record... P. 35–53. Об этой церемонии на Цейлоне см.: Geiger W. Culture of Ceylon in Mediaeval Times. Wiesbaden, 1960. P. 191. Упосадха — основная монастырская церемония с участием как монахов, так и мирян «в те дни, когда соблюдались пост и особо строгий ритуал, в которой были задействованы также и светские люди, и которая проводилась на восьмой или пятнадцатый день каждого полумесяца, в зависимости от их продолжительности. В полнолуние и новолуние вслух читался монастырский кодекс (Пратимокша, от 227 до 263 правил для монахов и еще больше для монахинь), и исповедовалась братия начиная от требующих постоянного или временного изгнания и заканчивая нуждающимися только в акте покаяния» (Buddhism. Art and Faith / ed. by W. Zwalf. London, 1985. P. 13).

⁴³ Литвинский Б. А. Настенная живопись... С. 116–38.

⁴⁴ Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... S. 5, 6, 12–14, 16, 25 sq. Иногда входящие в процессию слуги и другие персонажи стоят на коленях, см.: Gropp G. Archäologische Funde aus Chotan, Chinesisch Turkistan. Bremen, 1974. S. 167–71.

⁴⁵ А. фон Лекко и Е. Вальдшмидт полагают, что монахи порой сами входили в число «Основателей». Le Coq A., von, Waldschmidt E. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. T. VI: Neue Bildwerke 2. Graz, 1975. S. 26.

Anantavarma, который является maharajena («великим царем») Кучи. Обычай изображать знатных покровителей — устроителей монастырей со всей их семьей сохранился и позже, в уйгурское время⁴⁶. Две хронологические группы этих сцен резко отличаются одна от другой: ранние представляют собой монотонное повторение фигур с очень похожими лицами, различающихся лишь рисунком рук и деталями одежды, для поздних же характерны свобода композиции и индивидуальный («портретный») рисунок лиц⁴⁷. В этом отношении аджинатепинская и калаикафирниганская живопись занимает промежуточное положение, приближаясь к поздним восточнотуркестанским изображениям⁴⁸.

Цветы в живописи, связанной с буддизмом, изображаются по-разному: иногда реалистично, в других случаях (например, в Идикут-шахри) очень схематично и условно, совершенно аналогично аджинатепинским. Манера изображения цветов на блюдах, которые несут служанки вслед за знатными дамами на фресках Сигирии (Цейлон)⁴⁹, также чрезвычайно близка аджинатепинской. Мы видим на фреске те же фестончатые лепестки с прожилками, только расположение их на блюде более живописное и выполнены они с большим изяществом и тщательностью, но с сохранением условности и обобщенности в передаче натуры. Очевидно, художники и не старались «выписывать» цветы, делать их похожими на какие-то конкретные образцы местной флоры (отсюда и сходство изображений цветов на фресках с весьма далекими друг от друга территориями — Цейлон, юг Таджикистана, Восточный Туркестан). Их задачей было изобразить факт подношения, его ценность и самих жертвователей. В последнем художник должен был быть особенно точен, если фреска писалась по заказу какого-либо конкретного лица и от него делалось изображаемое подношение.

Тем самым мы подошли к самому ценному, что дает нам этот фрагмент росписи из Аджина-тепа, — изображению жертвователей. Если живопись и скульптура этого монастыря, найденные до сих пор, целиком были связаны с традиционными культовыми изображениями и сюжетами и персонажи их были выполнены в соответствии с канонами и требованиями религии, то здесь художник вынужден был отойти от привычных штампов и показать жителей именно данной области. Эта задача требовала творческого подхода, и мы видим, что, используя те же художественные приемы, художник оказывается довольно беспомощным, когда надо показать фигуру или отдельную деталь в непривычном повороте или перспективе, как ему изменяет уверенность и нарушается четкость линий при передаче земного, реального персонажа, деталей его одежды. Однако художник, несомненно, стремился точнее передать образы местных тохаристанцев — в характерных для них костюмах, с тем оружием, которое они обычно носили. В какой-то степени мы можем доверять художнику и в правильности изображения физического типа тохаристанцев.

Судя по богатству оружия и дарам, перед нами представители имущего класса Тохаристана — молодые воины дихканы (чакиры?). Очень возможно, что они со-

⁴⁶ Grünwedel A. Alt-Kutscha... S. 27–28. См. также: Gabain A., von. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850–1250). Wiesbaden, 1973 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 6). S. 197.

⁴⁷ Grünwedel A. Alt-Kutscha... S. 28–29. См. также: Yaldiz M. Archäologie und Kunstgeschichte Chinesisch-Zentralasiens (Xinjiang). Leiden; New York; København; Köln, 1987. S. 94–98.

⁴⁸ Однохарактерные сцены поднесения даров буддхисатве или Будде в живописи Аджанты (Yazdani G. Ajanta. Vol. 2. [Text.] Oxford, 1933. P. 31–34; id. Ajanta. Vol. 3. [Plates.] Oxford, 1946. Pl. XXX–XXXIII) композиционно решены совсем иначе, чем в аджинатепинской и калаикафирниганской живописи.

⁴⁹ Smith V. A. A History of Fine Art... P. 99–100. Pl. 90–91; Coomaraswamy A. K. History of Indian and Indonesian Art. Pl. II.

ставляют свиту какой-то важной персоны (или персон)⁵⁰. Тогда главная фигура (или фигуры) должна находиться где-то на продолжении фрагмента справа. В качестве близкой аналогии необходимо привлечь одну сцену из «пещеры меченосцев» в Минг-Ой близ Кизыла, на которой изображена группа из четырех стоящих, обращенных влево, знатных персонажей (А. Грюнведель называет их «изображениями основателей»). Перед ними, на коленях, обращенная вправо, располагается меньшая по масштабу фигура слуги, держащего перед собой чашу с дарами. У слуги такой же пояс, как и у его господ, к нему подвешен кинжал. По своей позе фигура слуги из росписи в Минг-Ой чрезвычайно близка правой фигуре аджинатепинской сцены. Вполне вероятно поэтому, что на Аджина-тепа и в Минг-Ой при решении близкого сюжета использовалась близкая (или идентичная) композиционная схема.

Помимо этого, необходимо указать на росписи Баминана. В нише 53-метрового Будды изображен коленопреклоненный (таким же образом, как на Аджина-тепа) персонаж⁵¹, нижняя часть туловища и ноги которого обращены влево, корпус передан в фас, голова повернута вправо и вверх. На голове — ложчатое блюдо с дарами. Персонаж одет в узкий кафтан с отворотами, к поясу подвешен кинжал. Профиль безбородого лица с большим горбатым носом, тонкими усиками, прическа с височной прядью «клинышком» поразительно близка аджинатепинским жертвователям.

Уместно в этой связи также вспомнить «сцену дароносцев» на бамианской росписи (VI в. н. э.). Ее исследователи отмечали разные физические типы изображенных персонажей⁵². Л. И. Альбаум высказал мнение, что на этой сцене представлены «народы, имеющие определенное отношение к буддизму, очевидно, исповедующие его или признающие в какой-то мере догмы этой религии», причем некоторые из фигур он считает (на основании детального анализа костюма, украшений и т. п.) изображениями жителей Северного Тохаристана⁵³.

На наш взгляд, наблюдения Л. И. Альбаума во многом справедливы. Что же касается интерпретации этих бамианских росписей, то она становится ясной из вышеприведенного сообщения Фа Сяня о присылке правителями многих областей посольств к одной из тамошних буддийских святынь для принесения жертвований.

Интересные результаты дает сравнение персонажей аджинатепинской росписи и росписи Балалык-тепа. Обращает на себя внимание близость этнического типа, особенно очевидная для аджинотепинской фигуры с лицом, повернутым на 3/4. Достаточно сопоставить ее, например, с фигурой № 13 первой группы западной стены Балалык-тепа или с фигурами второй группы той же стены⁵⁴. Совпадают также такие признаки, как безбородость, детали прически — опущенная треугольником по средней линии лба «челка», клиновидная прядь возле уха. Одинаковы форма ножен кинжалов и способ крепления их к поясу с помощью пластин, фасон обуви (ичиги). Серьга в ухе правого персонажа нашей фрески аналогична серьге

⁵⁰ Характерно, что на фресках из Сигирии подношения на блюдах несут служанки. Они идут позади своих патронесс, у которых в руке только один цветок, и отличаются более скромными украшениями.

⁵¹ Hackin J., Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bāmiyān. Paris, 1933 (MDAFA. T. 3). P. 18. Pl. XXVIII; Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана: три этюда. М., 1963. С. 75–76.

⁵² Godard A., Godard V., Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bāmiyān // MDAFA. T. 2. 1928. P. 23–24. Pl. XXIII, XXIV.

⁵³ Альбаум Л. И. Балалык-тепе... С. 169. М. Буссалы вновь подчеркнул связи живописи Балалык-тепа и Баминана (Bussagly M. Central Asian Painting. P. 35–36).

⁵⁴ Альбаум Л. И. Балалык-тепе... С. 107–109.

в ухе слуги (фиг. № 17), изображенного на западной стене Балалык-тепа⁵⁵. Наконец, поза фигур — сидящие на пятках коленями вперед — также встречается у некоторых персонажей живописи Балалык-тепа (слуга на рис. 116, фиг. 24, в книге Л. И. Альбаума).

Вместе с тем нельзя не отметить и ряд существенных различий. В первую очередь — в костюмах (здесь наглухо застегнутый кафтан, на балалыкской росписи — распахнутый, с отворотами; здесь рукава и штаны — в складках, на балалыкской росписи — гладкие). Видимо, эти различия определяются разным характером изображенных сцен (парадный пир и подношение даров) и тем, что здесь мы, может быть, имеем представителей разных сословий (аристократическая верхушка со слугами и воины). Тем самым мы получаем более полное представление о внешнем облике и costume жителей Тохаристана (эфталитов?)⁵⁶. Следует отметить также различия в форме кубков и чаш в руках персонажей из Аджина-тепа и Балалык-тепа.

Что касается уровня художественного исполнения аджинатепинских «Дароносцев», то он значительно уступает мастерству художника, выполнившего роспись на Балалык-тепа. И дело тут не в иных приемах (они, по-видимому, очень близки) или в уровне мастерства, а в специфике сюжета. Очевидно, аджинатепинскому мастеру (мастерам?) — специалисту по культовой иконографии, блестяще справлявшемуся с традиционными буддийскими сюжетами (и это мы видим по сохранившимся остаткам живописи на Аджина-тепа), «мирские» среднеазиатские персонажи удавались значительно слабее.

На фрагменте № 5 фигура коленопреклоненного жертвователя изображена на фасадной стене постамента, на котором некогда восседала крупная фигура Будды. Скорее всего она являлась объектом поклонения, в ее честь вокруг были разбросаны цветы. В данном случае интересно, что живопись и скульптура постамента составляют единое сюжетное целое. Что же касается понимания изображаемой сцены, то мы больше склоняемся к тому, чтобы видеть здесь церемонию уполотха.

Остается сказать о живописи орнаментального характера. Ее можно разделить на два вида.

1. Живопись, которая покрывает собой больше плоскости и состоит из ритмично повторенных элементов рисунка, нанесенных на ровное поле фона (роспись на постаменте под Буддой в нирване, на торце и в четвертькупольных нишах правого постамента в помещении I, на потолке маленького святилища XXXI). Она тематически не связана с соседними участками сюжетной живописи.

2. Живопись, которая занимает сравнительно небольшие участки и входит составной частью в сюжетную роспись. Это может быть обрамление из цветов и побегов вокруг фигур или сцен (фрагменты потолковой росписи коридоров ограды), букеты цветов, ограничивающие сбоку отдельные композиции (фрагмент с «дароносцами»). В другом случае — это стилизованные изображения цветов или листьев, которыми заполняют фон для какого-то сюжета (например, лепестки цветов по красному полю фона «дароносцев»). Растительные элементы орнамен-

⁵⁵ Л. И. Альбаум отметил для живописи Балалык-тепа интересную деталь: серьги имеются только у слуг и у женщин (Альбаум Л. И. Балалык-тепе... С. 168). Это наблюдение является еще одним доводом в пользу того, что аджинатепинские «дароносцы» были лишь спутниками-слугами какой-то важной особы.

⁵⁶ Безусловно, имеется определенное (этническое?) сходство с изображениями на эфталитских монетах и монетах эфталитского круга, в частности, группы *Napki Malka* (по Р. Гиришману, VII в.). См.: *Ghirshman R. Les Chionites-Hephthalites. Le Caire, 1948 (MDAFA. T. 13). P. 51–54. Pl. II, V.*

тальной живописи выполнены в довольно условной манере, обобщенно, однако не настолько, чтобы их определение вызывало какие-либо затруднения, как при интерпретации даров. Схематизация иногда доходит до того, что лепестки цветов переданы в виде горошин (торец постамента), которые образуют сетку чисто геометрического орнамента. Вместе с тем рисунок может довольно близко передавать реальную форму цветка, бутона, побега, но в обобщенном виде (куски росписи из завала пом. XX).

Интересно проследить, как варьирует манера изображения одного и того же цветка, помещенного в верхнем тимпане между головами сидящих Будд на потолковой росписи в разных помещениях. Наиболее естественно выглядят цветы на фрагменте XXIX/р-1 из помещения XXIX; у них длинная, загнутая в спираль ножка заканчивается изображением восьмилепесткового цветка (лотоса) с овальной сердцевинкой в центре. В помещении XXVII цветок на спиральной ножке имеет уже шесть лепестков и передан в более обобщенной форме. В помещении XXVIII цветок приобрел форму круглого веночка, в котором лишь с трудом угадывается прежний цветок.

Такую небрежность в передаче цветов, видимо, можно объяснить, во-первых, незнанием художником натуры, а во-вторых, отношением к изображаемым цветам как к второстепенному элементу рисунка, назначение которого сводилось к тому, чтобы заполнить пустующее пространство или выполнить роль своеобразного барьера-разделителя. Наконец, в этом можно усмотреть и тот фактор, что все три помещения расписывались разными мастерами, которые строго придерживались единого стиля в изображении персонажей, но позволяли себе некоторые отклонения в передаче чисто орнаментальных мотивов.

Геометрические мотивы в орнаментальной живописи Аджина-тепа встречаются чаще. Это, прежде всего, горизонтальные ленты с «перлами», разделяющие на ярусы сюжетные живописные сцены. Такие же «перлы» составляют кайму у крупных кругов на постаменте Будды в нирване. Разделительным поясом являлся, по-видимому, бордюр из 3–4 рядов «катушек», расположенных в шахматном порядке по отношению друг к другу, в верхнем слое живописи помещения I.

В пределах одного и того же орнаментального сюжета геометрические и растительные мотивы могли сочетаться (клетки-ромбы с цветами в центре, ряды цветов между двумя параллельными полосами на постаменте под Буддой в нирване). Следует отметить также пока что единственный случай использования в качестве орнаментального мотива изображений фазанов на подушке изголовья (там же).

Итак, мы видим, что орнаментальная роспись на Аджина-тепа занимает явно второстепенное положение. Она была несложна по рисунку, и это делалось, видимо, умышленно, так как тщательно проработанный в деталях сложный узор явно пропадал в полутемных коридорах и помещениях. То же самое следует сказать о раскраске. Она нарочито контрастна (сочетания белого с черным, красным, синим; красного с белым; синего с желтым или золотым), рассчитана на то, что в условиях полумрака грубость сочетания цветов будет смягчена и в целом орнаментальный узор, например на постаментах, будет восприниматься как красивая декоративная ткань или ковер, на котором особенно эффектно будут выделяться фигуры Будды в однотонном красном.

Таким образом, мастера, расписывавшие храмы, были искусными декораторами. Работая в одинаковых условиях в Средней Азии, на территориях современного Афганистана или в Восточном Туркестане и имея одни и те же цели и задачи, они, что вполне естественно, пользовались одинаковыми приемами для их

достижения: максимально упрощали рисунок орнаментальных панно, не боялись резкого сочетания цветов. Одни и те же мотивы орнамента («перлы», ромбы-клетки, простейшие цветы из белых горошин, сетка из них и т. п.) можно встретить в живописи весьма удаленных друг от друга памятников⁵⁷.

Скульптура

Описание

Помещение I (святилище)

Завал со скульптурными остатками и фрагментами настенной живописи покрывает толстым слоем (до 75 см) пол помещения. Плотность завала и его насыщенность позволяют предполагать преднамеренный характер его образования: скульптуры, стоявшие на постаментах, были сброшены на пол и разбиты (при этом оказались сбитыми и верхние плоскости постаментов). От фигур, некогда расположенных на постаментах, *in situ* сохранились только части складок одежд, которые спускались на фасадные стенки. Складки выполнены в очень высоком рельефе

(до 3,5 см), имеют примерно одинаковые очертания на всех трех постаментах и спускаются по фасадным стенкам довольно низко (на правом постаменте центральная складка заканчивается на высоте 19 см от поверхности ступени-плинта). Можно полагать, что рельефные изображения складок покрывали значительную часть фасадной плоскости постамента, оставляя свободными (для росписей) в основном нижние углы. На левом (от входа) постаменте складки сохранились в трех местах. Складка в центре образована двумя подковообразными валами — широким внешним и более узким внутренним. Первый разделен, в свою очередь, на мелкие складки, образующие сложную линию. Изображение складок у юго-восточной оконечности этого постамента напоминает вытянутый, подтреугольный формы лист, по краю которого идет зигзагообразный выпуклый бортик⁵⁸.

Рис. 47. Фрагменты складчатых одежд сидящего Будды. Помещение I

⁵⁷ Ср. также мотивы живописного орнамента в Пенджикенте: Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // ТАНТаджССР. Т. 17. 1953. С. 55–67; она же. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 90–107.

⁵⁸ Характер этих складок стал понятен после того, как были расшифрованы постаменты крупных фигур Будд в нишах коридоров ограды ступы. Именно таким «листом» спускаются в этих нишах концы плаща Будды.

От фигур, сидевших на постаментах в помещении I, сохранились только отдельные куски крупных плоскостей и складок, окрашенные в ярко-красный цвет. На некоторых фрагментах, найденных возле центрального пристенного постамента, поверх красной краски были наложены многолучевые звезды и ромбы, сделанные из тонкой золотой фольги (фр-т I/c-1a; рис. 47; табл. 16, 1).

В южном углу помещения (между двумя постаментами) была найдена верхняя часть головы крупной скульптурной фигуры с наклепными завитками волос в виде спиралей, окрашенными в синий цвет (фр-т I/c-1; рис. 48). Отпавшие спирали-завитки встречались по всей площади зала, но особенно много их было вокруг этого фрагмента. Диаметр головы около 90 см. Видимо, в помещении I (на одном из постаментов) находилась громадная статуя. Судя по размерам головы, высота сидящей фигуры была около 4 м. Трудно сказать, была ли это единственная крупная статуя в данном помещении. Размеры складок, сохранившихся на боковых постаментах, и обломки фигур I/c-14, найденные возле них в завале, позволяют предположить, что они также принадлежали фигурам внушительных размеров. Однако количество таких крупных фрагментов невелико: их вряд ли наберется на одну большую статую. Остается поэтому предположить, что скульптура была не только разбита, но и частично вытащена из помещения, когда происходило разрушение⁵⁹.

Помимо остатков крупной скульптуры в завале над полом помещения I были найдены фрагменты голов нескольких фигур, выполненных примерно в натуральную величину или в половину ее. Большинство из них найдено около низких пристенных суф.

Голова бодхисатвы (размер 11 × 9,5 см, 1/2 нат. вел., фр-т I/c-2; рис. 49; табл. 8, 4). Найдена в восточном углу помещения, на полу, лицом вниз. Сохранились только лицевая часть и полоска диадемы надо

Рис. 48. Голова Будды. Помещение I

Рис. 49. Голова бодхисатвы (фрагмент I/c-2)

⁵⁹ Не исключено, что часть крупных фигур была убрана из помещения I еще в период существования монастыря во время одного из ремонтов. Начавшие разрушаться фигуры могли быть использованы и как строительный материал. Повсеместно в штукатурную массу ремонтных этапов добавлялась скульптурная крошка. Наиболее крупные фрагменты, видимо, или складывали в заложенные (в результате ремонта) помещения (ср. помещение XII, где были найдены два крупных фрагмента ног с красными складками одежды и обломки головы с синими волосами, см. табл. 15, 2), или замуровывали в ремонтную кладку (ср. фрагменты, заделанные в щеки дверных проемов из помещения V в помещение XI и из помещения XXIX в помещение XXX).

Рис. 50. Фрагмент головы Будды.
Помещение I

демы (по оси лица) вставка-«перл» (диаметр 1,8 см). На диадеме сохранились остатки желтой (в выступающих частях) и черной (в углублениях) краски.

Раскраска головы сохранилась только на небольших участках. Большая часть красочного слоя (вместе с алебастровой обмазкой-грунтом и тонкой обмазкой из зеленоватой глины) этой головки отстала и была взята отдельной «маской». Таким образом, первоначальную раскраску можно только реконструировать по следам краски на самой голове и по «маске». Лицо было белым, ниточки бровей — черными, веки глаз были обведены синей полоской, глазное яблоко закрашено желтым, зрачок — черным. Красной краской были покрыты губы, внутренние уголки глаз и бороздки у крыльев носа. Красная полоса проходила также по лбу, ниже диадемы. В синий цвет была окрашена прическа (или головной убор?) выше диадемы, от которой сохранилась очень небольшая часть.

Лицевая часть головки и диадемы отштампованы в одной форме; дальнейшая подправка деталей выполнена резцом.

Голова Будды (размер 13 × 10,5 см, 1/2 нат. вел., фр-т I/c-3; рис. 50; табл. 14, 3). Сохранились верхняя половина лица (до уровня глаз), левое ухо и теменная часть прически. Сформована из зеленоватой (а не из желто-серой, как остальные) глины.

Линия волос, довольно низко опускающихся на лоб, образована как бы двумя дугами, место соединения которых имеет вид острого клинышка. В каждой такой дуге — от места их соединения до уха — 6 завитков, напоминающих по форме сдвоенный вопросительный знак. Тринадцатый завиток (в центре, где сходятся дуги) комбинированный, несколько иной формы. Выше линии лба завитки расположены рядами, в шахматном порядке. Завитки левой и правой стороны обращены в разные стороны (изготовлены разными штампами) и образуют пробор по средней линии головы над клинышком. Волосы были покрашены ярко-синей краской, нанесенной без ганчeveго грунта, непосредственно на зеленоватую глину завитков. Ближе к макушке упорядоченность в расположении завитков нарушается. Видимо, здесь была расположена ушниша, которая не сохранилась.

лбом. Отсутствуют нос и верхняя губа, повреждены верхнее правое веко, наружный угол правого глаза и левая бровь.

Лоб покатый, с выпуклой поверхностью надбровных дуг. Полукружья бровей почти сходятся у переносицы, высоко подняты. Разрез глаз миндалевидный, с приподнятым вверх наружным углом. Верхнее веко припухлое и имеет подтреугольное очертание. Линия нижнего века чуть изогнута, его припухлость меньше, снизу оно подчеркнуто глубокой врезанной линией-скобкой. Овал нижней части лица округлый. Подбородок очень маленький, слегка заостренный, с глубокой западиной под нижней губой, отчего она кажется сильно выпяченной. Переход от подбородка к шее скошенный.

Диадема представляет собой полосу шириной 1,2 см, образованную рядом концентрических овалов. В центре диа-

Поверхность лба слегка выпуклая. Линии бровей не соединяются и переходят на нос. Глаза сохранились плохо. Можно только отметить, что верхнее веко подчеркнуто глубокой изогнутой бороздкой. Ушная раковина изображена довольно обобщенно.

Раскраска лица почти не сохранилась. На лбу видны следы тонкого слоя белого ганча, покрывавшего первоначально все лицо. Красная краска покрывала углубления ушной раковины и проходила полосой на лбу, ниже линии волос.

Лицевая часть этой головы была изготовлена в одной форме с ушами и, возможно, двумя первыми (нижними) рядами локонов (завитков) прически.

Голова с черными волосами (размер 11 × 10? см, 1/3 нат. вел., фр-т I/c-4; рис. 51; табл. 7, 3). Сохранились верхняя половина лица (ниже уровня глаз), теменная и височная части прически. Голова сформована из желто-серой глины. Завитки волос изготовлены не с помощью штампа (как у большинства скульптурных фрагментов из Аджина-тепа), а выполнены каждый в отдельности и значительно различаются между собой размерами и формой. Их расположение на поверхности головы не имеет строгого порядка: в одних местах завитки наложены один на другой, в других расположены редко, на некотором расстоянии друг от друга. В целом форма завитков напоминает спиральку-раковину.

Волосы оконтуривают полукругом очень покатый лоб, который снизу подпирают рельефные дуги бровей. Разрез глаз удлинённый, верхнее веко имеет незначительную припухлость и слегка прикрывает глаз.

На лице сохранились следы раскраски, наносившейся непосредственно на глину, без ганчевой основы. Лицо было окрашено в желтый цвет, волосы, линия бровей и зрачок — в черный. Ярко-красная краска положена полосой по лбу, ниже линии волос; ее следы также обнаружены во внутренних уголках глаз и по линии верхней границы века.

Голова Будды с ушнишей (размер 14,5 × 9 см, прил. 1/3 нат. вел., фр-т I/c-5; рис. 52; табл. 8, 1). Сохранились верхняя часть лица и прическа левой половины головы, а также ушниша с урной («третьим глазом») Будды.

Рис. 51. Фрагмент головы светского персонажа
с черными волосами. Помещение I

Рис. 52. Фрагмент головы Будды
с ушнишей. Помещение I

Головка имеет высокий лоб, убегающий назад. Линия волос проходит примерно через темя и имеет очертания в виде двух дуг, образующих острый мыс. Прическа состоит из штампованных завитков в форме «учетверенного» вопросительного знака. Завитки правой и левой стороны головы изготовлены в разных формах и обращены в разные стороны. Центральную линию пробора образуют завитки левой половины прически. Между ушными и лбом два ряда завитков, один над другим. Распределение завитков на две половины (т. е. пробор) сохраняется и в завитках ушных.

Круто изогнутые брови сходятся у переносицы и подчеркнуты глубокой бороздкой. Глаза маленькие. Верхнее веко слегка припухлое, частично прикрывает глаз; нижнее сильно изогнуто.

Красочное покрытие почти не сохранилось. Можно только с уверенностью говорить о синем цвете волос.

Дефект на правой стороне лба головки позволил установить особенность ее формовки, объясняющую необычную (почти уродливую) величину лба. Оказалось, что первоначально головка предназначалась для изготовления какого-то иного образа и имела округлый выпуклый лоб, который уже был покрыт сверху тонким слоем ганчевой обмазки. Однако потом, по неизвестным нам соображениям, мастер переделал ее: нарастил лоб слоем глины (от 0,1 до 2 см с постепенным утолщением к темени), сделав его неестественно высоким. При разрушении скульптуры часть наращенного лба отпала и обнажилась первоначальная поверхность.

Голова Будды (?) (размер 12 × 7,5 см, пригл. 1/2 нат. вел., фр-т I/c-6; рис. 53; табл. 7, 1). Лицевая часть сохранилась на 2/3, прическа отсутствует полностью, что затрудняет уверенное определение головки. Изготовлена из зеленоватой глины, сверху покрыта тонким слоем белого ганча.

Рис. 53. Голова Будды (?). Помещение I

Покатый лоб образует с линией носа одну прямую. Нос тонкий, с изогнутым вырезом ноздрей, под носом над верхней губой — ямочка. Линия бровей подчеркнута глубокой бороздкой. Глаза удлиненные, наполовину прикрытые, верхнее веко припухлое, оконтуренное сверху врезной дужкой. Губы, сохранившиеся не полностью, чуть тронуты улыбкой. Подбородок мягко очерченный, припухлый снизу.

Первоначальная раскраска прослеживается с трудом. Красными были губы, следы красной краски заметны и в верхней части лба (видимо, это остатки красной полосы под прической). Врезанный контур верхнего века также был выкрашен в красный цвет.

Правая часть лица утрачена. На сломе хорошо видны особенности формовки этой головки. Четко заметна граница между сердцевинной, изготовленной из плотной глины с большой примесью песка, и верхним слоем (толщина 8–12 мм) тонкоотмученной глины, из которой отформована лицевая часть головки. На рассматриваемом экземпляре прилегание скульптурной массы к шероховатой поверхности сердцевинной-болванки получилось

неполным, что, видимо, способствовало расслоению верхнего слоя при высыхании глины.

Голова бодхисатвы (размер 6,5 × 12 см, 1/2 нат. вел., фр-т I/c-7; рис. 54). Сохранилась только верхняя часть головы (выше линии бровей) вместе с прической над правым виском. Прическа состоит из прядей в форме крупных колец. На волосах диадема в виде валика овалов (ср. с-2). Нижняя граница волос не сохранилась. О ней можно судить только по изогнутому контуру красной линии, проходящей по лбу ниже диадемы.

Поверхность лба бугристая, правая надбровная дуга выступает рельефным валиком. Сохранившийся участок лба покрыт слоем белого ганча.

Завитки волос окрашены в черный цвет, на лбу — остатки красной полосы. Прическа, видимо, формовалась вместе с диадемой и верхней частью лба с последующей подправкой стекой.

«Синяя голова» (размер 11,4 × 7,5 см, пригл. 1/3 нат. вел., фр-т I/c-8; рис. 55; табл. 8, 2). Найдена в южном углу помещения, возле стены, на суфе. Видимо, составляла часть горельефной композиции над суфой. Изображение выполнено в высоком рельефе, однако не все детали одинаково тщательно проработаны. Сохранилось полностью все лицо, обращенное вправо, от прически — только верхняя часть; ухо отсутствует.

Лоб низкий, с выступающими надбровными дугами, крупные нос и рот; небольшой округленный подбородок. Впадина щеки возле рта и носа передана весьма натуралистично. Глаз изображен более обобщенно — в виде небольшой глубокой ямки. Пряди волос показаны косыми глубокими насечками, идущими от лба.

Вся голова равномерно окрашена в синий цвет. Однако в отдельных местах из-под синей краски проступает палево-желтая, что как будто говорит о двух слоях раскраски (возможно,

Рис. 54. Фрагмент головы бодхисатвы. Помещение I

Рис. 55. «Синяя голова» светского персонажа. Помещение I

Рис. 56. Голова деваты. Помещение I

в синий цвет горельеф был окрашен во время ремонта помещения).

Несмотря на то что лицо головки имеет явные следы обработки стекой и с виду лишено правильности и законченности отштампованных лиц, первоначально оно, видимо, было изготовлено с помощью формы. Четко видна граница формы, проходящая под подбородком, по краю щеки и ниже линии волос. Форма, таким образом, была предназначена для изготовления только лицевой маски.

Голова деваты (размер 14 × 16 см, прибл. 1/2 нат. вел., фр-т I/c-9; рис. 56;

табл. 7, 4). Найдена у левого (от входа) постамента, на полу, лицом вниз. Сохранились правая сторона лица с ухом и височной частью прически и отдельные участки левой половины лица. Полностью утрачены нижняя треть лица, нос, середина лба. Голова вылеплена из зеленоватой глины.

Последовательность ее изготовления такова: вначале была отгиснута лицевая маска, затем по наложенной глине другой формой были изготовлены уши и прическа головы. Линия шва-стыка двух форм образует уступчатое обрамление лица и хорошо видна.

Рис. 57. Торс «воина Мары». Помещение I

Глаза, судя по сохранившейся половине правого глаза, были небольшие, открытые, с маленькими, слегка припухлыми веками. Ухо изготовлено с большим вниманием к достоверной передаче анатомических подробностей, но оно непропорционально велико для этой головы (почти в натуральную величину). Прическу составляют крупные прямые пряди, расходящиеся в стороны (к ушам) от линии пробора. Над ухом пряди образуют выпуклый валик. Ухо и пряди волос, после того как они были отгиснуты штампом, подверглись подправке стекой.

Краска нанесена без предварительного покрытия белым ганчем прямо на глину. Волосы покрашены черным, поверхность лица — желтым. На лбу сохранились остатки красной полосы ниже линии волос.

Торс «воина Мары» (размер 40 × 25 см, фр-т I/c-10; рис. 57). Найден в южном углу помещения лежащим в завале, на полу, лицевой стороной вниз. Фигура представляет собой часть горельефного

панно, из которого она выступала только правой половиной. Сохранились грудь и живот фигуры. Талия перетянута широким крученым поясом, концы которого опускаются вниз. На грудь свешивался ремень (или какая-то подвеска, украшение?), но его детали не видны из-за недостаточно хорошей сохранности.

На животе фигуры — изображение морды чудовища (с некоторыми чертами антропоморфности) с открытой пастью, вытаращенными глазами, приподнятой бровью и глубокими складками у переносья, под глазом и возле уха. Морда чудовища выделена с помощью раскраски: общий фон фигуры красный, раскрытая пасть — черная, глаза подведены красным, остальная часть морды — синяя.

Возможно, к этой же горельефной группе относятся крупные фрагменты рук, ног, а также описанная выше «синяя голова», которые были найдены здесь же, в южном углу, у самой стены.

Остатки скульптурной панели были расчищены и в восточном углу помещения. Наиболее сохранившаяся деталь этой панели — часть крупной (диаметр — около 30 см) розетки-медальона (фр-т I/c-11), внутри которой изображен семилепестковый цветок лотоса (рис. 58; табл. 15, 4). Лепестки отделены друг от друга прямыми лучами, идущими от сердцевинки к бортику медальона. Центральная часть цветка сохранилась не полностью, но, видимо, была сложной формы. Медальон сделан из коричнево-серой глины (с примесью рубленой соломы), сверху покрыт тонким слоем зеленоватой глины и ганчевой обмазкой. Раскраска трехцветная: лепестки лотоса красного цвета, лучи — желтые, все остальные детали — белые, сердцевина цветка — черная.

Медальон с лотосом лежал «лицом» вниз на узкой суфе в восточном углу помещения. Несколько экземпляров аналогичных розеток найдены здесь же во фрагментах. По-видимому, медальоны образовывали бордюр над угловой суфой, являясь основным элементом этой орнаментальной композиции. Штампованные листочки, их фрагменты и части стебля, которые особенно часто встречаются в завале восточного угла помещения, могут относиться к этому же орнаментальному поясу. В таком случае змеевидные побеги с листьями соединяли бы медальоны, заполняя пространство между ними (рис. 59).

Рис. 59. Змеевидные орнаментальные детали. Помещение I

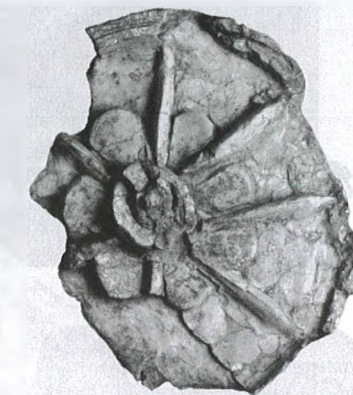

Рис. 58. Розетка-медальон с изображением лотоса. Помещение I

Рис. 60. Фрагменты арки-нимба
вокруг фигуры сидящего Будды.
Помещение I

была украшена рельефной орнаментацией, была покрыта красным цветом. К красной грани под прямым углом примыкала грань, выкрашенная в желтый цвет.

Коридор XXII (ниша № 1)

Ниша № 1 расположена примерно посредине внутренней стены коридора XXII, почти напротив одного из выходов во двор. Ширина 1,55 м, глубина 1,75 м.

Внутри ниши, примыкая к задней стенке, находился прямоугольный постамент (размером 116 × 45 см, при высоте 35 см) с четвертькупольными нишками по углам. В завале были найдены остатки крупной фигуры сидящего Будды (в 1–1/2 раза больше натуральной величины), на задней стенке четко видна нижняя часть мандорлы, концы которой упирались в постамент⁶⁰.

In situ от фигуры Будды (фр-т XXII/с-1) сохранились сложенные в падмасане ноги и часть торса на высоту около 20 см (рис. 61). Обе руки обломаны, видны лишь остатки правой руки в месте локтевого сгиба. Облом позволяет видеть, как изготовлена скульптура. Внутри — стержень-болванка (диаметром 4,5 см), вокруг него концентрическими кольцами — два слоя обмазки толщиной в 3,8–5 см (один с примесью самана, другой, поверхностный, с мелким песком).

Лучше всего сохранились ноги скульптуры. Они занимают почти всю плоскость постамента, расстояние между крайними точками от левого до правого колена — 110 см. Красный плащ косыми складками покрывает ноги до самых щиколоток; на коленях складки разглаживаются, ближе к ступням присобраны гуще. Концы плаща ниспадают всером складок на переднюю стенку постамента по его центру.

Голова Будды (размер 34 × 30 см, фр-т XXII/с-1; табл. 9, 3) найдена в завале ниши в четырех крупных и нескольких мелких кусках. Полностью отсутствуют нос и губы, частично сохранился подбородок.

⁶⁰ Плоскость овала мандорлы выступает на 1,5 см по сравнению с плоскостью задней стенки ниши.

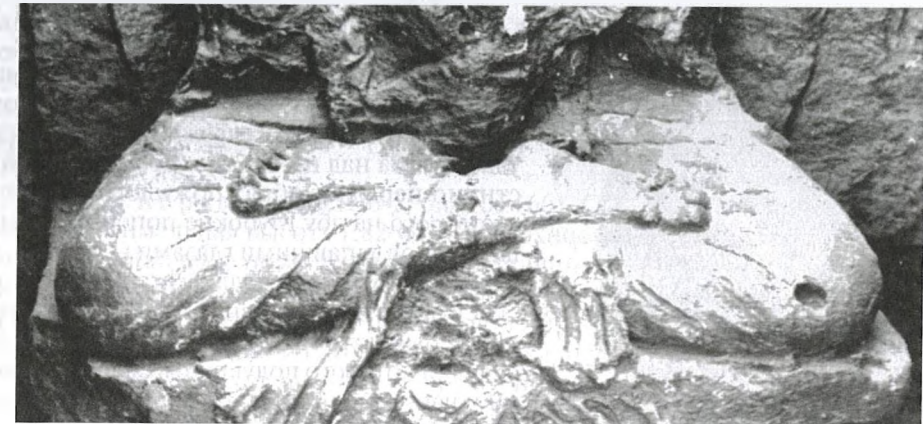

Рис. 61. Сидящий Будда. Остатки фигуры на постаменте в нише № 1.
Коридор XXII (фото после расчистки)

У головы был довольно низкий лоб, высоко поднятые дуги бровей. Сильно вытянутые глаза наполовину прикрыты верхним веком, сквозь которое резко проступает выпуклость глазного яблока. Весьма натуралистично изображена ушная раковина, однако сохранность уха не позволяет говорить о длине мочки.

Линия волос образует небольшой «мыс» у средней линии лба. Прическу составляют отштампованные изображения локонов (изготавливались двумя штампами — для левой и правой стороны), каждый из которых имеет вид пучка из четырех изогнутых побегов с раздвоенными концами. Завитки обеих половин головы положены в определенном направлении, плотно друг к другу в одном ряду и в шахматном порядке по отношению к завиткам следующего ряда. Волосы окрашены в синий цвет (причем для придания последнему большей глубины под него положена черная краска), но только на видимой для зрителя части.

Поверхность лица и ушей покрыта слоем белого ганча и частично раскрашена: красная краска лежит в глубине ушной раковины, широкой полосой на лбу вдоль линии волос, в углублении над верхним веком; черной краской подведены брови, верхнее веко и окрашен зрачок; синяя краска подчеркивает линию нижнего века.

Основа головы сделана из плотной глиняной массы. Лицевая маска изготовлена из глины с примесью рубленой соломы, а самый верхний ее слой (толщиной 4–5 мм) — из глины с добавлением мелкого песка. Стык между лицевой частью головы и прической четко виден благодаря желобку.

В завале ниши были также найдены фрагменты обеих кистей рук (фр-т XXII/с-2; рис. 62). Расположение сохранившихся пальцев позволило предполагать жест дхармачакра-мудра (что и подтвердилось после склеивания фрагментов в лабораторных условиях).

Рис. 62. Фрагменты
рук крупной фигуры
из ниши. Коридор XXII

Рис. 63. Голова Кашьяпы.
Коридор XXII

стамент, на котором сидела фигура: во время одного из ремонтов были заложены его четвертькупольные угловые нишки. После того как из ниши была вынута вся скульптура, оказалось, что роспись на ее задней стенке уходит в толщу. Возможно, первоначально ниша была шире и сужение — результат ремонта ее щек. Пере-

Голова Кашьяпы (?) (размер 11,5 × 11,5 см, 1/3 нат. вел., фр-т XXII/с-4; рис. 63; табл. 9, 1). Найдена в правом углу ниши, между постаментом и стеной. Сохранилась почти целиком; несколько повреждены правый глаз, участок лба над ним и нос. Весьма натуралистично передает образ пожилого мужчины, у которого на лбу глубокие поперечные морщины, под запавшими глазами — мешки, кожа на щеках висит складками, пушистые усы спускаются концами вниз и закрывают целиком верхнюю губу. Голову покрывает тюрбан, складки которого полукругом спадают на виски и частично прикрывают уши. Следов раскраски не сохранилось.

В сердцевине головы имеется след от деревянного стержня, с помощью которого голова прикреплялась к туловищу. Диаметр отверстия 1 см, глубина около 4,5 см.

По наблюдениям реставратора П. И. Кострова, складки на фигуре в нише подвергались ремонту. Оказался перестроенным и по-

стамент, на котором сидела фигура: во время одного из ремонтов были заложены его четвертькупольные угловые нишки. После того как из ниши была вынута вся скульптура, оказалось, что роспись на ее задней стенке уходит в толщу. Возможно, первоначально ниша была шире и сужение — результат ремонта ее щек. Перестройка коснулась целиком всего коридора. В результате он оказался намного уже других коридоров ограды, а его ниша — самая глубокая из всех известных на Аджина-тепа. На последнем этапе «монастырского» периода ниша была заложена кирпичом (одновременно со значительной частью самого коридора). Перед закладкой в нишу были положены наиболее сохранившиеся части скульптуры; такое почтительное отношение к скульптуре, безусловно, говорит о том, что этот последний ремонт производился еще приверженцами буддийской религии.

В проеме коридора, ведущем в айванное помещение XX, на его полу были найдены части маленькой скульптурной фигурки (XXII/с-5; рис. 64; табл. 9, 2) в плаще, со сложенными

Рис. 64. Фрагменты фигуры
в монашеском одеянии. Коридор XXII

в падмасане ногами. Частично сохранились торс с согнутой в локте правой рукой и вся правая половина нижней части фигурки. Возможно, ей принадлежит найденный здесь же в завале фрагмент кисти руки. Скорее всего это изображение Будды, хотя не исключено, что это фигурка сидящего в традиционной позе буддийского монаха. Сохранившиеся размеры — 18 × 17 см.

Помещение XXIII

Будда в нирване (XXIII/с-I; рис. 65–66). Сохранившиеся размеры: длина 10,43 м, максимальная высота 1,82 м (от поверхности постамента до верхней точки левой руки). Найден в помещении XXIII лежащим на постаменте вдоль наружной стены коридора, обращен лицом на юго-запад.

Полностью сохранились нижняя половина фигуры — примерно от пояса до подошвы ног (с небольшими утратами), левая рука от середины предплечья до кончиков пальцев, частично правый бок и правое предплечье (локтевая часть). В завале возле изголовья постамента лежали куски головы и части ладони правой руки.

Фигура лежала в традиционной позе на правом боку в вытянутом положении. Правая рука, согнутая в локте, опиралась на подушки изголовья, и ее ладонь в свое время лежала под щекой. Левая рука была вытянута вдоль тела, ладонью лежала на бедре, большой палец несколько противостоял остальным.

Рис. 65. Будда в нирване (фото в процессе раскопок)

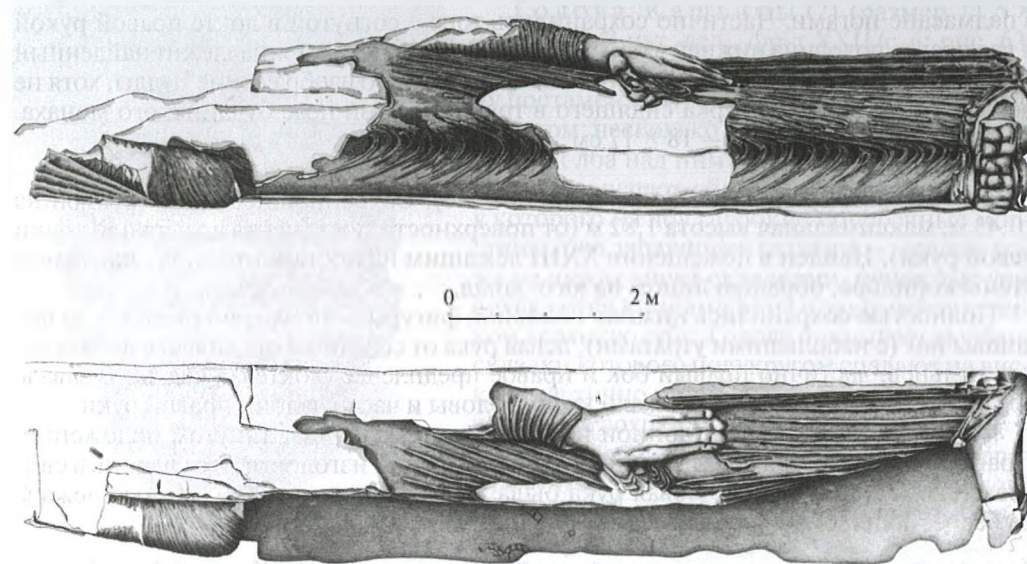

Рис. 66. Будда в нирване (вид спереди и сверху). Коридор XXIII

Первоначальная длина фигуры, судя по сохранившимся ее остаткам, должна была быть около 12 м. Приведем промеры отдельных частей фигуры:

высота фигуры возле голени — 130 см (75×55 см),
 высота фигуры в бедренной части — 142 см (85×57 см),
 диаметр предплечья правой руки — 55 см,
 диаметр предплечья левой руки — 43 см,
 диаметр запястья — 41 см,
 длина ладони (максимальная) — 132 см,
 диаметр пальцев руки — 12–14 см,
 длина ступни — от 165 до 190 см,
 ширина ступни — 60–75 см,
 длина пальцев ноги — 37–47 см,
 диаметр пальцев ноги — 11–15 см.

Тело Будды покрыто складками *sanghati* (сангхати), обнажены только кисть руки и ступни ног. Левая пола спускалась до уровня подошвы глубокими частыми складками. Они были прикреплены к стене коридора, располагаясь так, как если бы фигура находилась в вертикальном положении: ближе к пяткам фалды складок расширялись, и их нижний край был передан затейливыми фестонами.

По верхней половине фигуры складки сангхати располагаются вдоль тела, по туловищу они идут несколько наискось, на ноге лежат ровными параллельными рядами, имеют вид треугольных в сечении ребер высотой 2,5–2,7 см и шириной по основанию до 4 см. Возле ступней складки заканчиваются, и по подъему ноги к поверхности постамента «сбегает» нижний край одежды.

Иное расположение складок на правой ноге: они лежат под углом в 45° к горизонтальной плоскости, разглаживаются у постамента, резко увеличиваются в рельефе при переходе к левой ноге, образуя как бы «скобки» между ногами («скобки» составляют поочередно двоянная и учетверенная складки), которые переходят в одинарные складки левой ноги.

Складки одежды на рукавах также лежат по-разному. На руке, вытянутой вдоль тела, они собраны в очень частые поперечные складки-ребра, которые заканчиваются возле запястья, несколько выше его. На предплечье правой руки такие же частые складки лежат в косом направлении, разглаживаясь на локте и гуще собираясь на сгибе.

Полностью сохранилась левая ладонь. Кисть руки выполнена весьма реалистично, несмотря на большие размеры: проработаны припухлости суставов пальцев, лунки ногтей. Под ладонью на левом бедре фигуры поверх одежды изображена петля веревки, которой был подпоясан Будда. Веревоочный пояс состоял из нескольких нитей, поэтому петля разделяется на 8 вписанных друг в друга дуг.

Ноги Будды были обуты в легкие сандалии. Они изображены рельефными вертикальными жгутами под и над пальцами ступни. Подошва их плотно прилегала к ступне, следуя ее рельефу. К ногам сандалии прикреплялись с помощью ремней (нарисована на верхней плоскости ступни)⁶¹.

И фигура и постамент с подушками изголовья хорошо сохранили два слоя окраски поверхности. Плащ Будды имел традиционный красный цвет, причем нижний слой краски был положен без грунта непосредственно на слой скульптурной глины. При повторной окраске поверхность фигуры была предварительно промазана слоем ганча, вероятно, этому предшествовал частичный ремонт фигуры. Рука, лицо (судя по его фрагменту из завала) и пальцы ног были белыми, ногтевые лунки были обведены красной полоской, ремни на сандалиях были красные, подошвы и жгуты на пальцах — желтые.

В два слоя нанесена окраска на поверхность постамента и его изголовье. Нижний слой представляет собой довольно сложный рисунок по белому ганчевому фону. На верхней из пяти подушек изголовья это стоящие в ряд длинноногие фазаны с пышными хвостами, с головой, повернутой к хвосту. У птиц очень узкая, по сравнению с остальной частью туловища, грудка, небольшая голова и напоминающий утиный клюв.

Рисунок сделан черной линией с раскраской боков птиц в синий цвет, клюва — в красный. Сохранились только два изображения, аналогичных, но не тождественных. Между ними просматривается какой-то разделяющий их орнамент. Видимо, такой рисунок покрывал только верхнюю подушку.

Плоскость постамента украшена несложным геометрическим орнаментом. Его удалось проследить на отдельных участках постамента — в середине, возле ступней ног и узкую полоску вдоль правой ноги Будды. По всей вероятности, рисунок был одинаковым по всей длине постамента. Его основу составляли круги и ромбы из сдвоенных линий с заполнением внутри белыми или черными горошинами — «перлами», четырех- и пятилепестковые цветы. Орнамент располагался тремя поясами. Вдоль тела фигуры на расстоянии 10–12 см друг от друга в один (?) ряд были изображены пятилепестковые цветы-розетки, ограниченные с двух сторон параллельными полосами. Вторую полосу орнамента составляли клетки-ромбы, образованные пересечением спаренных линий. От ширины постамента зависело количество ромбов в этой полосе. Стороны ромба имели размер 13–15 см, расстояние между параллельными линиями, образующими ромб, — 2,5 см. В середине каждого ромба — четырехлепестковый цветок-розетка. На скате постамента, в центральной его

⁶¹ В 2000 г. реставратор из Эрмитажа В. А. Фоминых полностью восстановила статую Будды в нирване, которая в настоящий момент выставлена в Национальном музее древностей Таджикистана в Душанбе (табл. 6, 1). См. приложение ниже (с. 304–313), а также: *Besenal R. La restauration du Buddha en parinirvāṇa d'Adjina Tapa (Tadjikistan du Sud) // Arts Asiatiques. T. 50. Paris, 2001. P. 136–139.*

части удалось заметить остатки третьего орнаментального пояса из кругов большого диаметра (32–34 см), причем одна половина круга приходится на верхнюю плоскость постамента, а другая опускалась на боковую грань. Каждый круг составлен из цепочки белых «перлов» (диаметром 4 см), внутреннее его заполнение не удалось рассмотреть. Верхняя окраска постамента и изголовья была нанесена на выравнивающий ремонтный слой глиняной обмазки и белый ганчевый грунт. При этом была сделана попытка в пределах одного красного цвета, но с разными оттенками расписать постамент: более светлый красный тон был фоновым, а по нему были нанесены прямые и изогнутые линии (шириной 2,5–3 см) какого-то несложного орнамента.

В результате консервационных работ стала ясной техника изготовления такой крупной фигуры. Ее основа сделана из горизонтально положенных рядов кирпича. Грубая поверхность выполнялась толстым слоем саманной штукатурки, которую накладывали многократно, по мере высыхания очередной обмазки. По самой верхней прослойке лепились складки одежды, причем их накладывали по заранее намеченным линиям (на оборотной стороне одной из складок отпечатались толстая черная полоса такой разметки). Сверху фигура была обмазана слоем скульптурной глины, толщиной в 4–5 мм и раскрашена. Грунтование же ганчем во время ремонта, очевидно, имело целью сгладить «заплаты» на теле фигуры и придать красному цвету чистоту и яркость.

При расчистке завала вокруг постамента были обнаружены многочисленные фрагменты как от фигуры самого Будды в нирване, так и от персонажей, составлявших горельефную композицию на противоположной от постамента стене.

Несколько крупных скульптурных обломков позволили почти полностью восстановить верхнюю часть головы Будды (примерно 1/3 ее бывшего объема) (рис. 67). Ширина головы на уровне висков составляла 1,3 м. Сохранились лоб с четко выраженной правой надбровной дугой и верхним веком, теменная (без ушниши) и частично височные участки прически. Волнистые волосы спускаются мысом на лоб, их пряди расходятся зеркально от осевой линии пробора. Волосы окрашены в синий цвет, лоб и веко — белые.

Несколько крупных фрагментов, покрытых слоем белого ганча со следами подправки красной краской, скорее всего являлись частью лица и шеи Будды (размеры фрагментов 82 × 30 × 28 см, 38 × 33 см, 20 × 16 см). Бесспорно опознаются как пальцы правой руки и ладони еще несколько фрагментов из завала у изголовья постамента. Диаметр одного из пальцев — 28 см. Поверхность ладони и пальцев покрыта слоем белого ганча.

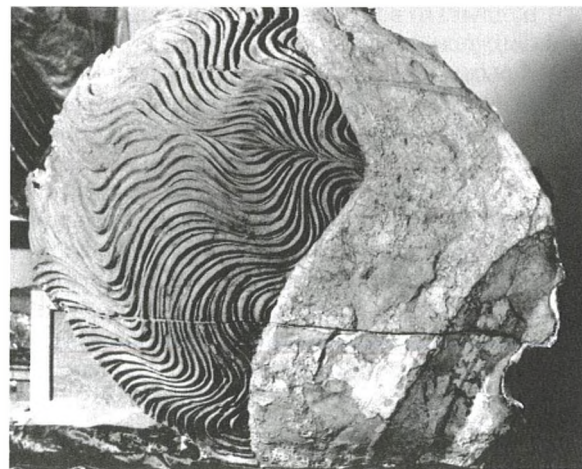

Рис. 67. Голова Будды в нирване (фото в лаборатории)

Горельефная композиция напротив постамента с лежащим Буддой оказалась полностью упавшей со стены. Ее реконструкция может быть только предположительной. Судя по фрагментам, композиция состояла из ряда стоящих в похожих позах персонажей, вы-

полненных в 3/4 натуральной величины. Среди них есть такие, расположение которых на стене было фронтальным (рис. 68), но большинство изображений было выполнено с поворотом торса вправо или влево, что дает возможность предполагать наличие центрального изображения, связывавшего всю композицию воедино. Стоящие фигуры выполнены в одном размере. На них были короткие дхоти; обнаженный торс украшали витые шнуры и спускающиеся с ушей разнообразные украшения (рис. 69).

Остатки краски на поверхности скульптур говорят о разнообразии раскраски одежды и украшений.

Фрагмент XXIII/с-4 размером 44 × 40 × 10 см (рис. 70). Найден в завале вместе с еще двумя крупными фрагментами, видимо от той же фигуры, хотя куски (рука и плечо) непосредственно не соединяются друг с другом.

Фрагменты являются верхней частью торса фигуры, похожей на описанную выше. По линии груди торс перетянут рельефным шнуром, завязанным бантом на левом боку. С шеи на двойной цепочке спускается украшение-подвеска. В ее центре — прямоугольная рамка, имитирующая оправу для крупного камня, к которому с трех сторон примыкают крупные камни в круглой оправе и пять мелких камней. На фрагменте левого плеча видны цепочка нагрудного украшения, бусины ожерелья вокруг шеи и мелкие завитки волос, спускающиеся с шеи на грудь. Такие

Рис. 68. Торс деваты. Коридор XXIII

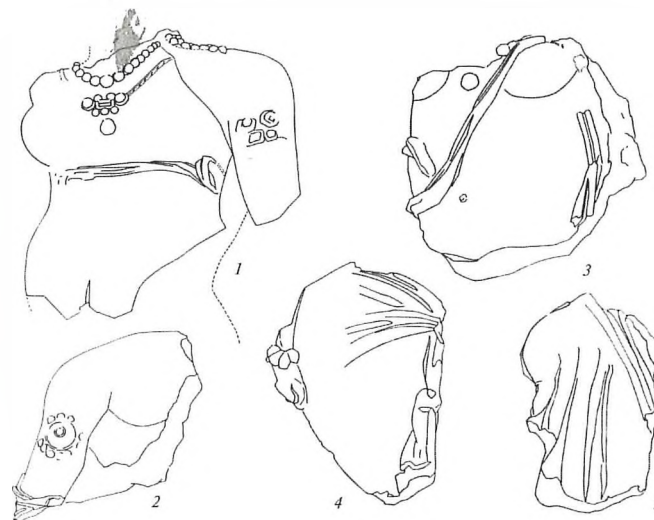

Рис. 69. Торс деваты (прорисовка). Коридор XXIII

Рис. 70. Торс деваты. Коридор XXIII

Рис. 71. Торс деваты.
Коридор XXIII

Частями этих или похожих на них фигур являются многочисленные фрагменты из завала в середине коридора (обломки рук, покрытых тонкой синей тканью; ладоней, придерживающих складки дхоти; фрагменты складок красной и синей одежды, украшений в виде розеток и оправленных «камней»), которые легко распознаются благодаря близкому сходству с наиболее сохранившейся фигурой XXIII/с-3. Возможно, ей или похожей принадлежал фрагмент головы (левая щека, ухо и височная часть прически), найденный рядом с торсом XXIII/с-3. Хорошо сохранилась бывшая раскраска головы по белой ганчевой основе: синие волнистые волосы, кремовая ушная раковина с красной окраской глубоких западин.

Интересны несколько скульптурных фрагментов от фигур того же размера, что и описанные выше, в похожих одеждах и украшениях, но обращенных в другую, правую, сторону. На одном из них (размером 28×13 см) сохранились веер складок синей одежды, сходящихся в нижней части живота, и узел-бант пояса. Другой фрагмент (размер 20×30 см) был правой частью обнаженного мужского торса, окрашенного в красный цвет. Предплечье охватывал браслет с круглой розеткой и «перлами», возле локтя видны рельефные складки синей одежды.

Голова бодхисатвы (фр-т XXIII/с-1, размер 23×9 см; рис. 72). Найдена в середине коридора XXIII, близ стены. Сохранилась левая половина лица горельефного изображения, выполненного в натуральную величину. Отсутствуют нос, большая часть лица и подбородок, ухо. Овал лица округлый, слегка припухлый; выступающий вперед подбородок имеет посередине ямочку, переход к шее скошен. Косо посаженные глаза наполовину прикрыты веками, наружные углы глаз сильно приострены. Чуть заметна дугообразная линия бровей. Лоб высокий и прямой. Вверху его стягивает обруч диадемы, составленный из ряда вытянутых рельефных овалов-колец. Толщина обруча 1,5 см.

Лицевая часть головы вместе с диадемой оттиснута в матрице. Судя по остаткам краски, лицо было красным, диадема была окрашена в желтый цвет, синей краской были подведены веки. По-видимому, синими были и волосы, так как следы краски есть возле диадемы. Красная краска сохранилась в складках под подбородком.

Рис. 72. Голова бодхисатвы.
Коридор XXIII

же кудри доходят до середины предплечья (третий фрагмент размером $19 \times 11 \times 9,5$ см), где его перехватывает браслет с украшением, похожим на нагрудное. В глубине складок банта сохранились остатки синей краски.

Фрагмент XXIII/с-5 размером 32×26 см (рис. 71). Найден в центральной части коридора, вблизи стены. Изображает часть обнаженного мужского торса: с левого плеча к правому боку спускается витой шнур, в верхней части груди угадываются остатки украшений в виде ожерелья из крупных бусин. Вдоль левого бока фигуры виден край складчатой одежды (или витого шнура). Окраска не сохранилась.

Голова деваты ($23 \times 15 \times 18$ см, чуть меньше натуральной величины, фр-т XXIII/с-2; рис. 73). Сохранились верхняя часть головы с прической, лоб по линию бровей, частично глаза и левая щека. Нижняя половина лица отсутствует, нос и переносье сбиты. Слегка скошенный назад лоб пересекают две параллельные морщины. Надбровные валики прорезаны глубокими почти прямыми бороздками бровей длиной 6 см. Сохранность глаз плохая, можно говорить лишь об их удлиненной форме с сильно приостренным внешним углом и о припухлом веке, подчеркнутым сверху складкой.

Лоб обрамлен рядом спиралевидных черных завитков, диаметром в 1,5 см. Над рядом завитков, параллельно им, проходит нитка из 14 «перлов»-шариков (диаметр каждого шарика около 1 см), которая поддерживает откиннутые назад длинные волнистые пряди волос.

Голова найдена в завале коридора около поворота его в помещение XXII. Своим размером, объемностью формы, былым фронтальным по отношению к зрителю расположением эта голова деваты выделяется из ряда описанной выше горельефной скульптуры. Она, видимо, находилась на другой стене помещения среди иных скорбящих персонажей, окружавших Будду в момент его Великой Кончины.

Несомненно к этому сюжету относится скульптурный фрагмент XXIII/с-6, найденный в кладке прикладной стены коридора XXII. Сохранились лицевая часть головы (размер фр-та $10,5 \times 9,5 \times 3,5$ см, чуть меньше нат. вел.) с выражением скорбных эмоций, глубокие морщины на лбу, страдальчески изогнутые дуги бровей, наполовину прикрытые опухшие глаза, приоткрытый рот с обнаженным верхним рядом зубов. Лицевая маска была оттиснута в форме (возможно, в той же, в которой создавались изображения монахов) с последующей подправкой деталей стекой, придавшей лицу эмоциональную выразительность. На фрагменте не сохранилось никаких следов краски и обмазки скульптурной поверхности ганчем. Видимо, это был «производственный брак», который по каким-то соображениям не устраивал мастера. Благодаря этому, как ни на одном другом скульптурном фрагменте из Аджина-тепа, здесь четко видны следы оттискивания формы и дальнейшей обработки поверхности лица. Фрагмент попал в закладную ремонтную стену, которую ставили скорее всего одновременно с сооружением постаментов с *paṇirivāṇa* на одном из поздних этапов жизни монастыря.

Скопление небольших скульптурных фрагментов в завале за постаментом с Буддой (обломков задрапированных в красные и синие одежды фигур небольших размеров, частей причесок, лицевых масок и т. п.) позволяет предполагать, что стена в углу помещений XXII–XXIII была тоже скульптурно оформленной.

Коридор XXV

Ниша № 1 расположена возле выходящего угла коленчатого коридора XXIV/XXV, во внешней стене колена XXV юго-западного фаса ограды. Глубина ниши 105 см, ширина 150 см.

Внутри ниши обнаружены остатки крупной сидящей фигуры Будды, торс фигуры бодхи-

Рис. 73. Голова деваты.
Коридор XXIII

Рис. 74. Торс бодхисатвы из ниши № 1.
Коридор XXV

in situ остатки сложенных в дхьяна-мудре ладоней — пальцы, часть ладони левой руки и большой палец правой руки. Рядом с ладонями — сдвинутое предплечье левой руки.

Крупный кусок торса (половина груди и живота, плечо и часть предплечья) был найден лежащим лицевой стороной внутри ниши, перед самым постаментом, вплотную к нему. Торс фигуры был покрыт красным плащом. На плечах он собирался частыми глубокими полукруглыми складками. На руке плащ располагался косыми складками до локтевого сгиба и поперечными параллельными складками лежал на предплечье. По груди и животу складки шли вертикальными частыми полосами, выполненными в невысоком рельефе.

Голова фигуры была найдена довольно высоко в завале ниши, частично выступая за ее пределы. Сохранились только нижняя часть лица, шея и участок плеча, не закрытый плащом. Особенно пострадала верхняя часть лица, именно она выступала из завала ниши. Несмотря на крупные размеры и плохую сохранность, голова производит сильное впечатление, благодаря совершенным линиям овала нижней части лица и шеи, небольшому, мягко очерченному подбородку, чуть тронутым улыбкой красиво оконтуренным губам. Сохранились левое ухо с сильно вытянутой мочкой и наружный угол правого глаза. Остатков краски на поверхности головы заметить не удалось. Лицо и видимая зрителю часть шеи были покрыты тонким слоем ганчевой обмазки.

Торс бодхисатвы (фр-т XXV/с-1, размер 60 × 30 см; табл. 10, 1). Найден в углу ниши, справа от основной фигуры, сдвинут со своего первоначального

места и стоит спиной к зрителю. Отсутствуют: голова, левая рука ниже локтя, полностью правая рука, ступни ног. Для торса характерны вытянутые пропорции тела, широкие плечи, узкие бедра, натуралистичная трактовка поверхности тела, не прикрытого одеждой. Фигура одета в дхоти, которое держится на бедрах с помощью пояса, завязанного впереди сложным узлом с двумя спускающимися по бокам петлями. Дхоти собрано в густые складки между ног; одна пола его перекинута поперек. На бедрах и коленях складки одежды разглажены. Дхоти имеет следы желтой и синей раскраски. Остатки одежды заметны и на левом плече фигуры в виде косых частых складок. Это продолжение (конец) той полосы ткани, которая пересекает фигуру поперек бедра. За ее край может быть принята широкая лента, идущая подмышку.

Шею фигуры украшало ожерелье, состоящее из полусферических с рифленой поверхностью. Ниже на грудь спускалась двойная цепочка, на которой, должно быть, висело какое-то центральное нагрудное украшение (не сохранилось).

В завале ниши было найдено также большое количество фрагментов рельефных украшений, покрывавших внутреннюю поверхность стен ниши (рис. 76; табл. 15, 3).

Это в первую очередь остатки нимба вокруг головы Будды (фр-т XXV/с-2). Он был выполнен в обычной для Аджина-тепа манере: по краю плоского диска располагались рельефные изображения сильно стилизованных сердечкообразных лепестков (лотоса?) с тремя «перлами» по обоим их концам. Возможно, что часть их обрамляла края мандорлы вокруг фигуры Будды. На лепестках сохранились остатки желтой краски, положенной на тонкий слой ганчевой основы.

По-видимому, часть фриза, украшавшего нишу или поверхность стен коридора между ними, составляли рельефы в виде прямоугольных кассет (XXV/с-3), примыкающих одна к другой, почти тождественных между собой. Они найдены в верхней части завала ниши, в большом количестве и в сильно фрагментированном виде. Тем не менее удалось расчистить одну почти целую «кассету» (размером 30 × 30 см) и начало примыкающей к ней другой. Центр ее заполнен решеткой из наложенных друг на друга под прямым углом полос, находящихся на разном уровне (двухпланный орнамент). В каждом слое имеется три полосы. Образовавшиеся

места и стоит спиной к зрителю. Отсутствуют: голова, левая рука ниже локтя, полностью правая рука, ступни ног. Для торса характерны вытянутые пропорции тела, широкие плечи, узкие бедра, натуралистичная трактовка поверхности тела, не прикрытого одеждой. Фигура одета в дхоти, которое держится на бедрах с помощью пояса, завязанного впереди сложным узлом с двумя спускающимися по бокам петлями. Дхоти собрано в густые складки между ног; одна пола его перекинута поперек. На бедрах и коленях складки одежды разглажены. Дхоти имеет следы желтой и синей раскраски. Остатки одежды заметны и на левом плече фигуры в виде косых частых складок. Это продолжение (конец) той полосы ткани, которая пересекает фигуру поперек бедра. За ее край может быть принята широкая лента, идущая подмышку.

Шею фигуры украшало ожерелье, состоящее из полусферических с рифленой поверхностью. Ниже на грудь спускалась двойная цепочка, на которой, должно быть, висело какое-то центральное нагрудное украшение (не сохранилось).

Рис. 76. Фрагменты рельефных украшений.
Коридор XXV, ниша № 1

Рис. 75. Голова бодхисатвы (?).
Коридор XXV

в результате пересечения ячейки — прямоугольные или квадратные (от $1,7 \times 2,5$ до $2,5 \times 4,0$ см), глубина — до 3,0 см. Решетка упирается в прямоугольную рамку-бортик, по верхней плоскости которой наклеены вплотную друг к другу отштампованные пятилепестковые цветы (каждый лепесток, а также центральный кружок имеют форму полушарика диаметром 8–9 мм).

Судя по фрагментам «кассет», при их изготовлении допускалось некоторое разнообразие: в решетке могло быть четыре полосы, цветы-розетки по бортику имели несколько иную форму — каждый цветок был на отдельном диске и изготовлен единым штампом. Следов раскраски почти не сохранилось. Лишь местами удается заметить остатки белой ганчевой обмазки.

«Кассеты» изготовлены из различного глиняного теста: рамка делалась из глины с примесью толченого самана и сверху обмазывалась толстым слоем глины с большой примесью песка. Целиком из такой обмазочной глины делались полосы решетки. Цветы штамповались из коричневой тонкоотмученной глины и в подсушенном виде были наложены на сырой обмазочный слой рамки. При расчистке обломков кассет наклепные цветы легко отпадали, оставляя на поверхности бортика ямку-гнездо.

Другим элементом украшения ниши являлись полукруглые в сечении по 8 с-ы т я г и диаметром 6–7 см, поверхность которых покрыта штампованными изображениями цветов-розеток (XXV/c-4). Ядро их сделано из обычного теста с примесью самана, внешняя поверхность — из песчанистой глины, цветы-розетки штамповались также из коричневой пластичной глины и в подсушенном виде наклеплялись на сырую поверхность тяг, покрывая ее сплошь, иногда даже частично заходя одна на другую. Розетки-цветы были нескольких форм и размеров, причем даже в пределах одного фрагмента наблюдается сочетание одновременно двух форм. Чаше других встречаются розетки диаметром около 16–17 мм. Они представляют собой диск, на поверхности которого располагается восьмилепестковый цветок, в центре которого — две уплощенные, круглые лепешечки, положенные меньшая на большую. Каждый лепесток имеет форму полушарика диаметром 3,5–4 мм.

Розетки другой формы (диаметром 28–30 мм) тоже имеют восемь лепестков, но они удлиненные, с приостренным концом и продольной жилкой⁶². На лепестках местами сохранилась красная краска, положенная на белую ганчевую основу.

Значительно отличаются своей натуралистичностью цветы, изготовленные не с помощью штампа, а вылепленные каждый индивидуально. У таких цветов в центре находится толстый высокий цилиндр, от которого отходят под разным углом поворота лепестки-сердечки. К цилиндрику они крепятся своим приостренным концом. Краска сохранилась очень плохо. Ее остатки можно заметить в углублении в центре (черная) и кое-где на лепестках (красная).

Местоположение этих тяг неясно. В завале они встречаются в глубине ниши и вместе с фрагментами «кассет».

Голова бодхисатвы (?) (фр-т XXV/c-14, размер 28×14 см, нат. вел.; рис. 75; табл. 10, 3). Найдена в завале над полом, у северного торца помещения XXV.

Почти полностью сохранилась лицевая часть головы, частично — шеи. Отсутствуют прическа, часть лба (с правой стороны), уши, нос.

Вытянутый овал лица резко выделяет это изображение. Лоб — убегающий назад, ярко выраженные надбровные валики мягко скруглены, без обычного для лицевых масок этого памятника подчеркивания бровей ступенчатой дужкой. Миндалевидной формы глаза широко открыты, смотрят вперед, верхнее веко слегка припухлое. В уголках рта, немного раздвинутого в улыбке, — глубокие

⁶² В помещении XXVI был найден керамический штамп для изготовления таких розеток.

ямочки. Маленький округлый подбородок заметно выступает вперед, нижняя часть его — припухлая. Сохранившийся участок шеи позволяет говорить о прямой посадке головы.

На поверхности лица (в основном на левой его стороне) сохранились небольшие участки, покрытые тонким слоем белого ганча; никаких следов раскраски обнаружить не удалось.

Голова Будды (фр-т XXV/c-15, размер $12 \times 13,5$ см, в 3/4 нат. вел.; табл. 10, 2). Найдена в завале над полом возле ниши № 4. Сохранилась лишь верхняя часть головы: прическа, правый глаз и частично щека. Низкий, уплощенный лоб составляет единую прямую линию с носом. Граница волос и лба имеет очертания двух слегка изогнутых дуг, сходящихся над переносицей. Завитки волос (в виде сдвоенного вопросительного знака) оттиснуты двумя штампами, зеркальными по рисунку. С каждой стороны от пробора, проходящего по средней линии головы, — по 8 таких завитков-локонов, расположенных непосредственно один под другим. На завитках сохранились остатки синей краски, положенной прямо на глину, без грунта. Только по незначительным следам можно судить и о раскраске лица: оно было белым, веки наполовину прикрытых глаз были подведены синей краской, зрачок — черный. В складке над верхним веком — остатки красной краски.

Помещения XXVI и XXVI-a

Заполнение помещения XXVI, осевого святилища с айваном-вестибюлем, составлено рухнувшим купольным перекрытием. Обрушению купола предшествовало разрушение скульптурного убранства святилища. Многочисленные фрагменты разрушенных пристенных постаментов и расположенной на них скульптуры, упавших со стен кусков рельефов и фрагментов потолковой росписи образуют завал на полу святилища и прохода в него.

Среди опознаваемых скульптур — крупные (1,5 нат. вел.) фигуры сидящих Будд. Их фрагменты (ступни босых ног в позе падмасана, складки красных одежд на руках и ногах, рельефные нимбы) были обнаружены в центральной части святилища. Судя по размерам обнаженных ступней, таких крупных фигур в святилище было три, т. е. на каждом пристенном постаменте.

Среди меньших по размеру скульптур — фрагмент головы Будды (?) (XXVI-a/c-1; рис. 77), найденный справа от входа в угол. Сохранились правая часть лица (ухо с сильно оттянутой мочкой, висок и примыкающие к нему участки лба и щеки, часть правого глаза) и три ряда синих завитков волос прически. Лицо сильно деформировано, видимо, фрагмент расплющился, находясь в завале уже разбитым. Сохранились следы раскраски: белой была поверхность щеки и лба, синими — завитки волос. Размер фрагмента $16 \times 13,5 \times 4,5$ см.

Фрагмент головы XXVI-a/c-2 (размер 15×10 см; рис. 78) найден в завале на полу помещения слева от входа в очень поврежденном виде: большая выбоина на

Рис. 77. Голова Будды (?). Помещение XXVI-a

Рис. 78. Голова светского (?) персонажа. Помещение XXVI-а

мер 10–14 мм) имеют следы красной краски. Вместе с ними была найдена подвеска грушевидной формы, украшенная косыми насечками, покрытая синей краской.

Значительную часть скульптурных фрагментов составляют обломки рельефных настенных украшений, обрамлявших, по-видимому, фигуры на постаментах. Это и выполненные в очень глубоком рельефе побеги каких-то растений, и диски нимбов, украшенных по краю рельефными налечами в виде сердечек с шариками на обоих концах. Интересны фрагменты рельефной полосы, прямоугольной в сечении, с ярким геометрическим рисунком на верхней плоскости в виде вписанных друг в друга квадратов. Боковые грани таких полос окрашены однотонно.

Фрагмент головы Будды (XXVI-a/c-5, размер 16,5 × 11 см, чуть меньше н.т. вел.; табл. 14, 4). Найден на полу прохода из помещения XXVI-а в айван. Сохранились правая половина всего объема головы, часть прически из улиткообразных завитков, мочка правого уха. Покатый лоб снизу подчеркнут прорезанными ниточками бровей. Выпуклое глазное яблоко наполовину прикрыто верхним веком. Нос и рот сбиты. Фрагмент интересен хорошо видимой техникой исполнения: штамповка в форме лицевой части с подправкой острой стекой уголка глаза и брови. Четко видна линия границы между штампованной лицевой маской и аморфной частью глины, которая послужила основой для прически из наложенных рядами штампованных завитков синих волос. Поверхность лица была покрыта тонким слоем белого ганча. Возле линии волос положена полосой красная краска. Остатки последней обнаружены также в глубине ушной раковины и над верхним веком.

Помещение XXVII

Голова воина (фр-т XXVII/c-1, размер 19 × 7 см, 1/3 н.т. вел.; рис. 79; табл. 11, 2). Найдена на полу коридора у стены, между нишами № 2 и 3 (ближе

месте левой брови и глаза, отсутствует нос (видны только дырочки от ноздрей), отбиты правый угол рта, нижняя часть правой щеки и подбородок. От прически осталась узкая полоска волос над лбом и подхватывающая их снизу диадема. Брови высоко подняты, припухшие веки слегка прикрывают выпуклое глазное яблоко. Рот крупный, с припухлой нижней губой, щеки слабо моделированы. Раскраска лица почти не сохранилась, лишь в уголках глаз видна синяя краска, которой были подведены глаза, а в глубине рта — красная.

Фрагмент постамента (XXVI-a/c-4), украшенного листьями (размер 20,5 × 9,5 см). Найден возле прохода в святилище. Листья сделаны разными по величине штампами, наложены с заходом друг на друга. Нижняя часть постамента гладкая, окрашена в черный цвет, на листиках — остатки синей краски. Размеры листьев: 8 × 5 см, 7 × 4,5 см.

Нитка глиняных бус (XXVI-a/c-3) найдена в правом ближнем к входу углу помещения. Шестнадцать круглых просверленных бусин (раз-

Рис. 79. Голова воина-брахмана. Коридор XXVII

к № 2). Сохранность головы хорошая, но при падении пострадали правое ухо и кончик носа. Глубокая трещина проходит вдоль левой половины лица.

Характерными особенностями головы являются удлиненный овал лица, пропорциональность черт и некоторая несимметричность. Она допущена при передаче бровей: левая бровь круче правой и выполнена в более высоком рельефе. Кроме того, правый глаз трактован более выпуклым, чем левый. И та и другая черты, возможно, явились результатом формовки и последующей подправки изображения.

Все детали лица проработаны очень тщательно, причем не только глаза, брови, губы, но и поверхность щек, внутренние уголки глаз. Своеобразна прическа головки. Ее составляют узкие длинные пряди, разделенные пробором и сходящиеся на макушке в небольшой шиньон, расширяющийся кверху и несколько сплюснутый спереди и сзади. Разделка на пряди сохраняется и в шиньоне. По основанию его проходит поперечный желобок. На лбу волосы стянуты узким двойным обручем. Условно-обобщенно переданы уши (сохранилось полностью только левое); длинная, оттянутая вниз, мочка доходит до нижней точки подбородка. На уцелевшей части шеи видны поперечные складки-морщины.

Следов краски совершенно не сохранилось. На левой части лица (щека, ухо) и шеи — слой белой ганчевой обмазки.

Образок глиняный с фигуркой Будды (фр-т XXVII/c-2, размер 15,5 × 13 × 6 см; рис. 98, слева). Найден в завале ниши № 1. Представляет собой прямоугольную плитку с овальной подставкой-упором с оборотной стороны, которая позволяет плитке устойчиво стоять в слегка наклонном положении.

На лицевой стороне плитки — рельефное изображение Будды, сидящего в дхьяна-мудре на лотосовидном троне в окружении мандорлы. По обе (?) стороны от Будды — изображения ступ. Образок сделан в технике штампа, при этом искусно использована глина разного цвета: в светло-зеленой глине оттиснуто изображение

Будды, все остальные детали образка сделаны из красной глины. Сохранность образка не полная, особенно пострадала верхняя его часть, многие детали смяты или отсутствуют вовсе. Так, нет полной уверенности в наличии второго изображения ступы слева от Будды, нет четкого представления об оформлении верхней части образка (возможно, ветви дерева), с трудом удастся распознать лото-совидный трон под сидящим Буддой. Сохранность самой фигурки довольно хорошая, хотя отсутствует голова и несколько повреждены ноги. Четко видны складки сангхати на торсе, шее, руках и частично ногах. Несмотря на мелкие размеры фигурки, тщательно проработаны кисти сложенных в дхьяна-мудре рук, подошвы не прикрытых одеждой ступней. Складки одежды переданы врезанными линиями, и только возле ворота они изображены рельефным валиком. Край сангхати спускался веером складок на постамент чуть левее его средней линии. Мандорла четко видна в виде рельефного двойного валика по обе стороны от фигурки на уровне предплечий, выше контур ее прослеживается с большим трудом.

Справа от Будды — изображение террасовидной ступы с лестничным подъемом по одной стороне. Слегка сплюснутая полусфера опирается на барабан, над полусферой — зонтики, уменьшающиеся в диаметре (7 штук?). Первая и вторая ступени-террасы имеют двухчастные карнизы. Лестница для обеих террас — единая, в 7 сту-

Рис. 80. Б. А. Литвинский изучает остатки скульптурного изображения сидящего Будды (см. рис. 61) *in situ*

пеней, с перильцами по обеим сторонам. Вполне вероятно, что по другую сторону от Будды тоже была ступа, во всяком случае, намеки на такое предположение есть.

Образок не имеет следов окраски, видимо, он в ней и не нуждался, поскольку зеленый цвет фигурки Будды контрастно выделялся на красном фоне остальной части образка.

Фрагмент глиняного фриза (XXXI/c-1, размер 15,5 × 14 см; табл. 7, 2). Найден в проходе из коридора XXVII в помещение XXXI в завале, на глубине 50 см от поверхности пола. Является частью фриза, покрывавшего какую-то выпуклую поверхность (и данный фрагмент, и менее выразительные фрагменты, найденные здесь же, имеют характерную продольную кривизну) в виде пояса, одним из элементов которого, по-видимому, была арка с фигуркой Будды внутри нее. Сверху (и, вероятно, снизу) аркаду ограничивали горизонтальные полосы-тяги, прямоугольные в сечении, шириной 2,2 см.

Интересно, что верхняя грань сохранившейся полосы тщательно обработана и окрашена в ярко-красный цвет, что с несомненностью указывает на то, что фриз выступал за плоскость того сооружения, которое он украшал.

На фрагменте сохранилась почти целиком одна арка, выполненная в довольно высоком рельефе (от 10 до 16 мм). Она эллипсовидных очертаний, максимальная сохранившаяся высота ее дуги около 10 см, расстояние между концами дуг — 8,5 см, ширина самой арки — 2,1 см. Внутри нее помещено рельефное изображение сидящего на прямоугольном основании Будды в позе созерцания (дхьяна-мудра). Фигурка сохранилась полностью. Ее высота 7,8 см, максимальная ширина 4,5 см. Трактовка очень обобщенная, без попыток проработки деталей. Сохранились остатки ее раскраски: сложенные кисти рук, лицо, открытая часть шеи были белыми; волосы на голове, ушниша, глаза — черными; плащ — ярко-красный. Фигурка выделяется на белом фоне пространства, заключенного внутри арки; по внутренней стороне арки проходит синяя полоса, а наружная ее поверхность окрашена в желтый цвет. Тем самым Будда как бы окружен двухцветной желто-синей мандорлой. Сохранность красочного слоя не позволяет говорить с уверенностью о нимбе вокруг головы, но, возможно, он был желтого цвета.

Основа рельефа делалась из глины с примесью самана, сам рельеф — из коричневой глины с примесью песка; пространство между фигуркой и дугой арки дополнительно промазано тонким слоем зеленоватой скульптурной глины. Под красочный слой везде положена ганчевая обмазка.

Помещение XXVIII

Помещение XXVIII имеет два четко выраженных периода. Оно активно обжигалось во второй период, что сказалось на сохранности не только его бывшего убранства, но и поверхности стен помещения и проходов в него.

В течение первого («монастырского») периода в коридоре делались ремонты, во время которых попорченную временем скульптуру убрали в специально сделанные подбои в стенах помещения и его проемы или, смешивая с глиной и рубленой соломой, включали в новую обмазку пола или внутрь постаментов и платформ. В одной из таких платформ нечетких очертаний, находящейся возле торца помещения, обращенной к айвану XXIX, среди прочих мелких фрагментов были найдены завитки синих кудрей, встречаемых на голове Будд (в форме строенного вопросительного знака), фрагменты лицевой части головы Будды и крупный кусок от бедренной части ноги в байтовых складках красного сангхати с остатками золотых звезд. Этот фрагмент заходил в глубь стены помещения, обращенной в сторону двора.

Рис. 81. Торс светского персонажа («тохаристанца»). Коридор XXVIII

В том же подбое под торсом была обнаружена небольшая скульптурная головка (фр-т XXVIII/с-2) ребенка в остроконечной шапочке, мягкими полями покрывающей коротко стриженные кудрявые волосы (рис. 82). Убегающий назад лоб имеет одну общую линию с небольшим носом (кончик отбит). Глаза удлинённые, миндалевидные, широко расставлены, внешние уголки слегка приподняты. Нижняя половина лица по-детски округлая, пухлые губы слегка тронуты улыбкой. Ушная раковина нормальных очертаний, но в целом ухо непропорционально большое для такой головы.

Рис. 82. Голова ребенка в шапочке. Коридор XXVIII

Оказалось, что в этом месте был сделан глубокий подбой в стене у пола, в который был замурован крупный скульптурный фрагмент, оказавшийся половиной торса светского персонажа, выполненного в натуральную величину (фр-т XXVIII/с-1; рис. 81). От фигуры сохранилась верхняя половина туловища, часть правого предплечья. На мужчине был надет тонкой ткани двубортный халат, который собирался мелкими складками подмышкой, на груди у треугольных отворотов и около талии. Правая пола халата находила на левую, под халатом в треугольном вырезе была видна нижняя одежда, частые горизонтальные складки которой заходили высоко на шею.

Объем головы сохранился полностью, высота лицевой части 26 см, ширина на уровне висков 19 см, однако ее поверхность полностью утрачена. Прическа состояла из коротких черных кудрей, расходящихся веером от лба. Волосы на темени разделены на длинные волнистые пряди проборою и должны были быть собраны в узел на затылке. У висков волосы подхвачены снизу желтой повязкой, которая завязана в пышный бант с левой стороны головы. Раскраска одежды практически не сохранилась.

Лицевая маска, безусловно, сделана штампом, но с последующей проработкой стекой в обычных местах: рот, очертания глаз, складки век. Завитки волос в форме улитки штампованы отдельно и наклеены на теменную часть головы рядами (из-под шапочки видны два ряда завитков), как будто бы с сохранением пробора посередине головы и зеркальным изображением завитков для левой и правой стороны.

Несмотря на некоторую асимметричность головки, она явно была рассчитана на фронтальное положение и только слегка касалась стены задней стороной.

Окраска головки почти не сохранилась. На тулье шапочки местами видна синяя краска, кудри были черными. Веки подведены синей краской, а под подбородком, там, где он переходит к шее, видна красная полоса.

Возможно, этой же фигурке ребенка принадлежат два фрагмента руки — локтевой части и предплечья — с остатками браслетов, которые были найдены там же в обмазке пола у стены помещения.

Помещение XXXIV

Завал над полом помещения имеет толщину около 0,5 м и, как и в помещении I, насыщен скульптурными фрагментами. В основном это мелко дробленные куски и крошка, не поддающиеся определению. Более редки крупные части.

Фрагменты скульптуры в завале — это остатки главным образом статуй, расположенных на пристенных суфах. По-видимому, при обживании здания во второй период скульптура была сброшена на пол, заполнив в основном центральную часть комнаты. В завалах по углам встречались преимущественно фрагменты штукатурки с росписями и обломки горельефных украшений, обвалившихся со стен.

Расположение скульптурных фрагментов в завале до некоторой степени позволяет реконструировать расстановку отдельных фигур на суфах и «поднять» часть горельефных украшений на их первоначальное место (рис. 83).

Наиболее важная статуя (XXXIV/с-1) в помещении, вероятно, находилась на средней суфе (напротив входа?). На ней был ярко-красный плащ с золотыми звездами. От этой фигуры сохранилось несколько крупных кусков — от частей тулова,

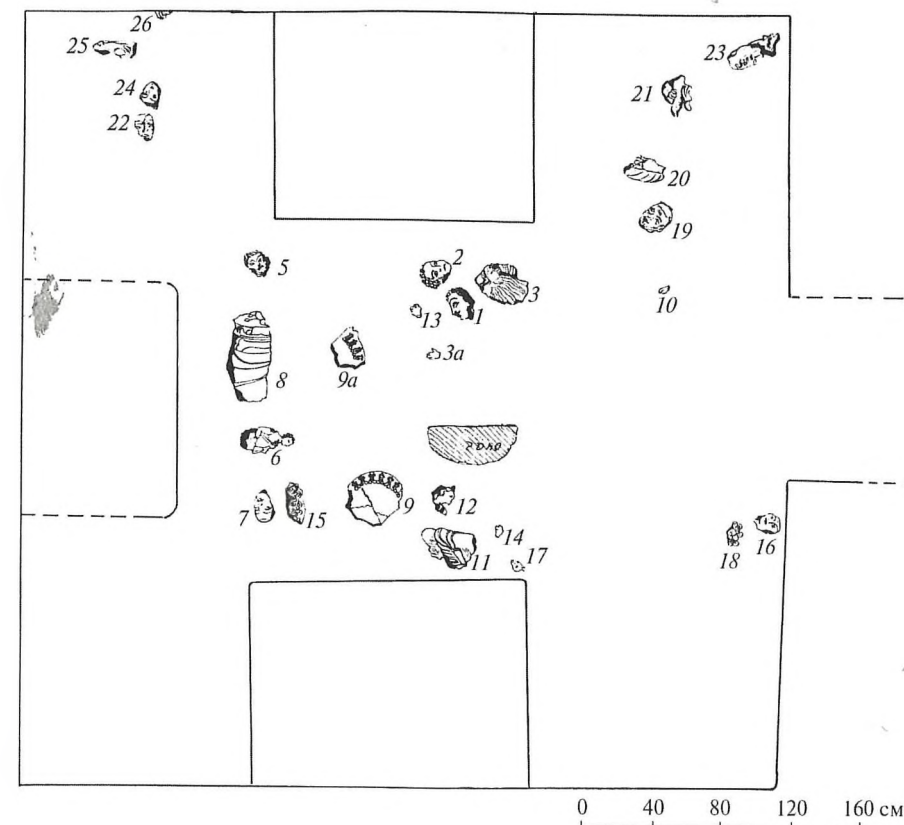

Рис. 83. Фрагменты рельефных фриз. Помещение XXXIV

покрытых складками одежды, которые были найдены на полу со всех сторон от центральной суфы. Судя по размерам фрагментов, фигура эта была изготовлена в натуральную величину.

Обломки фриза (XXXIV/с-2, с-2а; табл. 16, 3), выполненного в очень высоком рельефе, видимо, представляют собой часть обрамления этой фигуры. О его первоначальном положении на стене можно судить только предположительно: или он был частью «рамки» вокруг центральной скульптурной композиции, или является фрагментом рельефного нимба над главной фигурой.

Мотив орнамента на фризе — волютообразные завитки, образованные растительными побегами. Размеры каждого такого завитка 12 × 17 см, высота рельефа до 5 см. Фриз имел двойную окраску: светлую кремовую на выступающих частях и черную в наиболее глубоких местах. Этим достигалось впечатление еще большей глубины рельефа, четче выступал основной рисунок.

По обе стороны суфы, у стены помещения, были найдены куски стеной штукатурки (XXXIV/с-3) с остатками двуцветного нимба (синяя и розовая полосы). Внешний контур нимба обрамлен штампованными рельефными изображениями листов лотоса, переданных весьма условно. Листок имеет форму вытянутого «сердечка» в двойной рамке, к обоим концам которого прикреплено по три «перла». Каждое «сердечко» вместе с «перлами» представляет собой одну деталь, отштампованную из темно-коричневой глины. Нимб «набирался» из таких отдельных элементов, которые затем втискивались в неприсохшую саманную штукатурку выступающей плоскости нимба. После нанесения алебастрового грунта весь нимб раскрашивался, в том числе и листки лотоса, на котором встречаются следы желтой краски.

Осыпавшиеся листки нимба были встречены по всему помещению, но особенно много их было найдено в северном и западном углах и около правой (от входа) суфы.

Такие же листки-«сердечки», но более короткие и без «перлов», украшали постаменты под фигурами (XXXIV/с-4; табл. 13, 3). Их также штамповали отдельно, а потом наклеивали на плоскость постамента, располагая по схеме «рыбьей чешуи»: на приостренный конец каждого листка находил широкий конец листка следующего ряда. Один крупный обломок постамента, украшенного таким образом, был найден в центре комнаты, другой — возле выхода. Осыпавшиеся лепестки встречались в завале по всей площади помещения.

Фигурка божества (размер 32 × 18 см, фр-т XXXIV/с-5; табл. 11, 1). Видимо, с центральной фигурой среднего постамента сюжетно связана фигурка полуобнаженного мужчины, которая была найдена лежащей около суфы на полу, лицом вниз.

Поза фигурки ясно указывает на подчиненное положение по отношению к какому-то главному персонажу композиции: коленапреклоненная, с лицом, повернутым в пологороты и несущим выражение почтительной внимательности и сосредоточенности.

Хотя некоторые детали фигурки утрачены или пострадали при ее падении, в целом ее можно считать, пожалуй, одним из наиболее сохранившихся экземпляров скульптуры из помещения XXXIV.

Расписка фигурки со спины показала, что ее задняя сторона примыкала непосредственно к стене. Только голова фигурки была обработана со всех сторон. Лицо персонажа сравнительно молодое, с правильными чертами, слегка покатым лбом и четко выраженными надбровными дугами. Форма глаз миндалевидная, с припухшим верхним веком. Тонкий, прямо очерченный нос имеет фигурный вырез ноздрей. Губы пухлые, с ямочками в уголках. Подбородок округлый, несколько выступающий вперед.

Левая сторона фигурки (в том числе и голова) деформирована. Деформация привела и к некоторому искажению первоначального выражения лица.

Прическа, сохранившаяся не полностью, состоит из рядов мелких крутых спиралек, обрамляющих полукругом лоб и спускающихся к вискам. Волосы выкрашены в черный цвет. Уши отсутствуют. Короткую шею пересекают две глубокие поперечные складки. Четко моделированы обнаженная грудь с выступающими сосками и мышцы живота. Нижнюю часть туловища и ноги закрывает дхоти ярко-синего цвета, собравшееся в складки на сгибах ног. Одевание на животе поддерживалось с помощью витого пояса, изображенного косыми насечками. Правая нога была поджата, на левую, согнутую в колене, опиралась левая рука. Кисть правой руки лежала на бедре поджатой ноги.

На левой, деформированной, стороне фигурки от падения пострадала главным образом левая рука: плечевая часть сдвинута со своего места, а предплечье и кисть отсутствуют. Смещена, хотя и ненамного, и левая нога в коленной части.

Торс фигурки был украшен перевязью из двух переплетающихся шнуров, спускающейся с левого плеча через грудь и живот. На шее висело ожерелье из крупных горошин-«перлов» с фигурной подвеской в центре. Подвеска была окрашена в синий цвет, а само ожерелье — в желтый. Желтыми были и браслеты на плечевых частях рук. Каждый браслет состоял из широкого плоского кольца, охватывающего руку, и прикрепленного к нему щитка треугольных очертаний. В середине щитка были расположены вертикальным рядом четыре пирамидальные выпуклости, одна меньше другой. Большая пирамидка была выкрашена в синий цвет, остальные — в желтый. Оставшееся пространство треугольного щитка было заполнено изображениями завитков и стилизованных листов, также окрашенных в желтый цвет. Щиток ожерелья и браслеты, судя по цвету окраски, изображены как золотые. Синим цветом, видимо, обозначены вставки из драгоценных камней. Запястье было украшено простым браслетом в виде гладкого кольца (уцелел только на правой руке).

Раскраска фигуры сохранилась лишь на небольших участках. Почти всюду проступает светло-коричневый цвет скульптурной глины. В ряде случаев на поверхности фигурки обнаруживаются кусочки краски, прилипшие за время лежания фигурки в завале рядом с другими фрагментами скульптуры и кусками штукатурки с росписью. Несмотря на это, первоначальную раскраску фигурки можно реконструировать с достаточной уверенностью.

Раскрашенной была вся ее поверхность. Обнаженные части тела и лицо были выкрашены в светло-желтый цвет, одежда — в ярко-синий, украшения — в желтый и синий цвета. Волосы были черными, глаза — синими, губы — красными. Местами на поверхности фигурки, поверх других красок, присутствует красная краска, которой подчеркивалась рельефность некоторых деталей и частей тела. Она, например, положена в уголках рта и глаз, а также у крыльев носа, что придает большую резкость чертам лица. Красной полосой отделили и границу между волосами и лбом, проведя ее у самого основания завитков. Подкрашены красным соски на груди, пупковая впадина, складки кожи на шее и на сгибе у локтя. Для придания рельефной выразительности красным заполнены и углубленные места светлой перевязи.

Такого рода «грим» был рассчитан на осмотр скульптуры в полутемных помещениях, при плохом освещении и на некотором расстоянии. Подкраска делала скульптуру грубее, но выразительнее и объемнее.

Крупные скульптурные фрагменты были обнаружены и в завале у правой (от входа) суфы. Возможно, здесь представлены остатки нескольких сюжетных композиций.

Рис. 84. Торс в красном плаще.
Помещение XXXIV

крытой ладони лежал какой-то предмет, окрашенный в черный цвет. Расположение складок на фрагменте позволяет предположить, что первоначально левая рука лежала на сложенных в padmasana ногах, ладонью вверх. Видимо, этой же фигуре принадлежали еще два скульптурных фрагмента — обломок запястья со складками одежды и раскрытая правая ладонь в жесте абхая-мудра.

Голова Будды (фр-т XXXIV/с-7, размеры 19 × 16 см; табл. 12, 1). Сохранилась почти полностью: отсутствуют лишь часть левой щеки, ухо и левая половина прически. При падении несколько пострадала поверхность носа. Испорчена также нижняя часть лица с правой стороны: от уха до подбородка имеется значительная утрата, что создает ошибочное впечатление резко сужающегося книзу лица. Высокий гладкий покатый лоб подпирается дугами бровей и образует одну прямую с линией носа. Глаза наполовину прикрыты слегка припухлыми верхними веками. Красиво очерченный рот сложен в легкой улыбке. Нос небольшой, тонкий, с глубокими отверстиями ноздрей. Подбородок округлен, слегка выступает вперед.

Нижняя линия волос четко отделена от лба, ее контур имеет вид двух равных дуг, сходящихся над носом. Пряди волос переданы отштампованными наlepными сдвоенными спиральками-завитками, которые расположены в шахматном порядке по отношению друг к другу и окрашены в ярко-синий цвет. Ухо приостроено вверх, но в целом выполнено анатомически достоверно.

На лице сохранились следы раскраски. Глаза были подведены синим цветом, линия бровей — черным. Губы окрашены в красный цвет с обводкой контура черным.

Если говорить о художественном впечатлении от этой головки, то она выполнена с тонким изяществом; лицо выражает живую мягкость и добрую снисходительность.

Голова Будды (фр-т XXXIV/с-8, 18 × 11 см; табл. 8, 3). Тяжестью завала эта голова была сплюснута с боков. Тем самым оказалось несколько искаженным первоначальное выражение лица, ставшее в результате деформации жестким и холодным. Но сохранность деталей лучше, чем у головы XXXIV/с-7: отсутствуют только уши и за-

Фрагмент торса в красном плаще (фр-т XXXIV/с-6, 30 × 28 см, 3/4 нат. вел.; рис. 84). Обломок верхней части торса фигуры в красном (монашеском) плаще, плотно прилегающем к телу. Остатки краски сохранились только в углублениях складок. Сквозь плащ отчетливо проступают округлости груди, живота и пупковая впадина. Скульптор, очевидно, стремился показать, что плащ сделан из тонкой ткани. Воротник на шее собран частыми складками, которые разгладились на груди, и частыми байтовыми складками опускались на поверхность живота, слегка наискось. Распределение складок на торсе довольно равномерное, хотя и несимметричное для обеих половин. В завале вплотную рядом с торсом лежало предплечье левой руки, которое, судя по размеру и характеру складок, вполне могло относиться к той же фигуре. В полурас-

Рис. 85. Фрагмент двух слипшихся
голов разных персонажей.
Помещение XXXIV

тылочная часть прически. Локоны волос, из которых состоит прическа, имеют форму мелких крутых спиралек и окрашены в темно-синий цвет. Граница волос над лбом имеет такой же изгиб, как и у головы XXXIV/с-7, но ниже спускается на лоб.

Надбровные дуги расположены высоко и, сходясь на переносице, переходят в линию носа. Нос тонкий, прямой, с изящным вырезом ноздрей, под носом маленькая ямочка. Разрез глаз очень удлинённый, глазное яблоко выпуклое, припухлое верхнее веко закрывает его наполовину. Рот красиво очерчен, губы сложены в полуулыбке. Подбородок небольшой, округлый, чуть выступающий вперед. Низ подбородка припухлый, возможно, вследствие деформации головы. За счет сплюснутости следует отнести и асимметрию лица. Создается впечатление, что голова рассчитана на восприятие в профиль или в четвертном повороте, хотя первоначально, до деформации, положение головы (судя по равномерности ее обработки со всех сторон), бесспорно, было фасовым.

Поверхность лица была окрашена в белый цвет, надбровные дуги — в черный, веки подведены синей краской, глазное яблоко — желтое. Желтым были выкрашены и губы, с обводкой контура черной краской. Синяя раскраска волос положена на черный грунт, чем создается большая глубина синего цвета (у головы с-7 — грунт светлый).

У правой суфы помещения XXXIV были найдены и другие скульптурные остатки. Многочисленные обломки рельефного нимба, состоявшего из стилизованных листьев лотоса.

Здесь же был обнаружен фрагмент двух слипшихся голов небольшого размера, расположенных одна по отношению к другой под прямым углом. У одной из голов (фр-т XXXIV/с-9; рис. 85) сохранилась только правая сторона — правая щека, часть носа и уголок рта, и она не имеет достаточно характерных отличительных признаков.

От второй головы (фр-т XXXIV/с-9а; табл. 13, 4) сохранились верхняя часть лица и участок прически, а также лежавший рядом фрагмент боковой стороны этой же головы с правым ухом и височной частью лица со спускающимися прядями волос. Чертам лица придана нарочитая грубость: низкий лоб с сильно выступающими надбровьями пересекают глубокие поперечные и вертикальные морщины. Круглые вытаращенные глаза с ямочками зрачков смотрят прямо. На лбу, над вдавленной переносицей, выступает треугольный желвак. Волосы низко нависают на лоб, их пряди переданы глубокими прочерченными бороздками. Первоначальная раскраска лица была очень яркой. Сохранились остатки желтой краски на волосах, лице, ушах. Поверх нее в углублениях была положена красная краска (возле глаз, у основания прически). Веки были подведены синей краской, брови и зрачки — черной.

В этом же помещении были найдены две скульптурные головки, выполненные примерно в 1/2 натуральной величины и обнаруживающие много общего между собой. Одна из них (фр-т XXXIV/с-10; рис. 86; табл. 12, 2) была найдена слева от входа в помещение, другая (с-11; табл. 14, 2) — в углу, между левой и центральной суфами. Степень сохранности обеих головок примерно одинакова; полностью сохранились только их лицевые маски. Мягкость овала и тонкость черт лица позволяют думать, что эти головки могли принадлежать женским изображениям.

Раскраска лиц одинакова: они желтовато-белые, брови и зрачки черные, губы красные. Подкрашены красным ямочки возле носа и пространство между глазами и ниточками бровей (что не характерно для других голов).

В завале, занимающем центральную часть помещения, были обнаружены обломки совсем маленьких фигурок — фрагменты ног в позе падмасана, кистей рук, частей торса и складок одежды.

Здесь же были найдены три головки (6–6,5 см высотой), близкие между собой, с остатками раскраски на поверхности (XXXIV/с-12, 13, 14).

Наиболее сохранившаяся из них (XXXIV/с-12; табл. 13, 2) была обнаружена в завале рядом с горельефным изображением растительных побегов, чешуйками-лепестками от постаментов и другими (менее понятными) фрагментами, не имеющими непосредственного отношения к данной скульптурной головке. От головки (размером 6 × 5 см) сохранились только лицо и начало шеи. Черты лица несколько необычны: покатый лоб, мощные надбровные дуги, глаза широко расставлены, нос крупный и широкий, с приплюснутым кончиком, слегка одутловатые в нижней части щеки, толстые губы. Раскраска реконструируется хорошо. Цвет глаз, бровей и губ обычный; над верхним веком проведена ярко-красная полоса. Красная краска была положена в уголки рта, вокруг крыльев носа и под нижней губой, а также на складках шеи.

Две другие головки (фр-ты XXXIV/с-13, с-14; рис. 87; табл. 12, 4) сохранились хуже. Обе они очень похожи на головку с-12. В целом все они могут быть (в том числе по выражению лица) сопоставлены с головой фигурки XXXIV/с-5, хотя и уступают ей в тонкости черт лица и выглядят значительно грубее.

Рис. 86. Женская голова.
Помещение XXXIV

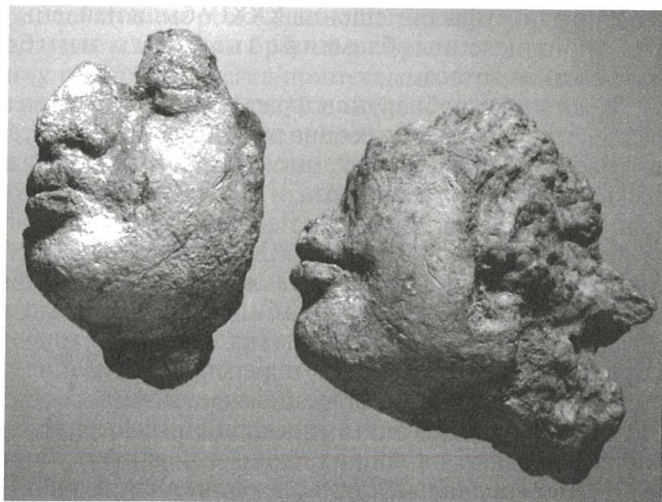

Рис. 87. Фрагменты двух головок (светских персонажей).
Помещение XXXIV

Возможно, к фигуркам, которым принадлежали эти миниатюрные головки, относятся и обломки кистей рук, сжатых в кулак. Запястье одной из рук украшено кольцевым браслетом, напоминающим браслеты на руках деваты (фр-т XXXIV/с-5).

Голова монаха (фр-т XXXIV/с-15, высота 14 см, 1/3 nat. вел.; рис. 88; табл. 11, 3). Была найдена на полу, в восточном углу помещения, лицом вниз. Голова показана в трехчетвертном повороте влево.

Это не идеальное по красоте и правильности лицо божественной особы, а очень живое — изможденное и некрасивое — лицо земного человека. Кожа складками свисает с резко выступающих скул, собираясь в продольные и поперечные морщины на лбу, у переносицы и вокруг рта. Глаза чуть приподняты вверх и широко раскрыты. Губы не сомкнуты, уголки рта несколько подняты вверх. Ухо вытянутое, но рисунок ушной раковины анатомически правилен. В середине несколько выступающего вперед подбородка — глубокая ямочка.

От головного убора сохранилась лишь надлобная часть в виде плоской шапочки, спускающейся фестонами к ушам. На теменной части следы каких-то рельефных выступов. Скорее всего «фестоны» на висках и «плоская шапочка» — это изображение сбритых волос, граница которых очерчена желобком и красной линией вдоль него.

Лицо было желтым. Веки глаз обведены голубой краской, брови черные. Красная краска положена в уголки глаз, в складку над верхним веком и возле рта, в ямочки ноздрей и в углубления ушной раковины.

Голова божества (фр-т XXXIV/с-16, размеры 10,2 × 8 см; рис. 89; табл. 12, 3). Найдена в завале над полом, в западном углу помещения. Сохранилась только лицевая часть. Утрачена часть подбородка, обломан кончик носа и поврежден левый глаз. Овал лица удлинённый, лоб покатый. Высоко поднятые дуги бровей, смыкаясь у переносицы, переходят в линию носа. Слегка раскосые глаза наполовину прикрыты верхними веками. Нос тонкий, с четко выраженными крыльями ноздрей, под носом — глубокая ямочка. Хорошо сохранилась верхняя губа с резко изогнутой линией. Красочный слой и ганчевая основа над ним полностью отсутствуют, что позволяет видеть первоначальную (и более резкую) моделировку черт лица.

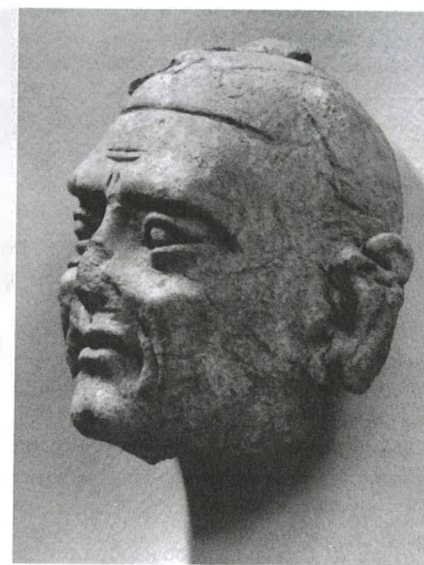

Рис. 88. Голова монаха.
Помещение XXXIV

Рис. 89. Голова божественного (?) персонажа. Помещение XXXIV

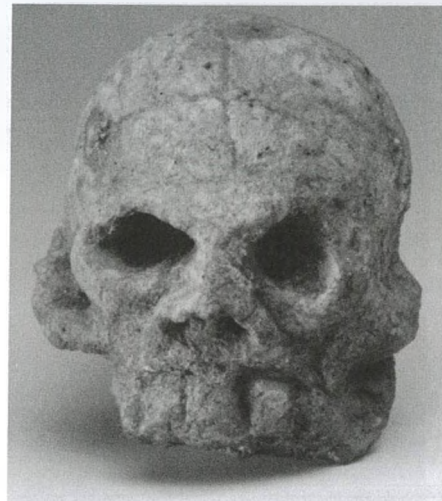

Рис. 90. Скульптурное изображение черепа. Помещение XXXIV

тания в целом почти строго круглыми. Покатый лоб подпирают высоко поднятые прочерченные брови. Чуть прикрывающие глаза верхние веки припухлые, сверху и снизу их подчеркивают врезанные дуги. Нос маленький, с глубокими дырочками ноздрей, по бокам крыльев носа — скобки. Рот небольшой, с глубокими ямочками в уголках. Подбородок округлый, чуть выступающий вперед, так что на фоне полной нижней части лица он почти не заметен. Ухо сохранилось не полностью — отсутствует мочка; ушная раковина изображена анатомически правильно.

Прическа была «набрана» из штампованных локонов в виде строенного вопросительного знака и была уложена так, что значительно выступала над плоскостью лица. Волосы окрашены в черный цвет, краска положена на глиняную поверхность завитка. Также без ганчевой основы произведена раскраска остальных частей головы:

Рис. 91. Голова божества. Помещение XXXIV

желтовато-розовой была поверхность лица, красной краской подведены дуги над верхними веками глаз и возле крыльев носа, полоса на лбу вдоль прически, окрашены губы и углубления ушной раковины; синяя краска сохранилась в уголках глаз (видимо, ею были подведены веки); черными были брови.

Лицевая маска была изготовлена в форме; уши сделаны отдельно. Головка несколько деформировалась от падения или давления выпележащего завала: правая щека более припухлая, несколько искривлен рот, приподнят левый глаз.

Череп (фр-т XXXIV/с-17, размер $5 \times 4,5$ см; рис. 90; табл. 13, 1). Найден в завале помещения, в западном его углу, возле левого (от входа) постамента. Нижняя челюсть отсутствует.

Несмотря на небольшие размеры, череп выполнен анатомически грамотно; преувеличенно крупные скулы и зубы, придающие большую выразительность, — единственное отклонение от правильных пропорций. Прочерчены даже черепные швы. Глубина пустых глазниц и носовых впадин подчеркнута черной краской, зубы окрашены в синий цвет, поверхность черепа — желтая.

Голова божества (фр-т XXXIV/с-18, размер $10,5 \times 10,5$ см; рис. 91). Найдена в северном углу помещения, на полу, лицом вниз. Сохранились лицевая маска, левое ухо и часть прически возле него.

Специфическая особенность этой головы — равномерная округленность нижней и верхней половины лица, что делает его очер-

Рис. 92. Уточки (часть горельефной композиции). Помещение XXXIV

В углах помещения XXXIV скульптурный завал состоял в основном из обломков горельефных украшений, упавших со стен, а также из остатков скульптуры, стоявшей на суфах или непосредственно на полу.

Среди горельефных настенных украшений — остатки н и м б о в, состоявших из штампованных удлинённых листов лотоса (сильно стилизованных) с «перлами»-горошинами на обоих концах листка.

У северо-восточной стены (в северном и восточном углах) были найдены куски стеной штукатурки с рельефными изображениями птиц — фазана, утки (рис. 92) и животных (рис. 93). Такие фигурки украшали поверхность рельефного фриза.

На одном фрагменте (XXXIV/с-20, размер $21,5 \times 9$ см; табл. 15, 1) изображен фазан с вытянутой шеей и распущенным хвостом. Перья на крыле изображены довольно обобщенно — несколькими неглубокими желобками, а на хвосте — тремя рельефными дугообразными валиками разной длины. Тело птицы окрашено в желтый цвет, хвост — в синий, «бородка» — красная, глаз черный с красной обводкой вокруг. Фон, на котором изображена птица, — палево-желтый.

В восточном углу помещения был найден фрагмент с изображением утки. Зеленовато-желтое тело птицы окружает розоватый фон, окомтуренный синей рамкой.

Несколько лепных птиц такого же рода были найдены у левой (от входа) суфы. Видимо, они принадлежали первоначально такому же фризу. Их длина от 8 до 12 см. Выполнены они в той же манере, что и только что описанные, хотя и отличаются между собой деталями (овал крыла, разделка перьев, высота рельефа).

Рис. 93. Головки бычка и джейрана. Помещение XXXIV

Дошедшие до нас в завале помещения XXXIV скульптурные фрагменты — лишь незначительная часть скульптуры, которая когда-то здесь была. В этом небольшом помещении находилось не менее пятнадцати статуй разного масштаба.

Помещение XXXVI (святилище)

Скульптурное убранство помещения не поддается достоверной реконструкции. Завал из скульптурных обломков (в основном мелких) равномерно покрывает пол святилища и развал его трех пристенных постаментов. Разборка завала, анализ и изучение скульптурных фрагментов дали ценный материал, позволивший прийти к определенным выводам в отношении данного святилища и изменить некоторые прежние представления о скульптуре Аджина-тепа в целом.

Во-первых, оказалось, что изначально пол помещения был на 45 см ниже (на том же уровне, что и в соседнем коридоре XXX) и оно не имело пристенных постаментов. Возможно, в центре помещения была ступа (?). Во время ремонта на одном из ранних этапов «монастырского» периода уровень пола поднимали, предварительно засыпав его слоем песка, вдоль стен соорудили постаменты со скульптурой, поверхность стен украсили рельефами.

Во-вторых, скульптура в святилище неоднородна по технике своего исполнения: строительный раствор мог быть более высокого качества, изготовленным с использованием разных по составу скульптурных масс для одной фигуры, и сделанным из зеленоватой глины с добавлением песка. Такой глиной были также отремонтированы постаменты в святилище. Поскольку скульптура из зеленой глины встречается во многих местах на Аджина-тепа и эту глину использовали в качестве починочного материала при ремонтах постаментов и малых ступ, есть основания говорить о каком-то большом единовременном ремонте и подновлении скульптуры монастыря на последнем этапе его существования.

Фрагмент XXXVI/c-1 (размер 23 × 14 см) найден в середине завала помещения, лицом вниз. Часть рельефного фриза от нимба вокруг крупной скульптуры состоит из повторяющихся спиралевидных завитков, на концах которых расположены трехлепестковые цветы. Цветы меньших размеров отделяют один завиток от другого. Побег с крупными цветами окрашены в синий цвет, мелкие — в желтый, фон — светлый; но в наиболее глубоких его местах положена черная краска.

Несколько крупных кусков скульптуры, сделанной из зеленой глины, принадлежали крупной (в 1,5 раза больше натуральной величины) фигуре или фигурам Будды: кусок торса со следами окраски в красный цвет по белому ганчевому грунту, часть ладони правой руки с прочерченными по ней красными бороздками-складками, пальцы рук (диаметром 2–2,5 см); часть запястья руки, покрытой белым ганчем; складки красных одежд от той части сангхати, которая ниспадает вертикальными фалдами по средней части постамента; крупные завитки кудрей.

Судя по найденным фрагментам, эта более поздняя скульптура из зеленой глины была не только хуже по качеству исполнения, но и отличалась стилистически. Так, иной была трактовка складок сангхати: они изображались неглубокими параллельными бороздками или расходящимися веером желобками. Вместе с тем форма отдельных складок (например, центральной у сидящей фигуры), которыми передан свисающий на фасад постамента край плаща, — традиционная, хотя сделаны они довольно грубо по сравнению с ранними.

Ремонту и замене подверглись не все скульптуры в этом святилище. Среди обломков возле среднего постамента найдены: фрагмент синих складчатых одежд от крупной фигуры, сделанных многослойным способом из коричневой глины; фрагмент красной складчатой одежды (складки гофрированные) со сгиба руки или ноги; темен-

ная часть головки с синими кудрями в виде утроенного вопросительного знака и фрагменты мелких красных складок, возможно, от той же фигурки.

К ранним скульптурным образцам следует отнести также фрагменты резного орнамента в виде изогнутых стилизованных растительных побегов, выполненных в глубоком рельефе из сильно запесоченного коричневого скульптурного теста. На поверхности видны следы синей и желтой краски, в глубоких местах — черной.

Помещение XXXIX

Айванное помещение перед осевым святилищем в северо-восточном фасаде ограды ступы. В первый («монастырский») период по обе стороны от прохода в святилище в углах находились постаменты со скульптурой, которые не раз чинились и перестраивались. В правый от входа постамент во время его последней переделки был заложен крупный скульптурный фрагмент (XXXIX/c-1), оказавшийся головой Будды, выполненного в 1,5 натуральной величины. Размер фрагмента 53 × 30 см (рис. 94). Голова сильно деформирована (правое ухо, переход от щеки к шее), отсутствуют левая половина лица, красочный слой и ганчевая обмазка под ним. Бесспорно, поверхность лица фиксируется на отдельных участках: правая щека, глаз и лоб над ним, правая часть подбородка, завитки волос. Ухо имеет реалистичное очертание только в верхней части, мочка его сильно деформирована (возможно, в результате закладки в постамент) и длинным двойным жгутом тянется вдоль подбородка. Несмотря на такие существенные утраты и искажения, голова производит в целом эффектное впечатление. Прическа из удвоенных завитков разделена пробормом на две половины, на теменной части головы — ушниша. Волосы спускаются мысом на неширокий лоб. Круто изогнутые брови сходятся у переносья, лоб и нос составляют одну линию. На переносице — остатки урны («третьего глаза») Будды. Глаза почти прикрыты верхними веками, губы сложены в мягкой улыбке.

Первоначальное положение фигуры определить трудно. Возможно, она стояла на одном из угловых постаментов помещения, но, может быть, находилась внутри святилища или в коридоре XXIII до того, как там установили постамент с Буддой в нирване.

К концу истории монастыря в помещении оставалась только одна фигура — на левом постаменте. Ее остатки были расчищены в углу за стенкой танура второго периода и под ним. Это были складки красной одежды в виде почти параллельных неглубоких бороздок, которые переходили на стену. Под тануром на поверхности постамента угадывалась левая ступня ноги в виде довольно аморфной лепешки. В зеленую глину скульптурного теста были замешаны мелкие обломки от ранней скульптуры. Очевидно, что это скульптурное изображение было сделано на последнем этапе монастырского периода.

Монастырский двор

При расчистке заполнения монастырского двора в его юго-западной части возле внешней стены коридора V было обнаружено и расчищено большое скопление

Рис. 94. Голова Будды.
Помещение XXXIX

обломков различной скульптуры. Фрагменты лежали компактной массой на площади примерно 2×3 м, высотой 30–50 см на уровне былой дневной поверхности двора.

Расположение обломков позволяет говорить о намеренном образовании этого завала. По всей вероятности, эти обломки пришедшей в негодность скульптуры были собраны в одно место и спрятаны во время какого-то из ремонтов.

В этом скоплении попадаются куски от крупных фигур, выполненных в натуральную величину (складки красных и синих одежд самых различных очертаний, ступня ноги); части фигур меньшего размера; кусочки от настенных рельефов, изображающих растительные побеги с бутонами, листьями и цветами; обломки образков с изображением сидящего Будды, маленькие ступы-модельки.

Торс светского персонажа в двух фрагментах (фр-ты ДМ/с-1, 1а, размеры $41 \times 20 \times 12$ см и $17 \times 10 \times 10$ см; рис. 95). Сохранились левая верхняя часть торса (большой фрагмент) и часть плеча левой руки. Видимо, торс являлся частью рельефной композиции, в которой персонаж был обращен к зрителю левой стороной. Тело мужчины покрыто одеждой из тонкой синей ткани, свободно облегающей грудь и собирающейся ниже линии талии частыми глубокими складками. Вдоль левого бока и с плеча ткань спадала фалдами. Поверх одежды на плечи был накинута красный шарф, завязанный в пышный бант на левой стороне груди. Верхний край одежды обрамляло рельефное украшение в виде двойной желтой гривны-обруча с «перлами» и трехлепестковыми цветами-подвесками синего цвета. На розовато-желтой шее — короткое ожерелье из крупных белых бусин. Аналогичные складки одежды были обнаружены в завале помещения XXIII.

Часть торса (фрагмент ДМ/с-2, размер $19 \times 17 \times 13$ см, $1/2$ нат. вел.). От торса сохранились левая половина обнаженной груди и часть плеча. На груди — украшение, подвешенное на двойной шнур в виде округлого камня в прямоугольной оправе, к которой снизу крепится листовидная трехлопастная подвеска. Ближе к горлу — остатки ожерелья из крупных круглых бусин, которые сделаны отдельными шариками и вдавлены в тело фигуры на $1/3$ своего диаметра. Поверхность торса имеет следы ремонта белым ганчем и зеленой глиной.

Рис. 95. Торс светского персонажа в двух фрагментах. Монастырский двор (возле айвана XI)

Часть лица мирского персонажа (фр-т ДМ/с-3, размер $8 \times 5 \times 4$ см, $1/2$ нат. вел.). Сохранилась правая сторона лица — от линии надбровных дуг до округлой подбородочной части. Судя по несколько преувеличенному размеру щеки, изображение было частью горельефа, где персонаж был обращен в правую от зрителя сторону.

Лицевая маска выполнена в колыбе, форме из зеленоватой глины, с последующей подправкой. Так, веки глаз были утолщены дополни-

тельно валиком, а затем линия глаза была очерчена острой стекой. Местами сохранился толстый слой ганчевой обмазки, которая должна была скрыть дефекты формовки. Возле крыльев носа и у рта сохранились остатки красной краски. В целом фрагмент производит впечатление изделия невысокого качества изготовления, а судя по зеленой глине, из которой он сделан, видимо, относится к поздним скульптурам Аджина-тепа.

Рука с колокольчиком (фр-т ДМ/с-5, чуть меньше нат. вел.; рис. 96). Сохранилась почти полностью кисть правой руки (отсутствует указательный палец). Тонкие изогнутые пальцы сжимают колокольчик полусферической формы с подвесным цилиндрическим язычком. На теле колокольчика имеется глубокая бороздка-уступ, в верхней части корпуса — тройная петелька для подвешивания и как будто бы шнурок, зажатые в ладонь. Очень натуралистично и живо передан жест руки, трактованы пальцы, сжимающие колокольчик. Фрагмент окрашен в белый цвет, в ногтевых лунках следы красной краски. На линии запястья в обломе руки хорошо виден след от деревянного штыря ($1 \times 1,2$ см), с помощью которого кисть руки крепилась к предплечью.

Головка Будды, часть образка (?) (фр-т ДМ/с-6, размер $3,5 \times 2,8 \times 1,6$ см; рис. 97). Сохранились лицо, прическа волнистых волос с ушниками, хорошо видны уши с оттянутыми вниз мочками. Голова сделана из красной и зеленой (поверхностный слой) глины без следов раскраски. По всей вероятности, является частью образка, аналогичного найденному в нише № 1 помещения XXVII, но несколько большего по размеру, и трем другим образкам (их фрагментам), которые найдены в этом же завале монастырского двора.

Фрагменты образков (ДМ/с-7, 8, 9). Фрагмент ДМ/с-7 (размер $7,8 \times 8$ см; рис. 98) представляет нижнюю часть образка, на которой изображены постамент и часть фигуры сидящего Будды (сложенные в падмасане ноги, часть туловища и руки в дхьяна-мудре), и нижние концы арочного обрамления вокруг Будды. С задней стороны образок был снабжен округлой «пяткой» для упора. Постамент имел несколько ярусов: верхний — в виде двойной подушки, под ним — фриз из рядов выпуклых перлов, ниже — прогнутая внутрь поверхность основания постамент.

Образок был сделан из зеленой (фигура Будды) и красной глины путем оттискивания в форме. По фрагменту можно довольно точно представить технику изготовления образка: изображение Будды в форме заполнялось зеленой глиной, остальные

Рис. 96. Рука с колокольчиком. Монастырский двор (возле айвана XI)

Рис. 97. Голова Будды (фрагмент образка). Монастырский двор (возле айвана XI)

Рис. 98. Глиняные образки с изображением сидящего Будды. Из монастырского двора (возле айвана XI) и из помещения XXVII

места — красной. Полученный двухцветный оттиск вынимали из формы и обводили выступающей в рельефе овальной нишей-аркой. Между оттиснутым изображением и аркой на оборотной стороне фрагмента был четко виден шов. Этим образком (и аналогичные ему фрагменты с-8 и с-9) отличается от образка из ниши № 1 помещения XXVII, что позволяет предполагать наличие на Аджина-тепа нескольких форм для их оттискивания.

Модели ступ

Всего на Аджина-тепа найдено четыре экземпляра миниатюрных моделей ступ⁶³ (в том числе один мелкий фрагмент). Сделаны они из сырой глины разного цвета и состава, скорее всего оттиснуты в форме с небольшой последующей подправкой. (Описание археологически целых экземпляров и их исследование см. в гл. II.)

Почтительное отношение обитателей монастыря к глиняной скульптуре, пришедшей в неудовлетворительное состояние по тем или иным причинам, — факт, с которым неоднократно пришлось сталкиваться в процессе раскопочных работ. Как правило, встреча с такими «заполнениями» бывала неожиданной.

Выше мы уже рассказывали о случайном обнаружении большого куска торса мирского персонажа («тохаристанца») в подбье стены коридора XXVIII. А в щеку сводчатого проема из этого помещения в айван XXIX был вмурован крупный кусок скульптуры (ноги или рука в красных складчатых одеждах) и сверху замазан слоем саманной штукатурки.

В айване XX по другую сторону двора ступы во время одного из ремонтов заложили проход в коридор XXII. Внутри кирпичной кладки оказались обломки неболь-

⁶³ Зеймаль Т. И., Литвинский Б. А. Первые глиняные модели ступы из Средней Азии (Аджина-Тепе). С. 186—199; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики ступы в Средней Азии и Индии. С. 164—186.

шой скульптуры сидящего в падмасане Будды (?) (фр-т XXII/с-5) и голова (точнее, ее остов) какого-то персонажа с сильно оббитой лицевой частью и утраченной прической. А когда понадобилось укрепить приставными стенами боковые стороны этого айвана так, чтобы они со двора образовывали широкие пилоны по обе стороны, то под левый пилон в подбой основной стены положили несколько кусков скульптуры. Среди них находилась часть головы персонажа со скорбным выражением лица (опущенные вниз уголки рта), выполненного в половину натуральной величины (фр-т ДС/с-1; рис. 99). Рядом располагался крупный скульптурный фрагмент (ДС/с-2, 56 × 38 см), который может быть понят как часть торса коня, украшенного богатой сбруей. На фрагменте видны основание шеи и спускающиеся на нее завитки черной гривы, на шейная часть сбруи из выпуклых прямоугольных пластин желтого цвета, край чепрака, украшенного пятилепестковыми фестонами. На фрагменте сохранились остатки синей краски. Она покрывала основную поверхность былой фигуры. Местами из-под нее проступал белый ганчевый грунт. По-видимому, какие-то детали имели позолоту, так как при расчистке этого фрагмента в завале попадались кусочки золотой фольги.

Как в этом, так и почти во всех других случаях обнаружения намеренно убранных скульптур, затруднительно реконструировать ее бывшее местонахождение. В одних случаях разрушенную скульптуру могли заложить внутрь постамента, на (возле) котором она находилась, как в помещениях XXIX или XXXIX. В другом, наоборот, собрать из разных помещений и сложить компактно в одном месте, как, вероятно, произошло во дворе монастырской половины.

Такие заложения были связаны с ремонтными работами в монастыре, большими и текущими, которых, судя по раскопкам, было много. Особенно частых ремонтов требовали низы стен, подъедаемые почвенными солями, главная ступа и пространство двора вокруг нее. И, наверное, потому именно здесь найдено наибольшее количество разнообразных обломков глиняной скульптуры, особенно при вскрытии поздних уровней «полов» вокруг ступы (рис. 100).

Несомненно, с большим ремонтом связано заложение скульптурных обломков крупных фигур, которые были обнаружены в 1965 г. в южном углу двора ступы: части торсов в красных складчатых одеждах; обломки рук и ног фигур, исполненных в 1,5 натуральной

Рис. 99. Часть головы персонажа со скорбным выражением лица. Айван XX

Рис. 100. Голова Будды (?). Западный угол двора главной ступы

величины; отпавшие спиралевидные завитки синих волос. Все они были включены в толщу поздних «полов» двора. Для более крупных фрагментов пришлось делать ямки, прорезавшие первоначальный уровень двора, и подстилать его слоем мелкой гальки. Здесь же были найдены крупные прямоугольные глиняные «подушки», покрытые красной краской по белой ганчевой основе; разнообразные детали украшений фигур и ниш; куски рельефных нимбов с сердечкообразными лепестками-налепами по краю.

В 1971 г. при разборе поздних «полов» в восточной части двора ступы был найден в кусках еще один торс крупной фигуры Будды в складчатом сангхати (фр-т ДС/с-3).

Кажется весьма вероятным связывать все эти заклады с крупным ремонтом в коридоре XXIV, вызванным тем, что разрезанная нишами внутренняя стена его не выдержала давления перекрытия и стала оползать. Скульптура (точнее остатки) из ниш была убрана (на задних стенах ниш видны остатки нимбов и мандорл), ниши были заложены кирпичом, и по всей длине коридора поставили подпорную кирпичную стену.

Рис. 101. Головы монахов. Из завала в западной части двора главной ступы и из коридора XXIII

Иного происхождения — скульптурный завал, обнаруженный в западной части двора возле большого выступа первой террасы ступы. Скульптурные фрагменты лежали довольно компактной кучей на площади примерно 3×2 м поверх «пола» двора и скорее всего снесены сюда из какого-то помещения ограды. По стратиграфическим наблюдениям это могло произойти в самом конце первого периода. Скульптурный завал перекрывали слои, содержавшие остатки рухнувшего деревянного навеса, обломки жженных плит облицовки ступы, фрагменты от небольшой ганчевой ступы, стоявшей под навесом в западном углу двора. На высоте 70–80 см от пола первого периода (в его последнем варианте) четко фиксировался уровень второго периода.

Из наиболее сохранившихся в этом завале скульптурных фрагментов — голова монаха (фр-т ДС/с-4, размер $9,5 \times 10$ см, 3/4 нат. вел.; рис. 101, а). Сохранились верхняя часть бритой головы, лоб, частично глаза и нос. Нижняя часть лица сильно деформирована; отсутствуют правая щека и подбородок. Бугристый лоб с сильно развитыми надбровными дугами пересекают две продольные глубокие морщины. Глаза глубоко посажены, смотрят прямо из-под низко опущенных надбровий. Остатки черной краски видны на темени, красная полоса окаймляла линию сбритых волос. Красная краска видна над веками и у крыльев носа, остатки синей краски — в центре глаза.

Уш и ш и (фр-ты ДС/с-5, 6, 7; рис. 102) от трех скульптурных голов Будды, почти одинакового размера ($6 \times 7 \times 8$ см). Сделаны из комьев глины, покрытых сверху отштампованными завитками волос. В двух случаях завитки улиткообразные, в третьем — в виде многолепесткового веерообразного пучка. На одной из уш-

Рис. 102. Ушниши. Из завала в западной части двора главной ступы

ниш сохранилась урна («третий глаз») Будды. Остатки синей краски видны на всех трех ушнишах.

Ухо Будды и змеинная голова (фр-т ДС/с-8, размер $8 \times 7 \times 5,5$ см; рис. 103). По-видимому, это часть горельефной композиции, изображавшей Будду во время проповеди и нагу, который слушает эту проповедь. Сохранилось правое ухо Будды, к которому сверху головой прижался нага. В глубине ушной раковины Будды — красная краска. Голова змеи была окрашена в синий цвет, тело — в черный; глубокими бороздками передан изгиб ее тела; четко очерчен округлый глаз с точкой зрачка; глубокой ямкой изображена ноздря. Еще одна почти такая же синяя головка змеи найдена в этом завале рядом с фрагментом маленькой желтой змейки, которая левой стороной брюшка крепилась к какому-то предмету (или поверхности стены), а правой была обращена к зрителю. Соответственно только с правой стороны прочерчены глаз, ноздря и щель приоткрытой пасти. Если первые два фрагмента сделаны из сильно запесоченной глины, то маленькая змейка вылеплена из тонко отмученной пластичной глины коричневого цвета.

Насыщенность завала фрагментами скульптуры, их небольшие размеры не позволяют более или менее точно подсчитать количество персонажей. Так, большое число фрагментов черных прядей прямых и волнистых волос может быть от одной и от нескольких голов. Судя по размеру уха на одном из таких фрагментов, эти головы (голова) были близки к натуральной величине. Похожие пряди волос были у деваты из храма в монастырской половине (помещение I) (фр-т I/с-9). Они сделаны в той же технике из сильно запесоченного теста.

Возможно, прическам этих персонажей принадлежали сделанные из такого же глиняного теста украшения типа эгретов (фр-ты ДС/с-10, 11), по форме напоминающие фигурные листья, иногда с цветком-розеткой в центре. Более уверенно можно говорить

Рис. 103. Ухо Будды (?) и голова наги. Из завала в западной части двора главной ступы

как о головном украшении о крутлых желтых розетках с шестилепестковым цветком посередине и цепочкой из «перлов» по краю. В центре розетки — сильно выступающий в рельефе камень голубого цвета (рис. 104).

Довольно много фрагментов являются частями лицевых масок мирских персонажей. Это были небольшие скульптурные изображения, скорее всего составлявшие горельефные композиции, изображавшие различные варианты сцены проповедей Будды. Очень выразительна была, по-видимому, голова усатого мужчины (фр-т ДС/с-9), от которой сохранился небольшой фрагмент (размером $6,5 \times 4 \times 3,5$ см; рис. 105, слева) скуластого лица с широким приплюснутым носом, пушистыми черными усами, концы которых опущены вниз. На фрагменте видны остатки былой раскраски: розовато-палевый цвет щек с подкраской красным углублений возле носа и рта, в глубине у дырочек ноздрей. Судя по ассиметрии выступающих скул лица, голова персонажа была повернута влево от зрителя.

Обломки голов еще, по крайней мере, 6 светских персонажей, выполненных в том же масштабе (примерно $1/2$ нат. вел.) были обнаружены и извлечены из этого завала. Их различают разный поворот головы и, насколько можно судить по фрагментам, головные уборы и прически.

Среди обломков голов меньшего размера наиболее уцелевшим является фрагмент ДС/с-12 (размер $6 \times 4,5 \times 3$ см; рис. 106). Почти полностью сохранились лицо и теменная часть прически из зачесанных назад прядей волос черного цвета. Высокий прямой лоб подпирают снизу изогнутые надбровные дуги. Полуприкрытые веками

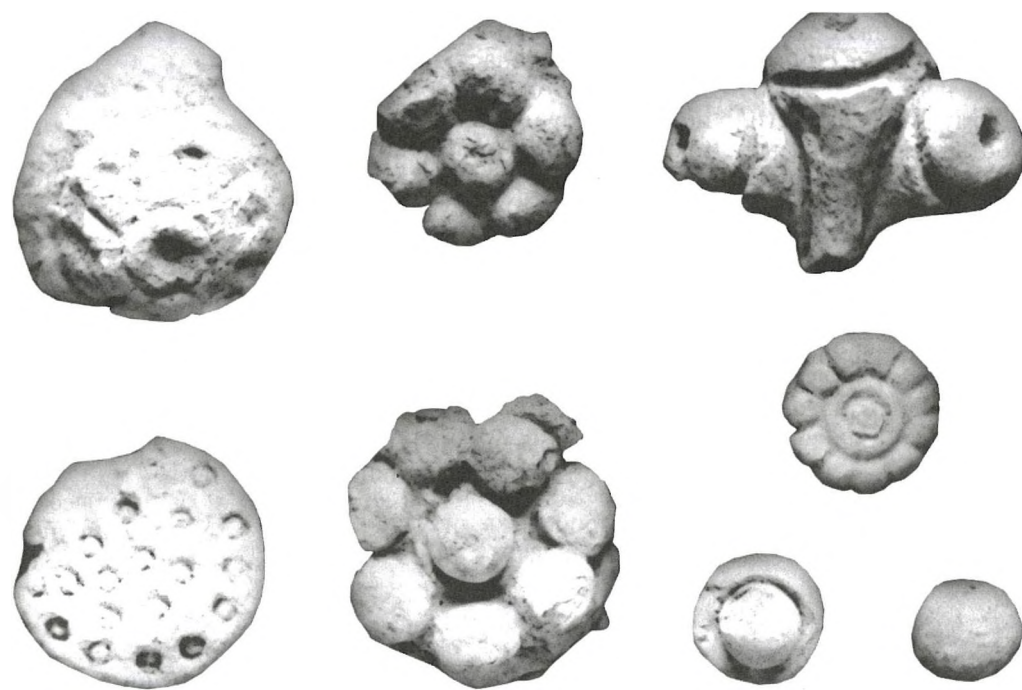

Рис. 104. Рельефные украшения, принадлежавшие скульптурным фигурам бодхисатв или светских персонажей. Западная часть двора главной ступы

Рис. 105. Головы светских персонажей. Из заполнения в западной части двора главной ступы

бесстрастные глаза контрастируют с чуть улыбающимся ртом и иронически изогнутыми бровями. Вытянутые пропорции лица, его выражение заметно выделяют эту головку как необычную из уже известных на Аджина-тепа скульптур. Лицевая часть головки отштампована и подправлена стекой (брови, уголки рта, скобочки у крыльев носа). Пряди волос прочерчены после формовки лица. Головка окрашена: волосы черные, лицо желтоватое, красная краска полосой лежит у линии волос на лбу, вокруг глаз, у крыльев носа и вокруг рта. В уголках глаз — следы синей краски.

Значительную часть завала в западной части двора ступы составляли фрагменты складчатых одежд, окрашенных в красный, желтый и синий цвета и принадлежавших разным персонажам; обломки ступней ног стоящих фигур ($1/2$ нат. вел.), части обнаженных рук (плеча и предплечья) и прикрытых складками одежды, пальцы, зажатые в кулак. Все эти фрагменты дают богатый материал для изучения техники изготовления скульптуры.

В сходных стратиграфических условиях было обнаружено небольшое скопление скульптурных обломков в северном углу двора, вблизи ступы, в завале над полом.

Из наиболее целых фрагментов — голова Будды (?) (фр-т ДС/с-30, размер $14 \times 10 \times 8,4$ см; рис. 107). Сохранилась почти полностью лицевая часть головы, несколько повреждены кончик носа, левый глаз и участок лба возле него. Полностью отсутствует прическа. Лицо округлое с мягко очерченным подбородком, губы чуть тронуты улыбкой. Над верхней губой — ямочка. Нос прямой, широкий внизу, слегка приплюснутый. Лоб покатый со слабо выраженными надбровными валиками. Глаза чуть прикрыты припухшими веками.

Лицевая маска, бесспорно, оттиснута в форме с последующей подправкой (рот, глаза, ноздри).

Рис. 106. Голова светского персонажа. Из завала в западной части двора главной ступы

Рис. 107. Голова Будды (?). Из завала в северном углу двора главной ступы

Рис. 108. Женская голова.
Из завала во дворе главной ступы

мной лоб украшен над переносицей урной. Узкие вразлет брови, чуть приподнятый вверх изящный нос, маленький рот с неплотно сомкнутыми губами, прямо смотрящие глаза передают выражение сосредоточенного почтительного внимания. Хорошо сохранилась раскраска: лицо было белым, ниточки бровей и волосы — черные. Глаза подведены синей краской. Заметен темный зрачок. В глубине ушной раковины и на губах — красная краска. Посередине лба — красная точка урны, диаметром 5 мм. Краска положена в чуть заметное углубление. Техника изготовления головки обычная для скульптуры Аджина-тепа: лицезащита сделана в матрице с последующей доработкой стечкой. Ухо отштамповано отдельно и присоединено (хорошо видно место стыка). Чуть заметная асимметрия головы позволяет предположить, что фигура женщины была прислонена к стене правым боком.

«Захоронение» или «погребение» скульптур или их частей в толще стен, замурованных помещений или под полами, повторенное многократно, показывает, что за этим лежит устойчивый комплекс представлений и обычаев. Для буддиста скульптуры монастыря являлись не произведениями искусства, а в первую очередь в высшей степени сакрализованными объектами, органической составной частью сакральной системы монастыря. Поэтому выбросить их, даже в разрушенном виде, за пределы сакрального пространства (территории монастыря) было абсолютно невозможно. Это и явилось причиной их помещения в толщу стен или под полы. Находясь там, они сохраняли или даже усиливали сакральное могущество монастыря.

Техника изготовления скульптуры

Низкая степень сохранности скульптуры Аджина-тепа не позволяет дать исчерпывающую характеристику техники ее изготовления. Имея дело с частями фигуры, а не с целыми ее экземплярами, мы, в частности, не всегда можем определенно судить о сочленении частей между собой. Не всегда удается восстановить и цвет былой раскраски поверхности. Тем не менее можно говорить о тесте скульптуры,

Интересная деталь была обнаружена с обратной стороны головы — гнездо от деревянного штыря, с помощью которого осуществлялось крепление головы с туловищем.

На поверхности головы имеются следы ремонта (над правым глазом, с правой стороны подбородка, возле носа и рта) и остатки красной краски.

Женская голова (фр-т ДС/с-21, размер 18 × 16,5 см, чуть меньше натуральной величины; рис. 108; табл. 14, 1). Найдена в завале «на полу» двора возле правого пилона лестницы северо-западного фаса ступы. Полностью сохранилась лицезащита, есть утраты на прическе, и отсутствует (?) правое ухо. Первоначальное местоположение ее определить трудно, возможно, она происходит из святилища XXXIV.

Голова принадлежала скульптурному изображению знатной молодой женщины. У нее длинные черные волосы, разделенные прямым пробором, собранные в шиньон на темени так, что оставляют открытым ухо с оттянутой вниз мочкой. Пря-

о некоторых приемах ее формовки, об изготовлении отдельных деталей и фигур и даже об отдельных характерных для Аджина-тепа особенностях ее создания. Поскольку скульптура Аджина-тепа весьма разнообразна и по внешнему виду и по размерам, следовательно для ее изготовления применялись различные способы и приемы. Общими являются материал, из которого она была сделана, — глина, почти полное отсутствие специальной арматуры для внутреннего скрепления отдельных частей между собой и тот факт, что скульптура была рассчитана на то, чтобы стоять прислоненной вплотную к стене.

Для крупных фигур (Будда в нирване, Будды, сидящие в нишах ограды и на постаментах храмового помещения) остоном служила кладка из горизонтальных рядов сырцового кирпича, которая примыкала к стене помещения (или задней стенке ниши). Снаружи ее покрывал толстый слой глины с примесью рубленой соломы. С его помощью создавалась основная форма скульптуры. Толщина слоя могла быть различной в зависимости от того, насколько было необходимо «нарастить» остов для придания формы соответствующему участку тела. По всей вероятности, он накладывался не сразу на всю нужную толщину, а пластами, с тем, чтобы дать подсохнуть каждому и тем самым избежать растрескивания. В этом грубом обмазочном слое делались только крупные складки фигуры (те, что ниспадают полукругом на постаменты, или те, что покрывают тело лежащего Будды).

Сверху производилась обмазка слоем так называемой скульптурной глины желто-коричневого или зеленого цвета, в составе которой присутствовал мелкий песок, придававший этому поверхностному слою твердость корки. Толщина этого слоя в среднем была 3—4 мм. В этой же скульптурной глине делались мелкие складки, покрывавшие торс фигур из ниш ограды. Расположение их соответствовало определенному порядку, и лепились они вручную.

Руки и ноги крупных фигур, насколько позволяют говорить об этом фрагменты из завала, делались следующим образом: в качестве стержня-основы изготавливалась специальная болванка из плотной глины диаметром 4—5 см, вокруг которой слоями намазывалась глина, смешанная с саманом (рубленой соломой), причем тот слой, что был ближе к поверхности, содержал меньшее количество примесей соломы в тесте⁶⁴. В поверхностном слое скульптурной глины изготавливались складки одежды.

Ступни ног делались из обычной глины без примеси самана (или с очень незначительным его количеством), затем шел обмазочный слой из скульптурной глины и поверхностная обмазка белым ганчем. Тем же способом делались кисти рук. В завале помещения XXVI-а найдены фрагменты пальцев рук. В свежем обломе хорошо видна внутренняя структура: в середине, в качестве основы, был использован тонкий деревянный прутик диаметром 3—4 мм. Вокруг него намазывался слой глины толщиной 5—6 мм, сверху — слой скульптурной глины в 3 мм. Прутик сгнил, и в центре осталось отверстие. Правильней прутик называть стержнем, так как его задача, скорее, не скреплять палец с остальной частью ладони, а облегчить скатывание глиняной основы пальца.

В принципе так же изготавливались и головы крупных фигур: глиняный гуваляк (ком глины овальной формы) являлся ее ядром, вокруг него слоями накладывалась глина с рубленой соломой. Соединение головы и туловища производилось еще в процессе формования головы в грубом виде: на примере головы из ниши № 1 помещения XXV мы видим, что верхний слой глиняно-саманной обмазки один и тот же и для головы, и для шеи. Слой скульптурной глины покрывает только видимую

⁶⁴ Особенно хорошо видна структура в обломе предплечья фигуры Будды, сидящего в нише помещения XXII.

часть головы (лицо) и шею⁶⁵. Черты лица у крупных фигур создавались лепкой от руки: грубая поверхность образовывалась в верхнем наложении глиняно-саманной обмазки, а обмазка из скульптурной глины придавала лицу законченную форму.

Таким образом, крупномасштабные фигуры Аджина-тепа в целом были слеплены от руки, за исключением завитков волос, которые были выполнены с помощью штампа.

Значительно меньше мы можем сказать о том, как изготовлялись фигуры в натуральную величину, в 3/4 и в 1/2 ее. Практически мы располагаем лишь одним хорошо сохранившимся торсом из помещения XXXIV (фр-т XXXIV/с-6, размер в 3/4 нат. вел.) и торсом из закладки в коридоре XXVIII. Видимо, и здесь остов фигуры составлял кирпич. Что же касается конечностей и головы, то они делались так же, как у крупных фигур⁶⁶. Зато при изготовлении лица мастер использовал специальные формы. По всей вероятности, почти все лицевые маски мелких и средних по величине скульптур были отштампованы в формах, наподобие тех, которые были найдены в Шикшине⁶⁷ и Тум-шук⁶⁸. Эта техника была известна и в храме Тепе-Сардар близ Газни (Афганистан), Фундукистане (Афганистан), а также в Ушкаре (Кашмир, Пакистан). Показательно, что в Восточном Туркестане лица скульптур, происходящих из разных центров, демонстрируют удивительную близость⁶⁹. Одна из причин этого кроется в технике изготовления.

Судя по тому, что лица найденных скульптур весьма отличны друг от друга, можно предположить, что мастера располагали значительным ассортиментом форм-штампов. Среди них были такие, в которых изготовлялись не только лицевые маски, но и одновременно первые два ряда завитков (фр-т I/с-3) или диадемы (фр-т I/с-7).

Интересна в этом отношении голова божества из храмового помещения (фр-т I/с-9). При ее изготовлении были использованы две формы: одна для лица, другая для части прически возле лба и ушей. В результате осталось заметным место стыка двух форм в виде уступа на лбу.

Две головки, выполненные в 1/2 натуральной величины, из того же помещения дают возможность в какой-то степени реконструировать способ их формовки. Судя по одной из них (I/с-6), форма плотно заполнялась изнутри скульптурным тестом, в которое вставлялась сердцевина-болванка. Часть головы, соответствующая объему прически, передана грубой массой: на ее сырую поверхность накладывались отштампованные заранее и слегка подсушенные завитки волос. Во втором случае (I/с-5) облом на головке позволяет говорить о том, что в процессе формовки мастер мог по тем или иным причинам легко переделывать головки, используя первый вариант в качестве болванки.

⁶⁵ Вполне возможно, что для прочности скрепления головы и торса вставлялся небольшой деревянный стержень.

⁶⁶ Голова XXII/с-4 (Кашьяпа) имеет бесспорные следы прикрепления ее к туловищу с помощью маленького деревянного штыря.

⁶⁷ См.: Дудин С. М. Техника стенописи... С. 76.

⁶⁸ Paul-David M., Hallade M., Hambis L. *Toumchouq*. II. Manière et technique. Paris, 1962. P. 142–143. О технике восточнотуркестанской скульптуры см. также: Douldour-âqour et Soubachi (Mission Paul Pelliot. IV). Paris. 1982. P. 223–224; Sites divers de la région de Koutcha. *Épigraphie koutcheenne* (Mission Paul Pelliot. VIII). Paris, 1987. P. 33–34. Pl. XXIV/1–2, XXV/1–2. Иногда с помощью форм оттискивались небольшие рельефы, например, со стоящей фигурой, см.: Douldour-âqour et Soubachi. *Planches* (Mission Paul Pelliot. III). Paris, 1967. Pl. XXIX/52, 53 bis.

⁶⁹ Taddei M., Verardi G. Tapa Sardar: Second Preliminary Report // EW. Vol. 28. No. 1–4. 1978. P. 33–135; Yaldiz M. *Archäologie und Kunstgeschichte*... S. 143–147.

Изготовление лица скульптурной головы в форме не исключает, а подразумевает дальнейшую обработку ее с помощью стеки. Сами стеки, судя по находкам А. Стейна, должны были быть деревянными, с острым краем. Стекой подправлялись веки глаз, брови, уголки возле крыльев носа и рта, раковины ушей. Острым концом наносились дырочки ноздрей. Лицо приобретало большую законченность и выразительность.

Нередко высказывается мнение, что глиняные буддийские скульптуры, изготовленные с помощью форм-штампов, являются не художественными, а ремесленными произведениями, что они стереотипны. С этим мы не можем согласиться. Прежде всего нельзя забывать о том, что сами формы-штампы были сделаны первоклассными скульпторами. Напомним также, что в храме I Тумшука из одной и той же формы вышли головы с совершенно различными лицами. По-разному производя процесс оттискивания, мастер-скульптор получал голову с более мягкими или жесткими чертами лица. Затем перед ним открывалось большое поле деятельности: он мог с помощью стеки производить любые подправки и изменения, а используя накладные детали, штампованные или вылепленные, дополнять оттиснутое, в результате чего получались абсолютно разные изображения. В том же Тумшук⁷⁰ головы, вышедшие из одной формы, после дополнительной работы над ними, дали изображения брахманов и демонов, светских и военных персонажей.

Изучение аджинатепинской скульптуры показывает, что все это имело место и в Средней Азии.

Ниже мы будем говорить о прическах и форме отштампованных завитков. Здесь следует только отметить, что они, как правило, делались из специальной, очень тонкой отмученной глины темно-коричневого цвета, мягкой и пластичной, реже — из так называемого скульптурного теста. Для двух вариантов таких завитков были найдены формы, сделанные из обожженной глины.

Прически других персонажей более разнообразны, так как их форма не была ограничена правилами канона. Это были маленькие, круто свернутые спиральки, разбросанные довольно свободно по поверхности головы; крупные завитки сложной прически бодхисатв; гладкие пряди волос, собранные в пучок на макушке или просто откинутае назад; прямо расходящиеся от пробора пряди прически каких-то божественных или светских персонажей и, наконец, низко свисающие на лоб или торчащие в разные стороны пряди демонических существ. Все разновидности этих причесок сделаны в массе скульптурного теста с помощью стеки и, несмотря на обобщенный характер передачи, очень выразительны.

Мелкие фигурки — в 1/4 и меньше натуральной величины — встречаются на Аджина-тепа довольно часто. Среди них есть изображения сидящих Будд, бодхисатв (в том числе стоящее изображение), деват, монахов и др. Наиболее сохранившиеся из них указывают на то, что фигурки стояли вплотную к стене и отделке со всех сторон подвергалась только голова. Большинство же являлись частями многофигурных горельефных композиций. Торс бодхисатвы из ниши № 1 помещения XXV является тоже стоящим изображением. Складки дхоти спускаются донизу, полностью скрывают ноги и тем самым образуют надежную опору всей фигуре. Очень возможно, что поверхность левого бедра испорчена именно потому, что фигура этим боком примыкала к фигуре сидящего Будды.

Торсы бодхисатвы и деваты не имеют следов изготовления их в форме. Сделаны они в обычной для Аджина-тепа технике: остовом является глиняная болванка, обмазанная слоями глины с саманом и сверху покрытая скульптурной глиной.

⁷⁰ Toumchouq. II. P. 146.

Складки дхоти полностью сделаны из этой глины. Ожерелье на шее деваты (XXXIV/с-5) состоит из отдельно изготовленных бусин, прикрепленных затем к торсу фигуры. Цепь на груди бодхисатвы изготовлялась прямо на фигуре.

Что касается мелких изображений Будд, сидящих в традиционной позе с поджатыми ногами, то и здесь мы имеем дело с лепкой фигуры, только отдельные детали (например, лепестки лотосовидного трона) были изготовлены с помощью штампа.

Несколько слов о раскраске фигур. В свое время вся скульптура была раскрашенной. Под воздействием почвенных солей и времени краска исчезла, остались лишь незначительные следы ее, которые, однако, позволяют с достаточной уверенностью реконструировать цвет. Краска наносилась непосредственно на скульптурную поверхность, или (чаще) предварительно производилось грунтование ее с помощью тонкого слоя белого ганча. При этом те участки фигуры, которые оставались невидимыми посетителю, краской не покрывались (например, затылок, верхняя часть спины).

Для фигур Будд раскраска была традиционной: красные руки; ступни ног — белые; волосы черные или синие. Поверхность лица и уши также покрывались слоем белого ганча и раскрашивались: синей краской подводились веки глаз, черной — ниточки бровей, зрачок глаза, красной полосой подчеркивалась граница лба и волос, красную краску клали во внутренние уголки глаз, в углубления возле крыльев носа, внутри ушной раковины, в складку над верхним веком, складки кожи на лице, шее. Губы, как правило, окрашивались в красный цвет, иногда с обводкой тонкой черной линией (фр-ты XXXIV/с-7 и с-8), реже — в желтый (фр-т XXXIV/с-8).

Цвет лица других персонажей обычно был желтым, раскраска отдельных черт была той же, что и на изображениях Будды. Одежда окрашивалась в белый, ярко-синий и желтый цвета. Они же использовались для раскраски украшений.

Раскрашивали также и обнаженное тело. На телесно-желтой его поверхности красной краской подчеркивались складки (на шее, на сгибе рук), пупочная впадина, окрашивались соски. Для придания большей выразительности кистям рук и ног красной краской оконтуривались лунки ногтей, углубления между пальцами.

Вообще, следует подчеркнуть, что живопись и скульптура на Аджина-тепа тесным образом связаны между собой не только тематически, как мы видим это на примере с «дароносцами», которые несут свои подношения скульптурному изображению (миниатюрной ступе), или с коленопреклоненной фигурой на фасаде постамента (храмового помещения I) перед крупными скульптурами Будды. Живописный рисунок может украшать поверхность рельефов, а рельеф входит составной частью в живописное оформление стены помещения (например, обращенной в сторону двора в коридоре III). С помощью цвета скульптор пытается усилить игру светотени (подкраска черным углубленных мест рельефов), придать одноцветной скульптурной поверхности выпуклость и выразительность.

Как можно было заметить при расчистке скульптуры и особенно при консервационных работах, в свое время она подвергалась неоднократным ремонтам. В разделе, посвященном живописи, мы говорили о том, что ремонты и подновления сводились, как правило, к закраске однотонным цветом (чаще всего красным) пострадавших участков стен и потолков или целиком всего помещения (например, стены пом. II, XI, потолок пом. XXXI). И лишь в отдельных случаях делалась попытка переписать заново пострадавший участок росписи. Делалось это довольно грубо и с точки зрения профессионального мастерства несравнимо хуже.

Скульптурные изображения, по-видимому, нуждались в текущем ремонте. Для небольших починочных работ не требовалось особенного умения, однако

и здесь те, кто производил ремонт, шли по наиболее легкому пути: расписанные узором постаменты под скульптуру закрашивались одноцветной краской (постамент под Буддой в нирване), четвертькупольные нишки постамента под Буддой в дхармачакра-мудре из помещения XXII до того, как были заложены кирпичом и наглухо заштукатурены, были закрашены. Более тщательно ремонтировались сами фигуры. На примере Будды в нирване можно видеть, что отпавшие куски складок делались заново, и, чтобы под новым слоем краски не были заметны починенные места, вся поверхность скульптуры была покрыта слоем ганча и уже по нему была нанесена повторная красная краска (первичная окраска была сделана без ганчевого грунтования)⁷¹. Следы повторной окраски можно видеть и на других фигурах.

В этой связи интересны сведения письменных источников. Монах Чжинг чоу (556—622 гг.) был известен как строитель буддийских храмов, много занимавшийся и их украшением. Как рассказывается в его биографии, в одном храме имелись скульптуры, изготовленные в прежние времена. С течением времени, говорится в биографии, их священные формы пришли в ветхость. Чжинг чоу вновь покрыл их лаком, снова раскрасил и снабдил богатыми украшениями. После этого они вновь стали открывать путь к вере и сделались проявлением буддийского учения (dharma)⁷².

Остановимся также на технике изготовления барельефных изображений. Здесь в равной степени мастера использовали штамп и стеку. В тех случаях, когда сюжет требовал монотонного повторения какого-либо одного элемента (цветка-розетки, листика, завитка, изображения сидящего в арке-нише Будды), применялось штампование его или в так называемом «скульптурном» тесте, или в мягкой пластичной глине темно-коричневого цвета⁷³.

Штампом оттиснуты гримасничающие маски со свирепым и добродушным выражениями, украшения на щитках браслетов и т. п. Сложные розетки и спиралевидные завитки фризов, составляющих обрамление вокруг центральных фигур, выполнялись в скульптурном тесте с помощью стеки. В тех случаях, когда рельеф был невысоким, а мотив орнамента несложным, видимо, пользовались штампом.

Набор штампов был весьма большим. Для изготовления даже одной и той же детали (например, листа с ветвей дерева Бодхи, или лепестки-листочка лотосовидных тронов, или детали наборных рельефных нимбов и пр.) использовались разные штампы. Иногда это выглядело как стремление выйти из сковывающих естественность рамок штампа, в других — как небрежность или результат починки.

Подытоживая наши наблюдения по технике аджинатепинской скульптуры можно сказать следующее: характерным приемом ее изготовления являлась лепка. Штампование допускалось только для мелких деталей, украшений, а также для передачи лицевых масок божественных персонажей небольших размеров. В остальных случаях мастер в соответствии с канонизированными образцами, пользуясь определенными заученными приемами, изготовлял различных персонажей буддийского пантеона.

Техника изготовления скульптуры позволяет выявить характерные особенности тохаристанской буддийской школы, ее сходства и различия с буддийской (и не только) скульптурной традицией сопредельных территорий.

⁷¹ Интересно отметить, что отпавшие складки не выбрасывались, а замешивались в ремонтное тесто. Возможно, что при этом играли роль те же представления, что и при «захоронении» скульптур.

⁷² Soper A. C. Literary Evidence for Early Buddhist Art in China. Ascona, 1959 (ArAs. Suppl. 19). P. 13.

⁷³ Штамп для изготовления многолепестковой розетки-цветка был найден в помещении XXV.

Тот факт, что лепка, а не штампование является основным приемом ее изготовления, уже делает ее отличной от буддийской скульптуры Восточного Туркестана, хотя и там этот прием не являлся исключительным. Это еще раз свидетельствует о сильной местной художественной традиции, позволявшей скульпторам отказаться от быстрого, но в определенной степени ограничивающего возможности скульптора способа изготовления скульптур. Если, по свидетельству С. М. Дудина⁷⁴, лепленная от руки скульптура Шикшина поражает беспомощностью и непониманием формы, то скульптура Аджина-тепа, наоборот, характеризуется четкостью линий, уверенной моделировкой, ощущением формы и точностью ее передачи.

Другая черта, отличающая скульптуру Аджина-тепа от изваяний Восточного Туркестана, Кувы, Ак-Бешима, — это отсутствие специально изготовленной скрепляющей и поддерживающей арматуры, сделанной из брусьев дерева, обернутых пучками соломы или камыша, которые с помощью веревок соединялись с центральным осевым колом⁷⁵. Известно, что помимо Восточного Туркестана деревянная арматура применялась в глиняных скульптурах Тепе-Маранджана и Фундукистана (Афганистана)⁷⁶. Среднеазиатская скульптурная традиция, правда, в этом отношении достаточно противоречива. Так, в древнем Хорезме основной скульптуры и горельефов служила глиняная болванка, либо они делались без всякой болванки⁷⁷. Не знала деревянного каркаса скульптура Согда, судя по раннесредневековому Педжикенту⁷⁸. Вместе с тем голова гигантского Будды из древнего Мерва хотя и изготовлена без каркаса, но с применением камыша⁷⁹. Что же касается Бактрии, то в Халчае камышовые жгуты и отдельные тростинки служили скорее не для скрепления частей тела скульптур, а для удобства и облегчения формовки⁸⁰. Применяли арматуру в виде жгутов соломы и палок-опор при изготовлении некоторых скульптур на Кара-тепа.

На Дальверзин-тепа объемные части глиняной скульптуры имели внутренний каркас из тростника и древесных прутьев. Глиногипсовая же скульптура включала в себя внутреннюю армированную глиняную болванку⁸¹. На нее накладывалась ткань крупного плетения, затем наносился гипс (от одного до четырех слоев). Мелкие детали оттискивались с помощью формы. Близкая техника была на Фаяз-тепа, Тепаи-шах и др.

⁷⁴ Дудин С. М. Техника стенописи... С. 79.

⁷⁵ Там же. С. 72–73; Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961. С. 57; Булатова-Левина В. А. Буддийский храм в Куве // СА. 1961. № 3. С. 244; Le Coq A., von. Die buddhistische Spätantike... I. S. 12–13; Toumchouq. II. P. 143.

⁷⁶ Carl J., Hackin J. Le monastère bouddhique de Têpe Marandjan // MDAFA. T. 8. 1959. P. 10–11; Hackin J. La monastère bouddhique de Fondukistan (fouilles de J. Carl, 1937) // MDAFA. T. 8. 1959. P. 49. Однако в Тепе-Сардаре позднего периода (VII–VIII вв.) техника скульптуры была иной. «Основа сделана из обычной глины, смешанной с соломой; деревянные стержни использовались для прикрепления изображений к стенам, а также конечностей и головы к туловищам и т. д.»; «для отделки поверхности изображений [...] использовали особую красную глину» (Taddei M., Verardi G. Buddhist Sculptures from Tapa Sardar, Ghazni (Afghanistan) // La parola del passato. Fasc. 199 [1981]. Naples, 1982. P. 260).

⁷⁷ Воробьева М. Г. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-Кала // ТХАЭЭ. Т. 1. 1952. С. 76–83.

⁷⁸ Костров П. И. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Панджикента // Скульптура и живопись древнего Панджикента. М., 1959. С. 170.

⁷⁹ Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // ТЮТАКЭ. Т. 1. 1949. С. 357; Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского царства // ТЮТАКЭ. Т. 5. 1955. С. 64; Koshelenko G. The Beginning of Buddhism in Margiana // AA. T. 14. Fasc. 1–2. 1966. P. 178.

⁸⁰ Пугаченкова Г. А. Халчаан... С. 153–154.

⁸¹ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 124.

Таким образом, перед нами не одна, а, скорее, две традиции изготовления скульптуры — с инородным каркасом (Парфия) и без него (Хорезм, Согд), причем Бактрия занимает промежуточное положение. Не была ли занесена парфянская техника изготовления глиняных скульптур на каркасе в Восточный Туркестан одновременно с распространением там парфянскими выходцами буддизма (см. об их деятельности в гл. IV). Заимствованная от парфян идея могла в Восточном Туркестане получить дальнейшее развитие. Под воздействием этой традиции оказались также Фергана и Семиречье. Аджинатепинская скульптура, напротив, следовала в этом отношении той технике, которая имела распространение в Хорезме, Согде, унаследовав также и некоторые черты бактрийского скульптурного мастерства.

Сказанное выше о возможном парфянском влиянии не снимает вопроса о первоначальном индийском импульсе. Индийские письменные источники повествуют о применении для создания глиняных скульптур сложного наборного деревянного каркаса. Его обматывали шнуром, затем обмазывали, грубо формуя фигуру глиной, вновь обматывали шнуром и, наконец, накладывали слой скульптурной глины, окончательно моделируя фигуру. Археологических подтверждений этому в индийских материалах пока нет, высказано лишь предположение о применении в Индии на практике как этой техники, так и техники бескаркасной лепки скульптур⁸².

Не обнаружено и бесспорных свидетельств того, что пристенная скульптура на Аджина-тепа крепилась к стене с помощью специальных деревянных штырей.

Вместе с тем состав глиняного теста и техника лепки скульптуры Аджина-тепа, Кувы, Ак-Бешима и Восточного Туркестана имеют много общего: многослойное накладывание глиняного теста, смешанного с рубленой соломой⁸³, обмазка поверхности слоем пластичной глины и проработка деталей, складок одежды, некоторых украшений, применение отштампованных отдельно деталей, раскраска фигур и лиц. Сходство во многом объясняется единым исходным материалом для изготовления скульптуры, общими канонами и правилами изображения и, наконец, тесными культурными, торговыми и экономическими связями народов Средней Азии и Восточного Туркестана.

Иконография и ее историко-культурная интерпретация

Раскопки Аджина-тепа впервые в Средней Азии привели к открытию целой серии буддийских скульптур времени раннего средневековья. Комплекс этот велик количественно и имеет особое значение благодаря тому, что в его составе много подлинных шедевров среднеазиатско-буддийского искусства.

Следует вместе с тем отметить, что исследование и интерпретация коллекции скульптуры на Аджина-тепа — дело очень сложное. Это связано, в частности, с тем,

⁸² Varma K. M. The Indian Technique of Clay Modelling. Santiniketan, 1970. О технике индийской скульптуры и живописи на основании письменных источников см.: Bhattacharyya T. The Canons of Indian Art. Calcutta, 1963.

⁸³ С. М. Дудин отмечает только для некоторых скульптур Кучара и Идикутшари наличие на поверхности тонкого слоя специальной пластичной глины коричневатого-красного цвета. Такая обмазка не является характерной для всей восточнотуркестанской скульптуры. Однако к скульптуре определенного времени она не приурочивается (Дудин С. М. Техника стенописи... С. 79). Для Восточного Туркестана более характерно покрытие отформованных скульптур более или менее толстым слоем белой глины, содержащей в себе клеящее вещество (там же).

что целых или практически целых фигур очень немного, в большинстве случаев это головы (значительная часть их также в той или иной степени фрагментирована) или иные менее благоприятные для определения скульптурные фрагменты. С трудностью такого рода сталкивались исследователи многих буддийских памятников и коллекций. Тонкий знаток буддийской иконографии С. Ф. Ольденбург писал: «Если произошла ошибка в изображении атрибутов (что бывает нередко), или атрибуты потерялись (у статуэток), или стерлись (на писаных образах), то становится почти невозможным правильно установить изображенного бодхисатву»⁸⁴. Французские ученые, изучавшие скульптуру из Тумшука, столкнулись с тем же самым. «Иногда трудно решить, — говорят они, — к какой категории отнести какую-либо голову, так как фигуры редко бывают целыми, а одеяние (важный элемент при определении) отсутствует. Этой неясности обязано то, что многие скульптурные головы идеализированного типа были отнесены (и нами тоже) к деватам или второстепенным божествам. А на самом деле этот неопределенный термин маскирует наше невежество... Тот же тип лица, та же диадема могут, безусловно, подходить как бодхисатве, так и божественному существу (gandharva) или какому-либо великому принцу». Даже наличие нимба не является дифференцирующим признаком⁸⁵.

Не менее существенно и то обстоятельство, что мы лишены возможности с уверенностью судить о взаиморасположении фигур в помещениях I, XXIII, XXXIV и др., ничего не знаем о скульптурных композициях и лишь в предположительной форме можем в отдельных случаях их реконструировать.

Не лучше обстоит дело с истолкованием скульптурного оформления ниш ограды. Из 12 расчищенных ниш только две позволяют с уверенностью говорить о позах сидевших в них фигур Будды. В остальных случаях мы можем лишь констатировать их бывшее присутствие и делать предположения о размерах главной фигуры (по остаткам нимбов на задних стенках ниш). По-видимому, все они были примерно одинаковыми (в полтора раза больше нормальной величины человеческого роста), все сидели со скрещенными ногами, на всех были красные одежды, покрывавшие тело густыми складками. Фигуры разных ниш отличали не только мудры, но и сопровождавшие их персонажи, декоративное оформление внутри, нимбы.

Изображения Будды

Центральное место в скульптуре Аджина-тепа, несомненно, занимает образ Будды. Однако до сих пор нет бесспорных свидетельств того, что среди его изображений встречается вариант стоящей фигуры. Зато многие скульптурные фрагменты, отождествляемые с Буддой, определенно могут быть отнесены к типу сидящих изображений.

Выполнены они в разном размере, различной технике и даже материале. Самой крупной из обнаруженных до сих пор на Аджина-тепа сидящих фигур была та, что некогда располагалась на постаменте напротив входа в помещение I. Судя по величине головы (диаметр — ок. 90 см), высота фигуры в сидячем положении должна была быть около 4 м.

Несколько меньшие размеры имели, видимо, фигуры, располагавшиеся на двух боковых постаментах этого же помещения. Остатки их настолько незначительны, что позволяют лишь констатировать то, что фигуры сидели с поджатыми ногами и их покрывали красные складчатые одежды. Мы уже говорили выше, что вполне вероятным будет считать крупные куски, лежавшие на полу аудиторного зала

⁸⁴ Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии [4–7]. СПб., 1903. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. 4). С. 8.

⁸⁵ Tournchouq. II. P. 140.

(пом. XII), и замурованный в щеку проема (из пом. V в пом. II) фрагмент ноги частями вынесенных из помещения I фигур на постаментах.

В 1,5–2 раза больше натуральной величины были фигуры в нишах коридоров ограды вокруг ступы. Сохранность двух из них позволяет не только говорить о размерах, но и уверенно реконструировать позу фигур, а также жесты рук (мудра).

В центральных (осевых) помещениях оград «ступы» и в храме монастырской половины были найдены части фигур Будды меньших размеров (в натуральную величину или чуть больше, в 3/4 ее, в половину и меньше). Не исключено, что некоторые из них могли быть стоящими изображениями. Все они представляют собой почти объемную скульптуру, рассчитанную на то, чтобы стоять вплотную к стене и быть обозреваемой с трех сторон.

Мотив сидящего Будды использовался и в барельефных украшениях Аджина-тепа, являясь одним из звеньев сложной композиции из рядов фигур. При этом каждое изображение было заключено в округлую арку, которая отделяла его от соседнего. Что украшали собой ряды Будд, сидящих в арках, сказать трудно, так как фрагменты были найдены в завале (в одном случае — в проеме, ведущем из коридора в маленькое угловое святилище северо-западного фаса).

Маленькие изображения сидящего Будды в арках делались не только в глине: при расчистке двора вокруг главной ступы были найдены алебастровые фрагменты аркатуры и фигурки Будд в них, выполненные в невысоком рельефе.

Все вышеупомянутые варианты фигур сидящего Будды, даже при их неудовлетворительной сохранности, свидетельствуют о большом разнообразии художественного исполнения одного и того же персонажа в пределах памятника, существовавшего около полутора веков. В то же время они позволяют говорить о едином стиле изображения Будды, будь то огромная фигура или маленькая скульптура. Безусловно, все это было продиктовано определенными правилами и канонами, позволявшими при внешнем разнообразии придерживаться строго определенных форм и традиций.

Возникновению и эволюции образа Будды посвящены сотни специальных исследований⁸⁶, в которых эта проблема изложена с исчерпывающей детальностью. Отметим лишь, что в буддийской культовой архитектуре Гандхары одиночные и групповые изображения сидящих Будд в разных мудрах чрезвычайно широко распространены. Скульптурная декорация буддийских сооружений Хадды наибольшее предпочтение отдает изображениям Будды с жестом *dhyana mudra*, меньшее — с движениями *dharma-sakra mudra*, и реже всего встречаются изваяния с *abhaya mudra*⁸⁷. Взаиморасположение фигур с разными мудрами на ступах Хадды весьма свободное, друг от друга их отделяют пилястры, создавая тем самым для каждой фигуры как бы индивидуальное обрамление. В комплексе Тепе-Маранджан (IV в. н. э.) в Афганистане крупные фигуры Будд и бодхисатв помещены в сводчатые ниши⁸⁸.

Тема сидящего Будды продолжала разрабатываться индийскими скульпторами и в гуптское время. Прекрасным образцом трактовки этого образа гуптскими ваятелями является знаменитая скульптура из Сарнатха «Будда, читающий первую проповедь»⁸⁹. В камне, шутке, глине, терракоте и металле образ сидящего Будды, размышляющего, поучающего, проповедывающего, распространился по всему Востоку — от Индии и Цейлона до Японии и Юго-Восточной Азии.

⁸⁶ Фундаментальный труд: *The Image of the Buddha* / ed. by D. Snellgrove. London, 1978.

⁸⁷ Bartheux J. Les fouilles de Hadha. I.

⁸⁸ Carl J., Hackin J. Le monastère bouddhique de Tépé Marandjan // MDAFA. T. 8. 1959. P. 11. Fig. 8, 12.

⁸⁹ Rowland B. The Art and Architecture of India... P. 133–134. Pl. 83.

В период раннего средневековья, как мы видим на примере Аджина-тепа, эта тема занимала одно из главных мест в скульптурном оформлении всякого рода помещений — будь то храм монастырской половины или обходные коридоры ограды «ступа», осевые целлы, святилище, или декор «ступа».

Остановимся подробнее на наиболее сохранившихся изображениях с тем, чтобы попытаться наметить особенности стиля аджинатепинских Будд и рассмотреть их на фоне буддийского изобразительного искусства сопредельных территорий.

Будда из ниши № 1 помещения XXV сидит в позе падмасана, руки его — в жесте дхьяна-мудра: такое положение рук, находящихся одна на другой ладонями вверх, символизирует созерцание. Этот тип Будды сложился уже в гандхарском искусстве, по Г. Ингольту, на третьей фазе развития гандхарского искусства, которую он датирует IV в. н. э.⁹⁰ Не исключена и более ранняя дата (так считает и Г. Ингольт), так как такое изображение имеется уже на реликварии Канишки⁹¹ (Канишки I или Канишки II — мнения расходятся). Единодушия в вопросе о времени сложения этого образа пока нет. Для нашей темы существенно, впрочем, лишь то, что практически все детали этого канонического типа, как он представлен в скульптуре Аджина-тепа, были разработаны уже в гандхарском искусстве: общая поза, пропорции несколько укороченной фигуры, форма одеяния, характер и расположение складок, ниспадающих широким полукругом спереди⁹². На небольшой статуэтке из Пешаварского музея имеются даже нимб и мандорла⁹³.

Характерно также, что спускающиеся вниз на постамент складки сангхати имеют у аджинатепинских скульптур только *полукруглое* очертание; в гандхарской каменной скульптуре такое очертание ниспадающие вниз складки имеют в тех случаях, когда ладони не покрыты одеждой, в противном случае очертание делалось трапецеидальным⁹⁴. Следовательно, и в этом отношении аджинатепинская глиняная скульптура следовала канону, зародившемуся в Гандхаре для каменной скульптуры.

Однако следует отметить некоторое отклонение от гандхарских традиций. Прежде всего это касается одежды фигур. Для Будд Аджина-тепа характерен плащ, сангхати (sanghati), закрывающий оба плеча и образующий у ворота складчатый воротник или кайму из мелких частых складок. Расположение складок по телу различное: они или ниспадают бантами, или обращены в одну сторону, или, наконец, складки первого и второго типа ритмично чередуются друг с другом. У гандхарских Будд sanghati с глухим воротом закрывает ступни ног почти целиком (видными остаются только кончики пальцев левой ноги). У аджинатепинских Будд одежда проходит у щиколоток перекрещенных ног, из-под ступни правой ноги ниспадает на постамент свободный край. Почти аналогичное положение ног и распределение складок мы обнаруживаем и в гандхарской скульптуре, однако они характерны для Будд в одежде с открытым правым плечом и, как отмечает Г. Ингольт, только с жестом дхармачакра-мудра.

⁹⁰ Ingholt H. Gandharan Art... Pl. 30.

⁹¹ Franz H. G. Buddhistische Kunst Indiens... Abb. 103. Обоснованное доказательство, опровергающее традиционную точку зрения, привел Ж. Фуссман: Fussman G. Numismatic and Epigraphic Evidence for the Chronology of Early Gandharan Art // Investigating Indian Art / ed. by W. Lobo, M. Yaldiz. Berlin, 1986. P. 67—88, особенно P. 77—82.

⁹² Ingholt H. Gandharan Art... Fig. 130—131, 232—244; Marshall J. The Buddhist Art of Gandhāra. The Story of the Early School: Its Birth, Growth, and Decline. London; New York, 1960. Fig. 74, 118, 120. Судя по находкам в Шотораке (Meunié J. Shotorak // MDAFA. T. 10. 1942. Pl. VI/8, VII, X/35, XVII/56, 57, XVIII/58 sq.) этот иконографический тип, в камне и в глине, в кушанское время распространился в Афганистане.

⁹³ Ingholt H. Gandharan Art... Fig. 242.

⁹⁴ Ibid. P. 186.

Зато в скульптуре гуптского периода встречаются сочетания сангхати (sanghati) и глухого ворота, жеста дхьяна-мудра⁹⁵ и не покрытых одеждой ступней сложенных в падмасане ног, т. е. именно тот случай, который мы имеем на Аджина-тепа в нише № 1 помещения XXV. Однако пропорции тела (особенно массивность торса), характер одежды и расположение складок на ней сохраняют несомненные следы гандхарской традиции.

Другим примером гуптского влияния, наложенного на гандхарскую традицию, является торс из помещения XXXIV: явно гандхарская форма складок и их расположение сочетаются с типично гуптской манерой передачи объема тела, скрытого тонкой тканью одежды.

Будда из ниши помещения XXII сидел в той же позе со скрещенными перед собой ногами и обнаженными ступнями. Судя по крупным фрагментам торса, его тело было целиком покрыто сангхати, расположение складок было несколько отличным от того, что мы имеем в нише № 1 помещения XXV (особенно изгибы свободного конца одежды, спускающегося с левой ноги на постамент), иным было и положение рук — дхармачакра-мудра.

Если в отношении предыдущей позы можно предполагать, что ее возникновение относится ко времени, несколько более раннему, чем IV в. н. э., то дхармачакра-мудра в скульптуре признается «нововведением» именно IV в.⁹⁶ Здесь мы опять сталкиваемся с сочетанием гандхарской и гуптской традиций в одежде: сангхати чрезвычайно напоминает одеяние гандхарских Будд, сидящих в той же позе и с такой же мудрой⁹⁷, оно покрывает оба плеча, но оставляет открытыми ступни ног, как на фигуре сарнатхского Будды гуптского периода⁹⁸.

Однако самые близкие (иконографически, территориально и хронологически) аналогии изображениям аджинатепинских Будд в дхармачакра-мудре дает нам глиняная скульптура из Северного Афганистана (Фундукистана)⁹⁹: те же покрыв одеждой, расположение складок, обнаженные ступни ног. Несколько отличны формы складок — нет тщательности в их проработке.

Большое разнообразие дает аджинатепинская скульптура в части причесок Будды. Согласно традиции, Будда во время Великого Отречения срезал свои длинные локоны принца, а оставшиеся на голове волосы имели длину двойной ширины пальца и закручивались крутой спиралью в правую сторону¹⁰⁰. По-видимому, эта традиция сложилась позже, так как в гандхарской скульптуре преобладает изображение волос в виде коротких волнистых прядей. Напротив, как отмечает Б. Роулэнд¹⁰¹, на головах гуптских изображений волосы неизменно имеют форму мелких змейкообразных завитков, которые покрывают голову, подобно шапке.

Аджина-тепа дает различные варианты завитков волос (рис. 109, 110). Они покрывали плотной массой поверхность головы, располагаясь по ней правильными рядами, с соблюдением пробора. Завитки для левой и правой стороны прически

⁹⁵ Ingholt H. Gandharan Art... P. 118.

⁹⁶ Smith V. A. A History of Fine Art... P. 78. Pl. 59/B.

⁹⁷ Ingholt H. Gandharan Art... Pl. 30.

⁹⁸ Smith V. A. A History of Fine Art... Pl. 60. Как отмечает Роулэнд (Rowland B. The Evolution of the Buddha Image. N. Y., 1963 [repr.: N. Y., 1967]. P. 14), матхурские статуи гуптского периода заимствовали некоторые элементы гандхарского типа Будд (см. изображение Будды из Сахет-Махета: Franz H. G. Buddhistische Kunst Indiens... Taf. 219).

⁹⁹ Hackin J. Le monastère bouddhique de Fendukistan // MDAFA. T. 8. 1959. Pl. 163—164.

¹⁰⁰ Zimmer S. Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. New York, 1946. P. 164.

¹⁰¹ Rowland B. The Evolution... P. 14.

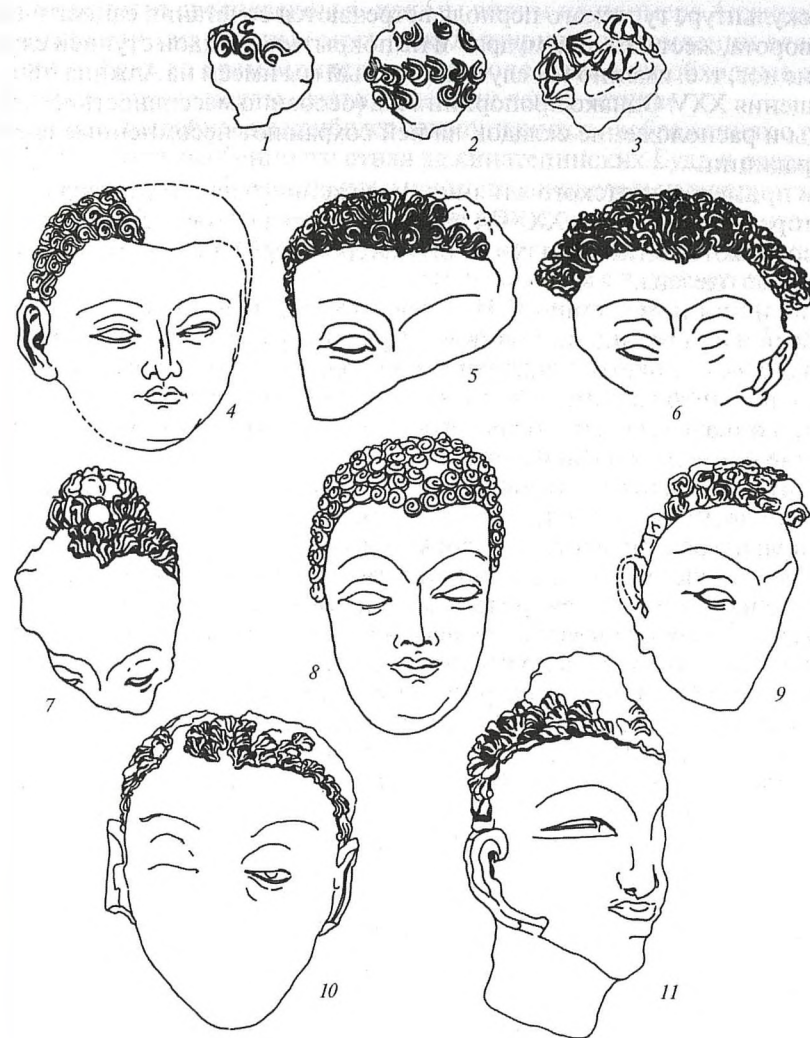

Рис. 109. Типы причесок и завитков на головах Будд

были изготовлены разными (зеркальными) штампами¹⁰². Особенно аккуратно они лежали в первом ряду, несколько нарушался порядок их расположения ближе к макушке (где должна быть ушниша), и совсем небрежно они накладывались на затылок. Их покрывала синяя или черная краска, положенная на белую ганчевую основу или непосредственно на завитки (подробно об этом см. в разделе о технике изготовления скульптуры).

Наиболее распространенная форма завитков причесок аджинатепинских Будд имеет вид сдвоенного, строенного или даже учетверенного вопросительного знака (фр-ты I/c-3, с-5; XXXIV/c-7 и др.). Среди них особо выделяется головка с ушнишей

¹⁰² В завале помещений XXVI и XXXI были найдены штампики для изготовления подобных завитков.

Рис. 110. Схематическое изображение локонов и прядей волос на головах Будд

(фр-т I/c-5), так как она единственная, у которой сохранился этот один из важнейших отличительных признаков (laksana) Будды¹⁰³. Необычен и пробор прически: его составляет ряд завитков левой половины головы, и он сохраняется даже на ушнише. Вариант этого типа завитка, но значительно более сложный, составляет прическу Будды из ниши помещения XXII; крупные завитки напоминают пучки из четырех изогнутых побегов с раздвоением на каждом конце. Другая распространенная форма завитков — спиралевидная. Она также дает несколько вариантов: мелкие, туго скрученные спиральки, крупные сдвоенные спирали на голове большого Будды из помещения I, толстые короткие на голове, найденной в проходе помещения XXVI-а.

¹⁰³ Coomaraswamy A. K. The Buddha's Cūḍa Hair, Uṣṇīṣa and Crown // JRAS. 1928. P. 817–818, 829–835.

Заметно выпадают из общего стиля завитков крупные волнистые пряди, найденные на полу зала XII. Они, несомненно, принадлежали голове очень крупной фигуры (может быть, одной из тех, которая сидела на боковом постаменте помещения I). Несмотря на то, что каждый завиток-прядь также сделан штампом, в целом создается впечатление вполне реалистичной передачи волос. Наконец, волосы на голове Будды в нирване изображены длинными волнами, расходящимися веером от верхней точки лба.

При всем видимом разнообразии причесок аджинатепинских Будд их объединяет общая черта — условность и схематизм в передаче натуры, которым еще в большей степени способствовала техника исполнения завитков в глине с помощью штампа.

В прическах лишь с трудом угадываются отголоски гандхарской традиции с ее стремлением к натуралистичной трактовке. Строгий канон в изображении Будды рано выделил его из окружения других персонажей божественного и земного круга. И если реалистическая струя в гандхарском искусстве надолго сохраняется при изображении учеников и сподвижников Будды, знатных людей и простолюдинов и даже небожителей и злых гениев, то образ Будды в искусстве приобретает строго определенную иконографическую форму. В частности, это касается и прически Будды: общий вид ее остается неизменным на протяжении длительного времени и почти все варианты завитков прически, которые встречались до сих пор на Аджина-тепа, мы находим уже в гандхарской каменной и штукатурной скульптуре¹⁰⁴.

Принято считать, что каноны буддийского искусства в Индии сложились к IV–V вв., установив надолго и определенно правила и нормы исполнения персонажей буддийского пантеона. Согласно канону, понятие красоты совсем не обязательно должно точно следовать человеческой натуре с ее несовершенными пропорциями и анатомией. Изображение Будды — это абстрактно совершенный образ. Черты лица его «взяты с неких форм в мире природы, рассматривавшихся как более прекрасные и законченные, чем все, что могло быть найдено в случайной и несовершенной красоте смертного лица. Поэтому лицо имеет идеальный овал яйца, глаза очерчены как почка лотоса или его лепесток; губы имеют полноту плода манго, а брови — изгиб лука Кришны»¹⁰⁵.

Таков канон красоты гуптского Будды. По-видимому, на его формирование оказали влияние правила изображения тела Будды в скульптуре предшествующего времени, например изложенные в соответствующих разделах «Махавьютпатти» («Mahavyutpatti», нач. I тыс. н. э.), а также в древнеиндийском трактате «Читралакшана» (первые века н. э.), в котором содержится точная система изображения человеческого тела в живописи¹⁰⁶.

К сожалению, на Аджина-тепа нет полностью сохранившихся фигур сидящего Будды, по которым можно было установить модуль фигуры и вычислить, сколько раз он укладывался в той или иной части тела. Правда, мы имеем два маленьких почти целых изображения Будды на фризах, промеры которых могут в некоторой степени установить пропорции фигур. Однако действительны ли были эти пропорции для крупных фигур, сказать трудно. К тому же промеры, сделанные на таких мелких изображениях, могут быть не точны из-за слоя ганча и краски, которые их

¹⁰⁴ Ingholt H. Gandharan Art... Fig. 233, 249, 272, 274, 275; Bartheux J. Les fouilles de Hadda. III: Figures et figurines. Album photographique. Paris, 1930 (MDAFA. T. 6). Pl. 9.

¹⁰⁵ Rowland B. The Evolution... P. 14.

¹⁰⁶ Читралакшана (характерные черты живописи) / пер. и примеч. М. И. Воробьевой-Десятовской // Мастера искусства об искусстве. Т. I. М., 1965. С. 19–41.

покрывают. Тем не менее более сохранившаяся фигурка (XXX/c-1) из прохода в помещение XXXI позволяет сказать, что высота лицевой части ее четыре раза укладывается в высоте тулова от подбородка до низа скрещенных ног, дважды повторена в расстоянии от одного плеча до другого и четыре раза между коленями. Более точные промеры (но не все) дает фигурка Будды на образке (XXVII/c-2) из ниши № 1 помещения XXVII, так как она не имеет окраски и ганчeveго грунта, но вместе с тем промеры не полные, потому что отсутствует голова. Сохранившаяся высота фигурки (от поверхности плеча до основания, на котором она сидит) — 6 см, причем расстояние до талии 3,5 см и от нее до основания 2,5 см, толщина шеи 1,5 см, ширина плеч 4,5 см, ширина талии 2 см, расстояние между коленями 7 см, расстояние между локтями 5,5 см. Как видно из цифровых обозначений, каждая величина кратна 0,5 м и, видимо, для данного изображения является модулем.

Несмотря на плохую сохранность, эта фигурка представляет значительный интерес в том отношении, что в ней в большей степени, чем мы могли проследить на других аджинатепинских скульптурных изображениях сидящего Будды, проявляются черты стиля гуптского времени: широкие плечи сочетаются с узкой талией; сложенные в dhyāna-mudra руки — с покрытыми одеждой ступнями ног; sanghati плотно окутывает торс и руки, не скрывая их формы.

Остановимся также на самом крупном изображении божества — Будды в нирване (parinirvana).

Нирвана — один из наиболее сложных элементов буддийской религии¹⁰⁷. В иконографическом же плане это просто лежащая на правом боку скульптура, причем, как указывает А. Грюнведель, она часто не что иное, как *положенная стоящая фигура*¹⁰⁸. Во многих случаях направление складок соответствует не лежащей, а именно стоящей фигуре, и вся трактовка тела приходит в явное противоречие с представлением о лежащей фигуре. Именно к этому разряду скульптур относится и аджинатепинская скульптура.

Как известно, образ Будды в нирване стал разрабатываться в гандхарском искусстве, причем уже для гандхарских статуй характерна вышеупомянутая особенность: неестественные для лежащей фигуры направление и характер складок¹⁰⁹.

Из всего этого следует, что аджинатепинская фигура Будды в нирване в части трактовки лежащего тела следовала общей линии буддийского искусства. Поражающая взгляд несообразность такой трактовки отнюдь не вытекала из неспособности скульпторов передать реалистическими средствами особенности лежащей фигуры; здесь иное: это было связано с подчеркиванием сверхъестественности изображаемого персонажа.

Согласно буддийским текстам, Будда в нирване должен был быть обращен лицом на запад¹¹⁰. Как мы видим, аджинатепинский Будда следует этой традиции лишь с небольшим отклонением, что может быть объяснено общим направлением стен

¹⁰⁷ Stcherbatsky Th. The Conception of Buddhist Nirvāna. Leningrad, 1929; Ebert J. The Parinirvāna. Stuttgart, 1985.

¹⁰⁸ Grünwedel A. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin, 1900. S. 11, 115.

¹⁰⁹ Ingholt H. Gandharan Art... P. 92. Но встречаются и статуи с более естественным расположением складок (ibid. P. 93. Fig. 138). Одна из скульптур Пешаварского музея, изображающая Будду в нирване, является, по мнению Д. Маршалла, наиболее ранней, он включает ее в группу произведений I в. н. э. (Marshall J. The Buddhist Art of Gandhāra... P. 49–50. Fig. 68). Эту же самую скульптуру Г. Ингольт включает в позднюю группу, которую он относит к IV в. (Ingholt H. Gandharan Art... P. 92–93). И так, разница в 300 лет!

¹¹⁰ Однако это правило, особенно в позднее время, не всегда строго соблюдалось. Так, колосс в Перу (Бирма) обращен лицом на восток (Sastri H. Excavations at Kasia // ARASI: 1910–1911. 1914. P. 65). Северный фасад ступы ТК. 73 на Тепе-Калан в Халде разделен пилястрами на три секции. В центральной, более

монастыря, при котором Будда оказался повернутым несколько к югу. Что касается краснореченского Будды в нирване, то он лежал строго по правилам — головой на север.

Сам сюжет является одним из центральных сюжетов буддийского искусства: Будда в нирване бесконечное число раз изображается в скульптуре и живописи. Не составляет в этом отношении исключения и Центральная Азия, в частности Восточный Туркестан. Здесь этот сюжет, по словам С. Ф. Ольденбурга, встречается «чрезвычайно часто»¹¹¹.

Сюжет этот эволюционировал. Однако уже во II—III вв., как показывает сцена паринирваны из Шотарака, был выработан тип, очень близкий к аджинатепинским¹¹². Не останавливаясь на всем эволюционном ряде, отметим, что менялась, в частности, относительная, по сравнению с размерами других персонажей, входящих в сцену, величина фигуры Будды.

Уже в гандхарское время скульптурная фигура умершего Будды делается подчеркнута большой по сравнению с другими фигурами, присутствующими в сцене нирваны. Так, на рельефе (IV в.?) из Лориан Тангай (Loriyan Tangai) в Калькутском музее фигура Будды выглядит необычайно крупной. На рельефном панно на ступе монастыря Бхамала (V в. н. э.?) в Таксиле в традиционной гандхарской передаче сцены паринирваны фигура Будды пропорционально еще более увеличилась. А. Сопер говорит, что эта фигура передана как «миниатюрный колосс». Наконец, в Кашиа (древней Кушинагаре, где, как считают, умер Будда) на сохранившейся ступе V в. находится лепная панель с изображением Будды в нирване длиной около 6 м¹¹³.

Этот процесс следует рассматривать не изолированно, а в связи с общей трансформацией гуптского стиля в VII—VIII вв., когда в пещерных храмах появляются грандиозные фигуры индуистских богов, а в буддийских сооружениях — еще более гигантские фигуры Будды, вроде колоссов из Yun Kang (Северный Китай) или еще более крупных колоссов Баминана.

Как писал Б. Роулэнд, «есть ряд причин, как стилистических, так и иконографических, обусловивших появление изображений Великого Учителя, превышавших натуральную величину. Безусловно, всем известны колоссы Греческого мира и более поздний римский обычай возведения грандиозных статуй обожествляемых

широкой, — помещен «Будда в нирване», в боковых — по два сидящих Будды (Barthoux J. *Lex fouilles de Nadda*. III. P. 90—91. Fig. 71).

¹¹¹ Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г.: краткий предварительный отчет. СПб., 1914. С. 6 (здесь же описание остатков громадной скульптурной фигуры «Будда в нирване»). См. также бесчисленные изображения в живописи: Grünwedel A. *Altbuddhistische Kultstätten*... Abb. 201, 386, 384; Gaulier S., Jera-Bezard R., Maillard M. *Buddhism in Afghanistan and Central Asia*. I. Leiden, 1976. P. 7, 19.

¹¹² Этот сланцевый блок изучался Б. А. Литвинским в Кабульском музее. Его воспроизведение: Auboyer J. *Afghanistan und seine Kunst*. Prague, 1968. Pl. 48.

¹¹³ Soper A. C. *Literary Evidence*... P. 192—193. Разные этапы увеличения относительных размеров фигуры Будды в сцене нирваны: он примерно такого же размера, как и другие фигуры (Hargreaves H. *The Buddha Story in Stone*... P. 40—41. Pl. XXXII; Ackermann H. C. *Narrative Stone Reliefs from Gandhāra in the Victoria and Albert Museum in London*. Rome, 1975 (Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Centro studi e scavi archeologici in Asia. Reports and Memoirs. Series Maior. Vol. 17). P. 102, 107—109, 114—115. Pl. XXVII/b, XLI, XLIV/b); фигура Будды незначительно больше, чем другие персонажи (Coomaraswamy A. K. *Catalogue of the Indian Collections in the Museum of Fine Arts, Boston*. Boston, 1932. P. 58—59. Pl. XVII; Majumdar N. G. *A Guide to the Sculptures in the Indian Museum*. Pt. 2: The Graeco-Buddhist School of Gandhara. Delhi, 1937. P. 71—72. Pl. X/b; Hallade M. *Gandharan Art of North India and the Graeco-Buddhist Tradition in India, Persia and Central Asia*. New York, 1968. Pl. 102; Tissot F. *Gandhāra*. Paris, 1985. Fig. 75; Russek R. *Buddha zwischen Ost und West. Skulpturen aus Gandhara* [Pakistan]. Zürich, 1987. Pl. 56); Будда во много раз крупнее, чем другие фигуры (Victoria and Albert Museum. *Indian Art*. London, 1969. Pl. 5).

Цезарей. Колоссальное изображение преследует двойную цель: привлечь внимание и заслужить уважение при помощи гигантских объемов и к тому же намекнуть на сверхъестественную сущность изображаемого персонажа. Если гигантские статуи Константина должны были символизировать то, что император был *Космократором*, то бамианские статуи показывали, что Будда был Махапурушей, а Брахман заключал в себе все миры. Иконография живописи, украшающей ниши двух колоссов в Бамиане, не оставляет сомнений, что они оба изображали Шакьямуни в качестве *Локамтара* или Повелителя Мира. Влияние этих первых махаянских колоссов на буддийское искусство всего Дальнего Востока нельзя переоценить: стоит хотя бы вспомнить о скальных колоссах в китайских Yangang и Лунь Мэнь; и даже более грандиозный бронзовый Вайрочана в японской Наре, который относится к периоду Темпио (720—810), является последним потомком гигантов Баминана»¹¹⁴.

В отношении Баминана Сюань-цзан сообщал, что в 12—13 ли к востоку от него имеется монастырь, достопримечательность которого — лежащий и как бы спящий Будда в нирване. Размер его очень велик¹¹⁵.

Из других крупных фигур Будды в нирване следует упомянуть изображение, выполненное в очень высоком рельефе в Аджанте, в пещере № 26 (VII в.)¹¹⁶. Будда в нирване из Гал Вихара (Gal Vihara, Поллонарува, Шри-Ланка) имеет длину 14 м, а фигуры Будд в нирване из Тантрималаи (Tantrimalai) и Атаргаллева (Ataragalleva) по 12 м¹¹⁷. Однако наиболее близкой аналогией — стилистической и технической — является Будда в нирване из Тепа-Сардара (близ Газни, Афганистан), имеющий длину около 17 м. Считается, что он относится к VIII в. Здесь также ядро фигуры образуют горизонтально положенные сырцовые кирпичи. Впрочем, идентичности и тут нет¹¹⁸.

Судя по Аджина-тепа и Красной Речке, в Средней Азии также имелись очень крупные скульптуры Будды в нирване длиной порядка 12 м.

Другие изображения Будды. Бодхисатвы. Деваты

Выше уже говорилось о трудностях, с которыми сталкиваются исследователи при определении фрагментированных скульптур. В силу этого из большого количества скульптурных голов, входящих в эту группу, мы можем с уверенностью назвать головами Будд лишь немногие. Сложно сказать, были ли среди крупных изображений, сидевших в нишах ограды и в осевых ее помещениях, иные Будды, чем Гаутама Шакьямуни. Не можем мы без сомнения говорить и о том, насколько был развит культ бодхисатв на Аджина-тепа.

С большей или меньшей уверенностью можно причислить к бодхисатвам голову с отставшей красочно-алебастровой маской из помещения I и, по аналогии с ней,

¹¹⁴ Rowland B. *The Art and Architecture of India*... P. 104.

¹¹⁵ Beal S. *Buddhist Records*... P. 51. В тексте указано: «тысяча футов или около того», но Бил считает, что текст в этом месте, вероятно, испорчен (P. 51—52. N. 177). Некоторые исследователи полагают, что Сюань-цзан, во всяком случае в этой части своего описания, сильно преувеличил величину буддийских памятников. Реально бамианский Будда в нирване должен был быть сопоставим по величине с Буддами в нирване из Тепа-Сардара и Аджина-тепа, т. е. порядка 30—40 футов (Carter M. L. *Xuanzang and the Colossal Buddhas at Bāmiyān // Studies in Buddhist Art of South Asia / ed. by A. K. Narain*. New Delhi, 1985. P. 119).

¹¹⁶ Yazdani G. *Ajanta*. Vol. 4. [Plates.] Pl. LXXX; Gupte P. Sh., Mahajan B. D. *Ajanta*, Ellora... P. 42, 105. Pl. XLXX; Hallade M. *Gandharan Art of North India*... P. 103.

¹¹⁷ Mode H. *Die buddhistische Plastik auf Ceylon*. Leipzig, 1963. S. 93—95. Abb. 143—146.

¹¹⁸ Taddei M. *A Note on the Parinirvāna Buddha at Tapa Sardār (Ghazni, Afghanistan) // South Asian Archaeology*, 1973. Leiden, 1974. P. 111—115; *The Image of the Buddha*... P. 194—195. Fig. 144.

Рис. 111. Прически и украшения на головах бодхисатв и деват

фрагменты (XXIII/с-1) головы с такой же диадемой, найденной там же. По-видимому, бодхисатве принадлежит торс из ниши № 1 коридора XXV. Мы склонны считать бодхисатвой скульптурную голову, найденную на полу коридора XXV возле ниши № 4 (рис. 111). Близкие по типу изображения бодхисатв имеются в скульптуре Калаи-Кафирнигана. Сходство, хотя и не очень значительное, имеется и со скульптурой Субаши, которое особенно прослеживается в характере позы¹¹⁹.

Малые размеры изображений, по сравнению с крупными фигурами находящихся рядом Будд, как будто бы свидетельствуют в пользу того, что главным объектом поклонения был Будда, а бодхисатвы занимали явно подчиненное положение. Находясь в нишах, где центральное место отводилось крупным фигурам Будд, они или принимали участие в сценах поклонения, или выступали в качестве сопровождающих Будду персонажей.

Наличие диадемы на голове, шейных и наружных украшений и браслетов, традиционное индийское dhoti — все это в сочетании с совершенной красотой лица и бесстрастно-спокойным его выражением свидетельствует в пользу правильности предложенной интерпретации этих изображений. Аналогии снова уводят в Фундукистан¹²⁰, дают некоторые параллели с Восточным Туркестаном, перекликаются с Хаддой¹²¹. В изображении бодхисатв довольно четко сохраняется чисто индийская традиция: это dhoti, завязанное на поясе узлом и ниспадающее складками до самого пола; его свободный конец переброшен через левое плечо.

¹¹⁹ Музей Гиме (Париж), шифр М-23751, и фотоархив Музея Гиме, шифр 0-4231/11 (наблюдения Б. А. Литвинского).

¹²⁰ Hackin J. Le monastère bouddhique... Fig. 170.

¹²¹ Barthoux J. Les fouilles de Hadda. III. Pl. 35a.

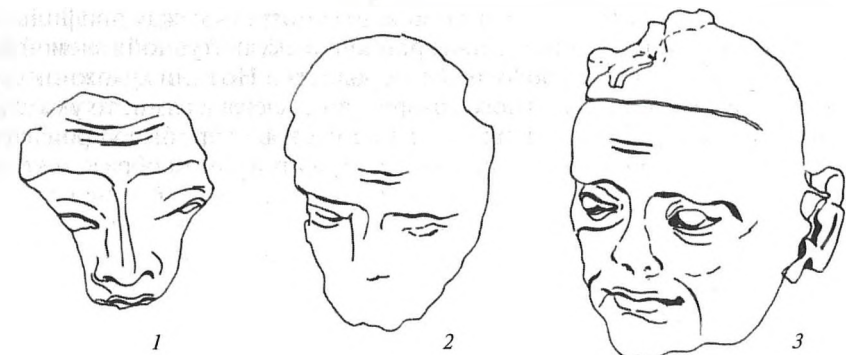

Рис. 112. Монахи и аскеты (лицевые маски)

К персонажам высшего ранга следует отнести, по-видимому, почти полностью сохранившуюся фигурку из помещения XXXIV. В композиционном отношении она явно составляла единое целое с центральной фигурой этого помещения — Буддой. Своей позой и целым рядом деталей эта фигурка чрезвычайно напоминает девату из ниши Д монастыря в Фундукистане¹²².

Монахи и аскеты

К этой категории можно отнести несколько голов (рис. 112): из ниши помещения XXII (голова Кашьяпы, фр-т XXII/с-4), из помещения XXXIV (голова монаха), из завала возле ступы (голова монаха, фр-т ДС/с-4, часть лицевой маски, заложенной в стену коридора XXIII, фр-т XXIII/с-6). Эти головы резко отличаются от всех других голов аджинатепинской серии реалистической трактовкой черт лица, эмоциональной выразительностью.

В буддийском изобразительном искусстве аскеты и брахманы являются весьма распространенными персонажами. Объясняется это тем, что в легендарной истории жизни Будды они занимали значительное место. Чаще всего встречается изображение знаменитого аскета Кашьяпы — вначале оппонента и противника Будды, а потом его верного ученика и последователя¹²³.

Головы аскетов часто покрывают тюрбаны-чалмы или сложные прически, у них бородатые лица и усы. Такой сложившийся образ характерен для гандхарского времени¹²⁴ и распространился за пределами Северной Индии вместе с буддизмом. Эта индийская традиция в целом продолжалась и позднее, в искусстве раннего средневековья. Однако изображение этих второстепенных персонажей не было строго канонизированным, и потому художник, следуя первоначальным образцам, мог вносить свои локальные коррективы в детали, например изменить расположение складок на тюрбане-чалме или волос на лбу.

Выражение сосредоточенного внимания и серьезности на худощавом лице характерно для всех аскетических персонажей буддийского круга, но в трактовке отдельных черт лица скульптор мог передавать местный этнический тип.

¹²² Hackin J. Le monastère bouddhique... Fig. 168—169. Пози и ракурсы скульптуры XXXIV/65 очень близки глиняной фигурке адоранта из Тумшук (VII—VIII вв.), где, к сожалению, отсутствует голова. См.: Le Coq A., von. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. T. V: Neue Bildwerke. Berlin, 1926. V. S. 7. Taf. I (но у адоранта ладони рук сложены перед грудью в anjali-mudra).

¹²³ Ingholt H. Gandharan Art... Fig. 434—437.

¹²⁴ Hargreaves H. The Buddha Story... P. 30—31; Ingholt H. Gandharan Art... P. 70—73.

Как нам кажется, некоторое сходство можно усмотреть между профильной фигурой «дароносца» из живописной сцены *granidhi* и скульптурной головой брахмана-аскета (разрез глаз, линия профиля, безбородость). Но если художник старался возможно точнее изобразить знатного тохаристанца с его дарами, то у скульптора, изготовлявшего фигуру Кашьяпы, привнесение местных черт было произвольным. И оно тесно переплеталось с представлением о традиционном образе аскета-брахмана. Именно эта модель-прообраз позволяет выделять аскета-брахмана из множества других персонажей буддийского культа, сравнивать между собой отдельные изображения с разных территорий. Так, аджинатепинский Кашьяпа, безусловно, иконографически близок фигурке брахмана из Хадды¹²⁵, а его головной убор сильно напоминает (хотя и не идентичен) «тюрбан» на голове шутовского персонажа из Карашара (Восточный Туркестан)¹²⁶.

Головка была найдена в углу ниши, где крупная фигура Будды сидела в *dharma-sakra mudra*. Скорее всего скульптура Кашьяпы и раньше здесь стояла, составляя пару фигуре другого любимого ученика и последователя Будды — Ананды.

Что касается прочих голов (XXXIV/с-15, ДС/с-4), то это, как указывалось, скорее всего головы монахов. В этом убеждает характер прически, вернее ее отсутствие — голова гладкая, четко видна линия сбритых волос¹²⁷. В буддийской живописи и скульптуре монах — один из самых распространенных персонажей. Нет смысла останавливаться здесь на характере изображений монахов в разных областях буддийского искусства. Разумеется, и здесь могут быть указаны различные аналогии, и прежде всего из Хадды, где есть довольно близкие изображения. Для голов буддийских монахов в гандхарском искусстве характерны многочисленные глубокие горизонтальные морщины на лбу, иногда — на нижней половине лица¹²⁸. Исследователи, в частности Г. В. Хауссиг, указывали, что аджинатепинская голова лежит в русле греко-бактрийской традиции. Можно также сравнить эти головы с головой монаха из одной пещеры в Шорчуке (VII—VIII вв.)¹²⁹.

Демонические существа и чудовища. Орнаментальные сюжеты. К этой группе можно отнести очень немногие из скульптурных фрагментов Аджина-тепа (рис. 113). В первую очередь это торс из горельефного панно помещения (фр-т I/с-10), на животе которого изображено чудовище с разинутой пастью и вытаращенными глазами. По всей вероятности, торс принадлежит одному из воинов армии Мары из известной легендарной сцены искушения Будды. Этот сюжет довольно часто встречается в живописи и скульптуре, и его персонажи имеют подчеркнуто устрашающий вид¹³⁰.

Наличие такой сцены в помещении I косвенным образом свидетельствует о том, что одна из крупных фигур, сидящих на постаменте, принадлежит Будде Гаутаме.

¹²⁵ Barthoux J. Les fouilles de Hadda. III. Pl. 95a.

¹²⁶ Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhâra. T. II. Paris, 1922. P. 653. Fig. 532. О головных уборах на скульптурах аскетов и брахманов из Тумшук-см.: Toumchouq. II. P. 265; Douldour-âqour et Soubachi (Mission Paul Pelliot. IV). P. 189—190. О Тумшук-см. также: Along the Ancient Silk Routes. Central Asian Art from the West Berlin State Museums. New York, 1982. P. 11. № 45.

¹²⁷ Предписания на этот счет, впрочем, не были единодушными. Согласно Gautama Dharmasūtra (III, 22) монах мог сбрить, но мог и носить пучок волос на темени. См.: Coomaraswamy A. K. The Buddha's Cūḍa Hair... P. 825.

¹²⁸ Barthoux J. Les fouilles de Hadda. III. Pl. 59a, 60b, c; см. также: Czuma S. J. Kushan Sculpture: Image from Early India. Cleveland, 1985. P. 226. Pl. 130; Hallade M. Gandharan Art of North India... Pl. 111.

¹²⁹ Le Coq A., von. Die buddhistische Spätantike... I. S. 22. Taf. 23/b.

¹³⁰ Ingholt H. Gandharan Art... Pl. 61—64; Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... S. 18—19. Abb. 57—59.

Другой фрагмент скульптуры устрашающего вида (XXXIV/с-9a) был найден в завале помещения XXXIV. Ее фрагментарность затрудняет определение персонажа, однако несомненное желание скульптора придать лицу отпугивающее выражение позволяет считать, что голова принадлежит одному из демонических гениев (*Lokapala*?), присутствие которого должно отпугивать противников веры.

Такой же цели, по-видимому, служили небольшие штампованные медальоны диаметром 4—5 см, помещавшиеся внутри небольшой аркады, которая образовывала фриз над входом в помещение или внутри него (налепы были найдены в завале прохода помещения XXXI и внутри него вместе с обломками маленьких рельефных арок). Маски имеют бугристые щеки и лоб, расплюснутый нос с вывернутыми ноздрями, глубоко западающую переносицу и косо посаженные глаза. Раскраска дополняла скульптурную выразительность лица: оно было желтым, брови и глаза окрашены в черный цвет, этой же краской нарисованы торчащие вверх клыки в уголках рта (киртимукха?).

Среди скульптурных фрагментов Аджина-тепа очень часто встречаются растительные и геометрические орнаменты, роль и назначение которых в оформлении интерьера помещений ясна: из них составлялись орнаментальные полосы — разделители в сюжетных композициях, обрамления вокруг крупных фигур; отдельные элементы, многократно повторенные, украшали ту или иную скульптурную поверхность¹³¹.

Следует отметить, что растительным мотивам в орнаментике Аджина-тепа отдавалось предпочтение. Это могли быть очень натуралистично изображенные цветы и лепестки. Листья и побеги составляли, по-видимому, такие же причудливые гирлянды над головами скульптурных фигур, какие можно видеть в хорошо сохранившемся декоре ниши D в буддийском монастыре Фундукистана.

Значительное разнообразие дают отдельные изображения цветов. Среди них есть оттиснутые единым штампом и «наборные», т. е. составленные из 6 полушариков пятилепестковые цветы, а также весьма натуралистичного вида цветы, вылепленные каждый индивидуально, с очень своеобразно изогнутыми лепестками. Размер изображений цветов тоже различен — от 1,5—2 см до 30-сантиметровой розетки лотоса, украшавшей стену над маленьким постаментом в западном углу помещения I. Мелкие штампованные цветы-розетки покрывали собой, подобно чешуе, округлые трехчетвертные тяги (фр-ты XXV/с-4, с-4а, с-8) или цепочкой налеплялись по краям фриза, составлявшегося из прямоугольных «кассет» с решетчатым заполнением внутри. В последнем случае мы имеем сочетание геометрического и растительного мотивов в орнаментике одного сюжета. И это не единственный случай. В сложных меандрах завитков рельефов из помещений I, XXXIV, XXIII угадываются растительные элементы — цветы, побеги, но они настолько схематичны, что целиком подчинены геометрическому стилю рельефа¹³².

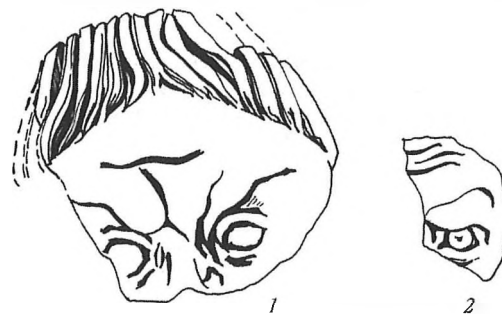

Рис. 113. Демонические существа

¹³¹ Hackin J. Le monastère bouddhique... Fig. 157—161, 189.

¹³² Очень похожие украшения, но выполненные в шtukе, известны из храма Токуз-Сарай в Восточном Туркестане (Toumchouq. I. Planches / ed. by L. Hambis. Paris, 1961. Fig. 115). Интересно, что авторы считают подобный способ украшения местной особенностью. В том же Токуз-Сарае, но в храме B (Toumchouq. I.

Из чисто геометрических сюжетов в аджинотепинской орнаментальной скульптуре следует в первую очередь отметить решетчатые «кассеты», из которых составлялись фризы, украшавшие ниши коридора XXV. Как известно, это очень распространенный мотив декора в ранней индийско-буддийской архитектуре. Он встречается как элемент фриза над входами в пещерные монастыри (Бхаджа, Насик, Бедса, Карли и др.), составляет полосы бордюров интерьера, украшает ступы. Широкое распространение этот мотив приобретает в памятниках гандхарского искусства¹³³, сохраняется он и позже. И, как мы видим на примере Аджина-тепа, он распространяется за пределы Индии вместе с буддизмом¹³⁴.

Довольно часто в завалах разных помещений встречались семечкообразные налеты, сплошь покрывающие постаменты под маленькими фигурками Будды. Это лотосовидные троны, известные в гандхарской скульптуре и в раннесредневековой скульптуре Фундукистана. Из близких им по форме налетов (но с добавлением по обеим сторонам горошин группами по три) составлялись нимбы и мандалы вокруг голов и фигур Будд. И снова ближайшие аналогии приводят в Фундукистан. Все налеты делались с помощью штампов, каковых было несколько. Форма некоторых из них приобрела очертания вытянутого треугольника, тем самым как бы завершая процесс геометризации чисто растительных элементов.

Помимо геометрических и растительных мотивов в скульптурной орнаментике Аджина-тепа встречаются зооморфные и антропоморфные изображения. Часть из них (уточки, фазаны) образовывали фризы, фрагменты которых были найдены в завале помещения XXXIV. В буддийской мифологии птицам отводилось определенное место, например в рассказах о рае Сукховати. В сутре об Амитабхе Будда рассказывает, обращаясь к ученику: «...в той стране есть много чудесных птиц разных цветов — горлицы, павлины, попугаи, сорокопуты (шярия), калавинки (кукушки), двухголовые птицы гун-мин, и все эти птицы во все часы дня и ночи сладостно поют». В другой сутре говорится: «...в стране совершенного блаженства, в чистой земле Будды есть всевозможные чудесные красивые птицы разных цветов — домашние и дикие гуси, цапли, аисты, журавли, павлины, попугаи, калавинки, двухголовые птицы гун-мин и другие. Во все часы дня и ночи общим хором стройно поют»¹³⁵. В качестве аналогий можно, например, указать на живописный фриз с утками из грота V в Бамиане¹³⁶, на изображение летящих уток в Туяк-Мазаре¹³⁷, рисунки Аджанти¹³⁸, рельефы Тепа-Сардара¹³⁹.

Fig. 220–221) и в Шикшине имеются колонки, облицованные листьями. По мнению С. М. Дудина, они могли украшать проходы из одного помещения в другое или обрамлять ниши.

¹³³ Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. I. P. 223–224. Fig. 99–100, 157, 165.

¹³⁴ Интересно, что в Восточном Туркестане, несмотря на обилие буддийских культовых памятников, скульптурные решетки встречаются очень редко (Шикшин, храм С-4. См.: Дудин С. М. Техника стенописи... С. 87).

¹³⁵ Зубер С. М. Музыкальные инструменты в иконографии Хара-Хото // ТОВЭ. Т. 3. 1940. С. 327–328. Табл. I–II; Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1913 [отд. оттиск. СПб., 1914]. Рис. 17.

¹³⁶ Hackin J., Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bāmiyān. Paris, 1933 (MDAFA. T. 3. 1933. Pl. LXXIX. Fig. 95. В Музее Гиме (Париж) хранятся панно с рельефами, на которых изображены рядами утки. Одни птицы с опущенными, другие — с поднятыми головами. Четко переданы крылья и их перья. На втором плане задняя половина корпуса птиц с поджатыми ногами.

¹³⁷ Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция... С. 51. Рис. 51. О других скульптурных изображениях птиц в памятниках Восточного Туркестана см.: Toumchouq. II. P. 270. Встречаются они и в живописи: Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... S. 186. Fig. 424–425.

¹³⁸ Gupta P. Sh., Mahajan B. D. Ajanta, Ellora... Pl. XV, XVI.

¹³⁹ Taddei M., Verardi G. Tapa Sardar... P. 86. Fig. 28.

Намного труднее определить первоначальное местоположение скульптурных головок бычка и джайрана (?), которые были найдены в завале того же помещения XXXIV (с-19, с-19а). Их присутствие также может быть связано с буддийской мифологией. Существует целый класс буддийских божеств с головой быка. Эти божества связаны со смертью человека, они присутствуют на судилище мертвых, сама кончина человека назначается ими¹⁴⁰. Вместе с тем в живописи Дуньхуана и Хара-Хото божество Сатурна имеет на темени символ — голову быка. Эта эмблема зафиксирована в буддийском каноне «Трипитака»¹⁴¹. Изображения быков встречаются также и в живописи Аджанти¹⁴². На одной из росписей (в пещере 17) Будда восседает в богато декорированном кресле, углы спинки которого украшены головками быка¹⁴³. Не служили ли скульптурные головки быков из Аджина-тепа аналогичной цели?

В качестве украшений использовались также антропоморфные изображения в виде штампованных небольших медальонов диаметром 4 см, в центре которых находилось круглое, слегка улыбающееся лицо доброжелательного персонажа в обрамлении из ряда «перлов». Таких штампованных масок было найдено несколько. Сравнение их между собой показывает, что изготовлены они были одним и тем же штампом. Аналогичные изображения украшают нагрудные доспехи скульптур воинов из храмов Восточного Туркестана¹⁴⁴, что позволяет и нам рассматривать их как своего рода обереги, украшавшие некогда костюмы несохранившихся скульптур.

Остановимся также на украшениях из глины, которые были найдены на обломках фигур. Это ожерелья из бус и подвесок, цепи, браслеты, головные украшения.

Бусы и подвески, как правило, делались отдельно и потом налеплялись на туловище фигуры. А иногда применялся другой способ: лепились настоящие бусины и подвеска, которые просверливались и нанизывались на нить. Изготовленное таким образом ожерелье, по-видимому, вешалось на шею скульптурному изображению. Торсы фигур украшались витыми шнурами, пересекающими грудь слева направо, кручеными поясами, завязанными на животе сложным узлом. На плече и запястье бодхисатв и деват иногда имеются браслеты. Обычно это гладкий обруч с украшением в виде многолепестковой розетки или треугольной формы щитком со сложным выпуклым рисунком и гранеными вставками, которые должны были изображать драгоценные камни в золотой оправе.

Очень немного можно сказать о головных украшениях скульптур. От них в лучшем случае сохраняются только налобные обручи-диадемы. Это цепочка из очень рельефных овалов с выпуклым налетом — украшением в центре или гладкий тонкий обруч.

Деталью нагрудного или, скорее, головного украшения являются маленькие скульптурные изображения черепов (размером 4,5 × 5 см), выполненные в очень реалистичной манере: четко показаны глазницы и надбровные валики, швы черепных костей, зубы. И лишь в одной детали скульптор отступил от действительности, изобразив вместо носовой впадины выступающий вперед нос. Черепа были окрашены в беловато-желтый цвет, зубы и глазницы были синими, ноздри — черными.

¹⁴⁰ Гамбоев Г. Объяснения семипалатинских древностей // ИАО. Т. 2. 1861. С. 211–212.

¹⁴¹ Кречетова С. М. Божества светил в живописи Хара-Хото: синкретизм астрологического пантеона в иконографии // ТОВЭ. Т. 4. 1947. С. 478–480.

¹⁴² Gupta P. Sh., Mahajan B. D. Ajanta, Ellora... Pl. IX.

¹⁴³ Очень вероятно, что это подношения прихожан.

¹⁴⁴ Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция... С. 69. Рис. 60, 62.

Определить первоначальное положение черепа очень трудно, так как он являлся элементом украшения на головах многих устрашающих божеств буддийского пантеона: у божества-хранителя samvaha и его женского двойника sakti (шакти), у хранителя закона Акала и у женских божеств Ваджраварахи, Шри-деви и dakini. Обычно, 5–7 черепов составляли венец на головах этих божеств¹⁴⁵. Однако черепа были атрибутом не только устрашающих божеств — защитников веры: две скульптурные фигуры из Хадды держат в руках по человеческому черепу¹⁴⁶.

В иконографии буддизма череп занимал значительное место. Так, в гандхарских рельефах в окружении Будды находится брахман Вангиса с черепом в руке. Как полагает М. Таддей, лишь позже, причем в Центральной Азии, изобразительное искусство стало свидетельствовать о превращении черепа в объект почитания, способствующий медитации, хотя раскопки в Хадде показали, что предвестники этого феномена появились уже в гандхарское время. Наиболее ярким свидетельством этого назначения черепа в искусстве Центральной Азии является сцена из настенной живописи «Пещеры морехода» в Кизыле (V в. н. э.). Монах сидит в состоянии медитации, перед ним — человеческий череп. Черепа включены и в растительные композиции, покрывающие стены пещеры. В Бактрии-Тохаристане, судя по находкам на Фаяз-тепа и Хирман-тепа, уже во II–III вв. н. э. в местном буддизме существовала практика почитания черепа, причем она имела местные корни¹⁴⁷.

***

Распространение в Бактрии буддизма и индийского (в частности, буддийского) искусства — процессы взаимосвязанные, но не параллельные и явно не идентичные. Наличие в Бактрии мощной и чрезвычайно жизнеспособной школы местного искусства (блестящий образец ее — Халчаян), видимо, вначале служило своего рода барьером. Позже, наряду с распространившимся буддийским искусством, продолжало существовать местное, бактрийское. Так, о скульптуре акрополя Сурх-Котал Д. Шлюмберже пишет, что все, что связывает ее с памятниками Гандхары или Матхуры, это греческое или иранское, но не индийское. «Индийское влияние, навеянное буддизмом (и имевшее позже в Центральной Азии и на Дальнем Востоке такой необычайный успех), не затронуло еще этот памятник»¹⁴⁸. Однако всего в двух километрах от Сурх-Котала обнаружен буддийский памятник, вероятно, синхронный ему. Архитектурная декорация, капители, базы последнего идентичны артефактам акрополя, но здесь находились явно буддийские изображения¹⁴⁹.

Территориальная близость символична. Именно на территории Бактрии происходило слияние гандхарского и более позднего индобуддийского искусства с местным бактрийским. Процесс этот необычайно сложен и противоречив, имеет много аспектов. Отметим лишь, что само по себе гандхарское искусство, как блестяще

показал Д. Шлюмберже, было бы немислимо без греко-бактрийского или шире — греко-иранского вклада¹⁵⁰. Причем буддийское искусство этого времени Гандхары и небуддийское искусство Бактрии были братьями-близнецами¹⁵¹.

Новейшие открытия еще более подчеркнули значение бактрийского и греко-бактрийского элементов в гандхарском искусстве. Раскопки французской археологической миссии в Ай-Ханум и Южнотаджикской экспедиции на Тахти Сангин пролили свет на характер и степень влияния эллинистической культуры на культуру Бактрии¹⁵². Халчаян показал облик бактрийского искусства на рубеже н. э.¹⁵³ (Г. А. Пугаченкова считает — во второй-третьей четверти I в. до н. э.¹⁵⁴) или, что на наш взгляд значительно вероятнее, в I–II вв. н. э.¹⁵⁵

Как развивалось бактрийское, собственно тохаристанское, искусство в эпоху, последовавшую за Сурх-Коталом? Можно лишь догадываться, что процессы взаимодействия бактрийского искусства и школ искусства, связанных с буддизмом, а также искусства кочевых народов, в состав владений которых в IV–VI вв. входил Тохаристан, были очень сложными. Широкое распространение в раннесредневековом Тохаристане буддийского вероучения должно было способствовать еще более глубоко, чем прежде, внедрению буддийского искусства. Вместе с тем следует, по-видимому, предполагать, что небуддийское направление продолжало сохраняться, хотя сфера его применения должна была сузиться. Балалык-тепа разворачивает перед нами яркую картину высочайшего подъема светского небуддийского искусства¹⁵⁶, уходящего своими корнями в местное бактрийское искусство.

Аджина-тепа дает представление о буддийском искусстве Тохаристана, причем представление комплексное, ибо в нем обнаружены как памятники живописи, так и памятники скульптуры.

После открытия Балалык-тепа с ее живописью, А. М. Беленицкий писал: «Не говоря о том, что благодаря этому открытию общая картина истории развития изобразительного искусства в Средней Азии становится полнее, живопись Балалык-тепа имеет громадное значение и в другом отношении: она является тем важным звеном, которое соединяет с особой наглядностью среднеазиатское искусство с искусством сопредельных стран, в первую очередь Афганистана и Восточного Туркестана»¹⁵⁷. Ныне, в связи с открытием Аджины-тепа, это определение следует пополнить: нам сейчас стала известна не только живопись, но и скульптура Тохаристана. Высказывавшееся в литературе мнение (Л. И. Ремпель), что в VII в. «творческая мысль художника в культовом (буддийском) искусстве угасала»¹⁵⁸, является, как показали раскопки Аджины-тепа, абсолютно беспочвенным: именно в VII — начале VIII в.

¹⁵⁰ Schlumberger D. Descendants... P. 160–164.

¹⁵¹ Schlumberger D. The Excavations... P. 91.

¹⁵² Bernard P., ed. Fouilles d'Aï Khanoum. I–VIII // MDAFA. T. 21, 26–31, 33. 1973–1992. Список работ П. Бернара см.: Bibliographie de Paul Bernand // BAI. NS. Vol. 12 [1998]. 2001. P. 3–11.

¹⁵³ Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна // Искусство. 1964. № 6; она же. Халчаян...

¹⁵⁴ Пугаченкова Г. А. Халчаян... С. 190.

¹⁵⁵ Такая дата более, как нам представляется, соответствует характеру всего найденного при раскопках материала. Подробное обоснование этой даты см.: Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах... С. 29–33.

¹⁵⁶ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... С. 137–138; ср.: Альбаум Л. И. Балалык-тепе... С. 196–204; Silvi Antonini C. Le pitture murali di Balalyk Tepe // Annali dell'Istituto Universitario Orientale. Vol. 32. Fasc. 1. 1972. P. 35–77.

¹⁵⁷ Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента: опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. С. 23–24.

¹⁵⁸ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... С. 161.

¹⁴⁵ Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото. С. 49–53, 58, 59.

¹⁴⁶ Barthoux J. Les fouilles de Hadha. III. Pl. 39.

¹⁴⁷ Taddei M. The Story of the Buddha and the Skull-Tapper: A Note in Gandharan Iconography // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Vol. 39. Fasc. 3. 1979. P. 395–420; id. Addenda to «The Story of the Buddha and the Skull-Tapper» // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Vol. 43. Fasc. 3. 1983. P. 333–339; Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах: культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 98–100.

¹⁴⁸ Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de l'art grec // Syria. T. 37. 1960. P. 146–147, 159–160.

¹⁴⁹ Ibid. P. 148–149; Schlumberger D. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India // Proceedings of the British Academy. Vol. 47 [1961]. London, 1962. P. 77–95.

буддийское художественное творчество достигло в Тохаристане и вообще в Средней Азии максимального развития; аджинатепинская скульптура занимает почетное место в галерее шедевров буддийского искусства.

Рассматривая скульптурные произведения Аджина-тепа, мы привели ряд аналогий со скульптурами из других областей распространения буддийского искусства. Выявляется, что некоторые, причем существенные, черты аджинатепинского искусства в значительной мере ведут свое начало из гандхарского искусства. Прослеживаются связи с позднегандхарскими скульптурами Хадды. Кое в чем, несомненно, можно усмотреть воздействие гуптской традиции. Безусловно, имеются параллели с восточно-туркестанской скульптурой. Вместе с тем особое место занимают связи с Тепа-Сардаром и Фундукистаном.

Раскопки Тепа-Сардара не завершены, но тем не менее получен богатейший материал, характеризующий последовательные этапы эволюции комплекса — от гандхарского периода (эпоха Великих Кушан) до VII—VIII вв. То же самое относится и к скульптуре. Поздний период Тепа-Сардара и Аджина-тепа дает иконографически и стилистически очень близкие произведения искусства, некоторые скульптурные головы из обоих памятников почти идентичны. Близкой является и техника их изготовления. Как пишут раскапывавшие Тепа-Сардар итальянские исследователи, «глиняная скульптура Аджина-тепа в целом показывает бесчисленные точки контактов со скульптурой Тепа-Сардара, особенно в отношении стиля, но также в типологии скульптурных произведений»¹⁵⁹. Тепасардарская скульптура позднего периода очень близка фундукистанской, но уступает ей по уровню своего художественного стандарта¹⁶⁰.

Б. Роулэнд отмечает в искусстве Фундукистана очень сильную индийскую струю, причем восходящую не к гуптским образцам, а значительно более ранним. Некоторые из фундукистанских изображений являются, как он говорит, «скульптурными двойниками» изображений «индийского стиля» из Бамиана¹⁶¹.

М. Буссальи подчеркивает большое влияние на искусство Фундукистана среднеазиатского искусства, а именно живописи и скульптуры Пенджикента, живописи Балалык-тепа. Вместе с тем, как и Б. Роулэнд, он обращает внимание на наличие в Фундукистане произведений явно индийского облика, хотя и на них отразилось среднеазиатское влияние. Он считает, что в Фундукистане представлен «полный сплав» индийских и среднеазиатских элементов¹⁶². В скульптуре Аджина-тепа именно эта, «индийская», струя выражена менее ярко¹⁶³, что, быть может, является результатом сильного воздействия местных, бактрийско-тохаристанских традиций, о чем мы уже писали выше.

Эти традиции местного светского искусства не только оказывали влияние на буддийское искусство Аджина-тепа и как-то преломлялись в нем, но и в некоторых случаях выступали в очень явном виде. Мы имеем в виду и сцену «дароносцев» в живописи, и головы брахмана и монахов в скульптуре. Тот факт, что именно изобра-

¹⁵⁹ Taddei M., Verardi G. Tapa Sardar... P. 134.

¹⁶⁰ Ibid. P. 132.

¹⁶¹ Rowland B. The Art and Architecture of India... P. 109.

¹⁶² Bussagli M. Central Asian Painting. P. 40, 48. О гандарской традиции в скульптуре Фундукистана см.: Franz H. G. Buddhistische Kunst Indien... S. 110—111. См. также: Hallade M. Gandharan Art of North India... P. 158, 161; Rowland B. Art in Afghanistan: Objects from the Kabul Museum. London, 1971. P. 43—47.

¹⁶³ Б. А. Литвинский имел возможность изучить коллекции из Фундукистана в Национальном музее Афганистана в Кабуле. Фундукистанская культура отличается несравненно более ярко выраженной экспрессивностью, более сложными ракурсами и «элегантностью», а также очень яркой полихромией (Национальный музей Афганистана, шифры 65—92, 65—94, 65—95, 65—98 и др.).

жения монахов и брахманов выделяются из общей массы скульптуры, не случаен. Сошлемся на материалы из Восточного Туркестана.

А. Грюнведель считал, что искусство Турфана имеет исходной точкой Гандхару. Но, как он сам отмечал, в каждом храме можно обнаружить попытки соединить этот стиль с «неумелыми наблюдениями с натуры. Среди них замечаются часто вещи прекрасной работы, может быть, иногда по-нашему неправильной, но всегда красивой и изящной. Меньше всего переменялся тип Будд и бодхисатв, больше изменились божества и еще больше низшие и т. п. князья демонов, которые нередко очень реальны в выражении»¹⁶⁴.

Характерно также, что в Тумшуке головы брахманов, как отмечают исследователи, чрезвычайно естественны и даже реалистичны. Высказано предположение, что при изображении брахманов скульпторы Тумшука воспроизводили тип местных жителей¹⁶⁵. Это наблюдение можно применить и по отношению к вышеупомянутым головам из Аджина-тепа, где в удивительно реалистической манере воспроизведены две головы пожилых людей. Хотя они отличаются друг от друга и, очевидно, воспроизводят разные этнические типы, но это — местные жители Тохаристана. Художественный образ, представленный этими скульптурами, несмотря на некоторый отпечаток индобуддийской традиционности, несомненно, в значительно большей мере, если говорить о существе дела, связан с бактрийской школой реалистической скульптуры.

Итак, даже незначительная часть былого живописного и скульптурного убранства Аджина-тепа, дошедшая до нас, позволяет представить себе облик могучей тохаристанско-буддийской школы искусства. Истоки этой школы и пути ее развития лежат как в искусстве Индии, так и в искусстве Бактрии; синтез художественных достижений этих стран объясняет своеобразный характер тохаристанско-буддийского искусства. В свою очередь, оно оказало большое воздействие на искусство других областей Средней Азии и прилегающих стран. М. Буссальи писал о влиянии среднеазиатских, а не иранских центров искусства, на раннесредневековое искусство Афганистана и Восточного Туркестана, ибо именно в среднеазиатском искусстве имеются «такие типы и тенденции», которые «в сасанидском искусстве или не представлены, или все еще не документированы». И далее он отмечал: «Мы должны, следовательно, признать, что определенные тенденции, которые развивались в центрах Сериндии, были в действительности эхом восточноиранских (т. е. среднеазиатских. — Б. Л., Т. 3.) творений»¹⁶⁶.

Таким образом, это положение, впервые высказанное в трудах отечественных ученых, все шире признается нашими зарубежными коллегами. Однако лишь с раскопками Аджина-тепа, а затем и Калаи-Кафирнигана мы смогли получить развернутое представление о среднеазиатском буддийском искусстве в лице его тохаристанской школы. Шедевры искусства Аджина-тепа позволяют глубже и многостороннее понять развитие искусства не только Средней, но и всей Центральной Азии, вклад их народов в развитие культуры Востока.

¹⁶⁴ Грюнведель А. Краткие заметки... С. 4.

¹⁶⁵ Toumchouq. II. P. 267.

¹⁶⁶ Bussagli M. Central Asian Painting. P. 36.

Глава IV

АДЖИНА-ТЕПА И ИСТОРИЯ БУДДИЗМА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аджина-тепа — это буддийский монастырь VII — начала VIII в. н. э. Такое заключение следует из исследования архитектурно-планировочной схемы памятника и найденных в нем произведений искусства. В предшествующих главах изложена наша интерпретация Аджины-тепы в искусствоведческом и историко-архитектурном аспектах. Однако рассматриваемый комплекс не может быть полностью понят вне более широкого историко-культурного контекста, в отрыве от истории появления и распространения в Средней Азии буддизма и связанных с ним элементов культуры.

Первым, кто попытался охарактеризовать историю буддизма в Средней Азии и на Ближнем Востоке, был Абурейхан Бируни. Почти тысячу лет назад он писал: «В древние времена в Хорасане, Фарсе, Иране и Мосуле вплоть до границ Сирии придерживались буддийской религии до той поры, пока Заратуштра не выступил из Азербайджана и не стал проповедовать маздеизм в Балхе. Его учение понравилось Гуштаспу, и его сын Исфандийад стал распространять это учение в странах Востока и Запада силой и мирным путем. Он воздвиг храмы огня от Китая до границ ар-Рума. Последующие цари отдали этой религии исключительное господство в Иране и Ираке, а буддисты были изгнаны из этих стран и были вынуждены переселиться из них в страны восточнее Балха»¹. «Они поклонялись идолам, остатки их теперь в Индии, в Китае и среди тугузгузов; жители Хорасана называют их «шаманан», единственное число — «шаман». Их памятники — «вихары» их идолов и «фархары» — [еще] видны в пограничных областях Хорасана, прилегающих к Индии»².

Так думал ученый хорезмиец. В его словах фактическая история буддизма получила очень слабое отражение³. Однако и до недавнего времени считалось, что «реальная история распространения буддизма на территории Средней Азии изучена крайне слабо»⁴. Ниже нами делается попытка проанализировать в плане истории

¹ Alberuni's India / transl. E. C. Sachau. Vol. 1. London, 1888. P. 21; *Абурейхан Бируни*. Индия / пер. А. Б. Халидова, Ю. Н. Завадовского // *Абурейхан Бируни*. Избранные произведения. Т. 2. Ташкент, 1963. С. 66–67.

² *Абурейхан Бируни*. Памятники минувших поколений / пер. М. А. Салье // *Абурейхан Бируни*. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957. С. 204.

³ Как указывает Э. Захау, аль-Бируни не располагал сведениями о буддизме из первоисточников. См.: Alberuni's India. Vol. 2. P. 237.

⁴ См.: *Беленицкий А. М.* Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье // КСИА. Вып. 98. 1964. С. 34.

буддизма в Средней Азии сообщения письменных источников, данные лингвистического характера и археологические материалы⁵. При этом буддизм рассматривается не изолированно, а в связи с другими религиями, имевшими распространение в Средней Азии, прежде всего с манихейством. Следует также оговориться, что общие положения по истории буддизма и его школ, а также по истории других распространенных в Средней Азии религий в нашей работе не освещаются, их изложение можно найти в соответствующих трудах по буддизму, манихейству, христианству и др.

По-видимому, историю буддизма в Средней Азии следует начинать со времен Греко-Бактрийского царства, хотя сведения об учении Будды, а может быть, и отдельные приверженцы буддизма могли проникать сюда много раньше, в ахеменидскую эпоху⁶. В литературе многократно указывалось на изображение ступы на монетах Агафокла, на возможное буддийское происхождение одного из титулов на монетах Менандра, на то, что колесо на его монетах — буддийский символ, и, наконец, на буддийскую традицию, согласно которой он стал приверженцем учения Будды⁷. В. В. Тарн попытался дать совсем иную трактовку данным греко-бактрийских монет, отрицая отражение в них буддизма⁸, однако его соображения нельзя признать убедительными⁹.

В районе Кандагара, на территории современного Южного Афганистана, буддизм был распространен, по крайней мере, уже в середине III в. до н. э.¹⁰ Кандагарскую

⁵ См. также специальное исследование: *Litvinskij B. A.* Outline History... и статьи: *Литвинский Б. А.* Махалева и Дуттхатамани (о начале буддизма в Парфии) // ВДИ. 1967. № 3. С. 88–91; *он же*. Среднеазиатские народы и распространение буддизма // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 128–135; *Litvinskij B. A.* India and Soviet Central Asia // India's Contribution to World Thought and Culture. Madras, 1970. P. 263–274; *Литвинский Б. А.* Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская культура и буддизм. М., 1972. С. 148–169; *он же*. Распространение буддизма в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. С. 191–198; *он же*. Древние связи Индии и Средней Азии (до VII–VIII вв. н. э.) // Россия и Индия. М., 1986. С. 10–25; *он же*. Буддизм... С. 427–507; *он же*. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия — Диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 153–193; *он же*. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // Московское Востоковедение: очерки, исследования, разработки. М., 1997. С. 57–78; *он же*. Буддизм в Центральной Азии (проблемы изучения) // ВДИ. 2001. № 4. С. 188–199.

Много отличных исследований по истории буддизма в Центральной Азии изданы Г. А. Кошеленко.

Многочисленные работы Б. Я. Ставиского выходили и в русских, и в иностранных изданиях (см.: *Ставиский Б. Я.* Библиографический указатель. М., 2001), в особенности: *Ставиский Б. Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии по данным археологии. М., 1998. Многие критики считают эту работу поверхностной. См. рецензии: *Сердитых З. В.* // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 7. М.; Магнитогорск, 1999. С. 358–361; *Кошеленко Г. А.* О новейшей работе относительно судеб буддизма в Средней Азии // ВДИ. 2001. № 4. С. 200–211; *Литвинский Б. А.* Буддизм в Центральной Азии... С. 188–199. См. также: *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.

⁶ Относительно Ирана такое мнение уже высказывалось, см.: *Herzfeld E.* Zoroaster and His World. Vol. 2. Princeton, 1947. P. 629.

⁷ Подробно об этом см.: *Lévi S.* Le bouddhisme et les grecs // Revue de l'histoire des religions. T. 23. N° 1. Paris, 1891. P. 40–45; *Droin M. E.* The Nimbus and Signs of Deification on the Coins of the Indo-Scythian Kings // The Indian Antiquary. Vol. 32. Bombay, 1903. P. 429–431. См. также: *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. С. 24; *Smith V. A.* The Early History of India. 4th ed. London, 1957. P. 239.

⁸ *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge, 1951. P. 160–161, 262–265.

⁹ *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd. I. Halle (Saale), 1947. S. 335–337.

¹⁰ Un editto bilingue greco-aramaico di Aśoka / transl. and notes by G. Pugliese Carratelli, G. Levi della Vida, foreword by G. Tucci, introduction by U. Scerrato // OR. Vol. 21. Roma, 1958; *Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E.* Une bilingue gréco-araméenne d'Aśoka // JA. T. 246. 1958. P. 1–48; A Bilingual Graeco-Aramaic Edict by Aśoka / text, transl. and notes by G. Pugliese Carratelli, G. Garbini, foreword by G. Tucci,

биллингв Ашоки по праву называют «красноречивым памятником распространения буддизма в направлении Средней Азии»¹¹. О дальнейшем продвижении буддизма на север свидетельствует надпись на глиняном объекте из слоя Беграм I (III—II вв. до н. э.), выполненная на кхарошти. В ней Я. Харматта видит буддийское имя. Известно, что в Южной Бактрии вплоть до раннего средневековья среди местных буддистов существовало убеждение в большой древности буддизма, распространителями которого считались два местных жителя, получивших посвящение от самого Будды¹². При всей фантастичности рассказа Сюань-цзана, повествующего об этом, эту традицию нельзя не учитывать¹³.

Принимая во внимание все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, можно высказать предположение, что, по крайней мере, во второй половине и к концу существования Греко-Бактрийского царства, сам факт возникновения которого должен был способствовать (в силу объединения в этом государстве североиндийских областей, территории Афганистана и ряда среднеазиатских земель) распространению буддизма, в Северном Афганистане, а затем и на юге Средней Азии появились буддийские миссионеры и местные адепты учения Будды.

Чрезвычайно заманчива возможность привлечь при рассмотрении древнейших следов буддизма в Средней Азии данные «Авесты»: в «Видевдате» трижды (XIX, I, 2, 43) фигурирует понятие Buiti (Buti). В нем Г. Бэйли считает возможным видеть иностранное, заимствованное слово, а именно «Будда», индийское Buddha, причем конечное *i* он объясняет как результат восточноиранской адаптации этого слова¹⁴. Эта трактовка опирается на датировку «Видевдата» II в. до н. э., предложенную Э. Херцфельдом. Последний пытается связать с буддизмом эпитет, даваемый Балху в «Видевдате», «с поднятыми знаменами», на основании сопоставления с описанием балхского храма Наубехар арабскими авторами, которые также подчеркивают обилие и величину знамен¹⁵.

По мнению ряда исследователей, ссылки Александра Полигистора на бактрийских шраманов (санскр. *śramaṇa*) указывают на то, что в Бактрии уже в I в. до н. э. был широко распространен буддизм¹⁶. Остается неясным, имелась ли в виду собственно Бактрия или речь шла о всей территории Греко-Бактрийского царства. Г. А. Кошеленко справедливо подчеркивает, что Маргиана наряду с Бактрией являлась одним из центров раннего среднеазиатского буддизма¹⁷. При этом он считает, что первое знакомство парфян с буддизмом имело место не позже начала н. э.,

introduction by U. Scerrato // SOR. Vol. 29. Roma, 1964. См. также: Schlumberger D. Une nouvelle inscription grecque d'Aśoka // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1964 (Janvier-Juin). Paris, 1965. P. 126—140.

¹¹ Harmatta J. Sino-Indica // AA. T. 12. Fasc. 1—2. 1964. P. 4.

¹² Ibid. P. 4—5.

¹³ The Life... P. 51.

¹⁴ Таким образом, хотя точка зрения П. Ч. Багчи (*Bagchi P. Ch.* India and Central Asia. Calcutta, 1955. P. 32), что уже во времена Ашоки буддизм проник в Бактрию, еще не может быть доказана, она представляется вполне вероятной. Напротив, мнение А. Фуше (*Foucher A.* La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. Vol. I—II. Paris, 1942—1947 (MDAFA. T. 1). P. 280—281) о том, что появление буддизма в Бактрии следует относить лишь к концу I или ко II в. н. э., представляется совершенно неправильным.

¹⁵ Bailey H. W. The Word «But» in Iranian // BSOS. Vol. 6. Pt. 2. 1931. P. 282—283. Ср.: Herzfeld E. Zoroaster... Vol. 2. P. 755—756.

¹⁶ Herzfeld E. Zoroaster... Vol. 2. P. 754—756.

¹⁷ Lévi S. Le bouddhisme... P. 36—40 (здесь уравнение *Sarmanes* у Мерасфена и санскр. *śramaṇa* и *Boutta* у Климента Александрийского — Будда, и т. д.); Asmussen J. P. Xuāstvánft: Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965 (Acta Theologica Danica. 7). P. 135—137. См. также: Marquart J. Erānsahr nach der Geographie der Ps. Moses Xorenaç'i. Berlin, 1901. S. 90; Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. II. P. 639.

а появление буддизма в Маргиане относит к I в. н. э.¹⁸ Не исключено, однако, что и эти даты, во всяком случае первую, следует несколько заглубить. Нам в этой связи хочется обратить внимание на факт, ускользавший от внимания исследователей истории буддизма в Средней Азии.

Согласно цейлонской исторической хронике «Махавамса» («Mahāvamsa»), цейлонский царь Дуттхагамани (*Dutthagamani*), правивший по наиболее убедительным расчетам в 101—77 гг. до н. э.¹⁹, после закладки «Большой ступы» организовал грандиозное празднество, на которое «прибыли многие бхикшу (буддийские монахи. — Б. Л., Т. 3.) из различных зарубежных стран» (Махавамса, XXIX, 29). В частности, на Цейлон прибыли «мудрый Mahadeva из Pallavabhogga с 260 тысячами бхикшу, а из Alasanda, города Yonas, пришел сюда Yonamhadham-marakkhita с 30 тысячами бхикшу» (Махавамса, XXIX, 38, 39)²⁰. Здесь, как и в других разделах перечня собравшихся на празднество, число участников явно фантастическое. Для нас, однако, существенно другое: можно ли доверять сообщению о самом факте приезда на Цейлон представителей буддийской сангхи из Pallavabhogga и Alasanda? В науке имелись различные точки зрения на степень достоверности этой хроники. Последний (и наиболее авторитетный) ее исследователь В. Гейгер полагает, что составленная около начала VI в. н. э. «Махавамса» базировалась на более старых материалах, прежде всего на не дошедших до нас работах типа исторических хроник. Важно, что в тех случаях, когда возможна проверка сведений, сообщаемых хроникой «Махавамса», они, как указывает В. Гейгер, оказываются достоверными²¹.

Разбирая приведенный выше текст, известный исследователь истории и филологии Индии и прилегающих стран С. Леви считал возможным интерпретировать его в том смысле, что Pallavas — это Pahlavas, т. е. парфяне. Alasanda, по его мнению, это Александрия — «Александрия на Кавказе» или «Александрия в Египте»²². В. Гейгер в примечании к переводу этого текста пишет: Pallava — имя персов (санскр. Pallava или Pahlava); Bhoggam — может быть, «ленное владение, поместье». И далее: «Александрия в стране греков, вероятно, город, основанный македонским царем в Парапамисадах вблизи Кабула»²³. Откуда же приехал «мудрый Махадева»? Историческая ситуация не оставляет сомнений на этот счет. Очень мало вероятно, что он и его спутники прибыли из внутренних парфянских владений. Речь скорее всего может идти о юго-восточных территориях, входивших в состав Парфянского государства²⁴. Как известно, эти территории, в частности Сакастан, являлись полунезависимыми уделами. Термин Pallavabhogga, о значении которого сказано выше, как нельзя больше соответствует одной из этих областей. К этому следует добавить, что

¹⁸ Кошеленко Г. А. Рец. на кн.: Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я. Кара-тепе — буддийский монастырь в Старом Термезе // ВДИ. 1966. № 2. С. 192—193.

¹⁹ Koshelenko G. A. The Beginning of Buddhism... P. 180.

²⁰ См.: The Mahāvamsa... P. XXXVII. Эту дату также принимает В. Рахула (*Rahula W.* History of Buddhism in Ceylon. Colombo, 1956. P. 80). Но ср.: History of Ceylon. Vol. I. Pt. I / ed. by H. C. Ray. Colombo, 1959. P. 255 (дата в пределах 161—132 гг. до н. э.) и Bechert H. The Date of the Buddha Reconsidered // Indologica Taurinensia. Vol. 10. Torino, 1982. P. 32. N. 17; id. Die Lebenszeit des Buddha — das älteste feststehende Datum der indischen Geschichte? // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse. Jg. 1986. Nr. 4. Göttingen, 1986. S. 176 (161—137 гг. до н. э.).

²¹ The Mahāvamsa... P. 193—194.

²² Ibid. P. IX—XX. Этой же точки зрения на цейлонскую хронику придерживается Е. С. Семёка, у которой мы получили ценные консультации по этому вопросу.

²³ Lévi S. Le bouddhisme... P. 45; Asmussen J. P.: Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965 (Acta Theologica Danica. 7). P. 135—136.

²⁴ The Mahāvamsa... P. 194. N. 2—3.

парфяне, по-видимому, участвовали в торговле, которая велась в странах, расположенных вдоль Индийского океана, и, следовательно, могли попадать на Цейлон²⁵.

Второе из вышеупомянутых посольств действительно прибыло именно из Александрии на Кавказе, т. е. из района современного Кабула²⁶. Это вполне соответствует и другим данным об очень раннем распространении здесь буддизма, с одной стороны, и представлению о том, что здесь продолжало существовать небольшое греко-бактрийское владение, — с другой²⁷.

Итак, «цейлонский эпизод» парфянского буддизма указывает на то, что буддизм в юго-восточных территориях Парфянского государства был распространен, по крайней мере, уже с I в. до н. э. Возможно, что вскоре после этого он проник и в Маргиану. Все это позволяет утверждать, что ко II в. н. э., ко времени Ань Ши-гао, буддизм в Парфии уже имел длительную традицию. Говоря о дальнейших судьбах буддизма в Восточной Парфии, следует отметить, что, вопреки мнению автора интереснейшего исследования по истории этой религии, роль Кушанского царства в распространении буддизма в Парфии и Центральной Азии была неодинаковой²⁸. Лишь в последней политической цели Кушанского государства сыграли решающую роль в широком потоке буддийской пропаганды; в Парфии же причины и ход этой пропаганды были совсем другими.

Наиболее древним на территории Таджикистана памятником распространения индийских религиозных учений является надпись, открытая экспедицией А. Н. Бернштама в 1956 г. на Западном Памире, в местности Даршай. Я. Харматта, опубликовавший эту надпись, считает ее древнейшей надписью на кхарошти в Inner Asia (Внутренней Азии) и расшифровывает ее как: «Нарайяна, побеждай!» На основании палеографического анализа издатель датирует надпись концом II — началом I в. до н. э., причем палеографические данные, которые могли бы свидетельствовать о более поздней дате (кушанское время)²⁹, в расчет не принимаются. Хронологическое определение этой надписи, свидетельствующей о появлении культа Нарайяны в Средней Азии, нельзя считать, как нам представляется, окончательным. Тем не менее ее можно рассматривать как одно из ранних свидетельств распространения индийских религиозных учений. Нарайяна — один из центральных персонажей индуизма. Вместе с тем из более поздних хотано-сакских документов из Восточного Туркестана, где встречается «Нарайана Будда», и из согдийско-буддийских, где фигурирует «Нарайана деви»³⁰, явствует, что он был включен и в буддийский пантеон. Когда это произошло, неизвестно, поэтому мы не знаем, в какой ипостаси

²⁵ Об истории этих территорий см.: *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic King of Bactria and India in the British Museum in London. London, 1886. P. XL–XLVI; *Smith V. A.* Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta. Vol. I. Oxford, 1906. P. 35 sq.; *Smith V. A.* The Indo-Parthian Dynasties // ZDMG. Bd. 60. Ht. 1. 1906. P. 49–72; *Whitehead R. B.* Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. I: Indo-Greek Coins. Oxford, 1914. P. 91 sq.; *Hertzfeld E.* Sakastan // AMI. Bd. 4. Ht. 2. 1932. S. 70–85; *Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxford, 1962. P. 140–142; *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. М., 1964. Т. 1. С. 135–139 (там же подробные указания на литературу).

²⁶ *Otto W.* Hippalos (3) // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 8. Stuttgart, 1913. Col. 1660–1661; *Debevoise N. G.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 45–46. Купцу по имени Гиппалос (примерная дата ок. 100 г. до н. э.) приписывается открытие того факта, что муссоны могут использоваться в навигации по Индийскому океану; см.: *Шеркова Т. А.* Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М., 1991. С. 30–34.

²⁷ *Tarn W. W.* The Greeks... P. 421, 460–462.

²⁸ Эта точка зрения уже была высказана П. Гарднером: *Gardner P.* The Coins... P. XL.

²⁹ См.: *Brough J.* Comments on the Third-Century Shan-Shan and the History of Buddhism // BSOAS. Vol. 28. Pt. 3. 1965. P. 582–612, в особенности p. 586.

³⁰ *Harmatta J.* The Oldest Kharosthi Inscription in Inner Asia // AOr. T. 19. Fasc. 1. 1966. P. 1–12.

выступает в даршайской надписи Нарайана — индуистской или буддийской, но вслед за Я. Харматтой склоняемся к последней версии³¹.

Во всех случаях распространение буддизма в Средней Азии, безусловно, усиливается с образованием Кушанского государства, которое в эпоху расцвета значительно превосходило по своей территории Греко-бактрийское царство. Мало сказать, что правители Кушанского царства благожелательно относились к буддизму. Некоторых из них³², например знаменитого Канишку, традиция прочно связала с буддизмом. Исследователи отмечают, что имя Канишки не встречается ни в палийском каноне, ни в официальных китайских историях, ни в «Пуранах», ни в исторических циклах типа «Asokavadana». Упоминания о нем, сообщения о его тесной связи с буддизмом сохранили отчеты китайских буддийских паломников в Индию, а также тибетские, хотанские, тохарские, согдийские и уйгурские тексты и более поздние мусульманские сочинения. Так, рассказывается о паломничестве Канишки в Кашмир с целью выразить почтение знаменитому буддийскому архату. Согласно Сюаньцзану, кушанский царь был глубоко религиозным и набожным человеком, ежедневно читал буддийские сутры и часто консультировался со своим советником Паршвовой (или Паршвиком). Так как монахи разных школ соперничали и ссорились друг с другом, он решил собрать собор, чтобы примирить их. Собравшиеся в конце концов выработали комментарии к учению. Одни специалисты считают, что подобные случаи являются скорее поздним вымыслом, другие же утверждают, что их ядро является историческим. Сохранилась также серия рассказов о тесных связях Канишки с выдающимися буддийскими учеными своего времени, о постройке им ступы и вихары в Пуришапуре (современный Пешавар), которые были обнаружены и раскопаны — Шах-джи-ки Дхери³³.

На золотых и бронзовых монетах Канишки встречаются стоящие и сидящие фигуры Будды, которые демонстрируют несколько иконографических типов, и надписи: BODDO, SAKAMANO BOUDO и METRAGO BOUDO. Последние являются бактрийской транскрипцией (греческими буквами) пракритско-санскритских имен и титулов: Будда, Будда Шакьямуни и Будда Майтреи. Число этих монет невелико и далеко перекрывается количеством монет с другими изображениями — индийских и неиндийских божеств. Было высказано множество гипотез по этому поводу. Некоторые ученые выражают мнение, что помещение изображений Будды на монетах Канишки отражает его личные религиозные верования и устремления; другие полагают, что это сделано с целью пропаганды буддийского учения; третьи считают, что изображения различных божеств помещались на монетах с учетом того, с какими странами велась торговля; четвертые высказывают точку зрения, что разнообразие божеств отражает многообразие культурно-религиозных разноразличных общин

³¹ *Harmatta J.* The Oldest Kharosthi... P. 5–7. О Нарайане см.: *Grierson G. A.* The Nārāyaṇīya and the Bhāgavatas // The Indian Antiquary. Vol. 37. Bombay, 1908; *Otto R.* Vischnu-Narayana. Jena, 1923; *Gonda J.* Die Religionen Indiens. Bd. 1: Veda und älterer Hinduismus. Stuttgart, 1960. P. 246 sq.

Нарайана, как известно, связан с культом солнца (*Deo S. K.* Bhagavatism and Sun-worship // BSOS. Vol. 6. Pt. 3. 1931). Этот культ восходит на Памире к сакским временам и сохранился, разумеется пережиточно, до недавнего прошлого. Не этим ли аспектом культа Нарайаны объясняется его популярность на Памире и в Припамирье?

³² Другая точка зрения у Б. Я. Ставиского: *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия... С. 170.

³³ В литературе встречается мнение, что уже на монетах Куджулы Кадфиза появляется изображение Будды. Это мнение было выдвинуто В. Смитом и поддержано Р. Уэйтхедом (*Whitehead R. B.* Catalogue of Coins... P. 181–182. Pl. XVII/29). Сидящая фигура на аверсе в какой-то степени действительно отражает раннюю иконографию образа Будды, но некоторые детали заставляют усомниться в правильности ее идентификации как Будды.

внутри Кушанской империи; пятые утверждают, что пантеон кушанских монет не имеет ничего общего с религией кушан. Есть и другие объяснения. Так, Д. Розенфилд полагает, что Канишку, подобно Константину, «привлекали разные религии и он руководствовался как политическими задачами, так и своими личными духовными потребностями». В соответствии со своей общей концепцией Розенфилд утверждает, что божества на кушанских монетах были кушанскими *comites Augusti* — божественными спутниками, поддерживавшими монархию и помогавшими ей. Монеты функционировали как инструмент и проводник царской пропаганды, прямое выражение идеологии господствующего класса. Все это очень логично, но все же, если учитывать буддийскую традицию, пусть не совсем достоверную, можно понять заключение С. Конова, что, судя по разнобразным источникам, Канишка скорее всего был буддистом³⁴. Важное значение для изучения истории и религиозных взглядов кушан имеет открытие рабатакской надписи. В ней упоминаются имена божеств, которым поклонялся Канишка. Это боги зороастризма и индуизма³⁵. В тексте нет ни одного буддийского божества. Можно сказать, что, когда была сделана эта надпись, Канишка не был буддистом. Возможно, он стал им позднее?

Вероятно, стоит провести границу между личными убеждениями Канишки и его религиозной политикой. Необходимо учесть идею К. Танабе, которая кажется нам правильной: «Канишка и Хувишка ни в коем случае не были сектантами. Их великодушные и толерантные, возможно, обусловлены тем, что изначально они верили в Шесть Элементов, как древние иранцы. Впоследствии они были готовы принимать новые религии и культы, которые в их понимании были благотворными и стоящими веры»³⁶.

Письменные источники повествуют о большой роли выходцев из Тохаристана в разработке и пропаганде буддийского учения в кушанское время. Знаменитым буддийским богословом был Гхошака, уроженец Тохаристана. Он являлся одним из ведущих участников собора в Пурушапуре и автором составленного там комментария к буддийским каноническим текстам «*Abhidharma Vibhāsa*» («Абхидхарма Вибхаша»). После завершения работы собора Гхошака вернулся в Тохаристан. Этот богослов был, таким образом, последователем школы Вайбхашика, которая впоследствии разбилась на ветви, одна из которых называлась «западная Вайбхашика». Она была связана со «страной Балхика» (Балхом), возможно, ее

³⁴ См. также: *Konow S.* A Note on the Sakas and Zoroastrianism // *Oriental Studies in Honour of Cursetji Erachji Pavry*. London, 1933; *Lohuizen-de Leeuw J. E., van.* The «Scythian» Period. Leiden, 1949. P. 100, 105–106; *Zeilmann E. B.* Кушанское царство по нумизматическим данным: автореф. канд. дис. Л., 1965. С. 14–15; *Droin M. E.* The Nimbus... P. 428–429; *Agrawala V. S.* A Coin of Kanishka with the Figure of the Buddha // *The Journal of the Numismatic Society of India*. Vol. 8, Pt. 1 [1946]. Bombay, 1947. P. 61–62; *Göbl R.* Zwei neue Termini für ein zentrales Datum der alten Geschichte Mittelasiens, das Jahr I des Kušankönigs Kanishka // *Anzeiger der Phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. Jg. 1964. Nr. 7. Wien, 1964. S. 140; *Rosenfield J.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 29–31, 69–77; *Zürcher E.* The Yüeh-chih and Kanishka in Chinese Sources // *Papers on the Date of Kanishka* / ed. by A. L. Basham. Leiden, 1968. P. 340–350; *Tanabe K.* Kanishka I's Coins with the Buddha Image on the Reverse and Some References to the Art of Gandhara // *Orient*. Vol. 10. Tokyo, 1974; *Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984. Taf. 8/66, 9/73; *Narain A. K.* First Images of the Buddha and Bodhisattvas: Ideology and Chronology // *Studies in Buddhist Art of South Asia* / ed. by A. K. Narain. New Delhi, 1985; *Cribb J. A.* Re-examination of the Buddha Images on the Coins of King Kanishka: New Light on the Origins of the Buddha Image in Gandharan Art // *Ibid.* P. 59–86; *Fussman G.* Monnaie d'or de Kanishka inédite, au type du Buddha // *Revue Numismatique*. 6e série. T. 24. Paris, 1982.

³⁵ *Sims-Williams N., Cribb J. A.* A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // *SRAA*. Vol. 4 [1995/96]. 1996. P. 75–142; *Sims-Williams N. A.* Bactrian God // *BSOAS*. Vol. 60. Pt. 2. 1997. P. 136–143.

³⁶ *Tanabe K.* Earliest Aspect of Kanishka I's Religious Ideology. A Numismatic Approach // *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity* / ed. by A. Invernizzi. Firenze, 1995. P. 213.

традиции восходят именно к Гхошаке. О важности этой школы для Тохаристана свидетельствует тот факт, что первый переводчик ее трактатов на тохарский язык был тохаристанцем: известны прямые данные о богослове Дхармамитра, уроженце (Термеза)³⁷.

Итак, в Средней Азии, во всяком случае на юге ее, была распространена школа Вайбхашика — ветвь школы Сарвастивада. Следует отметить, что она относилась к «малой колеснице». Однако именно учение вайбхашиков характеризовалось рядом существенных моментов, сблизивших его с кругом махаяны. Этому, в частности, способствовала важная роль, которую «Виная» школы Сарвастивада играла также в круге махаяны. Считается, что в Хотане Вайбхашика в какой-то степени «вымостила путь» распространению махаяны³⁸.

В чем сущность доктрины школы вайбхашиков? Если подходить к этому в общем плане, то махаяна развивала скорее субъективно-идеалистическую философию, школа же хинаяны стояла на позициях объективного идеализма. Такой знаток буддийской философии, как академик Ф. И. Щербатской, подчеркивал материалистические элементы в учении вайбхашиков и указывал, что в некоторых отношениях оно «напоминает современный материализм»³⁹.

В своей теории познания вайбхашики исходили из объективности внешнего мира, познание которого осуществляется с помощью органов чувств. Субстанцией вещей являются пять постоянных элементов. Все объекты в конечном счете сводятся к атомам. В теории познания вайбхашиков имеется сильная материалистическая тенденция, процесс познания содержит элементы диалектики⁴⁰. Будда, считали вайбхашики, был обыкновенным человеком, который после достижения окончательной нирваны перестал существовать. Но наряду с этим они признавали за ним способность интуитивного постижения истины⁴¹.

Имеются вместе с тем предположения о деятельности и других школ. Анализируя надписи на черепках из Кара-тепа, Я. Харматта высказал идею, что в них на кхарошти отражено учение школы Махасангхика, и сделал предположение, что именно последняя являлась пионером распространения буддизма в Средней Азии⁴².

Самые точные свидетельства о расширении сфер влияния буддизма и его течений представляют эпиграфические материалы. Судя по ним, в кушанское время в Афганистане существовало несколько направлений хинаяны, среди которых стоит отметить школы Махасангхика, Сарвастивада и Дхармагуптака.

В эпиграфическом материале Северной Бактрии (Кара-тепа, Фаяз-тепа) есть прямые указания на распространение школы Махасангхика. В конце кушанского периода появились первые последователи школы Самматия, а также, по мнению

³⁷ *Bailey H. W.* Indo-Iranica. III. 5. Tarmita // *BSOAS*. Vol. 13. Pt. 2. 1950. P. 400–403; *Bagchi P. Ch.* India... P. 32–33.

³⁸ *Asmussen J. P.* Xuāstvānīft... P. 144. Сопоставление в теологическом плане доктрин учения Сарвастивада и Махаяны проведено японским ученым А. Хиракавой, пришедшим к заключению, что на сложение махаяны оказало влияние, в частности, и учение Сарвастивады. См.: *Hirakawa A.* The Rise... P. 59–69.

О доктринах Сарвастивады и Вайбхашики см.: *Bureau A.* Les sectes bouddhiques du Petit Véhicule. Saïgon, 1955 (Publications de l'École Française d'Extrême-Orient. Vol. 38). P. 131–152.

³⁹ *Scherbatsky Th.* The Conception... P. 27–29.

⁴⁰ *Чаттерджи С., Дамма Д.* Введение в индийскую философию. М., 1955. С. 189–190; *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. 1. М., 1956. С. 524–529, 615–617; *Bapat P. V., Dutt N.* Schools and Sects of Buddhism // *The Cultural Heritage of India*. Vol. 1. Calcutta, 1958. P. 468–471.

⁴¹ *Радхакришнан С.* Индийская философия. С. 530.

⁴² *Харматта Я.* К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе // *Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 1969. С. 32–39.

некоторых ученых, школы Сарвастивада⁴³. Есть доказательства существования в Южной Бактрии (Кундуз) вихары, где развивалось учение школы Дхармагуптака⁴⁴.

Между этими школами и последователями махаяны нет четких границ. Несмотря на то, что Махасангхика, Сарвастивада и Дхармагуптака в те времена считались ответвлениями хинаяны, они выработали множество идей, способствовавших развитию махаяны. Последователи и той и другой зачастую жили и учились в одних монастырях, вопреки всем теологическим различиям.

Согласно эпиграфическим материалам, бактрийцы контактировали с буддийскими институтами не только внутри своего государства, но и за его пределами.

Но школа Махасангхика действительно отражена в термезских надписях. Исчезла ли она впоследствии из Средней Азии? В Северной Индии, как сообщает И цзин, в VII в., хотя господствовала школа Сарвастивада, иногда встречались еще и приверженцы школы Махасангхика. Было ли в Средней Азии положение аналогичным — неизвестно.

Обратимся к другим, помимо Тохаристана, областям Средней Азии. Так, в «Sutralamkara» (IV, 21) содержится рассказ о набожности некоего художника из Puskalavati, который посетил страну Asmaka (букв. «Каменистая»), где украшал буддийский монастырь. Согласно традиции, «Sutralamkara» считается трудом знаменитого Ашвагхоши, современника Канишки. Однако некоторые приписывают его Kumaralata, основателю школы Santrantika, датируемой II в. н. э. Таким образом, сообщение относится скорее всего ко II—III вв. н. э. Топоним Ашмака (Asmaka) в сочинении «Брихатсамхита» (14, 22), написанном Варахамихирой (ум. в 587 г. н. э.), обозначает наименование какой-то северо-западной страны. С. Леви, А. Фуше, а сравнительно недавно Д. Аалто идентифицировали Asmaka с Ташкентом⁴⁵. Хотя их аргументация не является бесспорной и оставляет место для сомнений, отнесение этой местности к Средней Азии вполне вероятно.

В первые века н. э. буддизм укрепляет свои позиции и в Маргиане⁴⁶, через Среднюю Азию проникая на восток.

Появление буддизма в Китае окутано легендами, пробраться через которые к реальным фактам очень трудно. «В позднейшее время, — пишет Э. Цюрхер, — введение буддизма в Китае и его ранняя история сделались излюбленной темой буддийской апокрифической литературы. Многие из этих рассказов имели, очевидно, пропагандистское назначение; своими повествованиями о триумфальной встрече этой религии императорским двором и немедленном обращении в буддизм китайского императора или же демонстрацией раннего существования буддизма на китайской почве они были предназначены для усиления престижа буддийской церкви»⁴⁷.

⁴³ Ветроградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в старом Термезе: проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995. С. 41—43.

⁴⁴ Fussman G. Documents épigraphiques Kushans // BEFEO. T. 61. 1974. P. 59—61.

⁴⁵ Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra. II. P. 644. На важность этого сообщения в нашей литературе впервые обратила должное внимание М. И. Вязьмитина: Вязьмитина М. И. Раскопки на городище Айртам // Труды Термезской археологической экспедиции. Т. II. Ташкент, 1945. С. 34. См. также: Aalto P. The Name of Tashkent // CAJ. Vol. 21. No. 2—3. 1977. P. 193 sq.; Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах... С. 129.

⁴⁶ Кошеленко Г. А. Культура Маргианы в античное и раннесредневековое время // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: тезисы докладов. Баку, 1965. С. 109; Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966. С. 95—97; Koshelenko G. The Beginning of Buddhism... P. 175—183.

⁴⁷ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 19. Другим источником была Северная Индия, особенно Кашмир. См. также: Ibid. P. 269—280; Васильев Л. С. Культы, религия, традиции в Китае. М., 1970. С. 302—304. См. также: Меньшиков Л. Н. Китайские рукописи // Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза: статьи и сообщения. М., 1963. С. 15.

Уже в IV—V вв. н. э. буддисты, полемизируя со своими оппонентами, начали утверждать (основываясь на легендах, неправильно интерпретированных (или поддельных) текстах, спекуляциях с хронологией жизни Будды, непонятных древних предметах), что буддизм был известен в Китае в очень древние времена. Один из вариантов гласил, что это произошло уже в эпоху Раннего и Среднего Чжоу (XI в. — 256 г. до н. э.), т. е. до фактического появления буддизма⁴⁸. Другая версия состояла в том, что китайцы были обращены в буддизм при Ашоке, причем назывались места, где якобы были обнаружены ступы, статуи и другие священные сооружения, воздвигнутые Ашокой. Наконец, Конфуций и Лао-цзы некоторыми буддийскими авторами рассматривались как ученики или проявления (манифестации) Будды («Хоу Ханьшу», гл. 118).

К числу легендарных относится и сообщение об официальном введении буддизма в Китае при императоре Мин (58—75 гг. н. э.), которое содержится в «Хоу Ханьшу»⁴⁹, а также в «Предисловии к «Сутре из сорока двух глав» и, по мнению современных ученых, восходит к середине III в. н. э. Суть сообщения в следующем. Император, побуждаемый сном, в котором он увидел золотого идола, послал посольство в страну юэчжей (другой вариант — в Индию) для того, чтобы достать священные тексты. Отправление посольства, по разным источникам, состоялось в 60, 61, 64 или 68 г. н. э., причем, согласно старейшей версии, его возглавлял Чжан Цянь (на самом деле живший во II в. до н. э.). Через три (или 12) лет посольство вернулось с текстом «Сутры из сорока двух глав» и в сопровождении индийских миссионеров. Для них император выстроил первый монастырь Лояне — Баймасы (храм Белой Лошади)⁵⁰.

Эта история послужила предметом изучения французского синоведа А. Маспéro и китайского ученого Тан Юн-туна. Они, как и позднее Э. Цюрхер и японский исследователь С. Вада, отрицают аутентичность этой истории, считая ее благочестивой легендой. При этом китайский ученый не исключает возможности, что в этой традиции все же есть какое-то историческое ядро⁵¹, в то время как другие полагают, что посольство имело место, но в части введения буддизма в Китае оказалось безуспешным⁵², а третьи предлагают внести исправление в текст и признать, что посольство прибыло не от Великих Юэчжей, а из Гибини⁵³. Э. Цюрхер же не считает это сообщение надежным, а С. Вада вообще отрицает его историческую достоверность⁵⁴. Действительно, во II в. н. э. кушанский правитель (при любой системе кушанской хронологии) не являлся приверженцем буддизма, а буддизм не был в Кушанском государстве ведущей религией. Нам представляется, что учитывая весь исторический контекст, этот отрывок, подлинность которого действительно не бесспорна, может свидетельствовать с несомненностью лишь о том, какая роль в синовуддийской традиции отводилась выходцам из страны юэчжей в деле пропаганды буддизма в Китае⁵⁵.

⁴⁸ Текст Вэй Шу см.: Ware J. Wei Shou on Buddhism // TP. Vol. 30. Livr. 1—5. 1933. P. 111—112.

⁴⁹ Hou Hanshu. Chap. 118.

⁵⁰ См.: Rhie M. M. Early Buddhist Art of China and Central Asia, Handbuch der Orientalistik. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 13—19.

⁵¹ Maspero H. Communautés et moines bouddhistes chinois au II et III siècles // BEFEO. T. 101. 1910. P. 95—130; Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 298; Ch'en K. K. Buddhism in China. Princeton, 1964. P. 31—32.

⁵² Gabain A., von. Der Buddhismus in Zentralasien // HdO. Abt. I. Bd. 8. Adschn. 2. 1961. S. 498.

⁵³ Wada S. On the Date of the Spread of Buddhism to the East // MDTB. No. 36. 1978. P. 34 sq. (со ссылками на другие работы японских ученых).

⁵⁴ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 24; Wada S. On the Date... P. 34—35.

⁵⁵ Litvinskij B. A. Outline History... P. 10—11.

В то же время необходимо согласиться с мнениями таких компетентных специалистов, как Дз. Цукамото и Е. Цюрхер. Как пишет Дз. Цукамото, уже в I в. до н. э. «определенное число китайцев, должно быть, приобрели некоторые знания о буддизме. Однако приверженность значительного количества китайских верующих иноземной религии фиксировалась в дошедших до нас документах только с началом христианской эры»⁵⁶. Е. Цюрхер сделал похожий вывод: проникновение буддизма в Китай происходило в промежутке с середины I в. до н. э. до середины I в. н. э.⁵⁷

Другое раннее упоминание о буддизме связано с Лю Ином. Лю Ин, правитель княжества Чу (он был братом императора Мин), как сообщает под 65 г. н. э. «Хоу Ханьшу», глубоко интересовался «учением Хуан-Лао» (т. е. религиозным даосизмом) и вместе с тем следовал учению Будды и приносил ему жертвы⁵⁸.

Но и это сообщение некоторые современные последователи считают не основанным на реальных фактах⁵⁹. Правление Лю Ина было связано с городом Пэнчэнь. В 193–194 гг. в Пэнчэне одним знатным лицом был воздвигнут большой буддийский храм с позолоченной бронзовой статуей Будды. По мнению Г. Масперо, именно Пэнчэнь являлся наиболее ранним центром буддизма в Китае, но, возможно (так считает Э. Цюрхер), параллельно с Пэнчэнем развивался и другой буддийский центр — в Лояне.

Много данных о первых буддийских проповедниках содержится в историко-биографических сочинениях о жизни буддийских монахов, но древнейшие из них составлены в начале VI в. и ранние жизнеописания носят легендарный характер⁶⁰.

Первое бесспорное упоминание о распространении буддизма в Китае датируется 65 г. н. э., когда был провозглашен императорский указ, в котором правитель династии Чу был удостоен хвалы за то, что он участвовал в ритуалах даосизма и буддизма. Текст документа содержит буддийские термины и названия ритуалов. Это говорит о том, что в императорской канцелярии знали буддийскую терминологию. Цюрхер предполагает, что это первое настоящее доказательство распространения буддизма в Китае⁶¹. Еще одним ранним свидетельством этого считается появление образа шрамана в одном из произведений поэта Чжан Хэна (78–139 гг. н. э.), законченном около 100 г. н. э. в Лояне. Шраман у этого поэта — образец аскетической стойкости и неподверженности соблазнам. Однако Чжан Хэн упоминает шрамана мимоходом. Первая попытка изложить на китайском языке основы буддийского учения относится к началу II в. н. э. (известная «Сутра 42 статей»)⁶².

⁵⁶ Tsukamoto Z. A History of Early Chinese Buddhism. Vol. I. Tokyo; New York, 1985. P. 51, см. также: p. 55–58.

⁵⁷ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 24.

⁵⁸ Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou // TP. Vol. 2. Livr. 3. 1907. P. 450; Maspéro A. Mélanges posthumes. Vol. 2. Paris, 1934. P. 88–89; Maspéro A. Les origines de la communauté bouddhique de Lo-yang // JA. T. 225. 1934. P. 87–107; Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 26–27; Wright A. E. The Buddhism in Chinese History. Stanford; London, 1959. P. 20; Rhie M. M. Early Buddhist Art... P. 19–20.

⁵⁹ Wada S. On the Date... P. 34–35; Brough J. Comments on the Third-Century... P. 584.

⁶⁰ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 10–11, 27–29.

⁶¹ Zürcher E. Han Buddhism and Western Region // Thought and Law in Qin and Han: Studies presented to Anthony Hulsewé on the Occasion of His Eightieth Birthday / ed. by W. L. Idema and E. Zürcher. Leiden, 1990. P. 159–160. См. также: Литвинский Б. А. Буддизм и буддийская культура... С. 57.

⁶² Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 179; Бахтин Б. В. Буддизм и китайская поэзия // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982. С. 98; Wright A. E. Buddhism in Chinese History... P. 21; Ch'en K. K. Buddhism in China... P. 40–42; Wada S. On the Date... P. 36; Rhie M. M. Early Buddhist Art... P. 20–22.

К середине II в. н. э. относятся исторические свидетельства о наличии среди китайского населения приверженцев буддизма и росте их влияния; есть прямые указания на то, что в это время буддийские святилища имелись и в императорском дворце⁶³. В 166 г. во дворце императора Хуань-ди (147–167 гг.) наряду со святилищами Лао-цзы имелись и святилища, посвященные Будде⁶⁴.

В китайских исторических сочинениях встречается всего несколько упоминаний о раннем буддизме, причем они носят случайный характер⁶⁵. Так, в составленном в середине III в. н. э. «Вэйли» (Weilue) содержится пассаж об Индии, дошедший до нас в крайне испорченном виде. В нем говорится, что при ханьском императоре Ай-ди, во 2 г. до н. э., некий студент императорской академии получил от И-цуня, посланника царя Великих Юэчжей, устное наставление по буддийской сутре (или сутрам)⁶⁶. Основываясь на двух поздних параллельных версиях, Э. Шаванн предложил свой вариант события, согласно которому студент императорской академии был назначен в посольство к Великим Юэчжам. «Царь [Юэчжей] приказал своему наследнику устно проинструктировать его в буддийских сочинениях». Тан Юн-тун и Э. Цюрхер, после сличения всех текстов и сопоставления их с историческими событиями, пришли к заключению, что более древней является та версия текста, где сценой этого события был Китай. Некоторые ученые относятся к этому сообщению с доверием. Буддизм в то время уже завоевал определенные позиции высшей знати и среди более широких слоев населения.

К концу II — началу III в. относится подпись на кхароштии из Лояна, в которой упоминаются вихара и сангха четырех сторон света⁶⁷.

Подчеркивая легендарный характер многих из вышеприведенных сообщений, следует вместе с тем отметить, что в совокупности они указывают на сравнительно ранние проявления буддизма в Китае. Хотя фрагментарность и неясность источников обуславливают тот факт, что среди синологов до настоящего времени не существует единой гипотезы по поводу того, когда и как буддизм попал в Китай, «он должен был медленно инфильтрироваться с северо-запада (из Средней Азии. — Б. Л., Т. 3.); через две ветви континентального Шелкового пути, входящего на китайскую территорию в Дунхуане, и через коридор Гансу — к северокайской долине, где в эпоху ранней Хань располагалась столица — город Лоян. Эта инфильтрация должна была иметь место между первой половиной I в. до н. э. (периода консолидации китайского могущества в Центральной Азии) и серединой I в. н. э., когда существование буддизма впервые засвидетельствовано в синхронных китайских источниках»⁶⁸. Это заключение Э. Цюрхера представляется нам вполне убедительным, достаточно осторожным и вместе с тем основывающимся на всей совокупности фактов.

Но следует сделать два серьезных дополнения. Первое. В разных по характеру китайских источниках распространение буддизма в Китае так или иначе связывается с юэчжами, с государством юэчжей. Дело в том, что из Средней Азии на восток, в оазисы Восточного Туркестана, и, далее, в Китай, во II–III вв. двинулся целый

⁶³ Wada S. On the Date... P. 36–37.

⁶⁴ Ibid. P. 31–32. Дж. Броф называет этот рассказ «слишком похожим на сказку» (Brough J. Comments on the Third-Century... P. 586). Ш. Камата определил его как «легендарный» (Kamata S. Cultural Exchange between India, China and Japan // Indian Contribution Volume. Madras, 1970. P. 315).

⁶⁵ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 18–19.

⁶⁶ Franke O. Zur Frage der Einführung des Buddhismus in China // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Jg. 13/1, Berlin, 1910. S. 295–305.

⁶⁷ Brough J. A Kharosthi Inscription from China // BSOAS. Vol. 24. Pt. 3. 1961. P. 520–530.

⁶⁸ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 22–23.

поток буддийских миссионеров. Почему именно в это время они столь настойчиво проповедовали буддизм в указанных регионах?

Кажется, здесь за религиозным рвением кроются вполне земные побудительные причины, а именно те политические цели, которые ставило себе в части Восточного Туркестана Кушанское государство⁶⁹.

Второе дополнение касается характера распространения буддизма в Китае. Первоначально оно происходило с помощью устной проповеди. Среди наиболее ранних проповедников буддизма в Китае, в Лояне, была большая группа выходцев из Средней Азии. Это двое парфян — Ань Ши-гао и Ань Сюань, трое юэчжийцев — Чжи Лоуцзя-чань (Локакшема), Чжи Яо и Чжи Лян, двое согдийцев — Кан-Мэнсин и Кан Джу из страны Кан Джу (последний, собственно, скорее кангюец).

Наиболее знаменитым из них являлся парфянин Ань Ши-гао⁷⁰. Согласно очень ранней традиции он был парфянским наследным принцем, но отказался от престола (в пользу дяди) и посвятил себя религиозной жизни. Вполне вероятно, что он происходил из Маргианы⁷¹. О его дальнейшем жизненном пути известно лишь, что он отправился на восток, а в 148 г. поселился в Лояне, где работал над переводами буддийских сочинений на китайский язык вплоть до 170 г.

Разные библиографии приписывают ему от 34 до 176 сочинений и переводов. Наиболее ранняя библиография (374 г. н. э.) содержит 34 названия его сочинений, причем 4 названы с сомнением. Из этого перечня сохранилось 19 трудов, причем лишь 4 из них, на основании данных колофонов или предисловий, бесспорно могут быть отнесены к его сочинениям. В них, как и во всех 19 трудах, нет никаких влияний доктрины махаяны. Хотя в позднейших буддийских трудах переводы, выполненные Ань Ши-гао, почитались как образцовые, как шедевры, но на самом деле они (по словам Л. Меншикова) не более, чем парафразы и извлечения из оригинальных текстов.

И тем не менее значение деятельности Ань Ши-гао исключительно велико. Дело не только в том, что он был первой, бесспорно исторической, личностью в области центральноазиатского и китайского буддизма. Именно он начал систематический перевод буддийских текстов, организовав первую переводческую группу. И хотя его переводы были достаточно примитивными, они отмечают начало деятельности, которая должна рассматриваться как важный вклад в китайскую культуру.

Таким образом, Ань Ши-гао явился родоначальником китайского буддизма. Вместе с тем, согласно китайской традиции, он был крупным ученым своей страны (т. е. Парфии), знатоком «семи планет» (солнце, луна и пять планет), «пяти элементов» (металл, дерево, огонь, вода и земля) и особенно врачебного дела⁷². Следова-

⁶⁹ См. об этом: *Brough J. A Kharosthi Inscription...* P. 586—590, 596—599; *Daffinà P. Sulla più antica diffusione del buddismo nella Serindia e nell'Iran orientale* // *Acta Iranica*. 4. Téhéran; Liège, 1975. P. 190—191. Еще раньше С. Леви сопоставил «обращение юэчжей в индийский буддизм» и «индийскую экспансию» в Центральную Азию (*Lévi S. Notes chinoises sur l'Inde*. 4. Le pays de Kharostha et l'écriture kharosthi // *BEFEO*. T. 4. N° 3. 1904. P. 558).

⁷⁰ Текст его биографии в «Гао сэн чжуань» Хуэй-цзяо (497—554 гг.) см.: *Shih R. Biographies des moines éminents de Houei-Kiao (Kao seng tchouan)*. Louvain, 1968 (Bibliothèque du Muséon. Vol. 54). P. 4—16; *Хуэй-цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань)* / пер. М. Е. Ермакова. Т. 1. М., 1991. С. 102—107, 128. Попытки реконструкции исходной иранской формы его имени см.: *Harmatta J. Sino-Indica*. P. 2.

⁷¹ Попытки идентификации его с каким-либо из членов парфянского правящего дома (например, с сыном Митридата IV или с сыном Пакора II) оказались безуспешными. По правдоподобию предположению исследователей, он мог быть членом правящей семьи в одном из небольших владений. В связи с этим Масперо упоминает область Парфии, граничившую с Афганистаном: *Debevoise N. A Political History of Parthia*. Chicago, 1938. P. 245; *Maspéro H. Communautés...* P. 189; *Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 32—33.

⁷² О биографии и переводах Ань Ши-гао см.: *Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос...* С. 180; *Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations of the Buddhist Tripitaka*. Oxford, 1883.

тельно, он являлся универсальным ученым. Из всего этого следует, что наряду с распространением буддизма с самого начала происходил процесс передачи из Средней Азии в Китай культурных и научных ценностей, выработанных среднеазиатскими народами.

Второй парфянин Ань Сюань прибыл в 181 г. в Лоян в качестве купца. Он был упасакоем и учеником Ань Ши-гао. Вместе с китайцем Янь Фо-дяо, первым известным по имени китайцем — буддийским монахом, Ань Сюань перевел на китайский язык «Уградаттапарипричху» («Ugradattapariprccha»). Эта сутра — сводный рассказ о деятельности бодхисатвы, она относится к Махаяне. Следует при этом иметь в виду, что Янь Фо-дяо также считал себя учеником Ань Ши-гао.

По заключению Э. Цюрхера, «существование хиньяны и махаяны, характерное для всего раннего китайского буддизма, нашло свое отражение уже во II в. в деятельности «Трех Неподражаемых» — двух парфян и их единоверца — китайца»⁷³.

В еще большей степени махаяна отразилась в деятельности второго поколения переводчиков. Наиболее выдающейся фигурой среди них был юэчжиец Чжи Лоуцзя-чань (вероятно, китайская транскрипция имени Локакшема-юэчжиец). Он работал в Лояне вместе со своими помощниками, среди которых были индус и три китайца, в 166—168 гг. Локакшеме приписывается более двух десятков переводов. Бесспорно им были выполнены три перевода (два из которых сохранились) — это те сутры, которые рассматриваются в числе важнейших махаянских сочинений. Одно из них, «Аштасахасрика-праджнапарамита», сыграло особо важную роль в последующем распространении махаяны в Китае. Вообще считается, что Локакшема — распространитель махаяны в Китае.

Параллельно с Локакшемой работал согдиец Кан Джу.

Локакшема оставил после себя целую школу переводчиков. Среди них известны его ученики — юэчжиец Чжи Лян и Чжи Цань, внук выходца из страны юэчжей, поселившегося в Лояни. Следует также упомянуть индийцев Тань-го (Dharmaphala?) и Чжу Да-ли (Mahabala?) и согдийцев Кан-Мэнсина и Кан Сэн-хуэя.

К числу переводчиков, родившихся и воспитанных за пределами своей этнической родины, относится знаменитый Дхармаракша. Юэчжиец Фа-ху (Дхармаракша) родился ок. 230 г. н. э. в Дуньхуане. Его предки жили там на протяжении поколений. Его семья, вероятно, относилась к числу богатых купеческих фамилий. Поэтому он получил хорошее образование, в совершенстве знал китайский язык и литературу. В Дуньхуане он получил посвящение в буддизм, его учителем был монах-индеец. Затем в поисках священных сочинений он совершил путешествие на Запад через Центральную Азию и, возможно, достиг Индии. Сообщается, что он был полиглотом и знал различные языки Центральной Азии (называется число — 36). Вернувшись в Дуньхуан, а затем собственно в Китай с огромным собранием буддийских текстов, он начал энергичную переводческую деятельность. Примерно с 266 по 308 г. он перевел свыше полутораста сочинений (ему приписывается свыше 210 переводов), 72 его перевода сохранились.

Дхармаракша заново перевел на китайский уже переводившиеся ранее четыре фундаментальных махаянских сочинения: «Праджняпарамита», «Шурамгамасамадхи-сутра», «Вималакиртинирдеша-сутра», «Сукхавативьюха-сутра». Кроме того, он перевел пятое произведение — «Саддхармапундарика-сутра» («Сутра Лотоса

P. 381—384; *Bagchi P. Ch. Le canon bouddhique en Chine. Les traducteurs et les traductions*. Paris, 1926. P. 11—37; *Waley A. Notes on Chinese Alchemy* // *BSOS*. Vol. 6. Pt. 1. 1930. P. 23; *Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 32—34; *Shih R. Biographies...* P. 33—37.

⁷³ *Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 34.

Верной Доктрины»), которое заняло особое место среди махаянских сочинений, почитаемых китайскими буддистами. Его прозвали «дуньхуанский бодхисатва».

Дхармаракша сохранял тесную связь с Дуньхуаном и центрами буддизма в Центральной Азии. Среди его соратников были индийцы, один или два кучинца, юэчжиец, хотанец и согдиец. Посольство из Кучи снабдило его в 284 г. рукописью «Авайвартикачакра-сутра». Хотанец Гитамитра привез ему экземпляр «Праджняпарамиты».

Разумеется, деятельность Дхармаракши, создавшая китайскую махаянскую классику, отражала и те процессы, которые протекали и в центральноазиатском буддизме⁷⁴. Характерно, что среди продолжателей деятельности Дхармаракши называется согдиец Кан Сэн-юань, который около 326 г. работал в Южном Китае над переводом праджняпарамитских сочинений. Среди учеников Дхармаракши упоминаются юэчжиец и, кажется, согдиец. В 281–306 гг. работал над переводами и парфянин Ань Фа-цинъ. Не был связан со своей родиной упоминавшийся выше знаменитый переводчик IV в. согдиец Кан Сэн-хуэй. Но в самом конце IV в. в Китае появился выходец из Ту-хо-ло (Тохаристана), известный под именем Дхармапандин. После путешествия по различным странам он прибыл в Китай в 384 г., пробыл там до 391 г., перевел за это время 5 трудов, а затем вновь уехал на Запад. Существенно, что он перевел очень важные разделы хинаянских священных книг⁷⁵.

По одному из подсчетов, примерно до конца существования династии Западная Цзинь, до 316 г., среди переводчиков буддийских сочинений на китайский язык было 6 или 7 китайцев, 6 человек индийского происхождения и 16 принадлежавших к разным центральноазиатским народностям (6 юэчжийцев, 4 парфянина, 3 согдийца, 2 кучинца и 1 хотанец). Разумеется, это очень примерные цифры, но их можно рассматривать как отражающие общую тенденцию⁷⁶.

Таким образом, среди миссионеров буддийского учения и переводчиков буддийских сочинений имеются выходцы из ряда среднеазиатских областей⁷⁷, что само по себе недвусмысленно свидетельствует, с одной стороны, о степени распространенности буддизма и на родине переводчиков, в Средней Азии, с другой — о решающей роли Средней (Центральной) Азии в распространении буддизма в Китае⁷⁸. В результате непрерывной и весьма напряженной переводческой деятельности к первой четверти IV в. на китайский язык было переведено свыше 1150 буддийских сочинений. С начала IV в. буддизм в Китае вступил в полосу взлета и стал одним из важнейших элементов идеологической и социально-экономической жизни.

Но буддисты, выходцы из Средней Азии, были не только в Китае, но и в Индии. В этой связи интересен следующий факт. При раскопках в Таксиле в 1914 г. был найден серебряный сосуд, в котором содержались маленький золотой реликварий

⁷⁴ Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань); *Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations...* P. 388–393; *Bagchi P. Ch. Le canon...* P. 39–44, 47–48, 83–114, 404–405; *Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 34–36, 65–79, 102–103, 202–204, 246; *Tsukamoto Zenryu. Historical Outlines of Buddhism in Tun Huang // Monumenta Serindica.* I. Kyoto, 1958. P. 6.

⁷⁵ *Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations...* P. 388–393, 404–405; *Bagchi P. Ch. Le canon...* P. 116–117, 157–160; *Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 46–55, 65–70, 202–204, 246.

⁷⁶ *Brough J. A Kharoṣṭhī Inscription...* P. 587.

⁷⁷ Однако нам не встретились указания на выходцев из Ферганы, о которых говорит А. Габэн (*Gabain A., von. Buddhistische Türkenmission // Asiatica: Festschrift Fr. Weller zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern.* Leipzig, 1954. S. 166). Нет их и в каталоге Нанджио, на который она ссылается.

⁷⁸ В первой половине IV в. продолжался приток в Китай миссионеров из Центральной Азии и Индии. Среди них упоминаются выходцы из Тохаристана и Согда (*Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 182, 202; II. P. 385).

с фрагментами костей и серебряный свиток с надписью на кхарошти. Помещение, где была сделана находка, могло быть сооружено в середине I — середине II в. н. э.⁷⁹ Надпись выполнена в 136 г. неизвестной эры, в ней содержится пожелание здоровья «великому царю, царю царей, сыну небес, кушану». Надпись касается помещения реликтов Будды в «часовню» бодхисатвы в Таксиле, владельцем которой являлся некий бактриец (*bahlikena*), резидент города Noacha (или Noachaa), который точно не локализуется (где-то в округе Таксилы или Бактра)⁸⁰. Содержание надписи показывает, что этот бактриец был представителем кушанской администрации. Таким образом, бактрийцы выступали в роли ревнителей буддийской религии и на ее родине — в Индии.

К чрезвычайно интересным результатам приводит лингвистический анализ манихейско-парфянских и манихейско-согдийских, а также тюркских буддийских текстов. Как известно, основным языком «священного писания» восточноманихейской церкви являлся среднеперсидский. Наряду с этим были и манихейско-парфянские тексты. Согдаицы переписывали их, сопровождая версией на согдийском языке. Большинство манихейских текстов на среднеазиатских языках, открытых в Восточном Туркестане, переписывалось в среде согдийских манихейских общин. Это относится и к манихейско-парфянским текстам. Парфянский язык довольно рано (видимо, уже к V в. н. э.) был вытеснен и сохранялся в восточноманихейской церкви как мертвый язык. Поэтому для подавляющей части дошедших до нас парфянско-манихейских текстов характерны бедность лексики, однообразие синтаксических конструкций и стилистических средств. Однако один из парфянско-манихейских магических текстов, найденный в Восточном Туркестане, представляет в этом отношении исключение. Он, как считает В. Б. Хеннинг, издатель и интерпретатор этого текста, был составлен там, где парфянский был живым языком манихейских общин, т. е. в самой Парфии или в областях, непосредственно с ней граничивших, где влияние парфянского языка было очень сильным и где манихейство быстро распространялось проповедниками. В этой связи В. Б. Хеннинг рассматривает вопросы распространения манихейства в Средней Азии.

Основатель среднеазиатского манихейства Мар Аммо (*Mar Ammo*) сделал парфянский язык официальным языком восточного манихейства. Известно также, что он успешно проповедовал в Нишапуре и Мерве, а затем во владении кушан, проследовал за Мерв и достиг области вблизи Балха, а может быть, даже самого Балха. Позже, в связи с распространением манихейства в среднеазиатском междуречье, парфянский язык в манихейской церкви был заменен согдийским. По предположению В. Б. Хеннинга, это могло произойти во второй половине VI в. н. э., но, по его словам, «в самой Парфии, как в Мерве и Балхе, парфянский (речь идет, как указывалось выше, лишь о языке манихейской церкви. — *Б. Л., Т. 3.*) продолжал употребляться. Об истории манихейской церкви в Мерве и Балхе мы знаем мало, но, без сомнения, там несколько столетий существовали сильные манихейские общины».

Эти данные о манихействе весьма важны для понимания обстановки, в которой происходило распространение буддизма в Средней Азии. Однако есть и другая сторона дела. Сам по себе магический текст, проанализированный В. Б. Хеннингом, является манихейским, но он обнаруживает сильное влияние литературы северного буддизма. В. Б. Хеннинг показал, что уже древнейшие парфянские манихейские тексты, поэмы, которые можно приписать самому Мар Аммо,

⁷⁹ См.: *Konow S. Kharoṣṭhī Inscription...* P. 70–71.

⁸⁰ *Ibid.* P. 74–75, 77.

содержат некоторые индийские буддийские термины. В парфянских текстах, написанных в IV в., число таких терминов постепенно увеличивается. Текст, проанализированный В. Б. Хеннингом, указывает на очень тесный контакт манихеев с буддистами в областях на границе Ирана и Индии. Этот текст должен был быть составлен, скорее всего, в VI в. в Балхе или вблизи от него⁸¹. Известно, что в манихейско-парфянских текстах встречаются такие чисто буддийские заимствованные термины, как *S'qmn bwt* — Будда Сакьямуни, *smn* — шрамана, *pybr'n* — нирвана, *buxs* — бикшу, *mytrg* — Майтрея и др. В свою очередь, в манихейско-согдийских текстах также имеются перенятые религиозные термины и представления, связанные с буддийской традицией⁸². О том, что именно согдийцы сыграли важную роль в проповеди буддийского учения как в Средней, так и в Центральной Азии, свидетельствует хотя бы тот факт, что именно из согдийского языка слово «бодхисатва» (индийское *bodhisattva*, согдийское *rwtystß*) проникло в среднеперсидский, уйгурский, китайский; через среднеперсидское посредство (*bwt'sp*) стало источником арабских *Budasaf* и *Joasaph*, западной формы Варлаама и Иоасафа⁸³. Роль согдийцев видна и из анализа тюркских буддийских текстов, найденных в Восточном Туркестане. Исследовавшая их А. Габэн отмечает: «Многие основные термины в буддизме тюрков — зороастрийского происхождения, тюрки должны были позаимствовать их на западе (т. е. в Средней Азии. — Б. Л., Т. З.) при посредничестве согдийцев». Она отрицает возможность того, что этот процесс произошел на востоке, и полагает, что он — результат контакта западных тюрков с согдийцами в Средней Азии, хотя, разумеется, нельзя исключить и роль согдийской диаспоры⁸⁴. Выше уже приводились факты, свидетельствующие о том, что на восточное манихейство наложил сильный отпечаток среднеазиатский буддийский «субстрат». Дополнительным доказательством распространения буддизма в Средней Азии служит то, что и в западном манихействе также имелись определенные, пусть и рудиментарные, отражения концепций буддизма и Будды⁸⁵: они могли возникнуть, хотя бы отчасти, при парфянском посредничестве. Таким образом, лингвистические данные свидетельствуют о глубоко укоренившейся традиции буддийской религии и о древности «буддийского фона» у таких среднеазиатских народов, как согдийцы и парфяне⁸⁶. Лингвисты считают также бесспорным, что эти факты могут связываться не только со среднеазиатскими этническими общностями, но и с территорией Средней Азии, хотя проанализированные ими тексты найдены на территории Восточного Туркестана. Все это представляется достаточно убедительным, ибо, как отметил Я. П. Асмуссен, совпадает и с историческими фактами и является достаточно логичным. Так, путь манихейства

⁸¹ Henning W. B. Two Manichaean Magical Texts // BSOAS. Vol. 12. Pt. 1. 1947. P. 49–50; *id.* Waručan-Sāh // The Journal of the Greater India Society. Vol. 11. No. 2. Calcutta, 1944. P. 87–90.

⁸² Asmussen J. P. Xuāstvānift... P. 136–147. В этой связи В. Б. Хеннинг писал: «Следует иметь в виду, что согдийцы (или, по крайней мере, большая часть этого народа), перед тем как к ним пришли манихейские проповедники, были буддистами» (Henning W. B. Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus // ZDMG. Bd. 90. Ht. 1. 1936. S. 5). Подробнее см.: Sims-Williams N. Indian Elements in Parthian and Sogdian // Sprachen der Buddhismus in Zentralasien. Wiesbaden, 1983. S. 132–141.

⁸³ Bailey H. W. The Word... P. 281–282. Ср.: Henning W. B. Sogdian Tales // BSOAS. Vol. 11. Pt. 3. 1945. P. 487. Детальное исследование этого сюжета см.: Lang D. M. The Wisdom of Balahvar: A Christian Legend of the Buddha. London; New York, 1957. P. 11–64.

⁸⁴ Gabain A., von. Buddhistische Türkenmission... S. 167–168; см. также: *ead.* Der Buddhismus... S. 501.

⁸⁵ Asmussen J. P. Xuāstvānift... P. 136.

⁸⁶ Вообще считается, что идеи буддизма в какой-то степени повлияли на философов-гностиков, были восприняты ими, а через них самим Мани. См.: Lang D. M. The Wisdom of Balahvar... P. 24.

в Восточный Туркестан пролегал через Среднюю Азию⁸⁷, которая оставалась «цитаделью» манихейства и позже⁸⁸.

Сообщения письменных источников и лингвистические данные о распространении буддизма подтверждаются изученными теперь археологическими памятниками, особенно в правобережной Бактрии. Необычайно богат ими район Термеза. В литературе имеются подробные сводки буддийских памятников, что избавляет нас от необходимости перечисления всех объектов и отдельных находок, а тем более их описания. Укажем лишь на некоторые важнейшие памятники.

В самом Термезе Б. Я. Ставиский проводит систематические раскопочные работы на пещерном буддийском монастыре кушанского времени. Это единственный в Средней Азии пещерно-наземный комплекс явно буддийского характера. В толще холмов четвертичного песчаника вырублены камеры, состоящие из центрального каменного устоя и обходного коридора. Устой обычно не монолитный — внутри его также имеется помещение. Снаружи, на примыкающей площадке, располагались наземные части монастыря, состоявшие из дворов, ступ, ниш с культовыми изображениями. Сооружения эти находились на разных уровнях⁸⁹.

Опубликована лишь часть раскопок. Согласно Б. Я. Ставискому, первая группа помещений, вытянувшаяся с юга на север почти на 60 м, включала три больших двора. Посреди одного из них — «северного» — располагалась ступа. Два других, окруженные по периметру портиками с колоннами, были связаны с храмами и святилищами: «средний» двор — с пещерным храмом П-II и наземным святилищем, которое первоначально соединяло его с «южным» двором (позднее этот проход был заложен, а само святилище замуровано); «южный» двор — с пещерным храмом П-I и небольшим наземным храмиком. Стены южных айванов «среднего» и «южного» дворов, обращенные соответственно к наземному святилищу и храму, украшала многоцветная монументальная живопись с изображениями знатных донаторов (мужчин и женщин) и сцен из жизни Будды. В западном айване «среднего» двора, между проходами в пещерный храм П-II, в большой нише помещалась первоначально крупная буддийская статуя.

Каждый из храмов имел по замкнутой центральной комнате, служившей, очевидно, святилищем, где располагались статуи и рельефы. Эти помещения были окружены обходными коридорами: четырьмя в пещерных храмах и тремя в наземном. Внутри наземного святилища (между «средним» и «южным» дворами)

⁸⁷ Asmussen J. P. Xuāstvānift... P. 136.

⁸⁸ Adam A. Manichäismus // HdO. Abt. I. Bd. 8. Abschn. 2. 1961. S. 118. Об истории манихейства на Востоке см.: Boyce M. The Manichaean Literature in Middle Iranian // HdO. Abt. I. Bd. 4. Abschn. 2. Lief. 1. 1968; *ead.* Manichaean Middle Persian Writings // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (2). Cambridge; etc., 1983. P. 1151–1165; Klimkeit H.-J. Die manichäische Königum in Zentralasien // Documenta Barbarorum. Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1983. S. 225–241; *id.* Der Manichäismus in Iran und Zentralasien // Japanische Studien zum östlichen Manichäismus. Wiesbaden, 1986. S. 3–15; Lieu S. Manichaeism in the Later Roman Empire and Medieval China. A Historical Survey. Manchester, 1985; Sundermann W. Mitteliranische manichäische Texte Kirchengeschichtlichen Inhalts // Schriften Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berliner Turfantexte. Berlin, 1981; *id.* Studien zur kirchengeschichtlichen Literatur der iranischen Manichäer, III // Altorientalische Forschungen. Bd. 14. Ht. 1. Berlin, 1987. S. 41–107; Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 508–532.

⁸⁹ Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964; Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969; Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972; Новые находки Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975; Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982; Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1996 (все эти работы вышли в серии «Материалы совместной археологической экспедиции» под ред. Б. Я. Ставиского). См.: Ветроградова В. В. Индийская эпиграфика... Список работ Б. Я. Ставиского см.: Ставиский Б. Я. Биобиблиографический указатель. М., 2001.

находилась вотивная ступа, вероятно, уменьшенный вариант ступы «северного» двора. В святилищах, очевидно, совершалось поклонение буддийским святыням, а обходные коридоры храмов предназначались для ритуала *прадакшина* — обхода этих святынь.

Как храмы, так и наземное святилище имели по небольшой комнате-келье, где жил, по-видимому, монах, обслуживавший этот или иной храм. Кроме того, над пещерным храмом П-II, образуя как бы второй этаж, но изолированно от этого храма и его двора, размещалась небольшая постройка, состоявшая из 6 или 7 комнат. Одна из этих комнат в последний период существования буддийского культового комплекса служила жильем для монаха более высокого ранга. В комнате, располагавшейся у входа в постройку, находились большой керамический сосуд, вкопанный по венчик в пол, и водоотводное устройство. Здесь, очевидно, входящие совершали омовение. Третье, самое большое помещение этой постройки — сильно вытянутая комната с высоким глинобитным возвышением у торцевой стены. Представляется вполне вероятным, что оно могло использоваться как «*катхикашала*» — помещение для бесед⁹⁰.

В процессе раскопок было открыто значительное число произведений ранне-буддийского искусства (живопись, скульптура, коропластика), архитектурных деталей и фрагментов и т. д. Особенно важны обнаруженные здесь многочисленные надписи — индийские, бактрийские, бактрийско-индийские билингвы⁹¹.

Монастырь Кара-тепа возник в I в. н. э. и существовал до III в. н. э.

Менее чем в 1 км к северо-западу от Кара-тепа открыт другой буддийский комплекс — Фаяз-тепа. Раскопки, проведенные в 1968–1976 гг. Л. И. Альбаумом, вскрыли прямоугольный комплекс (34 × 113 м), вытянутый с северо-запада на юго-восток, а также находящуюся вне сооружения ступу. Комплекс трехчастный. Центральную часть занимает квадратная храмовая часть. Она имеет прямоугольный двор, по сторонам которого находятся 20 помещений с выходом во двор. Двор окружен колонным айваном вдоль всех четырех сторон, колонны стояли на базах аттического профиля. Стены двора, защищенные айваном, были покрыты монументальной живописью. Во дворе находился водоем с каменным сливом в форме льва. Святилище располагалось в центре дальней части двора. Это квадратное помещение (6 × 6,1 м), стены которого были покрыты росписями. Главная сцена — на южной стене, где располагались две стоящие фигуры Будды. Имелись еще три персонажа. Фигуры Будд переданы почти в натуральный рост. На противоположной стене изображены фигуры семи мужских персонажей, из которых главным является центральный. У всех персонажей ноги широко расставлены, носки опущены вниз. Изображения верхней части фигур, особенно голов, не сохранились. Все персонажи одеты в кафтаны, перетянутые поясами с накладными золотыми бляшками. У фигур, расположенных с левой стороны от главной фигуры, в руках дары. На входной стене, в интерьере, по сторонам от входа размещены по две фигуры, над головой одной — надпись «Фаро». Это имя иранского божества, имевшегося в бактрийско-кушанском пантеоне. Показательно, что это божество изображено на стенах буддийского святилища. На полу обнаружены раскрашенные со следами позолоты

⁹⁰ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия... С. 187.

⁹¹ Пидаев Ш. Р., Като К. О работах узбекско-японской экспедиции на Кара-тепе в 1998 г. // ОНУ. 1999. № 9–10. С. 82–85; Пидаев Ш. Р., Като К. Новое о буддизме кушанской Бактрии // Место города Термеза в истории мировой цивилизации. Ташкент; Термез, 2001. С. 106–108; они же. Археологические исследования на буддийском центре Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 г. Самарканд, 2001. С. 114–122.

скульптуры из глины и алебаstra. В монастыре была и каменная скульптура, в частности фигура Будды, сидящего под деревом бодхи, а также блок с изображением головы грифона. Произведения искусства, особенно живопись, характеризуются ярко выраженными эллинистическими чертами, они сходны, в частности, с живописью Мирана.

Отдельный вход имела прямоугольная монастырская часть, у которой был свой двор, вокруг которого комплектовались помещения.

Третья составная комплекса — прямоугольная хозяйственная часть, где находились трапезная, кухня, хранилища и др. В составе буддийского комплекса имелся и храм священного огня.

Круглая в плане ступа, позже заключенная в квадратный футляр, находилась на одной оси со святилищем, но вне сооружения.

С комплексом Фаяз-тепа связано много произведений искусства, отсюда происходят многочисленные индийские надписи. Датировка их определяется находками на полах и в обмазке монет «Безымянного царя» и Вимы Кадфиза, т. е. монастырь был возведен, скорее всего, в I–II вв. н. э. и прекратил существование в III–IV вв. н. э.⁹²

В Термезе выявлены еще некоторые буддийские памятники, в частности огромная ступа кушанского времени, известная сейчас как «башня Зурмала». Она была сооружена из пахсы и сырцового кирпича и облицована жженым кирпичом и камнем⁹³.

Другой, не столь крупный буддийский центр, находился к востоку от Термеза, в Айртаме, также расположенном на берегу Амударьи. Здесь еще в 30-е гг. был раскопан буддийский монастырский комплекс I–II вв. н. э., который включал в себя помимо ступы «группу жилых келий, подсобно-хозяйственных помещений, род антового вестибюля и квадратную кумирню за ним, в которой располагались реликварий и вотивная скульптура Будды. Входное помещение имело гладкие стены, завершенные лентой скульптурного рельефного фриза» — знаменитого айртамского фриза⁹⁴. Как установил Б. Я. Ставиский, это был не единый фриз: каждый из пилонов по бокам прохода был украшен рядом из трех блоков фриза по внутренней стороне и одним, повернутым под прямым углом, со стороны фасада. Всего было 8 плит с рельефными изображениями. В комплекс входила также ступа. Монастырь был охвачен оборонительной стеной. На восток от этого памятника располагался второй. Здесь также имелись ступа с подквадратным постаментом и здание с фраг-

⁹² Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе... С. 53–58; он же. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 44–45; он же. Живопись Афрасиаба. С. 90–93; он же. Грифон из Фаяз-тепе // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 60–67; он же. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе) // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982. С. 56–63; он же. Живопись святилища Фаяз-тепе. С. 18–27; он же. Буддийская вихара — Фаяз-тепе // Средняя Азия и мировая цивилизация: тез. докл. Ташкент, 1992. С. 11–13.

⁹³ Стрелков А. Зурмала или Катта-тупе около Термеза // Культура Востока: сборник Музея восточных культур. Вып. 1. М., 1927. Т. 1. С. 27–30; Пугаченкова Г. А. Две ступы на юге Узбекистана // СА. 1967. № 3. С. 257–261.

⁹⁴ Массон М. Е. Находка фрагментов скульптурного карниза первых веков н. э. // Материалы Узбекского комитета по охране памятников археологии, искусства и природы. Вып. 1. Ташкент, 1933. С. 1–15; он же. Скульптура Айртама // Искусство. 1935. № 2. С. 129–134; Вязьмитина М. И. Раскопки на городище Айртам. С. 23–34; Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. С. 143–157; Тургунов Б. А. К изучению Айртама...; он же. Айртам (к проблеме античной культуры юга Узбекистана): автореф. канд. дис. Ташкент, 1974; Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 67–68; Ставиский Б. Я. Еще раз об айртамских рельефах // Мировая культура: традиции и современность. М., 1991. С. 167–171; Pugačenkova G. A. The Buddhist Monuments of Airtam // SRAA. Vol. 2 [1991/92]. 1992. P. 23–41 (с полной библиографией); Lo Muzio C. On the Musicians of the Airtam Capitals // In the Land of the Gryphons... P. 239–257.

ментами наклепных архитектурных деталей. Кроме того, в Айртаме была найдена надпись на каменном блоке, выполненная на бактрийском языке. В ней говорится о действиях важного кушанского чиновника по имени Шудья, который решил восстановить bagolaggo, т. е. «дом богов» — храм (возможно, речь велась о каком-либо из буддийских храмов Айртама⁹⁵).

Буддийское святилище было воздвигнуто на руинах городской стены Зар-тепа, причем оно было «врезано» в городскую фортификацию. Святилище вскрыто лишь частично, так что общая его планировка неясна, сохранность очень плохая. Здесь был раскопан алтарь, сложенный из каменных плит, по сторонам которого в каменных подставках были укреплены алебастровым раствором бронзовые чаши. В них, очевидно, возжигался огонь. Рядом обнаружены фрагменты глиняной скульптуры Будды, в том числе головы. Поверхность скульптуры была позолочена. Это буддийское святилище относится к позднекушанскому, может быть к посткушанскому времени, к III–IV вв. н. э.⁹⁶

На кушанском городище Дальверзин-тепа, в центре города, к северу от главной городской магистрали, Б. А. Тургунов обнаружил и проводил раскопки буддийского храма. О его структуре и архитектурных особенностях по опубликованным материалам судить еще невозможно. Центральным является помещение или, скорее, двор № 3 размером 11 × 9,5 м. На его юго-восточной стене открыта ниша, в которой найдены остатки крупной сидящей скульптуры и множество скульптурных фрагментов. Вдоль стен, очевидно на суфах или постаментах, находились скульптурная композиция и отдельные фигуры (около 30 скульптур). Видимо, были навесы, предохранявшие скульптуры от осадков, что подтверждается наличием в стенах гнезд от деревянных балочек. В нескольких помещениях находилось большое количество фрагментов глиняных, глиняно-гипсовых и гипсовых скульптур: Будды, бодхисатвы, индуистские божества, деваты, воины и др. Есть крупные скульптуры высотой до 2,5 человеческого роста и менее крупные. Все скульптуры пристенные. Часть скульптур на позднем этапе была обновлена с помощью плотного слоя гипса, который моделировал черты лица; были нанесены новые пластические детали. Стены покрывала полихромная живопись III–IV вв. н. э.

Характерно, что храм построен на развалинах жилого дома, датированного монетами Канишки. Следовательно, в конце его правления или сразу после него позиции буддизма в этом городе упрочились, община расширилась, потребовался новый храм. Его датировка — II–III вв. н. э.⁹⁷

В 400 м к северу от городской стены Дальверзин-тепа расположено загородное буддийское святилище. Оно находится на месте естественного холма. Здесь в 1967–

⁹⁵ Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме (Предварительное сообщение) // ОНУ. 1981. № 3. Фотографию фрагмента плиты с надписью см.: Древности Южного Узбекистана. Токио; Ташкент, 1991. Кат. № 23.

⁹⁶ Пилипко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 59–68; Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. Буддийские мотивы...

⁹⁷ Тургунов Б. А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе... С. 81–95; Пугаченкова Г. А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. С. 14–15; Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Новый буддийский памятник в Южном Узбекистане // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1988. М., 1989. С. 519–530; Тургунов Б. А. К вопросу об иконографии Будды и других буддийских персонажей в искусстве Северной Бактрии поры античности // Средняя Азия и мировая цивилизация: тез. докл. Ташкент, 1992. С. 141–142; Turgunov B. A. Excavations of a Buddhist Temple at Dal'verzin-tepe // EW. Vol. 42. No. 1. 1992. P. 131–153; Мкртычев Т. К., Тургунов Б. А. Дальверзин-тепе // Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 1. М., 1991. С. 123–140; Мкртычев Т. К., Русанов Д. В. Второй буддийский храм на Дальверзин-тепе. С. 75–77; Silvi Antonini C. The Dal'verzin Temple // In the Land of the Gryphons... P. 259–268.

1968 гг. Г. А. Пугаченкова и Б. А. Тургунов произвели раскопки. Святилище было частично врыто в холм, так что возвышались лессовые останцы, которые служили фундаментом. В центре находился подквадратный (8 × 7,7 м) лессовый останец — постамент ступы. К нему примыкали и его обводили помещения, связанные друг с другом. В северном прямоугольном помещении (5,5 × 1,8 м) обнаружены крупная скульптура Будды и целая серия скульптур с фигурами буддийского пантеона. Здесь же, судя по прокаленному участку пола, возжигался огонь. В западном помещении (9,9 × 2,35 м) были обнаружены скульптуры, изображавшие Будду, монахов, правителей и приближенных. И здесь возжигался огонь (в углах зала). В комплексе также имелись служебные помещения. Скульптуры выполнены в глино-гипсовой технике с тканевой прокладкой. Святилище существовало в I–III вв. н. э., затем было разрушено⁹⁸.

Прекрасный образец буддийского кушанского монастыря — это Уштур-мулло, расположенный в Кобадияне, в оазисе Шах, на берегу Амударьи (примерно в 80 км на восток от Термеза). Раскопки осуществлены Т. И. Зеймаль в 1979–1981 гг., возглавлявшей специальный отряд в составе Южнотаджикской археологической экспедиции (начальник — Б. А. Литвинский). Монастырь-сангхарам состоял из 26 помещений, расположенных по периметру большого квадратного (20,5 × 21 м) двора. В середине северного фаса, на оси здания, находилось квадратное святилище, храм с П-образным обводным коридором, обращенный широким, дверным проемом и нишей-айваном во двор. В комплексе имелся большой, площадью около 100 м, зал для собраний монастырской общины упасатхагара. В северо-восточной части монастыря располагались хозяйственные помещения. Западный, восточный и южный фаса образовывали ряды малых келий. По периметру двора шел колонный навес. Защищенные им стены двора были разрисованы сюжетной живописью. Живопись покрывала и стены святилища. Имелась также скульптура. Квадратная ступа находилась на одной оси со святилищем, но вне здания (о ней см. выше)⁹⁹.

Помимо этого, на территории Северной Бактрии сделано немало отдельных находок произведений буддийского искусства, в том числе фрагментов скульптур, много терракотовых статуэток буддийских персонажей и изображений, связанных с буддизмом¹⁰⁰.

Среди них особого внимания заслуживают произведения каменной скульптуры. В Термезе, близ упоминавшейся выше башни, ступы Зурмала, был обнаружен каменный барельеф с изображением бодхисатвы. В Термезе были найдены и другие произведения каменной скульптуры буддийского круга. Так, исследователь опубликовал крупный фрагмент небольшой статуи сидящего Будды (высота фрагмента 29 см) и часть фигурки бодхисатвы с согнутой правой рукой, держащей цветок лотоса. А. С. Стрелков в конце 20-х гг. писал о том, что статуя Будды могла быть создана под влиянием гандхарского искусства. Судя по фотографиям, А. С. Стрелков

⁹⁸ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 90–97.

⁹⁹ Зеймаль Т. И. Буддийский комплекс Уштур-Мулло // АРТ. Вып. 19. 1986. С. 186–202; она же. Буддийская ступа у Верблюжьей горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана) // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 70–78; она же. Раскопки буддийского комплекса Уштур-мулло в 1981 г. // АРТ. Вып. 21. 1988. С. 325–326; она же. Буддийский монастырь Уштур-мулло (работы 1982 г.) // АРТ. Вып. 22. 1990. С. 255–261.

¹⁰⁰ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах... С. 22–23, 145–146. Табл. XIX, XX/1; Пилипко В. Н., Масилов И. С. Буддийская статуэтка из Ак-калы (средняя Аму-Дарья) // СА. 1969. № 3. С. 247–251; Пудяев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 73–74. Рис. 3; Мешкерис В. А. Отражение индийского культового синкретизма в коропластике кушанской Бактрии // ИБМАИКСА. Вып. 11. 1986. С. 19–30.

был абсолютно прав. Будда, сидящий в позе падмасана на гладком невысоком постаменте, сверху отграниченном несколькими желобками, был в абхая-мудре: сама поза, расположение рук, характер постаamenta и особенно складок платья, прикрывающих ноги, находят полные аналогии в гандхарской скульптуре¹⁰¹. Надо отметить, что такого рода изображения Будды выступали и как центральная часть больших скульптурных или горельефных композиций.

Б. Я. Ставиский и Г. А. Пугаченкова издали замечательный термезский каменный горельеф с двухъярусной композицией буддийского содержания: крупные фигуры Будд, сидящих в позе падмасана с руками, сложенными в абхая-мудре, и сзади — коленопреклоненные и стоящие фигуры, выполненные в меньшем масштабе. Б. Я. Ставиский называет этот памятник «рельефом со сценами из жизни Будды». По Г. А. Пугаченковой, крупные фигуры — это бодхисатвы, а вся сцена трактуется как воспроизведение обращения аскетов в Бенаресском лесу. Такая трактовка по ряду соображений представляется нам неприемлемой. Скорее всего на этом горельефе отражен излюбленный в гандхарской скульптуре сюжет: визит к Будде, после его «просветления», божеств, из которых слева — коленопреклоненный Индра, справа — Брахма; имеются также божества низшего ранга. Сцена с некоторыми видоизменениями изображена дважды. Мы не исключаем также и другое предположение, а именно, что на верхней сцене изображено посещение Индрой-арфистом Будды в пещере Индрасала¹⁰².

Выше упоминалось о находках индийских надписей. Больше всего их найдено на Кара-тепе: по данным 1987 г. — около 140 фрагментов керамики, на которых имеется 90 отдельных (целых и фрагментарных) надписей. Кроме того, обнаружено 12 настенных надписей и три многоязычных. Индийские надписи выполнены на кхароштии и брахми. Свыше 30 индийских надписей принесли раскопки Фаяз-тепа. Расшифровка и публикация надписей были начаты Т. В. Греком, продолжены М. И. Воробьевой-Десятовской, В. В. Вертоградовой, а также Я. Харматтой, Х. Хумбахом, О. фон Хинюбером, В. А. Лившицем. Значительная часть надписей — votивная, есть надписи о личной принадлежности, некоторые с сентенциями — поучениями.

Надписи проливают свет на внутреннюю жизнь буддийской сангхи в Бактрии. В двух надписях упоминается khadevaka-vihara («государева вихара»), что, очевидно, являлось названием каратепинского буддийского сооружения. В другой говорится о «вихаре сына Гулавхары (Гондофара)»: скорее всего это имя правителя, может быть не названного в других надписях. Была, как будто, и oka-vihara («вихара-прибежище»).

Судя по наличию бактрийских надписей и билингв, среди монахов были местные жители — бактрийцы. Бактрийцами, безусловно, являлись местные буддисты-миряне. Монастыри получали много посвященных даяний, в качестве каковых в надписях упоминаются различные сосуды. Донаторами выступали буддийские монастырские наставники, например «превосходный проповедник дхармы» Буддхашира и другие, а также миряне, прежде всего местный государь, представители знати¹⁰³.

¹⁰¹ Стрелков А. Доисламские памятники древнего Термеза // Культура Востока: сборник Музея восточных культур. Вып. 2. М., 1928. С. 41–44. Рис. 22–23. О гандхарских аналогах см.: Ingholt H. Gandharan Art. Pl. XI/3–4, XII/3–4.

¹⁰² Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. // Кара-тепе... С. 60–61. Рис. 21; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... С. 74–76. О гандхарских аналогах см.: Ingholt H. Gandharan Art... Р. 68, 87–91 (с дополнительными библиографическими ссылками). Fig. 70–73, 129–136. Индра на fig. 134 и коленопреклоненная фигура слева, изображенная на термезском рельефе, практически идентичны.

¹⁰³ См. публикации Т. В. Грека, В. В. Вертоградовой, В. А. Лившица, Я. Харматты, Х. Хумбаха в серии, посвященной Кара-тепе, и следующие работы: Vertogradova V. V. Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown

В Термезе, судя по надписям, была распространена школа махасангхиков. Это одна из ранних буддийских школ, которая сыграла значительную роль в развитии положений, способствовавших возникновению доктрины махаяны. В одной из надписей содержится выражение: «В страданиях всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!» Как считает В. В. Вертоградова, «этот призыв, впервые встречающийся в эпиграфике, определенно указывает на концепцию mahakaguna — “великого сострадания”, засвидетельствованную уже в школе махасангхиков и развитую в махаяне»¹⁰⁴.

Благодаря работам Н. Симс-Уильямса, мы получили новые данные о распространении буддизма в посткушанское время. Среди иранских надписей Шатияла (Пакистан) есть бактрийская надпись «Почтение Будде»¹⁰⁵. Стоит также упомянуть бактрийские буддийские рукописи, датированные примерно V в. Эти тексты относятся к буддизму Чистой Земли.

Распространение буддизма в Согде отмечено таким памятником, как культовое сооружение в долине Санзара. Судя по устным сообщениям, в нем располагались крупные бронзовые статуи Будды, вокруг которых находились бронзовые же фигуры сидящих львов. Сохранившаяся фигурка льва и китайское зеркало восьмиарочного типа позволяют считать вполне вероятной датировку этого сооружения I–II вв. н. э. (как предлагал Л. И. Альбаум)¹⁰⁶.

Судя по археологическим памятникам, буддизм достиг и Хорезма. В первые века н. э., как писал С. П. Толстов, «индо-буддийское влияние [в Хорезме] отражено в появлении миниатюрных изображений индийских санктuariев — “ступ”, в чуждых хорезмийской традиции изображениях обезьян... сидящие обнаженные мужские статуэтки также вводят нас в круг буддийских образов»¹⁰⁷. Но в целом воздействие буддизма на хорезмийскую культуру было, по-видимому, незначительным¹⁰⁸.

Буддийские памятники открыты и на юго-западе Средней Азии, в Маргиане, в Мерве. В юго-восточном углу древнейшего мервского городища Гяуркала расположен буддийский памятник, состоящий из ступы и сангхарамы. Ступа представляет собой монолитную цилиндрическую башню диаметром около 10 м. Она стояла

Lettering from Kara-tepe in Old Termez // The 31st International Congress of Human Sciences in Asia and Africa. August 31 — September 7, 1983, Tokyo / Kyoto. Moscow, 1983; ead. Notes on Indian Inscriptions from Kara-tepe // Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VIth World Sanskrit Conference. October 13–20, 1984, Philadelphia, Pennsylvania. Moscow, 1984. P. 160–171; Воробьева-Десятовская М. И. Новые памятники письмом кхароштии из Термеза // ВДИ. 1974. № 1. С. 116–126; она же. Памятники письмом кхароштии и брахми из Советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 22–96; Hinüber O., von. A Brāhmī Inscription from Kara-tepe // Studies in Indo-Asian Art and Culture. 1980. P. 123–125; Вертоградова В. В. Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе // ИБМАИКСА. Вып. 13. 1987. С. 20–40; она же. Индийская эпиграфика...

¹⁰⁴ Вертоградова В. В. Некоторые проблемы... С. 24. О школе Махасангхика см.: Bareau A. Les sectes bouddhiques... P. 55–74.

¹⁰⁵ Sims-Williams N. A Bactrian Buddhist Manuscript // Buddhist Manuscripts / ed. by J. Braarvig. Vol. 1. Oslo, 2000. P. 527, 536; id. The Indian Inscriptions of Shatila // Indologica Taurinensia. Vol. 23–24. Torino, 2000. P. 275–277.

¹⁰⁶ Альбаум Л. И. Буддийский храм в долине Санзара // ДАНУзССР. 1955. № 8. С. 57–60. Рис. 1–3. Сомнения Б. Я. Ставиского в этой датировке (Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим. С. 175–176) неосновательны, а предложенная им альтернативная датировка — VII–VIII вв. (Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии: из итогов раскопок Кара-тепе — буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе // Доклады по этнографии. Географическое общество СССР. Отдел этнографии. Вып. 1 (4). Л., 1965. С. 28) — совершенно невероятна.

¹⁰⁷ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 160; Ставиский Б. Я. Средняя Азия... С. 176. Илл. 24.

¹⁰⁸ Массон В. М. Хорезм и Кушаны // ЭВ. Вып. 17. 1966. С. 83.

на квадратном постаменте-платформе (13,3 × 13 м), имевшей высоту 3,5 м. Главным фасадом был северный. С севера на платформу вела декоративная парадная лестница длиной 6,3 м. Предполагается также наличие пандусного подъема с двух сторон (у основания и на уровне платформы). Лестница была фланкирована колоннами. Верхние имели диаметр 2,6 и 1,6 м и находились на расстоянии 5,6 м друг от друга. На колоннах уцелели остатки резного штука. Боковая стенка лестницы и стенки платформы сохранили остатки полихромной живописи. Перед лестницей на специальном постаменте находилась огромная статуя Будды.

Сооружение пережило четыре периода. Первоначально ступа была сравнительно небольшой — диаметром около 4, высотой 3,4 м. В кладке применялся жженный и сырцовый кирпич (42–45 × 42–45 × 10–12 см). Платформа впоследствии дала просадку, и в трещине найдены монеты Шапура II (309–379 гг.). Керамика из кладок, попавшая, очевидно, при замесе глины из окружающего культурного слоя, относится ко II в. до н. э. — II в. н. э. Строительство ступы, следовательно, началось не ранее второй половины III в. н. э. Позже был сооружен контрфорс из сырца 40 × 40 × 10 м.

Во втором периоде барабан ступы был взят в футляр, увеличился в диаметре, но не в высоте. Была расширена и повышена платформа, башня ступы была взята в футляр, и ее диаметр достиг 6,8 м, вокруг башни был сооружен коридор. В этом периоде также ремонтировался западный фас пандуса, был возведен контрфорс. Перестраивалась купольная часть первоначальной ступы. Купол становится овальным, его высота составила 6 м от уровня первоначальной платформы.

В третьем периоде на северном фасае сооружается декоративная лестница с огромной фигурой Будды на постаменте перед ее основанием. Платформа была повышена на 1,5 м, основание первоначальной ступы оказалось замурованным. Башня ступы была взята в новый футляр, ее размеры увеличились. Купол ее стал полусферическим, облицованным алебастровой штукатуркой. В основание лестницы были поставлены две колонны.

В четвертом периоде на руинах старой ступы производится капитальная перестройка: поднимается платформа, перестраивается ступа. Перестройку датируют монеты Шапура II (309–379) и Кавада (488–531). У основания лестницы была замурована ваза с уникальными живописными сценами, в которой находились буддийские рукописи (о них ниже). Рядом также была заделана голова глиняной статуи, разрушенной в то время. Здесь же был замурован керамический реликварий-урна, установленный на площадке из жженных кирпичей. Над урной, в специальной нише, находились 7 глиняных таблесток с изображениями сидящего Будды и других персонажей, а также индийские надписи. Этот период, как и гибель ступы, относится к VI в.

Как писал изучавший статую Будды (от которой сохранилась лишь голова) Г. А. Кошеленко, она (высота 0,75, ширина 0,35–0,50 м) также пострадала. «Имеются свидетельства нескольких подновлений скульптуры, первоначально она была окрашена в розовый, затем в желтый и, наконец, красный цвет. При всех перекрашиваниях глаза всегда оставались голубыми, брови коричневыми, губы ярко-красными, волосы — синими. Хотя пропорции головы довольно вытянутые, в целом она производит впечатление тяжеловесности (из-за широкой нижней части)». По мнению Г. А. Кошеленко, голова может датироваться временем около 300 г. н. э. Г. А. Пугаченкова относит голову к периоду сооружения комплекса. Она предполагает, что стоящая или лежащая фигура Будды с этой головой находилась в одном из помещений сангхарамы.

В 4–5 м к югу от ступы расположено здание сангхарамы. Она занимала площадь около 140 м с несколькими десятками помещений (вскрыто 32). Прослежено члене-

ние на монастырскую и храмовую части. Найдены сасанидские монеты V–VI вв. Первоначальное ядро сангхарамы было небольшим. Во второй период она возводится по единому плану с центральным двором, вокруг которого группировались помещения: к западу — храмовая часть, к востоку — монастырская, в юго-западном углу — хозяйственная часть. В монастырской было 8 помещений с нишами. Частая находка — светильники. Центром храмовой части было помещение XVII (5,8 × 5,8 м) с входом, обращенным к ступе. С трех сторон помещение имеет обводные коридоры, стены которых первоначально были покрыты живописью. Храмовая часть была ограждена мощными стенами, помещения украшены лепниной, живописью и скульптурой.

Проблема датировки комплекса вызвала большие колебания у изучавших ее ученых. Поначалу считалось, что возведение комплекса относится ко второй половине I — II в. н. э. Вскоре Б. А. Литвинский сделал предположение, что скульптура должна быть более поздней. Затем специалистами, изучавшими ступу, было высказано мнение, что возведение комплекса датируется IV–V или V в. н. э. Комплекс перестал функционировать в VI в. н. э.¹⁰⁹

Именно в это время была возведена другая ступа. Она однотипна с первой, но сохранилась значительно хуже. Состоит из квадратной платформы 15,4 × 16,6 м, высота которой меньше, чем у первой. Платформа сложена из квадратных кирпичей 40 × 40 × 12 см. На ней возвышалась цилиндрическая башня диаметром около 11 м. Здесь же был найден глиняный сосуд, в котором находились четыре каменные статуэтки и одна фигурка из слоновой кости, а также несколько монет Хосрова I Ануширвана (531–539) и листы буддийской рукописи¹¹⁰.

В ходе раскопок в Старом Мерве было обнаружено множество произведений искусства, включая гандхарские каменные скульптуры, памятники, буддийские рукописи и др. Свои ценные наблюдения по поводу них высказал итальянский ученый П. Кальери; памятники письменности изучала М. И. Воробьева-Десятовская¹¹¹.

Недавно проблеме буддийской общины в Мерве посвятил специальную работу Б. Я. Ставиский. Дав обзор уже известных буддийских археологических материалов из Старого Мерва, исследователь сосредоточил свое внимание на вопросе о проникновении буддизма в Мерв, Маргиану, Иран. Он почему-то полагает, что высказанные М. Е. Массоном, Г. А. Кошеленко и Б. А. Литвинским соображения на этот счет целиком зависели от намеченной первоначально, довольно ранней, датировки первой буддийской ступы в Мерве и перенос этой даты на более позднее время,

¹⁰⁹ Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. // ИАНТуркмССРСОН. 1963. № 3. С. 51–56; Кошеленко Г. А. Скульптура Парфии. С. 95–96; он же. Уникальная ваза из Мерва // ВДИ. 1966. № 1. С. 92–105; Koshelenko G. A. The Beginning of Buddhism... P. 175–178; Кошеленко Г. А. Родина Парфии. М., 1977; Усманова З. И. Буддийский памятник в Мерве // Сборник научных трудов Ташкентского гос. университета. Вып. 533. Ташкент, 1977. С. 12–22; Кошеленко Г. А. Исследование буддийских памятников в Мерве // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984. С. 137–141; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 234–235; Пугаченкова Г. А., Усманова З. И. Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва // ВДИ. 1994. № 1. С. 142–171; Pugačenkova G. A., Usmanova Z. I. Buddhist Monuments in Merv // In the Land of the Gryphons... P. 51–81; Callieri P. Hephthalites in Margiana? New Evidence from the Buddhist Relics in Merv // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma, 1996. P. 391–421; Кошеленко Г. А. О новейшей работе... С. 206–208.

¹¹⁰ Ртвеладзе Э. В. Новый буддийский памятник в Старом Мерве // ТЮТАКЭ. Т. 15. 1974. С. 231–235; Кошеленко Г. А. Родина парфян. М., 1977. С. 110–112.

¹¹¹ Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмам кхорашти... С. 69–85; Callieri P. Hephthalites in Margiana?

по его мнению, заставляет пересмотреть всю историю буддийской общины в Мерве. Он считает, что появление «буддийской общины в Мерве следует относить к кушано-сасанидскому времени, когда власть сасанидского Ирана распространилась на Бактрию-Тохаристан, где буддизм пустил крепкие корни еще одним-полтора столетиями раньше — во время расцвета Кушанской державы. Скорее всего, буддисты в сасанидском Мерве появились именно из Тохаристана¹¹². Все это заключение выглядит абсолютно неубедительным. Сведения письменных источников (китайских и цейлонских) остаются действовать. Что же касается археологических памятников, то может ли Б. Я. Ставиский заверить, что в самое ближайшее время или в будущем более ранние памятники в Мерве и в его округе не будут найдены? Лишь после вскрытия всей территории памятников (а до этого нужны гигантские работы!) можно будет что-либо утверждать, опираясь на «отсутствие». Сейчас же это абсолютно некорректно.

Чем объясняется столь широкое распространение буддизма в Средней Азии в первые века н. э.? Это очень сложная проблема, для решения которой мы еще не располагаем достаточными данными. Нам уже приходилось отмечать, что южные области Средней Азии и Северная Индия начиная с эпохи Ахеменидов нередко и на длительное время входили в одни и те же государственные образования, между этими областями устанавливались довольно тесные экономические, культурные и религиозные связи¹¹³. Именно в таком контексте, а не как изолированный феномен следует рассматривать и проникновение буддизма. Однако широкое распространение его в Средней Азии могло иметь место лишь в том случае, если он по своему характеру соответствовал определенным потребностям среднеазиатского общества. Как известно, вопросы истории и эволюции раннего буддизма разработаны еще недостаточно. В советской и зарубежной литературе существуют разноречивые определения характера раннего буддизма, оценки его социальной роли в индийском обществе.

Чрезвычайно интересен, хотя и не во всем бесспорен, анализ раннего буддизма, проведенный индийским историком Д. Чаттопадхья. Он считает, что Будда (и ранний буддизм) предлагал народу «иллюзию свободы, равенства и братства, которые, как неизбежный результат законов социального прогресса, попирались и подрывались в действительности. Именно в этом величие и в то же время ограниченность раннего буддизма»¹¹⁴. Анализируя известные данные, Д. Чаттопадхья и немецкий индолог В. Рубен пришли к выводу, что древнейшие буддийские общины стремились воспроизвести многие черты родоплеменной организации. Разумеется, сходство было иллюзорным. Сангха могла стремиться к изоляции от наполненного социальными противоречиями общества, но создание этого искусственного обособленного «микросома» отнюдь не меняло существа общества в целом¹¹⁵. Известное буддийское положение, сравнивающее сангху, в которой уничтожены все кастовые различия, с океаном, в котором теряется всякое различие между водой каждой из пяти великих рек, в него впадающих, как показывают конкретные факты из истории

¹¹² Ставиский Б. Я. О буддийской общине в Мерве // Культура Востока: проблемы и памятники. СПб., 1992. С. 73–76.

¹¹³ См.: Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М., 1964. С. 158; он же. Древние связи Индии...; он же. Индийский фактор...

¹¹⁴ Чаттопадхья Д. Локаята Даршана. М., 1961. С. 506.

¹¹⁵ Там же. С. 523 сл.; Ruben W. Die Philosophie Buddhas // История и культура древней Индии (к XXVI Международному конгрессу востоковедов). М., 1963. С. 245–246. Несмотря на оговорки, по существу к этой точке зрения примыкают и некоторые другие авторы. См., например: Dutt S. Buddhist Monks... Р. 86–87.

индийского буддизма¹¹⁶, было лишь декорацией, но оно свидетельствовало о демократической струе в буддизме. Она существовала и в раннем буддизме первых веков н. э. Учителю Канишки, известному Ашвагхоше, приписываются слова о равенстве всех человеческих существ¹¹⁷.

Не исключено, что именно в этом следует видеть одну из главных причин широкого распространения буддизма в Средней и Центральной Азии. Здесь были очень сильны родоплеменные традиции, а во многих местах — и родоплеменной быт, и именно «уравнительные» стороны буддийской сангхи, умело маскировавшие ее подлинную сущность, привлекали широкие массы населения Средней Азии. Разумеется, здесь никак не следует преувеличивать. С самого возникновения и особенно в первые века н. э. верхушка буддийской сангхи вполне сознательно и целеустремленно адресовалась к правящему классу, к центральным и местным властям, убеждая их помогать сангхе и способствовать распространению буддийского учения или хотя бы проявлять веротерпимость¹¹⁸. На Цейлоне, например, со II–III вв. буддийским общинам дарились водоемы, каналы, поля и даже права на сбор налогов с полей¹¹⁹. В Китае же с конца III в. многие представители аристократии «становились патронами [буддийской церкви], основывая монастыри и храмы, снабжали сангхи деньгами, пищей, строительными материалами, статуями и различными объектами культа; иногда они оплачивали переводы священных текстов»¹²⁰. Однако сами представители господствующих классов не часто становились монахами, а довольствовались ролью благочестивых мирян. Иногда правители и высшие чиновники использовали буддийских монахов в качестве советников в светских делах. В Средней Азии этот процесс мог иметь место уже в кушанскую эпоху.

Разумеется, в деле распространения буддизма в Средней Азии могли сыграть положительную роль и многие другие факторы. Серьезное значение имели удивительная приспособляемость буддизма к местным условиям и включение в него некоторых среднеазиатских культов — свойства, в отношении которых в Средней Азии с буддизмом могло соперничать лишь манихейство¹²¹.

Выше мы уже писали, что проникновение буддизма в Среднюю Азию повлекло за собой распространение последнего и за ее пределами — в Восточном Туркестане и в Китае¹²². В разных по характеру китайских источниках распространение

¹¹⁶ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 9.

¹¹⁷ См.: Krishna K. Political and social thought of the Buddhist writers of the early Christian era (a study of the movement of protest against caste system from the 2nd century A. D. to the 5th century A. D.). Vijayawada, 1960. P. 12, 16, 17.

¹¹⁸ Г. Ольденберг пишет: «...фактический состав кружка учеников Будды и вообще состав древней общины отнюдь не соответствует теории о равноправии всех»; в буддизме «оставалась решительная склонность к аристократии» (Ольденберг Г. Будда: его жизнь, учение и община. М., 1898. С. 150).

¹¹⁹ Семка Е. С. Система управления древних монастырей Цейлона по материалам сингальской эпиграфики // Индия в древности. М., 1964. С. 248.

¹²⁰ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 173–175. Большое денежное дарение как плата за переписывание священных текстов упоминается в одном китайском документе в коллекции А. Стейна (документ происходит из Восточного Туркестана и датируется 531 г.). Giles L. Dated Chinese Manuscripts in the Stein Collection // BSOS. Vol. 7. Pt. 4. 1935. P. 829.

¹²¹ См.: Asmussen J. P. Xuāstvánīft... P. 11; Henning W. B. The Murder of the Magi // JRAS. 1944. P. 136–137; id. Two Manichaeans... P. 39.

¹²² Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 22–23; см. также: Литвинский Б. А. Буддизм // Восточный Туркестан... С. 441–442; Brough J. Comments on the Third-Century... P. 63, 586–590; Daffinà P. Sulla più antica diffusione... P. 190–191. Другой путь распространения буддизма в Восточный Туркестан шел из Северной Индии в южные оазисы, в частности Хотан. Именно там найдена переписанная в I или II в. рукопись буддийского канонического текста «Дхармапады». Следовательно, в это время и на юге страны

буддизма в Китае связывается с государством юэчжи, т. е. с Кушанской империей. Из Средней Азии на восток, в оазисы Восточного Туркестана и Китая, шел поток буддийских идей, вероучения, философии, который сопровождался распространением многих светских элементов, даже пластов индийской и среднеазиатской духовной и материальной культуры. В этом процессе свое место занимает и буддийская культовая архитектура¹²³. Учитывая даты проникновения буддизма в Восточный Туркестан и Китай, следует полагать, что буддийские культовые сооружения могли реально появиться там не ранее второй половины II в. н. э. или уже в III в.

В непосредственной близости от Восточного Туркестана, к востоку от него, находится буддийский пещерный комплекс Дуньхуана, где по подсчету 1951 г. было 469, а по подсчету 1957 г. — 480 пещер; по данным Дуньхуанского института, культурных памятников, относящихся к началу 80-х гг., было выявлено 492 пещерных комплекса¹²⁴.

В датированной 698 г. надписи на стене перед одной из пещер Дуньхуана сообщается, что в 366 г. шамана Ло-Цзунь, пройдя леса и долины, «достиг этой горы. Внезапно ему явилось видение в вспышке сверкающего золота, что здесь — тысяча будд... И [Ло-Цзунь] построил пещеру. Затем сюда с востока пришел знаток дхьяни по имени Fa-liang. Он, в свою очередь, построил рядом с пещерой Ло-Цзуня другое сооружение. Устройство санхарамы связано с этими двумя монахами». Далее говорится о должностном лице, о некоем Wang, дуньхуанском уроженце, который продолжил эту работу. «В последующее время все жители этой области, один за другим, устраивали сооружения». «Если оценивать время, — сообщается в надписи, — с тех пор прошло примерно четыре столетия, и, если пересчитать жилища в пещерах, их наберется там более тысячи»¹²⁵. Нет причин, пишет А. Стейн¹²⁶, сомневаться в этом. В источниках приводятся и другие даты начала сооружения пещер в Дуньхуане: 353 и 362 гг. н. э. Есть данные, что аристократы, в том числе и очень крупные, в эпоху Северных Вэй устраивали в Дуньхуане пещерные буддийские монастыри¹²⁷.

уже существовали буддийские общины: The Gāndhārī Dharmapada / ed. with an introd. and comment. by J. Brough. London; New York, 1962; Литвинский Б. А. Буддизм... С. 445–446, 451–452.

¹²³ Sickman L., Soper A. The Art and Architecture of China. 2nd ed. London, 1980. P. 228.

¹²⁴ Дуньхуану посвящена обширная литература. Его описывали С. Мизуно и Т. Нагахиро (Mizuno S., Nagahiro T. Yun-kang: The Buddhist Cave-Temples of the Fifth Century A. D. in North China. Detailed Report of the Archaeological Survey Carried out by the Mission of the Tohobunka Kenkyusho 1938–1945. 6. Kyoto, 1951. P. 110–112). См. работы, относящиеся к данной теме, на русском языке: Дьяконова Н. В. Буддийские памятники Дуньхуана // ТОВЭ. Т. 4. 1947. С. 445–470. Старые японские, китайские и западные (менее подробные) работы разбирают Т. Акияма и С. Матсубара: Akiyama T., Matsubara S. Arts of China: Buddhist Cave-Temples. New Researches. Tokyo, 1969. Существуют серии, которые издает Институт изучения искусства Дуньхуана, см., например: Art Treasures of Dunhuang (compiled by Dunhuang Institute of Cultural Relics). Hong Kong, 1983. P. 1–254. Японские и западные издания (в том числе многотомные) кажутся более подробными. См., например: Whitfield R. Dunhuang. London, 1995; Whitfield R., Whitfield S., Agnew N. Cave Temples of Mogao: Art and History on the Silk Road. Los Angeles, 2000. Об истории Дуньхуана см., например: Сугиевский Л. Т. Touen-Houang du VIII-e au X-e siècle // Hautes études orientales. 17. Genève, 1981. P. 1–56. См. также: Меньшиков Л. Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. Вып. 4. СПб., 1993. С. 322–324; Литвинский Б. А. Архитектура и строительное дело... С. 70–74; Juliano A. L. Buddhist Art in North China // Monks and Merchants. Silk Road Treasures from Northwest China. Gansu and Ningxia, 4th–7th century / ed. by A. L. Juliano, J. A. Lemer. New York, 2001. P. 119–122.

¹²⁵ Chavannes E. Dix inscriptions chinoises de l'Asie Centrale d'après les estampages de M. Ch.-E. Bonin // Extrait des mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1re série. T. 11. Pt. 2. Paris, 1902. P. 59.

¹²⁶ Stein A. Serindia... Vol. 3. P. 789.

¹²⁷ Mizuno S., Nagahiro T. Yun-kang... P. 111–112; Pelliot P., Haneda T. Tonkō-isha (Manuscripts de Touen-houang conservées à la Bibliothèque Nationale de Paris). Kyoto, 1926. P. 1.

1

2

Табл. 1. Фрагменты живописи из помещения I Аджина-тепа:
1 — голова с нимбом; 2 — женская голова

Табл. 2. Фрагмент композиции «1000 Будд» на росписи свода коридора XXVII Аджина-тепа

Табл. 3. Фрагменты росписей свода из помещения XXVIII Аджина-тепа с изображениями сидящего Будды

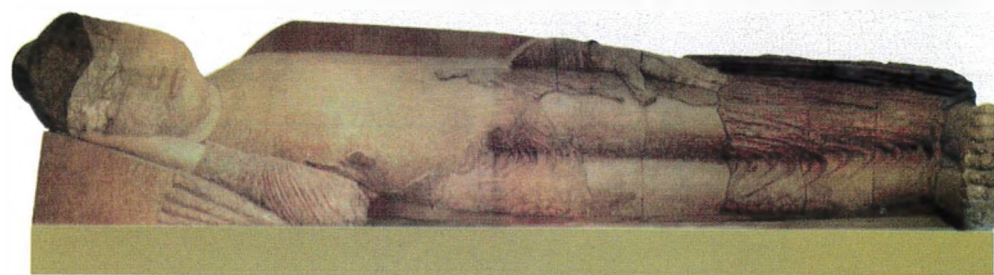

Табл. 4. Фрагмент росписи с дароносцами из прохода в помещение XXXI
Аджина-тепа

Табл. 5. Реконструкция вида помещения XXXI из коридора XXVII Аджина-тепа,
выполненная В. С. Терениным

1

2

Табл. 6. Памятники искусства из Аджина-тепа: 1 — монументальная скульптура Будды в нирване из помещения XXIII на экспозиции Национального музея древностей Таджикистана, г. Душанбе (реконструкция В. А. Фоминых из Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург); 2 — фрагмент живописи с изображением голых ступней ног Будды (?) из северного угла двора ступы

1

2

3

4

Табл. 7. Скульптура из Аджина-тепа: 1 — голова Будды (?) из помещения I; 2 — фрагмент фриза с изображением сидящего Будды из помещения XXXI; 3 — голова светского персонажа из помещения I; 4 — голова божества (деваты) из помещения I

Табл. 8. Скульптура из Аджина-тепа: 1 — голова Будды с ушнишей из помещения I;
2 — т. н. «синяя голова» светского персонажа из помещения I;
3 — голова Будды из помещения XXXIV; 4 — голова бодхисатвы из помещения I

Табл. 9. Скульптура из коридора XXII Аджина-тепа: 1 — голова Кашьяпы (?);
2 — фрагменты фигуры в монашеском одеянии; 3 — голова Будды

Табл. 10. Скульптура коридора XXV Аджина-тепа: 1 — торс бодхисатвы; 2 — голова Будды; 3 — голова Будды (?)

Табл. 11. Скульптура из Аджина-тепа: 1 — фигура божества из помещения XXXIV; 2 — голова воина-брахмана из коридора XXVII; 3 — голова монаха из помещения XXXIV

Табл. 12. Скульптура из помещения XXXIV Аджина-тепа: 1 — голова Будды;
2 — женская голова; 3 — голова божественного (?) персонажа;
4 — голова светского персонажа

Табл. 13. Скульптура из помещения XXXIV Аджина-тепа: 1 — изображение черепа;
2 — женская (?) голова; 3 — фрагмент фигуры Будды (или бодхисатвы),
который сидит на постаменте, декорированном изображениями цветов лотоса;
4 — голова мифического (?) персонажа

Табл. 14. Скульптура из Аджина-тепа: 1 — женская голова из завала во дворе ступы;
2 — женская голова из помещения XXXIV;
3 — голова Будды из помещения I; 4 — голова Будды из помещения XXVIa

Табл. 15. Элементы скульптурного декора из Аджина-тепа: 1 — фрагмент орнаментального фриза с изображением фазана из помещения XXXIV; 2 — фрагмент прически из помещения XII; 3 — фрагменты рельефных украшений из коридора XXV; 4 — розетка-медальон с изображением лотоса из помещения I

Табл. 16. Элементы скульптурного декора из Аджина-тепа: 1 — фрагменты складчатых одежд сидящего Будды из помещения I; 2 — фрагменты арки-нимба вокруг фигуры сидящего Будды из помещения I; 3 — фрагменты рельефного фриза из помещения XXXIV

Возникновение и функционирование буддийского культового комплекса в Дуньхуане не было изолированным явлением. Как показали археологические исследования, на севере Китая был целый пояс пещерных буддийских монастырей. Они обнаружены в провинциях Ганьсу, Шэньси, Сычуань, Хэнань, Шаньси, Хэбэй, Шаньдун, Ляонин. На крайнем западе в Дуньхуане (Ганьсу) располагалась «Пещера тысячи будд», на крайнем востоке — пещеры Тошань (Tuoshan) и Юнь-мэньшань (Шаньдун) (Yanmenshan), на севере — пещеры Ваньфотан. Эпоха строительства пещерных монастырей начинается комплексом Дуньхуана (середина — третья четверть IV в.). Однако наиболее ранние из обнаруженных пещер датируются лишь серединой — третьей четвертью V в. н. э. Затем следует Майцзишань (Ганьсу) (Maijishan), где пещерный монастырь существовал, по крайней мере, уже в начале V в., Пинлинши (Ганьсу) (Pinglingshi), где для наиболее ранней пещеры (169), датированной надписью 420 г., была использована огромная естественная каверна. Пещеры I–XX Юнгана были сооружены в период между 460–494 гг. В Лонгмене (Хэнань) первые пещеры и ниши были вырыты в 495 г. В VI в. культовое пещерное строительство приобретает широкий размах на всем пространстве Северного Китая и ведется, хотя и с перерывами, очень интенсивно. Основываются новые монастыри, расширяются старые. Эта деятельность продолжается и в первой половине танского периода. С середины VIII в. пещерное строительство, за исключением Дуньхуана, резко сокращается и даже прекращается. Есть некоторые данные и о динамике строительства пещерных комплексов. Так, в Дуньхуане из 469 пещер 22 принадлежат эпохе вэйских династий (386–556), 96 — суйской династии (581–618), 202 — танской (618–907), остальные — более поздние¹²⁸.

Учитывая сказанное, следует, как нам кажется, время возникновения первых пещерных монастырей в Восточном Туркестане определить промежуток от второй половины II в. н. э. (время основательного распространения буддизма в Китае) до середины IV в. (период сооружения первой пещеры в Дуньхуане), скорее всего III — серединой IV в. н. э. Однако конкретно датировать наиболее ранние пещеры мы пока не в состоянии. Для установления хронологии полезно попытаться суммировать имеющиеся эпиграфические материалы и иконографические соображения относительно настенных рисунков в пещерах Восточного Туркестана.

На живописи иногда имеются синхронные ей надписи. Так, в «Пещере художника» (Мингой у Кизыла) есть подпись, выполненная письмом брахми: «читракара тутукасия» («[картина] художника Тутука»). Палеография надписи указывает на время — около 500 г. н. э. Другая надпись происходит из «Пещеры с красным куполом» и связана с изображением правителя Кучи и его супруги. Читается титулы обоих, имя же сохранилось лишь женское — Swayamprabha. Из письменных источников устанавливается, что она жила скорее всего около 600 г. н. э.¹²⁹ Это дает отправные точки для датировки стилей I и II (по классификации А. Грюнведела) настенной живописи из пещер. Живопись из «Пещеры художника» относится к стилю I, а Э. Вальдшмидт датирует живопись этого стиля временем около 500 г. Живопись «Пещеры с красным куполом» относится к стилю II, причем ранней группы. Э. Вальдшмидт датирует эту группу временем около 600 г., среднюю группу стиля II — 600–650 гг., третью — временем после 650 г. Еще позже датируется стиль III.

Э. Вальдшмидт свел в таблицу данные о местонахождении памятников настенной живописи стилей I и II¹³⁰. Эти данные с определенной осторожностью можно

¹²⁸ Mizuno S., Nagahiro T. Yun-kang... P. 109–140.

¹²⁹ Lüders H. Weitere Beiträge zur Geschichte und Geographie Ostturkestans // SPAW. 1930. S. 28–29.

¹³⁰ Waldschmidt E. Beschreibender Text // Le Coq A., von, Waldschmidt E. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. T. VII: Neue Bildwerke 3. Graz, 1975. S. 29.

использовать для выделения наиболее ранних пещер. К их числу могут относиться: «Пещера художника», «Пещера с изображением гиппокампа», «Пещера с изображением павлинов», «Пещера с подновленной живописью», «Пещера статуй», «Пещера моряков», «Пещера сокровища» (все — в Мингой у Кизыла) и вторая пещера с куполом (второе ущелье у Кумтуры). Они могли быть сооружены самое позднее в V–VI вв.¹³¹ Сопоставление восточнотуркестанской живописи с хронологической шкалой согдийской живописи (разработанной весьма детально) привело А. М. Беленицкого и Б. И. Маршака к заключению, что росписи «Пещеры художника» и пещеры 15 Кумтуры должны относиться к V — началу VI в.¹³²

К числу пещер с живописью стиля II относятся такие, как «Пещера с красным куполом», «Чертова пещера», «Пещера с лестницей», «Пещера с изображением музыкантов», «Пещера с изображением шестнадцати меченосцев», «Пещера с камином», «Пещера с изображением Кашьяпы», «Пещера с изображением голубей, несущих венки», «Третья с краю пещера» и др. (все — в Мингой у Кизыла); пещеры 19, 22, 23 и др. (Кумтура); «Пещера с изображением всадников» (Кириш) и др. Они могли быть сооружены в конце VI — VII вв. (не позже). К VIII–IX вв., судя по живописи, относятся некоторые пещеры Кумтуры («Пещера с изображением апсар» и др.) и Шорчука (пещеры VII, XIII и др.); к VIII–X вв. — пещеры Безеклика.¹³³

Китайский ученый Янь Мэньжу (Menzu) предложил четырехчленную схему хронологического деления пещерных комплексов и происходящей из них живописи, причем наиболее ранние датировал III–IV вв. Однако известные сейчас памятники искусства из восточнотуркестанских комплексов не могут на самом деле относиться к столь раннему времени.

С проблемами хронологии тесно связан вопрос о генезисе и распространении восточнотуркестанских пещерных монастырей, который уже ставился исследователями. «Происхождение идеи высекать буддийский храм в камне необходимо искать в Индии. Оттуда она, вместе с необходимым для этого принесенным с запада искусством обработки хрупкого материала, проникла в Бактрию (Афганистан). Мы убеждены, что непосредственные прототипы пещерных монастырских комплексов Восточного Туркестана следует искать главным образом в Бактрии (меньше — в самой Индии)»¹³⁴, — писал А. Леккок.

К этому вопросу обращались практически все ученые, занимавшиеся пещерными монастырями Восточного Туркестана и Северного Китая. Так, например, японские исследователи С. Мизуно и Т. Нагарихо в пещерах Юнгана (Yangang) находят следы опосредованного влияния индийского искусства, пути которого простирались через Афганистан, Туркестан, Дуньхуан, а также его прямого воздействия.¹³⁵ Их поддерживает А. Л. Джулиано: «Подобно самому буддизму, идея вырубать пещеры в наземных скалах пришла в Китай из Индии. Длинная цепь пещерных памятников простирается от Индии через пустынные оазисы Бамиана,

¹³¹ На основании анализа композиции и расположения частей декоративного убранства высказывалось мнение, что в эту группу должна быть включена «Пещера с изображением обезьян» (Мингой у Кизыла), см.: Soper A. Literary Evidence... P. 229. К той же группе относят «Пещеру с изображением павлина». Более поздняя датировка для этих пещер — VI–VII вв. — предложена Б. Роулендом, хотя он же датирует их временем «примерно от 500 до 600 гг. н. э.» (Rowland B. The Art of Central Asia. New York, 1974. P. 155 sq.).

¹³² Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // УСА. Вып. 4. 1979. С. 36.

¹³³ Bussagli M. Die Malerei in Zentralasien. Geneva, 1963. S. 90–94, 101–107.

¹³⁴ Le Coq A., von. Die buddhistische Spätantike... III. S. 10.

¹³⁵ Mizuno S., Nagahiro T. Yun-kang... P. 88–89.

Кучи и Турфана до северо-западного Китая, где первым был сооружен пещерный монастырь в Дуньхуане...»¹³⁶

Об индийских прототипах пещерных монастырей Центральной Азии пишет и А. Габайн¹³⁷.

Нельзя, однако, не заметить, что все эти утверждения носят слишком общий характер. Попытаемся привлечь более конкретный материал. Традиция пещерной архитектуры развилась в Индии в период Маурьев, в Магадхе и вблизи от нее, т. е. в современном Бихаре. В последующие столетия традиция высекать сооружения в скалах распространилась по трем главным направлениям: южнее Магадхи, через ОриССу до побережья современной Андры; с буддийскими миссионерами, но в сильно ослабленной форме — на юг полуострова и на Цейлон; сквозь Декан, на западе до Саураштры. Эта третья группа количественно и стилистически наиболее важная. Таким образом, пещерные монастыри появляются уже в середине III в. до н. э. при Ашоке. Ранний период их истории, период окончательного сложения принципов пещерной архитектуры, приходится примерно на время от 120 г. до н. э. до 200 г. н. э. Ранние буддийские монастыри простираются от Карадха на юге до Аджанты и Питалкхоры на севере, вплоть до Саураштры на западе. Выявлено 12 ранних пещерных монастырей, в отдельных монастырях было от 4 до 12 пещер, общее количество обнаруженных пещер — около тысячи. Они вырублены в базальтовых породах горных цепей Декана. Это породы, в которых чередуются твердые и мягкие слои, поэтому они очень удобны для устройства пещер. Важно также отметить, что ранние пещерные монастыри расположены вдоль древних торговых путей, связывающих порты с крупными материковыми городами.

Ранние пещерные сооружения Западной Индии были буддийскими монастырями. Каждый монастырь состоял из одной или нескольких чайтья — святилищ и нескольких вихара — помещений для проживания монахов. Наиболее ранние чайтья (ок. 250 г. до н. э.) — это пещерные монастыри Судама и Ломаса Риши в Барабарских горах в Бихаре. Они состояли из прямоугольной камеры, в которой могли собираться верующие, и маленькой круглой купольной камеры, вход в которую был в одном из торцов. Предполагают, что там, как и в поздних сооружениях такого типа, помещалась круглая в плане ступа¹³⁸. В дальнейшем главное помещение чайтья приобрело вытянуто-апсидальную форму с круглой ступой и округлым торцом на противоположной от входа стороне. По периметру зала, исключая входную сторону, шел ряд колонн, огибавших ступу. План в результате стал трехнефным, образовался своего рода обходной коридор для выполнения церемоний — pradaksina. Вокруг центрального зала иногда группировались связанные с ним проемами небольшие целлы¹³⁹.

Затем, уже во II в. н. э., появляются прямоугольные чайтья, например в пещере XLVIII в Шивнери у Джуннара. Прямоугольная пещера 6 × 9,5 м состоит из вестибюля, отделенного двумя колоннами и двумя пристенными полуколоннами

¹³⁶ Juliano A. L. Buddhism in China // Archaeology. Vol. 33. No. 3. New York, 1980. P. 24.

¹³⁷ Gabain A., von. Das Leben im uigurischen Königreich von Qoco (850–1250). Wiesbaden, 1973 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 6). S. 76.

¹³⁸ Dehejia V. Early Indian Rock Temples: A Chronology. London, 1972. P. 12–13, 30–31, 71; Sarkar H. Studies in Early Buddhist Architecture of India. Delhi, 1966. P. 12, 15–16, 18, 22. См. также: Gupta S. P. The Roots of Indian Art. Delhi, 1980. P. 187–225.

¹³⁹ Список абсидальных святилищ со ступой см.: Dehejia V. Early Indian... P. 72–74; Fergusson J., Burgess J. The Cave Temples of India. Delhi, 1969 (reprint). P. 175–176; Rowland B. The Art and Architecture of India... P. 67–68. Fig. 6.

от святилища, у задней стены которого — круглая ступа. Чатра ступы рельефно вырезана на плоской крыше; ступа как бы подпирает ее¹⁴⁰. Чайтья пещеры IX в Аджанте — прямоугольная, но с колоннами по периметру и вокруг ступы¹⁴¹. Пещера VI в Куде также прямоугольная, но более сложная по своей планировке. Веранда открывается в большой квадратный зал (8,8 × 8,8 м), затем следуют узкий, перпендикулярный главной оси вестибюль и прямоугольное святилище (4,6 × 4,6 м) с такой же, как в Шивнери, ступой. Из вестибюля — вход в малую целлу.

Различные варианты этих двух типов прямоугольных чайтья представлены в пещерах I, IV, IX в Куде, в пещере XV в Ленъярди у Джуннара, в пещере XVII в Насике, в пещере в Шелар-вади, в пещере XLVIII в Карадхе и др. Исключительный интерес представляет одна из пещер близ Джуннара. Она имеет узкий вестибюль, перпендикулярный оси сооружения, который снаружи ограничен двумя колоннами в центре и двумя примыкающими к стенам полуколоннами. Из него ведет вход в вытянутое вдоль продольной оси прямоугольное (3,7 × 10,1 м) святилище, несколько расширяющееся в задней части. Там близ задней стены оставлена масса скалы в виде прямоугольного устоя (1,7 × 2,4 м), перед которым находится грубо высеченная скульптура. Судя по надписи, расположенной рядом с пещерой, и архитектурным деталям, пещера относится к I (II?) в. н. э.¹⁴² Это показывает, что восточнотуркестанские пещеры III и IV типов являются не просто «упрощенным вариантом» индийских пещер со ступой, а находят прямые прототипы в некоторых ранних индийских буддийских пещерах, во всяком случае, именно в Индии находятся истоки пещер этих двух типов и типов I и II. Последнее подкрепляется материалами по ранним индийским пещерным сооружениям типа вихары.

Стандартная вихара ранних индийских буддийских монастырей — квадратная. Типичный пример — вихара XIX в. в Насике. Она состоит из квадратного зала (4,2 × 4,2 м), на одной стороне которого находится вход, по трем другим сторонам — по две целлы. Та же схема в Аджанте XII, где с каждой стороны по четыре целлы, в Насике III — по 6 целл и т. д. Есть и другие схемы: длинный вестибюль-коридор, в задней стороне которого расположены входы в целлы. Вихары постепенно увеличиваются в размере и становятся двухэтажными. В более позднее время в задней стенке вихары устраивается пещера-чайтья¹⁴³. Все это показывает, что сходство с пещерами Восточного Туркестана прослеживается на уровне типологии не только элементарных схем, но и композиционных.

Из Западной Индии обычай высекать пещерные буддийские храмы распространяется и на север, на территорию древней Гандхары (современный Западный Пакистан и Юго-Восточный Афганистан), а затем далее на север — вплоть до Бактрии. В восточной части Гандхары известен лишь один пещерный монастырь — Кашмир-Смаст (в 75 км к северо-востоку от Пешавара). Здесь открыты две пещеры: одна огромная, естественного происхождения, с выстроенным внутри святилищем, другая — искусственная, трапециевидная в плане (глубина — 3,4 м, ширина — 2,5–3,4 м). На верхней площадке холма располагаются буддийские святилища. Предполагают, что весь комплекс относится к V–VII вв. н. э., но мог использоваться и позже — в VII–VIII вв.¹⁴⁴

¹⁴⁰ Dehejia V. Early Indian... P. 89. Fig. on p. 72, pl. 67.

¹⁴¹ Fergusson J., Burgess J. The Cave Temples... P. 289–290. Pl. XXVIII.

¹⁴² Fergusson J., Burgess J. The Cave Temples... P. 204–209, 261–262; Dehejia V. Early Indian... P. 89–90.

¹⁴³ Dehejia V. Early Indian... P. 93–94, 113.

¹⁴⁴ Haibak and Kashmir-Smast. Buddhist Cave-Temples in Afghanistan and Pakistan surveyed in 1960 / ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1962. P. 95–103. Pl. 11–13.

Остановимся на буддийских пещерных комплексах, находящихся в западной Гандхаре (Афганистан). Пещерный комплекс Фил-хона находится в холмах, возвышающихся над р. Кабул, рядом с современным г. Желалабадом. В песчанике вырублены прямоугольные и прямоугольно-вытянутые пещеры. Пещера 16 подквадратная (15,5 × 12,8 м); в центре ее — квадратный устой (4 × 4 м), обходная часть — сводчатая. По трем сторонам — проходы в 10 крошечных целл. На верхней площадке холма находились, по крайней мере, две буддийские ступы. Пещера 6, полагает С. Мизуно, происходит из пещерных сооружений типа вихара в Индии. Датировка комплекса Фил-хона (по эпиграфике и находкам) — около 200 г. н. э. Вблизи Фил-хона находится несколько групп пещер, например в Сиякухе. Каждая группа состоит из крупной квадратной пещеры с устоем в центре и нескольких прямоугольных пещер — жилищ монахов. На верхней площадке холма — одна или несколько ступ¹⁴⁵.

Буддийский комплекс Лалма входит в группу буддийских памятников Хадды и находится в 10 км к югу от Желалабада. Здесь, на поверхности холмов, образованных конгломератами, найдены руины ступ. Пещеры главным образом прямоугольные, со сводчатым перекрытием. В некоторых случаях пещеры состоят из двух священных прямоугольных помещений, находящихся на одной оси. Иногда пещеры имеют большие ниши на скалах. Раскопки ступ дали материал и монеты, которые датируют монастырь 300–400 гг. н. э.¹⁴⁶

Обширный пещерный комплекс в Бесавале (50 км юго-восточнее Желалабада, по дороге к Хайберскому перевалу) устроен в сланцевых холмах на берегу р. Кабул. Наряду с пещерными здесь имеются и каменные постройки, но их взаимоотношение не выяснено. Пещеры и постройки распадаются на 8 групп (в одной из них пещеры не обнаружены). Пещеры можно разделить на три типа: 1) квадратные, наиболее декорированные, культовые; 2) прямоугольные, менее украшенные (большая часть их — жилища монахов); 3) подквадратные или прямоугольные с центральным столбом-устоем в центре и обходным коридором одинаковой ширины со всех сторон. Это дальнейшее развитие типа, представленного в Фил-хоне. Здесь уже нет целл для монахов вдоль стен, но в конечном счете и этот тип восходит к индийским пещерам типа вихара. В Бесавале пещеры типа 3 служили для собраний сангхи и ритуальных обрядов, в частности прадакшины. Интересно, что пещеры этого типа доминируют в каждой группе.

Датировка пещерных комплексов Гандхары очень неопределенная: на основании остатков скульптуры гандхарского типа — конец IV — начало V в.¹⁴⁷

Таким образом, в Гандхаре уже вполне сложились многие из тех принципов устройства пещерных буддийских монастырей, которые свойственны восточнотуркестанским пещерным монастырям, в частности наличие подпорного устоя, вокруг которого совершалась церемония обхода. Полную аналогию именно им обнаруживает схема планировки восточнотуркестанских пещер типа 3.

В Бамиане преобладают квадратные и прямоугольные целлы с нишей на противоположной входу стороне. Встречаются также круглые и полигональные в плане целлы, иногда с множеством ниш по окружности (периметру). В трех случаях целлы с устоем-столбом, на передней стороне которого установлен постамент для

¹⁴⁵ Basāwal and Jelālābād-Kabul: Buddhist Cave-Temples and Topes in South-East Afghanistan surveyed mainly in 1965. Vol. 1–2. Kyoto, 1970–1971. P. 123–124. Fig. 45. Pl. 32. Plan 19.

¹⁴⁶ Durman Tepe and Lalma: Buddhist Sites in Afghanistan surveyed in 1963–1965 / ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1968. Pl. 4–5.

¹⁴⁷ Basāwal... P. 101–105. Pl. 1–13. Plan. 1–20.

скульптуры, а с боковых и задней сторон располагается сводчатый обводной коридор¹⁴⁸. Бамианский комплекс обычно датируют V—VIII вв.

Имеются буддийские пещеры и в Бактрии, например, в южной ее части, в Хайбаке, расположенном в оазисе Хульм. Одна из них (!) имеет прямоугольный вестибюль, из которого ведет вход в круглую целлу (диаметр 10,5 м); свод ее украшен изображениями лотосов. В нишах располагались скульптуры (не сохранились). Большинство пещер прямоугольные или подквадратные иногда объединены в группы. Выделяется расположенная на вершине пещера 6. Она состоит из входного туннеля длиной 17 м, приводившего к коридору (шириной 2 м), который окружал массив круглой в плане ступы (диаметр 28 м). Ступа и коридор были врезаны в скалу, но не имели перекрытия, а находились на открытом воздухе. Вход в пещеру 2 ремонтировался сырцовым кирпичом. Наряду с пещерами культового характера были и жилые пещеры, датировка которых очень сложна, скорее всего, время «после V в. н. э.»¹⁴⁹

В 15 км к северо-западу от Хайбака расположены пещеры Хазар-Сум, каждая из которых состоит из трех связанных прямоугольно-вытянутых помещений, «наннанных» на продольную ось. Предположительная датировка — «раннеисламский период» или несколько раньше¹⁵⁰. Данных для буддийских атрибуций нет (или не сохранились).

В Северной Бактрии имеется прекрасный образец пещерно-наземного буддийского монастыря Кара-тепа в Термезе (конец I — начало VI вв. н. э.). В результате многолетних раскопок Б. Я. Ставиского здесь вскрыта большая площадь с пещерами различных типов и примыкающими к ним наземными постройками. В кара-тепинской совокупности сооружений пещерные части являются органической составляющей всего комплекса (как в смысловом, так и в архитектурно-планировочном отношении), в который входят и наземные сырцовые постройки¹⁵¹. В этой связи следует привести данные древних текстов. В одной из надписей, найденных на Кара-тепе, имеется, как установила В. В. Вертоградова, выражение: *oka-vihara* (ока-вихарами). Ока в санскрите встречается редко и означает «пристанище, прибежище, жилище». Палийские комментаторы передают это понятие как *siaya*. В буддийских санскритских текстах термин *alaya* (*laya*, *layaka*, *layana*) и соответствующее палийское *lepa* имеют основное значение «прибежище, приют, место отдыха», а в палийских — «пещера, горная пещера, употребляемая отшельниками или буддийскими монахами». «Виная» (IV, 48) описывает устройство такой «лены»: «Или взрыв горы, или того места, где не хватает места для сидения и лежания». Вместе с тем в надписи на «Львиной капители» *oka-vihara* — синоним *guha-vihara*. «Термин *guha* означает подземное сооружение различных типов. Буддхагхоша, например, описывает такую пещеру, сделанную из кирпича, камня, дерева и песка. На основании этого можно заключить, что слово «ока» в сочетании *oka-vihara* указывает на определенный тип пещерного помещения, предназначенного для буддийских монахов». Можно думать, что слово «ока», синонимичное *lepa*, могло употребляться и как *lepa* в специальном значении — «пещерное помещение, отчасти вырытое, отчасти построенное в склоне горы». Об этом свидетельствует и сама

ситуация применения этого термина на Кара-тепе¹⁵². Таким образом, Кара-тепа дает нам представление не только о бактрийском пещерно-наземном буддийском храме, но и о термине, применявшемся для обозначения такого рода сооружений как в Бактрии, так и, вероятно, в Восточном Туркестане.

Включение в состав вихары как подземных (пещерных), так и наземных частей, органическое объединение их в единый комплекс с устройством наземных частей из сырцового кирпича, на наш взгляд, произошло на земле Бактрии, а затем распространилось на северо-восток — в Восточный Туркестан. На территории Бактрии и Маргианы открыты и другие пещерные комплексы, но ни один из них не может уверенно атрибутироваться как буддийский. Нет никаких сомнений, что в дальнейшем такие комплексы будут обнаружены как в этих, так и в других областях Средней Азии.

Таким образом, имеющийся сейчас материал позволяет не в виде догадки или гипотезы, а с полной определенностью обнаружить конкретные прототипы восточнотуркестанских сооружений в индийской пещерной буддийской архитектуре, выявить пути распространения буддийских пещерных сооружений в Северо-Западную Индию, Юго-Восточный и Центральный Афганистан, а затем на север — вплоть до среднеазиатской территории. На этом пути, в частности в Бактрии, пещерная буддийская архитектура приобрела многие специфические черты, свойственные восточнотуркестанской пещерной архитектуре, а затем получила дальнейшее развитие уже на почве Восточного Туркестана. Отсюда практика сооружения пещерных буддийских монастырей распространилась по всему Северному Китаю, что сыграло огромную роль в развитии китайского искусства и архитектуры IV—X вв.

Можно столь же детально рассмотреть распространение других типов буддийской культовой архитектуры и роль Средней Азии как посредника в этом процессе. Частично это будет сделано ниже.

Сведений о распространении буддизма в Средней Азии в III—IV вв. н. э. у нас значительно меньше. Ан-Надим пишет в «Фихристе»: «Первый, кто помимо саманийцев (т. е. буддистов), переселился в Мавераннахр, принадлежал к манихейцам¹⁵³. Как известно, «Фихрист» был составлен в 987—988 гг., и, хотя его автор в истории манихейства опирался на арабские источники, он использовал старые манихейские сочинения¹⁵⁴, поэтому достоверность сообщений ан-Надима очень велика. Из вышеприведенного известия вытекает, что, в то время когда в Средней Азии появились манихейцы, т. е. во второй половине III в., здесь уже был распространен буддизм — это подтверждают данные других источников.

Ко времени религиозной нетерпимости при Варахране II, около 275 г. н. э., относится надпись Картира, главного мобеда Варахрана II, на Кабаи-Зардушт: «...и учение Ахримана и демонов из страны исчезло и было изгнано; и евреи, буддисты, брахманы, назареи и христиане, мугтаги и манихейцы внутри страны были уничтожены, и кумиры были разбиты, и убежища демонов были опустошены и превращены в места культов и обитель богов»¹⁵⁵. Однако нельзя, как это делают некоторые исследователи, принимать слова этой надписи как описание полностью

¹⁴⁸ Tarzi Z. L'architecture et le décor rupestre des Grottes de Bāmiyān. Paris, 1977. Vol. 1. P. 34—35; vol. 2. Pl. D-14.

¹⁴⁹ Foucher A. Notes sur les antiquités bouddhiques de Haibak (Turkistan Afghan) // JA. T. 205. 1924. P. 139—154; Haibak... P. 85—92.

¹⁵⁰ Puglisi S. M. Italian Archaeological Mission in Afghanistan. Preliminary. Report on the Researches at Hazar Sum (Samangan) // EW. Vol. 14. No. 1—2. 1963. P. 3—12.

¹⁵¹ См. ниже примеч. 158.

¹⁵² Verogradova V. V. Indian Inscriptions... P. 62—63.

¹⁵³ Flügel G. Mani, seine Lehre und seine Schriften: Ein Beitrag zur Geschichte der Manichäismus. Leipzig, 1862. S. 76, 105; Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пняджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 38.

¹⁵⁴ Kessler K. Mani. Forschungen über die manichäische Religion. Bd. 1. Berlin, 1889. S. 331—338; Taqizade S. H., Henning W. B. The Dates of Mani's Life // AM. NS. Vol. 6. Pt. 1. 1957.

¹⁵⁵ Henning W. B. Mitteliranisch // HdO. Abt. I. Bd. 4. Abschn. 1. 1958. S. 102; Луконин В. Г. Картир и Мани // ВДИ. 1966. № 3.

совершившихся деяний, в определенной мере это лишь программа; реальность, как отмечает на основании ряда фактов Я. Асмуссен, значительно отличалась от нее. По словам этого ученого, «остается неясным, в какой степени великий царь и правительство (Ирана. — Б. Л., Т. 3.) были вовлечены в проект, запланированный Картиром»¹⁵⁶.

Буддизм был распространен в восточных областях сасанидского государства, в частности в Мерве (в надписи подчеркнуто: «внутри страны»)¹⁵⁷. Что же касается Бактрии, здесь проведение такой политики должно было привести к столкновению с широкими кругами населения. В части Бактрии все это имеет значение, если исходить из принимаемой большинством ученых «малой» кушанской хронологии.

Существуют, как известно, и идеи о «поздней» хронологии кушан и кушано-сасанидов. Рассмотрение этих хронологических систем выходит за рамки нашего труда. Отметим лишь, что, если исходить из «поздней» хронологии, Термез во времена деятельности Картира должен был находиться в пределах Кушанского государства, и мероприятия, описанные в надписи, не могли на него распространяться.

На Кара-тепа Б. Я. Ставиский обнаружил интереснейшие данные о запустении и даже, как он считает, может быть, о разрушении храмовых комплексов. Это посетительские надписи — граффити. Судя по содержащейся в одной из среднеперсидских надписей дате, это 264–265 гг. (время Шапура I) или 369–370 гг. (время Шапура II). Б. Я. Ставиский высказал предположение, что «запустение Кара-тепе связано с восточным походом одного из Шапуров, непосредственно затронувшим кушанский Термез. Теперь, когда помимо среднеперсидских надписей — граффити на Кара-тепе открыт алтарь огня, сооруженный вместо выброшенной буддийской статуи, мы вправе объяснять упадок, а возможно, и разрушение буддийских храмовых комплексов Кара-тепе “деятельностью” отряда сасанидских войск». Согласно отчету о раскопках, речь идет о большой нише с геометрической росписью. Говорится, что эта ниша «предназначалась, безусловно, для крупной буддийской статуи, статуя эта, однако, не сохранилась: в какой-то период (вероятно, при разгроме Кара-тепа) на ее месте, в нише, был сооружен (из кирпича-сырца размером 30 × 30 × 11–12 см) круглый в плане очаг диаметром 67–75 см и высотой 50 см. Очаг внутри обожжен и заполнен чистой светлой золой без угольков, что свидетельствует о его культовом характере. Перед нами, таким образом, алтарь огня, возведенный на том месте, где раньше стояла буддийская статуя. Позднее ниша с очагом... была аккуратно заложена сырцовою стенкой»¹⁵⁸.

Вся эта конструкция выглядит очень стройной. Однако исключать другие возможности также нельзя. Трудно считать неоспоримым предположение, что ниша изначально была предназначена для статуи. Геометрическая роспись на ее стенах не может служить доводом в пользу этого. Возможно и другое: в нише действительно стояла статуя, она пришла в полную ветхость, и, как обычно, ее убрали, «захоронив» где-то в монастыре. Руководители сангхи решили на ее место поставить очаг. В этой связи упомянем один текст из «Винайи», где говорится о том, что первоначально

¹⁵⁶ Asmussen J. P. *Xuāstvānīft*... P. 28.

¹⁵⁷ Кстати, эти события не учитываются М. Е. Массоном при рассмотрении истории буддизма в Маргиане.

¹⁵⁸ Ставиский Б. Я. Итоги раскопок в Кара-тепе... С. 27, 51. В. Г. Луконин, издатель упоминавшихся среднеперсидских надписей, исходя из их палеографии и общей политической ситуации, предполагал, что дата надписи связана скорее с Шапуром II (Луконин В. Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 45–46).

огонь жгли в разных местах вихары. Будда велел сделать «отдельное помещение на одной из сторон — для огня». Возможны и иные интерпретации¹⁵⁹.

Высказывая эти альтернативные объяснения, мы вместе с тем считаем, что какой-то упадок буддийских святынь в III–IV вв. в северной Бактрии несомненно происходил, о чем свидетельствует история многих кушанских сооружений. Однако буддизм не был полностью сокрушен. Как показывают данные новейших археологических раскопок на Кара-тепа и новые эпиграфические исследования, «даже если главные каратепинские святилища были покинуты или разрушены, монастырская община могла продолжать существовать где-то в этом большом буддийском центре во время Кушано-Сасанидов, вплоть до конца IV — начала V в. Полное разрушение буддийского культового центра сасанидскими отрядами и трансформацию в зороастрийский храм, как предполагал Я. Харматта, трудно признать»¹⁶⁰. Как уже указывалось, именно в это время на месте разрушенного городского вала сооружается святилище на Зар-тепа, вблизи которого воздвигается маленькая буддийская ступа. Показательно также, что буддийские изображения и мотивы сохраняются в среде городского и, может быть, сельского населения¹⁶¹.

Сошлемся также на авторитетное указание Э. Ламотта, согласно которому в источниках есть косвенные указания на то, что учение школ Сарвастивада и Вайбхашика было распространено в Средней Азии на рубеже IV–V вв.¹⁶² Для IV в. мы также располагаем сообщением китайского религиозного (буддийского) текста, датированным 383 г. н. э. В нем говорится, что Будда знал язык Тохаристана гораздо лучше, чем коренные жители этой страны¹⁶³.

В научной литературе высказывались различные мнения по поводу состояния буддизма в Средней Азии в послекушанскую эпоху. Так, А. М. Беленицкий писал: «Положение государственной религии, которое занимал буддизм в Кушанском государстве, должно было способствовать, по крайней мере, его внешнему преобразованию. Но, вероятно, это же обстоятельство привело к тому, что, когда государственная поддержка прекратилась в связи с изменением политической обстановки в Средней Азии, обусловленным возникновением сперва эфталитской, а затем тюркской держав, буддизм быстро пришел в упадок»¹⁶⁴. Итак, упадок буддизма связан с приходом к власти эфталитов и тюрков. Напротив, А. Габэн находит возможным говорить в этом плане только о Согде, где, по ее словам, «лишь к началу VII в. буддизм был сильно потеснен манихейством и возродившимся культом огня»¹⁶⁵. Наконец, М. Е. Массон ищет объяснение положения буддизма в Самарканде: «В связи с усилением уже в конце V в. торговой деятельности персидских и согдийских купцов-зороастрийцев их борьба на почве рыночной конкуренции с индийскими купцами, торговавшими с Китаем, способствовала постепенному,

¹⁵⁹ Cullavagga, VI, 3, 10. См.: Vinaya Texts. Pt. 3: The Kullavagga, IV–XII / transl. T. W. Rhys Davids, H. Oldenberg. Oxford, 1885 (The Sacred Books of the East. Vol. 20). P. 177–178.

¹⁶⁰ Staviskij B. J. Buddhist Monuments of Central Asia and the Sasanians // BAI. NS. Vol. 4. [1990]. 1992. P. 168. Имеется в виду статья: Harmta J. The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara-tepe // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. P. 124–125.

¹⁶¹ Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. Буддийские мотивы... С. 121. См. также: Пудаев Ш. Р. Раскопки буддийской ступы у городища Зартепа // ОНУ. 1986. № 4. С. 49–52.

¹⁶² Lamotte E. Sur la formation du Mahāyāna // Asiatica: Festschrift Fr. Weller zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern. Leipzig, 1954. P. 390–391.

¹⁶³ Müller F. W. K. Toxri und Kušan (Kūšan) // SPAW. 1918. S. 575.

¹⁶⁴ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии... С. 38.

¹⁶⁵ Gabain A., von. Der Buddhismus... S. 501.

но далеко не мирному вытеснению буддизма в некоторых областях Согда и прилегающих странах» — и высказывает предположение, что подобная же ситуация сложилась в Мерве и мервцы организовали «погром тамошней ступы». Подтверждение своей точки зрения М. Е. Массон видит в том, что в кишлаке Тайляк, под Самаркандом, «в древнем бадрабе» была обнаружена заброшенная туда отбитая от мраморной статуи Будды голова, совершенно изуродованная¹⁶⁶. Датировка бадраба при этом не сообщается, так же как не приводятся сведения о возрасте мраморной статуи, что совершенно обесценивает этот аргумент. Уязвимым местом данной концепции является также ее центральный постулат: в V—VII вв. среднеазиатские буддисты отнюдь не были в своем большинстве выходцами из Индии — это были местные жители¹⁶⁷. И еще: совершенно нельзя ставить знак равенства между религиозно-политической ситуацией в Мерве и Самарканде.

Какими фактическими материалами мы располагаем для суждения по этому вопросу? В середине V в. и до 60-х гг. VI в. значительная часть Средней Азии входила в состав Эфталитского государства, которое включало в себя ряд соседних стран. Сэн Ю (519 г. н. э.) писал об эфталитах Бадахшана: «[Большинство из них] не признают буддизма». Об эфталитах Гандхары он сообщал, что те вообще «не верят в буддизм». Сопоставляя эти сведения Сэн Ю с приводимыми им и другими источниками данными о религиозных верованиях в Средней Азии, японский исследователь К. Эноки пришел к заключению, что сами эфталиты не были последователями учения Будды. Сообщения же, например в «Суй-шу» и «Бэй-ши», о наличии многих буддийских монастырей и ступ в столице эфталитов рассматриваются им в этом же плане как отражение верований определенной части местного населения¹⁶⁸. Более сложную концепцию об отношении эфталитов к буддизму развил А. Херрманн. Он считает, что первоначально эфталиты не были буддистами, но терпимо относились к исповеданию этой религии. Позже, после разгрома Эфталитского государства тюрками, возникло небольшое эфталитское владение, центр которого был перенесен в Химотала, и правители его приняли буддизм — с целью укрепить свои позиции в борьбе с тюрками. Собственно такой же точки зрения придерживается и А. Габэн¹⁶⁹.

Нельзя пройти мимо сообщений о религиозной политике тех эфталитов, которые завоевали часть Северной Индии. Сэн Ю сообщает, что за два поколения до него Гандхара была опустошена эфталитами¹⁷⁰. Отсюда следует, что это произошло примерно во второй половине V в.¹⁷¹ По мнению Д. Маршалла, разгром можно датировать более точно: около 460 г. н. э. Очевидно, именно тогда монастыри в районе Таксилы были сожжены, причем они стояли разрушенными еще полтора-два

¹⁶⁶ Массон М. Е. Из работ... С. 56.

¹⁶⁷ Впрочем, уже, по крайней мере, в кушанское время, как показывают вышеприведенные сведения, буддийская религия обрела в Средней Азии адептов. Об этом свидетельствуют также памятники письменности с Кара-тепа, см.: Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы... С. 38.

¹⁶⁸ The Mission of Sung Yun and Hwei Sang to obtain Buddhist Books in the West (518 A. D.) // Beal S. Buddhist Records... P. XCII; Yang Hsuan-chih. A Record of Buddhist Monasteries in Lo-Yang / transl. Yi-t'ung Wang. Princeton, 1984. P. 227, 235; Enoki K. On the Nationality of the Ephthalites // MDTB. No. 18. 1959. P. 45—48. Сообщения Сэн Ю и основанные на них сведения Бэй-ши см.: Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... P. 225. Pl. 3. Ср.: Ghirshman R. Les Chionites-Hephthalites. Le Caire, 1948 (MDAFA. T. 13). P. 120.

¹⁶⁹ Hermann A. Die Hephthaliten und ihre Beziehungen zu China // AM. Vol. 2. Pt. 3—4. 1925. S. 577—578; Gabain A., von. Der Buddhismus... S. 500—501. Ср. мнение И. Маркварта: Marquart J. Erānsahr... P. 240.

¹⁷⁰ См.: The Mission of Sung Yun... P. XCIX—C; Yang Hsuan-chih. A Record of Buddhist Monasteries... P. 235.

¹⁷¹ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... P. 226.

спустя¹⁷². Вместе с тем некоторые надписи на эфталитских монетах, согласно расшифровке В. А. Лившица, явно связаны с буддизмом¹⁷³.

По-видимому, эфталитские правители отдельных областей в разное время проводили неодинаковую политику по отношению к буддизму. Во время военных действий кое-где буддийские религиозные учреждения разрушались и грабились. В целом же, судя по всему, в Средней Азии при эфталитах буддизм не подвергался гонениям, некоторые эфталитские правители поддерживали его.

Есть некоторые сообщения, интересные в этой связи. В «Чандрагарбха-сутре» (VI в. н. э.) говорится о Кубере и Харити как божествах — хранителях Персии. Исследователи полагают, что речь идет не о самом Иране, а о находившейся под контролем Сасанидов области вдоль Амударьи¹⁷⁴.

Как относились к буддизму сменившие эфталитов тюрки? Во всяком случае, в пределах Средней Азии они отнюдь не ущемляли эту религию. Восточные тюрки уже с середины VI в. испытывали сильное влияние буддийской пропаганды¹⁷⁵. Распространялась она, очевидно, и на западных тюрков. Однако известно, что те племена их, которые располагались близ Иссык-Куля, продолжали почитать огонь и духов¹⁷⁶. Вместе с тем каган западных тюрков Тун-шеху (Tun Shekhu), находившийся в этой области, очень дружелюбно встретил Сюань-цзана (около 630 г.) и слушал его проповедь¹⁷⁷. Было бы рискованно считать, что именно знаменитый путешественник посеял ростки буддизма в Семиречье; скорее всего и до него и после него там были буддийские проповедники, сумевшие обратить в буддизм часть населения Семиречья. Очевидно, нельзя исключать возможность, что буддийские миссионеры направлялись в Семиречье (и Фергану) из центральной и южной части Средней Азии вместе с очередной волной согдийского колонизационного потока. Именно это предположение согласуется с архитектурным обликом семиреченских буддийских храмов, демонстрирующих одну из наземных вариаций планировочной схемы, представленной в Кара-тепа и Хадде, отразившейся в храмах Пенджикента и проникшей дальше на Восток — в Центральную Азию, а также со скульптурными объектами и т. д.¹⁷⁸ Б. Я. Ставиский высказал мнение, что памятники буддизма в Семиречье и Фергане обязаны своим существованием религиозной деятельности восточнотуркестанских или китайских миссионеров¹⁷⁹. Б. И. Маршак и В. И. Распопова пишут

¹⁷² Marshall J. Taxila. Vol. I. P. 77. См. также: Goshal U. N. Ancient Indian Culture in Afganistan. Calcutta, 1928. P. 25—26.

¹⁷³ Личное сообщение В. А. Лившица.

¹⁷⁴ Lévi S. Notes chinoises sur l'Inde // BEFEO. T. 5. N° 3—4. 1905. P. 267. № 33; Carter M. L. Dionysiac Aspects of Kushan Art // ArsOr. Vol. 7. 1968. P. 134—35.

¹⁷⁵ Lévi S., Chavannes E. L'itinéraire d'Ou-K'ong // JA. T. 6. 1895. P. 354—355. N 2; Gabain A., von. Buddhistische Türkenmission... S. 162—164; ead. Der Buddhismus... S. 506. Как пишет один из исследователей истории древних тюрков, «следует признать, что с буддизмом должен был быть рано знаком, во всяком случае, господствующий слой тюрков»; буддийские проповедники в начале VI в. были уже у предшественников тюрков — жуаньжуаней (Liu Mau-tsai. Kulturelle Beziehungen zwischen den Ost-Türken [T'u-küe] und China // CAJ. Vol. 3. No. 3. 1958. S. 194—195). Вместе с тем даже в начале VIII в. основная масса тюрков «не была знакома с законом Будды, не имела ни монастырей, ни монахов» (слова Хой Чао). См.: Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 453. Детально тюркский буддизм охарактеризован в работе: Литвинский Б. А. Буддизм... С. 489—493.

¹⁷⁶ Gabain A., von. Der Buddhismus... S. 506.

¹⁷⁷ The Life... P. 43—45.

¹⁷⁸ Л. П. Зяблин сопоставил скульптуру бодхисатвы из второго храма в Ак-Бешиме (Зяблин Л. П. Второй буддийский храм... С. 52. Рис. 3) с одной из голов из Хадды (Barthoux J. Les fouilles de Hadda. III. Pl. 67c). Можно добавить, что еще более близко его сходство с другой головой из Хадды (Ibid. Pl. 70a).

¹⁷⁹ Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы... С. 29.

«о прямом воздействии, связанном с распространением буддизма среди согдийских колонистов», что нашло отражение в искусстве и архитектуре¹⁸⁰.

Обнаружены эпиграфические свидетельства (не опубликованы), подкрепляющие второе направление связей. Вопрос окончательно решить пока нельзя, не исключено, что имели место два направления взаимосвязей.

Китайский путешественник значительно более позднего, чем Сюаньцзанское, времени — У-кун (Wukong ou-k'ong), которому довелось между 759—764 гг. бывать в Кашмире и Гандхаре, видел среди тамошних буддийских святынь несколько храмов, основанных тюркскими правителями или членами их семей, — эти сооружения стояли уже столетие. Так, в Кашмире имелись «храм хатун», основанный при тюрках, и храм Ve-li-t'e-le, т. е. Ve-li-tegin, сына царя тюрков. Это, по мнению Э. Шаванна, может быть тот же самый персонаж, который фигурирует у Динавери как vel-tegin, в других источниках — Бармуда (или Пармуда), принц из области Бухары, который появляется в исторических источниках при описании событий конца VI в. В Гандхаре же существовали, по У-куну, храм Tegin-cha (или T'e-k'in-li), основание которого приписывалось сыну царя тюрков, и другой, который будто бы основала хатун, «жена царя тюрков». Как предполагает Э. Шаванн, возможна идентификация этого Tegin-cha с Ou-san-tegi-h-cha, который был правителем Каписы в 739 г.¹⁸¹

Нет основания сомневаться в справедливости местной традиции, связывавшей эти буддийские святыни с тюрками. Предложенные же учеными идентификации и вытекающие из них хронологические определения отнюдь нельзя считать бесспорными. Вместе с тем ясно, что если не в конце VI в., то в первой половине VII в. некоторые правители западных тюрков или становятся буддистами, или покровительствуют этой религии. В начале VIII в. западнотюркские правители и знать предстают из сообщений Хой Чао ревностными буддистами, основывающими монастыри и приносящими им дары. Об одной из северо-западных областей Индии сообщается: «Хотя царь здесь t'u-kueh (тюрк), но почитают веру триратны (триратна, или «три драгоценности», — наименование буддистами своей религии. — Б. Л., Т. 3.). Царь, царские жены, принцы и знать — все воздвигают монастыри и делают буддийские жертвоприношения»¹⁸². О тюркских правителях, покровителях буддизма, этот путешественник сообщает очень много сведений¹⁸³. По-видимому, права А. Габэн, связывающая распространение буддизма у западных тюрков с переходом их к оседлой, особенно городской, жизни в окружении местного буддийского населения¹⁸⁴. Нам представляется, что большое значение имели и политические обстоятельства, связанные с необходимостью наладить управление населением, в среде которого буддийская религия была сильно распространена.

Во всяком случае, для Тохаристана первой половины VII в. из сообщений Сюань-цзана вырисовывается следующая ситуация. Наместником был старший сын кагана, в стране процветал буддизм. Сменивший в это время умершего наместника сын его главной жены пригласил Сюань-цзана посетить Балх и осмотреть его буддийские святыни¹⁸⁵. Вместе с тем Сюань-цзан сообщает о попытках одного из тюрк-

ских наместников (видимо, старшего сына кагана) захватить богатства главного балхского монастыря, о постигшей его каре и о его запоздалом раскаянии¹⁸⁶.

Для истории буддизма в Тохаристане очень важно одно не привлекавшееся до сих пор в этой связи сообщение И цзина. В одном из своих сочинений И цзин, проживавший в Индии с 671 по 695 г., сообщает о некоем буддийском монахе, что тот «недавно» останавливался в монастыре, который некогда был выстроен жителями Тухоло (Тохаристана) для отправления «религии их страны». Монастырь обладает большими сокровищами, владеет значительной недвижимостью и чрезвычайно пышен. Пожертвования, которыми он пользуется, и культовый инвентарь превосходят то, что есть в других монастырях. Название этого монастыря — Kien-t'ouo-louo-chan-tch'a. В это название входит слово «Гандхара», что вызывает сложности в толковании этого трудного текста. Не исключено, что этот буддийский храм был выстроен в Гандхаре выходцами из Тохаристана. Э. Шаванн, учитывающий эту возможность, предлагает другой вариант интерпретации: храм был выстроен в Тохаристане в то время, когда он и Гандхара в V в. н. э., при кидаритах, входили в одно и то же государственное объединение¹⁸⁷. Нам также представляется более вероятным, что речь идет о каком-то тохаристанском монастыре (балхском Наубехаре?). Чрезвычайно существенно сообщение о больших богатствах, которыми владеет монастырь, — это единственное сообщение такого рода, так или иначе связанное со Средней Азией.

О том, что буддизм в Тохаристане во второй половине VII — начале VIII в. способствовал значительному прогрессу, свидетельствует следующее замечание Хой Чао: «[в Тохаристане] царь, знать и народ очень почитают триратну; имеется множество монастырей и монахов; исповедуют учение Хинаяны»¹⁸⁸. Обилие буддийских святынь, степень распространенности буддизма в Тохаристане произвели столь большое впечатление на Хой Чао, что он записал, что здесь «нет никаких еретических (с точки зрения буддиста. — Б. Л., Т. 3.) учений», или, по новейшему переводу, «они не исповедуют никакой другой религии»¹⁸⁹. Однако буддист-путешественник всего лишь принял желаемое за действительное.

В Северном Тохаристане (и в других областях Средней Азии), как уже указывалось выше, буддизм не был единственной религией. Начиная со второй половины III в. здесь большую (и все возрастающую) роль играло и манихейство¹⁹⁰. В начале VII в., судя по сообщению Сюань-цзана, манихейство в его восточной разновидности было очень сильным в областях Персии, граничивших с Тохаристаном¹⁹¹.

В 694 г. ко двору китайского императора прибыл манихейский проповедник — «человек из персидского государства по имени Fou-to-tan»¹⁹². Как показал В. Б. Хен-

¹⁸⁰ Маршак Б. И., Распопова В. И. Связи искусства Средней Азии с искусством стран Дальнего Востока // Средняя Азия и мировая цивилизация: тез. докл. Ташкент, 1992. С. 86.

¹⁸¹ Lévi S., Chavannes E. L'itinéraire... P. 334—355, 357; Chavannes E. Documentes sur les Tou-kiue... P. 198, 242—245. Ср.: Gabain A., von. Buddhistische... S. 166.

¹⁸² Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 445; The Hye-ch'o Diary... P. 48—49.

¹⁸³ Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 446—449; The Hye-ch'o Diary... P. 50—52.

¹⁸⁴ Gabain A., von. Buddhistische Türkenmission... S. 166; ead. Der Buddhismus... S. 506.

¹⁸⁵ The Life... P. 48—49.

¹⁸⁶ Beal S. Buddhist Records... P. 45.

¹⁸⁷ I-Tsing. Mémoire compose à l'époque de la grande dynastie T'ang sur les religieux éminents qui allèrent chercher la loi dans les pays d'Occident, traduit en Français par E. Chavannes. Paris, 1894. P. 80. Ср.: I-Tsing. Account of Fifty-one Monks / transl. by Latika Lahiri // Dutt S. Buddhist Monks... P. 312.

¹⁸⁸ Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 449; The Hye-ch'o Diary... P. 52. Господство хинаяны в раннесредневековой Средней Азии подтверждается и другими сообщениями. Например, среднеазиатский (может быть, даже тохаристанский) выходец, носивший имя Буддадхарма, во второй половине VII в. изучил в Наланде учение «малой колесницы» (I-Tsing. Mémoire... P. 37—38).

¹⁸⁹ Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 449; The Hye-ch'o Diary... P. 52.

¹⁹⁰ Об этом, как и о большей роли среднеазиатских манихейских общин по сравнению с иранскими, см.: Henning W. B. Neue Materialien... S. 10—11. Более детально о манихействе в Средней Азии см.: Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство. С. 521—523.

¹⁹¹ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen retrouvé en Chine // JA. T. 11. Fasc. 1. 1913. P. 150 sq. А. М. Беленицкий отнес это сообщение к Средней Азии (Беленицкий А. М. Вопросы... С. 44).

¹⁹² Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 150—151.

нинг, это на самом деле не имя, а китайская передача согдийского 'ft'd'n — aftaḍan, обозначения одного из высших представителей манихейской иерархии. Этот исследователь не без основания полагает, что проповедник был согдийцем. По мнению В. Б. Хеннинга, «согдийцы были главными носителями манихейства в Центральной Азии»¹⁹³. В начале VIII в. верховный глава манихеев имел резиденцию в Тохаристане¹⁹⁴, позже — в Самарканде¹⁹⁵. В декрете китайского императора 732 г. «учение Мани» было названо «туземной религией западных ху»¹⁹⁶, причем имелись в виду, как считают исследователи, не вообще жители Средней Азии, а именно согдийцы¹⁹⁷.

В 719 г., как сообщается в китайских источниках, среди стран, направивших в Китай послов, была и Тухоло (Тохаристан), причем в качестве отправителя посла называется «царь Че-хал-на» (Чаганиана). Посол именуется «великий мо-джо»: так назывались крупные деятели манихейской церкви (мо-джо — передача среднеазиатского тосак, букв. «учитель»). При этом он характеризуется как человек глубокой мудрости, прекрасно разбирающийся в астрономии. Чаганианский царь просил китайского императора осведомиться у этого посла, в частности, о состоянии государства и религиозных учений¹⁹⁸. Сведения об этом посольстве были детально исследованы А. М. Беленицким, который справедливо подчеркнул, что здесь четко проступает связь манихеев с властями, с местными правителями¹⁹⁹. Можно добавить еще следующее. Этот текст, по-видимому, рисует обстановку не в одном Чаганиане. Дело в том, что в китайском тексте приведено имя чаганианского царя Ti-cho — *T'e-s'a. И. Маркварт идентифицировал его имя с упоминаемым Табари именем чаган-худата — Тиш, который являлся также ябгу Тохаристана²⁰⁰. Вероятно, как считает В. А. Лившиц, именно он упоминался в одном мугском документе, где фигурирует безымянный «тохарский царь»²⁰¹. Характерно также, что имя этого правителя бесспорно иранское — так в бактрийском языке называлась звезда Сириус.

Таким образом, посольство 719 г. характеризует, очевидно, положение во всем Тохаристане, наличие здесь, как можно заключить из сообщений письменных источников, нескольких религиозных учений. В одном из тюркских текстов также фигурирует «великий мо-джо тохаристанский (или тохаристанец)», вопрос об идентичности которого с тем мо-джо, о котором говорилось выше, нельзя считать решенным²⁰². Вместе с тем, как мы узнаем из одной надписи на Афрасиабе²⁰³, в последней трети VII в. правители Согда и Чаганиана были приверженцами раз-

личных религий: первые, вероятно, были маздеистами, вторые — скорее всего манихеями или буддистами. Манихейство сосуществовало с буддизмом не только в Чаганиане, но и во всем Тохаристане; оно было распространено также в Согде и Семиречье.

Как указывалось выше, из Средней Азии через Восточный Туркестан манихейство проникло в Китай. В 732 г. вышел указ императора Сюань-цзуна, в котором учение Мани было названо «туземной религией западных ху», под которыми имелись в виду не жители Средней Азии вообще, а, скорее, конкретно согдийцы. По этому указу проживающим в Китае чужестранцам, в том числе согдийцам-манихеям, разрешалось исповедовать свою религию. Указы 786 и 771 гг. дали им право строить храмы в пределах империи²⁰⁴. Из Китая манихейство распространилось во владения Уйгурского каганата, что связано с именем Бильге-кагана. В 762–763 гг. он встретился в Лояне с манихейскими проповедниками, среди которых были высшие иерархи манихейской церкви. В течение двух суток без перерыва длилось его «ображение», после чего он вернулся в каганат с манихейскими проповедниками. Указом Бильге-кагана манихейство было объявлено государственной религией, и этот статус оно сохраняло до 840 г.²⁰⁵ Все это способствовало распространению манихейства в Семиречье.

Вообще буддизм и манихейство в Средней (и Центральной) Азии сосуществовали на протяжении длительного времени, причем, как отмечалось, буддизм оказал значительное влияние на пантеон, терминологию и даже концепции восточного манихейства (в меньшей степени и несторианства), а также на его религиозную практику²⁰⁶. Достаточно сказать, что одна из центральных идей восточного манихейства — признания грехов — была заимствована из буддизма (здесь эта концепция развивалась и усиливалась в хиньяне и особенно в махаяне, причем и для мирян). Под влиянием буддийских на востоке появляются манихейские монастыри (они распространяются и на западе). Манихейские сочинения имитируют буддийские сутры. В среднеиранских текстах Мани снабжается титулом «бодхисатва». Смерть Мани называется нирваной. Более того, в одном манихейско-парфянском тексте, там, где говорится о прибытии Мани в Туган (имеется в виду территория современного Белуджистана), к нему обращаются: «Вы — Будда, и мы — греховные человеческие существа». Один манихейский гимн на тюркском языке адресован «Моему отцу, Мани — Будда!»²⁰⁷ и т. д. Никаких попыток полемики с буддизмом в манихейской литературе нет. По остроумному замечанию Я. Асмуссена, манихейство атаковало буддизм единственным способом: заимствуя его положения и внося их в собственное учение²⁰⁸. Но это, так сказать, в идеологическом, точнее в богословском,

¹⁹³ Henning W. B. Neue Materialien... S. 13–14.

¹⁹⁴ Henning W. B. Two Manichaean... P. 49; ср.: Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 197.

¹⁹⁵ Flügel G. Mani... S. 97–98, 105–106, 318–319; Adam A. Manichäismus. S. 118.

¹⁹⁶ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 154–155.

¹⁹⁷ Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia // Semitic and Oriental Studies: a Volume presented to William Popper, Professor of Semitic Languages, Emeritus, on the Occasion of His Seventy-Fifth Birthday, October 29, 1949. Berkeley, 1951. P. 321.

¹⁹⁸ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 152–153. См. также: Chavannes E. Documentes sur les Tou-kiue... P. 157. N. 5; 292, 303; Schafer E. H. The Golden Peaches... P. 50.

¹⁹⁹ Беленицкий А. М. Вопросы... С. 44–45.

²⁰⁰ Marquart J. Ērānsahr... P. 70, 226–227.

²⁰¹ Согдийские документы... С. 40. № 75.

²⁰² Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 197.

²⁰³ Лившиц В. А. Согдиана // Ленинский путь (Самарканд). 1965. 6 июля; он же. Надписи на фресках Афрасиаба // Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии (Гос. Эрмитаж. Ленинградское отделение Института археологии АН СССР). Л., 1965. С. 6. Помимо этих предварительных публикаций, см. более поздний с уточнениями перевод В. А. Лившица, опубликованный в книге: Альбом Л. И. Живопись Афрасиаба. С. 54–56. Не стоял ли во главе самаркандского посольства также мо-джо?

²⁰⁴ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 150, 154–155; Maenchen-Helfen O. Manichaeans... P. 321.

²⁰⁵ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 186–197; Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство. С. 523–525.

²⁰⁶ Проблему отношений между манихейством и буддизмом начали разрабатывать еще первые исследователи восточного манихейства. Подробную библиографию см.: Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство. С. 538. Серию глубоких исследований на эту тему опубликовал боннский профессор Х.-И. Климкайт.

²⁰⁷ Asmussen J. P. Xuästvānift... P. 253–261; Gabain A., von Winter W. Türkische Turfantexte. IX: Ein Hymnus an den Vater Mani auf «Tocharisch» B mit alttürkischen Übersetzung // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jg. 1956. Nr. 2. Berlin, 1958. S. 11. Связь манихейства с буддизмом отмечена и арабо-персидскими источниками (Flügel G. Mani... S. 85; Kessler K. Mani... S. 317, 372), а также западными источниками.

²⁰⁸ Asmussen J. P. Xuästvānift... P. 254. Важные замечания об отношении манихейства к другим религиям см.: Boyce M. On Mithra in the Manichaean Pantheon // A Locust's Leg: Studies in Honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962. P. 44–45.

плане. В реальной же жизни каждая из религий неизбежно вступала в борьбу с другой. Одним из обычных приемов была вербовка адептов из числа правителей и вообще представителей господствующего класса. Так, уже первый миссионер манихейства на Востоке Мар Аммо, как рассказывается в согдийской версии «миссионерской истории», в областях Абаршахра (Нишапура) и Мерва обратил в манихейство «бесчисленное количество царей и правителей, вельмож и благородных, цариц и знатных дам, принцев и принцесс», выполнив тем самым «все приказания и распоряжения, которые [были даны] ему [Мани]»²⁰⁹. Существенно также, что, дойдя до конечной точки своего путешествия — Warusan (к югу или юго-западу от Балха), как повествуется в сохранившемся отрывке среднеперсидской версии этой истории, Мар Аммо «победил учения других религий», так что на него обратил внимание некий Warusan-sah²¹⁰. Картина достаточно красноречивая: никакой идиллии не было, шла напряженная религиозная борьба. Она осложнялась еще и тем, что в Тохаристане пустила корни и третья пришедшая религия — христианство (точнее, несторианство), отнюдь не отличавшееся миролюбием.

Чрезвычайно сложен вопрос о взаимоотношениях буддизма и зороастризма. В иконографическом плане можно сказать с уверенностью, что взаимовлияние имело место, в результате чего создавались такие синкретические произведения, как фрески Бамиана и Духтари-Нуширвана; образ Рустама переплетался с образом бодхисатвы и т. д. Вопрос же о влиянии буддизма на зороастризм в теологическом плане изучен очень мало. Тем не менее можно отметить следующее. По мнению такого авторитетного исследователя, как Р. Цэнер, зороастризм в сасанидскую эпоху явно испытывал влияние индийской религиозно-философской мысли²¹¹. В пехлевийско-зороастрийских книгах фигурирует злокозненный демон Az. По своему характеру он переключается с буддийскими avidya (невежество) и его проявлением trsna («сильное желание», которое связано со стремлением продолжать существование). По существу Az — перенос в поздний зороастрийский мир вышеуказанных буддийских представлений, причем в зороастризме они значительно видоизменялись. «Если идея по своему происхождению буддийская, — пишет Р. Цэнер, — то оформление ее полностью зороастрийское»²¹².

Более ясна картина влияния зороастризма и дозороастрийских иранских верований на буддизм. Проиллюстрируем это примерами из хотано-сакского и тумшукско-сакского языков. Так, хотано-сакское *gyas*, *gyasna*, *gyasta* и тумшукско-сакское *jezda* («дух», «почитание») восходят к авестийскому *uaz*, древнеперсидскому *uad*. Напротив, демон в хотано-сакском назывался *duuva*, что следует сопоставить с древнеперсидским *daiva*, авестийским *daeva*. Буддийское божество судьбы *Sri* именуется в хотано-сакском *Ssandramata*, в «Авесте» это *spenta armaitis*, что было эпитетом земли. Термин для установления закона, именно *data*, стал употребляться в значении буддийской *dharma*. Как заключает из этого Г. Бэйли, «старая терминология стала частично применяться для новых буддийских идей»²¹³. Именно так обстояло дело и в других областях Средней и Центральной Азии.

²⁰⁹ Henning W. B. Warusan-Sah. P. 82; *id.* Mittelliranisch... S. 94.

²¹⁰ Henning W. B. Warusan-Sah. P. 86, 88. Согласно среднеиранской версии миссионерской истории, в Хорасан Мар Аммо был послан вместе с принцем Артабаном, парфянином, чем, очевидно, Мани хотел облегчить вербовку адептов из старой парфянской знати. См.: Andreas F. C., Henning W. B. Mittelliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. II // SPAW. 1933. S. 303.

²¹¹ Zaehner R. C. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. New York, 1961. P. 195—198.

²¹² Ibid. P. 229—230. См. также: *id.* Zurvan: A Zoroastrian Dilemma. Oxford, 1955. P. 166—183.

²¹³ Bailey H. W. Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts. Vol. 4. Cambridge, 1961. P. 12—13.

Следует сказать несколько слов о христианстве. Как и манихейство, христианство попало в Бактрию-Тохаристан из Парфии²¹⁴. По Бируни, христианство проникло в Мерв примерно через 200 лет после Христа. В Мерве, Мерверуде, Бадгисе, Герате с начала IV — V в. упоминаются христианские епископы, а во второй половине VI в. в Герате учреждается митрополия²¹⁵. Возможно, к этому времени митрополии были и в других городах, есть, в частности, сведения о митрополии в Мерве²¹⁶.

Имеются археологические данные, подтверждающие распространение христианства в Мерве. Это некрополь (III—VI вв.), содержащий христианские погребения, а также небольшой монастырь (IV — сер. VI в.), очевидно, связанный с христианами-мелькитами. Кроме того, христианское сооружение находилось на Хароба Кошук в 18 км от Мерва. В других районах современной Туркмении найдены клад раннехристианских золотых медальонов и бляшек (Геок-тепа), буллы с несторианским крестом²¹⁷.

Сведения о христианстве в Бактрии-Тохаристане, как указывает Э. Захау, очень скудны²¹⁸; до сих пор остается спорным вопрос, был ли в Балхе несторианский епископ²¹⁹. Из сирийской «Книги законов стран», происходящей из школы Бардесана (умер в 222 г. н. э.), мы узнаем о христианках в Кушане. Это сообщение И. Маркварт с основанием относит к Бактрии. Сам Бардесан упоминает о христианах в Парфии. Евсевий Кесарийский (263—340 гг.) приписывает Бардесану такие слова: «Христиане не многоженствуют в Парфии, подобно парфянам... и [они] среди бактрийцев и гелов не оскверняют брачные узы». «Страна Кушан» также упоминается в гностическом «Гимне души», написанном, по-видимому, в 180—190 гг. н. э.

Ко времени Шапура II (IV в. н. э.) относится сообщение армянского автора Египше о том, что христианство распространилось до страны K'usank и оттуда на юг, до Индии. Козьма Индикоплов в своей «Христианской топографии» (середина VI в.) писал, что у бактрийцев, «хуннов», персов и «остальных индусов» церкви многочисленны²²⁰. В 549 г. по просьбе эфталитов несторианский патриарх Аба послал епископа для всех христиан в их владения. В «Истории Мар Аба» сообщается: «Через короткое время hartran (сирийское название эфталитов) Kudai послал священника в качестве посла к царю царей (Хосрову Ануширвану). Эфталиты, которые были христианами (krestyane hartraye), написали также письмо святому патриарху (Аба I), прося его назначить

²¹⁴ Карту распространения христианства в Иране и Средней Азии см.: Meer F., van der, Mohrmann Ch. Bildatlas der frühchristlichen Welt. Gütersloh, 1959. Taf. 36. О христианстве в Иране см.: Asmussen J. P. Christians in Iran // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (2). Cambridge; etc., 1983.

²¹⁵ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 275; Sachau E. Zur Ausbreitung des Christentums in Asien. Berlin, 1919. S. 64—66.

²¹⁶ Spuler B. Der nestorianische Kirche // HdO. Abt. I. Bd. 8. Abschn. 2. 1961. S. 140.

²¹⁷ Дресвянская Г. Я. Христианский некрополь древнего Мерва // Материалы научной конференции аспирантов Ташкентского гос. университета. Ташкент, 1966; она же. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: автореф. канд. дис. Ташкент, 1968; Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи / под ред. Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 123 (с библиографическими ссылками). См. основательный труд: Koshelenko G. A., Bader A., Gaibov V. The Beginnings of Christianity in Merv // Iranica Antiqua. Vol. 30. Gent, 1995. P. 55—70.

²¹⁸ Sachau E. Zur Ausbreitung des Christentums... S. 67.

²¹⁹ См.: Spuler B. Die nestorianische Kirche... S. 140.

²²⁰ См.: Бартольд В. В. О христианстве... С. 278; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940). 2., unveränderte Auflage. Hildesheim, 1961. S. 283; Mingana A. The Early Spread of Christianity in Central Asia and the Far East: A New Document // Bulletin of the John Rylands Library. Vol. 9. No. 2. Manchester, 1925; Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии... С. 123—124. О Бардесане и его трудах см.: Drijvers H. J. W. Bardaisan of Edessa. Assen, 1966 (Studia Semitica Neerlandica. No. 6).

священника, который был посланником, в качестве епископа всего царства эфталитов. Когда священник повидал царя царей и последний узнал о характере миссии, с которой он был послан, царь царей удивился этому». Просьба эфталитов была выполнена, и этот священник был назначен епископом страны эфталитов²²¹.

Христианство было распространено и у тохаристанских тюрков. Под 644 г. есть сообщение, что митрополит Мерва Илия (?) (Elijah) обратил за р. Оксус (т. е. в Тохаристане. — Б. Л., Т. 3.) большое количество тюрков — тюркского царя со всей армией, причем для этого ему пришлось вступить в состязание по части устройства чудес с тюркским «жрецом демонов»²²². В 719 г. в Китай прибыло несколько посольств из Тохаристана. Одно из них, появившееся в первом месяце, возглавлял, по переводу Н. Я. Бичурина, «главный тухолоский старейшина»²²³ (по К. Эноки, «big chief Tukharestan»), причем в Китае он выступал в качестве представителя царя Фулинь, т. е. Восточного Средиземноморья. По мнению К. Эноки, это может свидетельствовать о том, что несторианская церковь в Тохаристане находилась под западным контролем²²⁴. Не менее существенен содержащийся в этом сообщении намек на связь несторианской церкви с правящей верхушкой Тохаристана²²⁵. В надписи в Сианьфу (781 г.) упоминается пресвитер Miles — уроженец Балха²²⁶. К этому можно добавить, что о внутренней истории христианства в Бактрии-Тохаристане, как и вообще в Средней Азии, мы практически ничего не знаем. Высказано предположение, что на этой территории, как и на западе, христианство, в противоположность манихейству, адресовалось, по крайней мере вначале, простому населению²²⁷.

Наконец, помимо этих трех религий (буддизм, манихейство, христианство) в Тохаристане существовала и, представляется нам, была широко распространена среди масс городского и особенно сельского населения местная религия. Наши знания в области этой религии еще совершенно недостаточны, однако ясно, что во многих отношениях она имела точки соприкосновения и параллели с местной религией согдийцев²²⁸.

Итак, в Тохаристане и в той или в иной степени в других среднеазиатских областях VI — начала VII в. мы находим подлинный конгломерат религий, сражающихся за умы и души населения, влияющих друг на друга и нередко взаимно переплетающихся. При этом удельный вес буддизма, как явствует из приводимых ниже сведений письменных источников и данных об археологических памятниках, был весьма велик. В целях удобства мы ниже располагаем этот материал по областям Средней Азии.

²²¹ См.: *Mingana A.* The Early Spread... P. 304—305; *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. 3. Berlin, 1961. S. 104—105.

²²² См.: *Mingana A.* The Early Spread... P. 305—306.

²²³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 331.

²²⁴ *Enoki K.* The Nestorian Christianity in China in Mediaeval Time according to Recent Historical and Archaeological Researches // *Accademia Nazionale dei Lincei. Problemi attuali di scienza e di cultura. Quad. n. 62.* Roma, 1964. P. 72.

²²⁵ Некоторые данные о христианстве у эфталитов см.: *Altheim F.* Entwicklungshilfe im Altertum: Die grossen Reiche und ihre Nachbarn. Hamburg, 1962. S. 120—121.

²²⁶ См.: *Sachau E.* Zur Ausbreitung des Christentums... S. 68.

²²⁷ См.: *Spuler B.* Die nestorianische Kirche... S. 140. Об отличиях в догматике и богослужении в восточных, в том числе среднеазиатских, областях см.: *Mingana A.* The Early Spread... P. 321.

²²⁸ *Henning W. B.* A Sogdian God // *BSOAS. Vol. 28. Pt. 2.* 1965. P. 252—253; *Harmatta J.* Cusanica // *AO. T. 11. Fasc. 1—3.* 1960. S. 196—209; *Humbach H.* Kušan und Hephtaliten. München, 1961 (Munchener Studien zur Sprachwissenschaft. Beiht. 100). S. 18—25; *Widengren G.* Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965 (Die Religionen der Menschheit. Bd. 14). S. 333—343 (о религии согдийцев: S. 320—332).

Согд. В хрониках «Бэй-ши» и «Суй-шу» говорится, что жители Кана (самаркандского Согда) «поклоняются Будде»²²⁹. В конце VII в. пользовался известностью буддийский паломник, носивший имя Самгхаварма (Samghavarma), который был уроженцем Кан²³⁰, т. е. самаркандского Согда. Тан-шу сообщает, что жители Кана почитают буддийскую религию и приносят жертвы небу (в последнем Э. Шаванн видел проявление маздеизма)²³¹. Однако эти сведения не совпадают с теми, что сообщает Сюань-цзан. В биографии Сюань-цзана сказано, что в «стране» Кан (Самарканд) «царь и народ не верят в буддизм, но почитают огонь. Здесь есть здания двух монастырей, но в них нет монахов. Если приезжающие монахи пытались остановиться в них, местные жители выгоняли их горящими головнями». Именно это случилось с двумя монахами, сопровождавшими Сюань-цзана. Вместе с тем сообщается, что в результате бесед Сюань-цзана «царь и народ поверили в буддизм и было проведено большое собрание, для того чтобы посвятить некоторое число людей, которые после этого жили в монастырях»²³². В описании же путешествия Сюань-цзана никаких данных о буддизме в Самарканде нет²³³. Вполне вероятно, что успешность благочестивых «подвигов» буддийского монаха была преувеличена в его апологетической биографии. Можно предполагать, что с той же целью было подчеркнута «неверие» жителей Кана. Во всяком случае, принимать полностью на веру эти слова Сюань-цзана, совершенно противоречащие данным китайских хроник, на наш взгляд, по крайней мере, рискованно. Сюань-цзан, по мнению Габэн, в городах со смешанным населением интересовался прежде всего буддистами-китайцами и индусами²³⁴. Контраст в этом отношении между Самаркандом и Тохаристаном должен был быть очень большим. Может быть, и в этом направлении следует искать объяснение столь резкого расхождения между сообщениями хроник и Сюань-цзана. Вместе с тем ясно и другое: буддизм в первой половине VII в. занимал в Согде значительно менее видное место, чем в Тохаристане. В дальнейшем его роль продолжала уменьшаться. В конце первой четверти VIII в. в Самарканде был единственный буддийский монастырь с одним монахом²³⁵. В одном из мугских документов упоминаются sg'mn «буддийский монах», а также kph. Это, по мнению В. А. Лившица, по-видимому, санскритское kalpa — «установление, предписание», термин, встречающийся в буддийских памятниках. Как пишет этот исследователь, «на территории Самаркандского Согда, как можно судить по мугским документам, в начале VIII в. буддизм сколько-нибудь заметной роли не играл». В. А. Лившиц предполагает, что этот документ адресован «лицу, находящемуся за пределами Самаркандского Согда, возможно, в одном из согдийских селений Семиречья...»²³⁶ Это предположение едва ли пока можно обосновать, хотя его нельзя считать и исключенным. Отметим также, что индийское Buddha (Будда) через согдийское посредство (bwty, pwty)²³⁷

²²⁹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 272, 281.

²³⁰ *I-Tsing.* Memoire... P. 73—76.

²³¹ *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue... P. 136. N. 1. По мнению некоторых ученых, китайский термин *Hsien*, которым китайцы обозначали религию населения Запада, в танское время означал зороастризм, но раньше, возможно, им обозначались буддийские божества (*Dien A. E.* A Note on Hsien «Zoroastrianism» // *Oriens. Vol. 10. No. 2.* Leiden, 1957. P. 284—288). Однако Г. Бэйли высказал предположение, что китайское *hsien* происходит от иранского (*a*)θrya — названия, связанного с огнем божества зороастрийского круга, см.: *Bailey H. W.* Indo-Scythian... Vol. 4. P. II. N. 2.

²³² *The Life...* P. 46—47.

²³³ *Beal S.* Buddhist Records... P. 32—33.

²³⁴ *Gabain A., von.* Buddhistische Türkenmission... S. 167.

²³⁵ *Fuchs W.* Huei-ch'ao's... S. 452.

²³⁶ Согдийские документы... С. 165—166.

²³⁷ *Gershevich I. A.* Grammar of Manichaean Sogdian. Oxford, 1954. P. 4, 5, 179.

перешло в таджикский язык в значении «идол»²³⁸, иногда — «Будда»²³⁹. Вошедшее в таджикский и ряд других языков слово «шаман» («идолопоклонник») происходит из согдийского *šmn* — «монах» (от пракритской формы санскритского *śramaṇa*)²⁴⁰. Логичнее всего было бы предположить, что включение этих (и других аналогичных) согдийских слов в таджикский произошло именно там, где ареалы этих языков накладывались друг на друга, т. е. в Средней Азии, скорее всего в Согде или в соседних районах²⁴¹. Вместе с тем, как указал В. А. Лившиц, нельзя исключать и возможность «книжного» заимствования — из согдийской письменности (не обязательно, разумеется, среднеазиатского происхождения) в таджикско-персидскую литературу.

О буддийских культовых сооружениях в Согде свидетельствует древняя топонимика. В. В. Бартольд не без основания связывал название селения и сельского округа Санджарфаган (позже Зенджирбаг, к юго-востоку от Самарканда) с обозначением буддийского монастыря — сангхарамы. Он также считал, что Наубехарские ворота Самарканда и Бухары были первоначально связаны с вихарой²⁴². Лингвисты подтверждают, что санскритское *vihara* могло отразиться в более позднем *bihar*²⁴³. Часто же встречающееся в литературе сопоставление с вихарой названия самого города Бухары²⁴⁴ с лингвистической точки зрения несостоятельно²⁴⁵.

Учитывая все вышеизложенное, мы не можем согласиться с обычно высказываемым в литературе мнением, что буддизма к арабскому завоеванию в Согде не было. Правильной является более осторожная формулировка А. М. Беленицкого, знатока идеологии Согда: «...к периоду существования пенджикентских храмов VII в. буддизм был основательно оттеснен другими верованиями»²⁴⁶. Трудно при этом представить, что лишь в Согде буддизм не выдержал «конкуренции» с другими религиями, а во многих иных областях Средней Азии выдержал. Возможно, здесь сыграли роль другие факты. Выскажем в этой связи одну догадку.

В какие отношения вступала сангха, буддийская община, с государством, каков был ее юридический статус в Средней Азии, мы не знаем. Нет ничего невероятного в предположении, что в разные периоды эти отношения складывались по-разному. История буддизма в Китае показывает, что, усилившись, сангха пыталась обеспечить себе автономию от государственной власти (340–403 гг.)²⁴⁷, в Тибете

²³⁸ Henning W. B. Sogdian Loan-Words in New Persian // BSOS. Vol. 10. Pt. 1. 1939. P. 94. Cp.: Herzfeld E. Zoroaster... Vol. 2. P. 756.

²³⁹ Bailey H. W. The Word... P. 279–280. Обозначения Будды в разных языках Средней и Центральной Азии см.: Bailey H. W. Madu. A Contribution to the History of Wine // Silver Jubilee Volume of the Zinbun-Kagaki-Kenkyusho. Kyoto, 1954. P. 7–9.

²⁴⁰ Лившиц В. А., Хромов А. Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания: среднеиранские языки. М., 1981. С. 35; Абурейхан Бируни. Избранные произведения. Т. 2. Ташкент, 1963. С. 544–545. О термине *śrāmaṇa* в арабо-персидских источниках см.: Flügel G. Mani... S. 385–386; Alberuni's India. Vol. 2. P. 261. О термине *śrāmaṇa* в индийской литературе см.: Śastri A. Śrāmaṇa or Non-Brahmanical Sects // The Cultural Heritage of India. Vol. 1. Calcutta, 1958. P. 389.

²⁴¹ Henning W. B. The Inscriptions of Tang-i Azao // BSOAS. Vol. 20. 1957. P. 338; Lazard G. The Rise of the New Persian Language // The Cambridge History of Iran. Vol. 4. Cambridge; etc., 1975. P. 607; Залеман К. По поводу еврейско-персидского отрывка из Хотана // ЗВРОАО. Т. 16. СПб., 1904. С. 046–045.

²⁴² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана... С. 215–216.

²⁴³ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары // ВДИ. 1954. № 1. С. 155.

²⁴⁴ Frye R. N. Bukhara... P. 8–9; Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 80.

²⁴⁵ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности... С. 155.

²⁴⁶ Беленицкий А. М. Вопросы... С. 39.

²⁴⁷ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 106–107, 231, 255 sq.

буддизм слился с государственной властью²⁴⁸. Вполне вероятно, что такие тенденции имели место в Средней Азии в VI–VIII вв.

На территории Согда проводились обширные и многолетние археологические раскопки. Пока они не привели к открытию каких-либо памятников VI–VIII вв., связанных с буддизмом. Произведения монументального искусства, обнаруженные в Пенджикенте и Варахше, как считает А. М. Беленицкий, «не дают материал, который бы указывал на непосредственные связи этих памятников с буддизмом как с религиозной системой. Между тем понимать их, разобраться в их истоках без привлечения художественного наследия Индии, в первую очередь именно буддийского, мы также не в состоянии»²⁴⁹. С этим мнением перекликается заключение другого исследователя среднеазиатской живописи — В. А. Шишкина. Он пишет: «Ни в Варахше, ни в Пенджикенте, ни в Балалык-тепа нет и намеков на хорошо известную буддийскую иконографию. Отличаются эти росписи от синхронных росписей Индии и по стилю»²⁵⁰. Ход дальнейших рассуждений А. М. Беленицкого и В. А. Шишкина, когда они пытаются объяснить бесспорные соответствия между искусством Пенджикента и Варахши, с одной стороны, и искусством Индии — с другой (количество их для Пенджикента в процессе раскопок за последние годы резко увеличилось), примерно одинаков: они ищут последующие хронологические и территориальные звенья на юге Средней Азии, в Бактрии-Тохаристане. Мы в основном присоединяемся к этому, хотя между Согдом и Индией существовали и прямые контакты²⁵¹. Вместе с тем мы считаем необходимым обратить внимание на несомненный параллелизм, который возникает при исследовании манихейских и буддийских текстов из Восточного Туркестана, с одной стороны, и искусства Пенджикента и Варахши — с другой: за тем и другими маячит среднеазиатский буддийский фон²⁵². Трудно отделаться от мысли, что во втором случае он был лишь тохаристанским; вероятнее наличие и согдийского субстратного элемента.

Но возвратимся к согдийской религии. Анализируя тексты, Г. Хумбах показал, что в пантеон согдийцев благодаря буддизму вошли пять индийских божеств: Брахма, Индра, Махадева (Шива), Нараяна и Вайшнавана²⁵³. Трех первых они идентифицировали со своими, согдийскими, божествами. Так, они отождествляли Брахму со Зрваном, Индру с Адбагом, Махадеву с Вешпаркармом, причем были восприняты важнейшие черты индийской иконографии этих божеств. Например, Брахма-Зрван имел, согласно «Вессантара-джатаке», бороду; Индра-Адбаг располагал третьим

²⁴⁸ Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии. Пг., 1919.

²⁴⁹ Беленицкий А. М. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье // Индия в древности. М., 1964. С. 189. Ср. попытку К. Йеттмара рассматривать сцену «Оплакивание Сиявуша» как сцену сожжения умершего Будды: Jettmar K. Zur «Beweinungsszene» aus Pendžikent // CAJ. Vol. 6. No. 4. 1961. S. 262–267. См. также: Bussagli M. Central Asian Painting. P. 47–48.

²⁵⁰ Шишкин В. А. Варахша.

²⁵¹ Там же. С. 205–208. Они отчетливо отразились и на живописи, памятники которой недавно найдены на Афрасиабе, см.: Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966. С. 12–22; Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба; Silvi Antonini C. The Paintings in the Palace of Afrasiab // Rivista degli studi orientali. Vol. 63. Fasc. 1–3 [1989]. 1990. P. 109–144. Связи Согда с Индией были очень интенсивными. «Согдийцы, — пишет современный индийский исследователь, — глубоко проникли в индийскую историю и культуру». О распространении согдийцев в Северной, а может быть, и в Средней Индии, в частности, четко свидетельствуют индийские лингвистические материалы (Prakash B. Thakura // CAJ. Vol. 3. No. 3. 1958. P. 234).

²⁵² Marshak B. I., Raspopova V. I. Buddha Icon from Panjikent // SRAA. Vol. 5 [1997/98]. 1998. P. 297–307; Abdullaev K. Une image bouddhique découverte à Samarkand // Arts Asiatiques. T. 55. Paris, 2000. P. 173–175.

²⁵³ Humbach H. Vayu, Śiva und der Spiritus Vivens im ostiranischen Synkretismus // Acta Iranica. 4. Leiden; Téhéran; Liège, 1975. S. 397–408.

глазом, а Махадева (Шива)-Вешпаркар — тремя головами. Действительно, в живописи Пенджикента и Шахристана есть изображения трехголового мужского божества. Под одним из его пенджикентских изображений В. А. Лившиц прочел: *wspg(kr)* (Вешпаркар). Имеются и изображения Адбага, так согдийцы обозначали Ахура Мазду, имя которого называть избегали. А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак считают, что «буддийское наследие» лежит в основе иконографии и некоторых других согдийских божеств, например согдийская четырехрукая богиня на льве восходит к образу Парвати, жены Шивы. Есть и другие примеры²⁵⁴.

Известно, что во второй половине VI в. н. э. на развитие китайского искусства большое влияние оказала школа, основанная величайшим буддийским художником своего времени Цао Чжун-да — судя по его имени, выходцем из Средней Азии, из области Цао, причем неясно, из какой — восточной (Уструшана) или западной (Самаркандский Согд)²⁵⁵. Имеются и другие аналогичные данные письменных источников. Еще более убедительными являются богатейшие фонды среднеазиатской раннесредневековой живописи. Сопоставление ее с восточнотуркестанской показывает, какой существенный вклад в развитие живописи в Восточном Туркестане внесла среднеазиатская живопись²⁵⁶. После наших открытий на Аджина-тепа то же самое можно утверждать и в отношении скульптуры. Прошло время, когда среднеазиатское искусство считалось производным от иранского, однако до недавнего времени даже в капитальных трудах некоторых крупнейших западных исследователей преувеличивалась роль сасанидского искусства в формировании живописи Восточного Туркестана, а среднеазиатский вклад рассматривался как второстепенный²⁵⁷. Подлинно научный анализ всей совокупности имеющихся среднеазиатских материалов и сопоставление их с восточнотуркестанскими позволит заменить субъективные хронологические определения восточнотуркестанских фресок научными, а также пересмотреть идеи о происхождении и развитии восточнотуркестанской живописи²⁵⁸.

Но вернемся к Средней Азии. В раннем средневековье буддизм, судя по археологическим памятникам, был распространен также в Семиречье и в Фергане.

Семиречье. Л. Р. Кызласов полностью раскопал один буддийский храм на Акбешимском городище (8 км к юго-западу от города Токмак), Л. П. Зяблин — второй. Первый храм²⁵⁹ оказался замкнутым прямоугольным сооружением (76 × 22 м), вытянутым строго с востока на запад. Вход в узкой восточной стороне вел в подквадратный вестибюль, из которого можно было попасть в расположенные по бокам от входа привратные помещения (первоначально их было 6) и в большой двор (32 × 18 м). Этот двор имел, очевидно, вдоль боковых сторон айваны — навесы. В противоположной от входа узкой стороне двора был проход в восьмиколонный

²⁵⁴ Belenitskii A. M., Marshak B. I. The Paintings of Sogdiana // Azarpay G. et al. Sogdian Painting. Berkeley; Los Angeles; London, 1981. P. 28–35.

²⁵⁵ См.: Hirth F. Biographical Notes on Some Chinese Ancient Painters // TP. Vol. 6. Livr. 1. 1905. P. 434–435; Waley A. An Introduction to the Study of Chinese Painting. New York, 1961. P. 86–87; Bussagli M. Central Asian Painting. P. 53.

²⁵⁶ См.: Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись Пянджикента. М., 1954. С. 147–154.

²⁵⁷ См., например: Ghirshman R. Iran: Parthians and Sasanians. London, 1962. P. 317–324.

²⁵⁸ Ср.: Andrews F. H. Wall Paintings from Ancient Shrines in Central Asia recovered by Sir Aurel Stein. London, 1948. P. XVI.

²⁵⁹ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. 2. 1959. С. 155–227; Хмельницкий С. Г. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим // Там же. С. 243–265; он же. Между купанами и арабами: Архитектура Средней Азии V–VIII вв. Берлин; Рига, 2000. С. 226–231.

узкий зал, в глубине которого находилось квадратное святилище (с входом на стороне, обращенной к залу), окруженное обходным сводчатым коридором, который двумя проемами связан с колонным залом. Стены массивные, толщиной 2–3 м, кладка из пахсы и сырцового кирпича. В западной стороне зала, по сторонам входа в святилище, имеются два узких ступенчатых постамента. Около одного из них на лотосовидных возвышениях расчищены ступни и ноги ниже колен крупной скульптуры Будды (длина ступни — 0,8 м). У другого пьедестала — фрагменты крупной скульптуры. По предположению Л. Р. Кызласова, на первом постаменте была крупная скульптура сидящего Будды с опущенными на пол ногами, на втором — скульптура сидящего Будды. Здесь имеются еще два пьедестала — суфы.

В святилище (площадь его 40 кв. м), как считает Л. Р. Кызласов, находилась бронзовая статуя Будды: от нее сохранились мелкие фрагменты. Кроме того, были найдены бронзовые позолоченные бляхи с изображением буддийских сюжетов. В центре святилища было обнаружено квадратное углубление.

Второй храм²⁶⁰ имеет вид замкнутого квадрата со стороной 38 м, с главным входом, фланкированным пилонами с северной стороны и двумя узкими входами по бокам. Из центрального прохода попадали в прямоугольный дворик, с двух сторон ооконтуренный дополнительными стенами: здесь логично предположить (вопреки Л. П. Зяблину) айванную конструкцию. В этот дворик вели проход из центрального святилища и два прохода из опоясывавшего его с трех сторон внутреннего обходного коридора. Внешний коридор обходил и боковины предполагаемого айвана, заканчиваясь у фронтальной стены.

Центральное святилище имело внутренние размеры 10,5 × 10 м. План крестовидный, причем выступы-заполнения углов не перевязаны с основными стенами. Пол алтарного помещения приподнят на 0,9 м, вход в помещение по пандусу. В каждой из трех ниш располагался трехступенчатый постамент высотой 27–29 см, по сторонам которого находились сферические постаменты с изображением цветков лотоса. По углам помещения располагались узкие суфы. Во внутреннем и внешнем обходных коридорах также имелись постаменты для скульптур. Коридоры были сводчатыми (высота стен — 2,8 м). Стены толщиной 2,1–4 м в основном были сложены комбинированной пахсово-кирпичной кладкой и покрыты росписью (сохранился один небольшой фрагмент).

Многочисленные скульптуры, по мнению Л. П. Зяблина, были стоящими. Из сохранившихся фрагментов можно упомянуть голову бодхисатвы с пышным головным убором, куски других голов: Будды (?), докшита (?), части прически очень крупной центральной фигуры Будды и лепнину.

Наконец, в Ак-Бешиме же А. Н. Бернштам в 1940 г. частично раскопал еще один буддийский монастырь. Здесь также имелось святилище с обходным коридором; найдены постаменты фигур, кровельная черепица, санскритская и уйгурские надписи.

С акбешимскими буддийскими монастырями связано одно сообщение китайских источников. Мы имеем в виду заметку о Суге (Суябе) китайского путешественника VIII в. Ду Хуаня. Его путевой отчет не сохранился, но отрывок о Суге процитирован у другого автора — Ду Ю (735–812). Отчет Ду Хуаня был закончен после 762 г., но само посещение Суге состоялось раньше, примерно около 750 г.

Синологи неоднократно обращались к этому тексту. Как недавно показал А. Форте, возможны два варианта его чтения.

Первый вариант: «Здесь есть также окруженный стенами город Суге. В 7-й год Тяньбао (748) Ван Чжэнцзянь, военный наместник Бейтинга (Бешбалык), атаковал

²⁶⁰ Зяблин Л. П. Второй буддийский храм...

Суе, [поэтому] стены города были разрушены и строения деревни (деревень) превратились в руины. На месте, где раньше жила принцесса Цзяохэ, был построен монастырь Даюнь, который все еще существует».

При изменении пунктуации возможен второй вариант перевода заключительной части отрывка:

«Это место, где в прошлом жила принцесса Цзяохэ. Монастырь Даюнь, который был воздвигнут [в Суе?] еще существует».

А. Форте отмечает несообразность, возникающую в связи с понятием *уѣи* — «строения деревни (деревень)», ведь Суе был большим городом. Примененный в тексте термин, как считает этот ученый, может быть использован для обозначения пригорода или какой-либо части города.

Синолог К. А. Фоменко любезно обратила наше внимание на то, что начальная фраза отрывка может быть истолкована и переведена иначе, но это совершенно не меняет значимой для нашей темы информации о монастыре Даюнь.

Э. Шаванн, со ссылкой на Ф. Хирта, понимал этот текст в соответствии с первым вариантом перевода, а именно в том смысле, что буддийский монастырь Даюнь был сооружен в 748 г. китайским генералом Ван Чжэнцзянем, причем в том месте, где жила принцесса Цзяохэ, дочь ашина Хуйдао. Вслед за Шаванном этой интерпретации последовал Г. Клаусон, один из крупнейших авторитетов в области тюркологии, ныне покойный, который также сопоставил монастырь Даюнь с акбешимским монастырем, раскопанным Л. Р. Кызласовым. Однако Л. Р. Кызласов датировал раскопанный монастырь самым концом VII — началом VIII вв. Г. Клаусон предложил эту датировку «омолодить», чтобы совместить со своим и шаванновским пониманием китайского источника, т. е. середина и вторая половина VIII в. Разумеется, это предложение не имеет археологических обоснований и должно быть отвергнуто как произвольное и ошибочное. Нет также никаких доказательств и того, что монастырь Даюнь — это именно тот монастырь, который в Ак-Бешиме (Суябе) раскопал Л. Р. Кызласов. К тому же А. Форте показал, что эдикт об учреждении монастыря был выпущен 5 декабря 690 г., а сам монастырь мог быть построен между 693 и 705 гг. Косвенно эта ранняя дата подтверждается тем, что в тексте сказано, что, когда Ду Хуань около 750 г. посетил Суе, монастырь «еще существовал». Так не стали бы писать, если бы монастырь был воздвигнут недавно, год-два назад (в 748 г.). Поэтому надо исходить из второго перевода конца фрагмента китайского текста²⁶¹.

В Чуйской долине, близ поселка Краснореченского, произведены раскопки крупных буддийских сооружений.

Первый храм имеет квадратное в плане святилище с целлой размером 3,2 × 3,2 м. Стены его были хорошо оштукатурены, на них были нанесены полихромные росписи. С трех сторон святилище окружено обходным коридором шириной 2,3–2,7 м. Выходы из коридоров и целлы ведут в открытый зал айванного типа. Перед Т-образными выступами стен на фасаде целлы имелись небольшие постаменты, на которых, по-видимому, находились скульптуры. Стены целлы и коридора покрывала двухслойная штукатурка, на которую была нанесена живопись. Среди сюжетов: Будда в арочной нише, цветы и др. Все это выполнено красной, синей и желтой красками и обведено черным контуром. Выказывалось мнение (А. Н. Бернштам), что эти картины близки к живописи манихейского «храма К» в Кочо, но собственно манихейских сюжетов и реальных иконографических совпадений нет.

²⁶¹ Литвинский Б. А. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // ВДИ. 1996. № 2. С. 190–193. См. также: Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue...; Clauson G. Ak Besim-Suyab // JRAS. 1961. Pt. 1–2. P. 1–13; Forte A. An Ancient Chinese Monastery Excavated in Kirgizia // CAJ. Vol. 38. No. 1. 1994. P. 41–57.

Имеется западная пристройка к храму, функции которой не ясны. Стратиграфические данные и находки как будто указывают на время не ранее VIII–IX вв., но вопрос о точной дате остается открытым.

В полукилометре от первого расположен второй храм. Раскопки показали, что он пережил два периода. В первом он включал в себя квадратную в плане целлу (6 × 6 м), окруженную четырехколенным коридором, который был шире в задней части (3,15 м). Практически раскопан лишь один, западный, коридор. Он сохранился на длину 10,4 м. Вдоль его восточной стены тянется высокий (1,4 м) хорошо оштукатуренный постамент (ширина 1,7 м), на штукатурке видны следы росписей. На постаменте на правом боку, головой к северу, находилась скульптура Будды в нирване. Голова и верхняя часть туловища до середины груди отсутствуют, сохранившаяся часть имеет длину 8 м. Из стены был сделан кирпичный выступ, который затем был моделирован в скульптуру двумя слоями штукатурки. Видны складки одежды. Скульптура и постамент окрашены в красный цвет. В завале встречены фрагменты настенной живописи. Кроме того, на специальных постаментах внутри целлы располагались скульптуры²⁶².

Во втором периоде существования храма произошли серьезные изменения. Входная стена переднего отрезка коридора была убрана. Пол в оставшейся части коридора был поднят; еще выше (на 80 см) был поднят пол внутри целлы. Вход в целлу был акцентирован с помощью двух устоев, в результате чего образовался пештак с нишей и ступенчатой лестницей. По бокам входа были установлены стоящие фигуры бодхисатв.

С этим храмом связаны находки двух позолоченных статуэток, изображающих Авалокитешвару, которые являются индийским импортом. Кроме того, отсюда происходит каменная стела. На ее лицевой стороне в рельефе — буддийская композиция. Вверху, внутри арки изображен Будда на лотосе; по сторонам от него — бодхисатвы; ниже — ступа и охраняющие ее львы; еще ниже — коленопреклоненные донаторы. Будда и буддийские божества изображены на тыльной и боковых сторонах стелы. Иконография стелы остается неизученной.

При раскопках во втором храме археолог В. Д. Горячева в 1984 г. обнаружила на полу помещения с Буддой в нирване фрагменты (около 100) рукописи на бересте. Листы были склеены из берестяной кожицы. Как любезно сообщила М. И. Воробьева-Десятовская, изучившая остатки рукописи, последняя была написана на брахми. Связный текст не восстанавливается. Можно прочесть лишь обрывки слов. По авторитетному заключению М. И. Воробьевой-Десятовской, рукопись была написана в VII в. и затем, в VII или VIII в. привезена в Среднюю Азию. Монеты, иконографические аналоги и палеография позволяют датировать второй краснореченский храм и его скульптуру VII–VIII вв.

Кроме того, на территории Семиречья найдено несколько бронзовых буддийских статуэток VIII–X вв., в том числе изображающие Будду, бодхисатву и др. Это импорт из Индии, в том числе из Кашмира²⁶³. Здесь же был найден каменный горельеф, выполненный в гандхарской традиции.

²⁶² Голованов Я. Чуйский колосс // Комсомольская правда. 1962. 7 июля. С. 3; Gorjaceva V. D. The Early Medieval Monuments of Buddhism in Northern Kirgizia // Buddhists for Peace. No. 4. Ulan Bator, 1980. P. 49; Кожемьяко П. Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана: материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе, 1989. С. 18–23.

²⁶³ Памятники культуры и искусства Киргизии: древность и средневековье. Л., 1983. С. 62–65. Рис. 249, 251–252; Горячева В. Д., Перегудова С. Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. С. 167–189; Kato K. Studies on the Buddhist Sites of Northern Central Asia // Bulletin of the Research Center for Silk Road-

На скалах вокруг озера Иссык-Куль есть множество буддийских тибетских надписей, особенно с формулой «Ом мане падме хум», изображения Будды и др.

Фергана. В 1958–1959, 1968–1969 гг. В. А. Булатова раскопала в Куве буддийский храм²⁶⁴, состоящий из двух частей. Западная часть (собственно святилище) подквадратной формы (11,9 × 11,2 м) с проходом, обращенным на юг. В центре помещения — квадратный кирпичный постамент (6,3 × 6,4, высота 1 м), на который ведет лестница, расположенная по оси входа. Стенки постамента были украшены барельефными изображениями. В углах постамента — четвертьнишки.

Вдоль одной из сторон помещения располагалась узкая суфа (постамент?). В северо-западном углу — возвышение (0,9 × 0,85, высота 0,9 м), южная сторона которого снабжена декоративными ступенями. Кирпичные стены святилища были покрыты многослойной штукатуркой, затертой алебастром; есть следы настенных росписей, в завале много фрагментов архитектурной лепнины. Перекрытие святилища было деревянным.

С востока к святилищу примыкает прямоугольное помещение (21 × 14 м), условно названное храмом. Фасады святилища и храма расположены на одной линии, но задний фасад храма значительно выступает. В северной половине храма расположена квадратная платформа — постамент (6 × 6 м), на углах которой имеются квадратные выступы. В середине сторон платформы-постамент — декоративные лесенки. Эта платформа-постамент является вариантом такого же постамента, найденного в центре святилища калаикафирниганского храма. Стены кувинского храма, видимо, были рассечены нишами, где стояли скульптуры. Ниши тянулись вдоль двух стен. Деревянное перекрытие поддерживалось деревянными же колоннами.

Фасадная стена имела ниши, стенки которых были расписаны. Перед частью стены располагался деревянный айван, где были установлены многочисленные глиняные статуи. Так, возле входа лежала глиняная статуя божества в 2,5 раза больше человеческого роста; крупные и мелкие остатки двух крупных конных статуй и статуй воинов находились у стены.

При раскопках был обнаружен большой комплекс скульптуры. Среди находок, помимо вышеназванных, крупная, в два раза больше натуральной величины, скульптура Будды, найденная на постаменте в храме (сохранились голова, плечи и правая рука), торс бодхисатвы, нижняя часть статуи, голова женского божества с венцом из черепов, отдельно — несколько глиняных черепов, голова льва и львиная маска, голова «воина Мары», статуи деват и др.

Добавим, что перед храмом находился прямоугольный огороженный двор, вдоль входной стороны которого располагались вспомогательные помещения²⁶⁵.

Открытие буддийского храма в Куве опровергает сообщение Хой Чао о том, что в «[Фергане] учение Будды неизвестно, нет никаких монастырей, ни монахов, ни монахинь»²⁶⁶. Выяснилось, что все это в Фергане было. Вместе с тем Хой Чао, быть

ology. Vol. 4. Tokyo, 1997. P. 121–184; Горячева В. Д. Новые находки индо-буддийской культуры в Кыргызстане // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000. С. 205–212.

²⁶⁴ Булатова-Левина В. А. Буддийский храм в Куве // СА. 1961. № 3. С. 241–250; Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972. С. 51–93. О кувинской скульптуре см.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... С. 34. По-видимому, в Фергане были и другие, помимо кувинского храма, буддийские сооружения, см.: Горбунова Н. Г. Раскопки поселений в зоне затопления Керкидонского водохранилища (Фергана) в 1964–1965 гг. // Секция археологии Средней Азии: тез. докл. (АН СССР, Институт археологии. Пленум Института археологии 1966 г.). М., 1966. С. 17.

²⁶⁵ Мкртычев Т. К. Кувинский храм: проблема интерпретации // Вера и культы домусульманской Средней Азии. М., 1997. С. 39–41.

²⁶⁶ Fuchs W. Huei-ch'ao's... S. 452; The Hye-Ch'o Diary... P. 54.

может, в данном случае не так уж недостоверен. Кува с ее храмом находилась в Южной Фергане, тогда уже завоеванной арабами, которые, вероятно, и разрушили кувинский храм.

Уструшана. Во многом неясным остается пока вопрос и о культовой принадлежности населения раннесредневековой Уструшаны. Разумеется, очень заманчиво привлечь с этой целью материалы процесса уструшанца афшина Хайдара, который в 841–842 гг. был обвинен, в частности, в тайном отправлении религии своих предков и в том, что он разрешил жителям Согда продолжать исповедовать их религию. Подробное изложение хода и материалов процесса имеется в ряде работ²⁶⁷, поэтому мы остановимся лишь на тех пунктах, которые связаны с нашей темой.

Средневековые источники сообщают, что афшин наказал двух мусульман, совершивших нападение на храм, где находились идолы, которых почитали жители Уструшаны. Приводя это место, Э. Херцфельд добавляет, что этот храм был буддийским²⁶⁸. При проведенном обыске во дворце афшина в Самарре был найден идол в виде деревянной фигуры, изображающей стоящего человека, богато украшенного, в частности, золотыми серьгами с драгоценными камнями. Там были найдены и другие «непристойные» изображения, идолы. Все они были преданы огню.

Переводя и комментируя этот отрывок, Э. Херцфельд вспоминает об идолах, посланных в 864–865 гг. из Кабула в Самарру, и отмечает, что всё это были, очевидно, буддийские статуи²⁶⁹. Казалось бы, в пользу этого предположения свидетельствует и следующее обстоятельство, известное из Табары. Один из хуттальских владетелей бежал от арабов сначала в Фергану, а из последней — в Уструшану, причем он привез с собой «множество изображений» и установил их в Уструшане²⁷⁰. «Бегство в Уструшану и то, что он там установил идолов, по-видимому, были не случайными», — пишет А. М. Беленицкий. Следует добавить, что правители Хутталя — об этом есть прямое сообщение источников (см. ниже) — исповедовали буддизм. И тем не менее даже все это не дает, вопреки мнению Э. Херцфельда, оснований утверждать, что афшину инкриминировалось именно исповедование буддизма. Против этого, в частности, свидетельствует следующее обстоятельство. У главной, очевидно, статуи были золотые серьги, следовательно, она не могла изображать Будду, а лишь бодхисатву. Маловероятно, чтобы последний, учитывая хинаянистский характер среднеазиатского буддизма, был в центре почитания.

Решение вопроса об удельном весе буддизма в Уструшане, который, как и в Согде, должен был играть определенную роль, зависит от дальнейшего наращивания археологических материалов. Они, несомненно, дадут ответ на этот вопрос.

Во время процесса афшина Хайдара всплыло и другое обстоятельство. Испახбад Табаристана Мазьяр показал, что в письмах, отправленных братом афшина брату испახбада, говорилось: «Никто не может помочь победить эту “белую религию” (кроме меня, тебя и Бабека), и в заключение: «И религия вновь станет такой, какой она была в дни персов». Основываясь, видимо, на последней фразе, Э. Херцфельд полагает, что «белая религия» — это персидская, противопоставленная исламу, но тут же сообщает, что ему неясно, почему именно «белая»²⁷¹. Как доказывает А. М. Беленицкий, «одетыми в белое» назывались в Средней Азии еще до восстания

²⁶⁷ Herzfeld E. Geschichte der Stadt Samarra. Hamburg, 1948; Негматов Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957 (ТАНТАджССР. Т. 55).

²⁶⁸ Herzfeld E. Geschichte... S. 148.

²⁶⁹ Ibid. S. 152.

²⁷⁰ Ibid. S. 149.

²⁷¹ Ibid.

Муканны манихеи, ибо у них «избранные» должны были носить белую одежду; одетыми именно в белое они изображаются в манихейской живописи. Согласно китайскому изложению доктрины манихейского учения, сделанному в 731 г. н. э., одним из внешних признаков самого Мани считалось то, что он был одет в белые одежды — это символизировало чистоту «божества, света, могущества, мудрости, он восседал на белом троне»²⁷².

Контекст вышеприведенного сообщения Табари не дает оснований для категорических заключений. Содержится ли в нем намек на возможность того, что манихейство было в какой-то степени распространено и в Уструшане? Ответить на этот вопрос трудно, ибо семья уструшанских афшинов продолжала придерживаться маздеизма, а тождественность понятий «белая религия» и «одетые в белое» весьма сомнительна.

В Уструшане, как и в Согде, главную роль продолжала играть местная религия. Подданные называли афшина Хайдара «богом богов» (так они обращались к нему, как он говорил в свое оправдание, по обычаю предков). На процессе это инкриминировалось Хайдару — и напрасно. Судя по документам с горы Муг, это выражение, как показал В. А. Лившиц, имело значение вежливого обращения и отнюдь не было связано с понятием о боге²⁷³. Хотя мусульмане, пишет В. Б. Хеннинг, знали это, они все же относились к этому идиоматическому согдийскому выражению с неодобрением. В результате стало возможным ложное обвинение Хайдара в самообожествлении²⁷⁴.

Вместе с тем в правящей семье Уструшаны были имена Divdad и Divdast, в составе которых было слово div (ew), причем оно выступает здесь, по мнению В. Б. Хеннинга, в своем первоначальном значении — «бог»²⁷⁵. Перефразируя слова Хеннинга²⁷⁶, можно предположить, что на древнее язычество уструшанцев (очевидно, весьма близкое к согдийскому) оказала влияние также религия Зороастра. И это было тем религиозным учением, которого придерживались правители Уструшаны, что, в частности, вменялось в вину афшину Хайдару. Характерно, что, как показали последние археологические находки, в погребальном культе Уструшаны находили применение оссуарии. Вместе с тем мы можем предполагать, что в Уструшане к моменту арабского завоевания нашли распространение и другие религии.

Тохаристан. Судя по сообщениям буддийских паломников, в столице Тохаристана Балхе в VII — начале VIII в. функционировали многочисленные (около ста) монастыри, в которых было около 3 тыс. монахов; здесь имелись разнообразные буддийские святыни; значительная часть населения исповедовала хинаянистское учение²⁷⁷.

²⁷² Беленицкий А. М. Вопросы... С. 47.

²⁷³ Haloun G., Henning W. B. The Compendium of the Doctrines and Styles of the Teaching of Mani, the Buddha of Light // AM. NS. Vol. 3. Pt. 2. 1952. P. 194 sq. Cp. Asmussen J. P. Xuāstvānīft... P. 162; Согдийские документы... С. 41, 92—93.

²⁷⁴ Henning W. B. A Sogdian... P. 249. Здесь же — о семантическом ряде развития значения этих терминов.

²⁷⁵ Ibid. P. 253—254. И. М. Оранский считает, что в этих именах слово *div* связано с теми его значениями в современных таджикском и персидском языках, которые переключаются с представлением «обо всем сверхъестественном, необычайном по могуществу, силе, величине, ловкости, искусству и т. д.». См.: Оранский И. М. Этимологические заметки // ИООНАНТалжССР. № 12. 1957. С. 79—82.

²⁷⁶ Henning W. B. A Sogdian... P. 250. Сообщение источников о том, что афшин Хайдар раз в неделю убивал овцу, разрубив ее пополам (Негматов Н. Уструшана... С. 145), быть может, указывает на то, что в круг божеств уструшанского пантеона входил Фарн, который в это время олицетворялся в образе барана.

²⁷⁷ Beal S. Buddhist Records... I. P. 44—46; The Life... P. 49—52; The Hye-ch'o Diary... P. 52; Fuchs W. Hwei-ch'ao's... S. 449. См. также: Foucher A. La vieille route... P. 84.

Сюань-цзан упоминает, что в Тами (Термез) в его время было с десяток монастырей, в которых жило около тысячи монахов, имелись ступы и изображения Будды. Он же сообщает, что в Чаганиане было пять монастырей с некоторым количеством монахов; в Шумане — два монастыря и небольшое число монахов; в Кубадане — три монастыря и около сотни монахов²⁷⁸.

Китайские источники сообщают, что в начале VIII в., в 719 г., правитель Цзюй-ми, т. е. Кумеда, по имени No-lo-uep, отправил посольство в Китай. Э. Шаванн распознал в этом имени китайскую передачу индийской формы Nagaana (или каких-либо ее местных вариантов). Я. Харматта считает, что этот факт несомненно указывает на то, что божество Nagaana было популярным на этой территории в начале VIII в. н. э.²⁷⁹

Сюань-цзан, перечисляя и кратко характеризуя территорию Тохаристана, называет области Hu-sha (Вахш) и Kho-to-lo (Хуттал), но в предельно лаконичных заметках о них ничего не говорится о распространении здесь буддизма²⁸⁰. Напротив, Хой Чао сообщает, что в Хуттале «царь, знать и народ верят в триратну, имеются монастыри и монахи, исповедуют учение хинаяны». То же самое сообщается и о Вахане, в то время как в Шугнане, по словам Хой Чао, буддийская религия не была распространена²⁸¹.

Блестящим подтверждением сведений Сюань-цзана и Хой Чао о распространении буддизма в северной части Тохаристана является обнаружение Л. И. Альбаумом при раскопках на Занг-тепа (в 30 км от Термеза) в слоях VII—VIII вв. рукописей на бересте. Наиболее сохранившийся лист написан центральноазиатским брахми, язык рукописи — буддийский санскрит. Честь расшифровки первого из найденных на Занг-тепа документов принадлежит М. И. Воробьевой-Десятовской. Как пишет этот исследователь, «по содержанию текст относится к той части буддийского канона, которая известна как Винайпитака (Vinayapitaka) или просто как Виная. Это — правила поведения для монахов, монахинь и мирян, принявших буддизм, регламентирующие все стороны жизни, а также монастырский устав».

Другие документы, раскопанные на Занг-тепа (всего здесь найдено, вместе с вышеуказанным, 12 фрагментов, поддающихся чтению, и множество мелких) также написаны вариантами брахми и принадлежат к числу буддийских; на Занг-тепа было, по-видимому, собрание буддийских текстов²⁸². Уместно в этой связи отметить, что переводческая деятельность выходцев из Тохаристана продолжалась и в это время. Так, в 705 г. буддийский монах из Тохаристана Ми-то-шань (Mi-tho-shan — Mitrosanta?) перевел на китайский язык одно буддийское сочинение²⁸³.

В современной и исторической топонимике Южного Таджикистана важное место занимает термин Пархар (Фархар) — наименование населенного пункта в Хуттале (сейчас это районный центр Пархар) и одноименной речки (низовья Кызылсу).

²⁷⁸ Beal S. Buddhist Records... I. P. 39—40.

²⁷⁹ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... P. 164—204; Harmatta J. The Oldest Kharosthi... P. 6.

²⁸⁰ Beal S. Buddhist Records... I. P. 41.

²⁸¹ Fuchs W. Hwei-ch'ao's... S. 452—453; The Hye-Ch'o Diary... P. 54—55.

²⁸² Альбаум Л. И. Письменность из замка Занг-тепе // ОНУ. 1963. № 2. С. 58—61; он же. Новые раскопки в Занг-тепе и индийские документы // Индия в древности. М., 1964. С. 199—209; Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Е. Н. Фрагменты санскритских рукописей из Занг-тепе (предварительное сообщение) // ВДИ. 1965. № 1. С. 154—162; Воробьева-Десятовская М. И. Памятники индийской письменности из Средней Азии // Индия в древности. С. 210—217; она же. Памятники письмом кхарошт-хи... С. 65—69.

²⁸³ См.: Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations... Col. 440 (N. 147).

В X в., согласно «Худуд ал-Алам», это слово произносилось *Barghar*²⁸⁴. Слово «п(ф)ар-хар», как указывает В. Б. Хеннинг, происходит из согдийского *βγr'g*, которое, в свою очередь, восходит к *viḥara*²⁸⁵.

Важнейшим памятником буддизма в Северном Тохаристане является Аджина-тепа. Не повторяя того, что сказано в гл. II относительно генезиса и специфики архитектурных форм этого замечательного памятника, отметим лишь, что в его планировочном решении, в особенностях архитектурного облика удается четко проследить влияние индобуддийских принципов, синтез с местными приемами — одним словом, Аджина-тепа зримо демонстрирует распространение не только буддизма как религии, но и многих составных частей индобуддийской материальной культуры. Чрезвычайно интересно в этом отношении и обнаружение замечательной аджинатепинской скульптуры. Конечно, последняя выдержана в духе буддийского канона, снабжена буддийскими аксессуарами, и вместе с тем она сильно отличается от индобуддийской скульптуры. В результате раскопок Аджина-тепа выявляется также наличие тохаристанско-буддийской школы архитектуры.

Вслед за открытием Аджина-тепа последовало обнаружение других раннесредневековых буддийских памятников на территории Южного Таджикистана.

В дворцовом комплексе раннесредневекового центра Вахшской долины — городища Кафыр-Кала Южнотаджикистанская археологическая экспедиция (начальник Б. А. Литвинский, раскопщик Е. И. Денисов) раскопала небольшой буддийский храм — своеобразную дворцовую капеллу. Она находится в юго-восточном углу комплекса и была возведена во втором периоде, в VI в., и продолжала существовать и позже, в VII — начале VIII вв.

Храм состоит из центрального святилища в виде квадратного помещения (3,4 × 3,4 м). В помещении было два прохода, один из которых заложен. Вдоль двух стен шли суфы. Стены были покрыты живописью с изображениями Будд и других буддийских персонажей. С четырех сторон центральное святилище было окружено четырехколенным обводным коридором. В середине западного отрезка коридора был проход, ведущий в айван. На входе в тронный зал были найдены фрагменты рукописей на бересте с текстом, выполненным на брахми²⁸⁶.

На городище Кала-Кафирниган, расположенном в 80 км юго-западнее г. Душанбе, в 1975–1977 гг. Южнотаджикистанской экспедицией (начальник Б. А. Литвинский, раскопщики А. А. Седов и В. С. Соловьев) раскопан буддийский храм²⁸⁷. Общая его схема следующая. Центральное помещение (квадратное святилище с двумя входами на одной оси) с трех сторон охвачено П-образным коридором, а с чет-

²⁸⁴ См.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 118–119; Беленицкий А. М. Историко-географический очерк... С. 120–123; *Hudūd al-'Ālam. The Regions of the World: A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D.* / transl. and explained by V. Minorsky. London, 1937. P. 71, 119, 208, 360–361. «Великим Фархаром», т. е. «Великой Вихарой», называлась в средневековых персоязычных источниках Лхаса (*Hudūd al-'Ālam*... P. 94, 262–263).

²⁸⁵ Henning W. B. Sogdian Loan-Words... P. 94. Этим была снята ранее предлагавшаяся Бенвенистом этимология. См.: *Hudūd al-'Ālam*... P. 263.

²⁸⁶ Литвинский Б. А., Денисов Е. И. Буддийская часовня в Кафыр-Кале // АРТ. Вып. 10. 1973; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана... С. 22–23, 109–123; Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштки... С. 85–86.

²⁸⁷ Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 558–559; он же. Средневековый центрический мавзолей...; он же. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 116–138; он же. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983; он же. Калаи-Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. 14. 1979.

вертой стороны, у одного из входов, находился четырехколонный портик. Из противоположного портика отрезка коридора один проем вел в маленькое квадратное помещение, располагавшееся вблизи продолжения оси святилища (проведенной через проходы), другой — в помещения внешнего пояса (два помещения, соединенные длинным узким коридором). К портику примыкает огороженный двор.

Святилище имеет почти квадратные очертания (4,65 × 4,95 м) и, как указывалось, два прохода — на западной и восточной сторонах. В центре помещения — большой двухступенчатый звездчатый постамент. Первоначально он был крестовидный, позже он был перестроен и усложнен. В восточной части, обращенной к проему, ведущему к портику, был устроен блоковидный постамент, примкнувший к основному с четвертькуполами в углах. Можно думать, что здесь была скульптурная фигура сидящего Будды, на остальных трех сторонах — стоящие скульптурные фигуры. Углы помещения были заполнены постаменными пятиугольной формы. На постаментах — следы ступней ног стоявших скульптур²⁸⁸.

В середине южной стены располагалась крупная и глубокая арочная ниша с постаментом, на котором сидела скульптура Будды (сохранились основание фигуры и голова). В левой ячейке ниши был тайник, где обнаружено 37 замурованных глиняных светильников — чирогов.

В этом святилище было, по крайней мере, 9 крупных статуй: четыре на угловых постаментах, четыре на центральном, одна в нише, и, как показывают обломки, множество мелких. В этом отношении описанное помещение можно сопоставить с *ratimaghara* («домом образа») цейлонских храмов²⁸⁹.

П-образный обходной коридор имел ширину 2,1–2,2 м. В его южном колене во внешней стене святилища была устроена ниша на том же месте, что и ниша внутри помещения. В ней на постаменте располагалась фигура сидящего Будды, от которого сохранилось лишь основание. Стены коридора были полностью расписаны, часть настенной росписи сохранилась.

Квадратное помещение, в которое попадали из западного отрезка коридора, расположенного (со значительным смещением) вблизи оси, проведенной через оси святилища, было очень небольшим (2,55 × 2,6 м). Его пол значительно выше полов остальных помещений. По углам помещения — перспективно-арочные тромпы. Ярус тромпов дополняется глубокими арочными нишами на высоте 0,4–0,6 м над полом. Помещения внешнего пояса носили вспомогательный характер.

Святилище пережило три периода. На основании находок монет и других данных третий период относится к началу VII — середине VIII вв. Первый и второй периоды, вероятно, следует относить к концу V — началу VII в. На последнем периоде это был, несомненно, буддийский храм — *viḥara*.

Раскопки Калаи-Кафирнигана привели к открытию серии полихромных буддийских скульптур и великолепной настенной живописи с изображением сцены пранидхи.

Наконец, недавно в Ховалингском районе Кулябской области Таджикистана М. Муллоканов раскопал буддийский монастырь Хишт-тепа. Это замкнутая постройка с входом, обращенным на восток, из которого попадали в центральное крестообразное помещение с проемами посреди четырех сторон. Вдоль стен помещения и проходов тянулись суфы. На одной оси с проемом и проемами центрального помещения, в западной части комплекса находилось святилище — подквадратное

²⁸⁸ Аналогичное устройство постаментов, на которых были стоящие статуи, в углах квадратного помещения 36 Тепа-Сардара, см.: *IsMEO Activities* // EW. Vol. 19. No. 3–4. 1969. P. 545–546. Pl. 9.

²⁸⁹ Geiger W. Culture of Ceylon in Medieval Times. Wiesbaden, 1960. P. 191.

помещение, окруженное с четырех сторон обводным коридором. Внутри святилища располагалась ритуальная прямоугольная П-образная в плане платформа. На фасадной стороне ее пилонов — аркады. Из южного колена коридора можно было попасть в квадратную cellу, центр которой занимала крестовидно-звездчатая в плане ступа. Углы помещения были заполнены постаментами, на которых, очевидно, стояли статуи. Вдоль западного фаса располагались три кельи, вдоль восточного — служебные помещения. Здание было украшено живописью и скульптурой, которые сохранились в минимальной степени. Найдено большое количество глиняных моделей «ступы»²⁹⁰.

При разведывательных раскопках на городище Калаи-Шадмон (в восточных окрестностях Душанбе) была обнаружена живопись. Несмотря на сильную разрушенность, можно предполагать, что она принадлежит к буддийскому кругу²⁹¹.

Из отдельных находок буддийского характера упомянем каменную голову Будды из Вахшской долины, найденную недалеко от Кафыр-Калы²⁹². Она скорее всего относится к V–VI вв.

Как указывалось выше, были обнаружены также памятники письменности. Наиболее важная находка была сделана в Сурхандарьинской области на Занг-тепа, где Л. И. Альбаум обнаружил 12 крупных и множество мелких фрагментов рукописей, написанных на бересте письменностью брахми, теми его разновидностями, которые засвидетельствованы в гильгитских рукописях; язык — буддийский санскрит. На одном листе был написан текст из «Винаи» — свода правил поведения для монахов, монахинь и мирян, принявших буддизм, монастырского устава. Опубликовавшая этот текст М. И. Воробьева-Десятовская установила, что это раздел «Винаи», посвященный тем, кто отказался от принципов буддийского учения²⁹³.

В связи со всем этим есть смысл обратиться к рассмотрению двух проблем: 1) степень распространенности буддизма в Тохаристане; 2) характер среднеазиатского буддизма.

Являлось ли сообщение Хой Чао о том, что в Тохаристане, в частности в Хуттале, не только царь и знать, но и народ причастны к буддизму, преувеличением? Нам представляется, что элементы преувеличения в нем, безусловно, есть. Но поставим вопрос иным образом: глубоко ли вошел буддизм в жизнь населения Тохаристана, или же он являлся в основном религией горожан, как считает, например, А. Габэн²⁹⁴. Действительно, в Восточном Туркестане и Китае буддизм распространялся в среде городского населения²⁹⁵. Возможно, вначале так было и в Средней Азии. Но в VII — начале VIII в. здесь существовали уже не только «городские островки» буддизма, но он в какой-то степени захватил и сельское население. Об этом, помимо слов Хой Чао, неопровержимо свидетельствуют археологические памятники, прежде всего Аджина-тепа, Хишт-тепа и Занг-тепа, представляющие «негородской» буддизм.

Перейдем ко второй проблеме. Исследователи раннего китайского буддизма отмечают как его характерную черту «сосуществование» хинаяны и махаяны.

²⁹⁰ Муллокандов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепа в Ховалингском районе Таджикистана // ИБМАИКСА. Вып. 17. 1990. С. 12–20.

²⁹¹ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Раскопки на Калаи-Шадмон в 1979 г. // АРТ. Вып. 19. 1986. С. 227–234. Рис. 4.

²⁹² Litvinskij B. A., Solov'ev V. S. The Architecture and Art of Kafyr-Kala (Early Mediaeval Tokharistan) // BAI. NS. Vol. 4 [1990]. 1992. P. 63. Fig. 6.

²⁹³ См. примеч. 282.

²⁹⁴ Gabain A., von. Buddhistische Türkenmission... P. 166.

²⁹⁵ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 59.

Следует, однако, сказать, что заметных следов махаяны не прослеживается в переводческой деятельности Ань-Ши-гао и его ближайших помощников. Этот патриарх переводчиков сам являлся здесь основоположником одной из хинаянистских школ. Вместе с тем уже во II в. появляются и сочинения махаянистского толка. Но и в IV в. проповедники, приходившие в Китай из Тохаристана, были эрудитами в отношении составных частей хинаяны²⁹⁶ — направления, которое преобладало в среднеазиатском буддизме вплоть до конца его существования. Судя по перечням переведенных сочинений²⁹⁷, многие из среднеазиатских выходцев были не только хорошо знакомы с трудами, отражающими учение махаяны, но и занимались их переводами. Быть может, в этом следует видеть намек на какие-то совершенно неизвестные нам явления, связанные с возможными попытками распространения в Средней Азии и учения махаяны и даже борьбы между представителями «малой» и «большой колесницы», как это было, например, в Хотане во второй половине III в. н. э.²⁹⁸

Как писал в VII в. упоминавшийся уже И цзин, «те, кто почитают бодхисатву и читают сутры махаяны, — приверженцы махаяны, те же, кто не делает этого, — называются хинаянистами». Однако и он признавался в трудности отнесения отдельных школ к хинаяне или махаяне²⁹⁹. Монахи монастырей юга Средней Азии, судя по находкам письменных памятников, держали в руках сочинения хинаянистского характера; за пределами Средней Азии они проповедовали хинаяну и переводили ее основополагающие труды; хинаянистами их называли проезжавшие здесь паломники-буддисты. Но это не значит, что в среднеазиатских монастырях не почитались бодхисатвы. Как показывает иконография скульптуры из Аджина-тепа, здесь изготавливались и ставились в монастырях наряду с изображениями Будды и персонажей, связанных с его жизнью, также изображения бодхисатвы. Однако здесь последние еще не выдвигаются на передний план, культ их не становится самодовлеющим.

По-видимому, и в вероисповедном и в церемониальном отношении среднеазиатский буддизм имел определенную специфику. Об этом свидетельствует прямое указание И цзина о том, что церемония *upavasatha*, как она совершается в таких странах, как Тухара (Тохаристан) и Сули (Кашгар), отличается от этой же церемонии в других странах³⁰⁰.

Мерв. Для истории буддизма в Мерве в период раннего средневековья мы также располагаем интереснейшими археологическими данными. В древнем Мерве во втором буддийском святилище был найден сосуд с сасанидскими монетами VI в. н. э. В этом сосуде находились также каменные буддийские статуэтки и спрессованные пальмовые листья, как установила М. И. Воробьева-Десятовская, — листы буддийской рукописи, всего 150 штук, текст на которых написан черной «тушью» с двух сторон. Это конспект различных буддийских сочинений, названия которых в тексте отсутствуют. В первой половине рукописи изложены сюжеты притч, причем очень кратко: основной смысл сюжета, имена действующих лиц — вот и все. Анализируя

²⁹⁶ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 33–34, 54, 72, 202–204.

²⁹⁷ Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations... Cols. 38 sq.

²⁹⁸ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 62–63.

²⁹⁹ I-Tsing. A Record... P. 13–15; Franke O. Zur Frage der... S. 216. По И цзину (*I-Tsing. A Record...* P. 14), «в Северной Индии и на островах Южного моря они в основном принадлежат к хинаяне, тогда как в Китае — к махаяне». Подробный анализ этого утверждения И цзина см.: Hirakawa A. The Rise... P. 75–84. О размещении и численности приверженцев хинаяны и махаяны, а также об отношении к ним монастырей, по данным Фа Сяна, Сюан Цзяна и Хой Чао, см.: Lamotte E. Sur la formation du Mahāyāna. P. 392–396.

³⁰⁰ I-Tsing. A Record... P. 49.

содержание рукописи, М. И. Воробьева-Десятовская пришла к важному заключению: «Краткая конспективная форма изложения, при которой записаны только те детали, которые необходимо было запомнить точно, свидетельствует о том, что мы имеем дело с заготовками для устных проповедей. Причем зафиксированы именно в том виде, в котором автору конспекта это было необходимо, чтобы оживить их в памяти в нужный момент. Перебирая листы, перекладывая их, монах в популярной форме излагал учение Будды непосвященным».

Вторая половина рукописи, написанная более тщательно и другим почерком, является компиляцией на основе главных текстов канона Сарвастивадинов. Имеется колофон, где, в частности, сказано: «Заказавшему [это] написать с помощью лучшего друга, знатока «Винаи», [представителя школы] Сарвастивадинов...» Здесь впервые происходящий из Средней Азии буддийский текст связан со школой Сарвастивадинов, что окончательно удостоверяет ее распространение на среднеазиатской почве³⁰¹.

Находки в Мерве, все то, что известно о распространении там буддизма, христианства и манихейства, в корне подрывают конструкцию Э. Херцфельда, в одной из своих работ противопоставившего Мерв как центр и оплот зороастризма Балху как центру буддизма³⁰².

Таким образом, накануне арабского завоевания буддизм все еще занимал прочные позиции во многих областях Средней Азии. Это было хорошо известно арабским авторам, занимавшимся историей религии. Ан-Надим писал: «Этой [буддийской] веры придерживалось большинство жителей Мавераннахра до ислама и в древности»³⁰³. «Весь восток Ирана был обращен в буддизм»³⁰⁴ — хотя в этих словах Э. Херцфельда (сказанных позже, в другой его работе) и наличествует элемент преувеличения, все же основная мысль бесспорна. В источниках, повествующих об арабском завоевании, неоднократно сообщается о разрушении или захвате идолов или «домов идолов»³⁰⁵. Вопрос о том, к какой религии относились те или иные из этих идолов, не может быть решен с достоверностью, но представляется вероятным, что среди них были и буддийские идолы.

Знаменитый исследователь буддизма, буддийской археологии и искусства А. Фуше в свое время утверждал, что буддизм никогда не расцветал к западу от линии, соединяющей Кандагар и Балх. Она получила название «линии Фуше»³⁰⁶. Открытие буддийских памятников в Мерве, в четырех сотнях километров к западу от этой линии, опровергло эту гипотезу. Однако остался открытым вопрос о степени распространения буддизма во внутренних областях Ирана. Один из современных ориенталистов, Р. В. Булье, посвятил этому вопросу специальное

³⁰¹ Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Е. Индийские рукописи в Туркмении // Наука и жизнь. 1966. № 1. С. 26; Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштки... С. 69–85; она же. Памятники индийской и тибетской письменности I тыс. н. э. из Восточного Туркестана и Средней Азии как источники по истории и культуре: автореф. докт. дис. М., 1988. С. 10, 31–32. В расписной вазе из первого буддийского храма в Мерве была обнаружена еще одна рукопись (блок берестяных листов, не склеенных друг с другом). Однако эта рукопись еще не исследована. В свете новых открытий представляется вероятным, что известные мургабские пещеры, вопреки не раз высказывавшимся точкам зрения, все же имеют непосредственное отношение к буддизму.

³⁰² Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930 (MASI. No. 38). P. 13–14 (речь идет о длительном времени — от аршакидского до конца сасанидского периода).

³⁰³ Бартольд В. В. О христианстве... С. 269. См. также: Flügel G. Mani... S. 386; Navdi S. The Origin of the Barmakids // Islamic Culture. Vol. 6. No. 1. Hyderabad. 1932. P. 5.

³⁰⁴ Herzfeld E. Zoroaster... Vol. 2. P. 755.

³⁰⁵ Детальные сведения по этому вопросу приведены в трудах В. В. Бартольда.

³⁰⁶ Foucher A. La vieille route... P. 280–283.

исследование³⁰⁷. Он исходит из того, что название «Наубехар» в Балхе представляет собой иранизированную форму санскритского *naḥa viḥaṇa* — «новый монастырь». Он отмечает, что топоним «Наубехар» был распространен в раннеисламское время в Средней Азии и Иране; указывает на «Наубехарские ворота» в Самарканде и Бухаре, а также на селение с таким названием около Бейхака (в Хорасане) и на западе Ирана — у города Рей. Это название сохранилось в Афганистане и Иране (в том числе и на самом западе), но наиболее часто оно встречается в восточном Хорасане, от Сабзавера и Нишапура до Герата.

Буквальное значение слова «Наубехар» в современном фарси — «новый источник», но Р. В. Булье стремится доказать, что это понятие применялось как топоним не в буквальном смысле. Более того, он склоняется к идее о том, что распространение этого топонима отмечает ареал некоей школы (или секты) иранского буддизма. Один из крупнейших современных иранистов-лингвистов Р. Э. Эммерик, скептически отнесся к этому построению. «До тех пор, пока точно не определено, что означает этот термин («наубехар»), только из факта его засвидетельствованного присутствия было бы неразумным делать заключение, что связанные с ним поселения являлись важными центрами буддизма»³⁰⁸.

С арабским завоеванием Средней Азии обычно ассоциируется прекращение существования буддизма в этой стране. Такое утверждение неточно. Ниже приводятся данные относительно долины Бамиана. Следует сказать, что и на севере Средней Азии, в Семиречье, за пределами основного ядра покоренных арабами территорий, продолжают существовать и воздвигаться новые буддийские культовые сооружения. Они были открыты и исследованы А. Н. Бернштамом, который датировал их IX–XII вв.³⁰⁹ Характерно при этом продолжение традиции: буддийские культовые постройки имелись в IX–X вв., в частности, на том самом акбешимском городище, о храмах которого подробно говорилось выше³¹⁰.

В истории буддизма в Семиречье много неясного. Известно, что у уйгуров в 762–845 гг. манихейство стало государственной религией, причем были сожжены почитавшиеся до этого изображения Будды. В самом Семиречье манихейство также распространилось: хакан западных тюрок в VIII в. считался могущественным покровителем всех манихеев Востока, вплоть до Китая³¹¹. Возможно, именно с этим периодом связано запустение первого и второго акбешимских храмов. В 766 г. каган западных тюрок-тюргешей был разгромлен карлуками, которые заняли Суяб и Талас³¹², причем, по-видимому, к этому событию относятся слова Джахиза (умершего около 868 г.), видевшего причину этого поражения в «изнеживающем» влиянии, оказанном на тюрок манихейством³¹³. В IX в., после падения Уйгурского государства, уйгуры вынуждены были продвигаться с переменным успехом с карлуками в области между Или и Иссык-Кулем³¹⁴. Приход сюда уйгуров, возможно,

³⁰⁷ Boulliet R. W. Naw Bahār and the Survival of Iranian Buddhism // Iran. Vol. 14. London, 1976. P. 140–143.

³⁰⁸ Emmerick R. E. Buddhism in Pre-Islamic Times // Encyclopædia Iranica. Vol. 4. Fasc. 5. London; New York, 1990. P. 493.

³⁰⁹ Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. № 14. 1951. С. 18–55, 131–133, 139–140; он же. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур: от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 295.

³¹⁰ Кызласов Л. П. Археологические исследования... С. 236. Примеч. 10.

³¹¹ Gabain A., von. Der Buddhismus... S. 506–507.

³¹² Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... P. 286.

³¹³ Marquart J. Osteuropäische... S. 91–93; Hudūd al-'Alam... P. 267–268, 287.

³¹⁴ Hudūd al-'Alam... P. 287.

усилил позиции манихейства. По словам Ан-Надима, манихеи жили в Самарканде и преимущественно в Нукате³¹⁵ (в другом случае, согласно «Фихристу», — в Навекате), т. е. в области Ташкента и в Семиречье³¹⁶. По мнению В. Минорского, «Фихрист» в данном случае освещает главным образом ситуацию начала X в. и, кроме того, включает в себя данные о более ранних переселениях манихеев в области, занятые тюрками. Характерно, что Навекат вместе с тем является резиденцией несторианского епископа³¹⁷.

Однако постепенно, как показывают источники, значение буддизма возрастает. К X в. он вновь приобретает очень большое число сторонников среди тюрков, согдийцев, саков, тохарцев и китайцев Восточного Туркестана; можно говорить не только о возрождении, но и о расцвете буддизма в это время³¹⁸. По-видимому, аналогичные процессы происходили в Семиречье, где сохранению буддизма способствовало ослабление саманидского государства к середине X в.

С монгольским завоеванием связывается кратковременное возрождение буддизма в Средней Азии. Памятником этого процесса является буддийская кумирня в Мерве, которая датируется второй половиной XIII в. Судя по остаткам декорации, она была оформлена в духе дальневосточных традиций, в целом же архитектура ее эклектична³¹⁹. Последняя волна буддизма, уже в ламаистской форме, связана с эпохой развитого средневековья. Вещественные следы, в частности в виде знаменитой формулы «ом мани падме хум», встречаются во многих точках на севере Средней Азии.

Чрезвычайно важна в научном отношении проблема роли буддизма и связанных с ним элементов светской культуры, а также искусства в дальнейшем развитии среднеазиатской культуры — после арабского завоевания и введения ислама. По существу, это часть более общей проблемы о «домусульманском» наследии цивилизации народов Средней Азии. В этом плане научные исследования почти не проводились, и многое еще остается неясным. Не считая возможным освещать ее в настоящей работе во всех аспектах, остановимся лишь на нескольких моментах этой интересной проблемы.

В средневековых сочинениях по суфизму список суфиев начинается именем Ибрахима ибн Адхама, балхского принца, умершего в 777 г. н. э. История его обращения в мусульманство во многом напоминает историю обращения Будды. Вместе с тем он имел контакты с христианскими отшельниками. Балхцем же был еще один из самых ранних суфиев — ученик Ибрахима по имени Шакик, умерший в 810 г. Ибн ал-Мубарак (умер в 797 г.) происходил из Мерва; известен еще целый ряд суфиев из «Хорасанской группы», которая занимала ведущее место в раннем суфизме³²⁰. Уже Бируни указал на точки соприкосновения учения ранних суфиев, в том числе Абу Бахра ан-Шибли (861–945 гг.) и Абу Йазид ал-Бистами (умер в 878 или 879 г.

н. э.), а также не названного им по имени суфия ал-Хаддаджа (умер в 922 г.), с одной стороны, и индийских религиозно-философских учений — с другой³²¹. Первый из этих суфиев был уроженцем Мавераннахра, второй — города, расположенного в Северном Иране, у Каспийского моря, третий много лет провел в Хорасане, Средней Азии и Индии. Один из этих суфиев, а именно Абу Йазид ал-Бистами, впервые выдвинул положение о фане — буквально «небытии», состоянии, когда человек исчезает, слившись с божеством. Вскоре это положение было воспринято большинством школ суфизма, причем фана рассматривалась конечной целью путника тарика («суфийского пути») ³²².

Ряд специалистов по истории суфизма, в том числе такие крупные, как М. Хортен³²³, сопоставляют фана с буддийской нирваной, другие, в том числе Е. Э. Бертельс, отрицают возможность такого сопоставления³²⁴. А. Кремер, И. Гольдциер, Р. Никольсон, М. Хортен и другие вообще выдвинули идею, что в учении ранних суфиев имеются признаки влияния индийских философских школ³²⁵, однако, по мнению Е. Э. Бертельса, вопрос во многом остается нерешенным³²⁶.

Что касается именно буддизма, И. Гольдциер привел ряд данных о том, что буддизм и суфизм имеют точки соприкосновения. Он указал, в частности, что в аскетической мусульманской литературе весьма активно разрабатывался сюжет о могущественном правителе, который отказывается от своего земного царства и становится сторонником отрицания мирской жизни. Именно в этой связи он подробно разбирает биографию Ибрахима ибн Адхама, вопрос о соотношении буддийского и мусульманского странствующего монашества и др. Вывод И. Гольдциера: собранные им факты следует рассматривать как признаки влияния буддизма, хотя он не отрицает и других влияний³²⁷.

Против признания роли буддизма в развитии суфизма выступал, в частности, Д. Масиньон. Полемизируя с другими исследователями (Гольдциером, Никольсоном), он утверждал, что буддизм в этом процессе не следует принимать во внимание. В системе его возражений значительное место занимают следующие соображения: 1) в самой Индии к VIII в. буддизм пришел в упадок; 2) от гипотезы о так называемом «Наубехаре» в Балхе теперь отказались³²⁸. Нетрудно видеть, что оба эти довода бьют мимо цели: буддизм действительно к VIII в. утратил свое былое значение в Индии, но вместе с тем имел огромный вес на юге Средней Азии и в Афганистане, т. е. на территории, выходцы с которой сыграли важную роль

³²¹ Абурейхан Бируни. Индия. С. 114.

³²² Бертельс Е. Е. Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы // Бертельс Е. Е. Избранные труды: Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 32. Подробнее об этом см.: Massignon L. Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane. Paris, 1922. P. 38–39, 75, 96; Goldzieher J. Vorlesungen über den Islam. Heidelberg, 1925. S. 162–342; Ali Abdel Karim. Al-Junayd's Theory of Fanā // The Islamic Quarterly. Vol. 1. No. 4. London, 1954. P. 219–228.

³²³ Horten M. Die indische Strömungen in der islamischen Mystik. I: Zur Geschichte und Kritik. Heidelberg, 1927 (Materialien zur Kunde des Buddhismus. Hft. 12). S. 17–24.

³²⁴ Бертельс Е. Е. Происхождение суфизма... С. 32.

³²⁵ Nicholson R. A. A Literary History... P. 289–391; Horten M. Die indische Strömungen... См. также соображения В. А. Жуковского, что Иран стал местом встречи идей неоплатонизма и индийского пантеизма (Zhukovski V. The Idea of Man and Knowledge in the Conception of Persian Mystics // BSOS. Vol. 6. Pt. 1. 1930. P. 153).

³²⁶ Бертельс Е. Е. Нур-ал'улум // Бертельс Е. Е. Избранные труды. С. 226.

³²⁷ Goldzieher J. Vorlesungen über den Islam. S. 159–164 (русс. пер.: Гольдциер И. Лекции об исламе. СПб., 1912. С. 147–152). Изложение специальной работы И. Гольдциера «О влиянии буддизма на ислам» на венгерском языке см.: Duka T. The Influence of Buddhism upon Islam // JRAS. 1904. P. 125–141.

³²⁸ Massignon L. Essai sur les origines... P. 63.

³¹⁵ Flügel G. Mani... S. 106.

³¹⁶ Hudūd al-'Alam... P. 89–90; Согдийские документы... С. 27–28.

³¹⁷ Hudūd al-'Alam... P. 290.

³¹⁸ Gabain A., von. Der Buddhismus... S. 507. В тибетских письменных источниках, говорящих о распространении буддизма в X в., фигурирует река, которую иногда сопоставляют с Яксартом — Сырдарьей (Das S. Ch. On the Kāla Cakra System of Buddhism which originated in Orissa // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Vol. 3 [1907]. Calcutta, 1908. P. 225–227). Однако такая локализация покоится, как указала М. И. Воробьева-Десятовская, на очень шатких основаниях: по-видимому, в тексте фигурирует мифическая, а не реальная река.

³¹⁹ Пугаченкова Г. А. Буддийская кумирня в Мерве // КСИИМК. Вып. 54. 1954; она же. Пути развития архитектуры... С. 351–357.

³²⁰ Nicholson R. A. A Literary History of Arabs. Cambridge, 1950. P. 232–233; Arberry A. J. Sufism. An Account of the Mystics of Islam. London, 1950. P. 35–41; id. Sufism // HdO. Abt. I. Bd. 8. Abschn. 2. 1961. P. 451–452.

в сложении суфизма. Не входя в дальнейшее обсуждение этой специальной проблемы, отметим лишь следующее. В свете имеющихся сейчас и непрерывно увеличивающихся данных о распространенности и влиянии буддизма на этой территории, при проецировании и «наложении» на эти известные науке сведения о развитии и характере раннего суфизма, вероятность воздействия на него идеологии и практики буддизма становится, как нам представляется, все более очевидной.

Выше мы приводили сведения о переводчиках буддийских сочинений — выходцах из Средней Азии. Было бы совершенно невероятно, если бы они переводили громадное число сочинений на китайский язык и не занимались переводами на свои родные языки — согдийский, бактрийский и др. В самом деле, согдийские переводы буддийских сочинений, хорошо известные по Восточному Туркестану³²⁹, ясно свидетельствуют, что дело обстояло именно так. Следовательно, в Средней Азии должны были существовать многочисленные переводы буддийских трудов, а также других индийских сочинений (переводы художественной литературы существовали бесспорно; очевидно, переводились и научные сочинения). Логично поэтому предположить, что в доисламской Средней Азии буддизм являлся одним из важных компонентов идеологической жизни. Не только в крохотные монастырские кельи и в обширные дворцовые палаты, но и в дом бедняка-ремесленника и лачугу крестьянина — всюду проникала эта религия, во всяком случае, в Тохаристане (вспомним слова Хой Чао).

Говоря об истории буддизма, В. Н. Топоров справедливо отмечает, что было бы неправильно «ограничиться лишь указанием основных направлений в развитии буддизма как религии и не упомянуть о замечательных достижениях в области построения неаристотелевой логики, по-настоящему понятой и оцененной лишь в XX в., психологии, философии, художественной литературы и искусства»³³⁰. Для Средней Азии буддизм, кроме того, явился своеобразным «мостиком» к индийской культуре в целом. С распространением буддизма резко усилился культурный взаимообмен Средней Азии и Индии.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...религия разветвляется во всей своей практической универсальности лишь там, где нет никакой привилегированной религии...»³³¹. Эта характеристика, на наш взгляд, вполне приложима и к положению буддизма в древней и раннесредневековой Средней Азии, где не было единой государственной религии. Необходимо отметить, что в буддийских монастырях новички изучали не только священные тексты и предписания, но и светские науки³³². Среди документов III в. на кхарошти из Нийа имеется один (№ 514), в котором

³²⁹ Считается, что большинство ныне сохранившихся согдийских буддийских текстов было переведено с китайского на согдийский. Однако были переводы и с других языков, в том числе с санскрита, см.: *Henning W. B. Sogdica* // J. G. Forlong Fund. XXI. London, 1940. Ср.: *Klíma O. Dějiny avescské, staroperské a středoperské literatury* // *Dějiny perské a tadžické literatury* / ed. by J. Rypka. Prague, 1963. S. 50. (Мы пользовались рукописным русским переводом, выполненным В. А. Лившицем, за предоставление которого приносим ему свою благодарность.) Сохранились также переводы индийских буддийских оригиналов на тюркский, «тохарский» язык и языки саков Хотана и Тумшука, см.: *Bailey H. W. An Indo-Scythian Version of the Kuśa Jātaka* // *Sarūpa-Bhārati, or the Homage of Indology, being the Dr. Lakshman Sarup Memorial Volume*. Hoshiarpur, 1954. P. 2.

³³⁰ *Топоров В. Н. Дхаммапада и буддийская литература* // *Дхаммапада* / пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. М., 1960. С. 11.

³³¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики: против Бруно Бауэра и компании* // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Т. 2. М., 1955. С. 129.

³³² *Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 9, 141; Schwarz P. Bemerkungen zu den arabischen Nachrichten über Balkh* // *Oriental Studies in Honour of Cursetji Erachji Pavry*. London, 1933. S. 439.

излагается своего рода «программа обучения». Она включала, в частности, изучение медицины и грамматики, музыки, земли, ветров и звезд, поэзии и живописи³³³. В индийских монастырях наряду с буддийским богословием изучались светская литература, грамматика, филология, медицина, искусство и др.³³⁴

Следует сказать несколько слов о распространении индийской литературы. В последнее столетие сасанидского правления были обработаны занимательные индийские сюжеты, в частности тот, который впоследствии в арабской передаче стал известен в качестве «Тысячи и одной ночи»³³⁵. Уроженец Нишапура Бурзое перевел индийский сборник рассказов и басен «Панчатантра», перевод назывался «Калила и Димна». Много известных литературных произведений пришло в среднеазиатскую литературу из Индии, такие, как «Калила и Димна», две книги о Синдбаде, чрезвычайно популярная позднее легенда о Будасафе (Иудасафе) и Билаухаре (Bilahwar), достигшая Европы и известная в европейских литературах под названием «Варлаам и Иосаф»³³⁶. Вариант этой легенды о Варлааме знаком из манихейско-уйгурских фрагментов³³⁷; несомненно, она была распространена и в Средней Азии: указания на это можно извлечь из согдийских и парфянских манихейских сочинений³³⁸. Известно, что в Восточном Туркестане найдены фрагменты индийских драм на санскрите и пракритах. Вместе с тем имелись переводы (перделки?) индийских драм на хотано-сакский язык³³⁹.

Говоря о распространении в Средней Азии индийской литературы, надо иметь в виду и следующее. В самой Индии огромное число литературных и фольклорных произведений было снабжено религиозным обрамлением или даже включено в религиозно-буддийские произведения. Так, в одном из важнейших трудов преобладавшей в среднеазиатском буддизме школы сарваствивадов, в «Винае» (кстати, уже найденной и в Сурхандарье и в Марыйской области), имеется большое число беллетризованных новелл, в частности романтического характера. Одна из них — история любви принца Судхана и волшебницы Монохары — была переведена с санскрита на хотано-сакский и сохранилась в свободной стихотворной обработке, сделанной безымянным поэтом-саксом. На хотано-сакском языке сохранилась в стихотворной передаче также история о Раме и Сите и др.³⁴⁰

Сами по себе эти переводы отнюдь не всегда были буквальными. Переводчики делали изменения и вставки в тексты, проецируя на них свои представления, почерпнутые из окружающей их жизни. Например, переводя индийскую «Vessantara jataka» на согдийский язык, переводчик-согдиец, как установил В. А. Лившиц³⁴¹, внес в перевод текст принятой в его время клятвы, той самой, что применялась в тогдашней юридической практике.

³³³ *Bailey H. W. Romantic Literature in Early Khotan* // *Mélanges d'orientalisme offerts à Henri Massé ... à l'occasion de son 75ème anniversaire*. Téhéran, 1963. P. I.

³³⁴ *Dutt S. Buddhist Monks...* P. 319–327.

³³⁵ *Klíma O. Dějiny avescské...* S. 41.

³³⁶ *Ibid.* P. 43–44. См. также: *Rhys Davids T. W. Buddhist...* P. XXVII–XXIX, XXXIII–XXXVIII.

³³⁷ *Klíma O. Dějiny avescké...* S. 49.

³³⁸ *Lang D. M. The Wisdom of Balahvar...* P. 28. В X в. существовали персидско-таджикские версии этой легенды, известны фрагменты манихейско-персидских рукописей. См.: *Henning W. B. Persian Poetical Manuscripts from the Time of Rudaki* // *A Locust's Leg: Studies in Honour of Taqizadeh*. London, 1962. P. 89–98.

³³⁹ *Bailey H. W. Mā'hyāra* // *Bulletin of the Deccan College Research Institute*. Vol. 20 (S. K. De Felicitation Volume). Poona, 1960. P. 1–2.

³⁴⁰ *Bailey H. W. Romantic...* P. 1–4; *id. Lyrical Poems of the Sakas* // *Dr. J. M. Unvala Memorial Volume*. Bombay, 1964. P. 1; *id. Rāma* // *BSOAS*. Vol. 10. Pt. 2. 1941. P. 365; *id. Rāma*. II // *BSOAS*. Vol. 10. Pt. 3. 1941. P. 559–589.

³⁴¹ Согдийские документы... С. 42.

В Среднюю Азию проникали идеи индийской астрономии³⁴². По словам Бэйли, распространение вместе с буддизмом также медицины из Индии в страны, лежащие к северу, — «отличительная черта индийской культуры». С 200 до 1000 г. н. э. индийские медицинские трактаты изучались и переводились на языки Центральной Азии. Сохранились их переводы на хотано-сакский, согдийский, тохарские, уйгурский, тибетский и другие языки. Вместе с тем индийская медицина и фармакология распространились и в Иране³⁴³. Несомненно, они должны были перейти и на Среднюю Азию. Исследование источников позволяет извлечь данные и о других разделах индийской науки, оказавшей влияние на среднеазиатскую. Разумеется, последняя, в свою очередь, тоже воздействовала на индийскую. Приведем один пример. Среднеазиатские хирурги передали в Индию свой успешный опыт проведения трепанации черепа — сложнейшей операции (как показал один череп, извлеченный при наших раскопках из сакского могильника Може-Таш), применявшейся в Средней Азии уже в середине I тыс. до н. э.

Распространение ислама в Средней Азии, как свидетельствует предшествующее изложение, отнюдь не происходило на девственно иррелигиозной почве. Именно поэтому при рассмотрении дальнейшей эволюции ислама было бы неправильно недоучитывать домусульманский, в том числе буддийский, фон. Принимать его во внимание тем более необходимо, что многие из представителей домусульманского жречества достигли высокого положения в халифате. В этом отношении интересны деятельность и карьера Яхья ибн Халида, предок которого Бармак был верховным служителем буддийского монастыря в Балхе (как указал Э. Захау, Бармак происходит от рагатака — «настоятель монастыря»)³⁴⁴. Яхья ибн Халид стал всесильным визирем Харуна ар-Рашида. Именно он (что специально отмечено ан-Недимом)³⁴⁵ явился инициатором планомерной работы по переводу на арабский язык индийских трудов. Как показал В. Минорский, Яхья ибн Халид, кроме того, направил в Индию посланца для того, чтобы привезти лекарственные растения и собрать сведения об индийских религиях. Труд этого посланца послужил важным источником об Индии для ученых халифата³⁴⁶.

Далеко не все буддийские учреждения были уничтожены или прекратили существование сразу же после арабского завоевания. В этом отношении показателен Бамиан, где во время Сюань-цзана процветал буддизм³⁴⁷. О Бамиане И. Маркварт и В. В. Бартольд приводят следующий факт. Бамианский правитель принял ислам лишь при халифе Мансуре (754–775 гг.), но еще целое столетие, вплоть

³⁴² Как это следует, в частности, из использования их в восточном манихействе, см.: Haloun G., Henning W. B. The Compendium... P. 202. Об индийской астрономии в сасанидском Иране см.: Bailey H. W. Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. Oxford, 1943. P. 86–87. Литература по индийской астрономии весьма обширна. См., например: Basham A. L. The Wonder That was India. A Survey of the Culture of the Indian Subcontinent before the Coming of the Muslims. London, 1956. P. 489–491, 538.

³⁴³ Bailey H. W. Zoroastrian... P. 81–82; *id.* Medicinal Plant Names in Uigur Turkish // Mélanges Fuad Köprülü. Istanbul, 1953. P. 51; *id.* The Preface to the Siddhasāra-Uāstra // A Locust's Leg: Studies in Honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962. P. 31. Об индийской медицине см.: Basham A. L. The Wonder That... P. 498–500, 538 (перечень важнейших трудов).

³⁴⁴ Sachau E. C. Preface // Alberuni's India. Vol. 1. P. XXXI–XXXII; см. также: Крачковский И. Ю. Фрагмент индийской риторики в арабской передаче // Крачковский И. Ю. Избранные произведения. Т. 2. М.; Л., 1956. С. 315; Халидов А. Б., Эрман В. Г. Предисловие // Абурейхан Бируни. Избранные произведения. Т. 2. С. 10–11; Бартольд В. В. Бармакиды // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 669–674; Navdi S. The Origin of the Barmakids // Islamic Culture. Vol. 6. No. 1. Hyderabad, 1932. P. 19–28; *id.* Literary Relations between Arabia and India // Islamic Culture. Vol. 6. 1932. P. 624–641; Vol. 7. 1933. P. 83–94.

³⁴⁵ Navdi S. The Origin... P. 26. См. также: Sachau E. C. Preface. P. XXXI.

³⁴⁶ Халидов А. Б., Эрман В. Г. Предисловие. С. 12.

³⁴⁷ Barthold W. Der iranische Buddhismus... S. 30–31.

до захвата области Якубом ибн-Ляйсом, в Бамиане существовал буддийский монастырь: он был разгромлен в 870 г. н. э.³⁴⁸ История афшина Хайдара подсказывает, что аналогичные явления были возможны и в Средней Азии, во всяком случае до 30-х гг. IX в.

Все это не могло не сказаться в тот период, когда в государстве Саманидов возникла необходимость в создании специальных богословских учебных заведений. Они возникли в виде медресе, причем вначале имели «родимые пятна» — наследие своей генетической близости к буддийским монастырям. В гл. II эта проблема была подробно рассмотрена в историко-архитектурном плане. Здесь же необходимо добавить следующее. Центрами буддийского образования, как духовного, так и светского, являлись монастыри. Процесс обучения был очень длительным и достигал 10 лет. В буддийских монастырях к эпохе раннего средневековья усиливается обучение мирян. «Программа» включала как буддийское богословие, так и различные светские науки. При этом существовали две категории обучающихся: тапава и brahmacarin. Как сообщает И цзин, тапава изучали главным образом буддийские сочинения, намереваясь затем уйти из «мира» и стать буддийскими монахами, тогда как brahmacarin («студенты») занимались только светскими науками и отнюдь не собирались менять образ жизни. Эта категория обучающихся была очень многочисленна³⁴⁹. Сангха, как сообщает тот же источник, не обязана была давать пропитание «студентам»; исключение делалось лишь в тех случаях, когда они выполняли необходимую для монастыря работу³⁵⁰. Особо оговаривалось, что специально предназначенные для этого пожертвования можно расходовать на содержание этих «студентов»³⁵¹.

По мнению ряда ученых, в V–VII вв. эти «учебные семинарии» при некоторых монастырях превратились в своеобразные «университеты» с очень длительным сроком обучения. Особенной известностью в этом плане пользовался монастырь в Наланде³⁵². Желая здесь заниматься должен был выдержать вступительный экзамен. Занятия проводились в отдельных группах, по несколько десятков человек. Основным методом обучения было усвоение содержания текстов на память; процесс чтения играл вспомогательную роль; главный метод — устный; обучение включало дискуссии. Особенно ценилось умение наизусть цитировать тексты, толковать их, а также вести диспут³⁵³. В Наланде было большое количество рукописей, которые планомерно переписывались³⁵⁴.

Даже из этого, чрезвычайно неполного, описания видно, как много точек соприкосновения у буддийской вихары — сангхарамы и мусульманского медресе: в статусе, функциях, организации обучения и характере учебного процесса. Эта связь значительно более тесная и специфическая, чем это представлялось в свое время В. В. Бартольду³⁵⁵. Показательно, что эту функциональную близость прекрасно

³⁴⁸ Marquart J. Ērānšahr... P. 92; Бартольд В. В. Ред. на кн.: MDAFA. Т. 2. 1928 // Иран. Т. 3. Л., 1929. С. 244–245.

³⁴⁹ Mookerji R. K. Ancient Indian Education (Brahmanical and Buddhist). 2nd ed. London, 1951. P. 402.

³⁵⁰ I-Tsing. A Record... P. 105–106.

³⁵¹ Mookerji R. K. Ancient Indian... P. 541–547; Dutt S. Buddhist Monks... P. 326–327.

³⁵² Обо всем этом чрезвычайно подробно пишет в указанном сочинении Р. К. Мукерджи. См. также: Dutt S. Buddhist Monks... P. 327; Lalmani Joshi. Studies in the Buddhist Culture of India (during the 7th and 8th A. D.). Delhi; Varanasi, 1967. P. 168–174.

³⁵³ I-Tsing. A Record... P. 177–178; Mookerji R. K. Ancient Indian... P. 450–451, 497–499, 530–531; Dutt S. Buddhist Monks... P. 332–336.

³⁵⁴ Dutt S. Buddhist Monks... P. 342–343.

³⁵⁵ Бартольд В. В. История культурной жизни... С. 227.

осознавали средневековые авторы. Так, Джужджани в 1243 г. записал от очевидца и участника событий рассказ о том, как Ихтийар ад-дин Мухаммед Бахтийяр Халладж захватил в Северной Индии укрепленное поселение и перебил его жителей. Здесь было найдено множество книг. Лишь после этого выяснилось, что та крепость и город были медресе; на языке индусов слово «бихар» (т. е. vihara) означает «медресе»³⁵⁶.

Повествуя об этом эпизоде, Хафизи Абру сообщает, что было призвано несколько индусов, которые познакомились с этими книгами и рассказали, что в них «крепость и город называются медресе, точнее — буддийским монастырем». По мнению Раверти, это сообщение восходит к тексту Джужджани.

Мы далеки от мысли ставить знак равенства между буддийским монастырем и мусульманским медресе. Вместе с тем историко-архитектурный анализ, сопоставление учебных функций этих учреждений, а также свидетельства письменных источников как о времени и месте появления первых медресе, так и о том, что в глазах мусульман буддийские монастыри являлись не чем иным, как медресе, — все это приводит нас к заключению о большой роли, которую сыграл буддийский монастырь в генезисе мусульманского медресе.

Как считал Э. Захау, влияние индийской науки и литературы достигало Багдада двумя путями: некоторые сочинения прямо переводились с санскрита, другие же предварительно прошли через Иран и были первоначально переведены с санскрита на персидский, а затем уже с персидского на арабский³⁵⁷. В свете новейших открытий и исследований выясняется особо важная роль, которую сыграла в этом культурном общении с Индией Средняя Азия (и Хорасан).

В средневековом искусстве Средней Азии, Ирана и Афганистана сохранились определенные следы буддийского наследия. Мы имеем в виду иконографию живописи, например настенные росписи газневидского дворца Лашкари-Базар³⁵⁸. В прикладном искусстве варьируется образ «ступы»³⁵⁹. В литературе на дари-фарси, шире — в средневековой литературе, культуре и науке, буддизм оставил заметные следы³⁶⁰.

Итак, в халифате тесно переплелись два потока индийской культуры: один, прошедший через Среднюю Азию и Хорасан, где сохранилась прямая традиция связей с индийской культурой и буддизмом, усвоенный и переработанный в горниле местной цивилизации, и новый поток, идущий непосредственно из Индии. Уместно в этой связи привести высказывание И. Ю. Крачковского: «Конец VIII в. можно считать периодом, когда в различных областях арабской культуры сказывается влияние Индии. Если в истории духовных течений ислама, особенно в суфизме, трудно еще найти для этого опорные пункты и хронологические рамки могут значительно колебаться в ту или другую сторону, то, несомненно, к этому периоду

³⁵⁶ Текст: *The Tabaqāt-i Nāsiri* / ed. by W. Nassau Lees, Khadin Hosain and 'Abd al-Hai. Calcutta, 1864. P. 148 (речь, по-видимому идет о монастыре Одантапура); перевод см.: *Elliot H. M. History of India as told by Its Own Historians*. Vol. 2. London, 1869. P. 306; *Tabaqāt-i Nāsiri* / transl. H. G. Raverty. Vol. 1. London, 1881. P. 552 and notes.

³⁵⁷ *Sachau E. C. Preface*. P. XXX—XXXI.

³⁵⁸ *Schlumberger D. Lashkari bazaar: Une residence royale ghaznévide et ghoride*. Vol. 1A: L'Architecture. Paris, 1976 (MDAFA. T. 18). P. 63. Pl. 121—126.

³⁵⁹ *Melikian-Chirvani A. S. The Buddhist Heritage in the Art of Iran* // *Mahayanist Art after A. D. 900*. London, 1971 (Colloques on Art and Archaeology in Asia. No. 2).

³⁶⁰ *Gimaret D. Bouddha et les bouddhistes dans la tradition musulmane* // *JA*. T. 257. Fasc. 3—4 [1969]. 1970. P. 273—316; *Melikian-Chirvani A. S. L'évocation littéraire du bouddhisme dans l'Iran musulman* // *Le Monde Iranien et l'Islam*. T. 2. Genève; Paris, 1974. P. 1—7; *id. Buddhism in the Islamic Times* // *Encyclopædia Iranica*. Vol. 4. Fasc. 5. London; New York, 1990. P. 496—499.

относится появление целого ряда литературных произведений, как «Калила и Димна» или «Варлаам и Иоасаф», которые своим отраженным от Индии светом составят славу и арабской литературе. Еще более твердой оказывается почва при выяснении этого влияния в области точных наук»³⁶¹. В. В. Бартольд принадлежат слова: «...ни сасанидское государство, ни его государственная религия — зороастризм никогда не включали в себя всего иранского мира. Для позднейшей культурной жизни иранского мира буддийский Иран сыграл не менее значительную роль, чем зороастрийский»³⁶². В свете позднейших археологических открытий в Средней Азии эти слова оказались поистине пророческими.

В соответствии с темой своей работы мы проследили одно из направлений связей между Средней Азией и Индией, связей по линии буддизма, и рассмотрели некоторые аспекты взаимоотношений индобуддийской и среднеазиатской культур. Мы сознательно исключили из рассмотрения проблему влияния последней на первую. Если считать буддизм мостиком между двумя культурами, то движение по нему отнюдь не было односторонним. Однако встречный поток — среднеазиатские влияния на Индию в области науки, материальной культуры, искусства, этногенеза, военного дела и т. д. — это огромная самостоятельная проблема, исследование которой проводится отечественными учеными. Следует лишь отметить, что связи и контакты между Средней Азией и Индостаном возникли еще в эпоху палеолита, получив дальнейшее развитие в эпоху энеолита и бронзы. Передвижение арийских племен или, скорее, части их в Северную Индию происходило через территорию Средней Азии³⁶³. Обнаруживаются специфические связи между дардоязычными племенами и древним и современным населением Таджикистана. Племена среднеазиатских кочевников саков — хаомаварга жили на границах Северной Индии. Сакский этнический пласт сыграл существенную роль в этногенезе Индии.

Примеры можно было бы умножать бесконечно. Но ограничимся вышеприведенными, ибо свои взгляды на ряд аспектов этой проблемы мы предполагаем изложить в отдельной работе.

³⁶¹ *Крачковский И. Ю. Фрагмент индийской риторики...* С. 309; *он же. Калила и Димна. Введение* // *Крачковский И. Ю. Избранные произведения*. Т. 2. М.; Л., 1956. С. 435—438; *Massignou L. Essai sur les origines...* P. 64—66.

³⁶² *Barthold W. Der iranische Buddhismus...* S. 29.

³⁶³ См., в частности, статьи А. М. Беленицкого, В. М. Массона, Б. Я. Ставиского и Б. А. Литвинского в сборнике «Индия в древности» (М., 1964). См. также: *Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности* // *Труды 25-го Международного конгресса востоковедов*. Т. III. М., 1963. С. 35—36; *Litvinsky B. A. Recent Archaeological Discoveries in South Tajikistan and Problems of Cultural Contacts between the Peoples of Central Asia and Hindustan in Antiquity*. Moscow, 1967. В 1970-е — начале 1990-х гг. было опубликовано много новых работ по этой проблеме. См., например: *Литвинский Б. А. Древние связи Индии и Средней Азии (до VII—VIII вв. н. э.)* // *Россия и Индия*. М., 1986. С. 10—25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствующих главах и разделах книги было проведено описание и анализ архитектуры, живописи и скульптуры Аджина-тепа, которые рассматривались изолированно друг от друга. Попробуем мысленно представить, как некоторые части изученного нами комплекса могли выглядеть 12–13 столетий назад, когда здание и его скульптурно-живописное убранство составляли единое целое. Основой для нашей реконструкции являются данные, полученные при раскопках Аджина-тепа и приведенные в тексте; в некоторых случаях мы дополняем их деталями, известными по другим синхронным памятникам или почерпнутыми из письменных источников.

Во дворе храмовой половины высился мощный массив ступы. С четырех сторон двухмаршевые лестницы с перилами круто поднимались вверх — к подножию полусферы. А если поднять глаза выше, то можно было увидеть 7 зонтиков наверху ступы. Монахи и верующие миряне совершали вокруг главной ступы ритуальные обходы, различные пожертвования. Ступа — самая священная часть монастыря, поэтому она и украшалась богаче. Сложное сочетание горизонтальных и вертикальных членений, контраст между прямыми линиями основания и криволинейными поверхностями полусферы и зонтиков, крупные членения ярусов и мелкий ритм ступенек — все это создавало чрезвычайно усложненный, хотя и вполне рациональный архитектурный силуэт. Дробность членений его нижней части была усилена контрастом между гладью крупных поверхностей и рельефным выступом трехчетвертных колонн и сложнопрофилированных горизонтальных тяг, а также полихромией цветных штукатурок. Судя по некоторым находкам, отдельные части ступы были украшены рельефами или скульптурами. По углам двора, словно подчеркивая гигантскую величину главной ступы, покоились такие же по форме, но миниатюрные по размерам ступы.

Как писал китайский буддийский пилигрим конца VII в. И цзин, который наблюдал в западном крае церемонию, связанную со священными гимнами, повседневная служба выполнялась следующим образом. Монахи собирались у ворот монастыря после обеда или на закате. Они трижды обходили ступу, при этом один из них, хорошо певший, чистым и звонким голосом распевал гимны, прославляющие добродетели Великого Учителя. Затем, продолжая обряд *pradaksina*, процессия совершала обход помещений, расположенных по периметру ограды. Мы писали об архитектуре их интерьеров. Но их облик складывался из архитектуры, скульптуры и живописи. Помещения были освещены слабо; узкие снопы света, проникавшие из проемов, рассеивались, и верхние части Г-образных коридоров, как и их стыки, утопали в полумраке. Группы молящихся несли светильники — много светильников, — и их колеблющееся пламя создавало причудливую подсветку, выхватывая из глубины детали росписей, которые сверху донизу покрывали стены коридоров. Это были крупные медальоны с изображениями Будды, окруженные другими, меньшими изображениями. А на стене, противоположной двору, перед ними проходила история духовной жизни Будды, но не в виде после-

довательной картины, а словно вереница отдельных кадров: это скульптурные изображения сидящих Будд в нишах.

Сейчас знакомые лишь специалистам детали позы сидящей фигуры, мудры, были с детства хорошо известны каждому буддисту — мирянину и монаху. Они вызывали определенные воспоминания, связанные с рассказами о духовных подвигах основателя религии. Вот он в позе размышления, вот в позе поучения и т. д. — едва ли не полтора десятка фигур, символизирующих все основные этапы его деятельности. Канонизированные позы, одежда, раскраска, своеобразное, свойственное лишь изображениям Будды выражение лица — все это настойчиво вызывало у верующих ассоциации, связанные с основателем религии. Большое впечатление производил и размер статуи — в полторы человеческие фигуры, — что вновь подчеркивало «сверхъестественный» характер изображенных персонажей. Нельзя забывать и о том чисто эстетическом впечатлении, которое производили на посетителей эти замечательные изображения Будды, а также стоявшие в некоторых нишах изображения бодхисатв.

Слышались звуки музыки и пения: ими сопровождалась церемония *pradaksina*, и на совершающих обход взирали со сводчатого потолка слабо видные, но тем не менее внушавшие благоговейное уважение изображения сидящих рядами, один над другим, сотен Будд. Они сопровождали процессию все время ее прохождения, парили над ней, исчезая во мраке бесконечности в верхней части свода. Наконец, процессия достигала помещения, где лежал «Будда в нирване». Между стеной и постаментом оставалось узкое пространство. Здесь проходили по одному. Свет светильника ярко освещал небольшие части гигантской скульптуры. Нетрудно представить, что она производила глубокое впечатление на верующих. Не только в буддийском искусстве, но и в искусстве разных народов древности мы встречаемся с гигантскими изображениями божеств, героев, царственных персонажей. Одна из целей этой «гигантомании» всегда была одинаковой: внушать чувства трепета, преклонения.

Как сказано в буддийском тексте, «изображения Будды почитают путем принесения цветов и жертвований, и кладут их вблизи, под взглядами изображения Будды — ушедшего в нирвану Учителя, и его превозносят, как будто он в своей телесной форме здесь присутствует». Один из гимнов гласит: «Хотя Будда погрузился в нирвану, я восхваляю его так, как будто он находится здесь перед моими глазами».

Шествуя по коридору XXVIII, посетители видели вместо ниш с Буддами проходы, ведущие в купольные комнатки, с полом, значительно приподнятым над уровнем коридора. В комнатках были поставлены маленькие, искусно выполненные ступы. Купола этих комнаток, как, по-видимому, и стены, были покрыты росписями. На стене прохода, ведущего в одну из таких комнаток, была изображена сцена подношения даров святыне. Сейчас мы назвали бы это наглядной агитацией; в древности это изображение называлось *пранидхи*. Оно взывало к верующим: монастырь нуждается в приношениях.

Затем посетители попадали в вестибюльное помещение. Отсюда можно было войти в святилище храмовой части — небольшую квадратную комнатку с прямоугольными постаментами у трех стен. Постаменты были буквально заставлены фигурами. Здесь находились лучшие скульптуры монастыря. Они не поражали размерами, ни одна не достигала величины человеческого роста, многие из них совсем крошечные. Среди этих скульптур больше всего было изображений Будд и бодхисатв, на стенах или постаментах имелись рельефы: процессия птиц, растительные завитки, геометрические фигуры. Росписи или скульптуры (или то и другое) украшали и другие помещения храмовой части.

Но вот посетитель проходил анфиладу помещений и оказывался в монастырской части комплекса. Дорожка из жженого кирпича вела его в центральное святилище. Перед ним открывался глубокий вестибюль — айван, за ним ступенчатый подъем и собственно святилище. Благодаря ширине и высоте арочного проема оно освещалось гораздо лучше коридорообразных помещений, но и здесь, даже в яркий, солнечный день, было сумеречно. В этом крупном зале имелось три пристенных постаментов сложной ступенчатой формы. На центральном постаменте, напротив входа, сидел, поджав ноги, Будда. Это вторая по величине скульптура монастыря — она достигала четырех метров. На двух других постаментах также располагались большие фигуры сидящих Будд. Имелось много иных скульптурных изображений. Стенки постаментов были расписаны. На одном из них нарисована сцена подношения: видимо, этот сюжет считался очень актуальным. Стены же были покрыты различными изображениями, среди которых, судя по фрагментам, было немало первоклассных в художественном отношении. Живопись покрывала и стены вестибюля, а проемы, ведущие из него в коридоры, и один из коридоров сохранили кусочки рельефов.

Но этим, пожалуй, и ограничивалось художественное убранство культовых помещений. Остальные комнаты монастырской половины, вскрытые в процессе раскопок, украшены слабо. Таким образом, существовал резкий контраст в этом отношении между двумя половинами комплекса. Аскетическая строгость монастырской половины должна была гармонизировать с древними предписаниями буддийской религии о бхикшу — нищих монахах. Практика же буддийских монастырей, потребность воздействия не только на умы, но и на души мирян всеми возможными средствами порождали необходимость использования скульптуры и живописи в оформлении помещений храмовой половины.

Как показывает вышеприведенное описание, скульптура, живопись и архитектура Аджина-тепа составляют одно неразрывное целое. Каждый из его элементов нес свою идейно-художественную нагрузку, но они создавались в свое время как единое целое и сейчас должны быть рассматриваемы как неразрывный художественный комплекс. Так, живопись и скульптура обходных коридоров храмовой части дополняли друг друга, архитектура этих помещений как нельзя больше соответствовала тем памятникам искусства, которые в них находились, и церемонии, которая в них происходила. Здесь мы имеем пример подлинного синтеза архитектуры, скульптуры и живописи — одного из наиболее совершенных для всего раннесредневекового зодчества Средней Азии.

Разумеется, этот синтез нельзя рассматривать и понять, вырывая его из контекста функционально-религиозного назначения памятника. Но аналогичные явления происходили и в светской монументальной архитектуре, так что процесс синтеза искусства в зодчестве Средней Азии эпохи раннего средневековья носил универсальный характер. Нельзя забывать и о другом. Плод такого синтеза может быть высокохудожественным лишь в том случае, если гармонически совершенны и соответствуют друг другу все его составляющие. Развитие живописи и, как показали раскопки Аджина-тепа, скульптуры к рассматриваемому периоду достигли в Средней Азии столь высокого уровня, что появились предпосылки для создания таких комплексных сооружений, каким является изученный монастырь.

Разумеется, архитектура, живопись и скульптура Аджина-тепа представляют интерес прежде всего как свидетельства уровня развития соответствующих видов искусства в Средней Азии, на юге теперешнего Таджикистана, в эпоху раннего средневековья. Идеал красоты тохаристанцев-буддистов VII в. не адекватен нашему, нам чужды идеи буддийской религии, и тем не менее совершенство этих скульптур столь

велико, они с такой глубиной отражают общечеловеческие эстетические ценности, что продолжают восхищать и ныне, через 12 столетий после своего создания.

Религиозные идеи, которые принес с собой буддизм, каноны религиозных изображений, традиции гандхарского и гуптского искусства — все это играло значительную роль в возникновении того феномена, которому мы дали имя «тохаристанско-буддийское искусство». Его сущность и его форма неотделимы от местного бактрийско-тохаристанского фона, который явился одним из важнейших компонентов, определивших его создание и его стилистические особенности. Другие буддийские центры Средней и Центральной Азии многое почерпнули из сокровищницы тохаристанско-буддийского искусства.

Аджина-тепа занимает особое место среди творений раннесредневековых зодчих Средней Азии. Она является ключевым памятником, в котором содержатся, причем не в виде зашифрованной генной информации или даже эмбриона, а в виде уже ясно сформировавшихся феноменов архитектурные идеи, которые лежат в основе дальнейшего развития некоторых типов и форм среднеазиатского средневекового зодчества. Значение архитектуры Аджина-тепа, следовательно, состоит в том, что это сооружение — итог и одно из ярчайших проявлений предыдущего развития раннесредневековой тохаристанской ветви среднеазиатской архитектуры — самобытной по своей природе и вместе с тем неизолированной, творчески усваивавшей и перерабатывавшей достижения соседних архитектурных школ. Не менее существенно и другое: архитектура Аджина-тепа обращена не только в прошлое, но является во многом предвозвестником и последующего развития архитектуры Средней Азии.

Мы детально рассмотрели вопросы распространения буддизма в Средней Азии и некоторые аспекты его роли в истории и культуре ее народов. Однако этот раздел среднеазиатской истории — неотрывный и очень значимый элемент всемирной истории. Общеизвестна важная роль, которую сыграл буддизм как одна из мировых религий в судьбе очень многих народов Востока, и эту роль нельзя считать исчерпанной даже в настоящее время: ведь и сейчас буддизм — это религия, имеющая сотни миллионов приверженцев.

В нашем повествовании показано вместе с тем и место Средней Азии в общей истории буддизма. Ибо, как уже было отмечено полстолетия назад, Средняя Азия явилась основным посредником и трамплином для распространения буддизма в ряде стран Центральной Азии: только перешагнув границы Индии, буддизм достиг своего всемирно-исторического значения, получил свою цивилизаторскую силу и превратился в сильный фактор политического могущества.

Вместе с религиозными идеями буддизма из Индии в Среднюю Азию попадали и многообразные элементы индийской науки, литературы и искусства. Переработанные и видоизмененные, они стали составной частью среднеазиатской культуры, которая, в свою очередь, передала немало своих лучших достижений в Индию. Из Средней Азии, гигантского ретранслятора буддизма, учение Будды, а вместе с ним идеи и произведения индийских и среднеазиатских ученых, художников, мастеров распространились дальше на Восток, обогащая материальную и духовную культуру народов Центральной Азии, Китая, Кореи и Японии. Именно поэтому среднеазиатский эпизод истории буддизма и связанной с ним местной культуры, столь ярко и многогранно воплощенной в Аджина-тепа, — важная глава в истории культуры Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. А. Фоминых

Реконструкция монументальной глиняной скульптуры Будды в нирване из Аджина-тепа

Небольшой продолговатый холм, возвышающийся среди хлопковых полей Вахшской долины (Южный Таджикистан) в 12 км от г. Курган-Тюбе, местное население называет Аджина-тепа — Чертов холм. Этот холм расположен на окраине центральной усадьбы совхоза, с трех сторон он окружен сбросовыми арыками и, как писали Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль, руководившие в конце 50—60-х гг. прошлого века раскопками памятника, «выглядит с дороги местом мало привлекательным — бесформенные бугры, какие-то ямы, густо заросшие колючкой. Только поднявшись на поверхность холма можно понять, что Аджина-тепа — это остатки сложного комплекса построек. То, что с дороги выглядит как бесформенное нагромождение земли, при взгляде сверху приобретает довольно правильные очертания прямоугольника (50 × 100 м), состоящего из двух равных по величине квадратов, разделенных перемычкой-валом»¹.

Впервые памятник был осмотрен археологами в 1959 г., в следующем году были заложены два пробных шурфа, а с 1961 г. южнотаджикский отряд Таджикской археологической экспедиции под руководством Б. А. Литвинского начал вести раскопки. Архитектура и планировка вскрытого здания, а также находки фрагментов настенной живописи и глиняной скульптуры позволили установить, что Аджина-тепа представляет собой комплекс жилых и культовых помещений буддийского монастыря. Монеты, найденные в ходе раскопок, позволяют достаточно уверенно относить функционирование монастыря к периоду от середины VII до середины VIII вв.² (рис. 1).

В 1966 г. в помещении XXIII — обходном коридоре вокруг центральной ступы — была открыта глиняная статуя Будды в нирване³. Сохранившиеся ее части составляли в длину 10,43 м при максимальной высоте (от поверхности постамента до верхней точки левой руки) 1,82 м. Статуя, лежащая на постаменте, располагалась вдоль наружной стены коридора, лицо Будды было обращено на юго-запад. Сохранились почти полностью нижняя половина фигуры — от пояса до подошвы ног (в этой части утраты незначительны), левая рука от середины предплечья до кончиков пальцев, частично уцелели правый бок и локтевая часть правого предплечья.

¹ См. выше, с. 33.

² См. выше, с. 36.

³ В инвентаре находок статуя обозначена как «фрагмент XXIII/с-1».

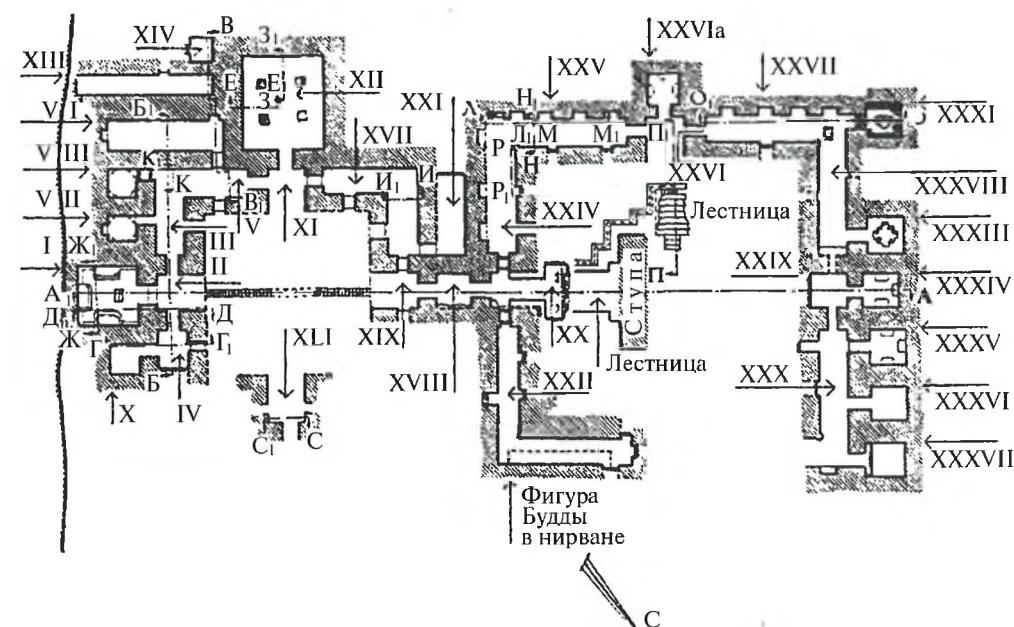

Рис. 1. План буддийского монастыря Аджина-тепа: схема разрезов (обмеры археологов Б. А. Литвинского, Т. И. Зеймаль)

Рис. 2. Статуя Будды в нирване (вид сверху).
Процесс полевой консервации группой П. И. Кострова

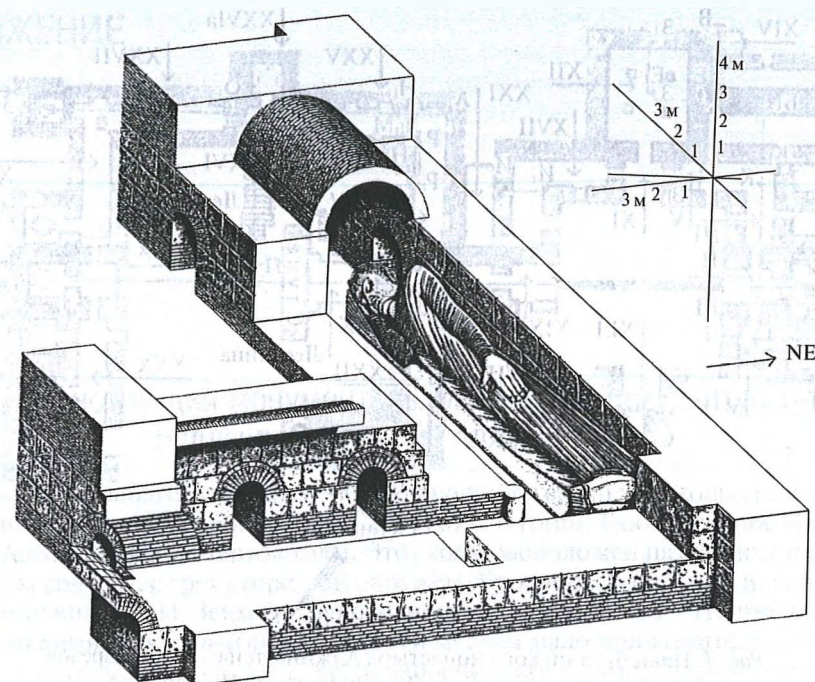

Рис. 3. Аксонометрическая реконструкция помещений XXII–XXIII

В завале возле изголовья постамента были найдены куски головы и части ладоней правой руки⁴ (рис. 2, 3).

Постамент, оставшийся к 1966 г. еще не до конца обнаженным, имел наибольшую ширину (около 2 м) возле ступней, далее его вертикальная поверхность делала плавный прогиб и постамент сужался до 1,65 м.

Сохранившаяся часть изголовья состоит из 5 валиков (подушек), различных по толщине (от 9 до 13 см), их торцевая сторона утрачена. Фигура лежит на правом боку в вытянутом положении — традиционная поза, известная по каменным статуям Будды в нирване. Правая рука согнута в локте и опирается на валики изголовья, ладонь ее должна была лежать под щекой. Левая рука вытянута вдоль тела, ладонь покоится на бедре. Судя по сохранившимся фрагментам, первоначальная длина фигуры должна была достигать 12 м. Размеры отдельных ее частей, приводимые Б. А. Литвинским и Т. И. Зеймаль: высота фигуры возле голени 130 см, в бедренной части 142 см, диаметр предплечья правой руки 55 см, левой 43 см, диаметр запястья 41 см, максимальная длина ладони 132 см, диаметр пальцев рук 12–14 см, длина ступни 165–190 см, ширина ступни 60–75 см, длина пальцев ноги 37–47 см, диаметр пальцев ноги 11–15 см. Тело Будды покрыто складками, обнажены лишь кисть руки и ступни. Скульптор искусно передал одежду, ее складки на рукавах, петлю веревки, которой был подпоясан Будда (она изображена под ладонью на левом бедре фигуры), легкие сандалии на его ногах (рис. 4).

⁴ Приводимые описание и размеры отдельных частей скульптуры заимствованы из монографии Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль (см. выше, с. 165–168).

Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль отметили⁵, что фигура и постамент сохранили два слоя окраски. Плащ Будды — красный (традиционный цвет его изображений), пальцы ног — белые. Работы, проведенные с целью первичной консервации статуи, проявили технику ее изготовления. Основа статуи сделана из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей. «Грубая поверхность выполнялась толстым слоем саманной штукатурки, которую накладывали многократно по мере высыхания очередной обмазки. По самой верхней прослойке лепились складки одежды, причем их накладывали по заранее намеченным линиям... сверху фигура была обмазана слоем скульптурной глины толщиной в 4–5 мм и раскрашена»⁶. Таких слоев, очевидно, было несколько, поскольку при первичной консервации П. И. Костров снял оболочку скульптуры толщиной от 1 до 6 см.

В том же 1966 г. статуя была извлечена из раскопа и перевезена в реставрационно-технологическую лабораторию Института истории Академии наук Таджикской ССР. Выемку скульптуры из раскопа и ее первичную консервацию осуществили реставраторы мастерской реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа М. П. Винокурова, Р. М. Беляева, Г. И. Тер-Оганьян, В. М. Соколовский и реставраторы-практиканты Института истории АН Таджикской ССР Л. П. Новикова и М. П. Страдомская. Работами руководил ведущий реставратор Государственного Эрмитажа, заслуженный деятель искусств П. И. Костров (1905–1983 гг.).

Первичное закрепление фрагментов заняло много времени, учитывая, что при выемке статуя, фигура, голова и постамент, была разделена на 72 фрагмента, из которых 30 — крупных (130 × 120 × 40 см, 145 × 50 × 55 см и т. п.), со сложной конфигурацией. Консервация фрагментов велась по методике, разрабатывавшейся с 1949 г. П. И. Костровым и его помощниками применительно к стенным росписям и глиняной скульптуре, открытым на городище древнего Пенджикента⁷. Основной

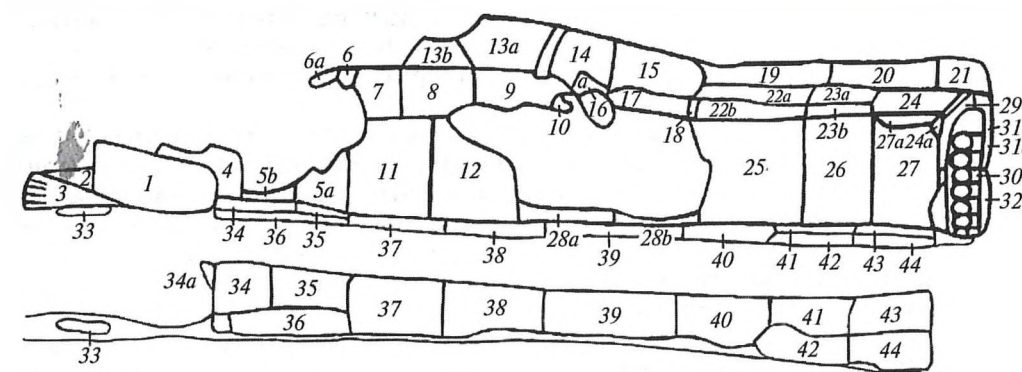

Рис. 4. Схема частей Будды в нирване

⁵ См. выше, с. 167.

⁶ См. выше, с. 168.

⁷ См.: Костров П. И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. С. 191–197; он же. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 139–183; Шейнина Е. Г. Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пенджикента // МИА. № 37. 1953. С. 146–157; она же. Применение синтетических смол в реставрации монументальной живописи и некоторых других музейных экспонатов // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации. М., 1960.

элемент этой методики — использование для консервации и реставрации стенных росписей и глиняной скульптуры полибутилметакрилата (ПБМА), превосходящего по своим характеристикам клеи, применявшиеся ранее для этих же целей. Приступая в 1949 г. к консервации пенджикентских росписей (в самом начале работы опыты велись на нескольких небольших фрагментах штукатурки, доставленных в Эрмитаж в 1948 г.), П. И. Костров учел уроки закрепления нескольких подобных памятников, работы С. М. Дудина по снятию и консервации буддийских храмовых росписей из Китайского Туркестана, привезенных экспедициями С. Ф. Ольденбурга в 1909–1914 гг.⁸ и находящихся в Эрмитаже, и аналогичные работы, проведенные А. Грюнведем с буддийскими и манихейскими храмовыми росписями, доставленными в Берлин также из Китайского Туркестана (главным образом из Турфанского оазиса — материалы раскопок, проведенных четырьмя немецкими экспедициями в 1902–1914 гг.)⁹. С. М. Дудин применял слабое поверхностное проклеивание живописи растительными водными клеями («губным клеем», вишневым, гуммиарабиком, декстрином), некоторые фрагменты с обратной стороны пропитывались спиртовым лаком, после чего росписи были загипсованы¹⁰. Сходные операции проводил и А. Грюнведель, отличия их от методики Дудина сводились лишь к покрытию живописи (перед ее снятием) спиртовым лаком, затем фрагменты загипсовывались и помещались в герметические металлические коробки со стеклом. Главный недостаток этой методики заключался в том, что применение спиртовых лаков вскоре вызывало сильное потемнение рисунков вследствие чрезвычайной гигроскопичности клеевой живописи, лесса и гипса, активно впитывающих влагу (особенно в сыром воздухе севера). Лессовая глина, приклеенная к волокну, и гипс вспухали и рассыпались, на поверхности изображений выступали кристаллы соли, содержащиеся в лессе¹¹. «Практика реставрации в Эрмитаже восточнотуркестанских росписей, а также лессовой скульптуры показала полную непригодность водных растительных и животных клеев для закрепления подобного материала и привела нас к пробам применения синтетических смол и клеев на неводных растворителях, не размывающих лесс и клеевую живопись»¹².

П. И. Костров провел серию проб, подыскивая наиболее эффективные синтетические закрепители. Он вел работы с поливинилацетатом (ПВА), затем заменил его поливинилбутиралем (ПВБ) и после длительных испытаний остановился на полибутилметакрилате (ПБМА) — чрезвычайно прочной синтетической смоле, раствор которой на ксилоле оказался эффективным закрепителем. Он обладает наибольшей растяжимостью и эластичностью пленки, глубоко проникает в закрепляемый материал и легко растворяется после затвердения. Из многих растворителей ПБМА Костров остановился на ксилоле, обеспечивающим максимальное проникновение смолы в толщу плотного лесса. Однажды затвердевший ПБМА может быть вновь растворен тем же или другим растворителем¹³. Раствор ПБМА на ксилоле многократно наносится кистью на поверхность как лицевой, так и тыльной стороны обрабатываемого фрагмента и, по мере испарения растворителя, закреп-

⁸ О работах этой экспедиции см.: Литвинский Б. А., Терентьев-Катанский А. П. История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: очерки истории. М., 1988. С. 38–42.

⁹ Об этих экспедициях см.: там же. С. 48–55.

¹⁰ См. рукопись: Дудин С. М. Архив Гос. Эрмитажа: материалы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. Фонд № 31.

¹¹ Костров П. И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пенджикента. С. 191–192.

¹² Там же. С. 192.

¹³ Там же. С. 193.

ляет его. После лабораторной обработки росписям и глиняной скульптуре возвращается прежняя фактура. Цветовая гамма при этой методике в первоначальном виде не может быть восстановлена — яркий, брызжущий из земли цвет, ошеломляющий каждого, кто присутствовал при открытии стенных росписей древнего Пенджикента, уже через секунду-другую тускнеет под воздействием кислорода.

Другой способ закрепления археологических предметов из необожженной глины и пористых материалов предложил сотрудник лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания Министерства культуры Узбекской ССР химик Е. Ф. Федорович. Он заключается в использовании концентрированного раствора одного из мономеров в органических растворителях с воздействием катализатора и последующей полимеризацией мономера в археологическом предмете (в сушильном шкафу при температуре от +70–80 до 100–120 °C)¹⁴.

Следует учитывать, что при извлечении скульптуры П. И. Костров снял ее оболочку. К сожалению, данные о численности слоев штукатурки в оболочке были утрачены. Кострову пришлось снимать оболочку по самому нижнему слою. Пустотелые части оболочки в полевых условиях помещались в ящик с плотно утрамбованными опилками. Между выемкой скульптуры и началом ее консервации в лаборатории Института истории АН Таджикской ССР прошло более трех лет. За это время произошло высыхание фрагментов статуи, что повлекло за собой их деформацию. Л. П. Новикова, руководившая в течение многих лет (1969–1978 гг.) обработкой фрагментов, провела несколько экспериментов по закреплению их различными способами, в том числе и с помощью мономера, с последующей полимеризацией его в сушильном шкафу (так обрабатывался, в частности, большой фрагмент пальцев руки, 19 × 105 × 62 см, толщина фрагмента 1,5 × 2,5 см)¹⁵. Однако от этой методики пришлось отказаться, поскольку испытуемый фрагмент потрескался, произошли внутренние разрывы на всю глубину и во всех направлениях. «Больше всего пострадали пальцы: они вспухли, увеличились в объеме почти в два раза. Произошло расслоение, растрескивание красочного слоя (ганча) и полное отслоение его от поверхности скульптуры»¹⁶. В дальнейшем в лаборатории пользовались только методикой П. И. Кострова — применялся полимер ПБМА.

Фрагменты статуи обрабатывались в упаковочных ящиках, где каркасом для них служили плотно утрамбованные опилки. После снятия днища ящика, в котором находился фрагмент, извлекались опилки, затем ацетоновыми компрессами с поверхности тыльной стороны фрагмента снималась марля и в парах ксилола пленка ПБМА внедрялась внутрь фрагмента. Операции эти осложнялись тем, что с лицевой стороны многих фрагментов марля отделялась с большим трудом, особенно с наиболее засоленных частей статуи — со складок рукава, кисти левой руки, ступни левой ноги, с верхних складок плаща¹⁷. После снятия марли с поверхности фрагментов удалялись остатки поливинилацетата и начиналось закрепление раствором ПБМА на ксилоле. Пропитку лицевой стороны фрагментов «вели до полного насыщения толщи скульптуры. Иногда разрыхленные расслоившиеся фрагменты

¹⁴ Федорович Е. Ф., Хуснитдинходжаев Х., Рузубаев Д. Новый способ закрепления археологических предметов из необожженной глины и других пористых материалов // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации. № 17–18. М., 1966. С. 116. Ср. также: Новикова Л. П. Проблемы реставрации Будды в нирване // Материальная культура Таджикистана. Вып. 3. Душанбе, 1978. С. 222.

¹⁵ Новикова Л. П. Проблемы реставрации Будды... С. 222.

¹⁶ Там же. С. 223.

¹⁷ Там же. С. 227.

покрывались раствором 30–35 раз»¹⁸. После закрепления проводились обессоливание посредством пульпирования и расчистка фрагментов. Длительный и трудоемкий процесс обработки приводил в большинстве случаев к восстановлению первоначальной фактуры фрагментов.

Подготовка к монтажу фрагментов осложнялась тем, что лаборатория Института истории не располагала необходимыми условиями для стыковки обрабатываемых фрагментов. «Поиски монтировочных материалов, пригодных для скульптуры больших размеров, были долгими. Сотрудниками нашей лаборатории предприняты попытки использовать для временных каркасов такие материалы, как гипс, этакрил, папье-маше, однако это не дало положительных результатов»¹⁹. В конце концов выбор пал на каркас из деревянной конструкции на воско-канифольной мастике, выдержавшей испытание при монтаже скульптурного глиняного фриза из Пенджикента²⁰. Монтировке статуи Будды в нирване предшествовала еще одна процедура — напенивание фрагментов пенополиуретаном-305.

К 1978 г. была произведена полная обработка 27 фрагментов (из 72). Лаборатория Института истории готовилась к сборке статуи, однако этой операции суждено было осуществиться лишь через 22 года (рис. 5, 6).

В 2000 г. по просьбе дирекции Института истории Академии наук Республики Таджикистан, в рамках творческого сотрудничества Государственного Эрмитажа и этого института, в Душанбе был командирован автор данной статьи для подготовки скульптуры к музейной экспозиции. Несмотря на трудности экономики Таджикистана, сложную внутриполитическую обстановку и постоянное напряжение, связанное с многолетней гражданской войной в соседнем Афганистане, правительство республики с помощью международных гуманитарных фондов сумело изыскать средства для строительства Национального музея древностей Таджикистана. В этом музее должна была экспонироваться скульптура Будды в нирване.

Мне предстояло вновь обработать имеющиеся фрагменты, реконструировать утраченные части и смонтировать статую. Прежде всего пришлось удалить густой слой пыли, скопившийся на всех фрагментах за без малого четверть века, прошедшие со времени первичной консервации. Фрагменты были расположены по схеме, составленной в 1966 г. при извлечении скульптуры из раскопа. С каждого фрагмента необходимо было убрать фольгу, припаявшуюся при напенивании к пенополиуретану, и удалить с лицевой поверхности некоторых фрагментов потеки пенополиуретана. Необходимо было также спилить излишки пенопласта с ряда фрагментов и, напротив, добавить там, где его не доставало. Четыре фрагмента, прошедшие ранее лабораторную обработку, не были напены, их пришлось полностью монтировать на пенополиуретан (фрагменты № 7, 8, 17, 17а от складок плаща). После этого резы каждого фрагмента предстояло замастиковать для будущей стыковки (рис. 7, 8).

Следовало учитывать, что фрагменты, обработанные в разное время, значительно различались между собой по тону. Одни были очень темные, перенасыщенные акрилатом (верхние складки плаща, № 19–24), другие слишком светлые (№ 12, 17, 26 и др.), отличаясь от фрагментов, сохранивших свой подлинный вид.

¹⁸ Новикова Л. П. Проблемы реставрации Будды...

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Костров П. И. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента. С. 176.

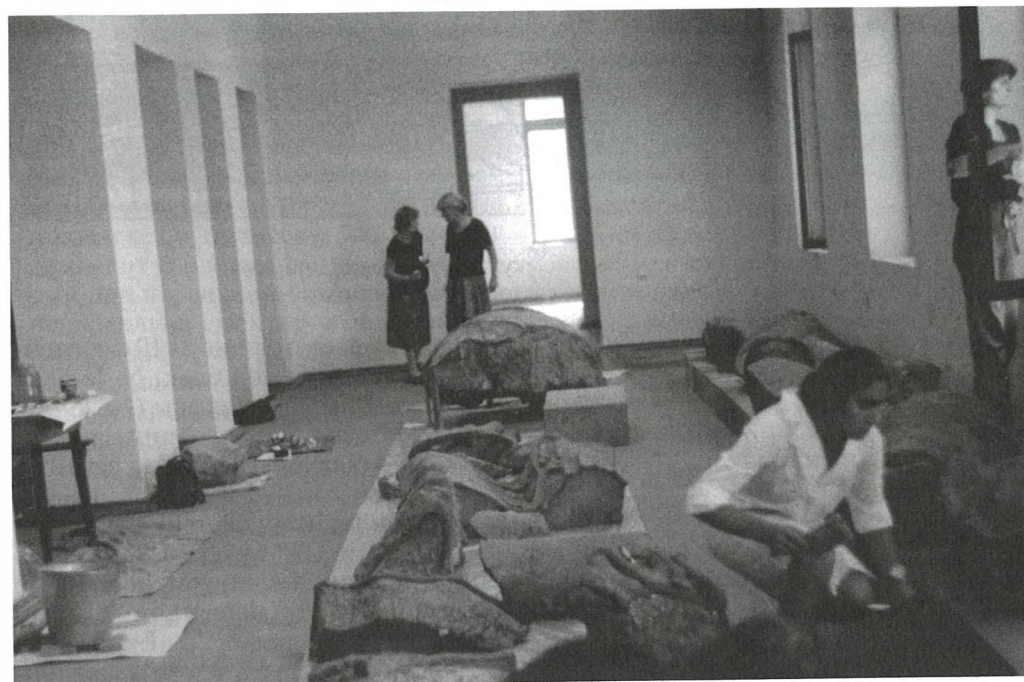
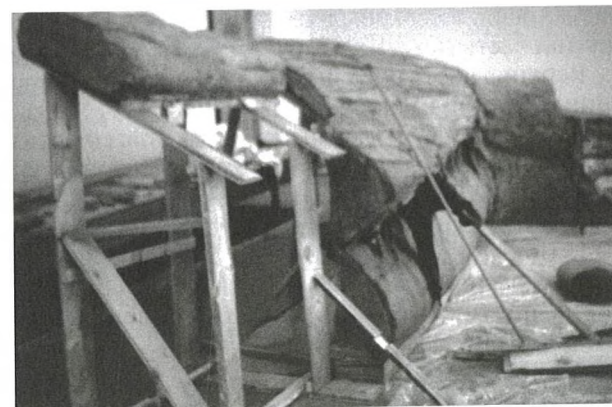

Рис. 5, 6. Процесс реконструкции скульптуры Будды в нирване в Национальном музее древностей Таджикистана в Душанбе

Поэтому темные фрагменты пришлось высветлять, светлые делать темнее с помощью растворителей.

Параллельно велась подготовка к монтажу скульптуры. Значительный вес фрагментов, а также почти постоянная напряженная сейсмическая ситуация в Душанбе диктовали монтаж блоками по вертикальным полевым резам.

Большие трудности возникли при монтировке 5 фрагментов (№ 29, 30, 31, 31а, 32 — первый блок), образующих ступни. На некоторых участках края этих фрагментов были деформированы, что осложняло их стыковку. Приходилось выправлять деформации, чтобы край одного куска совпадал по рельефу с краем другого и чтобы эти соединения были незаметными. Затем зазоры между фрагментами заполнялись пенополиуретаном, закреплялись раствором ПБМА-НВ в ацетоне и замастиковывались. Трудности обработки и монтажа были сопряжены не в последнюю очередь с большим весом и величиной фрагментов. После подгонки по резам последние скреплялись между собой рейками по вертикали, противоположные части фрагментов стягивались с помощью шурупов рейками по горизонтали.

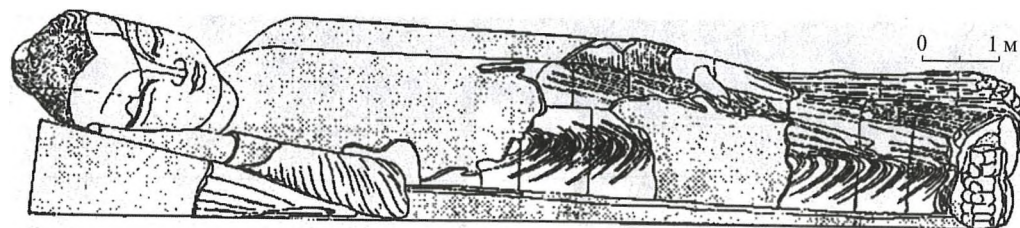
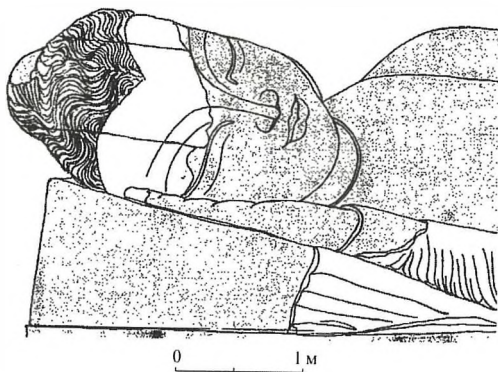

Рис. 7. Схема реставрации скульптуры Будды в нирване
(художник-реставратор В. А. Фоминых)

После этого монтировались три блока — ноги Будды, состоящие из 10 фрагментов (№ 27, 27а, 24, 24а — второй блок, № 26, 23б, 23а — третий блок, № 25, 22б, 22а — четвертый блок). К нижним устойчивым большим фрагментам (№ 25–27) с помощью кронштейнов крепились верхние горизонтальные, соединенные попарно: № 22а, 22б, № 23а, 23б и № 24, 27а. На соединениях швы, как и на ступнях, обрабатывались и замастиковывались.

Для дальнейшего монтажа скульптуры — сохранившихся частей левой руки (№ 13б, 13а, 14, 15, 16, 16а) и прилежащих к ней фрагментов (№ 6а, 6, 7, 8, 9, 10, 17) — были сделаны мощные деревянные конструкции с наклонным верхом, на которые эти фрагменты были установлены и закреплены. Реконструировать предстояло также еще одну большую утраченную часть скульптуры — под рукой Будды. Для этого на деревянный каркас, изготовленный из реек по форме скульптуры, крепился пенополиуретан, пропитанный раствором ПБМА-НВ в ацетоне. Посредством мастиковки лессом была восстановлена поверхность, имитирующая форму утраченной части ног.

Верхняя часть скульптуры была сильно разрушена, сохранились лишь разрозненные куски: нижняя часть груди (№ 5б, 5а, 4), предплечье (№ 1, 2), часть валиков-подушек (№ 3), верхняя часть головы (часть прически и лоб), фрагмент щеки. Важную роль в соединении этих элементов играл небольшой фрагмент треугольной формы (без номера; на схеме снятия скульптуры он не представлен), соединяющий грудь (№ 4) с предплечьем (№ 1). После установки этих фрагментов выяснилось место валиков-подушек. Для определения положения головы необходимо было прежде всего осуществить реконструкцию недостающей части валиков-подушек, от которых сохранился лишь один фрагмент (№ 3) под предплечьем (рис. 9, а).

По размерам сохранившейся передней части прически и фрагмента щеки были реконструированы голова и ушниша: фрагменты головы были скреплены деревянной конструкцией, на нее крепились пенополиуретановые бруски, при обработке которых создавалась форма лица Будды. После пропитки ПБМА-НВ в ацетоне реконструированная часть головы была замастикована лессом в тон

Рис. 8. Схема реставрации головы Будды в нирване

Рис. 9. Будда в нирване после
реконструктивно-реставрационных работ
(реставратор В. А. Фоминых)

подлинных сохранившихся фрагментов. Голова была установлена и закреплена на реконструированной части подушек. От прически был отделен фрагмент ушниши (30 × 40 см), который при первичной реставрации был неправильно смонтирован. Была изготовлена форма ушниши (диаметром 64 см, высотой 25 см), которая затем была установлена и закреплена в надлежащем месте.

Самые крупные утраты частей скульптуры связаны с верхней долей туловища — плечо и предплечье левой руки, грудь, кисть правой руки. На места этих утраченных частей была внедрена деревянная основа, оббитая асбестовыми плитами, пропитанная ПБМА-НВ в ацетоне и замастикованная лессом (рис. 9, б).

Таким образом была завершена реконструкция глиняной скульптуры Будда в нирване — одного из наиболее замечательных памятников Южного Таджикистана (края, в котором буддизм господствовал на протяжении нескольких столетий), занимающего почетное место в истории буддийского искусства. Скульптура была установлена для экспонирования в Национальном музее древностей в дни, когда Республика Таджикистан отмечала десятилетие независимости, и за несколько месяцев до тех печальных дней, когда афганские талибы взорвали знаменитые статуи Будд в Бамиане²¹.

²¹ В реконструкции скульптуры принимали участие сотрудники Национального музея древностей, из которых я должна поблагодарить прежде всего С. Г. Габель и Р. Абдуразыкову.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад/Душанбе
 АрхНасл — Архитектурное наследство. М.
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ДАНУзССР — Доклады Академии наук Узбекской ССР. Ташкент
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
 ИАНТуркмССРСОН — Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад
 ИАО — Известия Археологического общества. СПб.
 ИБМАИКЦА — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
 ИООНАНТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад/Душанбе
 ИУзФАН — Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
 РА — Российская археология. М.
 СА — Советская археология. М.
 СВЦНИЛКР — Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. М.
 СЭ — Советская этнография. М.
 ТАНТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад/Душанбе
 ТИИААНУзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент
 ТИИАНТаджССР — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР. Душанбе
 ТКААЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
 ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
 ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
 ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЭВ — Эпиграфика Востока. М.; Л.
 AA — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
 AIsl — Ars Islamica. Ann Arbor
 AM — Asia Major. London
 AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
 AOr — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
 ArAs — Artibus Asiae. Ascona
 ARASI — Annual Report of the Archaeological Survey of India. Calcutta
 ArsOr — Ars Orientalis. Ann Arbor
 BAI — Bulletin of the Asia Institute. Detroit; etc.
 BEFEO — Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Hanoi; Paris
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
 BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies. London
 CAJ — Central Asiatic Journal. The Hague; Wiesbaden
 EI — Encyclopédie de l'Islam. Leyde; Paris
 EW — East and West. Rome
 HdO — Handbuch der Orientalistik. Leiden; etc.
 IHQ — The Indian Historical Quarterly. Calcutta
 JA — Journal Asiatique. Paris
 JASB — Journal of the Asiatic Society of Bombay. Bombay
 JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
 MASI — Memoirs of the Archaeological Survey of India. Calcutta; Delhi
 MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris
 MDTB — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo
 NS — New Series/Nouvelle Série
 SOR — Serie Orientale Roma. Roma
 SPA — A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. London; New York, 1938–1939. Reprint: Tehran; London; New York, 1967
 SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin
 SRAA — Silk Road Art and Archaeology. Kamakura
 TP — T'oung Pao. Leiden
 ZA — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Leipzig
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аалто П. 236
Аба 273
Абдуллаев А. 24
Абу Бахр Аш-Шибли 292
Абу Йазид Ал-Бистами 292, 293
Абурейхан Бируни 228
Агафокл 229
Адбаг 277, 278
Ай-ди 239
Акэн 115
Ал-Хаддадж 293
Александр Полигистор 230
Альбаум Л. И. 85, 88, 143, 151, 152, 246, 251, 285, 288
Амитаба 222
ан-Надим 263
Ан-Недим 290
Антонова Е. В. 30
Ань Сюань 240, 241
Ань Фа-Цинь 242
Ань Ши-Гао 232, 240, 241, 289
Асмуссен И. 264
Асмуссен Я. П. 244, 271
Атаханов Т. 30
Ахриман 263
Ахура Мазда 278
Ачарья П. К. 89
Ашвагхоша 236, 255
Ашока 84, 85, 230, 237, 259

Б

Бабаев А. 30
Бабек 283
Барлесан 273
Бармак 296
Бармуда 268
Бартольд В. В. 21, 111, 117, 118, 276, 296, 297, 299
Бейхаки 118, 291
Беленицкий А. М. 21, 25, 225, 258, 265, 270, 276–278, 283
Беляева Р. М. 307
Бернштам А. Н. 232, 280, 291

Бертельс Е. Э. 293

Билаухар 295
Бильге-каган 271
Бимбисара 147
Бичурин Н. Я. 274
Брахма 250, 277
Бубнова М. А. 30
Будасаф /Йудасаф 295
Будда, Будды 28, 50, 52–55, 57, 72, 73, 81–83, 85, 106, 114, 116, 123, 128, 131, 135, 138, 139, 142–149, 151–153, 156–158, 162, 165–168, 171–173, 175–179, 184, 190–193, 195–199, 201, 203–206, 208–220, 222–224, 229, 230, 232, 233, 235, 237–239, 243–252, 254, 265, 266, 271, 275, 276, 279–283, 285–292, 300–303

Будда-Анандабудда Гаутама 147, 217, 220
Будда Дипанкара, Дипанкара 147

Будда Майтрейя 233, 244
Будда Нарайана 232
Буддхагхоша 262
Буддхашира 250
Булатов М. С. 91, 119
Булатова В. А. 282
Булье Р. В. 290, 291
Бурзос 295
Буссалы М. 146, 227
Бхатикабхайа 147
Бэй-Ши 266, 275
Бэйли Г. 230, 272, 296

В

Вада С. 237
Вайшравана 277
Вальдшмидт Э. 257
ван Берхем 110
Вангиса 224
Варахран II 263
Варлаам 244, 295, 299

Вертоградова В. В. 75, 89, 250, 251, 262
Вешпаркар 277, 278
Вима Кадфиз 247
Винниченко Н. А. 30
Винокурова М. П. 31, 307
Воробьева-Десятовская М. И. 288, 289, 290
Воронина В. Л. 96, 108, 119

Г

Габайн А. 259
Габэн А. 244, 265, 266, 268, 275, 288
Гаевский П. И. 21
Гаутама Шакьямуни 217
Гейгер В. 147, 231
Гитамитра 242
Годар А. 111, 112
Гольдциер И. 293
Гопали 85
Грабар О. 117
Грек Т. В. 250
Гремяченская Ю. П. 30
Грюнведель А. 111, 148, 151, 215, 227, 257, 308
Гулавхара /Гондофара/ 250
Гунтасп 228
Гхошака 234, 235

Д

Давидович Е. А. 22, 23, 25, 30, 38
Дас Е. 82
Девата 160, 171, 187, 197, 203, 204, 208, 219, 223, 248, 282
Деви Нарайана 232
Денисов Е. П. 286
Джаваликар М. К. 89
Джахиз 291
Джемшид Гияс Эддин Ал-Каши 120
Джуджани 297, 298
Джулиано А. Л. 258
Димна 295, 299

Динавери 268
Диц Э. 105, 111
Дониш А. 30, 31, 140
Дудин М. С. 206
Дудин С. М. 144, 206, 308
Дуттхагамани 231
Дхармамитра 235
Дхармаракша 241, 242

Е

Евсевий Кесарийский 273
Егише 273

З

Заратуштра /Зороастр/ 228, 284
Захау Э. 273, 296, 298
Зеймаль Е. В. 30
Зеймаль Т. И. 5, 8–17, 22, 25, 28–31, 249, 304, 306, 307
Золи-Зард 25
Зрван 277
Зяблин Л. П. 278, 279

И

Ибн Ал-Мубарак 292
Ибрахим Ибн Адхам 292, 293
Иванов В. В. 86
Ингольт Г. 210
Индра 250, 277
Иосаф 295
Исфандийад 228
Ихтийар Ал-Дин Мухаммед Бахтийяр Халладж 298
И цзин 83, 149, 236, 269, 289, 297, 300

К

Калила 295, 298
Кан-Мэнсин 240, 241
Кан Джу 240, 241
Канишка 77, 87, 116, 147, 210, 233, 234, 236, 248
Канишка I 210
Канишка II 210
Каннингхэм А. 77, 87, 115
Кан Сэн-Хуэй 241
Кан Сэн-Юань 242
Картир 263, 264
Кашьяпа 82, 164, 219, 220, 258
Козьма Индикоплев 273
Конов С. 234
Константин 234

Конфуций 237
Костров П. И. 31, 140, 164, 307–309
Косяков П. Е. 21
Кошеленко Г. А. 230, 252, 253
Крачковский И. Ю. 298
Кремер А. 293
Кресуэл К. 110
Кришна 214
Кубер 267
Кумарасвами А. К. 80
Кызласов Л. Р. 279, 280

Л

Лайн Пул 110
Ламотта Э. 265
Лао-Цзы 237
Леви С. 231, 236
Лекок А. 258
Лившиц В. А. 29, 250, 267, 270, 275, 276, 278, 284, 295
Лиминин А. К. 30
Литвинский Б. А. 5, 6, 8–17, 22–26, 29–31, 143, 249, 253, 286, 304, 306, 307
Ло-Цзунь 256
Локакшема 240, 241
Лю Ин 238

М

Маев Н. А. 21
Мазьяр 283
Мар Аммо 243, 272
Мани 270, 271, 272, 284
Мансур 296
Мара 160, 220, 282
Маркварт И. 21, 270, 273, 296
Маркс К. 294
Маршак Б. И. 267, 278
Маршалл Д. 79, 83, 84, 266
Масиньон Л. 293
Масперо А. 237
Масперо Г. 238
Массон М. Е. 253
Махадева 231, 277, 278
Медведская И. Н. 30
Менандр 229
Меньшиков Л. 240
Ми-То-Шань 285
Мизуно С. 258, 261
Миорский В. 292, 296
Мкртычев Т. К. 12–17
Монохара 295
Муканна 283

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Муллокандов М. 287
Мухитдинов Х. 30
Н
Набиуллин А. 30
Нага 197
Нагарихо Т. 258
Нараяна 277
Наршахи 118
Неумывакин С. Б. 30
Низам Аль-Мульк 111, 118
Никольсон Р. 293
Нильсен В. А. 88
Новикова Л. П. 31, 140, 307, 309

О

Окладников А. П. 23
Ольденбург С. Ф. 208, 216, 308

П

Парвати 278
Пармуда 268
Паршва 233
Пугаченкова Г. А. 112, 250, 252

Р

Раверти 298
Рама 295
Ранов В. А. 23
Распопова В. И. 267
Рахула В. 147
Регель А. Э. 21
Розенфильд Д. 234
Ростовцева Н. 31
Роуленд Б. 211, 216, 226
Рубен В. 254
Рустам 272

С

Саманиды 105–107, 110, 118, 297
Самгхаварма 275
Сарвастиад 235, 236, 290
Седов А. А. 286
Синдбал 295
Сита 295
Снодграс А. 76
Соколовский В. М. 31, 307
Соловьев В. С. 26, 30, 286
Сопер А. 216
Ставиский Б. Я. 245, 247, 250, 253, 254, 262, 264, 267
Стейн А. 79, 83, 203, 256
Страдомская М. П. 307

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Судхана 295

Сумедха 147

Сэн Ю 266

Сюань-цзан 28, 29, 83, 115,
117, 146, 148, 217, 233, 267,
268, 269, 275, 285, 296

Сюань-цзун 271

Т

Табари 37, 270, 283, 284

Таддси М. 73, 78, 82, 83, 224

Тань-Го 241

Тан Юн-Тун 237, 239

Тарн В. В. 229

Тер-Оганьян Г. И. 31, 307

Тиш 270

Толстов С. П. 251

Топоров В. Н. 86, 294

Тун-Шеху 267

Тургунов Б. А. 248, 249

Тутук 257

Туччи Д. 81

У

У-Кун 268

Ушаков Г. Ф. 30

Ф

Фа-Ху 241

Фаро 246

Фа Сянь 148, 151

Февралев Н. 21

Федорович 309

Фрай Р. 118

Франке А. Г. 81

Франц Г. 82, 87, 122, 123

Фуше А. 236, 290

Х

Хайдар 283, 284, 297

Харитии 267

Харматта Я. 230, 232, 233, 235,
250, 265, 285

Харун Ар-Рашид 296

Хауссиг Г. В. 220

Хафиза Абу 298

Хеннинг В. Б. 243, 244, 270,
284, 286

Херцфельд 283

Херцфельд Э. 111–113, 119,
230, 283, 290

Хмельницкий С. Г. 105

Хой-Чао 118, 268, 269, 282,
285, 288, 294

Хортен М. 293

Хосров I 253, 273

Хосров Ануширван 253, 273

Христос 273

Хуань-Ди 239

Хумбах Г. 277

Хуэй-Чао 28

Ц

Цао Чжун-Да 278

Цзонхава 82

Цыпина Р. М. 31

Ч

Чаттападхья Яжан Хэн 254

Чжан Цянь 237

Чжи Лоуцзя-Чань 240, 241

Чжи Лян 240, 241

Чжи Чань 241

Чжи Яо 240

Чжу Да-Ли 241

Ш

Шаванн Э. 239, 268, 269, 275,
280, 285

Шакик 292

Шапур I 264

Шапур II 252, 264, 273

Шива 277, 278

Шишкин В. А. 277

Шри-Девы 224

Шуази О. 103

Шудйа 248

Щ

Щербатской Ф. И. 235

Э

Эммерик Р. Э. 291

Энгельс Ф. 294

Эноки К. 266, 274

Ю

Юсупов А. 30

Я

Якуб Ибн Ляйс 296

Янь Вэньжу 258

Янь Фо-дяо 241

Ясаков Н. 30

Яхья Ибн Халид 296

ОГЛАВЛЕНИЕ

Т. К. Мкртычев. Предисловие.....	5
Введение.....	20
Глава I	
АДЖИНА-ТЕПА: ХРОНОЛОГИЯ РАСКОПОК.....	33
Монастырская половина.....	38
Храмовая половина.....	49
Главная ступа и ее двор.....	62
Глава II	
АРХИТЕКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ. КОНСТРУКЦИИ. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ.....	71
Глава III	
ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА.....	124
Живопись.....	124
Скульптура.....	154
Иконография и ее историко-культурная интерпретация.....	207
Глава IV	
АДЖИНА-ТЕПА И ИСТОРИЯ БУДДИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ.....	228
Заключение.....	300
Приложение	
В. А. Фоминых. Реконструкция монументальной глиняной скульптуры Будды в нирване из Аджины-тепы.....	304
Список сокращений.....	314
Именной указатель.....	316

Научное издание

Литвинский Борис Анатольевич, Зеймаль Тамара Ивановна

БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ АДЖИНА-ТЕПА
(ТАДЖИКИСТАН)

Раскопки. Архитектура. Искусство
3-е изд., испр. и доп.

Под редакцией Т. К. Мкртычева

Редактор Л. А. Соловьева
Редактор библиографического аппарата
и иллюстративного материала В. П. Никоноров
Корректор П. И. Сидорова
Технические редакторы Е. М. Денисова, Д. В. Лаптухина
Художественное оформление С. В. Лебединского

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 30.10.2010.
Формат 70 × 100 1/16. Тираж 800 (300 — РГНФ) экз. Усл. печ. 20 л. Заказ № 151.

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7, лит. «А».
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia.list.ru
www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История».
197110, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21, тел. (812) 622-01-23.

6105
4611